



А. В. КВАКИН

**МЕЖДУ
БЕЛЫМИ
И КРАСНЫМИ**



Андрей Квакин
Между белыми и
красными. Русская
интеллигенция
1920–1930 годов в
поисках Третьего
Пути

От автора

В данную монографию вошли аналитические оценки работ самых разных людей – философов, писателей, общественных деятелей России. Наверное, большинство из них даже не согласились бы (за исключением профессора Н. В. Устрялова) с тем, чтобы их определяли термином «сменовеховцы», «нововеховцы», «национал-большевики». И все же есть основания, и достаточно веские, для того чтобы отнести их к категории лиц, которые в своих теоретических изысканиях и практической деятельности пытались в первой трети XX в. соединить коммунистические лозунги и патриотические цели.

К сожалению, история данного явления слабо изучена. Практически единственным исключением является книга Михаила (Мелика Самуйловича) Агурского «Идеология национал-большевизма» (Париж: УМСА-PRESS, 1980). Путаницу в понимании левонационалистических течений первой трети XX в. вносят современные политические процессы. Так, существует небольшая политическая партия во главе с Эдуардом Лимоновым, называющая себя «национал-большеви́стской», хотя она достаточно отдаленно идейно связана с национал-большевизмом того же Н. В. Устрялова. Кроме того, в официальных средствах массовой информации усиленно насаждается представление о «красно-коричневой» угрозе, подразумевающей лево-националистические течения, но и здесь связь с основополагающими идеями национал-большевизма весьма относительна.

Однако и в первой трети XX в., и сейчас существует немало политических деятелей и групп, выступающих с позиций, соединяющих коммунистические и националистические взгляды. Внутри большевистской партии и около нее существовали силы, готовые использовать Коммунистический интернационал для проведения своих националистических устремлений. Представляют интерес сведения о том, что в гитлеровской Национал-социалистической партии до 20 процентов составляли бывшие члены Коммунистической партии Германии. Для них переход от коммунистических идей к националистическим, так же как для российских националистов – от националистического мировоззрения к коммунистическому, оказался не столь сложным. М. Агурский убедительно показал влияние националистических концепций на формирование основополагающих подходов в политике и практике сталинского руководства. Все эти обстоятельства делают чрезвычайно актуальным изучение истории сменовеховства, нововеховства, национал-большевизма и примыкающих к нему пореволюционных течений в нашей стране.

Монография состоит из трех частей. В первой части показаны в выдержках и проанализированы работы общественных деятелей, философов и писателей России первой трети XX в., чьи взгляды определены в исследованиях как национал-большевизм (сменовеховство). Многие документы вводятся в научный оборот впервые на основе последних научных изысканий в российских и зарубежных архивах. Подавляющее большинство работ Устрялова, например, не известно

современному читателю^[1]. В комментариях к данной части документов использованы материалы коллекции Н. В. Устрялова из архива Гуверовского института войны, мира и революции Стэнфордского университета (США).

Во второй части книги собраны и проанализированы взаимоотношения сменовеховцев с большевиками. Здесь впервые полностью или частично приводятся архивные документы, в которых раскрывается не только субсидальная, но и руководящая роль большевиков в деятельности сменовеховцев.

Третью часть исследования составляют сопоставления взглядов сменовеховцев и представителей левонационалистических течений, которых только условно можно назвать «национал-большевиками».

В комментариях и подборке текстов документов автор пытается оценить национал-большевизм и как общественно-философскую концепцию, и как политическое движение. Издание этой книги должно обратить внимание прежде всего научно-исследовательской мысли на такое важное, но неисследованное явление общественно-политической жизни, как левонационалистические течения.

Не менее важно и ознакомление с этим материалом широкого круга читателей – как специалистов, философов, политологов, историков и других знатоков отечественной истории, так и учащихся старших классов, студентов вузов, преподавателей средней и высшей

¹ Исключение составляет сборник трудов основоположника и главного теоретика российского национал-большевизма Н. В. Устрялова, составленный на основе ранее изданных его публикаций, см.: *Устрялов Н. В.* Национал-большевизм. М., 2003.

школы, всех, кто интересуется историей общественно-политической мысли России XX в.

Профессор МГУ имени М. В. Ломоносова, доктор исторических наук *А. В. Квакин*

Меняя вехи

К числу интересных и самобытных общественных явлений 1920-х годов в России и русском зарубежье относится сложное идейно-политическое течение, называемое по-разному: сменовеховство, нововеховство, национал-большевизм. И сегодня заметен интерес к идеям, высказанным восемь десятилетий тому назад сторонниками движения «Смена вех»^[2]: А. В. Бобрищевым-Пушкиным, Г. Л. Кирдецовым, Ю. В. Ключниковым, И. Г. Лежневым, С. С. Лукьяновым, В. В. Львовым, Ю. Н. Потехиным, Н. В. Устряловым, С. С. Чахотиным и другими авторами, публиковавшимися в пражском сборнике и парижском журнале «Смена вех», берлинской газете «Накануне» и питерско-московском журнале «Россия» («Новая Россия»). При этом было принципиально важным то обстоятельство, что сами авторы сборника и журнала «Смена вех» были видными деятелями антибольшевистского лагеря: известный адвокат А. В. Бобрищев-Пушкин был товарищем председателя «Союза 17 октября», занимал важные посты в правительстве А. И. Деникина; профессор С. С. Лукьянов был одним из организаторов антибольшевистского восстания в Ярославле; известный деятель кадетской партии Ю. Н. Потехин работал у А. В. Колчака; профессор Н. А. Гредескул был членом ЦК партии конституционных демократов; профессор Ю. В. Ключников, видный кадет, был управляющим министерством иностранных дел в правительстве А. В. Колчака; профессор Н. В. Устрялов, известный

² Здесь и далее написание названий периодических изданий, партий, общественных организаций приведено в соответствие с современными нормами.

кадет, возглавлял бюро печати Омского правительства; профессор С. С. Чахотин, кадет, возглавлял созданное летом 1918 г. «Осведомительное отделение» при верховном руководителе Добровольческой армии генерале М. В. Алексееве. Все они к концу Гражданской войны в России пересмотрели свой активный антибольшевизм, полагая, что если русский народ сделал выбор в пользу большевиков, то надо идти с народом.

В первой половине 1920-х годов это течение, призывавшее к принятию советской действительности с национально-возрожденческих позиций, получило широкое распространение как внутри Советской России, так и в российском зарубежье. Тогда ему предсказывали большое будущее и рассматривали его как реальную альтернативу красно-белого противостояния, как наиболее возможный вариант Третьего Пути развития Российского государства. За последние годы была проведена значительная публикаторская и исследовательская работа в изучении этого движения^[3]. При этом длящийся еще с 1920-х годов спор о том, что собой представляло сменовеховство, далеко не завершен. Принципиально не решен даже вопрос о том, было ли сменовеховство инспирировано большевиками^[4],

³ *Квакин А. В.* Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа: 1921–1927. Саратов, 1991; *Федюкин С. А.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977; *Hardeman, Hilde.* Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.

или большевики лишь воспользовались этим движением для разложения антибольшевистских сил^[5].

В момент зарождения сменовеховства в стране сложилась новая обстановка. Завершились основные сражения периода Гражданской войны. Первый большевистский вариант «социалистических преобразований» – «военный коммунизм» – провалился. Большевики были заняты поисками выхода из кризисной ситуации в рамках начала реализации провозглашенной «новой экономической политики». При этом сохраняется определенный революционный энтузиазм масс, надежды широких социальных слоев на создание новой России.

Однако даже наличие финансовой подпитки не дало бы возможности организовать достаточно широкое общественно-политическое движение в Советской России и в российском зарубежье. Можно было бы выпустить на выделенные суммы сборник, наладить издание газеты или журнала, но в реальности речь шла о массовой поддержке идей «Смены вех», о наличии определенных корней и предшествующих идейно-политических течений, о стремлении белой эмиграции не допустить дальнейшего распространения сменовеховских идей. Именно об этом свидетельствуют многие документы. Так, лидер кадетов П. Н. Милюков в докладе на первом публичном заседании республиканско-демократического клуба в Праге 5 июня 1923 г., касаясь вопроса о необходимости выработки четкой линии в отношении «Смены вех», заявил: «...наше отношение к большевизму и к его проекции за границей – «сменовехизму», столь неудачно исполняющему свою миссию «разлагать

⁵ Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

эмиграцию», ясно. Оно отрицательное и боевое»^[6]. А на заседании демократической группы партии народной свободы 14 ноября 1921 г. было принято решение призвать к энергичному отпору сменовеховцам, ибо иначе «в иностранных кругах создается впечатление, что эмиграция примиряется с большевиками»^[7]. На объединенном совещании коллегии агитационно-пропагандистского отдела ВКП(б) 23 февраля 1922 г. представитель Пролеткульта Плетнев сообщил о наличии в Петрограде контрреволюционной правой группы против «Смены вех», ибо течение имеет значительное влияние^[8]. В отчете Киевского центра действий о реакции на приезд берлинских сменовеховцев в Киев с осуждением отмечалось, что «приезжие джентльмены из «Смены вех» поют дифирамбы в честь «великой» Октябрьской революции и коммунистической интеллигенции», что находит поддержку в массах интеллигенции^[9]. Лидер эсеров В. М. Чернов, говоря о сменовеховцах, с сарказмом отмечал: «Сколько раз пробовали эти люди «спасать Россию» от революции. И, наконец, им осталась одна, последняя надежда. Авось их, нас, народ, Россию, все и всех спасут большевики – своим вырождением», а это может быть понятно массам^[10]. В «непериодическом издании» редактора-издателя доктора Д. С. Пасманика «Дневник

⁶ ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 116. Л. 93.

⁷ Там же. Л. 98.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 141. Л. 18.

⁹ ГАРФ. Ф. 5784, Оп. 1. Д. 60. Л. 26.

¹⁰ Чернов В. «Отцы» и «дети» // Воля России. 1922. № 5. С. 9.

контрреволюционера» (Париж) находим следующие рассуждения: «Что такое сменовеховство в настоящем смысле этого слова? По нашему мнению, оно означает: **лучше большевизм, чем нежелательный мне строй**. Лучше Ленин, чем, скажем, Марков или даже Струве, а для некоторых – чем Карташев или даже Милюков. Бывший «селянский» министр Чернов полагает, что уже лучше Ленин, чем Милюков. Того же мнения придерживался покойный Мартов. По существу ведь, настоящее сменовеховство искренне верит в метаморфозу Советской власти, в ее превращение в нечто лучшее, что, однако, не будет не только марковщиной, но даже милюковщиной или керенщиной. Отрицание сменовеховства состоит в следующем: **лучше что бы то ни было, лишь бы не большевизм**, то есть лишь бы сдвинуть Россию с мертвой точки. Левые и правые, лишь бы освободить Россию от большевистской петли»^[11]. А вот орган объединенных анархических организаций в Берлине называл сменовеховцев «прислужниками большевизма», пришедшими к советской власти для того, чтобы «приспособиться к фактической силе, стараясь это приспособление оправдать идейными соображениями»^[12].

Не менее резкие оценки сменовеховства звучали и в большевистском лагере. Ю. Либединский вспоминал, что писатели-коммунисты называли сменовеховские идеи «новобуржуазными»^[13]. На диспуте о пути интеллигенции в современной России 16 августа 1922 г. в Киеве

¹¹ Дневник контрреволюционера. 1923. № 2. С. 30–31.

¹² Анархический вестник. 1923. № 1. С. 58.

¹³ Либединский Ю. Современники. М., 1958. С. 33.

редактор газеты «Пролетарская правда» Костров отстаивал положение, согласно которому «сменовеховцы – авангард российской махровой контрреволюции». Он утверждал следующее: «Пусть сменовеховцы говорят здравые истины о признании Советской власти и Октябрьской революции. Эти истины смешны в нормальной советской обстановке и могут иметь лишь некоторое значение в сумасшедшем доме эмиграции. Однако за шелухой революционных фраз, шовинистического воспеваания сменовеховцами военной мощи России и ее международной политики проглядывают иные, **более типичные** черты: – мало нэпа. Нужно перерождение Советской рабочей республики в буржуазную, демократическую, антипролетарскую. Это программа-максимум сменовеховцев – программа-максимум навыворот социалистических партий. Программа-минимум – стать на почву советской системы для борьбы с ее «уродливостями». Контрреволюция перестраивается по-новому. На почве нэпа идет упорная борьба пролетариата с буржуазией в экономической, политической и идеологических областях. Удержит ли пролетариат власть, или советская республика постепенно преобразуется в буржуазную? Единственно правильный сейчас путь контрреволюции на практике повседневной жизни способствовать такому преобразованию. Поэтому сменовеховство – единственно опасная часть контрреволюции»^[14].

Характерно, что идеи сборника «Смена вех», вышедшего в 1921 г. в Праге, сразу получили широкий резонанс в российском рассеянии. По воспоминаниям

¹⁴ ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 60. Л. 89.

контр-адмирала С. Н. Тимирева, «развитию подобных мыслей, определенно ведущих к «сменовеховству», в высшей степени способствуют тяготы эмигрантской жизни, естественная тоска по Родине и наглая и лживая, хотя подчас и сладко звучащая, большевистская пропаганда «советского рая», ведомая их агентами за границей»^[15]. Оценивая основные идеи сборника «Смена вех», М. П. Арцыбашев писал, что сменовеховцы, «формально оставаясь в антибольшевистском лагере, творят то же гнусное дело, перенося вопрос о примирении с большевиками с переоценки деятельности большевиков на переоценку отношения к ним»^[16]. «Сменовеховцы старались оправдать большевиков. В этом была их грубая ошибка»^[17], – считал он. И в целом в белом стане преобладало резко негативное отношение к сменовеховству. Ф. Степун писал, что это течение было формой «контрреволюционного сознания», которая зарождалась как «ложная и лживая» и «представляла собою уже довольно отчетливую концепцию лакейски-конъюнктурного сменовеховства, естественно скомпрометированного перед лицом первопризывной эмиграции, как бы самый нерв контрреволюционного протеста против всякой «эмигрантщины»^[18]. И во многом неслучайно то, что, например, на заседании парижской демократической группы партии народной свободы 14 ноября 1921 г. П. Н. Милюков и его ближайшее

¹⁵ Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.). Нью-Йорк, 1961. С. 151.

¹⁶ Арцыбашев М. П. Записки писателя. Варшава, 1925. Т. 1. С. 48.

¹⁷ Там же. С. 49.

¹⁸ Степун Ф. Задачи эмиграции // Новый Град. Вып. 2. Париж, 1932. С. 23.

окружение называли сменовеховцев «необольшевиками» и «коммунистической агентурой»^[19].

А вот что писал об одном из идеологов «Смены вех» – Ю. В. Ключникове – В. М. Чернов в эмигрантской «Воле России»: «Господин Ключников исходит из идеологии старых «Вех» и преисполнен к ней величайшего почтения. Когда вышли те «Вехи», я отметил, что в них – квинтэссенция глубокого идейного **октябризма**. И «сменовеховцы» те же самые настоящие **октябристы** – только не при самодержавии, а при комиссародержавии. «Октябристы»... Получается некоторая игра слов. Об «октябризме» я говорю здесь, конечно, не в смысле проникновения духом Октябрьской революции. Сущность старого «октябризма» заключалась в том, что он все «петушком, петушком», подобно складной душе – Петру Ивановичу Добчинскому – увивался за колесницей самодержавия. И его не допускали на облучок – разве на запятки... Ни о чем большем не могут мечтать и сменовеховцы»^[20]. О раболепстве перед правителями и холопском происхождении сменовехизма говорится и в другой статье эмигрантского еженедельника «Воля России»: «Я не хочу их обижать, но они нашли какую-то новую правду, но ведь и раньше они без особых «волнений» переходили из органов русской интеллигенции в «Русскую Волю»^[21], то есть в газету, основанную министром внутренних дел А. Д. Протопоповым. Во всех этих суждениях сквозит

¹⁹ ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 116. Л. 63.

²⁰ Чернов В. М. «Отцы» и «дети» // Воля России. 1922. № 5. С. 8–9.

²¹ Зритель. «Россия осталась в России» // Воля России. 1922. № 3. С. 9.

мысль о политической мимикрии идеологов нововеховства.

Характерно суждение М. П. Арцыбашева: «Открытое сменовеховство успеха не имеет. Слишком уж определена его подоплека, слишком пахнет от него советскими червонцами. Но давно известно, что в деле разложения противника большевики не имеют себе равных. На смену наивно-прямолинейным сменовеховцам, типа «Накануне», они немедленно выдвинули иных агентов, гораздо более тонких и неуловимых»^[22]. Подобное отношение к сменовеховству сказывалось даже тогда, когда помещение заметки в изданиях данного идейного течения было достаточно для того, чтобы получить репутацию большевистского агента в эмигрантской среде^[23]. Однако тот же М. П. Арцыбашев высказывал определенные сомнения насчет «агентурной принадлежности» сменовеховцев: «Конечно, остается под большим вопросом, являются ли они прямыми агентами советской власти или только сами являют печальный пример путаницы понятий и неустойчивости принципов, вообще столь характерных для российской интеллигенции»^[24].

Подобные сомнения в отношении сменовеховцев высказывал лидер энесов^[25] А. В. Пешехонов в письме другому лидеру этой партии В. А. Мякотину 27–28

²² Арцыбашев М. П. Записки писателя. Варшава, 1925. Т. 1. С. 48.

²³ Сергей Б-ой (Н. Алексеев). На службе у империализма (Англо-русский конфликт и белая эмиграция). М., 1923. С. 31.

²⁴ Арцыбашев М. П. Указ. соч. Т. 1. С. 49.

²⁵ Члены партии народной свободы.

декабря 1922 г. из Риги. Сменовеховство он оценивал как «очень серьезное явление» и писал, что «нельзя, как мне кажется, всецело трактовать его как результат подкупа со стороны советской власти. Таким путем можно только отбросить всех, не удовлетворяющихся голым отрицанием советской власти, в объятия большевиков»^[26]. Правда, в 1981 г. М. С. Агурский опубликовал письмо питерского сменовеховца И. Г. Лежнева к харбинскому сменовеховцу Н. В. Устрялову от 15 октября 1923 г., в котором лидер российского сменовеховства прямо говорил о «субсидной зависимости» от большевиков их сменовеховского издания с самого начала его существования^[27]. Однако речь шла о журнале «Россия», выходящем в Петрограде. Позже были опубликованы и другие документы о финансовой поддержке большевиками различных видов деятельности группы «Смена вех». Большевики содействовали распространению идей сменовеховцев. Так, 30 сентября 1922 г. в Агитпропе были поставлены следующие задачи по распространению сменовеховских идей среди белоэмигрантов: «...ведение сменовеховской агитации, особенно там, где невозможна или затруднена коммунистическая пропаганда, оказание материальной помощи, издание центрального сменовеховского студенческого органа, расширение студенческого бюллетеня при «Накануне», снабжать библиотеки в эмиграции сменовеховскими изданиями»^[28]. Конечно,

²⁶ ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 116. Л. 63.

²⁷ См.: Агурский М. У истоков национал-большевизма // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1987. Т. 4. С. 141–142.

²⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 211. Л. 5.

организация подобных мероприятий требовала серьезного финансирования, однако и это мы не можем принять в качестве определяющего момента для широкого распространения идей «Смены вех». В Советской России и российском зарубежье интеллигенция уже ждала идей, близких к сменовеховским, была готова к их восприятию.

Однако ознакомление с идеями сменовеховцев не оставляет серьезных оснований для категоричных оценок как белых, так и красных. Скорее всего, можно говорить о том, что сменовеховцы являлись выразителями идеи гражданского мира и Третьего Пути, уже существовавшей до выхода сборника «Смена вех» в широких слоях российской интеллигенции. Темы, выдвинутые сменовеховцами, активно обсуждались в советской и эмигрантской печати. Однако несовпадение идеологических установок и организационных рамок, расплывчатость внешних границ и противоречия между внутренними группировками этого сложного общественно-политического течения привели к тому, что движение, первоначально будоражившее умы в начале 1920-х годов, повсеместно рассыпалось к их концу, оказав существенное воздействие на целый ряд идеологических течений российского зарубежья. Лишь отдельным его представителям суждено было и позже сыграть заметную роль на авансцене советской и эмигрантской политической жизни.

Накануне смены вех

Идеи этого сложного общественно-политического движения 1920-х годов длительное время находились вне фокуса общественного внимания. Однако в конце 1980-х

годов наблюдается мощная волна публикаций о сменовеховстве и его идеологах. Во многом этот всплеск интереса к данным историческим сюжетам объяснялся тем, что попытки «исправления отдельных ошибок», допущенных при «строительстве социализма», оказались безрезультатными на путях «ускорения, перестройки и преодоления застоя». Очищение «ленинского представления о социализме» от «политической накипи» послеленинского периода советской истории поставило под вопрос и некоторые фундаментальные положения самого Ленина. Но в то время казалось кощунственным говорить об ошибочности ленинских положений в широких кругах общества, в том числе и в среде пользующихся громадным авторитетом так называемых «шестидесятников».

Именно в этих условиях – как никогда ранее с 1920-х годов – актуальными оказались мысли и дела сторонников «Смены вех». Предложенная идеологами данного сложного общественно-политического течения критика пороков ортодоксального большевизма в сочетании с вживанием в советский режим на некоторое время стали казаться панацеей от тоталитаризма «диктатуры пролетариата». Российской интеллигенции конца 1980-х годов на время оказались близки и понятны поиски общественной альтернативы сменовеховской интеллигенцией 1920-х годов. Их идейные поиски, их исторические уроки оказали воздействие на разработку идей Третьего Пути современной отечественной интеллигенцией.

Нынешний анализ сменовеховства дает основания предположить, что подобные встречные течения, пытающиеся сочетать «почвеннические» и «западнические» идейно-политические тенденции в

развитии России, имеют определенную периодичность. Возможно, именно поэтому адепты различных теорий Третьего Пути вынуждены постоянно отмежевываться от других сходных теорий. Конкретно же к сменовеховству в начале 1920-х годов по-разному шли и тянулись «и разные люди, и разные группы»^[29]. Уже современники отмечали, что «как симптом идейного брожения русской интеллигенции, сборник «Смена вех» и показателен, и интересен»^[30].

Во многом сменовеховские идеи вытекали из результатов Гражданской войны в России. И мы не можем отрицать постепенной эволюции взглядов в среде российской интеллигенции, которая и привела, в том числе, к такому сложному идейно-политическому явлению, как «Смена вех».

Поиски общественного аттрактора, соединяющего идеологию белых и красных, после окончания Гражданской войны отечественная интеллигенция интенсивно вела и в Советской России, и в зарубежье. Истоки поисков Третьего Пути, по всей вероятности, следует искать в системе взглядов влиятельного политического течения, которое включало в себя так называемых «прогрессистов», по определению Ленина «национал-либералов», и правых кадетов^[31]. По мнению одного из интереснейших исследователей сменовеховства М. С. Агурского, «если лидеры русского национал-либерализма ушли в сторону, напуганные

²⁹ Бубнов А. Возрождение буржуазной идеологии и задачи агитпропработы // Коммунистическая революция. 1922. № 8. С. 9.

³⁰ А. С. Изгоев о «Смене вех» // Воля России. 1922. № 9. С. 22.

³¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 244–246.

размахом исторических событий, то Устрялов, да и не он один, развил то, что органически вытекало из идеологической и политической позиции этого течения. Возникло оно незадолго до I мировой войны, заняв промежуточную позицию между октябристами и конституционными демократами. Во главе его находились представители русской буржуазии – П. Н. Рябушинский и Александр И. Коновалов»^[32].

А современный исследователь Д. Сегал называет «предсменовеховской» линию петроградской газеты «Вечерняя звезда» еще в 1918 г.^[33] Действительно, ведущие публицисты газеты проповедовали единство различных политических сил и критиковали антибольшевистский пафос всей послеоктябрьской интеллигентской публицистики^[34]. В «Вечерней звезде» постоянно сотрудничали В. Полонский, О. Мандельштам, С. Есенин, Е. Замятин, Б. Кушнер, М. Левидов, Э. Герман, Н. Орешин, А. Лурье, Л. Рейснер, И. Бабель, А. Чапыгин.

Сходную идеологию проповедовала с 28 февраля 1919 г. берлинская газета «Голос России», когда ее редактором стал Г. Шумахер. В обращении к читателям сообщалось об изменениях в «кредо» газеты: «Она будет выходить не как орган какой-либо политической партии... и будет воплощать лишь идею русского единения. <...> Мы стоим за воссоединение экономических и

³² Агурский М. Указ. соч. // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1987. Т. 4. С. 141–142.

³³ Сегал Д. «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1986. Т. 3. С. 184.

³⁴ См.: Полонский В. Интеллигенция и революция: Из дневника // Вечерняя звезда. 1918. 11 марта.

политических сил России на демократической основе»^[35]. Позже, 14 марта 1919 г., здесь была опубликована редакционная статья «Будущность России» – о Парижской мирной конференции, на которой, по мнению редакции, должна быть определена «сущность истинно демократической программы переустройства России»^[36]. По мнению газеты, лозунг единения перешел из области чаяний в область практической работы. При этом редакция подчеркивала необходимость отстаивать «честь русского народа»: «Россия должна остаться свободной, целой и независимой»^[37].

В отечественной историографии традиционно среди предсменовеховских организаций часто фигурирует группа «Мир и труд». Например, в коллективной монографии «Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940» говорится: «Группа «Мир и труд», оформившаяся в 1919 г., и ее журнал «Жизнь» выступала за преодоление ненависти между белыми и красными, за «культурное примиренчество». Ее руководитель В. Б. Станкевич одним из первых в русской эмиграции понял трагичность и губительность разрыва духовной ткани русского общества в результате революции и гражданской войны»^[38].

³⁵ К нашим читателям // Голос России. 1919. 28 февраля.

³⁶ Голос России. 1919. 14 марта.

³⁷ Голос России. 1920. 2 сентября.

³⁸ Кулагина Г.М, Бочарова З. С. Идеино-политические аспекты возвращенчества (20-е гг.) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. Кн. 1-я. М., 1994. С. 43.

Иначе в свое время деятельность данной группы оценивалась в оперативных сводках контрразведки барона П. Н. Врангеля: «В. СТАНКЕВИЧ стоит во главе организации «Мир и труд». Основана эта организация в тот момент, когда советское правительство делало попытки установить с Западом дипломатические и торговые сношения. Станкевич выдавал себя то народным социалистом, то социалистом-революционером.

Возложенная московским правительством на организацию «Мир и труд» задача следующая: чтение лекций с целью изменения общественного мнения в пользу большевиков и с целью заставить изменить систему борьбы с большевиками.

Московское правительство возлагает очень большие надежды на В. Станкевича, а он обязался заставить общественное мнение отказаться от интервенции. Имеются определенные данные о получении Станкевичем через Финляндию денег от большевиков.

В такой же материальной зависимости от московского правительства находится и издаваемая в Берлине газета «Голос России», редактируемая неким ГОЛЬДБЕРГОМ.

Совместно с последним Станкевич организовал у себя на квартире агитационные курсы, причем помощником его в этом деле является быв[ший] комиссар 2-й армии Владимир ГОЛУБЦОВ, служивший ранее у Бермонта-Авалова.

Посещает курсы 12–15 офицеров. Кроме Гольдберга, Голубцова, участвует в этой организации Хая ГЕЛЛЕР – большевистский инструктор-агитатор»^[39].

К сожалению, пока не представляется возможным дать объективную картину зарождения и деятельности группы «Мир и труд», даже подтвердить или опровергнуть финансовую поддержку большевиками усилий В. Б. Станкевича, составить полное представление о влиянии и характере деятельности данной группы. Доподлинно известно только то, что организация была создана в 1920 г., а последнее упоминание о ее деятельности относится к 1921 г. Однако на основании документов, хранящихся в двух архивных фондах, мы можем составить представление о программных установках и основных идеях этой эмигрантской организации.

В фонде Б. И. Николаевского в Гуверовском архиве войны, революции и мира (США) есть специальная папка (Box 211. Folder 211. 9.), где представлены 11 документов: устав организации «Мир и труд» (германская группа), основные положения организации «Мир и труд», От организации «Мир и труд» (проект воззвания), план сборника «Мир и труд» № 2, проект календаря (набросок составлен Станкевичем для военнопленных), история возникновения организации «Мир и труд», идейные основы организации «Мир и труд», План деятельности организации «Мир и труд», Проект и окончательный вариант воззвания «От организации «Мир и труд» о необходимости изменения методов борьбы, секретный проект и окончательный

³⁹ Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Vrangeli collection. Box 110. Folder 110–20.

текст обращения «От редакции». Подавляющее большинство документов представляет собой первые машинописные экземпляры с многочисленными рукописными пометками редакционного характера. Почти все документы в верхнем левом углу первой страницы имеют рукописную приписку: «Автор – В. Б. Станкевич».

Во многом документы американского документального собрания дополняют известные документы из фондов Русского заграничного исторического архива в Праге в собрании Государственного архива Российской Федерации (фонд Р-6142. 1 опись. 12 ед. хр. 1920–1921. Организация «Мир и труд»). Документы поступили в РЗИА в 1927-м и 1929 гг. от С. П. Мельгунова и в апреле 1933 г. от В. М. Кудрявцева. В ЦГАОР СССР фонд первоначально насчитывал 11 единиц хранения, позднее была присоединена 1 единица хранения из россыпи^[40]. В данном фонде представлены Устав организации «Мир и труд» (1920 г., машинопись), воззвание организации об изменении методов борьбы с Советской Россией (1921 г., типографский экземпляр), статьи о целях и задачах организации, о взаимоотношениях Советской России и Германии и по другим вопросам (1920 г., машинописный и типографский экземпляры), бюллетень организации «Мир и труд» с изложением целей организации (1920 г., машинопись), брошюра В. Станкевича «Fragen Sie zu lösen sind» без года издания, переписка с эмигрантами о присылке устава и бюллетеней организации, письмо 1920 г. из правления кооператива «Русская колония в Берлине» в организацию «Мир и труд» с приложением

⁴⁰ Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 69.

устава кооператива, счета и финансовые отчеты организации за 1920–1921 гг., список и адреса членов организации за 1920–1921 гг.

Комплексное рассмотрение документов из американской и российской коллекций позволяет оценить основные идеи и задачи организации безотносительно определения скрытых пока от исследователя тайных механизмов деятельности группы В. Б. Станкевича.

В документе № 6 причины и время зарождения организации определены следующим образом: «Настроения, легшие в основу организации «Мир и труд», стали впервые зарождаться в конце 1918 г., к окончанию мировой войны, завершившейся одновременно поражением двух главных соперников: России и Германии. Неприглядные стороны развертывавшейся в России гражданской войны неустанно питали подобные настроения, и уже в сентябре месяце 1919 г. группой русских офицеров, интернированных в Германии, были отчетливо сформулированы причины их отказа впредь участвовать в гражданской войне на чьей-либо стороне. Но лишь в начале 1920 г., к моменту подведения полных итогов великой войны, совпавшему с ликвидацией Колчака, Деникина, Юденича и Бермонта, эти настроения оформились окончательно, и в Берлине, в стороне от политических центров, где творилась русская заграничная политика, организовался небольшой кружок единомышленников, решивших под знаменем «Мир и труд» вести борьбу с духовной разрухой, причиненной международной и гражданской войной»^[41].

⁴¹ Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Box 211. Folder 211. 9.

На первых порах пришлось ограничиться выпуском в свет сперва рукописного, потом печатного воззвания за подписями В. Голубцова, И. Цельтнера и В. Станкевича. В печатном варианте воззвания перечислен комитет организации «Мир и труд»: председатель комитета В. Б. Станкевич, товарищ (заместитель) председателя В. В. Голубцов (редактор журнала «Жизнь»), члены комитета Г. Н. Брейтман (редактор газеты «Время»), А. Григорянц, Роман Гуль, присяжный поверенный Г. Л. Ландау, Г. Офросимов (Г. Росимов), Н. Падович, присяжный поверенный Н. Н. Переселенков, инженер И. Г. Цельтнер, М. Н. Шварц, С. Я. Шклявер (редактор газеты «Голос России»), профессор А. С. Яценко.

До опубликования воззвания к нему присоединились Александр Вольский (Варшава), Е. А. Ляцкий (Стокгольм), М. Смилга-Бенарио (Мюнхен), В. Горвиц-Самойлов (редактор газеты «Варшавское слово»), К. М. Вольницкий (Львов, редактор газеты «Прикарпатская Русь»). Обращает на себя внимание значительное число редакторов и деятелей различных эмигрантских изданий, что позволяет предположить наличие подобных взглядов у читателей данных печатных изданий.

Примером такого положения могут служить дошедшие до нас воспоминания В. Б. Станкевича о его выборе между фронтами в начале Гражданской войны: «Все фронты составляют лишь осколки прежнего целого, обломки единой политической правды. На каждом из них имеются лично знакомые люди, которым и верю не менее чем самому себе, и которые теперь искренне и честно думают, что благо народа и даже человечества зависит именно от победы их линии поведения. Куда же мне пойти? К Деникину, представителю военно-национальной идеи, с которым шла работа в течение всей войны, и

вместе с большинством моих друзей бороться с большевиками за то, что они исказили идеи революции? Или к литовцам, т. к. я по происхождению литовец, и вместе с друзьями отстаивать независимость Литвы? Или пойти к украинцам, на чьей гостеприимной территории я находился и которые тоже бились с большевиками? Или к донцам, по знакомству с Красновым, который примет прежнего комиссара гостеприимнее, чем непреклонный Деникин? Или к грузинам, которые отстаивают близкие мне идеи самоопределения народов и где работают бывшие соратники Церетели и Вайтинский? Или к Колчаку и Дитерихсу, торжественно подвигающимся к Волге? Или к их противникам в Сибири, которые не могут простить ему разгон Директории, изгнание из России моих друзей? Или к полякам – ведь мой родной язык польский? Или в Одессу, где были французы, военным гением которых я всегда восхищался? Или в Архангельск к англичанам, первенство культуры которых я всегда признавал и гегемонию в мире давно предчувствовал и ожидал? Или к немцам – ведь я в начале войны собирался защищать их, если война закончится разгромом не их милитаристского правительства, а самого народа? Или, наконец, к большевикам – ведь они остатки русской свободы и революции, у них был бы предоставлен наибольший простор, и даже в военной среде там я нашел бы людей, к которым отношусь с полным уважением...»^[42]

При анализе миротрудовского документального наследия выделяется три основополагающих компонента идеологии данной организации: **декларативный**

⁴² Станкевич В. Б. Воспоминания (1914–1919 гг.). Берлин, 1920. С. 351.

пацифизм, непоследовательная аполитичность и возвращенчество на родину.

Пацифизм как основа идеологии организации определяется, скорее всего, ее первоначальной социальной базой, а именно – русскими военнопленными, интернированными в Германии. Для них прекращение всех военных действий и скорейшее возвращение на родину были самыми сильными желаниями. Объективно в их пацифизме были заинтересованы как германские власти, так и большевики, не желавшие участия военнопленных в военных действиях на стороне антибольшевистских сил.

Аполитичность, провозглашаемая организацией «Мир и труд», была очень выгодна в тех условиях, когда прежние политические партии в антибольшевистском общественно-политическом лагере потерпели поражение в Гражданской войне в России, а большевизм был неприемлем для многих русских военнопленных, интернированных в Германии. Декларируя аполитичность, можно было легко огульно критиковать всех политиков, играя на примитивных струнах массового общественного сознания русских военнопленных. Объективно подобная критика должна была изолировать сторонников миротрудовских идей от влияния всевозможных эмигрантских политических партий и организаций, что опять было на руку советской власти. При этом критические высказывания в адрес большевиков звучали в далекой Германии, а потому не носили принципиального характера и не могли быть опасны для коммунистов. Кроме того, аполитичность организации «Мир и труд» была непоследовательной: критика политиков Запада и антисоветского лагеря была развернутой, а критические замечания в адрес

советского руководства касались лишь отдельных, наиболее известных, но не принципиальных пороков политики большевиков.

Возвращенчество также было выгодно германским властям, желавшим избавиться от осколков Русской армии на своей территории. При условии восприятия военнопленными миротрудовских идей аполитичности и пацифизма была серьезная надежда на то, что после возвращения на родину бывшие русские военнопленные, интернированные в Германии, откажутся от участия в дальнейших военных действиях. В тех условиях возвращенчество было выгодно и советской власти, которая хотела не допустить участия военнопленных в дальнейших военных действиях на стороне белых и добивалась привлечения их на свою сторону.

Под редакцией В. Голубцова и В. Станкевича в издательстве «Жизнь» (Г. А. Гольдберг) с апреля по октябрь 1920 г. выходил «Вестник мира и труда» – журнал «Жизнь»^[43]. В обращении редакции к читателям в № 1 говорилось: «В годовщину первых дней Великой Русской революции выходит наш журнал, и годовщине этой должны быть посвящены первые мысли и первые наши слова... Период опустошения и разрушения близок к концу <...> с каждым днем ярче предчувствуем мы приближение творческого периода русской революции, который несомненно наступит, какой бы политической вывеской ни прикрывалась власть... Посильному

⁴³ Подробнее см.: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 139–141.

собирацию сил для этой творческой созидательной работы посвящен наш журнал»^[44].

Самым слабым звеном в идеологии организации «Мир и труд» являлась программа построения будущего общества. Здесь, например, присутствуют бесплодные мечтания о построении будущей России на основе содружества наций бывшей Российской империи. Не случайно И. В. Гессен назвал группу «первой политически окрашенной ячейкой, которую если не по намерениям инициатора, то объективно можно считать прототипом, лучше сказать – предвестником большевизанства»^[45].

Но если у берлинской группы «Мир и труд», обычно считающейся предтечей сменовеховства^[46], можно было видеть лишь призывы и декларации, то сборник «Смена вех» и последовавшие за ним издания отражали уже хорошо продуманную и научно обоснованную «профессорскую» концепцию Третьего Пути.

Ключников и эволюция кадетов

В архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета содержится немало интересных документов, проливающих свет на историю сменовеховства. Среди них выделяются протоколы заседаний парижского комитета партии народной

⁴⁴ Жизнь (Берлин). 1920. № 1. С. 1.

⁴⁵ Гессен И. В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 34.

⁴⁶ А. С. Яценко и его журналы в литературной и общественной жизни русского Берлина // Русский Берлин: 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983. P. 14.

свободы – Konstitusionno-demokraticeskaja Partia, Box 1–3^[47]. Значительная, хотя далеко не полная часть этих протоколов совпадает с их копиями, хранящимися в пражской коллекции Государственного архива Российской Федерации и изданными за последние годы^[48]. На основе данных документов можно проследить эволюцию взглядов одного из интереснейших представителей сменовеховства – профессора-правоведа Ю. В. Ключникова. В 1919 г. он уехал из белой Сибири, где входил в состав правительства А. В. Колчака в качестве управляющего министерством иностранных дел, за границу. Входил в эмиграции в состав парижского комитета партии кадетов^[49].

Впервые его фамилия упоминается в Протоколе № 3 заседания парижского комитета партии народной свободы 17 мая 1920 г. На этом заседании обсуждались резолюция П. Н. Милюкова о переходе кадетов к «новой тактике» и контррезолюция Д. С. Пасманика о задачах кадетов после падения армий Колчака и Деникина. На общем фоне выделяется выступление Ю. В. Ключникова, который констатировал, что «оба проекта одинаково говорят и о желании воевать во что бы то ни стало, и о сохранении традиций. Между тем сейчас вопрос стоит совсем иначе. Не в том дело, что были допущены отдельные ошибки, что были и есть отдельные неподходящие лица, а в том, что после поражения

⁴⁷ Здесь и далее при ссылках на архив Гуверовского института сохраняется написание документов, принятое в архиве.

⁴⁸ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии: В 6 т. М., 1995–1998.

⁴⁹ Русское Зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 295.

Колчака и Деникина в европейском общественном мнении наступил перелом. Утвердилась точка зрения, что в России вооруженная борьба в большом масштабе прекратилась. И действительно, силы Врангеля по сравнению с силами Колчака и Деникина ничтожны, и если первым с их силами не удалось справиться со всеобщей деморализацией, то каковы новые данные Врангеля, которые позволят ему с нею справиться? Сейчас выдвигают Польшу, скрывшись за ее спиной, и бросят эту Польшу, когда им заблагорассудится. Врангель с его ничтожными силами может существовать в данный момент лишь благодаря попустительству большевиков и союзников, а также благодаря возможности соглашения с Польшей»^[50].

Далее Ключников предостерегал собравшихся от возможности совершения роковых ошибок: «Мы переживаем роковой момент, – толкая Врангеля, мы пускаем на Москву поляков, и должен будет наступить час, когда между ними произойдет столкновение. Тогда пред союзниками встанет вопрос, кого из них принести в жертву другому. И, конечно, они принесут в жертву Врангеля, ибо с Польшей потом им легче будет справиться, чем с Россией. Вот почему сейчас большевики, борясь с поляками, защищают интересы России. И когда перед нами ставится вопрос – с кем быть, с большевистской Россией или с Польшей, мы должны ответить, что мы с Россией, хотя бы и большевистской. Поддерживая же Врангеля, мы будем поддерживать поляков. Кроме того, военные действия увеличивают в России анархию. И если нами при

⁵⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 2. Folder 2. 17.

нынешнем положении вещей удастся свергнуть большевистский режим, который как-никак является единственной властью, успевшей пустить хоть некоторые корни в стране, будет еще хуже, ибо тогда в стране не будет никакой власти. Поэтому необходимо отказаться от вооруженной борьбы. Что же касается вопроса о соглашении с большевиками, то это вопрос будущего. Теперь же мы должны лишь заявить большевикам, что мы прекращаем борьбу с ними и возвращаемся в Россию для культурной работы. Возрождение России начнется лишь тогда, когда большевики поймут кадетов и кадеты большевиков. Тогда мы будем иметь на своей стороне трудящиеся массы всего мира. Итак, мы должны заявить лишь одно, а именно, что мы отказываемся от продолжения гражданской войны»^[51]. Практически в этом выступлении Ключников как государственник провозгласил основные идеи той идеологии, которая на следующий год по названию сборника станет именоваться «сменовеховством». Но на данном заседании идеи Ключникова не воспринимались как самостоятельные, а рассматривались в контексте «новой тактики», предложенной тогда же П. Н. Милюковым. Возможно, поэтому в протоколе отмечены возражения идеям Милюкова, а не мыслям Ключникова.

А на следующем заседании парижского комитета партии народной свободы 1 июня 1920 г. (протокол № 8) противопоставление Ключникова другим собравшимся уже достаточно заметно. Предлагается выступить с протестом против признания советской власти державами Запада. На это Ключников отвечает так:

⁵¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia.Box 3. Folder 2. 17.

«Чего мы достигнем своим протестом? А между тем провал Красина принесет вред России». И далее Ключников предлагает, чтобы высказаться за то, что «нужны земледельческие орудия в России и прочее»^[52].

В этом же духе выдержано выступление Ключникова на заседании парижского комитета партии народной свободы 7 июня 1920 г. (протокол № 9). Он задает вопрос: «Верно ли, что сейчас для России самое страшное зло – большевики? После свержения большевиков наступит анархия, которая будет еще хуже большевизма. Если же большевики сгинут, то не полякам их разбить, а тем временем разрушаются остатки материальной культуры России и гибнет бесцельно масса ценных жизней. Польской программой может быть только расчленение России, и в этом отношении Польша воплощает чужие задачи»^[53]. Как юрист-международник Ключников пытается первым среди коллег по Конституционно-демократической партии указать на переход к новому международно-правовому статусу Российского государства. «Мы, – говорит Ключников, – стоим перед колоссальным рубежом. Антанта ведет переговоры с большевиками и накануне признания их правительства. В этих переговорах Антанта играет польским оружием, как большевики Персией. А мы, ограничив задачу Крымом, действуем в чужую руку»^[54].

⁵² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

⁵³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

⁵⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

Этим духом проникнуты выступления Ключникова на ряде других заседаний кадетской партии. Так, обсуждается вопрос об отношении к советско-польской войне (протокол заседания парижского комитета партии народной свободы от 26 июля 1920 г.). Ю. В. Ключников спрашивает: «...если неизвестно было, с кем боролись поляки, то с кем мы боремся – с большевиками или с Россией? Разваливается весь мир, а мы разговариваем о резолюции, и каждый раз опаздываем, каждый раз только регистрируем уже совершившиеся факты.

Нужно констатировать, везде антибольшевистские силы потерпели крушение в одинаковой форме. В этом есть какая-то роковая неизбежность. Поэтому мы должны:

1. Перестать быть мелочными и оставить надежды на Врангеля.
2. Признать себя в смысле военном побежденными, и
3. Подождать с какими бы то ни было выступлениями»^[55].

Диссонансом прозвучало выступление Ключникова и при обсуждении вопроса о сплочении антисоветских сил на базе создания национального комитета (протокол заседания парижского комитета партии народной свободы от 23 ноября 1920 г.). Он считал, «что вопрос неясен и в смысле дипломатических отношений, и в отношении к Врангелю, продолжающему оставаться Главнокомандующим. Это отношение должно быть исчерпывающе определено. Либо мы хотим взять власть

⁵⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

преимущественно от Врангеля, либо будем ее брать, игнорируя Врангеля. Я не мыслю себе Национальный] Комитет без всей полноты власти. Таким образом, надо сговариваться и с с[оциалистами] – р[еволюционерами], и с Врангелем»^[56].

По мнению Ключникова, вопрос о создании национального комитета был чрезвычайно сложным, ибо он «касается того метода, который должен быть применен к делу организации Национального] Ком[итета]. Так как ставят этот вопрос кн. Львов и М. М. Винавер, создавать Нац[иональный] Ком[итет] невозможно, он обречен на полный неуспех. Казалось бы необходимым созвать какие-то съезды и создавать Национальный] Ком[итет], лишь действительно справившись (?) у общественного мнения. Не думаю, чтобы это мнение было едино. Я не верю в Нац[иональный] Ком[итет] и знаю, что из него ничего не выйдет. Раз нет фактически общественного объединения, то нельзя его создавать искусственно»^[57]. Для Ключникова представлялось нереальным создание национального комитета из разнородных антибольшевистских сил на старых подходах времен Гражданской войны. Он предлагал переосмыслить накопленный опыт и четко определить новое лицо российского либерализма в послевоенных условиях.

К концу 1920 г. профессор Ю. В. Ключников более решительно ставит вопрос о необходимости

⁵⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

⁵⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Box 3. Folder 3. 1.

существенного изменения позиций кадетской партии с учетом победы большевиков и поражения белых сил. Так, в протоколе заседания парижского комитета партии народной свободы 2 декабря 1920 г. зафиксировано следующее выступление Ю. В. Ключникова: «Совершенно необходимо поставить вопрос о переоценке наших позиций. Но мне чувствуется, что в этом вопросе появятся разногласия, чуть ли не у каждого члена партии. До сих пор мы шли по линии наименьшего сопротивления, не выявляя нашего лица. Такой путь завел нас в тупик. Необходимо теперь переработать общую программу и дать себе отчет, какое социальное место мы ныне занимаем. Переходя к вопросу о переговорах с с[оциалистами]-р[еволюционерами], считаю, что эти переговоры есть отвлечение нашего времени и нашей энергии на второстепенную задачу. Но все-таки в них есть весьма существенный момент – это вопрос об армии. Его нужно теперь решить. По отношению к дипломатическому корпусу я согласен с точкой зрения П. Н. [Милюкова]. Однако все это задачи дня, главная же задача – выявить новую сущность кадетизма, как подготовку для занятия нового социального места в будущей России»^[58].

На следующий день (протокол заседания парижского комитета партии народной свободы 3 декабря 1920 г.) Ю. В. Ключников продолжает отстаивать эту же мысль: «Беда конституционных] д[емократов] не в том, что они наделали ошибок, а в том, что нет никакого антибольшевизма. Вопрос нужно свести не к выработке методов, а к оценке антибольшевистских сил. Мы не

⁵⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 2.

учитываем большевизма, как мировую силу. У большевиков была историческая и политическая правда. Они учли массу, выброшенную на волну революции, и знают, как ее вести. Мы отстали от жизни и не хотим с нею считаться, иначе мы должны были бы признать, что с момента одновременного провала белых фронтов сознание русской народной массы изменилось. Теперь она Красную армию рассматривает как свою армию, как свою силу. Большевистская революция победила, и с нею теперь нельзя бороться двумя-тремя генералами. Можно было бы бороться только консолидацией мировых сил. Однако Лига Наций провалилась, а такая консолидация неосуществима. Потому следует наметить иной путь, и путь этот вытекает из следующего положения: большевизм падет, как только перестанет встречать внешнее сопротивление; он держится исключительно разрухой и рассыплется, как только наступит улучшение внутренней жизни страны. То, что я здесь прослушал, – это проекты большевизма наизнанку. Наши новые методы должны вытекать из переоценки не нашего опыта, а мировой обстановки»^[59].

На заседании парижского комитета партии народной свободы (протокол от 9 декабря 1920 г.) обсуждался вопрос о переговорах с эсерами об объединении для борьбы с большевиками. Здесь Ключников высказал следующую точку зрения: «Тактически нельзя отклонять эсеровского предложения. Раз мы ходили к членам ГосДумы и Госсовета, то должны идти и к членам Учредительного собрания. Но вряд ли можно полагать, Учредительное собрание действительно может создать

⁵⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 3.

Национальный Комитет. Надо посмотреть, насколько такой путь целесообразен»^[60]. При этом Ключников подчеркивает: «Приходится констатировать, что рушится последняя надежда создать Н[ациональный] К[омитет], и если с[оциалисты]-р[еволюционеры] стоят на прежней позиции Черновского Учредительного Собрания, то мы принять этой позиции не можем. Уфимский опыт доказал, что такая комбинация ничего не даст. Тогда какую цель м о г у т и м е т ь р а з г о в о р ы с с[оциалистами]-р[еволюционерами]? Они теряют целесообразность. С[оциалисты] – р[еволюционеры] потому за нас держатся, что сами не имеют силы. Если соединиться с ними, не получится никакого толка, а один вред. Мы потратим зря и время, и силы. Единственный выход – оставить эти попытки и поискать выхода, отдавшись внутренней работе»^[61]. Характерно, что Ключников пытается объективно оценить политическое влияние и кадетов, и эсеров на политическую жизнь в России и приходит к выводу: и те и другие «не имеют силы». В этих условиях достаточно разумным представляется его предложение отказаться от объединения двух не имеющих силы политических осколков в национальный комитет, ибо «потратим зря и время, и силы», а заняться переосмыслением места и роли российского либерализма в новых политических условиях.

16 декабря 1920 г. на заседании было заслушаны сведения об эвакуации Белой армии в Константинополь.

⁶⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁶¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

В протоколе отмечается, что «в эвакуируемой армии происходит уже не разложение, а отчуждение от Главнокомандующего. На фоне этого усиливающегося и склонного развиваться разложения небольшие группы здорового офицерства самоорганизуются с целью самосохранения кадров для будущей борьбы. Однако в армейской массе ощущается растущее уныние, возникающее из впечатления, что с крушением крымского фронта, последнего эпизода борьбы с большевиками, больше нет нигде этой борьбы и фактически не наблюдается признаков ее возобновления усилиями русских антибольшевистских сил, находящихся за границей. Это уныние используется большевистскими агентами, уже распускающими в отдельных частях армии слухи о якобы существующих в русских заграничных кругах примиренческих настроениях. Такие слухи способствовали разложению таких групп армии, которые уже охвачены унынием и чувством безнадежности и могут иметь более широкое распространение и действие в силу целого ряда чисто объективных обстоятельств.

Необходимо поэтому лишний раз в прямом обращении от имени политических и общественных групп решительно подчеркнуть, что не может быть примиренчества с большевизмом и что борьба будет продолжаться до конца. Нужно, чтобы такое обращение было сделано и от имени комитета»^[62]. В этом духе был предложен проект «Записки». На данный проект Ю. В. Ключников реагирует следующим образом: «В «Записке» злоба дня слишком затемняет наши планы на будущее. На ней основывается поворот нашей тактики,

⁶² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 6.

но мы не спрашиваем себя, что выйдет из такого поворота в дальнейшем. Нам нужно тверже выяснить, что принесет нам намеченная нами тактика в будущем»^[63]. Данная короткая реплика Ключникова достаточно ясно показывает, что он не намерен осуждать примиренческие настроения в среде эмигрантов, ибо через данные настроения пытается осмыслить новую тактику российских либералов.

Снова вопрос о выработке новой тактики кадетами Ключников достаточно жестко ставит на заседании парижского комитета партии народной свободы 4 января 1921 г. Выступавший на этом заседании И. П. Демидов заявил: «Мы говорим о Нац[иональном] Ком[итете] и смотрели на Совещание членов Уч[редительного] Собр[ания] – как на платформу для встречи и разговоров. Я продолжаю оставаться на этой же позиции, и, каково бы ни было название создающегося органа, за ним не могут быть сохранены рамки Уч[редительного] Собр[ания]. Антураж же Совещания подводится к воскрешению Уч[редительного] Собр[ания], как такового в наличных его представителях. Если вопрос об организации встает в такой постановке – здесь конечный пункт и Комитет не может дальше идти. Во всяком случае, не спросив Группу»^[64].

Ю. В. Ключников согласен с И. П. Демидовым, и считает, что «мы стоим накануне новой неудачи. Крах Нац[ионального] К[омите]та неизбежен. Но мы не только

⁶³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 7.

⁶⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 8.

потому не должны <...> в намечаемую комбинацию, а потому, что мы должны стремиться, чтобы самая идея Уч[редительного] Собр[ания] не была окончательно скомпрометирована комической сущностью подготовляемого факта. Встает новая опасность для кадетизма. Надо всячески сохранить свое лицо и поскорее развязаться с этой историей»^[65]. По сути дела, Ключников призывает коллег по партии отказаться от прежних, скомпрометированных идей и перейти к поиску новых продуктивных решений на основе исторических реалий.

Ю. В. Ключников проводит эту мысль и на заседании парижского комитета партии народной свободы 6 января 1921 г.: «Соглашение с с[оциалистами]-р[евolutionонерами] есть не «лево», а топтание на месте. «Лево» и «право» есть понятия относительные, и ныне весьма перемещены, а потому из этой плоскости надо перенести в деловую плоскость. В лице с[оциалистов]-р[евolutionонеров] мы никого не приобретаем, и есть ли достаточно оснований безоговорочно протягивать им руку. Вопрос о представительном органе изменился чрезвычайно, – мы отказываемся уже и от Н[ационального] К[омитета], и от коалиции. Эсерам это дает очень много, а мы теряем свое лицо»^[66]. Ключников был уверен, что объединение эсеров и кадетов на старых позициях не даст продуктивных результатов, а только ослабит кадетизм. Потеря русскими либералами своего собственного лица,

⁶⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 9.

⁶⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 10.

по мнению Ключникова, представляет угрозу. А потому необходимо отказаться от данной пустой затеи объединения с эсерами на старых позициях времен Гражданской войны и перейти к конструктивной идее работы в самой России с обновленной либеральной программой с учетом объективных изменений.

Позже, на заседании парижского комитета партии народной свободы 20 января 1921 г., Ю. В. Ключников снова подчеркивает, что «партия делает ошибку за ошибкой. Нам надо смотреть не на с[оциалистов] – р[еволюционеров], а на Россию. Готовящееся нами единство мертво и не может иметь будущего. Нам нужно в нашем собственном лице устремиться в Россию и там работать»^[67]. Таким образом, Ключников совершенно четко зафиксировал альтернативу развития кадетской партии: или с эсерами и другими эмигрантскими организациями на старых гибельных позициях, или в России при совместной работе с советской властью для трансформации ее на основе новых либеральных представлений.

Следующее заседание 9 февраля 1921 г. проходило без участия Ю. В. Ключникова, но именно в это время в Праге вышел сборник статей «Смена вех», а поэтому сменовеховцы незримо присутствовали на заседании. Примечательно, что даже в тех выступлениях, где прямо не упоминались авторы сборника «Смена вех», шел скрытый или открытый диалог с его идеями. Так, А. В. Карташев подчеркнул, что «переход от вооруженной борьбы к идейной борьбе с большевиками... логически... приведет к тому соглашательству с ними (не

⁶⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 11.

идейному, понятно), глашатаями и инициаторами которого являются Ключников, Устрялов и другие»^[68]. В заключительном слове на этом заседании П. Н. Милюков возражал А. В. Карташеву, указывая на то, что карташевская конструкция, представляющая «всю русскую интеллигенцию безгосударственной и только на короткий, якобы, срок вставшей на почву государственности, неправильна в своей основе, ибо не обняла все эпохи русской государственной мысли – либерального направления. Между тем либеральная интеллигенция уже давно начала проникаться элементами государственности, в течение ряда поколений вела борьбу с безгосударственным самодержавием (с его вотчинным – антигосударственным пониманием) и являлась не только носителем подлинных государственных идей, но и уже давно воплощала их в жизнь (реформы Александра II). Сама революция есть такое торжество русской государственности, и лишь дальнейший ненормальный ее ход выдвинул негосударственные элементы. От белых же генералов отталкиваемся мы вовсе не потому, что, как думает А. В. Карташев, душа наша возмутилась и не принимает их, ибо мы готовы были поддерживать и реакционных генералов и допускали временную реакцию, а потому, что ряд уже проделанных с ними опытов ясно показал, что этим способом по существу нельзя восстановить государства. Все эти опыты, происходившие в наиболее благоприятной обстановке, оказались неудачными, и возобновлять теперь опыт из Константинополя есть детская забава, ибо это заведомо

⁶⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 12.

проигранное дело – безнадежное и бесполезное. Неслучайны же, в самом деле, были все эти уроки краха, и уже достаточно ясно выявилась неприемлемость этих попыток для народа. Три года провалов показали, что и революция произошла неслучайно, что выдвинулся вперед русский народ, который молчал и не помогал ни тем, ни другим, ибо за годы революции он страшно вырос и теперь уже не тот, каким был раньше. Большевики живут уже 3 года, когда мы думали, что они просуществуют лишь недели и месяцы»^[69]. По сути дела, Милюков защищал не столько позицию сменовеховцев, сколько пытался обосновать необходимость поддержки сдвига кадетской партии в сторону его «новой тактики». Но одновременно он невольно был вынужден сопоставлять свой политический «сдвиг» с политическими пересмотрами позиций у сменовеховцев: «У Устрялова мысли не случайные, но наш сдвиг не так далек, как его, и наши союзники – эсеры объявили упорную борьбу с большевиками. Прогноз с[оциалистов] – р[еволюционеров] оказался вернее нашего, и они правильнее учитывали настроение масс. Жизнь сожгла многое, что уже не возобновится, и кто знает, что, наоборот, было бы, если бы в самом начале генералы усмирили большевиков – не ушли бы мы тогда далеко назад? Может быть, и наша революция, как и французская, должна сама себя изжить. Не приняв наших попыток освобождения, русский народ показал, что не мы, а он сам сделал революцию. Этим и объясняется наш поворот: мы с почтением отступаем перед этим потоком – перед этим историческим процессом. Да, говорим мы,

⁶⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 12.

мы ошиблись, когда думали освободить его белыми фронтами»^[70]. Анализ данного небольшого выступления дает возможность увидеть много общего в позиции П. Н. Милюкова и авторов сборника «Смена вех», особенно Н. В. Устрялова: отказ от гражданской войны как способа решения общественно-политических проблем, надежда на то, что русская большевистская революция изживет себя, признание необходимости изменения в тактике партии с учетом настроений русского народа, но при этом сохранялась оговорка о том, что сдвиг кадетов не должен быть таким глубоким, как у «сменовеховцев».

17 февраля 1921 г. на заседании парижского комитета партии народной свободы был заслушан доклад Ю. В. Ключникова «Новые задачи кадетизма». К протоколу приложены тезисы доклада, написанные рукой автора. В тексте выделены следующие положения:

«1. Мы слишком заняты очередными делами и не делаем общей оценки общей политической ситуации.

2. Только такая оценка укажет, каково теперь должно быть социальное место кадетизма. А не зная своего нового социального места, к[онституционные] д[емократы] не могут принимать правильных тактических решений.

3. «Новое социальное место» кадетизма отнюдь не есть отказ от кадетизма. Напротив, вопрос таков: чего требует от к[онституционных] д[емократов] политическая сущность кадетизма в современной обстановке.

⁷⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

4. Кадетизм как либерализм.

5. Либерализм как один из общих типов политического творчества (служение политическому прогрессу – без разрыва с прошлым; эволюционные методы: правовой идеал).

6. Либерализм во время революций (все зависит от идеалов и от достижений революций).

7. Значит, все дело в вопросе: к чему пришла русская революция и каковы окончательные изменения, внесенные ею в русскую жизнь.

Одно, – если мы считаем, что русская революция ничего особенного не сделала – тогда можно не искать новых путей. Другое, – если мы признаем, что коренные изменения в русской жизни произошли. Третье, – если изменения произошли и в мировой жизни.

8. Русская революция не только 27-го февраля 1917, но и окт[ября] 1918 г. и особенно ноябрь 1920 г. Итак, требуется серьезная оценка большевизма.

9. Корни и сила большевизма: а.) в русском прошлом, б.) в истории русской революционной мысли, в.) в ошибках революций до октября 1918 г., г.) в свойствах антибольшевизма, д.) в мировой войне и е.) в современной мировой обстановке.

10. Политическая и социальная программы большевизма; условия их торжества и провала. Торжество – при условии мировой революции; провал, – если удастся немедленное «восстановление» России в антибольшевистском стиле; эволюция большевизма при постепенном улучшении мирового положения – в контакте с большевизмом в стиле Ллойда Джорджа.

11. Борясь с большевизмом без малейших данных, мы лишь усиливали бы большевизм.

12. Необходим отказ от вооруженной борьбы.

13. Сила кадетизма – сила русской интеллигенции. Она достаточно велика при условии умения сказать самостоятельное слово: признание факта большевистской России и не препятствование большевикам при известных условиях»^[71].

Принципиальное значение данного доклада на заседании парижского комитета партии народной свободы 17 февраля 1921 г. и его обсуждение требуют их полного воспроизведения по протоколу^[72]: «Докладчик начинает с заявления, что он хотел бы сделать свой доклад в Группе и потому ограничивается сейчас лишь изложением своих основных положений. Опыт революции, говорит он, показал нам, что к[онституционно]-д[емократическая] партия в течение последних лет стояла на неверном пути, и если она пойдет по нему далее, то и впредь неизбежны те ошибки и неудачи, какие имели место в прошлом, чтобы избежать их, необходимо вернуть партию к ее прежней исходной психологии. Эти ошибки следующие: в начале революции мы не поняли, не оценили того обстоятельства, что воевать больше Россия не в состоянии, не сделали из этого своевременно соответствующих выводов и дали этот козырь в руки большевиков; далее, мы упорно стояли за интервенцию,

⁷¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 11.

⁷² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

которая не могла осуществиться, за военную диктатуру, не оправдавшую возлагавшихся на нее надежд, и, наконец, сейчас хватаемся за коалицию с социалистами, которая даже в лучшем случае не приведет также ни к каким положительным результатам. Мы ведь всегда думали, делая новый опыт, что впредь ошибаться не будем, и каждый раз, однако, приходили к неудаче. Причины этих неудач в прошлом кроются в том, что, во-первых, мы исходили в своих тактических построениях из злобы дня, т. е. из предпосылок, слишком малых по сравнению с мировыми событиями, а во-вторых, обычно шли по линии наименьшего сопротивления, сильных шагов избегали и всегда проявляли максимум осторожности, подсказываемой данным моментом, в результате оказываясь самой неосторожной партией. Большевики действовали совершенно иначе, все время базируясь на новых международных условиях – на новой мировой конъюнктуре – и учитывая, как преходящие детали, явления сегодняшнего дня, и потому оказались победителями в борьбе. В будущем нас, благодаря нашей неверной тактике, ждет новая неудача: намечается раскол партии, уход вправо и влево, далеко от центра, обоих ее флангов, что приведет к распылению интеллигентских сил. Между тем сейчас в мире все так перепутано и перетасовано, что даже сравнительно малые, но организованные силы торжествуют, как это мы видим на примере большевиков, и силы кадетизма, если бы он шел правильно, было бы достаточно для оказания большого исторического действия. Мы же теперь тратим массу энергии и нервов на преходящие явления, изнашиваемся и теряем силы, необходимые для будущего творчества. Мы до сего времени сосредоточивали всю свою волю, все внимание на борьбе с большевизмом и

брали последний в каком-то упрощенном виде, говоря, что это кучка бандитов, разбойников, негодяев и ничего больше. В действительности же большевизм оказался гораздо сильнее и по существу, и по форме, чем мы его себе представляли, и живет вот уже три года.

Далее, в своей тактике мы постепенно усваивали все отрицательные стороны большевизма. Большевики начали как, в самом деле, кучка бандитов, сами не веря в свой успех, и пришли к очень большим результатам; мы же начали с широких горизонтов и постепенно сходили к узким элементам – к оправданию насилия, миру с неправдой и т. д. Вначале мы легкомысленно думали, что большевики просуществуют всего 2 недели, ошиблись в этом, начали с ними воевать и, не имея данных для победы, продолжали войну, даже тогда, когда сами не верили в успех, содействуя этим только разрушению России. Большевики разрушали ее, но достигли со своей точки зрения огромных результатов – в смысле подготовки мировой революции, и последняя не произойдет лишь в том случае, если мир пойдет им на уступки. Большевики начали свой страшный социальный эксперимент (имеющий, однако, корни в будущем), правильно учтя, что, когда нарушено (войной) равновесие, создается благоприятная предпосылка для такого эксперимента, и поэтому их программа стала исторической реальностью. В то время как мы не оценивали мировых условий жизни, они правильно уловили смысл мировой конъюнктуры. Их программа есть одна из трех основных мировых программ: консервативной, либерально-демократической и революционной. Первая из них, наиболее яркой выразительницей которой была довоенная Германия, сильная, желавшая подчинить себе другие государства,

стремилась к разрешению международных противоречий и приведению мира в порядок путем империализма, основанного на господстве над другими народами. Эта программа потерпела поражение в войне, которую выиграла другая сила, вторая – основная программа – программа либерально-демократическая, выразителем которой являлся Вильсон и которая, отрицая насилие в международных отношениях, стремилась урегулировать их путем свободного соглашения, но оказалась не в состоянии разрешить этой мировой проблемы. И тогда на мировую арену выступила третья программа – революционно-коммунистическая, носителем которой является преемник марксизма и бакунизма – большевизм, выдвинувший принцип единства и основывающийся на международной силе – силе мировой социал-демократии рабочего класса. Эта объединенная даже небольшая сила оказалась способной овладеть положением, ибо условия проявления и торжества любой из трех перечисленных программ вытекают из известной обстановки, своеобразной для каждой из них. Для торжества консервативной программы нужно, чтобы все было благополучно, война же нарушила это благополучие. Для успеха второй – либеральной программы необходим тот избыток материальных благ и душевного богатства, какой был в Америке, дающий возможность шиковать, но война вызвала такие потрясения в этой области, что все государства и народы оказались в положении близком к краху, и в результате ее неудача. Наконец, для торжества третьей – революционной программы требуется удовлетворенное состояние, вызывающее всеобщее брожение и недовольство, что как раз случилось в итоге войны, почему большевизм и оказался самым реальным в данной исторической обстановке.

Далее Ключников пытался доказать, что резкая конфронтация партийно-политических лагерей в конечном итоге только способствовала усилению советской власти и ослаблению ее противников: «Чем дольше разрушения и драки с ним, тем лучше для него» и борьба антибольшевиков лишь усиливала его: слабый и разваливающийся в первый период своего существования, большевизм окреп как раз тогда, когда, окруженный со всех сторон силами Колчака, Деникина, Юденича и Миллера, казался многим окончательно гибнущим. В этот критический для него момент создавался своеобразный большевистский национализм, давший ему силу для сопротивления и победы, ибо народная психология была скорее за него, чем за белых генералов. В силу всего сказанного, нам надо перестать исходить из малых предпосылок, делая ставку то на Врангеля, который сегодня падает, то на комбинацию с эсерами, которая завтра неизбежно лопнет, ибо в мировой обстановке нет условий, благоприятных для успеха коалиции двух таких течений.

При этом Ключников высказал предположение: «После свержения большевиков от такой коалиции ничего не останется, и на другой же день начнется новая страшная драка между 3-мя течениями: эсерами, кадетами и более правыми, худшая, чем сам большевизм, и при таких условиях восстановить и спасти Россию будет нельзя. На почве этой анархии и драки большевизм, павший как режим, будет психологически и принципиально усиливаться и, может быть, впервые **действительно идейно** восторжествует и в России, и в других странах. Такую опасность нам необходимо заранее учесть и постараться найти свое определенное место в данной исторической обстановке». Для того

чтобы избежать прежних ошибок, Ключников предлагает руководству кадетской партии «в своей тактике исходить из духа кадетизма, а не из своих прежних догматов, ибо легко может оказаться, что вся старая наша программа (и политическая, и социальная) уже устарела, если к ней подходить с точки зрения буквы. При царизме, например, наше заявление о республике было бы стремлением к прогрессу, а теперь оно уже регресс. Поэтому мы должны исходить сейчас не из отстаивания старой буквы – старой догмы, а из осознания себя, как силы прогресса, ибо сущность кадетизма есть служение прогрессу в условиях данного момента. Мое отношение к большевизму и исходит из духа, а не буквы кадетизма».

Ключевым положением доклада стал призыв к возвращению в Россию, совместной работе с большевиками для их идейного перерождения: «Я ясно вижу, что наиболее реальное будущее как раз у большевизма и хотя он в России, вероятно, распадется, но в мире будет духовно торжествовать. Необходимо поэтому добиваться <...> исторически мирного сосуществования либерализма с революционным большевизмом и, вместо борьбы с ним, которая только его усиливала, взять из него все хорошее в порядке эволюционного творчества. Отказ от борьбы с ним одного П. Н. Милюкова несравненно важнее и полезнее для России, чем вся работа Комиссии Уч[редительного] Собр[ания]. Нам надо омолодиться душой и, как ни противен, ни гнусен подчас большевизм, надо идти туда – в Россию, как идут на чуму и холеру, а не бежать от него. Все равно к этому, т. е. к возвращению в Россию и к борьбе с ним в политических формах, вместо попыток вооруженной борьбы и взрыва его, мы рано или поздно придем. И лучше сделать это раньше – теперь же,

поддержав, например, Красина, вместо того чтобы мешать ему, ибо сейчас мы будем иметь несомненный успех. Россия не умрет, но где будем мы, если этого не сделаем. В подтверждение своих мнений докладчик цитирует затем полученные им в разное время письма от нескольких молодых (в возрасте от 30 до 35 лет) кадетов – Устрялова, Потехина и своего брата, а также ссылается на публичные выступления Коровина и Лукьянова. Все эти лица, говорит он, разбросанные по разным местам, пишут и высказывают те же мысли, что и я; и вместо новых попыток бесплодного минимального творчества, вроде Комиссии Уч[редительного] Собр[ания], необходимо идти к ним, ругающим большевиков, но желающих работать политически внутри России. Надо исходить в своей тактике из факта существования большевизма – из признания его»^[73].

После такого доклада началась бурная дискуссия. Ее открыл Л. Е. Эльяшев, который, искажая реальные факты, находил «ссылку докладчика на Потехина, например, совсем неудовлетворительной, ибо он – бывший чиновник особых поручений при московском генерал-губернаторе – вступил в партию лишь в 1917 г. и почти не считался за кадета, да и сам позднее в Киеве отрекся от кадетизма и считал, что ему по пути с Кривошеиным»^[74]. К переносу обсуждения сути доклада Ключникова в плоскость характеристики отдельных представителей сменовеховства присоединился П. Я. Рысс, который также считал «ссылку на авторов

⁷³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁷⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

писем неубедительной и не вытекающей из их содержания, из самого же доклада усматривает, что докладчик в нем ушел от здешней партийной позиции не влево, а вправо. Эта правизна есть следствие того, что им не было обращено должного внимания на социологию. Приглашая партию встать на новый путь, порвать со всем старым и говоря об изнашиваемости понапрасну ее морального творчества, докладчик упускает из виду, что у к-д. никогда не было социального базиса, ибо это партия внеклассовая, тогда как социальный базис может быть только классовый – правый или левый. С классовой же точки зрения партия всегда боролась, ибо стоит на почве примирения классовых интересов. При царизме мы боролись против правого базиса и теперь, когда большевики взяли другой социальный базис, мы не можем с этим не бороться. В России большевистская революция основана, в сущности, на теории избранного народа, ведущей свое начало еще от иудаизма и позднее, через протестантизм, превращающейся в теорию избранного класса. Это чисто религиозная теория, и Ленин с его диктатурой пролетариата – религиозный фанатик, глубоко верящий в свою идею. Либерализм же отрицает этот религиозный принцип и стоит за свободу общества, построенного на широком социологическом базисе. Докладчик, очевидно, это не продумал, предлагая свое примирение с большевизмом»^[75]. Таким образом, критика большевизма, в трактовке П. Я. Рысса, заменила реальное обсуждение основополагающих идей доклада Ключникова.

⁷⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

По сути дела, обсуждения доклада не получилось. Поэтому все присутствующие с особым вниманием отнеслись к выступлению кадетского лидера – П. Н. Милюкова. Однако его выступление было во многом сумбурным, ибо приходилось не только оправдывать прежнюю тактику, но и защищать свою «новую тактику». Он начал с заявления, «что доклад Ю. В. Ключникова трудно понять и трудно на него возражать, ибо в нем содержатся утверждения, отчасти верные, отчасти нет, в целом же он представляет собой только общие места, довольно к тому же банальные, ибо нового как будто в нем ничего нет. Тема о хождении в Россию понятна, но она не вытекает из содержания доклада. Интересные письма надо понять, ибо это куски жизни из разных времен и обстановок, и в них авторы говорят о своих переживаниях. Но на переживаниях также, на наших прежних ошибках, на которых мы учились, основана и наша новая тактика. Новаторства в докладе никакого нет. Так, докладчик предлагает нам, оставаясь либералами, взять из экстремистских течений все хорошее, но не говорит, что именно в них есть хорошего, ибо ведь и он сам не считает же, вероятно, хорошими те разлад и разрушение, на которых основаны и успех, и опасность этих течений. Далее, призывая нас исходить в нашей тактике из духа кадетизма, а не из буквы его, докладчик не указывает более определенно, что он под этим понимает? Ибо ведь и мы, обосновывая свою новую тактику, думали не о букве, а прежде всего об идеологии партии. Утверждая затем, что мировая опасность большевизма может быть устранена лишь уступками ему, докладчик совсем не говорит о том, каковы же должны быть эти уступки. В Англии, например, сейчас на очереди гильдейский социализм, его, что ли, понимает докладчик?

Критика трудна, пока Ю. В. Ключников не разовьет более полно и определенно своих положений»^[76].

Выступавший затем В. А. Оболенский также заявил, вслед за П. Н. Милюковым, о том, что «не понимает доклада и ценит его лишь как известное настроение, как ощущение неудовлетворенности в эмигрантской обстановке – вне большой России. Мы все, несомненно, чувствуем происходящие там огромные процессы, но представить их себе ясно не можем. Докладчик делает попытку понять и осознать эти процессы, но и негодными средствами, и вместо того, чтобы ошибки внятно осознать и учесть их, он лишь предлагает подойти к психологии Ленина и Троцкого, ничего общего с настроениями в России не имеющей. Польза же доклада в том, что он все-таки будит наши мысли в этом направлении»^[77].

Ю. В. Ключников в дальнейшем отметил, что видит причину непонимания его доклада в отсутствии общего взаимного понимания, до которого, по его мнению, доведет нас лишь сама жизнь, и далее, возражая П. Я. Рыссу, отмечал, что он в своем докладе и в своем научном труде, посвященном социологии политической жизни, говорит не о социальном, т. е. экономическом, а о социологическом базисе, являющемся результатом жизни человека в обществе: «Таких базисов три: 1) принцип принуждения (т. е. система консерватизма) власти избранной Богом личности; 2) принцип равенства,

⁷⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁷⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

соглашения и договора, т. е. система демократизма и 3) принцип единства, для чего необходимо разрушение всего бывшего – это система революционного коммунизма. Таким образом, измены духу либерализма с его стороны нет, и остальных он не приглашает сделаться большевиками в договорные отношения. Наша задача доказать им, что их требования единства необходимо свести к равенству и соглашению и превратить ленинское движение из коммунизма в кадетизм. Эта задача примирения экстремизма с либерализмом хотя и сложная, но она должна быть задачей кадетизма. Возражения В. А. Оболенского неправильны, ибо в своих построениях доклад как раз исходит из внутренних процессов в России, с большевизмом предлагает соглашаться не как с программой, а лишь как с реальной силой, ибо партии необходимо войти внутрь России. Полезнее сидеть с Лениным, чем с Авксентьевым и Минором, ибо первое есть приближение к левому социологическому базису, а второе есть союз с оплотом реакции и контрреволюцией и оставление себя на положении самой правой партии. Докладчик и авторы писем, понимая друг друга с полуслова, ищут действительно новых путей, вытекающих из исторического момента, а не остаются топтаться на одном месте»^[78].

После этого пояснения докладчика П. Н. Милюков заявил, «что он уясняет теперь себе, почему он не понял доклада, ибо последний оказывается только предисловием к труду докладчика об его социологической теории. Необходимо подробнее

⁷⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

познакомиться с ней, и тогда можно будет судить, что в ней нового и что банального»^[79].

Доклад вызвал бурю негодования собравшихся, на что Ключников в своем заключительном слове, как сказано в протоколе, «указывает, что он не настаивает на том, чтобы его непременно сейчас поняли, но к этому приведет сама жизнь. К сожалению, произойдет это, вероятно, в неблагоприятных условиях анархии и хаоса»^[80].

Как становится известно из протокола заседания парижского комитета партии народной свободы от 24 февраля 1921 г., доклад Ю. В. Ключникова «Новые задачи кадетизма» был поставлен на обсуждение на заседании 3 марта. Но тогда же позиция Ключникова вызвала резкие протесты присутствующих. Так, А. Н. Михельсон указывал «на необходимость резко осудить в газете [«Последние новости»] то соглашательское течение, которое проповедуется теперь Ключниковым и Лукьяновым и производит разлагающее впечатление в среде офицерства»^[81].

На следующем заседании парижского комитета партии народной свободы 10 марта 1921 г. проходит бурное осуждение вопроса о снятии с обсуждения «назначенного к слушанию в ближайшем заседании группы доклада Ю. В. Ключникова, к которому комитет

⁷⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁸⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

⁸¹ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 4. С. 184–185.

уже отнесся отрицательно и который теперь является особенно несвоевременным»^[82]. Ю. В. Ключников был «согласен на отложение своего доклада, ибо убежден, что недели через 2–3, когда рухнут надежды, возлагаемые теперь на Кронштадтское восстание, интерес к нему снова появится»^[83]. При этом все участники обсуждения вопроса о постановке на заседании группы доклада Ю. В. Ключникова выражали тревогу в связи с возможным скандалом и даже расколом кадетской партии. Так, лидер кадетов П. Н. Милюков с тревогой отмечал, «что этот доклад будет иметь характер скандала и приведет к внутреннему обострению, которое едва ли благополучно кончится. Этого ли желает Ключников?»^[84]. Одновременно выявилась группа кадетских деятелей, желающих дать отпор сменовеховству в кадетских кругах. Выступавшие Л. Е. Эльяшев, И. П. Демидов и Н. К. Волков считали, что «ввиду публичных выступлений Ю. В. Ключникова с его соглашательской по отношению к большевикам точкой зрения, необходимо заслушать его доклад на ближайшем же заседании группы, чтобы дать последней возможность решительно и поскорее от нее отмежеваться»^[85]. С ними не соглашался опасющийся раскола в кадетской партии М. С. Аджемов, «ибо их точка зрения была правильна

⁸² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁸³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁸⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁸⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

раньше, но не сейчас, когда назревают известные события и постановка такого доклада на обсуждение равносильна признанию законности взглядов Ключникова. Сейчас Группа захочет, вероятно, заняться другими, более интересными для нее вопросами и не стоит ради только того, чтобы порицать Ключникова, ставить его доклад»^[86]. Вполне понимая мотивы Волкова, Демидова и Эльяшева, М. М. Винавер считал «доклад Ключникова несвоевременным теперь, ибо развивающиеся в России события сами скоро сделают ненужной его точку зрения. Отмежеваться же от нее можно путем газетных заявлений и интервью»^[87]. По сути дела, принятие данного предложения означало «вынесение сора из избы» кадетской партии. Поэтому тут же против него выступил П. Н. Милюков, который находил, что «снова поднимать этот вопрос в газетах – значит еще считать его спорным, в то время как отрицательное к нему отношение уже вполне выяснилось»^[88]. По сути дела, еще до обсуждения доклада было признано «отрицательное к нему отношение», что противоречило всем нормам партийной демократии. Со всей очевидностью проявилось нежелание руководства кадетской партии обсуждать альтернативные пути развития кадетизма. В ответ на данную реплику П. Н. Милюкова Ю. В. Ключников заявил, что «согласен на отложение доклада, т. к.

⁸⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁸⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁸⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

уверен, что при неизбежном, по его мнению, изменении обстоятельств доклад еще потребует и готов сделать его во всякое время, ибо убежден в правоте своей точки зрения. Если даже большевизм сейчас и падет, то в России наступит такая анархия, что нам придется пожалеть еще о нем, и поэтому напрасно в газетах так радуются событиям и подчеркивают, что это революция. В публичности же своих выступлений не повинен, ибо выступал в закрытом заседании частной группы и не знал, что отчеты о нем появятся в печати»^[89]. Тогда Л. Е. Эльяшев предложил «ввиду заявлений Ключникова и нежелания его отказываться от своего доклада принять решение, что постановка его признается комитетом недопустимой, ибо последнему принадлежит право назначать или не допускать те или иные доклады в группе»^[90]. К этому предложению Эльяшева присоединился П. Н. Милюков, считавший «это минимальной мерой в отношении Ключникова, дважды сейчас заявившего о своем нежелании отказаться от своей точки зрения, представляющей таким образом длительную [наверное, в протоколе опечатка и следует читать «действительную». – А. К.] опасность»^[91]. В ответ Ключников заявил о том, что «в своей точке зрения он не отступает от основной линии кадетизма и не изменяет ему, и поэтому протестует против окончательного снятия его доклада, т. к., только выслушав его, группа может

⁸⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁹⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁹¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

сказать, есть ли в его мнении что-либо не кадетское. Что касается времени, то для него безразлично, будет ли доклад поставлен в ближайшем заседании или через 2–3 недели»^[92]. Здесь Ключников, безусловно, лукавил, ибо знал о начале выхода вскоре в Париже журнала «Смена вех» под его редакторством. Доклад Ключникова был «снят с очереди» на обсуждение на заседании парижской группы кадетской партии.

На заседании парижского комитета партии народной свободы 21 апреля 1921 г. проходило обсуждение коалиции с эсерами с целью создания национального комитета членов Учредительного собрания. Здесь Ю. В. Ключников снова выступал с уже известной точкой зрения, отличающейся от мнения других членов комитета. Он считал, что «неудача с коалицией указывает на неправильность выбранного нами пути. Мы подходили чисто формально к вопросу, а по существу ничего не делалось. Получился только внешний политический проект нашего полевания, по существу же чисто формальное слияние с эсерами не есть еще полевание. Подбирались только определенные эсеры и определенные приемлемые для них кадеты, и вместо коалиции и широкого демократического фронта получилось только то, что или эти эсеры стали кадетами, или же кадеты сделались эсерами. Если взять, например, «Последние новости», то сейчас это по существу не кадетская, а скорее правоэсеровская газета, ибо в ней проводятся аргументация и интересы правых эсеров. Если же читать «Волю России», то по ней выходит, что

⁹² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

здешние правые эсеры стали кадетами. Нового, таким образом, ничего не получилось»^[93].

Далее Ключников коснулся вопроса о возможности признания ведущими мировыми державами Советской России: «Исполнительной Комиссией пишется декларация об англо-советском договоре, представляющая собою только формальную отписку, а жизнь в это время идет своим чередом, и на нее мы не реагируем. Важно совсем не то, есть ли этот договор юридическое признание или непризнание большевиков, а то, что они фактически существуют и с ними заключают такие договоры – это последнее есть жизнь. Жизнь также и то, что Италия собирается торговать с большевиками, что последние двигаются теперь на Финляндию, стремясь, по-видимому, уничтожить ее самостоятельность, и что «Maten» пишет им хвалу. Все это теперь жизнь, которая идет мимо нас. И мы всегда будем в этом положении, если будем оставаться с эсерами. Россия уже переросла и эсеров, и «Последние новости», ибо для нее опыт трех с половиной лет большевистской революции не прошел даром и ко многому приучил русский народ. Мы не должны забывать того, что придем не в Россию Керенского, а в Россию Ленина, и если не изменим, в соответствии с этим, нашей тактики, то духа ее не уловим.

Что же касается ссылок на отношение к нам западноевропейских держав и их демократий, то не надо забывать, что они готовы торговать с кем угодно, если им

⁹³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

только уплатят золотом, а что будет у нас: республика или монархия и т. д., то это им все равно»^[94].

В заключительной части своего выступления Ключников вновь предостерег кадетов в эмиграции от попыток союза с эсерами, что, по его мнению, неизбежно приведет к потере либералами своего политического лица. Не создание национального комитета, объединяющего различные антисоветские силы, а творческая работа кадетов на территории Советской России может привести к победе либеральных идей в России. «Ошибочно то, что мы играем в соглашение и в Нац[иональный] Комитет, тогда как нам надо выступить самостоятельно, как определенной социальной силе (прогрессивной, либеральной и т. д.). Поэтому необходимо выяснить, нет ли у нас собственных широких возможностей и перспектив для России. Эти возможности и перспективы в нашей культурной роли там»^[95].

Вскоре после этого Ю. В. Ключников был лишен возможности отстаивать свои взгляды и в официальной кадетской прессе. Оставаясь еще членом парижского комитета партии кадетов, он был вынужден публиковаться в других изданиях. Так, 3 июля 1921 г. в гельсингфорсской «беспартийной ежедневной газете» «Путь» (ответственный редактор-издатель К. И. Игарин) была опубликована развернутая статья Ю. В. Ключникова «Логика примирения», подписанная инициалами Ю. К. В комментарии редакции сказано: «Настоящая статья

⁹⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

⁹⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

написана проф[ессором] и «буржуазным» общественным деятелем, игравшим видную роль в русском «белом» движении, но уже с 1919 г. пришедшим к сознанию необходимости признания Сов[етской] власти и примирения с нею»^[96].

Статья почти незнакома отечественному читателю ввиду узкого круга распространения газеты и уже потому заслуживает особого внимания. Она написана в особой, «отстраненной» манере, словно автор не имел прямого отношения к «сменовеховству». И это делает ее особенно интересной, ибо «взгляд со стороны» позволял Ю. В. Ключникову оценить себя и позиции своих сторонников и оппонентов. Статья начинается с оценки зарождения примиренческих взглядов: «С некоторых пор в русских **либеральных** кругах, особенно за границей, начало складываться новое весьма серьезное течение.

Для него придумано уже несколько названий: «пробольшевизм», «соглашательство», «примиренчество». По личным и географическим признакам его иногда называют «гредескуловщиной» (в России), «ключниковщиной» и «лукьяновщиной» (в Париже), «устряловщиной» (в Харбине).

Чисто внешние причины мешают пока этому течению сделаться стихийным, открытым и решающим для современного русского самосознания. Но то, что не находит себе естественного выхода наружу, обычно тем сильнее скапливается внутри. И недалек, думается, день, когда рамолические властители русских беженских дум с удивлением заметят, что все покинули их и что уже

⁹⁶ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

некому больше пододвигать им горшочки для мутных плевков в Россию и в ее будущее.

Думается так потому, что за новым течением все преимущества молодости, силы, интеллектуальной честности и действительной готовности на жертвы. А главное – за ним верное понимание России и жажда прогресса»^[97].

Далее автор статьи на основе писем своих корреспондентов из разных мест пытается обосновать распространенность подобных идей: «Передо мной ряд писем моих друзей из разных стран – куда только ни забросила нас, русских, злополучная судьба?! Передо мной статьи и книги таких «примиренцев», к голосу которых нельзя не прислушиваться. В моей памяти запечатлелись беседы с целым рядом лиц, – неожиданно **интересные** беседы, богатые **новыми** мыслями. Эти лица – тоже «примиренцы», «соглашатели», «пробольшевики».

Кто же они, подготовители и носители нового русского политического сознания?

По преимуществу, люди в 30–35 лет – профессора, приват-доценты, адвокаты, врачи, художники, писатели, артисты и журналисты, словом, все те, из кого обычно составлялся до сих пор «цвет русской интеллигенции»^[98].

И хотя автор статьи отмечает, что «их мысли трудно еще пока свести в единое учение или формулировать как законченную политическую программу», однако «некоторые из тезисов наметились с полной

⁹⁷ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

⁹⁸ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

определенностью и приобрели серьезное практическое значение.

На мой личный взгляд, главнейшие среди них следующие:

1. Будущее России всецело определится, с одной стороны, взаимоотношением между русскими силами, действующими в самой России, а с другой стороны, общим международным положением.

2. Современная русская эмиграция безвозвратно утратила всякую реальную силу в деле строительства новой России и жестоко заблуждается, считая себя хранительницей идеалов русской государственности.

3. Несмотря на все ужасы и разрушения, сопровождавшие русскую революцию, положительное значение этой революции для дальнейшего прогресса, русского и всеобщего, несомненно.

4. Насильственное свержение существующего советского строя не обещает ничего, кроме разгула – ужасающей анархии. Ввиду этого всякие попытки искусственно прервать органический процесс перерождения России подлежат осуждению, а всеобщие усилия должны быть направлены на содействие здоровой эволюции нового политико-социального режима.

5. Необходимо всячески содействовать скорейшему экономическому возрождению России, применяясь к современным условиям русской действительности и к основаниям, выявившимся в процессе русской революции. Ввиду этого совершенно недопустима политика, направленная к экономической изоляции России.

6. Восстановление экономических сил России и возвращение ее к участию в международном общении необходимо не только для самой России, но и для разрешения кризисов, переживаемых ныне большинством стран»^[99].

Далее автор размышляет о новых геополитических условиях существования России ввиду ошибок и поражений белых сил: «Для того чтобы недавние противники советского строя превратились в его добросовестных защитников, понадобился, конечно, целый ряд очень важных условий.

Главнейшее среди них то, что за время с ноября 1917 г. все вообще условия русской действительности резко изменились.

Припомним:

Тогда почти для всех являлось аксиомой, что «большевики продержатся» лишь две-три недели. С ними представлялось необходимым бороться, как с демонами разрушения, которые в мгновение ока могут наделать бесчисленных бед, бесцельных и непоправимых.

Теперь – за ними **сорок четыре месяца** официального управления Россией. Срок громадный. Его было более чем достаточно, чтобы многое создать совершенно заново.

Значение указанных сорока четырех месяцев не исчерпывается, однако, их чисто механическим действием. Время – великолепнейший исторический реактив. Его нельзя обмануть. Особливо во время революции. Если бы советские декреты, в самом деле,

⁹⁹ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

были так беспочвенны, как то казалось вначале, то их нельзя было бы издавать непрерывно в течение столь долгого срока. Напротив, если бы рецепты наших патентованных политиков действительно были реальны и умны, они не терпели бы один за другим неизменное фиаско.

«**Этак** нельзя управлять Россией», говорили о народных комиссарах прежде.

«Очевидно, **только так** и можно было управлять во время революции», – приходится сказать о них теперь.

Далее:

Идущий под интернационалистским знаменем русский советский строй казался насквозь антинациональным. Однако чем дальше, тем все яснее выявлялось наряду с общечеловеческим его призванием также и его чисто национальное призвание. Если уже при его способностях к самообороне и нападению не удастся вывести Россию на новые пути и отстоять ее от попыток раздробления и расхищения, то противникам его это и подавно не удастся.

Прежде не было сомнений в могуществе крупнейших из иностранных держав. Любые два иностранных корпуса моментально решат участь советской власти. Иное дело теперь. **Теперь** стало очевидным, что при всем желании иностранцы не в состоянии сокрушить Россию Ленина и вынуждены считаться с ней, как с первостепенной международной силой. Сила же и до сих пор играет в международных отношениях решающую роль. А отсюда вывод: Ленин необходим России, как средство самозащиты от врагов и... приобретения друзей.

Прежде можно было верить, будто догма для советских деятелей превыше всего и будто в жертву ей они готовы принести все (даже возможность ее осуществления). Опыт опроверг и это представление: Ленин и Троцкий возглавляют группу людей, хорошо умеющих соразмерять средства и цели. Они привычны не только идти напролом, но и «лабиринтировать», а следовательно – «эволюционировать». Автор подробно разбирает положение, сложившееся в лагере противников большевиков, после поражения основных белых сил: «Параллельно с выявлением подлинного лица русского революционного экстремизма выявлялось лицо и русского «антибольшевизма».

Печальное лицо.

Своего рода портрет Дориана Грея.

Вначале – отличные прогрессивные задания. Против новой власти – «все лучшие русские люди». Искренний и могучий жертвенный порыв. Достаточные реальные силы.

Но вот проходят все те же сорок четыре месяца и полный разброд т[ак] наз[ываемого] Белого движения, полное его банкротство физическое и моральное.

Все, что им становилось в вину революции, с еще большим правом приходится поставить в вину ему самому.

Сколько русских жизней погублено исключительно по его вине – без нужды и без пользы! Сколько русского достояния разрушено! Сколько честных русских людей сделалось ворами и спекулянтами! Сколько хороших русских девушек и женщин превращено в

константинопольских проституток. Повторяю, – по его и только по его вине»^[100].

После этого автор статьи с горечью отмечает пагубность продолжения антисоветской борьбы за счет объединения различных антибольшевистских сил: «Какая чудовищная моральная притупленность нужна для того, чтобы вопиать о вооруженной борьбе с Советской Россией «до победного конца» **в ясном сознании безнадежности подобной борьбы**. Каким своеобразным хладнокровием должны были обладать те из корифеев русской эмиграции, что на другой день после падения Врангеля заявляли:

– Ну значит, я немного ошибся. Впрочем, я предвидел... Теперь попробуем с эсерами, авось что-нибудь выйдет!

Или эта пресловутая формула: «Ни Колчак, ни Ленин» (гад одинаково всем). Или это тупое долбление наших политических дятлов все в одну и ту же точку! Или еще: федерирование Бог знает с кем, лишь бы получить дюжину пушек и тысячу патронов!

В конце концов, жажда свержения «кучки большевиков» превратилась в своего рода психоз, в манию, в бредовое помешательство.

Только бы сбросить их, а что дальше – безразлично.

Будет ужасающая анархия с новыми пожарищами и новыми морями крови? – Ничего.

Реакция? – Великолепно. С исчезновением народных комиссаров исчезнет ли революционный экстремизм? –

¹⁰⁰ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

Не знаю, и знать ничего не желаю. Только бы не было большевиков.

Да, таков новейший русский антибольшевизм.

То преступный в своей добела раскаленной ожесточенности, то глупый в своем упрямом противодействии истории, он в лучшем случае абсолютно импотентен со своим мармеладным желанием полюбовно разрешить все споры большинством голосов там, где нет никакой любовности и где тщетно искать какого-либо большинства»^[101].

Далее автор статьи в просоветской газете «Путь» пишет о тех, кто исповедует идеи «сменовеховства», «национал-большевизма»: «Их логикой и чувством заведуют три цели: понять всю глубину совершающегося исторического перелома; найти наиболее верные способы преодолеть современный хаос; служить общественному благу и прогрессу в наиболее широких из **эволюционно осуществимых** пределов.

Действенным отражением этих-то трех целей и является все новое «примиренческое» или «соглашательское» направление.

А если верно, что каждый крупный исторический этап есть синтез тезисов и антитезисов предыдущих этапов, то не дается ли в обрисованном только что новом направлении русской общественности творческий синтез всего наиболее ценного, что дала России ее прежняя духовная культура и что дает ей теперь ее грандиозная революция?

¹⁰¹ Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

И не этот ли синтез отучит, в конце концов, от подчеркивания: «большевистская Россия», «Советская Россия» и по-новому вернет всех к термину краткому, могучему и всем одинаково дорогому: Россия»^[102].

Через месяц в этой же газете под заголовком «Развал к. д. партии» появился отчет о заседании парижской группы партии народной свободы от 7 июля 1921 г., который по своему характеру должен был дезавуировать отчет об этом же заседании в милюковских «Последних Новостях». Материал был опубликован без подписи, но по его содержанию можно сделать вывод о том, что он принадлежит перу Ю. В. Ключникова (об этом позже говорилось и на заседании парижской группы партии кадетов). Одновременно хочется обратить внимание на то, что газетная публикация состоит из двух неравных частей. Первая часть кратко пересказывает, со слов автора материала, «обширный доклад» П. Н. Милюкова, который «обрисовал борьбу между «старой» и «новой» тактикой на съезде членов ЦК партии (26 мая – 2 июня)», и дискуссию после доклада^[103]. Вторую часть составляет развернутое изложение речи Ю. В. Ключникова, что по сути дела определяет смысл публикации: «неправильная» точка зрения П. Н. Милюкова противопоставляется «правильной» точке зрения Ю. В. Ключникова. Уже поэтому данный материал представляет значительный интерес и заслуживает подробного изложения.

¹⁰² Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

¹⁰³ Путь (Гельсингфорс). 1921. 9 августа. № 140.

Однако этим повышенное внимание к настоящей газетной публикации не исчерпывается, ибо здесь последовательно излагается вся история противостояния кадетской партии и Ю. В. Ключникова. Кроме того, у нас есть возможность сопоставить текст речи Ключникова, опубликованный в «Пути», с текстом протокола заседания парижской группы^[104] (для удобства сопоставления текстов данный протокол выделен в общем тексте газетного отчета **подчеркиванием**).

Как уже отмечалось, первая часть кратко пересказывает пространный доклад П. Н. Милюкова. «Немалое внимание уделил П. Н. Милюков... указаниям на то, с каким единодушием... так называемая «новая тактика» была принята не только парижским комитетом, но и самой парижской группой в ее целом.

После доклада начались «фактические замечания». Длинный ряд ораторов внес многочисленные поправки в сообщения докладчика, причем большинство из них настойчиво подчеркивало, что ни о каком единодушии в принятии «новой тактики» не может быть и речи. И так энергичны были эти подчеркивания, что у случайного слушателя могло бы составить впечатление, что если в чем и единодушны парижские кадеты, так это в отрицании ими тактической программы своего лидера»^[105].

Далее анонимный автор публикации в газете «Путь» полемизирует с автором отчета в «Последних Новостях», ибо в милюковском печатном органе было заявлено, что

¹⁰⁴ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 76–77.

¹⁰⁵ Путь. (Гельсингфорс). 1921. 9 августа. № 140.

«прения по существу (не обещающие быть продолжительными, ибо настроения определились)» были отложены, а в «Пути» утверждалось, что «они уже начались». И дальше в гельсингфорсской газете подробно излагалась «большая речь по существу вопроса о партийной тактике, занявшей весь конец заседания», с которой выступил профессор Ю. В. Ключников:

«В нашей партии много говорят о двух тактиках: «старой» и «новой». На самом же деле давно пора говорить **о трех** тактиках. Третья тактика, которую я имею в виду, еще не получила широкого признания, а тем более какой-либо официальной апробации. Тем не менее, необходимость перейти к ней ощущается и сознается все более и более отчетливо. Причина этого в том, что и старая кадетская тактика, и так наз[ываемая] «новая тактика» одинаково обнаружили свою полную несостоятельность, беспочвенность и нереальность и менее всего могут считаться пригодными для какого-либо спасения России.

К тем, что только и знают, что взывают к борьбе с большевиками до конца и при всяких условиях, – разумеется, – не обращаются голоса людей, успевших уже понять ненужность и вредность подобных призывов. Но на мою долю выпало сказать моим товарищам по партии, что избранные ими пути неправильны и потому именно мне яснее всего видно, насколько сильно течение в русской либеральной среде в пользу решительного пересмотра основной своей тактической программы. Но есть и другая причина, в силу которой я считаю нужным настаивать на внимании к «третьей тактике». Поскольку она проявляла себя до сих пор в оценках положения в России, в прогнозах, **только она шла верными путями, только она обнаруживала верное чувство**

действительности. Того же нельзя сказать про две другие тактики: действительность неизменно опровергала все ожидания их представителей»^[106].

Далее неназванный автор в «Пути», за которым легко узнается Ю. В. Ключников, пространно излагал точку зрения профессора Ключникова: «После крушения Деникина мне пришлось указывать, что дальнейшая вооруженная борьба против Сов[етской] России не обещает ничего, кроме совершенно напрасной жертвы русскими жизнями и новых ненужных разрушений. Я говорил, что скоро партия Народной Свободы волей-неволей откажется от принципа вооруженной борьбы, но неискупимые жертвы уже будут принесены... Так оно и случилось. Наша партия отказалась от идеи вооруженной борьбы, но лишь после того, как еще несколько десятков тысяч русских людей было загублено абсолютно напрасно, и я знаю, что никто меня не сумеет в этом опровергнуть.

Когда зашла речь о признании и поддержке Врангеля партией Народной Свободы, я решительно высказался и против такого признания, и против такой поддержки. Мне была совершенно ясна безнадежность его попытки и удручающая атмосфера, в которой она предпринималась. Опять-таки это не в силу какого-то особого моего дара предвидения, а всецело потому, что в своих оценках и действиях я не руководствовался слепым инстинктом борьбы с большевизмом, независимо от условий и результатов. Когда дошло дело до голосования резолюции о поддержке Врангеля, я голосовал **ПРОТИВ** поддержки и тем побудил еще одного члена группы

¹⁰⁶ Там же.

воздержаться от голосования. Таким образом, мне принадлежит своего рода заслуга перед группой: благодаря мне столь же ответственное, сколько и неудачное решение ее **не сделалось единодушным решением группы**^[107].

Далее приводятся уже известные нам аргументы Ключникова против союза с эсерами на основе создания национального комитета: «Среди виднейших парижских кадетов возникает мысль о создании «национального комитета». Основанием, на котором должен быть построен национальный комитет, было: **соединение не соединяемого и согласование не согласимого**. Пред лицом полного распада антибольшевистского лагеря был выкинут старый флаг «единого фронта». Верить в возможность такого фронта при общей создавшейся конъюнктуре было крайней политической наивностью. Поэтому отнюдь не трудно было предсказать, что из попыток кадетов создать межпартийный и межгрупповой национальный комитет ровно ничего не выйдет. Во-первых, – утверждал я, – парижской группе попросту не удастся создать такой комитет; а во-вторых, если бы он и создавался, ей бы трудно было гордиться своим детищем. Разве не вышло именно то, что я говорил.

Далее следует период переговоров с соц[иал]-революционерами на предмет создания умеренно-левого фронта под эгидой «Совещания членов Учредит[ельного] собрания».

По отношению к этой новой комбинации в борьбе против Советской России я высказываю тот же скептицизм, какой высказывал по отношению к

¹⁰⁷ Там же.

предыдущим комбинациям. Благодаря ей кадеты утратили свое лицо, потратили массу энергии, раскололись на два враждебных лагеря, и все без малейшего положительного результата. Как на результат торжества «новой тактики» я могу указать на издание П. Н. Милюковым «Последних Новостей» и на решение, которое было вынесено кадетскими юристами в лоне Совещания членов Учредительного собрания по поводу заключения англо-советск[ого] торгового договора.

В «Посл[едних] Новостях» совершенно нельзя узнать кадетской газеты. Это – пропагандистский листок, вся задача которого доказать, что вот-вот завтра, вот-вот сию минуту «большевики падут». Получается то же, что у Слиозберга, который второй год уверяет, что стоит лишь сделать небольшое усилие и от большевизма не останется и следа (помните его постоянный призыв «раздавить гадину»)? А что будет после того, как удалось бы насильственно сорвать советскую власть, «Посл[едние] Новости» не считают нужным уяснить себе.

Что же касается решения юристов с рю де-ля-Помп, то на другой же день после их заявления, что англо-советский договор не есть признание советской власти, английское правительство установило диаметрально противоположное.

Итак, результаты «новой тактики» чисто словесные. Но в них есть и одна несловесная сторона: за удовольствие говорить в Париже о борьбе, без малейшей возможности вести борьбу в России, тысячи русских интеллигентов расплачиваются голодом, преследованиями»^[108].

¹⁰⁸ Там же.

Последняя часть статьи, пересказывающей выступление Ключникова, касалась вопросов изменения отношения к большевикам: «Даже если продолжать считать, что главная задача момента – это во что бы то ни стало «сокрушить большевизм», даже и с этой точки зрения тактика нашей партии не выдерживает критики. Как уже неоднократно указывалось, нами делается все, чтобы оправдать морально и тактически все действия большевиков.

Вот ввиду того, что русский антибольшевизм жестоко ошибся в оценке происходящего в России, ввиду того, что придерживаться принципа борьбы с советской властью значит до бесконечности затягивать мирное преодоление революционных потрясений, я со всей определенностью заявляю: пора прекратить призывы к борьбе с Советской Россией. Пора заметить, что многое из того, что делается ею, вполне согласуется с национальными интересами России и интересами международного прогресса. Пора открыто и прямо поставить вопрос о необходимости вернуться в Россию и об условиях, при которых это возвращение может быть возможно. Партия Народной свободы есть партия эволюционного национального прогресса. Не ее дело упрямо призывать к вооруженной борьбе, а тем более **благословлять других** на метание бомб. Благо России требует найти способы примирения с советской властью, следовательно, нужно искать этого примирения, не заботясь о том, что после ожидает каждого персонально. Жизнь требует от нас жертвенного служения ей, и мы не должны бояться жертв»^[109].

¹⁰⁹ Там же.

Необходимо отметить, что в протоколе заседания парижской группы партии народной свободы от 7 июля 1921 г. данный абзац приводится не в качестве свободных размышлений Ю. В. Ключникова, а в качестве ответа на вопрос с места Н. В. Тесленко: «Почему же не едете туда сами?» На этот вопрос Ю. В. Ключников дает следующий ответ: «Почему я не еду сам туда? – говорят, но можно ли спор об идее сводить к этому? Ведь такое требование равносильно тому, как если бы от сторонников вооруженной борьбы непременно требовали, чтобы они сами стреляли или бросали бомбы. Я же говорю о том, что кадетизм в целом должен занять такую позицию»^[110].

В заключительной части публикации в газете «Путь» автор пытается доказать, что в кадетской партии существуют не только старая и «новая» тактики, но и набирающая сторонников тактика профессора Ю. В. Ключникова: «В сущности, я требую уже не столь многого: П. Н. Милюков уже готов признать Советы, ему не нравятся только «большевики». Стало быть, нужно сделать только один шаг, еще и примириться с Советами при большевиках.

Тот же П. Н. [Милюков] усиленно подчеркивает всегда, что большим достоинством его «новой тактики» является то, что от нее в любой момент можно отказаться. Грех не воспользоваться в таком случае этим ее достоинством.

¹¹⁰ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 77.

Итак, резюмирую: двум тактикам борьбы с Советской Россией нами должна быть противопоставлена третья тактика – примирения с нею»^[111].

После этих публикаций в газете «Путь» на заседании комитета парижской группы партии народной свободы 11 августа 1921 г. по предложению А. В. Карташева был поставлен «вопрос о возможности дальнейшего пребывания в парижской группе члена партии Ю. В. Ключникова»^[112]. 15 августа 1921 г. (протокол № 5) председатель В. А. Оболенский «поставил на обсуждение вопрос, уже возбуждавшийся в начале года Комитетом партии в связи с докладом члена партии Ю. В. Ключникова и другими его выступлениями. Принимая во внимание то коренное расхождение, которое существует между взглядами, проводимыми Ю. В. Ключниковым, и основами тактики партии народной свободы, а также полученные комитетом сведения о том, что Ю. В. Ключников, состоя членом К.-Д. партии, в то же время сотрудничает в газете «Путь», придерживающейся явно большевистского направления, – комитет ПОСТАНОВИЛ: 1) вновь поставить на обсуждение комитета вопрос о возможности дальнейшего пребывания Ю. В. Ключникова в составе парижской группы партии народной свободы и 2) запросить письмом Ю. В. Ключникова о том, не признает ли он целесообразным ввиду указанных выше причин выйти из состава парижской группы партии; в противном случае просить его сообщить письмом или лично в

¹¹¹ Путь (Гельсинфорс). 1921. 9 августа. № 140.

¹¹² Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 173.

заседании комитета разъяснения по поводу того, действительно ли он сотрудничает в газете «Путь» и насколько правильной представляется ему постановка вопроса «о несоответствии его взглядов основам тактики партии народной свободы»^[113].

На этом же заседании было решено 25 августа обсудить доклад комитета об отношении к вопросу о возможности дальнейшего пребывания в Группе партии члена партии Ю. В. Ключникова^[114]. В этом духе было составлено обращение к Ключникову парижской группы кадетской партии от 16 августа 1921 г. за подписью В. А. Оболенского. В ответ на данное обращение Ю. В. Ключников 18 августа пишет развернутое заявление в комитет парижской группы: «Милостивые государи! Пока Парижская Группа нашей партии отражала все течения современного кадетизма, я не только не считал нужным выходить из группы, несмотря на резкие мои тактические и принципиальные разногласия с подавляющим большинством ее членов, но, напротив, считал своим политическим долгом посильно отстаивать свою точку зрения и тем помочь партии избежать непоправимых ошибок. Ныне парижская группа раскололась на две подгруппы, совершенно различные по политическому пафосу и ведущие между собой ожесточенную борьбу. Быть членом той или другой из этих подгрупп – значит стоять на строго определенной временной платформе, подсказываемой «моментом», но отнюдь не духом и не традициями прогрессивного

¹¹³ Протоколы Центрального Комитета и зарубежных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 191.

¹¹⁴ Там же. С. 192.

нашего кадетизма. Да, я категорически утверждаю, что дух кадетизма не сохранен ни представителями «старой», ни представителями «новой» парижской тактики. Вместе с тем и на чисто практической почве ни старая, ни новая наши тактики, на мой взгляд, не способны дать сколько-нибудь благотворных результатов. Ввиду этого я только тогда войду в новую кадетскую группировку, возглавляемую П. Н. Милюковым, когда она в своей быстрой эволюции целиком дойдет до того, что я отстаивал с самого начала существования группы. Думаю, что ждать осталось уже недолго. Вместе с тем вы вполне правы, ставя передо мною вопрос, не желаю ли я добром выйти из вашей подгруппы и тем избавить вас от специального расследования по моему «делу» и от принятия против меня репрессивных мер. С моей стороны было непростительным упущением не сделать письменного заявления о выходе из группы тотчас же после того, как она распалась. Почему-то мне показалось само собой разумеющимся, что раз Группы на прежних принципах не существует, то и выходить из нее нечего. Я упустил из виду формальную сторону дела и ту чисто формальную преемственность, которая новый комитет Группы делает прямым преемником прежнего комитета»^[115].

В заключительной части письма Ключников заявил о своем выходе из состава членов парижской группы партии народной свободы «ввиду того, что ныне перестали допускаться в ее среде те коренные расхождения в тактике, которые допускались раньше и которые обеспечивали ей возможность с ложных

¹¹⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 9.

тактических путей перейти, наконец, на правильные тактические и принципиальные пути.

После этого заявления сам собой отпадает вопрос о моем сотрудничестве в «Пути», который, надеюсь, постепенно выяснится сам собой без каких-либо моих заявлений. Прошу принять уверение в моем искреннем уважении, *Ю. Ключников, 18 авг[уста] 1921*»^[116].

На заседании парижского комитета партии народной свободы 18 августа 1921 г. было «доложено письмо члена парижской группы партии народной свободы Ю. В. КЛЮЧНИКОВА, который в ответе на письмо, посланное ему во исполнение постановления комитета от 15-го августа, сообщает о выходе своем из состава членов парижской группы партии народной свободы. ПОСТАНОВЛЕНО: письмо Ю. В. Ключникова принять к сведению»^[117]. Так завершилось юридическое, формальное оформление размежевания кадета Ключникова со своей партией. Эмигрантские либералы отказались даже всесторонне обсудить основные положения идеологии сменовеховства. Было заметно стремление скорейшего размежевания со «Сменой вех» для того, чтобы не допустить распространения ее идей в либеральных кругах эмигрантской общественности.

Кадеты после этого исключения Ключникова резко усиливают пропаганду против «Смены вех». Повсеместно прошло обсуждение отношения кадетской партии к этому общественно-политическому движению. Так, в журнале

¹¹⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 9.

¹¹⁷ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 198.

заседания константинопольской группы партии народной свободы от 10 сентября 1921 г. говорится о том, что Н. А. Цуриков попросил собравшихся «...определить отношение к позициям Устрялова и Ключникова»^[118]. В ответ на это из уст А. В. Карташева прозвучала критика не сменовеховцев, а лидера партии – П. Н. Милюкова: «В Париже ходит каламбур, что истинным лидером «новой тактики» является не Милюков, а Ключников. Соглашательство с большевиками предполагает предварительное снятие пафоса с борьбы с большевизмом. Здесь точка соприкосновения обоих течений. Взгляд на большевизм, по-видимому, меняется, намечается переход от моральной непримиримости к фатальному объективизму. По вопросу о голоде Милюков писал, что нужно укреплять большевистскую власть на местах. Милюков давно перестал воевать с большевизмом, он по существу левее с[оциалистов].-р[еволюционер]ов, которые считают себя наследниками большевизма и проявляют к ним «семейную» непримиримость. Милюков, перестроив стрелку сердечного компаса, легко может логически докатиться до коалиции с большевиками. Устрялов и Ключников лишь моложе и дерзновеннее его»^[119]. Таким образом, критика «сменовехизма» обернулась для непримиримых в рядах кадетов критикой «новой тактики» Милюкова.

На заседании парижской демократической группы партии народной свободы 27 октября 1921 г. П. П. Гронский делился впечатлениями, вынесенными им

¹¹⁸ Там же. С. 278.

¹¹⁹ Там же. С. 278–279.

из поездки в Прагу на Академический съезд русских ученых-эмигрантов. В частности, он сообщил о присутствии на съезде профессора Ю. В. Ключникова: «Сам Ключников хотя и был в Праге и проявил там большую энергию, но на съезде почти не присутствовал и уехал оттуда до окончания его, предоставив ему свой письменный доклад, составленный в духе его статей в[журнале] «Смена вех». Этот доклад, несмотря на настояние Фармаковского уничтожить его без оглашения, был все-таки, по предложению Струве, заслушан, и ничего страшного в нем не оказалось; но он был признан просто не заслуживающим внимания и возвращен поэтому Ключникову»^[120].

Через несколько недель тот же П. П. Гронский, которого правые кадеты считали другом Ю. В. Ключникова, на заседании парижской демократической группы партии народной свободы 14 ноября 1921 г. (протокол № 13) внес предложение «обсудить вопрос о том, как реагировать нам на кампанию, поднятую «Сменой вех», влияние которой, по его словам, начинает распространяться в здешней русской колонии. Благодаря этому настоящий вопрос приобретает теперь... серьезное значение, и поэтому нам надо установить к нему свое определенное отношение, которое, по-видимому, придется выявить в поднятии общественной кампании против «вехистов»^[121].

П. Я. Рысс сообщил, что «на ведущуюся «Сменой вех» пропаганду деньги были получены ее авторами от большевиков: часть в Праге, а другая – здесь, в

¹²⁰ Там же. С. 376.

¹²¹ Там же. С. 410.

Париже^[122]. Часть этих средств они употребляют на то, чтобы печатать свои интервью во французских газетах (в «Журналь», «Эр-Нувель» и в других). Кроме того, в последнее время и отдельные французы стали получать от них «Смену вех» и другую соответствующую литературу. При этом господа эти выдают себя за представителей русской либеральной интеллигенции и усиленно говорят о том, что они занимали ответственные посты при Временном правительстве (В. Н. Львов) или при белых правительствах (Ключников, Устрялов и другие). Я уже дал осведомительную статью о них в «Эр-Нувель», ибо считаю, что надо предостеречь от них французов, вообще плохо разбирающихся в наших политических течениях. Поэтому если бы их пропаганда не велась среди французов, а только в русской среде, то, по-моему, это была бы еще не беда, ибо русские скорее поймут, с кем имеют дело. Правые уже выругали их во французской печати за то, что они от коммунистов получают деньги, но на французов такие обвинения мало действуют»^[123].

Следующий выступающий на заседании 14 ноября В. А. Харламов отмечал широкую пропаганду «сменовеховцев», которую уже невозможно замалчивать или игнорировать. А с учетом провозглашаемой большевиками амнистии военнослужащим белых армий вопрос об отпоре этой пропаганде становится

¹²² Новые материалы о финансировании изданий «сменовеховцев» – журнала «Смена Вех» (Париж) и газеты «Накануне» (Берлин) – большевиками см.: *Квашонкин А.В., Лившин А. Я.* Послереволюционная Россия (проблемы социально-политической истории 1917–1927 гг.). М., 2000. С. 59–91.

¹²³ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 410.

«животрепещущим». Поэтому оратор предложил объединить все антибольшевистские силы эмиграции для отпора «Смене вех»^[124]. Его поддержал Н. К. Волков, высказывавшийся за развертывание «широкой общественной кампании», ибо, по его мнению, сменовеховский соблазн «к сожалению, довольно широко уже распространился в здешней русской среде и коснулся даже таких лиц, от которых меньше всего, казалось бы, можно было ожидать, что они поддадутся влиянию «Смены вех»^[125]. А выступивший следующим А. М. Михельсон даже сообщил о массе соблазненных большевиками из рядов торгово-промышленников. По сути дела, В. А. Харламов, Н. К. Волков и А. М. Михельсон своими выступлениями дезавуировали заявление П. Я. Рысса о том, что русские эмигранты легко поймут истинное лицо сторонников «Смены вех».

Напугав друг друга жуткими историями о коварстве «сменовеховцев» в эмигрантской среде, те же кадетские лидеры стали по очереди предлагать меры для сдерживания влияния «Смены вех». П. П. Гронский считал необходимым «дать в «Последних Новостях» ряд статей, критикующих с разных точек зрения позицию «Смены вех», далее устроить митинг с приглашением представителей всех эмигрантских антисоветских групп. По мнению оратора, такой «организованный отпор необходим, ибо Ключников, как я знаю по опыту Академической группы, опасный человек и бороться с ним не так-то легко»^[126]. Его поддержали В. А. Харламов

¹²⁴ Там же.

¹²⁵ Там же.

¹²⁶ Там же. С. 411.

и П. Я. Рысс. В соответствии с характером обсуждения была принята и резолюция. В подборке документов парижской группы партии народной свободы сохранился черновик резолюции. Ввиду того что этот развернутый официальный документ кадетской партии должен был стать основой для критики «Смены вех», он заслуживает полной публикации без изъянов и пересказов:

«Распространяющаяся в среде некоторой части русской эмиграции точка зрения о возможности и даже о необходимости возвращения в Россию, которая, якобы, ныне до крайности нуждается в культурных людях и в специалистах, основана, по мнению парижского комитета партии н[ародной] св[ободы], на глубочайшем заблуждении, способном принести нашей Родине большой вред.

Испытывая, как и все прочие русские эмигранты и беженцы, страстное желание вернуться домой, мы хорошо понимаем, **почему** появляются вышеупомянутые мысли, нам известны все софизмы на тему о том, что помимо большевиков существует Россия, что служение России не есть еще служение коммунизму и т. д. и т. д.

Мы понимаем причины этих рассуждений и знаем их содержание и поэтому считаем своим долгом сказать, что рассуждения эти неправильны и даже вредны.

Прежде всего, отделение советской власти от России является искусственным приемом и в основе ошибочным, ибо советская власть III Интернационала, хотя и враждебная России, питается ее соками и **ТОЛЬКО** ее соками, сильна ее внешним престижем и **ТОЛЬКО** ее престижем. Оторванная от России, она бы потеряла всякое содержание и перестала бы существовать. Всякое проявление живой жизни, пробивающейся в стране

помимо большевиков и даже против их воли, используется ими на внешнем рынке в качестве образца их собственного положительного творчества.

Если морально и духовно Россия, русский народ уже отделились от советской власти III Интернационала и уже ничего общего с нею не имеют, то механическая и материальная связь между ними теперь гораздо полнее и глубже, чем даже в 17-ом и в 18 годах, когда значительная часть русского народа была духовно охвачена большевизмом, вследствие чего желающие работать на Россию вне борьбы с коммунистами вынуждены работать, прежде всего, а может быть, и исключительно на коммунистов.

Мы знаем, что, благодаря коммунистической системе власти, Россия постепенно вымирает, даже несмотря на внешнее оживление некоторых городов, вызванное нэпом. Сельское хозяйство неуклонно падает, отошло до того состояния, когда только в редкие исключительные годы обилия осадков русский народ не переживает муки голода. И никакие усилия специалистов, ни прочих культурных сил как внутренних российских, так и внешних не способны повлиять на этот роковой процесс вымирания, пока Россией правит советская власть III Интернационала. Таким образом, даже в чисто гуманитарном вопросе помощи голодающим приходится признать единственным рациональным методом действий – методы борьбы с коммунизмом. Все остальное, в том числе и возвращение культурных сил в Россию ради будто бы служения народу является в лучшем случае паллиативом, а в большинстве случаев лицемерием, обманом или самообманом.

Так же точно обстоит дело с промышленностью, народным образованием, с прочими суррогатами культурной жизни. Подобно тому как в вопросе о Красной армии советская власть проводит в жизнь точку зрения, высказанную недавно в «Правде», что «Красная армия – не великорусская и не российская армия, а армия СССР», так же точно советская власть превращает все категории русских специалистов в орудие III Интернационала. И если русские люди, живущие в России и вынужденные системой чекистского и экономического террора отдавать часть своих сил на служение коммунистам, имеют право утешать себя тем, что некоторая часть их труда пойдет на пользу будущей обновленной России, то этого права не имеют желающие капитулировать эмигранты, которых ничто не заставляет работать во славу советской власти. Их легальное возвращение в Россию по собственной инициативе якобы ради служения народу было бы добровольным предоставлением III Интернационалу части или полноты своих сил для того, чтобы продлить срок жизни советской власти и тем самым убить остатки надежды, которою живут оставшиеся в России. Это означало бы добить лежачего.

Мы понимаем, что в состоянии беженства могут быть такие положения, когда люди, потерявшие все, и некоторые не приобрели никаких возможностей бороться за существование за границей, в отчаянии готовы или лишиться себя жизни, или вернуться в Россию. Конечно, никто не имеет права толкать людей на самоубийство. Но пусть в таком случае никто не говорит, будто эти индивидуальные акты отчаяния могут служить кому-нибудь образцами выполнения гражданского долга. И пусть никто не прикрывает их громкими фразами о служении народу, ибо полного свержения большевиков в

настоящее время нет и не может быть никакой иной формы служения русскому народу в России.

Мы отбрасываем версию об эволюции советской власти, ибо признающие эволюцию тем самым сливают в своем сознании в одно нераздельное цельное советскую коммунистическую власть со всей остальной Россией и вследствие этого открыто идут на служение III Интернационалу, выполняющему якобы национальные задачи России. Те, кто принимают теорию эволюции, тем самым приемлют советскую власть и сознательно готовятся служить ей. Они в этом случае должны иметь мужество принять на себя ответственность за все деяния III Интернационала.

Таким образом, не касаясь индивидуальных случаев возвращения отчаявшихся беженцев, парижская группа партии Н[ародной] св[ободы] полагает, что добровольное возвращение эмигрантов в Россию не может иметь принципиального оправдания, ибо всякий легально возвращающийся в Россию, вольно или невольно, отправляется служить III Интернационалу в ущерб интересам русского народа»^[127].

На заседании парижской демократической группы партии народной свободы 21 ноября 1921 г. П. Я. Рысс сообщил собравшимся о том, что уже сделано для правильного осведомления французского общественного мнения о действительной позиции «Смены вех». «Так, в сегодняшнем номере «Эр-Нувель» помещено почти – из того, что было напечатано по этому поводу в передовой «Последних Новостей» от 15 ноября. Используя наш

¹²⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutionsno-demokraticeskaja Partia Box 1. Folder 1. 9.

материал, этот орган французской радикальной демократии отмечает, что «левого блока», о котором говорилось в интервью В. Н. Львова, в действительности не существует, что русская эмиграция раскололась на несколько лагерей и что демократические группы ее ничего общего с Львовым и его друзьями не имеют и с большевиками не идут. В некоторых других французских газетах также будут помещены разъяснения, что эти господа не представляют собою либерального течения русской политической мысли, а просто являются чистыми необольшевиками. Таким образом, соответствующие меры для правильного, в отношении их, осведомления французов приняты и теперь остается провести ту же кампанию среди русских»^[128].

Но в вопросе о проведении кампании против «Смены вех» в эмигрантской среде возникли разногласия. Одни, во главе с И. П. Демидовым, считали влияние группы «Смены вех» «ничтожным и совершенно неопасным», и митинг против «сменовеховства» может раздуть их значение. Другие, во главе с П. Я. Рыссом, полагали, что «есть довольно значительная группа лиц (военных и гражданских), сбитых с толку и желающих к ним примкнуть; поэтому и важно скорее провентилировать и прояснить этот вопрос»^[129]. Н. К. Волков обратил внимание собравшихся на факт, «указывающий на проявленный в среде русской эмиграции интерес к «Смене вех», а следовательно, и на известную опасность представляемого ими течения»,

¹²⁸ Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 416.

¹²⁹ Там же.

подчеркивая, что «первое издание этой книжки (в количестве 2500 экземпляров) почти целиком уже разошлось»^[130]. Далее на том же заседании обсуждался вопрос о составлении резолюции, направленной против «Смены вех». Указывалось на сложность составления подобной резолюции ввиду неясности формулировок авторов сборника, но одновременно подчеркивалась легкость составления подобной резолюции, ибо отношение кадетской партии к «сменовеховству» вполне выяснено^[131].

На заседании парижской демократической группы партии народной свободы 5 декабря 1921 г. (протокол № 16) вновь обсуждался вопрос об отпоре «Смене вех», ибо «при нынешнем неустойчивом положении эмигрантской массы может в свою очередь создать им новых сторонников»^[132]. Были обсуждены возможности сотрудничества с другими антибольшевистскими политическими партиями и группами для борьбы с влиянием «сменовеховства». Таким образом, кадеты развернули широкую кампанию против Ю. В. Ключникова и его единомышленников. Вскоре парижский период жизни и деятельности Ключникова завершился. Он методично более года пробовал переубедить коллег по кадетской партии в необходимости пересмотра позиций на основе, как он считал, основополагающих идей кадетизма. Но парижская группа партии народной свободы не захотела поддержать идеи «Смены вех» профессора Ю. В. Ключникова. В конце 1921 г. он

¹³⁰ Там же.

¹³¹ Там же. С. 417.

¹³² Там же. С. 436–437.

переехал в Берлин, где вместе с Ю. Н. Потехиным основал «возвращенческую» газету «Накануне» (1922–1924 гг.). Многие пророчества Ключникова в отношении дальнейшей судьбы кадетской партии вскоре сбылись. Но его надеждам на то, что «Смена вех» позволит переродить советскую власть в «нормальное» демократическое государство, не суждено было сбыться. При этом многие идеи нововеховцев безусловно представляют значительный интерес и сегодня, ибо содержат глубокий анализ исторической обстановки 1920-х годов и предлагают действия различных партийно-политических лагерей тогдашней России на основе идей компромисса, согласия, толерантности.

Идеи компромисса

Одним из основных элементов идейных воззрений сменовеховцев являлось осознание бесперспективности продолжения Гражданской войны. Так, харбинский сменовеховец Н. В. Устрялов поставил под сомнение саму возможность такой борьбы путем возрождения белых армий: «Но если бы даже и удалось каким-либо чудом гальванизировать труп белоинтервентского движения, к чему привело бы оно? По всем данным, доходящим из России, там оно встретило бы решительный отпор. И проснувшееся патриотическое чувство, и естественный инстинкт самосохранения элементов, – связанных или связавших себя с революцией, и справедливая боязнь социальной реставрации – все это объединилось бы в борьбе с новой авантюрой»^[133]. При этом сменовеховцы осознали, что новая военная авантюра может проходить лишь при помощи и на средства империалистических

¹³³ Смена вех. 1922. № 16. С. 11.

держав, которые в качестве компенсации потребуют экономического закабаления России: «Мы поняли, что возрождение России по иностранному рецепту потребует гомерического гонорара для наших врачей-целителей от большевизма... Но даже приблизительные расчеты показывают, что Россия будет просто отдана в экономическое рабство»^[134].

По мнению сменовеховцев, контрреволюционное выступление против Совдепии нежелательно и потому, что нет реальной политической силы, которая сможет сменить большевиков. Так, парижский сменовеховец С. С. Чахотин писал в статье «В Каноссу!»: «...представим себе даже, что, по какому-то невероятному стечению обстоятельств, восстание удалось, большевики свергнуты, и Россию не разобрали в этот момент по кускам соседи и бывшие друзья. Что ждет нас на следующий день после восстания? Чья власть? Кто сменит большевиков? Кто будет тот, кто сумеет при еще, несомненно, ухудшившихся экономических условиях, при вновь развалившейся армии, вывести страну из нового экономического хаоса? Керенский? Кадеты, энесы, эсеры?»^[135] С. С. Чахотин называет эти партии трупамии, обломки которых «по сию пору, сидя давно за границей, не могут перестать грызться между собой на потеху всего мира ...»^[136]. По мнению сменовеховцев, антибольшевистские силы дискредитировали себя в глазах народа, в то время как большевики своей политикой заслужили национальное доверие:

¹³⁴ Там же. № 15. С. 2.

¹³⁵ Смена вех: Сборник статей. Прага, 1921. С. 134.

¹³⁶ Там же.

«Правительство Львова и Керенского, в полгода доведшие... страну до полного государственного распада методами своей политики, едва ли не в большей степени заслуживают названия «абсолютно и объективно антинациональных», нежели большевизм»^[137]. Придя к таким выводам, сменовеховцы поставили перед собой задачу донести их до российской интеллигенции, которой теперь «должны быть яснее, чем для кого бы то ни было, ложь и бессилие контрреволюции»^[138].

Действительно, и сегодня мы говорим об ответственности большевиков за развязывание в стране Гражданской войны и кровавого эксперимента над Россией. Отвергая пропагандистский тезис «перестроечных сил» о «социалистическом выборе» нашего народа в октябре 1917 г., мы не должны забывать о том, что на первую четверть XX в. у власти на всей территории страны или в отдельных ее регионах были самые разные общественно-политические силы, партии, течения и группы от монархистов до анархистов, но никому из них по разным причинам не удалось вывести страну из кризиса. На фронтах Гражданской войны большевики различными способами и средствами оказались способными противостоять широкому спектру политических партий и военных формирований, выступающих под разными идеологическими знаменами. Через популистскую демагогию, «красный террор», а также определенные социально-экономические преобразования руководство большевиков смогло

¹³⁷ Смена вех. 1921. № 3. С. 14.

¹³⁸ Там же. № 1. С. 1.

добиться пусть неустойчивого, но военно-политического превосходства над своими политическими противниками.

Сегодня исследователи, кажется, досконально изучили и обобщили причины поражения белых и победы красных в Гражданской войне в России. И любой объективный автор вынужден признать, что эта победа базировалась на завоевании основной социальной силы тогдашнего российского общества – середняка. Никаким другим общественно-политическим силам не удалось этого сделать. И если уж говорить о политическом выборе народа России, то нужно его связывать не с большевистским переворотом в октябре 1917 г., когда еще были возможны серьезные политические зигзаги, а именно с поворотом в период Гражданской войны, когда поражение белых было уже predetermined политическим выбором середняка. Это был вполне осознанный выбор в пользу «диктатуры пролетариата», что было использовано большевиками в дальнейшем для коммунистического эксперимента и над собственной страной, и рядом других стран.

Авторы сборника «Смена вех» первыми приняли и попытались осмыслить данный исторический выбор народа. Они выступают против антибольшевизма российской интеллигенции, видя в оппозиции большевистской власти старые интеллигентские ошибки, осужденные еще авторами сборника «Вехи». Красной линией через весь сборник проходит утверждение, что в настоящих условиях Совдепия – это единственная национально-российская власть. Данный фактор патриотизма, не совпадающий с большевистской идеологией, был основой для примирения бывших активных участников Белого движения – сменовеховцев с красными вождями. Большевизм представляется

идеологам «Смены вех» коренным русским национальным явлением, а большевистский переворот – подобие исконно русских, национальных бунтов в стиле Разина и Пугачева.

Национальный характер большевистского Октября не может затмить обилие инородцев в руководящих сферах «рабоче-крестьянского государства», так как все они находятся просто в водовороте русского бунта, увлечены его стихией, однако не могут играть самостоятельной роли. А пропагандируемый «пролетарский интернационализм» большевиков представляет собой лишь удачный пропагандистский лозунг. Он, по мнению сменовеховцев, должен способствовать осуществлению исторической миссии России, стать чрезвычайно важным и полезным орудием не только восстановления единого Российского государства, но и для водружения российского, пусть даже и по-большевистски красного знамени над всем миром.

Реализация социальной роли интеллигенции в обществе объективно требовала осуществления идейно-политических исканий – сложного и многообразного комплекса философских, политических и иных вопросов, выступивших в качестве своеобразной информационной целостности, некой «второй реальности», в рамках которой развивалась и самоопределялась российская интеллигенция. При этом идейно-политические искания российской интеллигенции были направлены как на поиск «формулы прогресса», разработку вариантов общественного развития России и борьбу за их реализацию, так и на самопознание, выявление присущих интеллигенции «родовых черт», что

в наибольшей степени определилось на «веховском» этапе ее истории.

Совпадение поиска «формулы прогресса» с «веховскими» традициями самопознания дало возможность продолжить идейно-политические искания в условиях послереволюционной действительности. Мировоззрение интеллигенции 1920-х годов во многом характеризуется общим усилением славянофильских тенденций, органически присущей верой в мессианское призвание России и отказом от европоцентристской схемы общественного прогресса. Во многом к этому подталкивала окружавшая эмигрантскую часть интеллигенции действительность западных обществ, ощущавших «закат Европы». Поэтому становление национал-большевизма (сменовеховства, нововеховства) – сложного и многообразного явления, сочетавшего идейные, политические и социально-психологические аспекты, стало заметным явлением и в Советской России, и в российском зарубежье.

Авторы «Смены вех» делали вывод о том, что самостоятельно интеллигенция не может сыграть существенной роли в России. Творческая задача российской интеллигенции – служить народу и тому режиму, который данный народ выбрал. Только в этом случае интеллигенция преодолет свое историческое народное и государственное отщепенство. Сменовеховцы рассматривали советскую власть как новую форму российской государственности, исторически соответствующую мессианскому признанию России. С традиционным для интеллигенции стремлением к превращению минусов развития страны в плюсы, они конституировали мистико-мессианскую психологию

«искупления грехов», являющуюся на деле продолжением интеллигентского максимализма, перенесенного в сферу национальных устремлений.

С одной стороны, многие сущностные черты сменовеховской идеологии, такие как мистика государства, преодоление интеллигентского отщепенства, критика радикализма, олицетворяли собою связь с дореволюционным, «веховским» прошлым. С другой стороны, на основе осмысления опыта 1917–1920 гг. сменовеховцы пережили существенный мировоззренческий перелом и признали большевизм как новую форму российской государственности, адекватную величю исторической миссии России. При этом сменовеховство наиболее последовательно и решительно выразило общее усиление славянофильских и антизападнических настроений, характерных для послереволюционного этапа идейно-политических исканий.

В этом отношении авторы сборника «Смена вех» видели своих предшественников в числе адептов «скифства». Сборник «Скифы», два номера которого вышли в конце 1917-го – начале 1918 гг., объединил вокруг себя деятелей культуры, рассматривавших революцию как мессианское антизападное русское народное движение, в основе которого лежит религиозный пафос. Сменовеховство, как и скифство, возникло на почве духовной традиции, идущей от славянофильства, той традиции, которая связывала будущее России с новой могущественной государственностью, противостоящей влияниям европейской политической культуры и выполняющей

некие мессианские функции по отношению к мировому сообществу.

Поэтому, по мнению сменовеховцев, большевистская революция – это лишь русский традиционный радикализм, который по стечению обстоятельств возглавили Ленин и Троцкий. Данная революция во многом напоминает историческую ситуацию Смутного времени. Поэтому сменовеховцы обнаружили духовно-психологическое родство большевиков не только с российскими радикалами, но и с представителями всех идейно-политических группировок, так или иначе участвовавших в революционных событиях, независимо от того, по какую сторону баррикад они находились. Вся история России, по мнению сменовеховцев, в силу своих внутренних интенций сама выбрала большевиков в качестве носителей и выразителей чаяний народных масс, общенационального возмущения и протеста против сложившихся общественных порядков. В том, что сам дух большевизма соответствовал объективным тенденциям развития России, сменовеховцы видели историческое основание для оправдания большевистской революции и самого большевизма. Его политическое торжество обрело, таким образом, некий онтологический смысл, роковой, inferнальный оттенок. Как большевистская революция «уверенно и властно вошла в русскую жизнь и накрепко утвердилась в ней», так вместе с ней и большевизм «бесповоротно стал исторической судьбой России»^[139].

¹³⁹ Смена вех: Сборник статей. С. 38.

Большевистскую революцию и сам большевизм сменовеховцы считали эпохальными историческими явлениями для России, в которых с предельной ясностью и всеобъемлющей полнотой воплотились накопившиеся за долгий период исторического развития России социальные устремления в душе русского народа, причудливо соединились многообразные духовно-психологические феномены, определившие специфическую культурную атмосферу российского общества в предреволюционный период. Октябрьская революция дала выход духовной энергии, которая уходила своими историческими корнями и в славянофильство, и в чаадаевский пессимизм, и в революционный демократизм Белинского, и в писаревский утилитаризм, и в герценовский романтизм, и в якобинство ткачевского «Набата»^[140]. Кроме того, в большевизме приобрели свою материальную плоть и конкретную персонификацию литературные образы Достоевского. «Достоевщина – от Петруши Верховенского до Алеши Карамазова» повсеместно прослеживается у адептов Ленина, утверждали авторы сборника «Смена вех»^[141]. Критически оценивая негативный компонент, присутствовавший в большевистском воплощении оживших героев «Бесов», сменовеховцы предприняли попытку аналитически взглянуть на данное явление как на исторически необходимый для дальнейшего развития России духовный опыт. Данный опыт страна обязана пережить

¹⁴⁰ Там же. С. 53.

¹⁴¹ Там же. С. 53–54.

для того, чтобы перед ней могла открыться новая полоса исторического развития.

Сменовеховцы считали большевизм практическим испытанием всего того, что исторически накапливалось в духовном арсенале русского народа, прежде всего российской интеллигенции. Именно поэтому культурная программа большевиков во многом повторяет основные постулаты, выдвинутые интеллигенцией, а идеалы русской интеллигенции трансформировались в идеалы большевизма^[142]. То есть, согласно сменовеховской концепции, исторически по своему духу большевизм во многом имманентен культурной традиции российской интеллигенции. Именно поэтому большевики оказались единственной силой, способной сломать прежнюю историческую колею движения России, после чего история страны резко разделилась на прошедшую и новую эпохи.

В деятельности большевиков сменовеховцы видели исторические черты русской народности, которая, по их мнению, выражалась в первую очередь в том, что Октябрьская революция впервые дала «возможность народным массам разрушить до основания четырехвековую социальную неправду и политическую мерзость»^[143]. В результате большевизм, «войдя в русло исторической неизбежности, выполнил народную программу, дал выход народному волеизъявлению, исполняя национальные требования»^[144]. Опираясь на

¹⁴² Там же. С. 150.

¹⁴³ Там же.

¹⁴⁴ Там же.

парадигму народности большевизма, идеологи сменовеховства давали благоприятные прогнозы о перспективах развития России при большевистском правлении.

Так, один из идеологов «Смены вех» Ю. В. Ключников писал в частном письме 25 апреля 1921 г. редактору журнала «Новая русская книга» А. С. Яценко: «Вот уже год, как я отстаиваю мысль о прекращении вооруженной борьбы с большевистским правительством, а теперь (тоже уже довольно давно) я полагаю, что всякие вообще «срывы» Советской России были бы лишь во вред России. Нет такой силы, которая могла бы прийти на смену теперешнему режиму, разломав все сделанное им, и которая вместе с тем могла бы сама что-то осуществить и что-то хорошее создать. Спасение России и остальных народов в естественной эволюции к новым формам социальной жизни, требуемой и сознанием приобретших небывалую политическую силу трудящихся масс, и событиями последних лет. Если эта эволюция не сумеет осуществиться, то взамен нее придет мировая революция. Борьба с этими эволюцией или революцией по рецептам Керенского, или Милюкова, или Струве – значит в лучшем случае играть неволью им же в руку («но какой ценой!»), а в худшем играть в руку самой дьявольской анархии»^[145]. В свою очередь питерский сменовеховец И. Г. Лежнев подчеркивал: «Вопрос взят в такой общей постановке, поднят на такую высоту, что здесь нейтрализуются частности и оттенки разномыслия. В этих пределах мыслим единственный

¹⁴⁵ Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин: 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Париж, 1983. С. 197.

водораздел: с революцией, с трудовыми массами, за раскрепощение страны или **ПРОТИВ** революции, **ПРОТИВ** ее раскрепощающего огненного дыхания»^[146].

Однако в суждениях сменовеховцев подобная позиция не означает, что нужно безоговорочно принять большевистскую программу. «Дума и тоска по «новой» России – у всех нас непрестанна. Или России не будет, или она пройдет новыми путями. Это стало почти всем ясно. Старая Россия рухнула не от напора новой молодой жизни, а от банкротства старого строя, от изгнивших основ и связей его; поэтому и революция наша не была здоровым и естественным переворотом растущего общества. Со дна, из самой глубины народной, поднялись грязь, муть и нечисть: в зверстве, во лжи, в нелепице и в невежестве свершилась наша печальная революция. Она не указала народу новых путей, как не искала этих путей и в старой России. Спасенья нет ни здесь, ни там. Какие-то иные дороги должны быть найдены для нашей политической, общественной, экономической, религиозной и художественной жизни. Мы жаждем обновления жизни, отрекаемся от старого мира и взываем к жизни иной, здоровой и чистой»^[147].

Сказать подобное, находясь в белой эмиграции, было достаточно трудно. Большинство политических лидеров и рядовых россиян из числа эмигрантов думали и рассуждали совершенно иначе. Например, М. П. Арцыбашев заявлял: «И если Россия не может быть спасена иным путем, как через примирение с

¹⁴⁶ Лежнев И. Г. «Даешь гражданина!»: Письмо из Москвы! // Вестник Маньчжурии. 1925. № 1–2. С. 84.

¹⁴⁷ Новая русская книга. 1922. № 3. С. 2.

большевиками, то и не заслуживает она спасения, пусть гибнет этот духовно растленный народ и да будет это место пусто!»^[148] Многие в эмиграции оставались приверженцами идеи «нового весеннего похода» – шла подготовка остатков белых армий при помощи Запада, создавались новые воинские формирования, проводилась военная подготовка и переподготовка эмигрантов, на территорию Совдепии засылалась агентура для подрывной и разведывательной деятельности. А сменовеховцы очень скептически оценивали вероятность успеха подобного «нового похода» против большевиков, видя вероятность гибели в нем основ российской государственности. Их патриотические устремления были направлены на недопущение новой военной авантюры и на выработку общественно-политической и социально-экономической альтернативы для России.

В это время политический и экономический кризис весны 1921 г. побудил большевистское руководство по-новому поставить вопрос о путях и методах «социалистического строительства». Главным достижением теоретических разработок руководства большевистской партии явилась новая постановка вопроса о роли товарно-денежных отношений, об использовании внесударственных форм собственности в хозяйственном строительстве, а также о разнообразии форм реализации самой государственной собственности. В экономическом мышлении был сделан шаг вперед, позволивший понять многие просчеты в первоначальных планах реорганизации общества через практику «военного коммунизма» и подойти к использованию

¹⁴⁸ Арцыбашев М. П. Указ. соч. Т. 1. С. 20.

новых источников в восстановлении разрушенного Гражданской войной хозяйства страны.

Провозглашение большевиками перехода к «новой экономической политике» оказало воздействие на отношение значительной части интеллигенции в России и российском зарубежье к власти большевиков.

Внимание российской интеллигенции на и вне российской территории не могли не привлечь меры, провозглашенные большевистским руководством для возвращения страны на рельсы правового государства: было провозглашено принятие Уголовного кодекса РСФСР, ограничена компетенция ЧК, создавались условия для более широкого привлечения к сотрудничеству дореволюционной интеллигенции, восстанавливалось экономическое взаимодействие с иностранными фирмами, внушала надежды замена продразверстки продналогом, в которой угадывались стремления наладить нормальные экономические отношения с крестьянством. Подвергая жесткой критике командно-административные методы «военного коммунизма» и приветствуя провозглашение «новой экономической политики», значительная часть российской интеллигенции видела свою задачу в том, чтобы максимально использовать производительные силы страны для ликвидации экономического кризиса. Для интеллигенции установление мира в России, возврат к прежним условиям созидательного, творческого труда, поддержание привычного дореволюционного уклада жизни были очень желанны. Поэтому свертывание крупномасштабных военных действий на фронтах Гражданской войны, вынужденное приглашение большевиками интеллигенции к сотрудничеству с большевистским режимом и особенно провозглашение

«гражданского мира» после кровопролитной Гражданской войны посеяли определенные иллюзии среди значительной части интеллигенции, обретшей надежду на возвращение к нормальным условиям труда и быта для строительства новой России.

За первые два десятилетия XX в. российская интеллигенция побывала в различных общественно-политических и социально-экономических условиях существования. Как в калейдоскопе, перед ней пронеслись царская Россия времен С. Ю. Витте, И. Л. Горемыкина, П. А. Столыпина, В. Н. Коковцева, Б. В. Штюрмера, периода Первой мировой войны, правление самых разных политических сил во всех составах Временного правительства, диктатура большевиков, всевозможные антибольшевистские властители в период Гражданской войны и под конец – широкий спектр западных государств в условиях рассеяния. На своем опыте интеллигенты могли осознать отсутствие идеальных общественно-политических и социально-экономических условий. Но им приходилось в первую очередь учитывать политический выбор русского народа к моменту окончания Гражданской войны в России, а также заявления руководства большевиков о поисках компромисса в российском обществе, что, в частности, выразилось во второй большевистской модели «социалистического строительства» – объявлении «новой экономической политики».

Вот почему отличительной чертой сменовеховского течения в среде российской интеллигенции стало открытое признание советской власти и необходимости активного сотрудничества с ней. Сменовеховцы одними из первых осознали, что советская общественно-политическая система в том виде, в

котором она оформилась в России к началу 1920-х годов, имеет достаточно широкую социальную базу внутри страны и на долгие годы будет определять ее судьбу. «Мы в большевиках, – писал Ю. В. Ключников, – видим единственную силу, оказавшуюся способной вывести широкие русские народные массы на большие исторические пути»^[149]. Поэтому и свою программу возрождения великой России и преодоления экономической разрухи сменовеховцы связывали с развитием созданного большевиками государства. Тем более, что поворот от «военного коммунизма» к «новой экономической политике» позволял надеяться на эволюцию советского строя в сторону некоторой либерализации политической и экономической жизни общества. Так, Ю. Н. Потехин подчеркивал, что «большевики-марксисты, чутко учитывая все настроения трудящихся масс, привыкли жить их интересами. Поэтому отказ от утопии для трезвого учета реальной действительности совершается намного быстрее и безболезненней, чем можно было ожидать. И в политической, и в духовной, и в экономической области для индивидуальности открывается все больший простор»^[150].

Утопией, приведшей страну к экономическому кризису, по мнению сменовеховцев, была политика «военного коммунизма». Они утверждали, что теоретики коммунизма явно переоценили действительность, так как поставили перед собой те задачи, которые «вчера только были намечены в ряде утопий человечества,

¹⁴⁹ Ключников Ю. В. Наш ответ // Смена вех. 1921. № 4. С. 5.

¹⁵⁰ Потехин Ю. Борьба за личность // Смена вех. 1921. № 10. С. 10–11.

начиная с «Утопии» Томаса Мора и кончая «Красной Звездой» Богданова. В результате проверки на опыте оказалось, что коммуна сейчас в России неосуществима ни как добровольное, свободное объединение людей на коммунистических началах, ни как принудительный общественный строй, в котором общая трудовая повинность покоится на бюрократическом и централизованном прикреплении людей к нежелательным или вызывающим отвращение занятиям»^[151].

Характеризуя деятельность большевистской власти в годы «военного коммунизма», И. Г. Лежнев подчеркивал, что «не безделье, а бесплодие труда было бичом революции. Все подвергалось «учету», кроме производительности труда... Всеобщий чиновничий стаж, военное обучение, пешее хождение, стояние в хвостах очередей, всеобщее, но прямое, часто тайное и отнюдь не равное пайкотаскательство, – всеобщее народное бедствие, связавшее всех единой круговой порукой»^[152]. По мнению Н. В. Устрялова, «политика реквизиций и конфискаций вызвала со всех сторон органический протест, а запрещение торговли – всеобщее неповиновение. Человек, решивший подчиниться коммунистическим декретам, умер бы с голода через пару недель – ибо «легально», кроме восьмушки сомнительного хлеба и тарелки бурды из гнилого картофеля, достать было нечего. Вся страна, включая

¹⁵¹ Григорьев М. Русская экономическая проблема // Смена вех. 1921. № 1. С. 12.

самых коммунистов, жила вопреки коммунистическим декретам, вся Россия «спекулировала»^[153].

Путь постепенного возвращения большевистского государства к нормальным для демократического общества условиям хозяйственной жизни, вызванный провозглашенной «новой экономической политикой», встретил поддержку в среде сменовеховцев. Социально-политическая ситуация начала 1920-х годов создавала иллюзию различных альтернатив своей возможной экспериментальностью. Значительной частью интеллигентской общественности революция воспринималась лишь как момент радикального обновления, возможность начать все заново. В этих условиях сменовеховство превратилось в широкое, но внутренне неоднородное общественно-политическое течение, широко распространившее свое идейное воздействие как внутри страны, так и в эмигрантских слоях.

Правда, сменовеховцы неоднократно ставили вопрос о гарантии прочности объявленного большевиками курса и приходили к различным вариантам ответа. Так, по мнению Ю. В. Ключникова, «опасность коммунистического рецидива вовсе не изжита Россией, так как отход наших коммунистов на буржуазные позиции есть чисто тактическая мера. Он может затянуться и углубиться, но может так же внезапно прерваться. В этом случае все новое будет зависеть уже не от него самого, а от того, какова будет обстановка в других странах»^[154]. Если экономические и

¹⁵³ Устрялов Н. В. Чрезвычайка // Новости жизни. 1922. 5 марта.

¹⁵⁴ Ключников Ю. Из переписки // Смена вех. 1921. № 5. С. 14.

политические дела Запада будут улучшаться, считал Ю. В. Ключников, почва для всякого рода коммунизма будет все больше уходить из-под ног советского правительства. Напротив, если политическая неразбериха, экономические нехватки и постоянные военные угрозы будут усиливаться на Западе, «то и «коммунистическая зараза» непременно будет все усиливаться и усиливаться, доколе есть поводы для революции»^[155]. А С. Лукьянов считал, что если западноевропейские и американские правящие классы «своею внутренней и международной политикой сумеют создать и поддержать такие объективные условия, при которых противоречия внутренней и международной жизни всех стран окажутся устраненными и сглаженными, то для советской власти станет невозможен, а главное, не нужен возврат к революционной тактике «немедленного коммунизма»^[156].

С другой стороны, Н. В. Устрялов, соглашаясь с Ю. В. Ключниковым и С. С. Лукьяновым, что «нэп» у коммунистов только тактическая мера для достижения прежних целей, утверждал, что повернуть «назад к коммунизму» им не удастся, так как «пролетарская власть, сознав, наконец, бессилие насильственного коммунизма, идет на уступки, вступает в компромисс с жизнью, принимает меры для хозяйственного возрождения страны, не считаясь с тем, что они «буржуазной» природы»^[157]. В этих мерах заинтересованы самые широкие слои населения, которые

¹⁵⁵ Там же.

¹⁵⁶ Лукьянов С. Эволюция // Смена вех. 1921. № 5. С. 14.

¹⁵⁷ Устрялов Н. Эволюция и тактика // Смена вех. 1922. № 13. С. 18.

не допустят возврата «военного коммунизма». Следовательно, по Н. В. Устрялову, плоды «нэпа» будут обладать силой непреодолимой даже для самих авторов и неизбежно приведут к эволюции большевиков.

С точки зрения сменовеховцев, «нэп» – это результат экономической политики «военного коммунизма», из-за которой страна пришла в состояние крайнего обеднения, ее производственный, обменный и распределительный аппараты расстроены, наблюдается тяжелый кризис недопроизводства. В условиях, когда страна нуждается в безграничном количестве различных потребительских ценностей, задача «новой экономической политики» состояла в том, чтобы максимально использовать производительные силы в ликвидации экономического кризиса. В связи с этим сменовеховцы неразрывно связывали процесс преобразований в экономической области с постепенным ограничением «сферы государственного коллективизма за счет расширения сферы частной инициативы»^[158]. Приветствуя меры большевиков, направленные на частную денационализацию промышленности и легализацию частной торговли, С. С. Лукьянов, в частности, делал вывод о том, что в будущем в России «должна будет сохраниться собственность частная, снова «неприкосновенная» в силу своего государственно-полезного характера»^[159]. И. Г. Лежнев считал, что «частная инициатива – охранительная форма производства, поставлена на службу отечественного производства, стало быть, – интересов государства.

¹⁵⁸ Григорьев М. Русская экономическая проблема // Смена вех. 1921. № 1. С. 13.

¹⁵⁹ Лукьянов С. Эволюция... С. 12.

Частная инициатива и государственное регулирование должны создавать взаимно то равновесие, которое жизненно необходимо в нашу переходную эпоху»^[160].

Государственно-полезный характер частной инициативы сменовеховцы видели в ее способности быстрого восстановления нарушенных хозяйственных связей между городом и деревней, вовлечения в сферу материального производства убыточных государственных предприятий. Исходя из этого, сменовеховцы полагали, что по отношению к мелким и средним предприятиям государство могло бы «провести принцип полной денационализации, поручив в отношении наиболее важных предприятий местного значения надзор органам местного экономического управления, минуя государственный центр»^[161]. Однако к «предприятиям, имеющим кардинальное значение в экономике страны, как то: крупным комплексам металлургических, машиностроительных заводов, текстильных фабрик, угольных копей, государство должно и в дальнейшем сохранить нечто большее, нежели контроль, например, в форме делового участия и в руководстве им»^[162]. Тем самым, предлагая такую форму государственно-частных хозяйств в крупной промышленности, сменовеховцы считали всякую попытку пойти дальше по пути «освобождения частной инициативы» на данной ступени

¹⁶⁰ *Лежнев И.* О Бисмарке и мещанине // Россия. 1922. № 1. С. 11.

¹⁶¹ *Григорьев М.* Денационализация промышленности // Смена вех. 1921. № 3. С. 6.

¹⁶² Там же.

экономического развития России «шагом экономически и социально реакционным»^[163].

Вариантом возрождения российской промышленности сменовеховцы считали укрепление единоличных крестьянских хозяйств. Разруха глубоко затронула сельское хозяйство, продукция которого в 1921 г. уменьшилась вдвое. И одной из первоочередных задач «нэпа» должна стать «действительная консолидация завоеваний крестьянства»^[164]. Обеспечивающая «владение землей в виде цельных единоличных участков»^[165].

По мнению сменовеховцев, выход из тяжелого продовольственного положения, в котором оказалась Россия в начале 1920-х годов, в том, чтобы деревня стала работать на рынок. А для этого, помимо мер, направленных на поднятие крестьянского хозяйства и на восстановление в нем специальных культур для промышленности, необходимо предоставить простор процессу расслоения и дифференциации среди крестьянства, возникновению крупных и сильных хозяйств, которые были бы способны поднять производительность сельского хозяйства и выработать излишки продуктов для рынка. Этому, по словам Н. В. Устрялова, способствовали бы дальнейшие реформы советской власти, обеспечивающие действительное развитие производительных сил страны. И «тогда за ними должны прийти и созидательная

¹⁶³ Там же.

¹⁶⁴ Устрялов Н. Две реакции // Смена вех. 1921. № 4. С. 11.

¹⁶⁵ Львов В. Советская власть в борьбе за русскую государственность // Смена вех. 1921. № 5. С. 20.

буржуазия – выдвинутая и закаленная революцией, – и в первую голову, конечно, тот «крепкий мужичок», без которого немисливо никакое оздоровление нашего сельского хозяйства, основы экономического благополучия России»^[166]. И. Г. Лежнев с удовлетворением замечал, что «под знаком НЭПа встает все наше крестьянское хозяйство. Ведь это, по меньшей мере, 90 % всего нашего хозяйства. НЭП крестьянский – сплошь трудовой и производительный»^[167]. А это повлекло за собой расширение социальной базы советской власти, так как «после беднейших были признаны и бедные, потом – середняки, а теперь – и кулачки... кооперативные, – арендаторы с правом маленькой эксплуатации наемного труда»^[168].

Подчеркивая, что в большевистском государстве политическая власть слита с экономической и тем самым открыт большой простор для волюнтаристских политических влияний на экономическую жизнь, сменовеховцы предупреждали о недоступности развития социалистических элементов народного хозяйства через репрессивные меры к частным элементам. Н. В. Устрялов отмечал, что вытеснять частный капитал государственным и кооперативным нужно «не мерами репрессий, а путем экономических усилий государства», так как, не предъявив ничего взамен вместо частного капитала, административные меры могут привести к деградации народного хозяйства и экономическому

¹⁶⁶ Устрялов Н. Логика революции // Устрялов Н. Под знаком революции: Сб. статей. Харбин, 1925. С. 98.

¹⁶⁷ Лежнев И. Катушка перематывается // Россия. 1923. № 6. С. 12.

¹⁶⁸ Он же. Великий синтез // Новая Россия. 1922. № 1. С. 23–24.

упадку, «страна окажется обреченной на перманентное полуголодное существование, а «смычка» с деревней вступит в полосу новых испытаний»^[169]. По Н. В. Устрялову, ликвидировать в стране частный капитал – «значит зарезать курицу, несущую государству золотые яйца» не только в форме производства продуктов труда и насыщения ими рынка, но и в форме налогообложения. Так, к концу 1920-х годов в результате провозглашения «новой экономической политики» сумма прямых налогов с капиталистических элементов приближалась к 300 миллионам рублей, что составляло примерно половину налогов, взимаемых с населения^[170]. Известно, что политика «раскулачивания» крестьянских хозяйств, начатая в конце 1920-х годов, привела к исчезновению хлебного экспорта из торгового баланса государства, что поставило под угрозу программу индустриализации, выполнение которой в значительной мере зависело от зарубежных поставок оборудования.

Немаловажное место в условиях «нэпа» сменовеховцы отводили проблеме кооперирования населения. По словам профессора Г. Швиттау из идеологически близкого сменовеховству журнала «Экономист», роль кооперации должна будет возрасти, потому что она предполагает наиболее равномерное распределение продуктов труда среди самих производителей. Кроме того, «пока крупный капитал будет медленно и постепенно захватывать в сферу своего влияния отдельные отрасли промышленности, вся

¹⁶⁹ Устрялов Н. Тринадцатый съезд // Устрялов Н. Под знаком революции... С. 156, 158.

¹⁷⁰ Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1927. С. 185–186.

необозримо-огромная область сельского хозяйства со столь значительными отраслями, как скотоводство, льноводство, лесоводство, хлопководство, с массой отраслей мелкого ремесленно-кустарного производства могут быть кооперированы немедленно и во всем своем целом»^[171]. Признавая целесообразность кооперирования населения, профессор Л. Литошенко подчеркивал, что задача кооперации лежит в сокращении экономического неравенства, которое «может заключаться только в поднятии уровня низших доходов, но не в насильственном уничтожении высших. Кооперация может рисоваться как идеал общества с преобладанием средних доходов, достигших довольно значительной абсолютной величины»^[172]. Дальнейшее развитие кооперации, по мнению Г. Швиттау, «не только не противоречит советскому строю, но, напротив, способно его лишь усилить и укрепить»^[173]. Следовательно, большевистская власть должна быть заинтересована в широчайшем применении кооперации для хозяйственного возрождения страны, привлекающей к себе все основные производительные силы и обслуживающей «все основные нужды всего русского трудового населения»^[174].

Эффективным средством для возрождения народного хозяйства являлась бы рациональная политика

¹⁷¹ Швиттау Г. Современное состояние русской кооперации // Экономист. 1922. № 20. С. 15.

¹⁷² Литошенко А. Кооперация, социализм и капитализм // Экономист. 1922. № 2. С. 198.

¹⁷³ Швиттау Г. Указ. соч. С. 17.

¹⁷⁴ Там же. С. 15.

в отношении банков и финансов. Сменовеховцы предусматривали денационализацию банков, так как их национализация привела к остановке делового оборота денежных средств и к потере таких функций, как финансирование предприятий, выдача кредитов на товары и прочее. Предполагалось, наряду с Государственным банком, допустить «к широкой деятельности кредитные учреждения общественного типа, построенные на кооперативных началах, и, по мере возрастания и расширения промышленности и торговли с их запросами к денежному рынку, частные банки»^[175]. В то же время представлялось обязательным «введение государства в каждый частный банк в качестве одного из крупнейших акционеров для надзора за финансовой деятельностью и получения прибыли для экономического возрождения России»^[176].

Допущение банков ставило вопрос об оздоровлении денежной системы. Сменовеховцы предполагали, что данная работа должна будет заключаться в целом ряде последовательно проведенных большевистским руководством мер общего характера: «1. Исправление государственного бюджета в сторону сокращения его расходной стороны. В современных условиях это означало бы: а) сокращение кадров государственных чиновников и служащих; б) крайнюю экономию во всех отраслях государственной работы; в) в области государственных предприятий охранение лишь тех, которые являются доходными, с тем чтобы убыточные были переданы в руки частной инициативы или

¹⁷⁵ Григорьев М. О денационализации банков // Смена вех. 1922. № 11. С. 8.

¹⁷⁶ Там же. С. 9.

закрытия; г) ограничение ввоза из-за границы предметов непродовольственного потребления. 2. В доходной части бюджета – стремиться к ее увеличению, для чего: а) отказаться от бесплатных услуг, где это только возможно; б) установить довольно значительное налоговое обложение; в) увеличить производство в доходных предприятиях государства; г) вести нормальные ввозные таможенные пошлины. 3. В финансовом отношении необходимо будет: а) ограничить до минимума печатание новых денежных знаков (эмиссию); б) создать резервуар для добровольного притока народных сбережений; в) широко развить вместо наличных платежей систему расчетов, перечислений, выдачи чеков; г) добиться всеми способами внутреннего и заграничного кредита, причем полученный кредит направлять на созидательные цели, на действительное поднятие производительных сил страны»^[177].

Непременным условием хозяйственного возрождения страны сменовеховцы считали активное привлечение большевистской властью к сотрудничеству широких слоев интеллигенции. «Надо прямо сказать, – писал И. Г. Лежнев, – что одной из важнейших предпосылок культурно-экономического возрождения является пересмотр отношения руководящих кругов к интеллигенции. Ее ответственная роль в производстве и культурном развитии недооценивается»^[178]. Сменовеховцы неоднократно призывали большевиков не упрощать проблему сотрудничества и не сводить ее

¹⁷⁷ Григорьев М. Об оздоровлении русского денежного обращения // Смена вех. 1922. № 13. С. 11.

¹⁷⁸ Лежнев И. Смена вех // Новая Россия. 1922. № 1. С. 62.

только к вопросу об отношении к советской власти, так как от интеллигенции зависит поднятие культурного уровня страны, подготовка квалифицированных кадров для народного хозяйства, научный и технический прогресс. По их мнению, «все, кто искренне желает хозяйственного возрождения нашей страны, должны научиться ценить наряду с трудом физическим – труд квалифицированный, хозяйственно-организующий»^[179].

В условиях «нэпа», с точки зрения С. Андрианова, «неизбежно сотрудничество сил, доселе исключавших друг друга. Крепнет спрос на профессии и знания, на практические и даже бытовые навыки, которые еще вчера представлялись ненужными, даже вредными. Для образованного слоя начинают открываться возможности приложить свою энергию к привычным видам труда»^[180]. Сменовеховцы подчеркивали, что перед большевиками стоит задача создания в стране культа квалифицированного работника, производителя, организатора, так как человеческий фактор в производстве материальных благ играет решающую роль. Н. В. Устрялов считал, что необходимо воспитать в стране «новое поколение хозяйственников, деловиков из рабочих, кооператоров, людей живого опыта, практиков «американской складки», с личной инициативой, энтузиазмом работы»^[181]. А это станет возможным лишь в том случае, если в стране будет соблюдаться «принцип сочетания начала частного, индивидуалистического, с

¹⁷⁹ *Он же.* Катушка перематывается... С. 12.

¹⁸⁰ *Андрианов С.* Третья Россия // Новая Россия. 1922. № 1. С. 5.

¹⁸¹ *Устрялов Н.* Ответ налево // *Устрялов Н.* Под знаком революции... С. 142.

началом государственным, общественно-необходимым»^[182].

Успех экономического возрождения России во многом будет зависеть от налаживания внешнеэкономических связей, и, по выражению сменовеховца С. Андрианова, «НЭП» внутренний неизбежно ведет к «НЭПу» дипломатическому»^[183]. Большевистским правительством был принят ряд конкретных мер в этом направлении. С. Лукьянов отмечал, что новым стало разделение функций Наркоминдела и Коминтерна, так как «во внешней политике «немедленная мировая революция» утратила свое регулярное значение в отношении конкретных шагов русского правительства, при отстаивании им международного положения РСФСР»^[184]. Такое «эволюционирование вправо русского коммунизма» давало возможность державам Запада «избежать мировой революции не борьбой с Советской (коммунистической) Россией, а примирением с нею именно как с таковой»^[185]. Сменовеховцы подчеркивали, что дипломатическое признание Советской России необходимо и для нормализации международных экономических связей, так как долгое отсутствие нашей страны на внешнем рынке наносило вред не только ее внутренней экономике, но ощутимо сказывалось и на экономике других стран. «Европе нужна

¹⁸² Григорьев М. Государственные тресты // Смена вех. 1922. № 16. С. 10.

¹⁸³ Андрианов С. Под знаком НЭПа... С. 8.

¹⁸⁴ Лукьянов С. Эволюция // Смена вех. 1921. № 5. С. 13.

¹⁸⁵ Ключников Ю. Из переписки... С. 15.

хозяйственно-оправляющаяся Россия, – писал И. Г. Лежнев, – а России нужна экономически крепкая Европа»^[186]. Изменение социально-экономического строя в России, с точки зрения сменовеховцев, вовсе не означало, что экономические связи с другими государствами должны быть разорваны, необходимо развивать их во взаимных интересах на основе политических компромиссов. «Если новая экономическая политика есть большевистский термидор, – писал Ю. В. Ключников, – то Каннская резолюция о том, что державы не претендуют на указывание друг другу правительственных режимов и обязательность для каждого из них режима собственности, есть термидор буржуазный. Начинается процесс двустороннего взаимного мироприспособления – требовательной русской революции к условиям иностранной жизни и буржуазии разных стран к требованиям русской революции. Это именно тот двойственный процесс, который мы все время считали единственным способом избежать мировых катастроф»^[187]. Со своей стороны Ю. Н. Потехин подчеркивал, что «ближайший этап всемирной истории определится неизбежным компромиссом между Советской Россией и остальным миром. И чем дальше в этом компромиссе западный капитализм пойдет навстречу нуждам и идеалам новой, но в свою очередь считающейся с реальными экономическими условиями России, тем безболезненней

¹⁸⁶ *Лежнев И.* Дни нашей жизни // Новая Россия. 1922. № 2. С. 53.

и быстрее все человечество выйдет на пути истинного эволюционного прогресса»^[188].

Сменовеховцы призывали российскую политическую эмиграцию «помочь иностранцам понять и осмыслить русскую революцию», примирить «цивилизованный мир» с Новой Россией». «Как никогда, Россия нуждается в помощи иностранцев, – писал Н. В. Устрялов, – и русские люди обязаны добиваться этой помощи, прилагая все усилия, воздействуя на иностранное общественное мнение и, сколько возможно, на правительства. Единым фронтом, единым разумом, единой волей внедрять в сознание мира факт преобразующейся России»^[189].

Налаживанию нормальных экономических отношений с другими странами в значительной степени препятствовал нерешенный вопрос о внешнем долге России. Сменовеховцы считали, что наиболее желательным для страны был бы отказ Запада от чрезмерных требований в вопросах выплаты большевистской Россией старых государственных долгов и предоставление ей кредитов на восстановление экономики. Для решения вопроса о внешней задолженности России сменовеховцы предлагали ряд мер. На 1 января 1918 г. внешняя задолженность составляла 4,2 миллиарда золотых рублей довоенного и 7,428 миллиарда золотых рублей военного долга. Но так как военные займы Россия брала во время мировой войны, которую она вела в интересах бывших союзников, то эти страны, по мнению сменовеховцев, большую часть своих затрат компенсировали «территориальными

¹⁸⁸ Потехин Ю. Перед катастрофой // Смена вех. 1921. № 5. С. 16.

¹⁸⁹ Устрялов Н. Проблема возвращения // Смена вех. 1922. № 11. С. 11.

приобретениями и контрибуционными платежами»^[190]. Несправедливость выплаты военной задолженности сменовеховцы аргументировали еще и тем, что военный долг в большинстве случаев есть долг на «право пролития своей крови». «Россия понесла убитыми 41,2 % всех союзнических потерь, и за это Россия оказалась бы еще в неоплатном долгу? Или нынешнее русское правительство не является преемником старого, и тогда союзники признают, что они должны были оплачивать тех бескорыстных людей, которые за них жертвовали жизнью, или же Советы являются правопреемниками старых правительств, и тогда где же союзнические отношения?»^[191] По статье 116 Версальского трактата Россия не получила от побежденной Германии контрибуционные выплаты, которые, «по подсчетам финансистов, могли бы составить около 42 миллиардов франков золотом»^[192].

Сменовеховцы считали, что «еще довольно большая часть государственного долга подлежит списанию с русских счетов на счета тех самостоятельных государственных образований, которые были выкроены из территории довоенной России, а так как процент населения довольно большой, то и часть долга существенная»^[193]. В то же время сменовеховцы предлагали советскому правительству учитывать и то

¹⁹⁰ Григорьев М. Кредит России и старые государственные долги // Смена вех. 1921. № 8. С. 6.

¹⁹¹ Кудрявцев Ф. Россия и Франция // Смена вех. 1921. № 8. С. 16.

¹⁹² Там же. № 7. С. 6.

¹⁹³ Григорьев М. Кредит России... С. 6.

обстоятельство, что в заграничных банках «хранятся принадлежащие России ценности, в разное время секвестрированные или принятые на хранение союзными правительствами. По подсчетам докладной записки в Лигу Наций, эти ценности (золотом и бумажными ценностями) составляют 2680238250 золотых франков»^[194]. Исходя из этого, сменовеховцы делали вывод о том, что получилась сравнительно небольшая внешняя задолженность, которая «должна потерять всякий удельный вес среди доводов против возможности предоставления России новых кредитов»^[195].

Оставшиеся долги сменовеховцы предлагали конвертировать, а для этого требовалось, чтобы советское правительство добилось бы у мирового сообщества права удовлетворить держателей займов в действующей валюте, а не в валюте 1914 г. Практическую выгоду от этого они видели в том, что вследствие понижения золотого курса европейских валют будут понижаться и платежи в золоте по довоенному государственному долгу. Учитывая, что во Франции было помещено $\frac{3}{4}$ довоенного долга, а курс франка в начале 1920-х годов упал в два раза, то, соответственно, и выплаты России в золоте уменьшились бы в два раза. Ликвидацию основной части долга сменовеховцы предлагали отсрочить на время, «в течение которого Россия успела бы завершить процесс своего экономического возрождения и оздоровления своих государственных финансов»^[196]. Следовательно, и

¹⁹⁴ Там же.

¹⁹⁵ Там же.

¹⁹⁶ Там же. С. 7.

«интересы Франции не в том, чтобы попытаться выколотить консолидированный долг, а в том, чтобы восстановить поприще, на котором французская энергия могла бы создавать новые и новые ценности»^[197]. Таким образом, выполнение долговых обязательств России сменовеховцы ставили в прямую зависимость от восстановления экономики, которая сама нуждается в помощи иностранных государств.

Сменовеховцы сделали принципиальный вывод: «Положение о том, что Россия без кредитов со стороны иностранных держав не в состоянии будет достичь сколько-нибудь серьезных результатов в деле экономического возрождения – стоит вне споров»^[198]. Самым приемлемым из всех видов кредита сменовеховцы считали денежный долгосрочный заем, так как предоставление других форм кредита (натурального или промышленным капиталом) означало бы зависимость от кредиторов^[199]. Однако, с точки зрения сменовеховцев, был бы неприемлемым открытый доступ в страну иностранного капитала, который, «придя в Россию и укрепившись там, постарается забронировать себя от неудобного ему контроля со стороны государства»^[200]. Эти суждения опровергают надуманные рассуждения некоторых большевистских деятелей и их последователей в общественно-политической литературе, утверждавших, что для сменовеховцев были

¹⁹⁷ Кудрявцев Ф. Указ. соч. С. 6.

¹⁹⁸ Григорьев М. Кредит России... С. 4.

¹⁹⁹ Там же. С. 5.

²⁰⁰ Григорьев М. О денационализации банков // Смена вех. 1922. № 11. С. 8.

характерны планы «передачи России мировому капиталу»^[201].

Для сменовеховцев была, наоборот, характерна забота о создании условий, благоприятствующих получению страной иностранных займов. Для этого внешняя политика большевиков должна быть направлена «на достижение реальной экономической связи с западными державами»^[202]. Налаживание взаимовыгодных торговых отношений с другими странами позволило бы России сберечь оставшийся золотой фонд, который расходовался бы большевиками «на приобретение предметов первой необходимости»^[203]. Вместо золота Россия смогла бы расплачиваться другими товарами, прежде всего продуктами сельского хозяйства. Один из представителей сменовеховского течения писал: «Когда стабилизация внутренних социальных отношений на основе твердой законности, предоставляющей необходимый минимум хозяйственных гарантий, осуществится, русское сельское хозяйство сможет осуществить накопление. С ним начнется экономическое взаимодействие с индустриальными странами Европы»^[204]. Россия должна выходить на мировой рынок страной сельского хозяйства, так как «максимальный интерес индустриальная Европа питает к восстановлению

²⁰¹ Хохунова О. И. Борьба Коммунистической партии против идеологии сменовеховства в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1967. С. 149.

²⁰² Устрялов Н. Две реакции // Смена вех. 1921. № 4. С. 11.

²⁰³ Кудрявцев Ф. После термидора // Смена вех. 1921. № 9. С. 6.

²⁰⁴ Дикий Г. Об иностранном кредите // Россия. 1923. № 7. С. 13.

экспорта русских сельхозпродуктов»^[205]. Если России удастся насытить Европу более дешевой продукцией сельского хозяйства по сравнению с американской и австралийской, то «экспорт европейского капитала в форме продуктов тяжелой индустрии и металлообрабатывающей промышленности не заставит себя ждать. В этом виде он имеет готового потребителя в русском транспорте и металлургической промышленности, которые будут обслуживать восстанавливающееся сельское хозяйство и добывающую промышленность»^[206].

Вместе с тем, по мнению сменовеховцев, нормальное развитие внешнеэкономических связей невозможно без «немедленного общего умиротворения вдоль всех русских границ»^[207]. Россию нужно «превратить в такой международный фактор, который силой своего влияния устранил бы раз и навсегда возможность враждебных международных коалиций»^[208]. Этому могла бы способствовать политика сближения США и России, так как «Вашингтон и Москва вместе – это мир всего мира, прогресс и свобода»^[209]. Сменовеховцы также считали, что «Россия должна призвать всю помощь, которую ей может дать энергия и знания германцев... русскому народу нужна дружба и Франции, и

²⁰⁵ Там же.

²⁰⁶ Там же. С. 13.

²⁰⁷ *Ключников Ю.* Генуэзская конференция // Смена вех. 1922. № 13. С. 4.

²⁰⁸ *Он же.* Вашингтон и Москва // Смена вех. 1921. № 2. С. 5.

²⁰⁹ Там же.

Англии, и всего мира»^[210]. Большое значение они придавали налаживанию торговых отношений с этими и другими странами. Так, например, сменовеховец С. Андрианов замечал, что Германия, лишенная после войны основных рудных районов, вынуждена ввозить дорогое сырье из Скандинавии и Испании, а высокие ввозные пошлины европейских стран закрыли дорогу на их рынок дешевым немецким товарам. Исходя из этого, им делался вывод о том, что «для промышленной Германии сейчас становится вопросом жизни и смерти связаться как можно скорее и теснее с русским сырьем и с русским потребительским рынком»^[211].

Желательным сменовеховцы считали и восстановление нормальных экономических отношений со странами, до революции входившими в состав Российской империи. «Я вполне понимаю эстонцев, – писал в 1921 г. в журнале «Смена вех» С. Стелецкий, – латышей и литовцев, – воспользовавшихся подходящим случаем, чтобы устроиться так, как им нравится. До отделения и Эстония, и Латвия, и Литва жили одной с Россией жизнью. Их связывала общность экономических интересов: поскольку Россия нуждалась в эстонских и латышских портах и в литовских железных дорогах для прямой связи с Западом, постольку же Эстония, Латвия и Литва не могли обходиться без России, как поставщицы почти всей совокупности предметов местного потребления и выгодной покупательницы тех немногочисленных предметов, которые ими производились. Теперь все это, что связано с русским

²¹⁰ Кудрявцев Ф. Гарантии // Смена вех. 1922. № 11. С. 6.

²¹¹ Андрианов С. Под знаком НЭПа... С. 6.

именем, предается безоговорочному остракизму. Как Рига, так и Ревель тянутся к Западу и ищут заморских друзей и союзников, находя, впрочем, только покровителей и опекунов»^[212]. Такое положение противостоит естественности, и в качестве подтверждения сменовеховец приводит высказывание одного из эстонских государственных деятелей того времени, не указывая конкретно его фамилию: «Отделившись от России, с которой у нас было так много общего, мы встретились с множеством затруднений. Это привело очень скоро к тому, что, сохраняя внешне самостоятельность, мы фактически очутились в сфере влияния иностранцев. Наши природные богатства немногочисленны и имеют сильнейших конкурентов за границей. Наша промышленность никакой реальной силы не представляет. Наша торговля в застое. Мы приобрели политическую физиономию, оставаясь чрезвычайно слабыми экономически. Что же остается? Россия. Сближение необходимо»^[213]. Примечательно, что аналогичную точку зрения со своей стороны высказал и С. Андрианов, который подчеркивал, что экономика прибалтийских государств «находится в полной зависимости от России. Только русским транзитом живут их порты и торговля, только на русском сбыте может возрождаться их промышленность, всегда рассчитывавшая свой размах на имперский рынок, а не на крохотный местный»^[214].

²¹² *Стелецкий С.* Россия и окраинные государства // Смена вех. 1921. № 5. С. 18.

²¹³ Там же. С. 13.

²¹⁴ *Андрианов С.* Под знаком НЭПа... С. 63.

Для дальнейшего качественного развития и углубления внешнеэкономических связей сменовеховцы предлагали советскому правительству отказаться от государственной монополии внешней торговли, ибо она «могла бы иметь свой полный смысл только при условии сохранения своего господства и на внутреннем рынке, с допущением вольной торговли внутри страны значение монополии не только ослабляется, но становится в прямом противоречии с желательным ростом производительных сил страны»^[215]. Сменовеховцы полагали, что благодаря введению монополии новому внешнеторговому государственному аппарату будет недоступно все то, что частной русской торговлей «было ранее сделано за границей в смысле связей, организации, знания рынков, закупленных, но не отправленных в Россию товаров и т. д.»^[216]. В то же время все расходы по содержанию государственных внешнеэкономических структур, в отличие от частных, ложатся на республиканский бюджет, а эффективность работы сильно снижается из-за влияния элементов бюрократизма, которые проявляются в невозможности быстро заключать выгодные сделки с зарубежными партнерами из-за различных долговременных согласований с центральным руководством. Помимо этого, вся тяжесть финансирования внешнеторговых операций также ложилась на государственный бюджет. Сменовеховцы подчеркивали, что по причине монополии внешней торговли «все те ресурсы, которые могли бы быть брошены в обращение из общественных и частных

²¹⁵ Швиттау Г. Современное состояние русской кооперации // Смена вех. 1922. № 20. С. 16–17.

²¹⁶ Григорьев М. Пути русской внешней торговли // Смена вех. 1921. № 6. С. 4.

источников, оказались блокированными во вред делу, ибо у государства никогда не может быть в руках достаточно средств, чтобы закупить потребность в товарах всего населения целой страны»^[217].

Исходя из строгого учета экономических потребностей страны и достаточно полного удовлетворения производственных и потребительских нужд населения, сменовеховцы предлагали заменить монополию такой системой регулирования внешней торговли, которая более всего отвечала бы запросам «нэпа». Так, в порядке убывания централизации и регулирования внешней торговли предлагались следующие переходные меры: «строгая система разрешений на ввоз и вывоз любого количества и рода товаров; – облегчение ввоза и вывоза на компенсационном начале, вывоз разрешается, если обеспечивается равноценный ввоз, и наоборот; – установление количественных контингентов, в пределах которых более свободно даются разрешения на ввоз и вывоз; – издание списков товаров, к которым применяется облегченный ввоз и вывоз не в разрешительном, а в явочном порядке; – переход к таможенной системе, с регулировкой ввоза и вывоза соответствующими повышениями или понижениями пошлин автономного тарифа; – принятие конвенционных таможенных тарифов с отдельными странами; – восстановление начала «наибольшего благоприятствования» и возвращение к довоенной системе международной торговли»^[218].

²¹⁷ Там же. С. 5.

²¹⁸ Там же. С. 6.

В целом, по мнению сменовеховцев, если придерживаться более строгой и более свободной разрешительной системы, государство сможет сохранить и без монополии возможность регулировать и направлять в своих интересах внешнюю торговлю. Для этого Наркомат внешней торговли должен будет «контролировать деятельность допущенных им к заграничным закупкам организаций и предприятий»^[219]. Появление же на мировом рынке российских частных и кооперативных организаций позволит максимально использовать экспорт отечественных товаров для привлечения в страну иностранной валюты и кредитов, не связанных государственными обязательствами, уменьшить использование золота для оплаты ввозимых из-за границы товаров. Для более полного принятия Россией торговой техники международного рынка с ее гибкой приспособляемостью к переменчивым условиям мировой конъюнктуры сменовеховцы предлагали создание смешанных обществ и концессий, а также организацию в стране международных торговых бирж и сети коммерческих школ^[220].

Таким образом, предлагая осуществить все перечисленные меры во внутренне- и внешнеэкономической областях, сменовеховцы полагали, что благодаря им Россия сможет возродиться в форме могущественного государства с рыночной экономической системой. Они считали свободное предпринимательство наиболее эффективным методом хозяйствования, однако

²¹⁹ Там же. С. 5.

²²⁰ *Чухотин С. С.* Организация. Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике. М.; Пг., 1924. С. 111–112.

отнюдь не стремились к восстановлению капитализма как формы социального господства старых эксплуататорских классов. Думается, что выдвинутая сменовеховцами экономическая программа могла бы стать реальной альтернативой складывающейся в 1920-е годы в нашей стране командно-административной системе. Однако она не была с должным вниманием изучена большевистским руководством, провозгласившим «новую экономическую политику», но так и не осуществившим ее на деле. Большевиками была твердо усвоена необходимость полного устранения из социальной жизни экономических рыночных механизмов хозяйствования, с которыми до самого последнего времени отождествлялись все основные пороки капитализма. Исключив экономические методы, механизмы саморазвития общества, большевистское руководство тем самым сделало окончательный выбор в пользу прямых, волевых методов хозяйственного развития, оно предпочло силе экономических стимулов силу власти.

В этих условиях «диктатура пролетариата» оценила предложения сменовеховцев в экономической области как «реставраторские». Одновременно в антисоветском лагере данные предложения сочли за «пробольшевистскую пропаганду». Однако мы видим, что экономические идеи сменовеховцев представляют достаточно сложную и довольно стройную систему, они гораздо сложнее приписываемых ему политико-идеологических характеристик. Скорее всего, мы можем говорить о том, что в этих идеях были во многом предвосхищены идеи «мирного сосуществования государств с различными социальными системами» академика А. Д. Сахарова 1960-х годов, а возможно, и теории конвергенции американского социолога и

государственного деятеля Збигнева Бжезинского 1970-х годов. Деловые, обоснованные предложения сменовеховцев, правда, не имели столь громких названий и не рассматривались как принципиально новые политические доктрины, но они давали возможность быстро и эффективно поднять экономику России. Это была реальная экономическая программа Третьего Пути России.

Данная экономическая программа во многом дополняла и углубляла основные положения их политической программы, где можно выделить три основополагающих момента. Во-первых, сменовеховцы поняли бесперспективность дальнейшей вооруженной борьбы с большевиками, осознали кризис антибольшевистского движения в белой эмиграции, а потому считали необходимым «примириться с советской властью» и выражали готовность работать с ней для возрождения великой России. Во-вторых, сменовеховцы, оставаясь на позициях русского патриотизма, желали использовать сотрудничество с большевиками для укрепления российской государственности, видели в Советской России единственную силу, способную укрепить позиции будущей новой России во всем мире. В-третьих, у сменовеховцев были сильны надежды путем сотрудничества с большевиками добиться расширения частной инициативы в экономике, введения демократических прав и свобод для эволюции «диктатуры пролетариата» в сторону либерально-демократического государства. Можно предположить, что определенное воздействие на взгляды сменовеховцев оказали идеи правых социал-демократов и центристов в Германии, которые пытались соединить систему Советов с парламентской

демократией, то есть включить Советы в систему парламентской республики. Во всяком случае, родство подобных взглядов, время и место их появления, близость их идеологических постулатов позволяют высказать такое предположение.

В условиях социального хаоса интеллигенция всегда пытается выявить то направление социального компромисса, который можно охарактеризовать как аттрактор. И «Смена вех» была одним из наиболее ярких вариантов подобного поиска в 1920-е годы.

Национал-большевизм и ВКП(б)

На практике идеи сменовеховства объективно способствовали укреплению власти большевиков, приходу на советскую службу значительных слоев российской интеллигенции. Лидеры большевиков использовали идеи «Смены вех» чисто прагматически для привлечения интеллигенции к сотрудничеству на короткий период. Конкретная помощь сменовеховцев плодотворно использовалась советской властью в разложении антибольшевистских сил, особенно в российском зарубежье. Так, на объединенном совещании Агитпропа с целью привлечения на сторону советской власти интеллигенции было принято решение не препятствовать в ближайший период журнальным изданиям сменовеховцев, «поскольку они ведут борьбу с контрреволюционными настроениями верхушки русской интеллигенции»^[221]. В докладе видного большевика А. С. Бубнова на пленуме центрального бюро Секции работников печати прозвучал следующий призыв: «Надо внимательнее относиться к буржуазно-реставраторским тенденциям в сменовеховстве. Под прикрытием революционной внешности сменовеховцы могут скорее привлечь колеблющихся»^[222]. В 1922 г. сменовеховец И. Г. Лежнев утверждал: «Сменовеховство сыграло свою роль и в России, выведя из состояния политического анабиоза наиболее консервативных, упрямых и тупых.

²²¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 141. Л. 18.

²²² Там же. Д. 154. Л. 34.

Революция – бодрствующий и возбуждающий лозунг пересмотра и переоценки, брошенный в косную интеллигентскую среду, родил, несомненно, живой отклик. И это, по справедливости, надо занести в актив «Смены вех», независимо от пассивных статей»^[223]. При этом большевики дифференцированно определяли задачи «Смены вех»: «Если задача зарубежных сменовеховцев – разложить эмиграцию, то перед российскими сменовеховцами стоит задача привлечь интеллигенцию на сторону советской власти»^[224]. Среди конкретных направлений большевистской работы среди белоэмигрантов называлось «создание в Берлине по образцу Праги комячейки, которая взяла бы на себя работу по разложению эмиграции путем сменовеховской пропаганды»^[225]. Один из лидеров парижских сменовеховцев Ю. В. Ключников в письме М. Горькому 17 сентября 1921 г. характеризовал журнал «Смена вех» как «соглашательский» или «необольшевистский». Важнейшую задачу журнала он усматривал в достижении взаимопонимания в среде русской интеллигенции. «Участие авторов, живущих в России, для нас было бы чрезвычайно важно тем, что оно положило бы прочное начало взаимопониманию русской интеллигенции в России и той, которая оказалась выброшенной за границу»^[226]. В ответном письме М. Горького приводится

²²³ РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 342. Л. 6.

²²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 178. Л. 3.

²²⁵ Там же. Д. 211. Л. 71.

²²⁶ Цит. по: *Баранов В. И.* Революция и судьба художника: А. Н. Толстой и его путь к социалистическому реализму. М., 1983. С. 131.

мнение Ленина, который считал, что книга «Смена вех» может образумить некоторую часть эмиграции»^[227].

Отмечается, что непосредственным катализатором процесса поворота эмигрантской интеллигенции в сторону сменовеховства «явился приезд в Берлин Пильняка, с энтузиазмом встреченного русским Берлином»^[228]. Именно Б. А. Пильняк «сыграл если не решающую, то непосредственную роль в принятии ими решения вернуться в Россию»^[229]. Он отстаивал общенациональный, внепартийный характер новой, «мужицкой» культуры, и это привлекало к нему равно берлинских писателей, близких к сменовеховству, и молодых советских литераторов. Московский писатель Н. С. Ашукин говорил о Б. А. Пильняке в те годы: «Он – вне литературных групп и партий. Тем интересней»^[230]. Сам Б. А. Пильняк в письме в редакцию берлинского журнала «Новая русская книга» 4 июня 1922 г. так охарактеризовал свое отношение к «Смене вех»: «Я приветствую сменовеховство как искание. Сам я, в сущности, сменовеховец. Но «Накануне» не знает наших будней и просматривает нашу молодую, теперешнюю, революционную общественность – тактика «Накануне» мне чужда. И это разводит наши дороги. Я с глубоким уважением отношусь к тем, кто искренно сменовеховствует, как ко всякому искреннему

²²⁷ Там же.

²²⁸ См.: *Руль Р.* Жизнь на фукса. М.—Л., 1927. С. 211.

²²⁹ Русский Берлин... С. 189.

²³⁰ *Ашукин Н.* Современность в литературе // Новая русская книга. 1922. № 6. С. 5.

верованию, и думаю, что дружеские мои отношения с товарищами, работающими в «Накануне», – по-прежнему останутся товарищескими и дружескими»^[231].

Идеи, близкие к сменовеховству, с трудом пробивали себе дорогу из-за отсутствия консолидирующего печатного органа. Так, Ю. В. Ключников в письме к А. С. Яценко 25 апреля 1921 г. сетовал: «В Париже появилось довольно много книг, о которых следовало бы написать. У меня имеется очень интересная книга Н. В. Устрялова, присланная им мне из Харбина. Есть у меня много своих тем, на которые хотелось бы написать, но во Франции нет соответствующего русского органа»^[232]. После начала выпуска журнала «Смена вех» и особенно газеты «Накануне» распространение идей сменовеховства интенсифицировалось. Это сказалось на общественно-политической жизни эмиграции. Сразу же с выходом «Накануне» возникли разногласия в берлинском «Доме искусств». В середине апреля 1922 г. здесь образовалось новое объединение русских литераторов и художников «Веретено», которое имело явно антисменовеховскую направленность^[233]. В письме Веры Зайцевой Вере Буниной 9 ноября 1922 г. из Берлина читаем: «Приехавшие из Москвы устраивают «Союз Писателей» – я очень рада, там будем встречаться по субботам. Здесь был «Дом литер[аторов]» (кажется, так

²³¹ Цит. по: Русский Берлин... С. 196.

²³² Там же. С. 108.

²³³ Подробнее см.: Баранов В. И. Указ. соч. С. 156–157.

наз[ывается]), но там мы не бывали, это все советск[ие] учрежд[ения] и «Накануне»^[234].

О влиянии сменовеховских изданий на эмиграцию говорит и тот факт, что член оргбюро ЦК ВКП(б) А. С. Бубнов в объяснительной записке к проекту постановления о работе среди эмигрантского студенчества подчеркивал «желательность работы сменовеховцев, в первую очередь через «Накануне», со студенчеством»^[235]. В инструктивном письме Агитпропа среди задач по разложению эмигрантского студенчества также указывается «использование сменовеховской прессы и прежде всего «Накануне», поскольку эта газета проникает в очень широкие эмигрантские круги»^[236]. О расширении влияния на эмигрантское студенчество сменовеховства говорит, например, тот факт, что 10 октября 1922 г. редакция газеты «Накануне», «Союз студентов – граждан РСФСР в Чехословакии» и Объединение Российских студентов в Германии выпустили бюллетень № 1 «Студенческая жизнь»^[237].

Среди документов П. Н. Милюкова находится рукопись, носящая характер донесения, без подписи отправителя, даты и места отправления. В ней говорится: «В последнее время Советское правительство очень заинтересовалось делом возвращения беженцев в Советскую Россию. Большевики стремятся внести

²³⁴ Цит. по: *Зайцев Б.* Другая Вера («Повесть временных лет») // Новый журнал. Кн. 92. Нью-Йорк, 1968. С. 178.

²³⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 211. Л. 28.

²³⁶ Там же. Л. 64.

²³⁷ Там же. Л. 6.

возможно большее разложение в среду беженцев, особенно воинских чинов... Как сообщают из «сменовеховских» кругов, в Москве обратили внимание на подготавливаемую Верховным Комиссариатом д-ра Нансена перевозку 1000 сибиряков из Константинополя во Владивосток. Для дальнейших переговоров по репатриации русских беженцев вообще и сибиряков в частности, предполагается в начале сентября выехать из Берлина в Женеву известным сменовеховцам Лукьянову и Корешкову. В случае удачи переговоров Советы предполагают командировать для работы на местах среди казаков Лукьянова в Югославию и Корешкова в Болгарию... Так под прикрытием громких фраз об аполитичности и гуманности верховный комиссариат д-ра Нансена поставляет жертвы чрезвычайке и рекрутов в Красную армию»^[238].

И все же наибольшее влияние сменовеховцев наблюдалось среди эмигрантского студенчества, где данное общественно-политическое течение вело активную работу. Так, среди докладов, читаемых в Объединении Российских студентов в Германии, значатся доклады Ю. В. Ключникова, С. С. Лукьянова, С. С. Чахотина^[239]. Однако пражские студенты-эмигранты из Союза студентов – граждан РСФСР в своей просоветской ориентации пошли дальше сменовеховцев: «Группа выступает под флагом сменовехизма, так как сменовеховские настроения есть во всех категориях эмигрантского студенчества. Группа рассматривает сменовеховство как средство, ведущее к созданию Союза

²³⁸ ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 116. Л. 67.

²³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 211. Л. 40.

студентов. Но группа не рассматривает сменовеховство как явление, враждебное коммунизму и имеющее какие-либо недоговоренные цели. Но у сменовеховцев отсутствует инициатива, а потому не они должны руководить союзом»^[240]. Кризис сменовеховства в тех условиях был неизбежен, ибо деятельность сменовеховцев постепенно все больше зависела от материальной подпитки со стороны большевиков. А это означало отказ от собственной, независимой идеи Третьего Пути России, безоговорочное приятие большевистской идеологии.

Сменовеховство изнутри

Представление о взаимоотношениях внутри сторонников основополагающих идей «Смены вех» дает переписка профессора Н. В. Устрялова со своими коллегами по этому общественно-политическому течению. Данная переписка была подобрана и, скорее всего, отредактирована и перепечатана в нескольких экземплярах на машинке самим Н. В. Устряловым накануне отъезда в СССР. Один из экземпляров переписки сохранился в Гугеровском архиве войны, революции и мира в коллекции Ustrialov, Nikolai. Последующие выдержки из писем цитируются по данной коллекции. Письмо А. В. Бобрищева-Пушкина Н. В. Устрялову из Монте-Карло от 30 июля 1922 г., в частности, указывает на определенные разногласия в редакции «Накануне»: «В «Накануне» трения между правыми и левыми; редактор Кирдецов – социалист. О Ключникове и Потехине сообщено в печати, что они получают места в Москве; Ключников – кафедру

²⁴⁰ Там же. Лл. 37–38.

профессора международного права. Мне товарищи усиленно пишут, что желательно мое присутствие в Берлине, но я по семейным обстоятельствам пока туда выехать не могу. Расходится газета «Накануне» очень хорошо. «Смена вех» в эмиграции все усиливается: недавно примкнула студенческая группа в 370 человек, что вызвало у наших противников большое волнение»^[241].

Письмо А. В. Бобрищева-Пушкина Н. В. Устрялову от 22 августа 1922 г. содержит также сведения о разногласиях сменовеховцев: «Разница идеологии чувствуется в редакции «Накануне», как и личные трения. В России же «термидор» укрепляется. Это – давление жизни, и коммунизм перед ним не может не отступить. Так, как я писал в «Новой вере», все образуется – без новой революции и без эмиграции. Не пишу Вам пока много, так как в своем отшельничестве далеко даже от дел нашей группы»^[242].

В следующем письме А. В. Бобрищева-Пушкина Н. В. Устрялову из Монте-Карло от 9 октября 1922 г. уже сообщается о «перевороте» в редакции «Накануне»: «С тех пор как я Вам писал, в «Накануне» произошел переворот: уход Ю. В. Ключникова с Потехиным. Этого можно было ожидать после его отъезда в Россию, так как уже тогда были серьезные трения, о которых я Вам писал в своем июльском письме и оставление Юрием Вениаминовичем [Ключниковым] своего редакторского

²⁴¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

²⁴² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

поста для этой поездки было не совсем добровольным, а произошло под давлением остальных членов редакционной коллегии. Таково, по крайней мере, мое впечатление отсюда из Монте-Карло; я во все это отсюда не вмешиваюсь. Вернувшись в Берлин, Юрий Вениаминович крупно спорил с «наканунцами», требовал даже закрытия газеты, в чем ему, конечно, было отказано, но, наконец, был заключен худой мир, который лучше доброй ссоры, без возвращения его в газету. Он и Потехин уезжают в Россию окончательно. Дело очень развилось; наши товарищи из «Накануне» занимаются и издательством, и репатриацией, и делами Красного Креста. Я вызван теперь в Берлин, так как нужны работники. С большим интересом ожидаю, когда начнет приходить Ваша газета «Новости Жизни»^[243].

В самом общественно-политическом течении «Смена вех» в 1920-е годы происходили достаточно явные процессы сближения с большевиками, что вызывало недовольство ортодоксальных «сменовеховцев», и в первую очередь профессора Н. В. Устрялова, проживающего в Харбине, где были более сильными монархические и профашистские силы. В этом плане характерны три письма Устрялова другим авторам сборника и журнала «Смена вех» с оценкой «мимикрии» «сменовеховской» газеты «Накануне» в сторону большевизма. В начале октября 1922 г. в письме Н. В. Устрялова С. С. Лукьянову читаем: «Я все время избегал полемики с Вашей группой, учитывая ее тактическую нежелательность. Но теперь, когда не только повсюду со стороны отмечают различие в

²⁴³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

«тоносе» заявлений харбинской и берлинской сменовеховской групп, но и Вы сами считаете в известном смысле полезным выявить наши разногласия, – я вынужден, так или иначе, откликнуться.

Я убежден, что та «мимикрия» (по выражению А. В. Бобрищева-Пушкина в его письме ко мне), которая характерна для «Накануне», весьма опасна для сменовеховского движения. Другое дело, конечно, если на сменовехизм Вы смотрите искренно, как на прямой мост к большевизму и РКП – и только. Но если Вы расцениваете наше движение, как нечто самостоятельное, имеющее **свое собственное будущее**, то необходимо вырабатывать и собственную идеологию, отличную от экономического материализма и классовой точки большевиков. Ключников, по-видимому, это пытается сделать в своем «Перепутье», но вышло, к сожалению, достаточно слабовато. А «Накануне», увы, чересчур уж вдалось в мало оригинальные перепевы большевистских мотивов.

Мне кажется, это невыгодно для самого «Накануне», утрачивающего яркость и своеобразие позиции, ничего взамен не приобретая. Стремясь быть «большевиками второго дня революции» (мечта Ключникова и Бобрищева-Пушкина), следует опасаться стать просто большевиками второго сорта, – не правда ли?

Заметьте вдобавок, что сами большевики (не говорю уже о других русских течениях) с гораздо большим вниманием относятся именно к нашему, идеологически самостоятельному крылу сменовехизма, нежели к Вашему, «мимикрическому». Все равно, Вашей группе они верят, и вместе с тем чувствуют, что внутреннее зерно движения, его историческая «энтелехия» – не в

«притворной» публицистике «Накануне», а в откровенной идеологии нашей харбинской группы. Это подтверждали и Ленин, и Зиновьев, и *dii minores*.

...В заключение мне хотелось бы подчеркнуть, что было бы весьма желательно не придавать нашим разногласиям характер **раскола**. Будем по-прежнему выступать как **единое целое**, по возможности затушевывать разногласия и выдвигать на первый план то, что нас объединяет. Тогда оба наши крыла будут принадлежать действительно чему-то живому и развивающемуся и не уподобляться крыльям давно съеденного гуся, годящимися лишь для подметания эмигрантской пыли, а отнюдь не на парение в воздухе. С этой точки зрения, меня крайне огорчает нетактичность, допущенная Ключниковым в Москве и послужившая причиной его разлада с Вашей редакцией, весть о чем только что дошла до Харбина»^[244].

Из письма Н. В. Устрялова другому сменовеховцу С. С. Лукьянову 19 октября 1922 г. мы узнаем следующее: «Я Вам откровенно скажу, что положение, которое занял в Москве Слащев и занимает Брусиллов, кажется мне гораздо более правильным и достойным, нежели та мимикрия (абсолютно верю – субъективно искренняя), которая характерна для Юрия Вениаминовича [Ключникова]. Мне его от души жалко, ибо он не сознает, что приносит себя в жертву совершенно напрасно – никто этой жертвы не оценит и, главное, ни к чему она не нужна. Губер в «Литературных Записках» очень злобно отметил какую-то суетливость, суматошность, которую проявляют сменовеховцы,

²⁴⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

«делающие русскую историю в Берлине, как хромой бочар делал луну в Гамбурге». Чтобы он не оказался прав, мне кажется, нужна нам большая выдержка, сознание, что в данную минуту нам еще не следует становиться слишком близко к правящим кругам, не следует **брать на себя ответственность за советскую политику**. Мне представляется, что Ключников и, отчасти, «Накануне» не уясняют себе объективно-исторической роли, которую призван сыграть сменовехизм: – он ни в какой мере не течение **революционное**, а вполне и всецело **послереволюционное**. И рядиться в революционные тоги нам неуместно, даже если б кто из нас (как Ю. В. [Ключников]) и впрямь воспылал поздним революционным пафосом: тогда ему окажется весьма не к лицу, что отмечают, увы, единодушно и подлинные аристократы революции («прикидываются»), и эмигранты всех колеров.

Брусилов и Слащев отнюдь не заявляют себя чересчур проникшимися «заветами Октября», но приносят России вполне реальную и ощутительную пользу, сохраняя себя и для будущего. Ключников, втравливаясь в **большевицкую политику**, воспринимая **большевицкую идеологию**, без нужды вовлекает себя в атмосферу, которой он по существу своему чужд и которая, как всякая революционная атмосфера, постепенно рассеивается. Того и гляди он попадает в какую-либо мелкую склоку и уже окончательно оторвется от всякой почвы, не пристав, как следует, к большевикам (для чего, прежде всего, полагается быть историческим материалистом, а попробуйте-ка освободить нас с Юрием Вениаминовичем от всяких реминисценций школы Трубецкого!) и

вооружив против себя и нэпманов, и спецов, и новую буржуазию, и адвокатов «крепкого мужичка». Нет, нет, больше самостоятельности, больше чутья к фазисам революции, больше осторожности в *идеологических* уступках!.. А в повседневной практической политике «наши пути сходятся», и я здесь на Дальнем Востоке, не скрывая, поддерживаю контакт с советскими представителями и давно уже вошел в советское подданство...»^[245]

В письме А. В. Бобрищеву-Пушкину 20 октября 1922 г. Н. В. Устрялов пишет: «Я по-прежнему считаю ошибочной линию «Накануне»... Вы тысячу раз правы: «В России Термидор укрепляется. Это давление жизни, и коммунизм перед ним не может не отступить». Да, конечно, это так. И наша задача теперь – не нервничать, не суетиться и сумасшествовать, чем, по мнению Губера («Литературные Записки»), грешат сменовеховцы, а упорно гнуть свою линию «второго дня», ни в какой мере не приспособливаться под первый.

Недавно приезжал сюда из России профессор М. М. Рубинштейн, бывший московский, а теперь иркутский. Мы долго беседовали с ним. Он – вполне «сменовеховец», т. е. стоит за полное признание советской власти и созидательную работу в России. Но отсюда вовсе не хочет он выводить своей политической солидарности с коммунистической партией, – не любит злоупотреблять и ссылками на «заветы Октября». Он считает, что мы допустим огромную ошибку и погубим себя, если добровольно возьмем на себя ответственность

²⁴⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

за политику советской власти. Наша роль теперь – деловых людей и только. Мне кажется, он глубоко прав.

Если укрепляется термидор, должны скоро сказаться и его результаты. Постепенно начнут сходиться со сцены люди крови и первого дня. Бухарин, Дзержинский, Радек – диссонируют с атмосферой нэпа. Тут место Красиным, Ломоносовым, ну, Чичериним, Луначарским. Предстоят, несомненно, еще кое-какие перемены, будет дифференциация. Левые могут временно победить, но не в споре о нэпе, а в плоскости внешней политики (агрессивная революционная война). Но погибнут и в случае поражения, и в случае победы русской армии... Нам же необходимо быть по ту сторону этих внутрибольшевистских эволюций. Я писал Лукьянову, что «Накануне» не уясняет себе объективно-исторической роли сменовехизма: это движение ни в коей мере не **революционное**, а вполне и всецело **послереволюционное**. Так нужно и записать (умные большевики так и записали) и не рядиться в революционные тоги, идущие нам не более, чем Врангелю – костюм демократа. Я считаю, что Ключников, благодаря своей неуравновешенности, – «ни в какую не попал» и теперь может погрязнуть в какой-либо мелкой склоке переломного времени. Очень жалко его!

Общая наша линия ясна: собственническая крестьянская советская Россия. Но полная лояльность наличной власти, борьба со всеми врагами нынешней России. Большого от нас **умные** большевики абсолютно и не требуют. «Накануне» же упорно пытается

уподобиться той belle fille^[246], которая надеялась *doper plus que ce qu'elle a...*^[247]

Опять же в тактике по отношению к эмиграции. Вы пишете, что «Накануне» озлобилось, ибо его травят из последних слов со всех сторон. Озлобилось и «полевело». – Но разве это достойно серьезных политиков? Пусть Милюков, Струве и Гессен озлоблены – разве это мотив для нашего «левения» или «правения»? Пусть ругаются, это вполне естественно. Тем спокойнее должны мы доказывать, что они губят собственные идеалы, а мы служим патриотизму и именно их богам, только усовершенствованным. Вода камень точит. А что добьемся мы, заворачивая влево – в интернационализм и коммунизм? Ровным счетом ничего.

Очень интересны Ваши соображения о мировой революции. Но я их воспринимаю больше не *sub specie* коммунизма, а, скорее, в плане шпенглеровского «[Der] Untergang des Abendlandes»^[248]. Коммунизм ***сам по себе*** ничего не спасет, ничего не исцелит. Он – последнее слово механизации общественной жизни. Но, впрочем, это тема настолько сложная, что не решаюсь говорить о ней и схематически.

... Считаю возвращение свое в Россию еще преждевременным, – пусть еще кое-что утрясется: людям нашего ремесла (политикам, публицистам) там еще нельзя служить, – надо прислуживаться, что, как и

²⁴⁶ Девушка (фр.).

²⁴⁷ Дать больше того, что она имеет (фр.).

²⁴⁸ Точный перевод «Закат Запада», но принято переводить «Закат Европы».

прежде, достаточно «тошно». Но скоро и это будет изжито, – тогда поедem...»^[249]

При тогдашних средствах связи активная регулярная переписка между Европой и Азией была затруднена, что уменьшало остроту полемики между сменовеховцами, о чем свидетельствует письмо А. В. Бобрищева-Пушкина Н. В. Устрялову из Монте-Карло от 2 ноября 1922 г.: «Для обмена письмами нам нужно три месяца – огромный срок, конечно, крайне затрудняющий переписку. Так Юрий Вениаминович [Ключников], о котором Вы пишете, уже перестал быть лидером сменовеховцев, а «левые» заняли в «Накануне» доминирующую позицию. Недавно в полемике их с коммунистической печатью даже проскользнуло замечание, что они отмежевались от устряловского сменовехизма. Моя позиция здесь – примирительная. Я вижу тут лишь оттенки мысли, где и отмежевываться нечего: не такая у нас большая территория, земли мало, куренка, скажем, и того выпустить некуда; где же тут еще межеваться? Но это – вековая русская черта. Если я перееду в Берлин, куда меня зовут, то кое-что растолкую. Во всяком случае, газета ведется прилично, с достоинством; я совершенно с Вами согласен, что в ней «ощущаются более разумные нотки», сравнительно с ляпсусами первого времени. И думаю, что это «надолго», так как коммунистическая печать вынуждает к полемике и невольно отбрасывает вправо. Парижский журнал «Смена вех» велся неизмеримо хуже, был сухим, а газета живая. С Юрием Вениаминовичем [Ключниковым] помирились и даже об

²⁴⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

этом напечатали, но это именно худой мир, который лучше доброй ссоры. В газету он не вернулся и не мог вернуться. Таким образом, он теперь – профессор, имеющий кафедру в Москве, заведующий там одним из книжных издательств, но к заграничному сменовехизму и к «Накануне» его отношение кончилось. Каковы дальнейшие судьбы сменовехизма, отсюда, из Монте-Карло сказать не могу. В Берлине определится»^[250].

Из письма Н. В. Устрялова профессору Н. Н. Алексееву от 4 ноября 1922 г. явствует, что автора письмастораживало быстрое скатывание на советские позиции представителей группы «Смена вех»: «...Вы, вероятно, слышали, что я числюсь в стане «сменовеховцев», ибо некоторые мотивы моих здешних статей совпали с линией «Смены вех». Однако Ключников и его нынешние европейские друзья умчались с чрезвычайной быстротою куда-то дальше, все левей, левей, и за ними не угонишься, да, признаться, и охоты нет гнаться. Я и решил лучше уж остаться собой, и вот стал черносотенцем среди сменовеховцев и сменовеховцем среди черносотенцев. Тактически я приемлю многое в «Накануне», но идеологически по-прежнему мне ближе «Русская мысль». Удивляюсь только, как Струве с его огромным и столь недогматическим умом не хочет понять, что воссоздание России теперь мыслимо только через трансформацию, а не через сокрушение революции. Вернее, – через ее **самоотрицание**, а не просто отрицание. И в этом ее

²⁵⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

самоотрицании надо быть с ней, иначе вовсе отобьешься от России.

Помните, Вы когда-то смеялись, передавали слова какого-то студента, будто бы я на семинарии «синтезировал революционное народничество со старым славянофильством»? – Не пришла ли пора синтезировать со старым славянофильством нашу революцию? Тем самым весьма подновится славянофильство и весьма выиграет революция...

Ну, да, впрочем, все эти «синтезы» производятся жизнью совершенно независимо от нашего желания и нежелания. Мы только регистраторы, а итог подведет пресловутый «будущий историк»...»^[251]

Из письма Н. В. Устрялова С. С. Лукьянову от 14 декабря 1922 г. из Харбина данная позиция проглядывает еще более четко: «Я вполне учитываю необходимость в настоящий момент революционного жаргона, и в этом отношении готов понять тактику «Накануне», – но сам к этому жаргону органически не могу приучиться... И все же вряд ли следует чересчур им злоупотреблять. Вообще говоря, сменовеховцы имеют явственную тенденцию превратиться в обыкновенных «сочкомов», – и повторяется старая история, что паписты держат себя всегда восторженнее и ортодоксальнее самого папы...

С большим интересом ожидаю от Вас ответа на посланные Вам мои письма. Я так давно ничего не имею ни от Ключникова, ни от Потехина, что начинаю утрачивать чутье тех внутренних сменовеховских

²⁵¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

интуиций, которые стоят за газетным «парадным крыльцом»^[252]. Ужели эти интуиции – окончательно в сфере интернационально-коммунистической идеологии? Ужели, кроме тактики, у нас нет с Вами ничего общего и мы – не спутники, а только попутчики?..»^[253]

Интересные размышления о будущем сторонников «Смены вех» можно почерпнуть из записи от 1 января 1923 г. дневника Н. В. Устрялова:

«Ну, еще год. Что-то даст наступивший?..

Весна нашего «большевизма» кончилась. Большевики нас теперь ругают чуть ли не по-прежнему. Особенно меня. И сам сменовехизм перестал быть единым течением, внутренне расслоился, дал менее, чем обещал. Ключников поссорился с «наканунцами», наканунцы «отмежевались» от меня, ну а я чувствую идеологическую свою отчужденность и от наканунцев, и от Ключникова... Бобрищев-Пушкин, впрочем, полагает, что корень этой разладицы не слишком глубок...

Да, коммунистическая печать подчас готова в нас видеть чуть ли не «новый фронт»... Нелепо, хотя, если хотите, и естественно: нелепо потому, что мы ни в какой степени не посягаем на советскую власть и вполне лояльны в отношении к ней, естественно же потому, что мы – исчадие тех необуржуазных, послереволюционных стихий, которые, спущенные нэпом, душат в лояльных

²⁵² Кстати, в чем Ваше разногласие с Ключниковым? Это уже для меня вовсе непонятно отсюда! (Примеч. Н. В. Устрялова.)

²⁵³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

объятиях коммунистическую мечту. После, если эта мечта огрызнется, – а, кажется, она уже огрызается...

От Ключникова – ни строчки с самой Генуи, откуда он прислал маленькую открытку. «Советов не даю, но нужно идти **вперед**, чтобы не быть в противоречии с настоящими требованиями истории...»

А в Москве он, по-видимому, успеха все же не имел – именно в силу этого своего неумеренного желания «не быть в противоречии». По крайней мере, судя по отзывам самих коммунистов (переданных мне редактором владивостокского «Красного знамени», недавно сюда приехавшим), его выступления были «настолько медовы, что становилось приторно». И великолепное добавление: «Вот Бобрищев-Пушкин – тот, по-видимому, искреннее!..» Бедный Юрий Вениаминович [Ключников] – его горе именно в том, что мед его пафоса действительно самый искренний!.. Но, увы, нужно уметь смотреть на себя и со стороны...

Так что же все-таки делать? На днях обсуждали этот вопрос с Яшновым и Диким в связи с выходом третьего выпуска нашей «Русской жизни», производящим определенно «правое» впечатление и способным взбудоражить коммунистическую печать, уже облаившую второй выпуск (в «Сибирских огнях»). Что же делать? – «Леветь»?..

Не дразнить гусей. Не срывать коммунистического фигового листка с «эволюции» нынешней России. Тут есть резонные основания, отмеченные как-то Бобрищевым-Пушкиным в одном из писем. Но что же

писать? Самим украситья фиговым листком? Выйдет ли что?..»^[254]

Вскоре, 25 января 1923 г. в письме А. В. Бобрищеву-Пушкину Н. В. Устрялов в надежде пишет: «На днях отсюда уехал в Москву на месяц Е. Е. Яшнов, мой ближайший единомышленник. С интересом ждем его возвращения. Я его просил непременно увидеться там с Ключниковым и Потехиным и договориться с ними. В живой беседе, быть может, удастся устранить кое-какие недоговоренности и взаимные непонимания. Кроме того, быть может, московские впечатления нашего делегата внесут известные коррективы в наш общий здесь пессимизм по отношению к «октябрьской программе». Покуда вести из России этот пессимизм лишь подтверждали. Хотя новая Россия строится и «октябристами», но совсем не по октябрьским планам. Мне кажется, что теперь более, чем когда-либо, нам следует быть осторожным в своих идеологических выступлениях. И вместе с тем приходит пора более конкретного и отчетливого обоснования наших лозунгов, более ясной расшифровки наших схем. Приходится лавировать между этими двумя императивами.

Теперь, думается мне, чтобы не оторваться от России, нам необходимо пристальнее всматриваться в очередные, будничные проблемы, которые ежедневно выдвигает тамошняя жизнь и которые находят столь живое отображение в советской прессе. Стиль наших прошлогодних антиэмигрантских выступлений уже устарел – эмиграция фактически «доканана», мы **В ЭТОМ**

²⁵⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

победили, нужно повертываться лицом к России и уже брать лупу: каково там – во всем, в мелочах? Не знаю, как у Вас в Европе, но здесь, на Дальнем Востоке, это именно так. Наш «правый сменовехизм» свое дело отлично сделал по отношению к врагам справа, чего они в откровенных признаниях сами не отрицают. Но теперь – более важная задача – самоопределиться в России и по отношению к России. Здесь нужно очень много такта и осторожности»^[255].

А через месяц, 23 февраля 1923 г. из Москвы приходит письмо Ю. Н. Потехина Н. В. Устрялову. В нем нет какой-либо идеологической полемики, но оно выделяется особым настроением ожидания свершения сменовеховских надежд в советской Москве, что не могло не оказать воздействия на позицию Н. В. Устрялова: «В Берлин я вернулся 2-го сентября, а 10-го октября выехал обратно в Москву, где и живу с тех пор безвыездно. Думал было ехать за женой в Берлин, но так много работы здесь и так надоела эмигрантская среда всех оттенков, что я решил не ехать. Теперь жена кое-как тоже добралась сюда и я в Москве всерьез и надолго, чему глубоко рад.

Служу в ВСНХ как специалист-экономист, работаю в издательствах, пишу две большие книги и чувствую полное удовлетворение жизнью. Материально устроен не блестяще, но терпимо: имею две комнаты (почти без мебели), хорошо питаюсь, работа по душе. Описывать Москву не буду – жизнь старая, люди новые. Новые все сплошь энергичные, волевые, активные, жадные к знанию; интересное «младое племя». Не видел их

²⁵⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

вплотную, никак нельзя понять всей глубины и безвозвратности разрыва с прошлым. Видел старых – Чулкова, Фельдштейна, Котляревского, Альтшулера^[256], Петухова – и трудно: нафталином пахнет; хорошие люди, но тени прошлого на них густы и заряд творческий выдохся безвозвратно»^[257].

Письмо А. В. Бобрищева-Пушкина Н. В. Устрялову от 3 марта 1923 г. также содержит подобные настроения ожидания перемен к лучшему: «Сегодня я уезжаю из Монте-Карло совсем. Статей посылаю Вам сейчас немного и подписываю их псевдонимом «А. Кольчугин», так как, пока нахожусь во Франции, не могу подписывать своею фамилиею статей, могущих здесь не понравиться. Еду я сегодня в Лион, оттуда получил приглашение на русский отдел выставки. Там проведу, вероятно, около месяца за дипломатическою работою. Во Франции ведь к концу этого года выборы, и если на них победят левые, как на то дает возможность надеяться исход муниципальных выборов, то политика Пуанкаре отойдет в историю и отношение к России может измениться. Эррио – сторонник сближения с Россией. И в самом министерстве теперь есть течение за такое сближение, выразившееся в определенных заявлениях в совете, на которые наложил свой запрет Мильеран; вероятно, эта история Вам известна из «Последних новостей». Я осветил бы ее в корреспонденции, но должен считаться с Вашей любовью к Вашему бывшему лидеру Милюкову, которого Вы так высоко ставите в последнем издании

²⁵⁶ Альтшулер – И. Г. Лежнев. *(Примеч. Н. В. Устрялова.)*

²⁵⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

«Альманаха» и о котором я совсем иного мнения. Газета «Новости жизни» здесь интересовала моих знакомых, даже совсем не нашего направления, просто своими рассказами, анекдотами, всею американскою складкою; я полагаю, что в нее мне надо посылать более легкие статьи и в таком стиле, вероятно, пришлю корреспонденцию из Лиона. Оттуда я предполагал проехать в Берлин для принятия участия в редакционном комитете «Накануне»... «Накануне» поставлено хорошо, работа там идет нормально, и я могу посылать туда статьи и из Петрограда, как и Вам в Харбин... Когда Вы будете читать это письмо, я, вероятно, буду уже на время в Берлине, а Ваш ответ на него, может быть, прочту уже в Петрограде... Теперь предстоит опять броситься в самую кипень жизни. Ответьте скорее, тогда я еще успею получить Ваше письмо за границу»^[258].

Из письма Н. В. Устрялова Ю. Н. Потехину из Харбина 3 апреля 1923 г. заметен определенный скептицизм в отношении радужных надежд сменовеховцев в СССР: «...В погибших письмах Вам и Ключникову я все пытался установить более прочное взаимопонимание. Все старался предостеречь Вас от излишнего революционного романтизма и слишком опрометчивых тактических шагов. Теперь это уже дело прошлое, что сделано, того не вернешь, тем более, что Вы вполне довольны результатами.

Что касается меня, то я продолжаю и сейчас считать, что сдвиг Ваш влево совершенно погубил сменовеховское движение, в пражском сборнике обещавшее гораздо больше, чем оно дало на самом деле.

²⁵⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

«Накануне» идеологически абсолютно неинтересный и бескрылый орган. Весьма слабовато и ключниковское «Перепутье».

Поскольку мне пришлось слышать о российских выступлениях Юрия Вениаминовича[Ключникова], – они не были удачны. Ни интеллигенция, ни коммунисты не говорят о них сочувственно. По-видимому, верного тона ему найти не удалось. Один коммунист отзывался мне о них в ленинском стиле: – «прикидывается... слишком много меду <...> а нам от него тошно» (я не считаю нужным скрывать это от Вас, ибо мне самому слушать это было чрезвычайно грустно). С другой стороны, вернувшийся сюда Яшнов передает впечатления «трудовой интеллигенции», – «оставшихся» и отнюдь не по-эмигрантски непримиримых: – впечатления эти были также весьма невеселые, причем особенно шокировал менторский тон, будто бы усвоенный Юрием Вениаминовичем[Ключниковым]. Неужели это верно?..

Ценность сменовехизма была – в идеологическом его своеобразии, в независимости его позиции, в его здоровом критицизме по отношению к белой мечте старого стиля, с одной стороны, и коммунизма – с другой. Он был интересен именно своим своеобразием – это отмечали неоднократно и сами коммунисты (ср[авните] «Интеллигенция и революция» – сборник статей). Теперь же от этого своеобразия ничего не осталось – нет ни серьезной концепции, ни самостоятельного облика, ни, увы, даже достойного тона. Я удивляюсь, каким образом у руля движения выросли г.г. Кирдецов и Дюшен, люди совсем не наших традиций и весьма ограниченного масштаба^[259]. Грустно.

²⁵⁹ Я совсем не осведомлен о причинах их «возвышения» и мотивах Вашей

Мы еще здесь в Харбине пытаемся сохранить подлинный лик нашей идеологической линии. И везде – и справа, и слева, – с моей позицией считаются более серьезно, чем с канунцами. И Ленин, и Зиновьев, и другие коммунисты, также эсеры, также правые единодушно отмечают, что «энтелехия» движения – в откровенной публицистике харбинской группы. Но что мы можем сделать в Харбине, на краю света?.. Официальный сменовеховский орган – по-прежнему «Накануне»...

А между тем совершенно ясно, что Ваш «неокоммунизм» не менее несостоятелен, нежели «старомодный коммунизм», коим недавно попрекал свысока Лукьянова Зиновьев. Процесс продолжается в том направлении, в каком он фиксировался моими «Редискою» и «Путем Термидора» (тогда еще Вы вполне присоединялись к моему диагнозу и прогнозу). Идет «обмирщение» большевизма, рождается крестьянская, собственническая Россия, страна крепкого мужичка и прочного самосознания, – и нечего прикрывать этот процесс правоверно-коммунистическою магией... Нечего **для нас**, ибо сами коммунисты, конечно, **должны** по-прежнему твердить свое, в этом – «тормоза». Но нам нечего надевать личины и тем менее оснований загораться поздним революционным энтузиазмом, никому не импонирующим («притворяются»), всеми принимаемым с усмешками...

Впрочем, стоит ли спорить об этом теперь? Чтобы еще раз дать повод «друзьям» констатировать «размен вех»?.. Всего хорошего. Буду очень рад получить от Вас

размолвки с ними и последующего примирения. Быть может, Вы вкратце меня информируете об этом? (Примеч. Н. В. Устрялова.)

письмецо, быть может, способное рассеять печальные думы мои о наших вехах...

Желаю Вам всяческого успеха в Вашей работе. Разумеется, оспаривая Вашу идеологию, я всецело с Вами в Вашей практической деятельности в России. Дай Бог, чтобы она была плодотворна, и отрадно, что Ваши впечатления от нее вполне бодрые»^[260].

Письмо Ю. Н. Потехина в ответ на критические замечания Н. В. Устрялову было отправлено из Москвы 7 мая 1923 г. На этот раз в письме были не только эмоции, но и достаточно развернутая аргументация: «Прежде всего, о революционном романтизме. Думаю, что среди тех, кто был раньше или носит и теперь наименование «сменовеховца» – есть два наиболее ярких романтика: Лукьянов и Вы. Природа романтизма различна – у Сергея Сергеевича [Лукьянова] он в плоскости социальной, у Вас – национальной, но у обоих нет ясного и четкого представления о размерах достигнутых и пределах возможных результатов революции. И он, и Вы за контурами не можете точно учесть все линии – а без этого нельзя построить правильной тактики. В результате у Лукьянова – ошибочность тактики; у Вас – ее отсутствие. Вы вне России, все связи с ее новыми формирующими силами и формирующейся средой на основании старой традиции, старых идеологических опор и умозрительного анализа думаете оформлять идеологический облик новой интеллигенции? Считаете это возможным... А в результате приближаетесь к лежневскому идеологическому анабиозу; к отсутствию всякой тактики, к бездействию. И Сергей

²⁶⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

Сергеевич[Лукьянов] и Вы – оба романтики. Вы считаете свой национальный романтизм законным и благотворным, Лукьяновский социальный – наивный и опасный.

Между тем оба они и законны и нужны: только социальный утопизм русской революции оплодотворил ее национальный смысл, дал ему мощь, но зато и пропитался ею настолько, что сбрасывать со счетов революции ее социальные идеи, оставляя национальные достижения, – хирургическая операция явно не выполнимая. Как ни легко такое деление единого процесса в сознании, в отвлеченном анализе, на деле оно бесплодно и к живой исторически реальной обстановке неприменимо. А считать, что социальные идеи революции исчерпываются «столыпинским мужичком», мне не кажется правильным. Думая, что создание крепкого деревенского хозяина – это предельная черта революции в социальной плоскости, я думаю, Вы упрощаете процесс. И революция, и война, и Рур, и германская марка – все это симптомы одного и того же – смены культур. Нельзя и ее упрощать, как то романически выходит у Лукьянова: светлое царство труда, новый мир и проч[ие] хорошие вещи; но нельзя и Россию как-то выдернуть из рокового исторического провала, из разрыва двух эпох и где-то в стороне ей решать и делать свои национальные дела. «Нельзя» не по нашему хотению или нехотению, а потому что именно в ней узел **мировых** событий.

Роковое культурное противоречие внутренней русской жизни стало одним из парадоксов жизни мировой. Раньше наряду с 150-миллионной массой, культурно находившейся в XI–XII веке (много ниже **масс** Японии, Индии и Магометанского Востока), была

наиболее, быть может, утонченная, рафинированная культура верхушечная. Теперь наиболее отсталая технически и экономически, Россия в смысле прогрессивности – верхушка всей мировой истории. Для того чтобы признать это, вовсе не надо лужьяновского «романтизма», не надо быть коммунистом, достаточно не считать буржуазно-демократическую систему государственности предельным достижением – венцом прогресса. А ведь оснований для того, чтобы усомниться в буржуазно-демократических канонах, более чем достаточно^[261].

В этом разноречии, несоответствии внешних мировых функций России и ее внутренних ресурсов – ее трагедия и счастье. Счастье – возможно, трагедия – наверное.

Попробую дать кратко мою концепцию момента. 1) Во всем мире происходит выход на арену истории новых социальных сил. 2) Проистекающий в отдельных странах с различным темпом и в различных формах, в основе своей процесс этот является единым и не расчлененным до пределов изолированного в границы отдельного государства. 3) Главный смысл революции в России – выход к жизни и власти крестьянства. 4) Поэтому частнокапиталистические отношения для России субъективно, изолированно от общемирового плана являются прогрессивными и могущими удовлетворить национальные и государственные интересы страны на долгий ряд десятилетий. 5) Но такая изоляция немыслима, и общемировые объективные условия

²⁶¹ Чувствую некоторую вольность пользования здесь терминами субъективный и объективный в применении к отдельной стране и общемировому. (Примеч. Н. В. Устрялова.)

заставляют Россию применять у себя формы и методы экономики, до которых она не доросла и которые для нее непомерно тяжелы и дороги. 6) Это надо принять как факт, как неизбежность, не входя в **оценку**. 7) Для Запада система чисто капиталистической организации экономических и общественных отношений уже не является вполне целесообразной и единственно возможной. Наступил период перехода к новым формам и методам; период длительный и совмещающий в себе в разных пропорциях остатки старого и зачатки нового. 8) Конкретных форм, которыми завершится процесс, предвидеть нельзя (с моей точки зрения и не надо), но, принимая во внимание эмансипацию и огромный рост сознательности масс, с одной стороны, и колоссальные успехи техники, с другой, можно думать, что имеются объективные и субъективные, материальные и духовные предпосылки для создания общественного, планового хозяйства. Можно предполагать, что направление процесса именно в эту сторону. 9) Создать у себя чисто капиталистическую организацию в то время, как Европа вступила в период если не ликвидации, то ревизионизма ее – значит опять поставить Россию через два-три поколения в положение безнадежно отставшей. Раз навсегда и решительно встать в линию других стран, пережить больше трудностей, но изжить их, двигаясь в направлении параллельном общемировому прогрессу, и окончательно стать одной из первых – это возможное счастье России. Переживать еще ряд лет (всему нашему поколению, наверное) эти трудности и, может быть, не пережив, рухнуть под тяжестью, не дожив до счастья – несомненная трагедия России. 10) Пережить этот период, стремясь к «счастью» и смягчая тяжесть «трагедии» – тактическая задача. Взять нужное и полезное для России

от капитализма и не забывать о неизбежности перехода от капитализма к другим более совершенным методам хозяйства – эту общую задачу тактически различно разрешают коммунисты и люди нашего типа. 11) Наше различие от коммунистов ясно и четко: для них коммунизм – императивный действенный **идеал**, для нас – допустимая и **приемлемая гипотеза**. В своей тактике они невольно степень развития хозяйственных сил страны ставят в подчиненное положение к степени приближения коммунизма. С их точки зрения лучше замедлить темп развития производительных сил России, но обеспечить правильную организацию их... а единственно правильная организация – коммунизм. С нашей платформы степень развития важнее формы развития. Если мы (точнее – такие как я) некоммунисты, то слово «коммунисты» имеет здесь весьма своеобразный, ограниченный смысл – смысл допущения, признания вероятности коммунизма, как высшей по сравнению с капитализмом формы хозяйства... Но и только... так сказать, коммунисты без веры в коммунизм. Может быть, я неправильно подхожу к Лютеру, но мне кажется, что, когда в рядах коммунистов эти настроения станут значительными и действенными (а я вообще уверен, что усиливаться течения подобные «сменовеховству» будут не левеющими буржуями, а правеющими коммунистами), это будет своего рода реформация коммунистической церкви. 12) Наша тактика – тактика групп и единиц. Тактикой масс она может стать лишь очень нескоро и лишь в том случае, если мы сумеем войти в новую русскую жизнь, органически срастись с нею. Как тактика группы она не была ошибочной, она оказалась **несостоятельной** – группы не было в действительности. Удивительное явление: все, что

соприкасается с коммунистами, обнаруживает гниение, распад, разложение – так с меньшевиками, с эсерами, так было с командным составом армии, так и теперь происходит со всякого рода «живыми церквями»... то же случилось и со «сменовеховством». Это как реактив, выясняющий химические или органические соединения. «Смена вех» оказалась химической (вернее – механической) смесью и распалась. Конечно, «Накануне» – не идеологическое продолжение «Смены вех». И первоначальное идеологическое устремление сборника наиболее последовательно и выдержанно проводите Вы. Тут есть и плюс... более эстетический: получается логично, четко, законченно <...> но имеется и минус... притом уже не эстетический, а вполне реальный, практический: Ваши настроения **СЛИШКОМ** логичны, а политическая жизнь идет вне логики. Стремление подойти к ней с законченной теоретически, стройной системой всегда влекло за собой разочарование для схематика, будь он кадет Милюков с победой демократии в лагере Антанты, эсер Керенский с Учредилкой, коммунист Осинский с трудпосевповинностью... или национал-большевик Устрялов со столыпинским мужичком.

В Вашей стройной системе нет существенной поправки: поправки на наличную Россию. Уверен, что вблизи Вы бы увидели, что дело много сложнее.

Теперь еще одно замечание о тактике. Мы совершили радикальную переоценку старых канонов и кумиров. Увидели голыми многими королей общественности... Дали им чистую отставку, вместе со всем отжившим прошлым... но себя, себя мы не переоценили. Даже мысль мало в голову приходила, что старое и дурное и, как это ни грустно, хорошее тоже

откинуто и не годится. Люди старого типа не подходят не только как строители, но и как строительный материал. А мы от них. И первая задача – разрыв с традицией, вращение в новую жизнь, а для этого надо научиться питаться ее соками, воспринимать ее органически целостно, мало изменить мирозерцание, должно измениться мироощущение. Это не задача, **а условие...** для многих при всем добром желании невыполнимое. Из двух интеллигентских грехов – схематизма и личной преувеличенной самооценки – вырос развал «Смены вех». Сколько людей – столько схем... их столкновение, затем столкновение лиц. Долго и грустно писать об этом. Главная и почти единственная вина на Юрии Вениаминовиче [Ключникове], который чрезмерно выпятил личный момент... Я долгое время пытался сперва предотвратить разрыв, затем ликвидировать его. Это удалось далеко не вполне. Юрий Вениаминович [Ключников] несмотря на внешнее, формальное примирение затаил обиду... в частности, а пожалуй, и в особенности, на меня. Я же, несмотря на резкое расхождение с «Накануне» по многим вопросам, недовольство его тоном и впадением не в мой «нео», а просто в «перепев-коммунизм», поддерживаю с ним добрые отношения, по мере возможности пишу там и считаю, что при всем различии течений и крыльев – мы можем уживаться под одной крышей, делать общее дело. Притом дело не идеологическое, а практическое – борьба с эмиграцией, за Россию. Это последняя оставшаяся нам **групповая** тактика. Кроме нее, остается тактика **личная** – это то вращение в Новую Россию, о котором я уже говорил. Другого пути нет. А на нем очень большое сближение с коммунистами, естественная неизбежность. Или с Россией и коммунистами, или отойти в сторону и

ждать создания каких-то новых **сил**, одновременно действенных и антикоммунистических... Но для такой «тактики» надо либо непримиримо ненавидеть революцию, либо быть равнодушным к России. Но, во-первых, можно не дожидаться, во-вторых, если такие силы и создадутся, ожидающие в стороне, окажутся без всяких соединяющих с этими силами приводов. Это неизбежно. Только в активном переживании эпохи путь к участию в строительстве будущей России. А активность сейчас возможна лишь двух видов: или с Россией, а значит, и с коммунистами, или против России. Третьего выхода нет, <...> так как меньшевистский политический онанизм, конечно, не выход. И так – приемлемость коммунизма без веры и уже, разумеется, без догматизации его, и сближение, сотрудничество с коммунистами без растворения в них. Таковы мои требования к себе. «Группы», для которой это могло бы служить тактической директивой нет, и потому остается то, что я назвал тактикой единиц. Я твердо убежден, что мы (такие как я) войдем в новую жизнь России, срастемся с нею органически и будем одним из действенных, творческих факторов ее.

В то далекое время, когда создадутся в результате экономической кристаллизации новые, жизнеспособные социальные силы, в том числе и в значительной степени и хозяйственный мужичок, может наступить столкновение между государственно-национальными интересами России и отвлеченными требованиями целесообразной экономической организации. Я уверен, что РКП сумеет и тогда найти жизненный синтез требований идеала с задачами дня.

11 месяцев жизни в России и непосредственного наблюдения над коммунистами в работе дают мне достаточно пищи для такой уверенности.

Если бы она была обманута – мы оказались бы против коммунистов с хозяйственным мужичком. Но для этого надо, чтобы этот самый мужичок государственно вырос, оформился, стал крепко и сознательно на ноги, <...> а для этого ему еще лет 10–15 надо проходить школу РКП.

Школу по широте охвата, уплотненности энергии и тщательности детализировки не имеющую ничего себе равного. Коммунисты правы, видя опасность чистоте идеологии как раз в нас, правы, называя нас «резервами буржуазии»... и мы честно должны давать чувствовать эту черту между «они» и «мы». Вы правы – в «Накануне» этого нет, как нет и надлежащего тона. Это жаль, <...> но заниматься интеллигентским самолюбованием, быть нарциссами, подчеркивая чистоту своих одежд и верность «традиции независимости». Неуместно «отмежевываться» – это лежневская тактика, это бессознательная спекуляция на нелюбви к революции и ненависти к большевикам интеллигента-обывателя – мне глубоко неприятна и чужда. Да и, боюсь, – в этой спекуляции достаточно сознательности.

Я пишу «нелюбовь» к революции – вовсе не потому, что сам люблю ее, воспринял ее пафос не только мыслью, но и чувством... совсем нет. Все мы для революции – чужие... и, пожалуй, лучше яшновское «чур, меня, чур», чем запоздалая «осанна» и «да святится» кое-кого из коллег. Но не будучи революционерами ни по прошлому, ни по темпераменту, мы должны быть далеки

и от обывательской злобы за оттопанные революцией мозоли.

Письмо делается «угрожаемым по бесконечности». На эти темы нам бы поговорить с Вами ночью 3–4! Чувствую, что ни с кем не было бы мне легче если не столкнуться вполне, то до конца понять друг друга. Как только выдастся минута посвободней, напишу статью для альманаха.

Буду рад получить весть от Вас.

О выступлениях Юрия Вениаминовича [Ключникова] мне, как соучастнику, судить трудно – меня они не удовлетворяли и, должен сказать, выступление его в Доме литераторов не было достаточно определено. Наиболее близкий и ценный мотив «сменовехизма» с моей точки зрения – национальный – он старательно замалчивал. Я выдвигал его постоянно, настойчиво и рельефно. Был вознагражден тем, что на диспуте в Москве с Мещеряковым, Полонским и Преображенским получил записку: «Товарищ Потехин! Боюсь, что после Вашего доклада я чувствую себя более сменовеховцем, чем коммунистом». Вообще, сочувствующих записок я получил много.

Занят я здесь зверски – печатаю книги (чужие), мечтаю организовать издательство. Живу напряженно деятельно. Переездом удовлетворен»^[262].

А вскоре, в мае 1923 г., пришло новое письмо Ю. Н. Потехина Н. В. Устрялову: «Прежде всего, о моей идеологической информации и о «Накануне». Конечно, второе ни в каком случае не представляет тактического

²⁶² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

выражения первого. То, что я Вам писал – это моя первоначальная позиция; как я думаю, достаточно последовательная, выдержанная и продуманная. Я ощущаю в себе большую идеологическую и тактическую цельность, но ни на минуту не забываю, что это «тактика единиц». «Накануне» до известной степени дает мне выявлять свою политическую и идейную физиономию – это плюс. Выявление себя через «Накануне» несколько замутняет персональный облик и дает повод (и, к сожалению, основание) для двусмысленной лежневской критики – это минус. Я считаю плюс более важным и поддерживаю связь с «Накануне» идя с открытыми глазами на возможность критики и упреков в стиле «Размена вех».

«Накануне» – не серьезная политическая газета, а случайное пристанище случайных людей. Для серьезной политической работы нужны три качества – воля, ум и моральная точка упора (не чистоплюйство староинтеллигентского типа, не белоснежность одежд, а наоборот способность запачкаться, пойти на компромисс, морально изгибаться, <...> но обязательно – иметь точку упора, с которой не сдвинешь, то самое основное **ВО ИМЯ** чего разрешается и моральный изгиб, и компромисс). У редакторов «Накануне» – нет воли ни у одного. Ум и моральная опора есть... но, увы – не в слитном виде: у одних только ум – Дюшен, Гурович, у других порядочность – Лукьянов, Чахотин. Кирдецов – просто добрый малый, журналист с борзым пером, латинскими цитатами и легкостью в мыслях необыкновенной. Садыкер, с которым меня связывают и добрые личные отношения, и наибольшая идеологическая близость, к сожалению, не публицист и может только до некоторой

степени парализовать дурные стороны своих коллег, что он и делает.

В результате газета плывет по советскому течению, явно впадая в коммунистический фарватер. Мог ли бы быть фарватер собственный? Это центральный вопрос не только нашей с Вами переписки, но и ближайших лет русской истории.

Возможна ли актуальная средняя политическая линия, решительно идущая на разрыв со старым, но не боящаяся в интересах новой России восстановить в ней частично то из старого, что может быть нужно и полезно в новых условиях? Соглашаюсь заранее, что формула достаточно гибкая, чтобы в нее можно было вложить любое контрреволюционное содержание. Однако напоминаю некоторые основные мысли прошлого письма: никакой реставрации политических отношений и **форм**, никакой социальной реставрации **отношений**, реставрация некоторых (возможно меньше) социальных **форм**, которые полезны и нужны для максимального развития производительных сил страны. Ни в коем случае не думать, что чистая реставрация буржуазных экономических установлений обеспечит такое развитие. В отличие от Вас я сильно сомневаюсь, чтобы тяжелая индустрия сейчас в частных руках могла дать процветание и стать доходной – процветание и доходность ее возможны лишь как завершение развития экономической мощи страны в целом; когда деревня начнет крыться железом и будет платежеспособна для массовой закупки инвентаря, тогда заработает металлургия, прокатка железа начнет возрастать не в %, а многократно, когда будут массовые перевозки экспортного хлеба (тут мы, наверное, сойдемся. Внешторг я считаю в его нынешнем виде вредным,

внешнюю торговлю не отделимой от внутренней; но монополия внешней торговли все же необходима; только не осуществляемая оперативно, а проводимая в порядке регулирования, что я и стремился провести в жизнь, когда заведовал торговлей на Юге) – тогда будет массовый и бездефицитный ремонт и строительство вагонов. Одним словом, и для тяжелой индустрии основная база та же, что для легкой – деревня. Однако сроки соответственно продолжительней: если текстильной промышленности или резиновой надо еще 2–3 г., чтобы достичь нормы 1914 г., то металлургии, может быть, понадобится 12–15. А может быть, 8. Все зависит от сельского хозяйства; нельзя, как делают в Госплане, высчитывать – за год металлургия повысила продукцию на 50 % с 6 % до 9 % мирной; следовательно, на будущий год будет 13,5 %, в 1925 – 20 %; в 1926 – 30 % и т. д. до 1930 г. мы превзойдем довоенную норму. К срокам и пропорциям здесь надо подходить совершенно иначе: в 1922 г. сельское хозяйство дало излишек для товарного оборота в 200 млн. руб., в 1923 г. металлургия повысила производство на 50 %; в 1923 г. сельское хозяйство дало излишек в 400 миллионов; металлургия в 1924 г. даст возрастание продукции вдвое. И если, скажем, в 1925 г. сельское хозяйство даст излишек в миллиард рублей, то металлургия уже в 26-ом может приблизиться к довоенному уровню, а в 27-ом перегнать его.

Такой подход более правилен.

До тех пор пока вся в совокупности экономическая мощь страны не достаточна, тяжелая индустрия будет неизбежно в одной большей части стоять, в меньшей жить за счет государственных заказов. Передача этой части ее в руки частного капитала означала бы лишь то, что в новой форме она все же жила бы за счет казны и,

принося %%, будучи «доходной» для владельца, по-прежнему зияла бы дефицитом в государственном бюджете... правда, в какой-то другой графе, чем теперь. Да еще надо вдобавок оплатить прибыль предпринимателя; допустим, что она получится за счет разумной организации дела, сокращения непроизводительных расходов и т. д. – я склонен думать, что так бы и было. Однако есть еще один вопрос: пойдет ли, даже если с государственной точки зрения это не имеет смысла, частный капитал в эту сомнительно доходную тяжелую индустрию?

Русский капитал, за отсутствием такового, отпадает. Остается иностранный, который пойдет лишь при наличии политических гарантий, для наблюдения за которыми ему нужны русские контролеры типа Милюкова, Зензинова или Врангеля, а это означало бы неизбежную ликвидацию достижений революции, главное содержание которых – создание совершенно нового человеческого материала. Этот новый и массовый тип энергичного, упорного, активного работника только формируется сейчас, и его вступление в жизнь, как массового практического деятеля, сулит России, когда оно произойдет, т. е. года через три-четыре, такой темп развития, о котором при прежнем человеческом материале и мечтать не приходилось.

Второе, что неизбежно потребовал бы иностранный капитал, – это гарантий коммерческих и, в первую голову, «свободы труда» в смысле отмены ряда требований социального законодательства и возможности полностью эксплуатировать безработицу.

На это также, по моему мнению, пойти нельзя. Рабочий класс, как база всего строительства новой

России, а он, несомненно, такой базой является, должен быть предохранен от распыления расходов на эту задачу, как бы разорительны и непроизводительны они ни казались с предпринимательско-коммерческой точки зрения, никогда не могут быть непродуктивными с государственной точки зрения, и поскольку тяжелая индустрия дефицитна вследствие малой нагрузки действующих и большой стоимости рабочего состава законсервированных предприятий – на эту дефицитность приходится идти. Однако эти расходы должны быть доведены до крайнего минимума и «крестьянский уклон» должен проводиться все с большей настойчивостью и последовательностью. По мере возрождения сельского хозяйства, по мере роста экономической мощи деревни, социально-политический базис государства должен передвигаться от рабочих к крестьянству и государственная поддержка промышленности должна отпадать; этот дарвиновский закон выживания в борьбе за существование должен наступить, когда вся страна нальется новыми соками хозяйственного здоровья и силы. До тех пор пока страна слаба, она должна нести тяжелые расходы на поддержание индустрии. Как ни кажется это парадоксально – мне думается, я прав здесь. Аграризации страны я не боюсь, и в этом мое существенное отличие от Лежнева, для которого, как бывшего меньшевика, все еще силен в этом пункте закон марксизма.

Но аграризации от избытка сил в деревне, а не от недостатка их в городе. С риском, что это место останется не вполне ясным, чувствую, что пора закончить с непомерно разросшимся «экономическим отступлением» от темы и перейти к уже поставленному

политическому вопросу: итак, возможна ли актуальная средняя линия? Отвечаю – да, возможна.

Вопрос второй: возможна ли она вне и помимо компартии? Отвечаю со всей решительностью – нет! Для этого нет ни массы, ни вождей. Начну со вторых – идя, справа налево, можно начинать примерно с Милюкова и беглым взглядом от него через Зензинова, Кускову, энэсов, эсеров и до Чернова можно видеть их полную непригодность к какой бы то ни было, не только руководящей, а просто активной роли – отсутствие политического чутья и такта, волевая дряблость, полное отсутствие чувства ответственности и, увы, надо сказать всю правду, полный моральный крах, повальная недобросовестность и склонность к личному устройению всеми средствами, лишь бы они были прикрыты пышной фразеологией и прежней репутацией – характерны для всех них без исключения. С таким багажом не сдвинешься, даже если бы были приводы, связующие их теперь или в будущем с массами. Но таких приводов нет и не будет.

Массы. Не для реакции, а для государственно разумной средней линии. Для реакции в темной деревне, среди мещанства, на почве религиозной или антисемитской, материал бы нашелся и для всероссийского погрома горячего хватило бы.

Но масса сознательная, поскольку она не входит в РКП, в общем и целом советскую платформу (и политическую, и социальную) приняла, реставрации не хочет, но к твердому правопорядку очень склонна. Это «сочкомы», о которых писали Вы, беспартийные в Советах, в вузах и среди спецов, это активно работающее крестьянство, Красная армия, в будущем рабфаковцы,

когда они станут чиновниками советской государственности. Чего бы они хотели? Не берусь ответить со сколько-нибудь большим приближением, но мне ясно, что деловая программа того, что называют правым коммунизмом, почти полностью исчерпала их желания (притом еще не оформленные, а потенциальные) и дала бы достаточный простор хозяйственной деятельности деревни и развитию ее мощи. Задача в том, чтобы советская власть из рабоче-крестьянской стала **крестьянско**-рабочей. Это все, что нужно для России, для меня и, хочу думать, для Вас. «Правыми коммунистами» эта задача может быть разрешена в полном объеме и со всей полнотой. Конечно, с ортодоксально-коммунистической точки зрения это чистейшее «сменовеховство»; и недаром год назад, после месяца пребывания в России я пришел к выводу, которым делился с Юрием Вениаминовичем, что наша аудитория не левеющие интеллигенты, а правеющие коммунисты. Процесс сближения нас с их правым крылом, несомненно, происходит и передвижка от исходных позиций равно значительна и у них, и у нас. Но было бы опасным самообольщением думать, что создается почва для «соглашения», «коалиции» и других добрых игрушек парламентаризма, которыми до сих пор сквозь слезы тешился Павел Николаевич [Милюков] в Париже и долгое время в мечтах склонен был предаваться Юрий Вениаминович [Ключников]. Надо твердо усвоить себе, что политически «мы» величина исключительно умозрительная, а не реальная... В самом деле, едва ли десяток прежних интеллигентов, оторвавшихся от наличной русской действительности и главное рвение полагающих на грызню в своей среде (Ключников и «Накануне», Лежнев и Потехин и т. д.) –

право, немного. Но стать идеологической ячейкой будущего, конечно, соблазнительно, но для этого, прежде всего, надо установить идейную ясность и слитность в своей среде. Именно поэтому я и рад нашей возобновившейся переписке и атакую столь необъятными письмами Вас. И в 1918-ом, и в 1921 г.г. мы были наиболее с Вами идейно близки, и установить теперь такую же близость и взаимопонимание – значит сделать большой шаг вперед на пути к оформлению нового русского интеллигентского сознания. Пишу это без всякой переоценки Вас и себя. У Вас максимум возможностей для того, чтобы быть главным и независимым выразителем этого сознания... у Вас все данные для этого – прямота и честность политических позиций, не заподозренная даже врагами ни справа, ни слева... у Вас ясный и четкий анализ... блестящий публицистический дар. Все данные, кроме одного: – сознания всей глубины происшедшего разрыва между старым и новым в России, между прежним и теперешним человеческим материалом, между той и этой интеллигенцией. А это нужно, прежде всего. И вот, моя задача помочь вам в этом. Поверьте, «сменовеховство» как самостоятельная «фирма» умерло, и имейте (не теперь, а через некоторое время) мужество сказать: если бы РКП раскололась на левых и правых, я пошел бы в ряды правых коммунистов, с полной искренностью тактики и честностью убеждений. Для такого решения нужно мужество, нужно отрешиться от фетишизма слов, при котором у Вас, простите, все еще получается, что: капитализм – «цаца», а коммунизм – «кака», в то время как и **тот и другой преходящие и взаимно компромиссные** (да, да! Уверен в этом!) формы. Вы правы, что не едете пока в Россию: боюсь, что, приехав,

были бы очень разочарованы в ней. Но вина в этом была бы не ее, а исключительно Ваша – нужен совсем иной тонус ожиданий и требований; не надо ждать в новых мехах найти старое вино:

«...прожито, отжито, выпито, выпито...».

И эту работу над собой Вы должны проделать. Вы можете ее проделать! Поэтому я Вас, а не Лежнева считаю своим ближайшим соседом. С ним меня разделяет кое-что идеологически и очень многое тактически. Главное то, что он невольно акцентирует в сторону ушибленных революцией, в руку внутренней эмиграции. Он расшаркивается всячески перед Лениным и Троцким, в кармане кажет кукиш коммунистам и открыто с наибольшей энергией и вкусом ругает «Накануне». Но ведь это старая черта, что с ближайшим соседом ругаются всегда с наибольшим остервенением. Болгары – сербы, русские – поляки и т. д. И, главное, надо бросить тень на соседа, чтобы самому побелей казаться. Нет, такая позиция беленького нарцисса с кукишем в кармане меня не соблазняет; главное, чувствую в ней спекуляцию на чистоте, игру староинтеллигентской традицией, как хорошей надежной биржевой акцией. Наживать политический капитал таким путем не хочу. Между прочим, Лежнев носится с идеей создать настоящий толстый журнал и говорил со мной о совместном ведении его.

Еще одно и чрезвычайно важное обстоятельство. Когда я пишу о том, что готов бы стать правым коммунистом, я, в сущности, на 10 % не верю в реальную возможность раскола РКП. Несогласия, разногласия, борьба мнений, конечно, есть, но все рассказы об острой борьбе, о возможности раскола и т. д. думаю, что

продиктованы обывательским недомыслием и эмигрантским зломыслием. Относитесь к ним с должной осторожностью. Я склонен думать, что от Рыкова и Каменева до Потехина ближе, чем до Бухарина; но делать отсюда вывод вроде тех, которыми тешатся кусково-зензиновцы, было бы наивно. И больше того: советская власть станет **крестьянско-рабочей легче** и безболезненней (хотя, конечно, зато много медленнее), если компартия будет «сменять вехи» в целом, оставаясь единой. Важно, чтобы Красин с Бухариным остались вместе; а присоединятся ли к ним Устрялов и Потехин, не так важно.

Но для Потехина и Устрялова объединиться было бы и нужно, и важно. Буду рад, если это письмо поможет найти друг друга.

Мне кажется, мы достаточно для этого близки. Не надо пугаться моей левизны. Я согласен леветь еще более, если это помогает разумному поправению страны. Хотел бы того же и от Вас»^[263].

Письмо Н. В. Устрялова Ю. В. Ключникову от 15 июля 1923 г. резко диссонирует и в настроении, и в оценках «Смены вех»: «Не правда ли, как печально ныне выглядит наш сменовехизм? Одно безобразие, а не течение. Только вот у нас в Харбине кое-какой огонечек теплится. А «Накануне» – одна зола...

Как это, ей-богу, Вам не удалось слить, так сказать, «все сменовеховские ручьи в одном идейном море»? Не скрою, что я приписываю многое Вашему чересчур деятельному темпераменту: Вы как-то заторопились

²⁶³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

«приложить слово к делу», забыв мудрую русскую истину, что скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. В Геную и Москву Вы ринулись столь же стремительно, как в свое время в московское градоначальство. И результат получился приблизительно тот же.

Особенно обидно, что Вы выпустили из своих рук «Накануне». Хотя и Ваше направление мне во многом чуждо, но, конечно, при Вашем фактическом руководстве газета никогда не могла бы принять того **тона** и приобрести такой **репутации**, как теперь. При всех Ваших увлечениях, Вы сохранили бы за европейским сменовехизмом **достойный облик**, ныне им утраченный. Все это, признаться, достаточно грустно.

Как и следовало ожидать, Ваши розовые мечты о «людях второго дня революции» разбились вдребезги. Ни налево, ни направо своим **революционным** романтизмом сменовехизм импонировать не оказался в состоянии. В этом отношении приходится признать, что стиль Ваших российских выступлений был ошибочным. Ни коммунисты, ни интеллигенция его не одобрили и увлечься им не могли.

Ну впрочем, «не будем трогать старых, еще не заживших ран», как говорит чеховская героиня Мурашкина в своей драме. Интереснее другое: что же нам делать дальше? Каковы Ваши перспективы? Каково Ваше политическое настроение? Можем ли мы снова объединиться и общими силами реставрировать облезшую физиономию нашего сменовехизма?

Кстати, знакомы ли Вы с нашим альманахом «Русская Жизнь» и вообще с моими статьями этого года?

Я был бы очень, очень рад, если бы Вы прислали нам для «Русской Жизни» обстоятельную статью на идеологическую тему. Было бы еще лучше, если бы в этой статье Вы взяли общие нам мотивы и не обостряли разногласий. Пожалуй, это было бы отрядным и вместе с тем заметным «общественным фактом»: теперь ведь так много говорят о «крыльях» и «расколе» сменовехизма, противопоставляя Вас мне и обратно, что было бы чрезвычайно желательно посылать нам объединиться...»^[264]

Из письма Н. В. Устрялова Ю. Н. Потехину от 8 сентября 1923 г. также ясно проглядывает резкая критика эволюции берлинских сменовеховцев: «Относительно «Накануне» я считаю ныне свою осведомленность завершённой. *Alter ego*^[265] этой газеты у нас на Дальнем Востоке имеется в лице «Новостей Жизни», за последний год окончательно вступивших на путь угодливого поддакивания последнему правительственному распоряжению. Но если корни «Новостей Жизни» – чисто харбинские, особого, специфически дальневосточного дялячески-коммерческого типа, – то тем обиднее, что «Накануне», создание наших рук, добрело до решительного идейного банкротства. Стыдно читать, как по одному и тому же вопросу (напр. о подписании Россией лозаннского соглашения) тот же автор (Кирдецов) высказывает на протяжении недели два

²⁶⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

²⁶⁵ Другое «Я» (*лат.*).

диаметрально противоположных суждения, в зависимости от тактики Наркоминдела (сначала не угадал). Следует ли удивляться лежневской критике? Огромная ошибка Ю. В. Ключникова (и Ваша?), что он (и Вы?) упустили из своих рук руководство газетой, погнавшись за эфемерными огоньками генуэзской и московской командировок... Но я вполне понимаю и одобряю вашу тактику относительно «Накануне»: я сам держусь аналогичной по отношению к «Новостям Жизни». Ничего не поделаешь, нужна трибуна. Наше горе, что нет вполне чистых страниц к нашим услугам. Впрочем, я охотно посылаю материал в «Россию», и крайне рад, что Лежнев обратился *к Вам* за содействием по редактированию ее расширенного издания. Думаю, что отказ в этом содействии был бы большим промахом с Вашей стороны: довольно староинтеллигентского сектантства... даже по отношению к сектам... (по детскому хорошему принципу: «ты умный, ты первый и уступи»). А в общем, позиция нам, несомненно, родственная. Индивидуальные же оттенки вполне допустимы и под кровлей общего издания.

Теперь насчет Вашей концепции. Еще раз повторяю, что многое в ней я всецело могу считать и своим. Так, присланная Вами статья «Русский Интернационал», еще раньше прочитанная мною в «Накануне», по моей инициативе была перепечатана «Новостями Жизни» и будет помещена в 4 альманахе «Русской Жизни». Я всецело и вполне готов под ней подписаться. Она Вам удалась и стилистически.

По-прежнему же отделяет меня от Вас нередко у Вас проскальзывающий революционный пафос, кажущийся мне вымученным, наигранным, надуманным. Все-таки не следует забывать, что революция есть, прежде всего,

великое несчастье, а социалистическое правительство в России – правительство немножко (и даже достаточно) помешанных. Подчас приходится faire bonne mine*, но теперь, когда намечается процесс выздоровления, в этом все меньше надобности: всякому овощу свое время. С этой точки зрения, например, Ваша статья «Советский фунт» несколько проигрывает явно сквозящими в ней элементами искусственно взбодренного бахвальства, – этой исконной повадки слабых. Пора усвоить самый серьезный, без истерических самоутешений, тон, не скрывать всей небывалой безотрадности наличной русской жизни и лояльно предоставить коммунистам кричать о «величайшей в мире революции». Что они так кричат – может быть, это даже и хорошо, но... каждому свое. Наша роль иная, мы революционерами не были и не будем, пожалуй, даже при Маркове Втором, и нам необходимо найти и соответствующий стиль. Впрочем, у Вас более, нежели у других европейских сменовеховцев, он постепенно нащупывается. Исторический оптимизм – да; но не революционный романтизм. Вера в Россию – да; но не суеверия старых подполий.

«Экономическое отступление» Вашего последнего письма весьма интересно, и с основным его политическим прогнозом я вполне согласен: власть рабоче-крестьянская в России должна стать властью крестьянско-рабочей. В одной из своих статей я выразился еще категоричнее: советская власть неизбежным образом из рабочей превращается в крестьянскую. Но раз так, нужно осознать истинную сущность «крестьянского уклона» и иметь мужество сделать из него все надлежащие выводы. А одним из них непременно будет признание неотвратимости дальнейшего оскудения русских городов,

представляющихся для современной деревни слишком большой роскошью. Разоренной стране не под силу даже и та «государственная промышленность», за которую сейчас цепляются большевики. Процесс «консервации» должен продолжаться, покуда не будет достигнуто соответствие между возможностями деревни и городскими расходами. Сокращение городской культуры неминуемо. И только тогда, когда оно дойдет до экономически должного предела, начнется подлинное движение вперед... но, конечно, не по руслу социалистических утопий. Вы, по-моему, недостаточно смело и последовательно продумали существо крестьянского уклона и тешитесь, подобно некоторым из «правых коммунистов», иллюзией какого-то гибридного «рабочего социализма при столыпинском мужичке». Увы, тут уж придется выбирать: или – или (я говорю о конечном результате)^[266].

Но из того, что я определенно выбираю «крестьянский уклон», отдавая себе полный отчет в его сущности, еще отнюдь не следует, что мне нужно свертывать с пути корректной лояльности по адресу советской власти. Напротив, я считаю, что при создавшихся условиях только она сможет реализовать этот уклон наиболее безболезненным образом. Тут уже сфера политической тактики нынешнего дня, где мы с Вами – едино суть. И совершенно напрасно Вы меня корите «отсутствием тактики»: она у меня есть, и сходится с Вашей. «Лояльное, деловое сотрудничество с наличной властью», стремление в плане реальных

²⁶⁶ Конечно, можно осложнить проблему, поставив ее в связь с общемировой конъюнктурой, но я считаю, что даже и мировая революция (маловероятная в ближайшее время, да и вообще) не спасет Россию от неизбежного экономического процесса. (Примеч. Н. В. Устрялова.)

мероприятий приближать советское правительство к русским условиям и растворять обрывки доктринерских директив в трезвой повседневной работе. Какое же тут отсутствие тактики? Тут целая идеология умных и порядочных спецов, работающих не за страх, но за совесть (и не коммунистическую, а свою собственную). Никакого «анабиоза» в моих рецептах нет – ни идеологического, ни тактического. Ни анабиоза, ни беспринципного приспособленчества, ни легкомысленно-быстрого «перерождения из колчаковца в сочкомы».

Как и Вы, я знаю, что пока все это лишь «идеология и тактика единиц». Но за этими единицами стоит неоформленная масса: 1) спецы всякого рода в настоящем, 2) нарождающаяся буржуазия, 3) идущее к самосознанию крестьянство. Масса есть, – когда будет нужно, найдутся и вожди. Не Милюковы и Кусковы, конечно, а новые люди, быть может, наполовину грядущие от коммунистов и наполовину – из самой массы. Не через «третью революцию», а через трансформацию среды, через трансформацию «советской платформы», через преобладание «правого коммунизма», упирающегося в пореволюционное «болото». И если уж самоопределяться, то наше место – не в правых коммунистах, а именно в болоте, хотя это звучит не слишком гордо; но всяк сверчок знай свой шесток. А болото, в сущности, вовсе и не такая плохая вещь: не забудьте, что на нем создан Петербург с его славной двухстолетней историей. Отчего же бояться болота, – тем более, что ведь и революционная Франция исцелилась через него! Не скрою, что у меня была даже мысль написать специальную статью «Болото», в коей воспеть ему оригинальный гимн. Эффектная бы

получилась статья и политически меткая. Но воздерживаюсь пока по тактическим соображениям: le secret d'être ennuyeux c'est tout dire? – говаривал старик Вольтер...

Опять-таки Вы правы, что **теперь** нам нужно ориентироваться на правящих коммунистов, но Бухарин тоже прав, когда предвидит, что на них, как таковых, процесс остановиться не может: они должны будут поправеть до сменовеховского болота, т. е., в сущности, стать совсем уж другими. Нам это на руку, ибо мы никогда и не прели в чаду женевских кофеен... Нам это на руку потому, что это нужно России. Но что это в известной мере конфуз для Коминтерна – сомневаться трудно.

Но, конечно, весь этот процесс отнюдь не означает каких-либо «соглашений» и «коалиций» большевиков с нами – тут опять-таки я всецело разделяю Вашу точку зрения. Именно поэтому, **как политик**, я пальцем не пошевельнул для **конкретного политического** контакта с коммунистами **в смысле «договаривающейся стороны»**. Конечно, конкретно политически «мы», как Вы пишете, «величина исключительно умозрительная, а не реальная». Так нам и следует держаться, не «рыпаясь», подобно Юрию Вениаминовичу [Ключникову], в гущу политической большой игры. Пока нам доступны лишь ампулы публицистов и спецов. Это «пока» может длиться до нашей смерти – что ж тут поделаешь? Ошибку несвоевременного рождения бесплодной суетней не поправишь...

Еще два слова о Вашей любимой мысли насчет «нового человеческого материала». И в связи с ним – проблема «Новой России».

Всею душой готов признать «всю глубину происшедшего разрыва между старым и новым». Готов даже энное количество раз, как молитву, повторять два слова «Новая Россия». Но ведь этого мало: нужно отчетливо осознать **СОСТАВ ЭТОГО НОВОГО**. Ни в одной статье, ни у Вас, ни у других коллег я серьезных следов этой работы не нашел. Поскольку и встречаю Ваш «новый человеческий материал» здесь в Харбине (теперь он из России густо пошел) – миссия Карахана, люди из Внешторга, господчики вроде Виленского из «Известий» и проч. – в восторг от оного «материала» не только не прихожу, но впору кричать караул. Значит, не этот. Так что же? Опять и опять – «крепкий мужичок», деловик из рабочих, воскресший «третий элемент», кооператор и т. д. Так это же – элементы «болота», плод «обмирщения» революции, могильщики, а не носители ее зенитного энтузиазма. И не увлекайтесь слишком их исключительной новизной: они зрели в лоне «старого режима», его последнего десятилетия. Они были бы победителями и без революции. Конечно, новое поколение ново. Но ведь всякие «дети» отличаются от «отцов». В наши годы это отличие естественно резче, нежели обычно. Но воспевать ему слишком уж неумеренные серенады вряд ли целесообразно. Особенно нам, «стоящим посередине»: мы не вполне «отцы», но ведь все же и не «дети». Все-таки мы «старые интеллигенты», пусть и «провозвестники» нового поколения (кризис старой интеллигенции в «Вехах»). Но «лезть в дети» нам не подобает: снова и снова – «познай самого себя»... И мы должны воспитывать в детях не

бесшабашный психологический футуризм, а, наоборот, чувство известной преемственности, сознание связи с прошлым: мы в лоне старого режима выносили любовь к той «Новой России» крепкого хозяйственного и национального сознания, которая, как утенок из-под курицы, вылупливается из-под интернационалистской и коммунистической революции...

Ну, довольно... Сегодня я нарочно подчеркиваю наши разногласия и выдвигаю возражения, чтобы их преодолеть и лучше договориться. Я чувствую, что это возможно. Спасибо за Ваши письма, они дают массу пищи для дум.

P. S. Сейчас прочел в «Накануне» Вашу статью «Новый лозунг». Конечно, основного противоречия **революции и болота** Вам преодолеть не удалось, и «Интернационал» в устах канарейки, несомненно, весьма иронически. Раз **еще идет** «последний, решительный бой», то «быт» – враг: он – конец боевого порыва и пафоса. Если до победы мировой революции канарейки засвистят «Интернационал», значит, дело Интернационала проиграно»^[267].

Таков был взгляд на сменовеховство самих участников этого общественно-политического течения.

Сменовеховство извне

Значительный интерес для выяснения взаимоотношений Н. В. Устрялова с редколлегией газеты «Накануне» представляет его переписка с близким ему по взглядам Н. А. Ухтомским, выехавшим из Харбина в

²⁶⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

Берлин. Письмо Н. А. Ухтомского из Берлина от 15 июня 1923 г. раскрывает для Н. В. Устрялова противоречия в редакции «Накануне»:

«Дорогой Николай Васильевич!

Я был несказанно счастлив, получив Ваше письмо, и можете не сомневаться, что, как никто, ценю Ваше ко мне доброе отношение. Вполне с Вами согласен, что в Берлине Вам пришлось бы много труднее, чем в Харбине. Подозреваю даже, что Ваше присутствие здесь привело бы к расколу «сменовеховства», которое здесь невероятно опоганилось. «Дюшеновщина заела», сказал бы, так как в личности нагло-циничного Дюшена как бы персонифицируются все отрицательные стороны так прекрасно начатого Вами движения. «Канунники» так низко пали, что даже в советском посольстве мне откровенно посоветовали не «связываться» с ними и в «Накануне» не работать. Особенно смешны бывают канунники, когда «предостерегают» коммунистов от опасности нэпа. «Я, как старый синдикалист» и т. д. возражал Кирдецов Бухарину, вызвав у того лишь презрительную улыбку и снисходительный эпитет «кузена». Но особенно всем здесь, повторяю, ненавистен Дюшен, щеголяющий вновь заведенными золотыми часами, ухитряющийся совмещать демагогические выпады по одним вопросам и трогательное смирение по другим. Он состоит на службе и получает большие деньги в американской организации «УМСА»^[268] и настаивал

на изгнании Василевского (Не-Буквы) из газеты за его полемическую и вполне уместную статью (в связи с сожжением «Леона Дрея» Юшкевича американцами, Василевский их обстрелял и чуть не поплатился). Поверьте, что я не слишком строг к «Накануне». Мою позицию разделяли бы и Вы. Разделяют ее и лучшие из канунников. Группа Чахотина предрешила свой выход из редакции. Одно время назрело целое *coup d'etate*^[269] при ближайшем участии и Бобрищева-Пушкина; он, кстати, осел в Берлине; я ему нашел комнату в соседстве со мной. Он очень часто ко мне забегают; несмотря на многие отрицательные качества, он мне нравится какой-то своей особенной беспомощностью. Бедняга сильно опустился и заслуживает к себе известного внимания. *Coup d'etate* лишь с огромным трудом удалось предотвратить, тем более что коммунисты делят свое расположение (а вернее, нерасположение) к канунникам поровну. Катастрофе «дюшеновцев» они бы даже, пожалуй, поаплодировали бы. Меня усиленно через Бобрищева, Миркина (ставшего первым человеком в «Накануне») и Василевского втягивали в переворот, но я уклонился. Меня гораздо больше и посейчас интересуется возможность развалить «Руль», который жил только немецким издательством «Ульштейн». Мне удалось нащупать деловые немецкие круги, возмущенные этой комбинацией и обещавшие всячески содействовать расторжению

(основана в 1885 г.).

²⁶⁹ Государственный переворот (*фр.*).

неестественного союза антантофильского, нерусского «Руля» со все больше русифицируемой Германией. Вопрос только в том, что нужно подобрать вескую группу, с добрыми именами. Много раз я подумал о Вас и даже заготовил мысль, что в первом же № той новой газеты, которая могла бы выйти и до Вашего приезда, стоял бы аншлаг о Вашем предстоящем приезде и возглавлении редакции. Элементы для подобной группы здесь имеются вроде милейшей княжны Кропоткиной (дочери анархиста), Евгения Лундберга, Сергея Рафаловича, Алексея Дроздова, может быть, Станкевича и Пешехонова, который меня глубоко растрогал своей последней книжкой «Почему я не эмигрировал?». Обязательно ее раздобудьте. Верьте мне, что нюх меня не обманывает, и для новой газеты, которая скоро бы вытеснила все прочие, есть место. Я это чувствую всем своим существом. К сожалению, я в тисках проклятого противоречия, парализующего мою энергию. Ведь я приехал учиться; так пусть же Германия и Россия повременят и останутся пока без органа русско-германского сближения, реального и столь злободневного (!! – У.)^[270].

В силу некоторых (поверьте, веских) соображений, я занял в Берлине не совсем договоренную позицию, хотя и счел нужным на одном из кусковских диспутов объявить себя сторонником новой России. Я произнес (в присутствии Кирдецова и К⁰) речь, в которой

²⁷⁰ Примечание Н. В. Устрялова.

прославил благородные источники «сменовеховства» («тоска по родине») и неверный уклон, который оно в Берлине приняло, увлекшись прислужничеством. Как же быть? Нужно или очищать движение это, или начать сначала, но с большим тактом и осмотрительностью. В качестве примера достойного подражания подробно остановился на дальневосточном сменовеховстве; в заключении я предложил высланным из России, морально-полноценным эмигрантским группам, и в частности Кусковой – Прокоповичу, влиться в сменовеховство и тем поднять его моральную температуру. Всю искусственность этого построения я прекрасно видел, но хотел все же найти такую формулу, которая делала бы меня открытым сторонником Москвы. Кстати, от заместителя Нансена, Эд. Фрика, только что вернувшегося из Москвы, узнал, что моими докладными записками о КВЖД очень заинтересовался Карахан и решил меня вызвать в Москву. Я принципиально обещал Фрику при получении приглашения незамедлительно выехать туда.

Преданный Вам *Н. УХТОМСКИЙ*^[271].

Письмо Н. А. Ухтомского, посланное из Берлина в июле 1923 г., продолжает основные мотивы предыдущего послания:

«Дорогой Николай Васильевич!

²⁷¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

Прежде всего, не могу Вас лично не порадовать. На каждом шагу приходится все больше убеждаться в том, что Ваши акции стоят на голову выше всех других «сменовеховцев». Об этом слышу постоянно и справа, и слева. Уверяю Вас, что даже коммунисты Вами сильно интересуются, отдавая должное Вашей искренней и независимой позиции. Я подчеркиваю слово коммунисты, ибо за последнее время особенно близко подошел к этой среде. Правда, и раньше у меня уже были встречи с Крестинским, и даже с Красиным, но то были лишь деловые, не достаточно интимные встречи. Да и мог ли на иные рассчитывать? В. Н. Ксандров, член «ВЦИК» и заместитель Раковского по председательствованию в украинском Совнарком, сразу изменил мои шансы. Не исключена возможность, что в скором времени я буду вызван в Москву по одному важному, касающемуся и Вас, харбинцев, вопросу. Не считая возможным передавать в письме все то, что удалось мне за последнее время выяснить о России, я скажу лишь, что жизнь на каждом шагу подтверждает Ваши мудрые прогнозы. Более того, следует более решительно и беззаветно подходить к строящейся России, позабыв чересчур медлительные теории «спусков и тормозов». Имей я Вашу интеллектуальную оборудованность, я бы давно уже строил «там» в России наше новое государственное здание. С местными «сменовеховцами» у меня как-то не налаживаются отношения; убежден, что с Дюшеном и Вы никогда бы в жизни не сошлись. Ключников лучше других,

но рядом с Вами поражает своей мелочностью и какой-то подозрительной трусливостью.

Желая с ним раз и навсегда договориться, я ему прочел 2–3 выдержки из Вашего письма. Его это навело на размышление, но сознайтесь, что я не вправе показывать ему все письмо, не имея Вашего разрешения. Кирдецов назначается советником берлинского посольства, а Чахотин (наиболее Вам близкий) выходит тоже из «Накануне». Были бы Вы здесь, могли бы сейчас все прибрать к рукам. Случайно как-то в «унтергрунде» [метро. – А. К.] встретился с Гессеном. На почве ксандровской информации воодушевленно ему развивал свои мысли. Он был растроган. Сказал: понимаю Вас и не осуждаю»^[272].

Из ответного письма Н. В. Устрялова Н. А. Ухтомскому от 15 июля 1923 г. сквозит надежда на переориентацию редколлегии «Накануне» на точку зрения Устрялова:

«Отрадно, что часть сотрудников недовольна направлением газеты [«Накануне». – А. К.] и понимает, что она решительно компрометирует, если уже не скомпрометировала, все движение. Хорошо было бы, если бы путем внутренних воздействий удалось изменить облик «Накануне». Без coup d'Etat^[273] мирным образом...

²⁷² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

²⁷³ Coup d'Etat (фр.) – государственный переворот.

Заслуживает, несомненно, внимания и Ваша мысль о новой газете (или радикально реформированном «Накануне»). Она непременно должна быть органом русско-германского сближения и в первых же номерах выступить с рядом серьезных и боевых публицистических статей о «России и Германии». Следует даже одну, иногда даже две страницы печатать на немецком языке, помещая там все, что может интересовать немецкую публику. Нельзя ли тогда привлечь какую-либо немецкую группу и в издательство (для финансирования) газеты, с условием, конечно, сохранения независимости за редакционной коллегией. В эту коллегию можно пригласить и кого-либо из немецких публицистов-русофилов...

Не знаю, найдутся ли силы для такой газеты. Разумеется, хорошо бы вовлечь в орбиту подлинного сменовехизма группу Кусковой, но это, наверное, невозможно: все традиции у нас различны. Для редактора нужен твердый, осторожный и вместе с тем авторитетный человек. Я с большой охотой согласился бы стать дальневосточным регулярным сотрудником такой газеты, а в случае действительно солидной и широкой постановки дела ничего бы не имел потом и против переезда в Берлин, хотя, откровенно говоря, вполне пока доволен Дальним Востоком и желания погружаться в европейский кипятик не испытываю»^[274].

²⁷⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

После столь резкого ответа Н. В. Устрялова последовало более критичное в отношении редакции «Накануне» письмо из Берлина 29 августа 1923 г. Н. А. Ухтомского:

«Мало утешают и «наканунники», что в особенности грустно. Ведь еще в пути я совершенно искренне рассчитывал с ними сойтись, если не слиться. И что же – схождение стало возможным только после рекомендации члена ВЦИК, коммуниста Ксандрова, только что гостившего в Киссингене. Председатель украинского Совнархоза и влиятельный член партии Ксандров знает меня с детских лет и не уклонился принять во мне теперь горячее участие, снабдив весьма его обязывающей рекомендацией. Куда же больше широты и великодушия у матерых коммунистов, нежели у местных «сменовеховцев», в большинстве трусливых и в себе неуверенных. Магическое впечатление (как это показательно!) сыграла его рекомендация и среди наканунников, «дюшеновское меньшинство» которых на меня до сих пор косилось. Ссылка на Вас, мной своевременно сделанная, была встречена осторожно. Ведь национализм Ваш считается не только недостаточным, но и опасным. Вы бы видели, с какой снисходительной улыбкой о Вас как-то расспрашивал абсолютная ничтожность Садыкер. Что, дескать, Устрялов, все еще боится оступиться, все еще со своими «тормозами» мучается. Признаюсь, меня такой к Вам подход «с кондачка» порядочно взбесил. Чем больше я в «наканунниках» разбираюсь, тем больше для меня становится ясным, что наиболее из них

симпатичным (больше всех он и о Вас расспрашивал) является старик Кирдецов. Ни на какую особую «идеологию» он не претендует, но хоть не кривляется, не позерствует. И на этом спасибо. Уже несколько дней, как он работает в «Унтер-ден-Линден»^[275], где его очень любит Крестинский, совмещая пока и руководство «Накануне». У Вас с ним, к сожалению, мало общего, ибо, в конце концов, он только борзописец, прошедший через огонь и воду всяких «деловых закулисных газетных настроений». Повторяю, он хоть не донкихотствует, прост и внимателен. Лукьянов, по словам Бобрищева, после Парижа до неузнаваемости испортился, превратившись в неврастеника чистой воды. В переживаниях его значительную роль играет его жена, красивая и взбалмошная артистка, которую он отчаянно ревнует. О Дюшене лучше не буду распространяться. В этом еще вчера удалом меньшевике-савинковце я лично усматриваю лишь одно отрицательное. Убежден почему-то, что уж с ними-то Вы бы уж никогда не сошлись. Его «выслуживание» шито настолько белыми нитками, что Дюшен претит и неприятен даже самим «советчикам». Очень симпатичен, но совершенно отошел от дел Чахотин, как газетчик едва ли представляющий известную ценность. Садыкер интересен только как «начхоз». Кстати, познакомился с одной очень интересной дамой (см. о ней ниже), близко стоявшей к «сменовеховцам» со дня их зачатия. Она очень близка к Ключникову

²⁷⁵ Речь идет о советском посольстве.

и считает, что «изгнание» его было сделано главным образом Садыкером, особенно будто бы двоедушным и опасным. Дама эта знатного происхождения и вместе с Ключниковым подвизалась в Парижском Красном Кресте, заявив уже с 21 года подчеркнуто «сменовеховскую» позицию. Мне было небезынтересно поговорить с этой своеобразной личностью (ведь Харбин ни одной активной «сменовеховкой» чистой воды нас не порадовал). Вас она прямо-таки благодворит и подходит к Вам так же «романтически», как Вы подходите к революции. К местным она относится чуть скептически, находясь ближе других к Ключникову.

Милейший, но совершенно опустившийся человек А. В. Бобрищев-Пушкин. Жарится в «девятку» с Василевским и вообще производит впечатление развинченного, чересчур пожившего человека. Но мне он мил. У него есть что-то русское, задушевное. Я рад, что оказал ему перед его отъездом в Москву много услуг и, в частности, нашел комнату, что в Берлине многого стоит. Убежден, что он меня понял и относится ко мне хорошо. Думаю сегодня ему написать в Москву. В общем, как видите, берлинское общество довольно-таки безотрадно и тухловато. Только редко-редко и порой в совершенно неожиданной связи я улавливал бодрящие нотки. Упомяну одну сценку, героем которой оказался старик Гессен (как это ни странно). В приподнятых чувствах я возвращался из Киссенгена, где 3 дня проговорил «как следует» с Красиковым и Ксандровым, которые там лечились. По случайному совпадению

при пересадке на «унтергрунде» я попал в один вагон с Гессеном, которого буквально ошарашил пережитыми в Киссингене и полученными от Ксандрова мыслями и настроениями. У старика проснулись заглухнувшие в эмиграции добрые чувства, он ощутил в моих словах подлинный пафос и взволнованно, пожав мне руку, сказал: «Я Вас понимаю и никогда не буду осуждать ту молодежь, которая переживает подобные думы». Ей-богу, минута создалась светлая, редкая для Берлина. И я знаю, что, видя во мне подлинного «сменовеховца», Гессен вместе с тем относится ко мне вполне хорошо. В этом маленьком факте скрываются крупные указания. При чистом, национальном, патетическом, устряловском подходе можно было здесь горами двигать. А между тем «Накануне» по тиражу стоит на последнем месте; даже за «Днями» – пальма первенства. Все это заставляет меня все чаще и чаще возвращаться к мысли о создании органа, для чего мной выработан подход, совершенно совпадающий с Вашим. Нужен орган германо-русского сближения. Нужен больше, чем когда-либо, раз даже между такими полярными величинами, как Радек и гр. Ревентлов, нашелся общий язык, подсказывающий нам нашу линию поведения.

Чрезвычайно легко на этой почве взорвать «Руль», издатели которого – фирма «Ульштейн» – настроены патриотически, а следовательно (что теперь неразрывно), и москвофильски. Аппаратом этим овладеть легко. Практически я вопрос этот обсуждал с очень талантливым представителем

делового мира О. В. Фридлибом (он банкир, имеющий огромные связи и в Сов[етской] России, и с иностранным капиталом, особенно немецким и голландским). Его травил «Руль», так что у него особые соображения устроить ему харакири, или перелицовку «Руля» в «Новый Руль».

Словом, обделать все это можно, но нет группы, а вернее, возглавителя. Фридлиб принадлежит к числу Ваших поклонников (за что я ему презентовал комплект «Русской Жизни») и считал бы незаменимым и единственно возможным Ваше главенство, изъявляя, в случае Вашей готовности, приложить все усилия. У меня уже намечены и сотрудники, из которых пока назову проф. Габрилович (Леонида Галич), дочь Петра Кропоткина, талантливую журналистку, и ряд других, с учетом, может быть, и Станкевича с Пешехоновым. Если принципиально согласны – напишите. Только тогда примусь по-настоящему за это огромное и многообещающее дело.

Пишите. В долгу не останусь. Сообщайте новости о КВЖД. Выбирайтесь сюда. Не время по разным Лошаогоу баклуши бить. За работу? Все на национально-сменовеховский фронт!

Привет. *Н. Ухтомский*^[276].

Несмотря на столь шутливое окончание письма, в целом оно наверняка не могло вызвать энтузиазма у Н. В. Устрялова, и уж конечно, ни о каком

²⁷⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

«воссоединении» его с берлинскими сменовеховцами не могло быть и речи. Наверное, именно это стало причиной того, что он не ответил на данное письмо Н. А. Ухтомского. Тогда тот отправляет из Берлина 18 декабря 1923 г. очень короткое письмо: «В Берлине все протекает спокойно. Ваше молчание удручает «Накануне». Ради тактических целей советую им черкнуть две-три статьи. Особенно строго их не судите. Им здесь гораздо труднее, чем Вам, в Вашем харбинском отшельничестве вести правильную линию. Сердечный привет, Н. Ухтомский»^[277]. Последнее письмо Н. А. Ухтомского, отправленное из Берлина 30 июня 1924 г., сохранившееся в коллекции Н. В. Устрялова, описывает уже новую ситуацию:

«Наша берлинская сенсация – это закрытие «Накануне», что совершилось, главным образом, в силу совершенно бесхозяйственного ведения дела, Москве же постоянно поддерживать надоело. (Вопрос о московской поддержке вызывал постоянные разногласия в сов[етских] кругах. Любопытно отметить, что все те, кто побывал в Берлине и лично, как, например, Бухарин, познакомились с «наканунниками», те особенно восставали против субсидирований в дальнейшем; тогда как Троцкий и др. отстаивали выгодность «Накануне», как форпост сов[етской] прессы за границей.) Строго между нами говоря, следует признать, что наряду с бесхозяйственностью (неумение собрать объявления, необычайная дороговизна аппарата редакции и конторы,

²⁷⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

хаотическая постановка распространения, нелепое ухлопывание огромных денег на книжное издательство, которое себя и в сотой доли не оправдало (имели место и злоупотребления). Садыкер оказался беспомощным в подборе людей, так что несколько заведующих конторой должны были за недобросовестные поступки быть сменены. Особенно прославился некий г. Лев. Сами 5 главных редакторов, беспечно рассчитывая на постоянность сов[етской] поддержки, назначили себе царские оклады и жили так, как Вам в Харбине и не мечтается. Жена Садыкера, например, большую часть времени проводила на дорогих итальянских курортах, а хорошенькая куколка – жена Дюшена поражала всех ослепительностью своих туалетов. Я не особенно доверяю версии, весьма здесь распространенной, что отдельные члены редакции, причастные к хозяйству газеты, особенно С[адыкер], нажили кругленькое состояньице на разнообразнейших издательских махинациях. Без доказательств в руках говорить о подобных вещах трудно. Словом, с 15 июня газета приказала долго жить к вящему удовлетворению «Руля» и «Дней». Сбившийся за 3 года аппарат – рассыпался, и большинство сотрудников оказалось выброшено на улицу. Теперь здесь идут серьезные разговоры о создании новой газеты, в создании которой заинтересован сам «полпред» К[рестинский]. Подозреваю, что носить она будет еще более законопослушный характер. В качестве ближайших сотрудников ее называют Миронова (Пинеса), заместителя Кирдецова на посту заведующего отделом прессы при полпредстве

(ведь сам Кирдецов на подобном же посту в Италии, у Юренева) и Б. М. Шенфильда (Россова), милейшего человека, выступающего, к сожалению, на моем амплуа политического репортажа. Не исключена возможность, что и я приму известное участие в новой газете. Впрочем, гораздо вероятнее берлинской комбинации комбинация парижская. После своеобразного «Changez vos places» Париж оказался приемлемее Берлина для всяческих сменовеховских возможностей. Не забывайте, что Эррио интимно связан с группой «Накануне», которая его чествовала банкетом при проезде его в Москву. В своих впечатлениях о Сов[етской] России Эррио уделяет несколько теплых слов по адресу «наканунников», которые могут на Сене кое на что рассчитывать. Лукьянов уже несколько месяцев как работает в Париже над открывающимися там возможностями. Лично я могу в парижской комбинации очень хорошо устроиться, ибо среди моих лучших друзей есть интимные приятели Эррио и де-Монзи. Назову Д. С. Навашина, одного из самых выдающихся людей, с которыми я познакомился в Европе, и Л. Е. Габриловича (Леонида Галича), о котором Вы не могли не слышать по его сотрудничеству в рядах партии Каде[кадетов]. Оба представляют своеобразный тип делового, я бы сказал парижского, сменовеховства, исключаящего красивые фразы, но, может быть, еще больше, чем берлинские сменовеховцы, сделавшего новой России. Об их работе и достижениях в Париже я, разумеется, в письме говорить не могу. Достаточно будет упомянуть, что без Навашина беспомощный,

как дипломат, Скобелев и шагу ступить не мог. В Генуе тот же Навашин делал доклад сов[етской] делегации о положении в Европе и имел блестящий успех. Лично я до того очарован Парижем и имею там столько милых и влиятельных людей, что при первой возможности готов туда перебраться. Со дня на день жду из Москвы Навашина, который не замедлит меня вызвать в Париж в случае надобности...

Преданный Вам *Н. Ухтомский*^[278].

В переписке Н. В. Устрялова сохранились также письма от некоего Н. Р., автор которых – бывший белый офицер, интеллигент, усвоивший в Харбине сменовеховскую идеологию и возвратившийся в Россию. Первое письмо отправлено из Читы от 2 июля 1923 г. В нем, в частности, говорится: «Первые впечатления от России самого лучшего свойства. Прежде всего, потому, что, едва переезжаешь границу, сразу же чувствуешь резкую разницу с Харбином, его эмигрантским брюзжанием, отсутствием настоящего дела, временностью всего, бивачностью, вследствие этого; спекулятивностью и, я бы сказал, глупостью. Здесь живая вода, там мертвая. Эта жизнь, лихорадочная и стремительная, воля к созиданию новых ценностей сразу же бросается в глаза и не может не увлечь за собою каждого. В самом воздухе чувствуется, ставшая общей, потребность строить и созидать. Этот процесс созидания так стремителен, что порою не может не принимать

²⁷⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

уродливых форм. Одна из них – нэпманство, но за ним уже начинает чувствоваться что-то прочное.

Самое интересное в этом процессе то, что он стремится всегда принимать свои самобытные и оригинальные формы. Былого обезьянничества и преклонения перед Западом теперь не встретить. Мне приходилось говорить со многими представителями власти. Они откровенно говорят, «мы учимся управлять». И надо отдать им справедливость, учатся хорошо. Главное их достоинство в том, что, вовлекая в орбиту своей деятельности всех и каждого, они сумели сделаться настоящим народным правительством. Во всяком случае, проклятый эмигрантский вопрос о признании или непризнании здесь непонятен и смешон. С этой точки зрения, здесь все – сменовеховцы, и не по принуждению.

В смысле внешности жизнь приняла вполне нормальные формы и ничем не отличается от любой «буржуазной» страны. Общая масса материально в среднем обставлена лучше даже, чем в Харбине. Не чувствуется лишь в такой степени, как там, разница положений. Здесь почти все середняки».

В другом письме, уже из Ленинграда, 17 августа 1923 г. Н. Р. пишет: «Пробыв некоторое время в Чите и Иркутске, я попал в Петербург, где обосновался, кажется, довольно прочно. В ближайшее время собираюсь ехать в Москву для устройства своих личных дел; пока не вхожу в местную текущую жизнь, стараюсь ознакомиться с ее проявлениями, а также и завязать знакомства с интересными людьми. Последнее – самое трудное. Все живут крайне замкнуто и сухо. Большая часть интеллигентского населения ушла в скорлупу

добывания средств на существование; все разговоры вертятся у вопроса, дешевле сейчас жизнь или дороже, чем раньше; отсутствие интересов к чему-нибудь, кроме нудной личной жизни, поразительное. В этом отношении Петербург отстал даже от такой дыры, как Чита, где люди интересуются окружающим миром. Во многом это объясняется тем, что Петербург всегда был средоточием интеллигенции, главным образом, служивой. Наиболее активная часть ее либо эмигрировала, либо переехала в Москву, где продолжает работать в центральных учреждениях. Остался никчемный будирующий элемент, намеренно не желающий принимать участие в жизни или, по крайней мере, сознательно разобраться в том, что происходит. В этом отношении они точный сколок с харбинских «русскоголосцев». Те же типичные эмигранты, если не физические, то нравственные. Замкнутый круг работников науки, насколько я мог вывести заключение из разговоров с лицами, имеющими с ним общение, занят и весьма интенсивно, благо сейчас возможность уже есть, чисто научной работой, а в сфере политической, по-видимому, мало отличается от интеллигенции бюрократической (бывшей). Мне кажется, что в этом именно заложена причина недоверия советской власти к интеллигенции, хотя мягко, но все еще существующих репрессий в виде увольнения видных профессоров. Конечно, еще играет роль и постепенно сходящий на нет, но все еще очень живой пафос героического периода революции, но все же в основе этого явления лежит здравая мысль, что та часть интеллигенции, которая еще не начала сотрудничать вполне идейно и искренне с существующей властью, так навсегда и останется отрезанным ломтем, в силу своей хотя бы инертности. Говорить о деятельной

политической контрреволюции теперь, конечно, не приходится. Она невозможна и вследствие внешней обстановки, и даже просто из-за отсутствия энергии у недовольных, неспособных не только к действиям, но даже к словам, а лишь к нашептыванию из потайного угла. Это прекрасно учитывает и власть. Репрессии, имевшие место раньше, теперь совсем прекратились, и выродились в устранение если не вредного, то в эгоистическом смысле слова бесполезного элемента и в страстном желании образовать собственную интеллигенцию. Проводится это двумя путями: заменой (на этот раз без высылки за границу) состава профессоров, может быть менее талантливым и опытным, но своим, который будет руководить новым поколением в нужной форме, и всяческим развитием рабфаков, наполнением высших учебных заведений представителями пролетариата и крестьянства и затруднением доступа в них лицам, ведущим происхождение от привилегированных классов.

Для многих это, конечно, тяжело и неприятно, нередки и случайные жертвы этого явления, но что поделаешь: лес рубят – щепки летят.

Главная же причина этого явления не во вражде власти к существующей интеллигенции, во что бы то ни стало, а в реальной необходимости создать интеллигенцию, на которую она могла бы опираться.

Мне кажется, что в этом есть и большая логика истории: класс, который с такой легкостью, без всякой борьбы выпустил власть из своих рук, – несомненно, дегенеративен и на смену ему должен прийти новый класс людей, у которых, как говорит Алымов, в жилах

кровь, а не лампадное масло, имеется воля к жизни и вкус к борьбе.

Представители же старой интеллигенции, не пережившие самих себя, несомненно, найдут способы с ним ассимилироваться и в новой массе будут играть роль закваски – бродильного начала.

Тех, кто по-настоящему примирился с советской властью, она принимает охотно, несмотря даже на неполное согласие с их идеями и взглядами, и творческая работа, в которой необходимость сейчас крайне велика, сейчас вполне возможна»^[279].

В третьем письме 2 ноября 1923 г. все тот же Н. Р. продолжал делиться с Н. В. Устряловым своими советскими впечатлениями: «Недавно вернулся из Москвы, и могу поделиться с Вами впечатлениями. Когда Вы попадаете туда из Петербурга, разница резко бросается в глаза. Насколько у нас все вяло, тихо и безжизненно, настолько в Москве жизнь бьет ключом. Недаром ее называют восточным Нью-Йорком. До Нью-Йорка-то, конечно, далеко еще, но все-таки и снаружи и внутри шума много, а также и движения. Это центр во всех отношениях, и политическом, и экономическом, и интеллектуальном. Надо сказать, что город совсем не рассчитан на помещающееся в нем количество учреждений и жителей, и потому все носит характер какого-то временного бивачного расположения. Все живут по комнатам. Квартиры только начинают входить в обиход, и то лишь у крупных нэпманов. Трамваев решительно не хватает. На Театральной

²⁷⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

площади стоят хвостом, и еле двигаются. Начинают уже поговаривать об устройстве метрополитена. Это, конечно, пока мечты, неосуществимые из-за денег. Перегрузка города вызывает перевод многих учреждений в Петербург. Правда, переезжают еще не крупные.

В Москве я раза два был у Ю. Н. Потехина и часто виделся с А. А. Б-м [Беловым?]. Лежнева видеть мне не пришлось, так как он уехал в Германию (на время). «Россия» прекратилась, но найден капиталист, который должен был субсидировать новый толстый журнал. Предполагалось, что печатание его обойдется дешевле в Германии. Эти вопросы и послужили причиной поездки Лежнева. Возможно, что в связи с германскими событиями это решение отпадет, но пока никаких сведений по этому поводу не имею.

С Ю. Н. [Потехиным] и А. А. [Беловым?] очень много, конечно, говорили о Вас. Оба они выражали большое сожаление, что Вас нет здесь.

И в самом деле, чтобы вполне проникнуться духом современной России, необходимо дышать ее воздухом и, совместно с нею, переживать все этапы ее развития и жизни. Очень трудно сказать, в чем именно, но за границей все представляется как-то немного иначе, чем это есть в действительности. Формы те же и представляются вполне правильно, но освещение их, дух их несколько иной. Касается это, конечно, нюансов, но ведь из нюансов-то действительность и состоит. Правда, не находясь в центре, пекле событий, можно смотреть на них шире, и легче, чем на месте, видеть их общую схему, но чтобы попасть в течение и духовно слиться с ним, надо быть здесь. Все-таки свойство из-за деревьев не видеть леса принадлежит лишь тем, кто, находясь даже и

на эмигрантской горе, способен увидеть только выбираемые по личным вкусам и усмотрениям даже не деревья, а отдельные ветки.

Надо сказать, что здесь таких намеренных слепцов много, пожалуй, большинство.

С одной стороны, представители умерших верхов, не способные слиться с новыми ростками жизни и примириться с необходимостью своей моральной смерти; с другой – догматики, запутавшиеся в трех соснах, может быть и антирелигиозной, но все-таки религии. Но среди этих камней преткновения все еще ощупью пробиваются новые ростки жизни. «Камни преткновения» одного толка упорно отрицают их существование, усматривая в них лишь «проедание старых запасов» (должны же они когда-нибудь иссякнуть!) или сплошное безобразие; другой толк упорно их выдает за свое детище.

Ростки же идут своим путем и, теряя, пока понемногу, внешнюю уродливость, начинают приобретать благообразный вид и крепнуть.

Оба сходясь в основных своих взглядах, Ю. Н. [Потехиным] и А. А. [Беловым?], выводы делают, однако, различные. Ю. Н. [Потехин] говорит, что, как это ни грустно, время Вашего приезда не наступило еще по различнейшим причинам, А. А. [Белов?] же только сожалеет о Вашем отсутствии и считает, что Ваше присутствие здесь было бы очень полезно.

В конечном итоге, я думаю, что первый прав практически, а второй теоретически. А. А. [Белов?] читает лекции в высшем учебном заведении по своей специальности. С ним считаются, но доверяют ему мало. Возможна какая-либо командировка его за границу. Он много занят научной и литературной работой. Просит

Вам сообщить, что продолжает оставаться на прежней позиции.

Если бросить общий взгляд на наше настоящее положение, то создается впечатление какой-то остановки, неопределенности, распутья, даже временного регресса.

Все прежние пути пришли к логическим тупикам. Нужен новый курс. Он же еще, по-видимому, не выношен, да и внешние события складываются так, что не знаешь, куда ступить. В итоге получается топтание на месте и попытки исправить все полумерами. Они, конечно, не дают результатов, и застой начинает превращаться в регресс, который обухом бьет по обывательской спине. По общим отзывам, жизнь сейчас гораздо труднее, чем прошлой осенью. Все сжимаются и стынут, так как денег ни у кого нет.

При этом все-таки приходится удивляться тому, как власть справляется с положением. При всяком другом правительстве давно бы наступил полный крах. Теперь же, несмотря на кризис, все-таки находятся кое-какие лазейки и отдушины, и, несомненно, будет найден решительный выход, вероятно, по рецепту, предугаданному Вами.

Хоть это и не хочется, но учет обстановки и гибкость должны одержать верх над догматизмом и косностью.

Этот новый шаг даст, вероятно, большой толчок вперед, привлечет новые общественные силы, и позволит наиболее передовой части нашей интеллигенции стать к подобию настоящего дела,

оставив компромиссы, в виде лавочек, уроков, чтения лекций и т. п.»^[280].

Под впечатлением подобных писем Н. В. Устрялов лето 1925 г. провел в Москве и вернулся в Харбин в середине августа. В дневнике по свежей памяти записывал московские впечатления. Значительное внимание вновь было обращено на идеологию «Смены вех»: «Встречался с Ключниковым несколько раз. Конечно, много говорили о «нашем течении», о сменовеховстве. Увы, оправдались худшие вести и характеристики.

Ключников рассказывал, что и первый, пражский сборник готовился в обстановке достаточно неприглядной. Потехин, которому было поручено «препарировать» для сборника мою статью, состряпал будто бы нечто настолько неудачное, что Ключникову самому пришлось всю эту работу проделывать снова. Чахотина нужно было долго уговаривать, убеждать написать статью. Он упирался, торговался за фразы, написал коряво и жалел, что втравился в это предприятие. Бобрищев-Пушкин, если угодно, милый человек, но неврастеник, человек «с зайчиками в мозгах» и спутник вообще весьма ненадежный. Лукьянов, прежде в письмах ко мне столь восхвалявшийся, теперь аттестовывается как мелкий человек, любитель пожить и выпить, очень скоро после «Смены вех» клюнувший на удочку заграничной большевистской агентуры.

Словом, компания, наводящая на грустные размышления. Скоро и внутри нее пошли нелады, и

²⁸⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

парижский журнал «Смена вех» велся в атмосфере удручающего безлюдья и угрожающего недостатка твердых идей. Мелкие тактические соображения сразу же стали вытеснять идеологию.

Для меня, впрочем, несомненно, что значительная доля вины за весь этот жалкий провал падает на самого Юрия Вениаминовича [Ключникова]. Будучи, конечно, вполне честным (в элементарном смысле слова) человеком, он, к сожалению, не лишен излишнего честолюбия, вопреки его собственному сознанию, уводящего его подчас дальше, чем следует. Кроме того, по чьему-то чрезвычайно верному замечанию, он был всегда совершенно «не онтологичен». В нем всегда не хватало какой-то духовной почвенности, какого-то фундамента. Формально одаренный, талантливый, он никогда не был особенно «умен» в углубленном смысле этого понятия».

Данное пространное цитирование писем и дневников Н. В. Устрялова важно для сравнения его оценок с оценками позиций «Смены вех» и газеты «Накануне».

При этом заметно перемещение центра в сменовеховском общественно-политическом течении. На причины подобного перемещения обратили внимание авторы и составители сборника документов и материалов «Русский Берлин» Л. Флейшман, Р. Хьюз, О. Раевская-Хьюз во введении к книге: «Существенное отличие «русского Берлина» от, скажем, «русского Парижа», «русской Праги», «русского Харбина» и других литературных страниц межвоенной эмиграции состоит как раз в беспрецедентной интенсивности «диалога» метрополии и эмиграции внутри данного острова русской

культуры. «Диалог» этот выразился в различных формах неожиданного симбиоза противостоящих друг другу литературных и общественных сил, в лихорадочной их перегруппировке, калейдоскопической пестроте культурных антреприз, но более всего – в характере деятельности причастных к «берлинскому периоду – литераторов»^[281]. Данный диалог метрополии и эмиграции сказывался и на культурных, и на общественно-политических процессах. Эта особая историческая ситуация влияла и на судьбу сменовеховства.

В 1920-е годы диалог был особенно заметным и поэтому казался блюстителям идеологической чистоты в Совдепии и в белоэмиграции чрезвычайно опасным явлением. Так, в журнале «Большевик» за 1924 г. читаем: «Заграничная контрреволюция в настоящее время усиленно ищет себе союзников на легальной советской арене, перетасовывая и подновляя для этой цели свои практические лозунги и теоретические платформы. Социальное назначение вдохновителей «России» в том и заключается, что они играют роль как бы «русских агентов» этой обновляющейся эмиграции»^[282]. Такая оценка сменовеховского журнала «Россия», издаваемого под редакцией И. Г. Лежнева в Петрограде, во многом наглядно показывает сложность выпуска данного издания в условиях идеологической диктатуры большевиков в «вольные» 1920-е годы. Российские сменовеховцы были вынуждены

²⁸¹ Русский Берлин... С. 2.

²⁸² *Богданов В.* «Россия»: Литературно-общественный журнал // Большевик. 1924. № 12–13. С. 115.

отмежевываться от своих эмигрантских идеологических корней, постоянно повторяли, как заклинания, слова о независимости и политической самостоятельности. Наверное, именно это обстоятельство вводит в заблуждение и некоторых современных исследователей. Так, современный историк журналистики О. П. Федорова считает, что авторы журнала «Россия» «не хотели считать себя единомышленниками бывших активных антисоветчиков и эмигрантов, хотя их идейные позиции были близки заграничным идеологам сменовеховства»^[283]. Однако уже приведенные и многие другие документы говорят именно о том, что редакция «России» считала себя единомышленниками с эмигрантскими сменовеховцами. И. Г. Лежнев в письме Е. Д. Зозуле из Петрограда 13 февраля 1922 г. сообщал о начале выхода журнала: «Выход в свет журнала «по независящим причинам» несколько затянулся, но теперь уже почти все рукописи собраны (получены даже статьи из Парижа от «Смена вех»)... Все написали лучшее, что могли. Получилось, кажется, очень интересно»^[284].

И. Г. Лежнев позже признавался, что «журнал сперва обещал сформировать новую идеологию, а затем пытался выполнить это обещание. Уже в передовой № 1 «Новая Россия» в марте 1922 года сообщалось о том, что старая идеология сгорела в огне революции и нужно создавать новую»^[285]. В берлинской газете «Накануне» эта мысль питерских сменовеховцев была поддержана:

²⁸³ Федорова О. П. Журнальная публицистика 20-х годов как источник по истории советской интеллигенции. М., 1985. С. 40.

²⁸⁴ РГАЛИ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 173. Л. 6.

²⁸⁵ Там же. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

«Старая идеология сгорела в огне революции, испепелилась, рассыпалась прахом. Нужна новая идеология, творческий синтез старого с новым. Все оказались виновными, и все обанкротились. Эти простые и веские слова имеют особую поучительность для нас, оторванных от родины эмигрантов. Мы все привыкли к формуле **ОНИ** виноваты. Но вот приходит книга журнала из России, и первое, на чем останавливается внимательная мысль, – это отсутствие деления на «мы» и «они». Все равно виноваты, все одинаково обанкротились, – сурово напоминают нам оттуда. И тем напряженнее следишь за мыслью и выводами «Новой России»^[286].

Сам И. Г. Лежнев подчеркивал особую направленность в позиции редактируемого им журнала: «Объединившиеся здесь публицисты и писатели стояли на позиции сотрудничества с советской властью в деле хозяйственного и культурного подъема страны после разрухи войн – империалистической и гражданской... Для большей эффективности журнал выдвинул лозунг о самостоятельной роли интеллигенции в государственных делах...»^[287] К осени 1923 г. было намечено начать печатать данный журнал в Берлине, имея редакцию по-прежнему в России, с тем чтобы некоторая часть тиража оставалась в российском зарубежье, а остальной тираж ввозился бы в СССР. План этот осуществить не

²⁸⁶ Василевский (Не-Буква) И. На перевале // Накануне. 1922. 2 апреля.

удалось, по сведениям И. Г. Лежнева, лишь ввиду развившейся к осени 1923 г. в Германии инфляции^[288].

Но, наверное, были не только экономические причины прекращения сменовеховской издательской деятельности и в СССР, и в рассеянии. В первую очередь необходимо назвать отказ большевистского руководства от провозглашенных идей, целей и задач так и не осуществленной «новой экономической политики». Свертывание «нэповских» лозунгов по мере утверждения административно-бюрократической системы делало совершенно ненужными «диктатуре пролетариата» идеи «Смены вех».

Сменовеховство: взгляд из ВКП(б)

Практически с самого начала существования «Смены вех» как общественно-политического течения оно находилось под пристальным вниманием высшего большевистского руководства и рассматривалось чрезмерно утилитарно. Например, сменовеховцев (нововеховцев) активно использовали на международной арене. Хорошо известен факт, что по рекомендации В. И. Ленина профессор международного права Ю. В. Ключников был приглашен в качестве эксперта советской делегации на Генуэзскую конференцию 1922 г.^[289] Обнаруженные недавно в архиве документы свидетельствуют о том, что планы использования

²⁸⁸ Там же. Л. 4.

²⁸⁹ Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 295.

сменовеховцев в своих интересах были у большевистских руководителей уже накануне Вашингтонской конференции 1921–1922 гг.:

«Расшифрованная телеграмма

Из БЕРЛИНА с[овершенно] секретно

Пол. 10/X расшифрована 11/X —21 г: Вх. № № 9848, 9854, 9856/с.

Москва, Чичерину.

Копии Ленину, Радеку.

К нам обратился профессор Ключников из группы «Новые вехи» с предложением поехать со своим единомышленником, бывшим обер[-прокурором] синода Владимиром Львовым в Америку на время Вашингтонской конференции в частной полуофициальной роли. Ключников надеется, что эта поездка даст возможность Львову использовать свои обширные и влиятельные американские связи для воздействия на американские политические сферы в желательном для нас духе, что особенно важно ввиду одновременной поездки туда же Милюкова и Авксентьева с противоположными задачами. Проект Ключникова считаем весьма ценным, полагаем, что **эти люди в качестве наших агентов, действуя под нашим контролем, могут сделать большую политическую работу** (выделено мной. – А. К.), возбудить интерес к России в политических сферах Америки, что могло бы отразиться на всей нашей международной

позиции. Ввиду того что им выехать необходимо в 20 числа октября, чтобы попасть к началу конференции, мы выразили принципиальное согласие на поездку, обещая финансировать и снабдить материалами и инструкциями. Считаем необходимым доставление Вами самых подробных данных о положении на Дальнем Востоке, политике и планах Японии, выставляемых ею требованиях, о положении дайренских переговоров. Крайне желательно отправить немедленно в Берлин кого-нибудь, вполне осведомленного во всех этих вопросах, например Краснощекова, но дополнить его сведения изложением ваших мнений. Львова для разговоров вызываем сюда. Просим немедленных сведений и указаний.

Михальский Бродовский

9 октября 1921 года

[на документе автографы:

т. Молотову

оч[ень] важно!

надо поддержать

12/Х Ленин

т. Сталин поддерживает

т. Каменев – за]»^[290].

²⁹⁰ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26518. Л. 1. Подлинник. Машинопись.

При этом лидеры большевиков использовали самые разные рычаги влияния на представителей сменовеховства. Но постепенно на первый план выходит финансовое давление. Это заметно по докладам советских представителей за рубежом в ЦК, по обсуждениям в Политбюро ЦК ВКП(б)^[291].

В протоколе № 78/а постановлений Политбюро ЦК РКП(б) от 22 ноября 1921 г. по вопросу 5 «Предложение Молотова об издании еженедельника «Смена вех» (письмо т. Крестинского) говорится: «Считать поддержку еженедельника «Смена вех» столь же приемлемой, как и поддержку выпуска брошюр той же группой»^[292]. Вскоре в Москву из Берлина на бланке «Полномочное Представительство РСФСР в Германии» поступило письмо от 10 декабря 1921 г. следующего содержания:

***«Товарищу ЛЕНИНУ, копия тов.
КАМЕНЕВУ.»***

Многоуважаемый Владимир Ильич, Третьего дня приехал из Парижа В. Н. ЛЬВОВ («Смена вех»). Он разошелся с веховцами из-за их отказа печатать без изменений его более левые статьи и отчеты об его докладах. По его словам, его положение среди парижской эмиграции и вообще в Париже стало совершенно невозможным, и он предпочел приехать сюда, чтобы открыто предложить свои услуги нам. Заявляет, что считает себя по своим политическим и социальным условиям

²⁹¹ Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Т. 1. 1919–1929. М., 2000.

²⁹² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 233. Л. 2. Копия.

большевиком, хотя остается глубоко религиозным человеком. Хотел бы поехать в Россию для того, чтобы, во-первых, пропагандировать среди интеллигентских и обывательских кругов в России, еще не проделавших той эволюции, которую проделал он, необходимость признания и поддержки советской власти, и, во-вторых, работать в области той или другой советской работы, хотя бы в деле укрепления свободы совести и проведения полного отделения церкви от государства.

Решите вопрос, нужен ли он в России, и напишите или телеграфируйте. Сидит он, конечно, без денег, маленькую помощь мы ему здесь как-нибудь окажем, но надолго он здесь не нужен. По-моему, он, как и остальные сменовеховцы, могут больше пользы принести в России, в которой шире и благодарнее поле для их работы.

С товарищеским приветом: [подпись]

Крестинский^[293].

На оборотной стороне письма запись:

«15/XII

Т. Молотов! Прошу пустить в круговую членам ПБ[Политбюро].

Это – самый **глупый** из сменовеховцев.

²⁹³ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22431.

Боюсь, не поможет, а **навредит** нам.
Отложить до приезда Крестинского.

Ленин.

Согласен *Троцкий*.

Согласен *Зиновьев*.

Сталин Каменев^[294].

Постоянно в переписке ЦК большевистской партии и советских представителей за рубежом ставится вопрос о целесообразности использовать сменовеховские издания в целях просоветской агитации и пропаганды. В этом плане достаточно характерно письмо Чичерина в ЦК РКП(б) «О нашей печати в Германии»:

«26 декабря 1921 г. № 11/5716 тов. Молотову

Уважаемый товарищ,

Еще 2-го декабря мы обратились в Политбюро по поводу его письма тов. Крестинскому по вопросу об уничтожении советских газет за границей. Мы обратили внимание Политбюро на ту очень серьезную тему, которую в настоящее время играет «Новый мир», и на невозможность для вывозимых из России газет играть такую же роль. В настоящее время ввиду намерения группы «Смена вех» издавать газету и также ввиду того, что весьма вероятно скорое разрешение ввоза в Россию

²⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22432.

иностранных газет, вопрос об издании «Нового мира» особенно актуален. В моем письме к Вам от 2-го декабря необходимость дальнейшего издания «Нового мира» была подробно мотивирована.

С коммунистическим приветом [копия, машинопись, без подписи]»^[295].

Письма полпреда в НКВД прямо и конкретно ставят вопрос о субсидальной подпитке сменовеховства, организации издательского дела группы «Смены вех»:

«Полномочное Представительство РСФСР в Германии

*Берлин, 28 января 1922 г. **Секретно***

ЦК, товарищу Молотову

*КОПИИ: Каменеву, Аитвинову, **Чичерину***

Уважаемый товарищ, Был у меня, приехавший из Парижа для переговоров со мной, Ю. В. Ключников. Кроме меня виделся он и с Ремером. Он поставил несколько вопросов. Прежде всего, их группа чувствует неудовлетворенность своей работой в журнале и хотела бы выступить с новым сборником, привлекая к участию в нем еще несколько человек из заграничников и из находящихся в России литераторов и общественных деятелей того же типа и приурочив содержание сборника не столько к русскому читателю, сколько

²⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 082. Д. 1. Папка 7. Оп. 5.

к западноевропейскому. «Сменовеховцы» (или, может быть, один Ключников) думает, что такой сборник оказал бы известное влияние на французскую, английскую и т. д. интеллигенцию в смысле сдвига ее в сторону советской власти. Если идея такого сборника встретит сочувствие у нас, Ключников готов приехать на пару недель в Россию для переговоров о содержании сборника и для вербовки его участников.

Второй вопрос – нужно ли выпускать второе издание сборника «Смена вех», первое издание уже распродано. Если нужно, сколько экземпляров? По мнению Ключникова, невыгодно печатать менее 3-х тысяч. Печатать дешевле всего в Берлине.

Третье – вопрос об их еженедельнике. Он печатается в Париже в количестве 2500 экземпляров. Стоит дорого, имеет довольно запоздалый материал. Ключников предлагает увеличить тираж до 5 тысяч, печатать 4 тысячи в Берлине и 1 тысячу в Париже, с тем чтобы из напечатанного в Берлине 2500 экземпляров шли на продажу в Россию. Составляться номер должен, по его мнению, по-прежнему в Париже, где останется центр группы. Перенос всего издания в Берлин, хотя это будет значительно дешевле и улучшит связь с Россией, кажется ему нецелесообразным, так как он придает особое политическое значение выходу журнала во Франции.

Наконец, четвертый вопрос – вопрос об ежедневной газете. Вопрос об издании газеты возник не в Париже, а в Берлине у некоторых

единомышленников группы «Смена вех». Они предлагали сначала издавать газету на «собственные» средства, т. е. на деньги, которые надеялись получить от Стахеевской группы. Однако выяснилось, что эта группа дает деньги не даром, требует энергичной поддержки ее коммерческих планов в СовРоссии, поэтому инициаторы обращаются за деньгами к нам. Ключников сначала был противником ежедневной газеты (ему не хотелось переезжать в Берлин), но перспектива Генуэзской конференции и его расшевелила, и он сейчас очень настаивает на газете.

Мое впечатление от Ключникова, что он очень способный и честолюбивый, но не очень искренний и не слишком основательный человек. По сведениям, полученным из парижского источника, в их группе намечается раскол. Ключников стоит за сохранение группы с ее нынешней позицией, Лукьянов же, Потехин и кто-то еще за более определенную солидарность с советским правительством.

Мое мнение таково. Издание еженедельной газеты сменовеховского направления считаю преждевременным, так как думаю – во-первых, что они не справятся немедленно с постановкой хорошей большой газеты, и, во-вторых, что они не будут еще достаточно послушны и нам придется сохранять параллельно «Новый Мир», что будет слишком дорого. Я считал бы правильным перевести все издания существующего еженедельника в Берлин, куда переселить из Парижа и главных его работников. Тут мы сможем

снабжать еженедельник свежими сведениями и достоверным информационным материалом, будем иметь контроль за ним, сможем оказывать необходимое влияние. Издание будет стоить гораздо дешевле, чем при печатании хотя бы части во Франции. Возможность хозяйственного контроля еще больше сократит расходы. Отсюда легче транспортировать часть издания в Россию, для распространения с пропагандистскими и коммерческими целями. В течение пары месяцев вокруг еженедельника создастся небольшой редакционно-издательский аппарат и выделится группа наиболее стойких руководителей. К этому времени, может быть, станет уже ненужным «Новый Мир». Тогда мы его закроем и развернем в ежедневную газету сменовеховский еженедельник. Что касается сборников, то если будет выпускаться новый сборник, то не нужно второго издания «Смены вех». Я мало верю в то, чтобы удалось быстро составить и выпустить новый более интересный сборник, и поэтому высказываюсь за второе издание «Смены вех».

Еще есть один вопрос. Это вопрос использования сменовеховцев на работе в СовРоссии. Они все согласны ехать, но большого желания у них, по-видимому, нет. Ключников мог бы быть использован в НКВД как приват-доцент по кафедре государственного и международного права.

Может быть, было бы не вредно, чтобы Ключников съездил ненадолго в Москву переговорить, скажем, с Каменевым по всем этим

вопросам – о сборниках, об еженедельнике, о газете и о приезде в Россию.

Степанов против организации здесь сейчас сменовеховской газеты, Ремеру кажется, что во время до Генуи и Генуи, но только на это время, было бы целесообразно заменить «Новый Мир» такой газетой.

Просьба срочно ответить на поставленные вопросы, так как нынешнее положение – издание в Париже небольшого количества дорогого журнала – явно[нецелесообразно – зачеркнуто. – А. К.] ненормально.

С товарищеским приветом *Н. Крестинский*^[296].

В продолжение основных идей Н. Крестинского большевистское руководство принимает принципиальное решение. В протоколе № 94 заседания Политбюро ЦК РКП от 9 февраля 1922 г. обозначен вопрос «О сменовеховских изданиях за границей». В постановляющей части говорится:

«а) Признать полезным издание (особенно во время Генуэзской конференции) небольшой ежедневной газеты группы «Смена вех».

б) Поручить т. Крестинскому провести в дальнейшем замену «Нового Мира» этой газетой, если удастся поставить ее хорошо.

²⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 082. Оп. 5. Д. 4. Папка 7.

в) Издание нового сборника «Смена вех» признать желательным.

г) Не возражать против переиздания за границей старого сборника «Смена вех».

д) Подтвердить еще раз т. Крестинскому, что Ключников является желательным экспертом для Генуэзской конференции.

Секретарь ЦК *В. Молотов*^[297].

Вновь вопрос «О финансировании новой берлинской газеты (Предложение т. Крестинского)» зафиксирован в протоколе № 111 заседания Политбюро ЦК РКП от 13 марта 1922 г., когда постановили: «Принять следующее предложение т. Крестинского: ассигновать на издание газеты 2 миллиона германских марок. Предложить НКФ [Народному комиссариату финансов] и НКВТ [Народному комиссариату внешней торговли] выплачивать переводимые суммы в марках по действительному курсу, не уменьшая переводимых сумм никакими отчислениями»^[298].

Характерно, что советско-партийное руководство занималось даже такими вопросами, как подбор материалов для газеты «Накануне»:

«Вх[одящий] № 453/с 8 мая 1922 года
Наркоминдел **Архив** Секретно

№ 468 Берлин 22 апреля 1922 года

²⁹⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 261.

²⁹⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 280.

тов. Б. И. Канторовичу Наркоминдел

Многоуважаемый товарищ,

С прошлой почтой мною были получены от Вас статьи, переданные Вам тов. Аксельродом для напечатания в «Накануне» или другой заграничной буржуазной газете.

Сам я этих статей не читал, но дал их на просмотр заведующему нашим бюро печати т. Устинову, который нашел, что и по бедности фактическим материалом и по лубочному[слово вымарано и зачеркнуто. – *А. К.*] стилю они совершенно не пригодны для помещения в заграничной прессе. Только статья «Смерть без пощады» могла быть использована и не[зачеркнуто. – *А. К.*] значительной переделке была передана для «Накануне».

Однако вообще я считаю такого рода снабжения материалом «Накануне» нежелательным и предпочитаю ничего им не навязывать, когда для этого нет особой надобности.

Сообщите об этом тов. Аксельроду и порекомендуйте ему на будущее время то, что он захочет поместить в «Накануне», посылать не через меня, а непосредственно в газету.

С товарищеским приветом *Крестинский*^[299].

Снова вопрос об ассигновании газеты «Накануне» обсуждался на заседании Политбюро ЦК РКП 11 мая 1922 г. (протокол № 6):

«1. Предложение т. Крестинского о дополнительном ассигновании в его распоряжение 1-го миллиона германских марок.

А) Разрешить отпуск просимой т. Крестинским суммы.

Б) Предложить т. Крестинскому организовать дело таким образом, чтобы издательство газеты было переведено на акционерные начала, с тем чтобы в наших руках было не менее 50 % всех акций.

Просить т. Крестинского, в случае, если он найдет это неудобным, сообщить по телеграфу свои соображения»^[300].

В протоколах заседаний Политбюро ЦК РКП(б) есть несколько коротких решений по «сменовеховству». Одно из решений большевистского руководства было связано с питерским журналом «Новая Россия», закрытым по решению Г. Е. Зиновьева. На основе доклада срочно командированного в Петроград заведующего политотделом Госиздата

²⁹⁹ РГАСПИ. Ф. 082. Оп. 5. Д. 4. Папка 7.

³⁰⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 292. Копия.

Н. А. Мещерякова было принято предложение В. И. Ленина. В выписке из протокола заседания Политбюро ЦК РКП от 26 мая 1922 г. № 8 читаем:

«СЛУШАЛИ:

7. О журнале «Новая Россия» (предлож[ение] т. Ленина). ПОСТАНОВИЛИ:

7. а) Предложить т. Мещерякову Гл[авному] Упр[авлению] по делам печати, в качестве высшей инстанции, разрешить дальнейший выход журнала «Новая Россия», отменив постановление Питерского Исполкома об его закрытии.

б) Поручить т. Мещерякову по соглашению с т. Троцким разослать по цензурным органам на местах циркуляр в связи с фактом закрытия «Новой России».

«Р. С. Ф. С. Р.

Государственное издательство

Председатель редакционной коллегии.

7 июня 1922 года. № 375.

Бюро секретариата ЦК РКП

13/VI – 22 г. вх[одящий] № 6513/с

Секретно.

В СЕКРЕТАРИАТ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП.

Получив директиву Политбюро от 26/V–1922 г. по вопросу о журнале «Новая Россия», я счел нужным лично поехать в Петербург, чтобы путем переговоров уладить дело. В Петербурге я убедился, что редакция издательства «Новая Россия» вполне удовлетворяется, если взамен «Новой России» им будет разрешено новое издание и если конфискованный № 2 журнала (из которого статья «Эмансипация Советов» была уже перед этим вырезана), разрешить им выпустить в виде сборника, переменив только обложку и заменив вырезанную статью новой.

К этому способу решения я и прибег по соглашению с т. Зиновьевым, ибо это касалось мне лучшим исходом, чем отмена уже состоявшегося и объявленного постановления Петербургского Губисполкома относительно закрытия журнала «Новая Россия» и конфискации № 2 этого журнала, ибо это вызвало бы столкновение с Губисполкомом, т. к. формального права на отмену его решения я не имел. Принятое мною решение удовлетворило и издателей «Новой России» и петербургских товарищей.

Заведующий политотделом Госиздата
Н. МЕЩЕРЯКОВ».

«Выписка из протокола заседания Политбюро ЦК РКП от I/VI – 22 г. № 9. СЛУШАЛИ:

8. О пересмотре решения Политбюро от 26/V с. г. по вопросу о «Новой России» (т. Зиновьев). ПОСТАНОВИЛИ:

8. Предложить Президиуму ВЦИК немедленно провести в жизнь решение Политбюро от 26/V с/г., вызвав представителей Петербургского Исполкома. Вместе с тем принять меры к тому, чтобы меньшевиков в журнале «Новая Россия» не было».

«Выписка из протокола заседания Президиума ВЦИК от 8/VI – 22 г. № 39. СЛУШАЛИ:

19. О журнале «Новая Россия». ПОСТАНОВИЛИ:

19. Заслушав объяснения тов. Мещерякова, признать их удовлетворительными и вопрос о журнале «Новая Россия» считать исчерпанным»^[301].

Из-за разногласий в редакции газеты «Накануне» ставится вопрос о закрытии газеты и об издании Ю. В. Ключниковым журнала типа «Нива». Заседание Политбюро ЦК РКП от 8 июня 1922 г. обсуждает вопрос: «п. 15. О предложении Ключникова издавать «Ниву» (Троцкий).

Поручить т.т. Мещерякову и Шмидту О. Ю. в случае, если Ключников поднимает вопрос об издании «Нивы», вести с ним переговоры, держа в курсе Политбюро»^[302].

³⁰¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 54–55.

³⁰² РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 296.

Заседание Политбюро ЦК РКП от 22 июня 1922 г. вновь обсуждает данный сюжет: «п. 18. Об издании журнала «Нива» (Пост. Политбюро от 8 июня с. г., пр[отокол] № 10, п. 15) (Мещеряков).

а) Поручить О. Ю. Шмидту выяснить хозяйственно-финансовую организацию дела, обеспечив при этом интересы Республики.

б) Согласиться с тем, чтобы ответственным редактором «Нивы» был Ключников, с совещательной коллегией при нем с участием коммуниста.

в) Поручить т. Мещерякову в недельный срок представить проект договора, а в 2-недельный срок дать возможность сдать в типографию первый номер журнала»^[303].

Заседание Политбюро ЦК РКП от 10 августа 1922 г.: «п. 10. Заявление Крестинского о «Накануне».

Издание газеты не прекращать»^[304].

Заседание Политбюро ЦК РКП от 17 августа 1922 г.:

«п. 25. Об издании «Нивы» (Шмидт) (Пр[отокол] № 13, п. 18).

Поручить комиссии в составе Каменева, Троцкого, О. Ю. Шмидта и Воронского обсудить вопрос о возможности издания «Нивы» или другого какого-нибудь журнала аналогичного характера»^[305].

³⁰³ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 299.

³⁰⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 306.

³⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 308.

Летом 1922 г. конфликт в редакции берлинской газеты «Накануне» разрастался. Суть конфликта была изложена в пространным письме «Заключение редколлегии «Накануне» по поводу конфликта редколлегии с Ключниковым и Потехиным. Авторизованная машинописная копия. 12 сентября 1922 г.», адресованном Ленину:

«т. Ленину[автограф на печатном тексте]

*Доверительно, только для внутренних членов
коллегии*

осведомления.

Заключение редакционной коллегии «Накануне» по поводу конфликта редакционной коллегии с Ю. В. Ключниковым и Ю. Н. Потехиным.

Ввиду возникшего между ред. коллегией и Ю. В. Ключниковым и Ю. Н. Потехиным конфликта, редакционная] коллегия полагает необходимым установить нижеследующее:

При организации редакции газ[еты] «Накануне» в основу был положен принцип объединения общественно-политических групп – с одной стороны ядра «сменовеховства» в лице Ю. В. Ключникова, С. С. Лукьянова, П. А. Садыкера и Ю. Н. Потехина /незадолго перед тем принятого в группу/, с другой стороны, в лице Г. Л. Кирдецова и Б. В. Дюшен, причем последним представлялось право ввести в состав редакционной] коллегии еще одного, единомышленного им члена.

В организацию редакционной] коллегии был внесен принцип равенства прав всех членов Коллегии, причем Ю. В. Ключникову и Г. Л. Кирдецову присваивалось первое место в общем списке, по соображениям внешней тактики; по тем же соображениям имя Садыкера, полноправного члена коллегии, но не профессионала журналиста, в первом списке не упоминалось.

Это распределение было принято в отсутствие выехавшего в Париж С. С. Лукьянова, по категорическому требованию Ключникова, утверждавшего, что С. С. Лукьянов дал ему директиву ни на какое иное распределение имен в списке не соглашаться. Ввиду этого предложение составить общий список членов ред[акционной] коллегии в алфавитном порядке был отклонен.

Впоследствии, по возвращении С. С. Лукьянова из Парижа выяснилось, что заявления Ю. В. Ключникова о требованиях Лукьянова были неверны и он, Лукьянов, в письме на имя Ключникова требовал именно алфавитного списка членов коллегии.

На предварительных сговорах было установлено, что все члены редакции образуют единую коллегию с полным равенством ее членов. При заключении нотариального договора об учреждении товарищества на вере «Накануне» было решено, что Ключников и Кирдецов примут на себя звание полных товарищей в деле, остальные члены коллегии образуют «наблюдательный

комитет» (Аузитсрат), который явится высшей инстанцией в управлении делами.

В момент подписания договора Ключников, однако, совершенно неожиданно потребовал формального ограничения в договоре прав наблюдательного комитета и сведения его на роль совещательного органа, указывая на то, что ему, Ключникову, неудобно в документе признать подчиненность своего положения.

Ввиду того что спор этот касался исключительно взаимоотношений парижской сменовеховской группы, Кирдецов и Дюшен в прениях участия не принимали, а бывший налицо единственный, кроме Ключникова, сменовеховец Садыкер, ввиду заверений Ключникова и «моральной ничтожности бумажного договора» пошел на уступку.

По мере развития совместной работы в газете выяснилось, что в сменовеховской группе в редакции нет единомыслия как по настроениям, так и по тактическим вопросам. В нарушение принятых обязательств Ключников с первых же дней совместной работы пытался усвоить тон и манеры «хозяина в деле» и с величайшей нетерпимостью проводил свою личную точку зрения, неприемлемую как для части сменовеховцев, так и для «Берлинской» группы.

Вследствие этого первые же шаги редакционной работы осложнились множеством мелких инцидентов. Решающего столкновения и

разрыва не произошло только потому, что Ключников сначала был занят другой работой, а затем, по выходе в свет ШЕСТОГО номера газеты выехал в Геную.

Находясь в Генуе, Ключников никакого участия в работе и росте газеты не принимал, ограничившись присылкой за все время двух незначительных, полубеллетристических корреспонденций.

В Генуе Кл[ючников] пробыл около пяти недель. За время его отсутствия газета была «поставлена», выработала свой технический и политический облик, организовалась и приобрела определенный авторитет в политических кругах и читательской массе.

С приходом Кл[ючнико]ва вновь возник ряд тягостных инцидентов. Оставляя в стороне проявления личного эгоизма и эгоцентризма Кл[ючнико]ва, повсюду утверждавшего, что газета – это он, и только, необходимо констатировать существенно важное расхождение взглядов редакции в целом и Кл[ючнико]ва: Ключников настойчиво требовал от газеты политики «братания» с крайними правыми элементами, с целью их «заглатывания», отказа от полемики с ними, «уважительного отношения» к представителям «правого мирозерцания». Встретив со стороны членов редакции категорический отказ в привлечении для сотрудничества махровых реакционеров и монархистов, Кл[ючник]ов все же всемерно

продолжал настаивать на своем, создавая инцидент за инцидентом, крайне затруднявшие нормальную редакционную работу.

В связи с оживлением деятельности Врангеля редакция считала нужным предпринять энергичную кампанию разоблачения белогвардейских авантюр, но Кл[ючник]ов восстал против этого, утверждая, что это не дело газеты и что в крайнем случае, на эти круги можно воздействовать иными способами. Вследствие этого в присутствии Кл[ючико]ва планомерная борьба и разоблачение интервенционистских замыслов «белых» и монархистов были сильно заторможены.

Двухнедельное участие Кл[ючико]ва в газете привело к положению, при котором дальнейшее ее существование становилось совершенно невозможным.

ПРИ ИЗВЕСТНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ возникла мысль командировать Кл[ючико]ва в Россию в качестве специального корреспондента на процессе эсеров. Предложение, сделанное Кл[ючико]ву тов. Карлом Радеком 28-го мая, было Ключниковым принято, и 31-го мая он совместно с Ю. Н. Потехиным выехал в Москву. Отъезд Потехина не вызывался необходимостью. Что именно побудило Кл[ючико]ва требовать ультимативно себе в спутники Потехина, – он не объяснил.

Редакционная коллегия возражала против отъезда Потехина, но, в конце концов, уступила,

полагая, что потеря работника в лице Потехина будет возмещена временным устранением мешающего работе и сеющего раскол Кл[ючнико]ва. С отъезжающими было заключено подробное соглашение о порядке их работы и деятельности в России. Они дали торжественные заверения в том, что в работе своей будут преследовать только **общие** всей редакции цели, от проведения личных взглядов воздержатся и при всех выступлениях будут отражать «накануневство» во всех его оттенках, не замалчивая ни одного из них.

В самом непродолжительном времени после отъезда Кл[ючнико]ва редакционная работа наладилась при общем единомыслии членов коллегии.

Продолжающийся рост газеты и ее влияния потребовал расширения отделов и привлечения ряда новых сотрудников. Беглое ознакомление с списком сотрудников, ныне работающих в газете, показывает размеры достигнутых в этом направлении моральных и материальных успехов. Кроме того, ввиду недостатка работников в самой коллегии, к ее работе был привлечен проф. С. С. Чахотин, сменовеховец, примыкавший к Парижской группе. Приглашение Чахотина знаменательно тем, что Кирдецов и Дюшен, имевшие право ввести в коллегию «своего» человека, ввиду полного взаимного доверия членов наличной коллегии, правом своим не

воспользовались и отдали свои голоса «парижскому сменовеховцу».

В России Кл[ючник]ов и Потехин не выполнили ни одного из принятых ими на себя обязательств. О процессе эсеров, на который они специально командировались, Ключников не прислал ни одной строки, вообще уклоняясь касаться актуальных политических вопросов.

За три месяца своего пребывания в России Кл[ючник]ов и Потехин прислали всего четыре корреспонденции, напечатанные в «Накануне» и поражающие полным отсутствием актуальности. Равным образом и в весьма редких письмах на имя членов редакции К[лючников] и П[отехин] не давали ничего, что могло бы послужить нам для правильного понимания ряда событий текущих дней.

В России, в Москве, Петрограде и в провинции Кл[ючников] и Пот[ехин] выступили с рядом лекций, в которых представляли «сменовеховство» и «накануневство» совершенно односторонне, вовсе умалчивая о левых течениях в этих группировках. На основании их докладов, как то видно по статьям русской печати, о газете в России складывалось представление, как об органе реакционно-нэпманского характера.

Более того, в Петрограде на докладе в Доме литераторов Кл[ючников] решительно отмежевался от газеты, порицая ее направление, «грубость ее поддержки советской власти», полемику,

направленную против реакционных кругов, указывая при этом, что «дефекты» газеты вызваны его, Ключникова, отсутствием, который один может придать ей «надлежащее» направление. Что именно Кл[ючников] понимает под «надлежащим направлением», редакционная коллегия себе уяснить не может, т. к., сопоставляя письма Кл[ючико]ва в хронологическом порядке, видно следующее:

Газета не удовлетворяет Кл[ючико]ва, так как не уделила достаточно места его поездке в Россию. «Могла бы посвятить этому событию одну-две передовых статьи». Равным образом, газета не удовлетворительна тем, что не рекламировала выступлений Кл[ючико]ва в Москве и др[угих] местах.

Ее напряженная борьба с определенными кругами эмигрантщины портит Кл[ючико]ву отношения «с передовыми кругами профессуры и интеллигенции». Отводя много места информации из России и освещению новых положительных сторон русской действительности, газета «приобретает вид официоза», «Нового Мира» и т. д. В последующем, однако, Кл[ючико] в выражает крайнее недовольство критикой некоторых положений и тактических выступлений отдельных групп и лиц Р. К. П. и вообще критическим подходом к событиям, так как вследствие этого газета может потерять «благоволение» власть имущих кругов.

Разбираться в этом разное взглядов Кл[ючнико]ва на газету, проявившемся на протяжении нескольких недель, редакция, не зная причин их вызывающих, не находит возможным.

За последние два месяца пребывания в России (июль – август) ни Кл[ючник] ов, ни Потехин ни в какой деловой связи с редакцией не состояли, занявшись устройством личных дел. Ключников принял предложение занять кафедру в Московском университете, Потехин получил место в ВСНХ.

Редакция, осведомленная об этом только из газет, имела право считать, что К[лючников] и П[отехин] сознательно идут на разрыв с «Накануне», подготавливая себе независимую от нее общественную и политическую базу. Кроме того, редакция осведомилась, что Кл[ючников] становится во главе одного крупного коммерческого издательства, нарушая и предавая тем дело «Накануне», т. к. при издательстве им организуется «собственная газета».

Следующие события подтвердили предположения:

Ключников на имя Кирдецова и Редакции прислал письмо, датированное пятым августа, в котором, ссылаясь на фельетон за подписью Кирдецова, в котором он усмотрел точку зрения, направленную против «моей политики», категорически требовал немедленного напечатания следующего заявления: «От Ю. В. Ключникова и Ю. Н. Потехина:

В связи с многочисленными, обращенными к нам вопросами, настоящим сообщаем, что с момента нашего выезда из Берлина в Россию 31-го мая мы не принимали никакого фактического участия в редактировании «Накануне».

Ю. Ключников. Ю. Потехин».

К сему заявлению имеется приписка: «Пометить без всяких комментариев или примечаний в правом нижнем углу на первой странице и черным шрифтом».

Редакционная коллегия, обсудив требование Ключникова, постановила: ввиду неясности формулировки заявления, запросить Кл[ючнико]ва, означает ли оно, что он и Потехин выходят из редакции «Накануне», и если нет, то как он понимает дальнейшее свое участие в газете после подобного заявления. До получения ответа и разъяснений от печатания заявления воздержаться.

Вместо ответа на поставленные ему вопросы, Кл[ючник]ов прислал ультиматум: немедленно напечатать заявление, угрожая в противном случае выступить в русской печати «против своей газеты».

По получении этого постановления редакция, принимая во внимание, что приезд Кл[ючнико]ва ожидается со дня на день, постановила:

«Ожидать приезда Кл[ючнико]ва, заявления не помещать, т. к. подобное выступление в газете лица, имеющегося одним из ее редакторов, политически и тактически недопустимо, т. к. приносит серьезный вред делу из-за чрезмерных и необоснованных требований

одного лица. По приезде Кл[ючнико]ва принять меры для пристойного улажения взаимных недоразумений».

Ключников в полной мере выполнил свою угрозу: в № 1623 «Известий» появилось интервью г. Ключникова, в котором он не обинуясь порочит газету «Накануне» и руководящие ее общественные политические группировки. Характерно, что Ключников, нападая на газету и сообщая явную ложь о ее руководителях, не указал ни одного, кроме Потехина, «верного» ему человека.

Отклики на выступление Кл[ючнико]ва в эмигрантской печати сводились к тому, что вот, даже Кл[ючнико]в, побывав в России и наглядевшись на ее пакости, отрезвел, не стерпел и его стошнило от сотрудничества с «прислужниками палачей» – что и требовалось Ключникову в личных интересах.

Защищая интересы дела, в которое, кроме значительных материальных средств, вложен также огромный организационно-политический труд, создавший газете совершенно исключительное влияние среди средних слоев интеллигенции в России и среди поколебленных кругов трудовой части эмиграции и беженства, коллегия «Накануне» нашла себя вынужденной ослабить удар, нанесенный делу Ключниковым, и опубликовать след[ующее] сообщение: (См. приложение).

Во избежание нежелательного «скандала», было постановлено никаких выступлений против Ключникова не производить, в полемику с ним в печати не вступать, а дождавшись его приезда, все же попытаться, ради интересов дела, найти более корректную формулировку «расхождения». Кл[ючнико]в прибыл в Берлин в конце

августа, но ни в какие сношения с коллегией «Накануне» или отдельными ее членами не вступал.

Лишь в начале сентября, спустя около двух недель, Ключников и Потехин явились в редакцию и, сразу заняв резко враждебную позицию, заявили полному составу редакционной коллегии:

«1. Реорганизацию товарищества на вере «Накануне» в акционерное о[бщест]во они считают уголовным преступлением и будут в судебном и «публицистическом» порядке защищать свои нарушенные материальные права. Последнее относится собственно к Ключникову, который в товариществе являлся пайщиком.

2. Что форма акционерного о[бщест]ва, в котором часть акций находится в «чужих» руках, для них неприемлема.

3. Что они требуют безоговорочного напечатания их изложения всего происходящего, после чего,

А. Газета должна быть немедленно закрыта.

Б. Все средства акционерного о[бщест]ва должны быть переданы в распоряжение Ключникова и Потехина.

В случае неудовлетворения этих требований, объявленных нераздельными, он, Ключников, предпримет решительную кампанию для восстановления как нарушенных его материальных прав, так и против газеты в целом, вынеся все дело «на суд общественного мнения».

В ответ на это редакционная коллегия, по обсуждению дела, ответила: «О закрытии газеты и условиях А и Б не может быть никаких переговоров,

ввиду полной политической и общественной несообразности подобных требований.

Коллегия готова принять от Кл[ючнико]ва и Потехина и напечатать в газете соответствующее разъяснение происшедшего, поскольку таковое нужно К[лючникову] и П[отехину] в видах личной реабилитации, но с тем, что оно не будет заключать ничего позорящего дела «Накануне». При этом коллегия обязалась проявить в отношении К[лючникова] и П[отехина] широкую терпимость и предупредительность».

После этого сообщения, сношения между сторонами прекратились.

После этого Кл[ючник] ов и Потехин объявили в газетах публичную лекцию, назначив ее на 19-ое сентября.

15-го сентября они довели до сведения коллегии, через посредничество третьего лица, что минимумом их требований является следующее:

Газета публикует заявление с объяснениями причин «расхода», без детализовки вопроса и после этого газета **изменяет название**, оставаясь в руках нынешней редакции, а Кл[ючников] и Потехин уезжают в Москву.

Если к 18 сентября соглашение не будет достигнуто – Ключников на публичной лекции 19 считает себя вправе «разоблачить» все происшествие.

Редакционная коллегия постановила по первому пункту в переговоры вступить, что же касается требования второго пункта – изменения названия газеты – отклонить. Название газеты, ее марка, есть капитал, крупнейшая ценность в деле, принадлежащая

акционерам. Без постановления которых никто не правомочен в угоду нэпманскому издательству ее аннулировать.

В настоящий момент к переговорам приступлено и первое свидание назначено на 18-е сентября.

Разрыв «Накануне» с Кл[ючнико]вым и Потехиным не произвел никакого впечатления и в печати и, кроме упомянутой заметки «Руля», не обсуждался. Недовольный этим Кл[ючник]ов позаботился через известное коллегии лицо поместить в эсеровском «Голосе России» извлечения из интервью, лично им подобранные и приготовленные для печати.

Со времени организации газеты она как предприятие выросла в крупное коммерческое дело, в которое внесен значительный капитал. Поэтому в июле было признано необходимым преобразовать единоличное управление коммерческой стороной дела в коллегиальное, могущее обеспечить фактический контроль дела со стороны главного пайщика, до сего времени полагавшегося «на слова» отдельных лиц. Ввиду этого и было организовано акционерное о[бщест]во, о чем Ключников был своевременно извещен, и в котором для него и Потехина было оставлено надлежащее число акций-голосов. Со стороны коллегии не только не имелось возражений против акционирования дела, но она полагала, как это и оправдалось на деле, что таким образом будет раз навсегда пресечена возможность захвата дела случайным «хозяином».

Уход Кл[ючнико]ва и Потехина несколько не отразился на основах организации коллегии «Накануне». Напротив, «сменовеховское» ее ядро приобрело полную однородность, пополнилось вступлением Чахотина и

Садыкера, и, наконец, самое разделение на две группы – «берлинскую» и «парижскую» потеряло всякое значение у Ключникова же в самих сменовеховских кругах, при этом его столкновении с бывшими товарищами, не наметилось ни одного сторонника. ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Фактически Ю. В. Ключников в газете «Накануне» принимал участие лишь в течение времени не более двух недель.

В это время, вступив в коллегия на началах равноправия, он пытался захватить фактическую единоличную власть, основывая ее не на внутреннем договоре, а на «бумажке» денежного контракта.

Эта его деятельность наносила делу газеты и ее задачам неисчислимый вред, внося разложение в самую основу новой задачи.

Будучи командирован в Россию с совершенно точными инструкциями, Ключников порученных ему обязанностей не выполнил и, напротив, действуя только в личных политических и денежных интересах, повредил делу «Накануне» как в России, так и за границей.

Находясь в командировке от газеты и нося звание редактора таковой, предал по личному поводу дело и лиц, оказавших ему доверие, выступив против них в современной печати.

По возвращении в Берлин Ключников, отвергая все предоставленные ему возможности благопристойного разрешения дела, занял позицию: «или Я, или газета будет убита», с каковой целью предъявил заведомо неисполнимые требования, угрожая публичным скандалом и основываясь на явно нелепой базе своего ДЕНЕЖНОГО участия в деле.

На основании вышеизложенного редакционная коллегия «Накануне» находит дальнейшее сотрудничество с Ключниковым в какой бы то ни было форме совершенно невозможным.

Берлин 17/ IX. Подлинный за подписями всех членов коллегии»^[306].

По согласованию с советским полпредом Н. Н. Крестинским было составлено следующее официальное сообщение, опубликованное в «Накануне» в № 114 от 23 августа 1922 г.:

«Заключение от редакции газ[еты] «Накануне» 23 августа 1922 г. ОТ РЕДАКЦИИ:

Ю. В. Ключников и Ю. Н. Потехин во время своей поездки по России неоднократно проводили в своих публичных выступлениях грань между их личными взглядами и направлением газеты «Накануне».

С исчерпывающей ясностью это размежевание высказано в интервью, данном Ю. В. Ключниковым от своего лица и от лица Ю. Н. Потехина сотруднику «Известий». (См. «Известия ВЦИК», 17 августа, № 1623.)

Оставляя в стороне суждение об уместности подобных выступлений со стороны лиц, носящих звание редакторов газеты, противопоставляющих свои личные мнения взглядам единой по существу коллегии, – редакционная коллегия «Накануне», ввиду многочисленных обращений к ней вопросов, сообщает:

1) Ю. В. Ключников и Ю. Н. Потехин с сего числа в редакционной коллегии газ[еты] «Накануне» не состоят.

³⁰⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 309. Л. 3 – 12.

2) Со времени их отъезда в Россию (с 31 мая с. г.) они фактически участия в редактировании газеты не принимали, о чем Ю. В. Ключников и Ю. Н. Потехин на днях просили нас довести до всеобщего сведения.

3) Ю. В. Ключников, в частности, будучи отвлечен при создании газеты в Геную, и по возвращении из Генуи, с отъездом в Москву, фактически сотрудничал в редакционной коллегии лишь несколько дней.

Частичное изменение персонального состава редакции «Накануне», таким образом, отнюдь не знаменует какого-либо сдвига ни в нашей коллективной политической линии, ни в нашей идеологии.

Редактирование газеты «Накануне» осуществляется коллегией в составе: Б. В. Дюшен, Г. Л. Кирдецов, С. С. Лукьянов, П. А. Садыкер и С. С. Чахотин, под председательством Г. Л. Кирдецова»^[307].

Это заявление редакции еще больше обострило конфликт вокруг «Накануне». Тем не менее по предложению И. В. Сталина малое заседание Политбюро 31 августа 1922 г. приняло постановление, предписывающее Н. Н. Крестинскому исправить положение в «Накануне». Приложение к пункту 26 протокола Политбюро № 25 от 31 августа 1922 г. определяет:

«Копия

т. Крестинскому на № 919

Постановление Политбюро от 31.VIII.

³⁰⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 309. Л. 13.

1. ЦК считает, что полевание «Накануне» является минусом для нас, ибо оно замедляет процесс расслоения эмиграции, отталкивает нейтральных, а самое газету превращает в подделку под коморган.

2. ЦК предлагает вмешаться в дело в пользу группы Ключникова – Потехина, обеспечив последней преобладание в газете либо в порядке соглашения между обеими группами, либо, если этот путь окажется неосуществимым, – в порядке принудительной отставки всей группы левых.

Секретарь ЦК

Верно: *А. Холина*^[308].

Важно отметить два обстоятельства. Во-первых, Политбюро считало необходимым избавиться от «левой группы» в «Накануне» для того, чтобы в глазах эмигрантов газета не выглядела как откровенный коммунистический орган. Во-вторых, данное предложение почти дословно совпадает с предложением И. В. Сталина по вопросу о составе редакции «Накануне»:

«Предложение тов. Сталина по вопросу о «Накануне».

Политически Цека считает минусом потерю Ключникова и Потехина для «Накануне», тем не менее, ввиду непреодолимых препятствий к возвращению их в редакцию «Накануне»,

³⁰⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 311. Л. 17. Заверенная машинописная копия.

установленных в письме т. Крестинского, Политбюро не настаивает на своем решении и оставляет создавшееся положение без изменений. Вместе с тем Политбюро предлагает т. Крестинскому принять все меры к тому, чтобы впредь Цека не ставился перед фактом серьезных изменений в составе редакции «Накануне».

Сталин.

Верно: Гляссер»^[309].

Скорее всего, позиция И. В. Сталина не получила однозначного одобрения у членов Политбюро, что привело к тому, что через неделю вопрос о «Накануне» обсуждался вторично в присутствии Л. Д. Троцкого и К. Б. Радека. Наверное, именно они были инициаторами повторного обсуждения письма Н. Н. Крестинского, ибо во время дискуссии о профсоюзах 1920–1921 гг. он примыкал к троцкистам. Заседание Политбюро ЦК РКП от 7 сентября 1922 г., однако, вторично приняло точку зрения И. В. Сталина:

«п. 26. о «Накануне» (письмо Крестинского).

Принять предложение тов. Сталина»^[310].

По этим документам, сохранившимся в делах большевистского руководства, можно проследить отслеживание на высшем уровне большевиков конфликта в редколлегии газеты «Накануне», возможности использования его в своих политических интересах. Для

³⁰⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 273. Л. 1. Заверенная машинописная копия.

³¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 311. Л. 18.

того чтобы смягчить негативную реакцию от двух его попыток отстранить Ю. В. Ключникова и Ю. Н. Потехина от руководства «Накануне», а главное, отвести удар от себя, Н. Н. Крестинский поспешил откреститься от действий членов редколлегии газеты и представил данные действия своих подопечных как стихийные, самостоятельно возникшие под влиянием действий Ключникова и Потехина. С целью переубедить членов большевистского руководства в их отношении к конфликту сторон в редакции газеты «Накануне» советский полпред Н. Н. Крестинский пишет пространное письмо, по сути дела навязывая собственную точку зрения:

«Крестинский. *Бад Киссинген. 9 сентября 1922 г.*

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

ПРОСЬБА, НЕСМОТря НА ДЛИНУ, ДОЧИТАТЬ ДО КОНЦА ЧЛЕНАМ ЦК: СТАЛИНУ, ЛЕНИНУ, ТРОЦКОМУ, КАМЕНЕВУ, ЗИНОВЬЕВУ, РЫКОВУ, ТОМСКОМУ, РАДЕКУ, БУХАРИНУ; и т.т.: УНШЛИХТУ, ЧИЧЕРИНУ, СТЕПАНОВУ и УСТИНОВУ.

Дорогие товарищи,

Вчера вечером приехал ко мне в Киссинген т. Устинов с постановлением Политбюро о газете «Накануне» для того, чтобы совместно обсудить, как провести это постановление в жизнь.

Проведение в жизнь этого постановления сопряжено с такими политическими и

практическими трудностями, что я считаю себя вынужденным просить ЦК еще раз обсудить этот вопрос.

Когда я за несколько дней до отъезда писал ЦК о происшедшем в ред[акции] «Накануне» перевороте, я ввиду прежних постановлений ЦК и отсутствия возражений ЦК на мои доклады о накануневцах не допускал ни на одну минуту, что ЦК вмешается в это дело в пользу Ключникова и Потехина, и поэтому в том письме я не давал никакой оценки обеих групп накануневцев. Сейчас, ввиду принятого Центральным Комитетом решения, основанного, по моему глубокому убеждению, главным образом на одностороннем освещении находившихся в Москве Ключникова и Потехина, я изложу всю историю «Накануне».

В феврале месяце я получил постановление ЦК приступить к ликвидации «Н[ового] мира» и к организации в Берлине на время Генуэзской конференции сменовеховской газеты. Я вступил в переговоры с Ключниковым, выступавшим от имени парижской группы «Смены вех», и предложил ему организовать газету совместно с берлинскими сменовеховцами. В то время у меня уже были сообщения тов. Степанова о том, что Ключников не вполне порвал свои старые связи и что решительно выступать против правых он не будет. Лично на меня он произвел впечатление очень энергичного и не глупого, но карьеристичного, неискреннего и политически мало содержательного человека, о чем я тогда же писал ЦК. Для того чтобы обезвредить правые уклоны Ключникова, мы

предполагали создать паритетную редакцию из парижан и более надежных берлинцев, сделав главными редакторами Ключникова и Дюшена, и, к р о м е т о г о , в в е с т и в с о с т а в редакционно-издательской группы полковника Б. И. Солодовникова. Солодовников – это бывш[ий] правый с-р и колчаковец, очень активно и скверно боровшийся против нас на Урале и в Сибири, но затем уже в эмиграции открыто перешедший на нашу сторону, известный всей военной эмиграции, как активный противник врангелевцев. Этот Солодовников являлся главным организатором и негласным секретарем редакции издаваемого нами в Берлине (не под нашей, конечно, фирмой) теоретического военного журнала «Война и мир». Он был давно уже связан с нами, и его голос обеспечивал бы нам формальный перевес внутри редакции при решении спорных вопросов.

Ключников возражал против того, чтобы вторым редактором был Дюшен, сотрудничавший некоторое время в «Н[овом] мире», и категорически отвел Солодовникова, заявив, что эмиграция смотрит на Солодовникова уже как на служащего у соввласти, и поэтому его участие даст основание считать газету не независимой.

Внутри же своей группы, а также Кирдецову и Дюшену он говорил, что считает невозможным допускать слишком близкий контроль над газетой через специально поставленного внутри газетного аппарата человека.

Я не желал разрывать с Ключниковым из-за Солодовникова, которого вовсе не считал абсолютно надежным и вполне своим человеком, и поэтому уступил ему по обоим пунктам, не введя в газету Солодовникова, изменив на посту соредактора Дюшена Кирдецовым. В то время все участники вновь созданной редакции надеялись, что они легко сработаются, так как идейных разногласий, казалось, между ними не было.

Однако на практике все вышло иначе. Первые номера газеты выходили, главным образом, под редакцией Ключникова и Потехина. Лукьянов, насколько я помню, к тому времени не перебрался еще из Парижа, а Дюшен на 2 недели выбыл из строя вследствие болезни жены. После выхода второго номера газеты произошло убийство Набокова и покушение на Милюкова. Вы помните, какие фимиамы воскуряло «Накануне» в ряде статей покойному Набокову и заодно живому Милюкову. Трудно было отличить номера «Накануне» от номеров «Руля». Я в это время находился в Москве на партсъезде и не мог активно воспрепятствовать этому. Вернувшись же, не подымая склоки, так как поправить дело было все равно нельзя, и я утешал себя тем, что этими бестактными и неумными выступлениями газета, может быть, приобрела себе некоторый кредит и репутацию независимой у правых кругов эмиграции и тем, может быть, несколько упрочила свое материальное положение.

Немедленно после набоковских номеров Ключников уехал в Геную. Приступили к работе

Лукьянов и Дюшен, и газета недели четыре шла ровно.

Но вот в мае месяце за полторы недели до конца Генуэзской конференции вернулся в Берлин Ключников. Его возвращение совпало с моментом низложения патриарха Тихона и арестами священников, а также с подготовкой врангелевского выступления. Необходимо было выступить с мотивированной защитой мероприятий соввласти в церковной области, а тов. Степанов требовал срочного опубликования разного рода документов и сообщений о Врангеле и поднятия шума по поводу предстоящего его выступления. Исполнить то и другое оказалось невозможным. Ключников поместил небольшую заметку (передовицей), в которой говорил, что соввласть под давлением общественного мнения рабочих Запада вынуждена была заявить, что не применит смертной казни по отношению к с-рам; необходимо не допустить, чтобы подобное же заявление по отношению к священникам было сделано также под давлением общественного мнения Европы, и поэтому надо самим по собственной инициативе сделать такое заявление. Таким образом, в этой заметке нарочито подчеркивалось, что заявление по делу с-ров сделано нами не добровольно, по чужому требованию и одновременно делалась попытка стеснить свободу действий соввласти в отношении священников. Когда Дюшен, Лукьянов и даже Потехин написали по церковному вопросу статьи, в которых солидаризировались с изъятием ценностей и выступлениями группы неоцерковников, Ключников наложил вето на все

эти статьи (по конституции – при протесте одного из редакторов, статья не идет). Не лучше обстояло дело с антиврангелевской кампанией. Ключников противился напечатанию всякого рода заметок и сообщений, заявляя, что он не уверен в их правдивости и не может помещать непроверенных сведений и корреспонденций; причем тут же намекал, что они происходят от нашей разведки. Не пропуская никаких статей Дюшена и Лукьянова по поводу готовящейся авантюры, Ключников заявлял, что ему не нравится их тон, что «Накануне», как независимая политическая газета, может вести полемику с политическими противниками слева и справа, в том числе и с врангелевцами, лишь в совершенно спокойном и корректном тоне не как с вооруженными врагами, а как с идейными противниками.

В то же время он предъявил требование о включении в число сотрудников «Накануне» небезызвестного Колышко (Баяна). Когда остальные члены редакции категорически возражали, ссылаясь на то, что Колышко разоблачен как бывш[ий] сотрудник охранного отделения, Ключников настаивал, говоря[что] сотрудничество Колышко не вполне установлено, что Колышко письмом в редакцию опровергнет это обвинение и что у него (Ключникова) нет никакой уверенности в том, не служит ли Дюшен в большевистской разведке. А, по его мнению, между работой большевистской разведки и царской охранкой никакой принципиальной разницы нет.

Боязнь Ключникова проштрафиться перед правыми доходила до того, что в тот день, когда газету выпускал не он, и когда номер был уже сверстан, он тайно от очередного редактора поднялся в метранпаж и выбросил из сверстанного уже номера маленькую информационную заметку антиврангелевского характера.

Основные работники газеты – Кирдецов, Лукьянов и Дюшен – почти каждый день приходили ко мне и к тов. Степанову и говорили о невозможности совместной работы с Ключниковым. Тогда же мы узнали, что в самой группе «Смены вех» нет единства, что половина ее – Лукьянов, Бобрищев-Пушкин и Чахотин – не согласны во многом с Ключниковым, не верят его политической честности и искренности, не уважают его, как и вся эмиграция, и тяготятся его диктатурой, основанной на том, что он являлся распорядителем денег, данных Красиным на издание журнала «Смены вех». Тогда же я узнал факт, подтвержденный впоследствии и Садыкером, что уже в период издания журнала Ключников, находясь в Лондоне у Красина, прислал в Париж для напечатания в очередном номере журнала к годовщине расстрела Колчака статью хвалебного характера под заголовком «Светлой памяти Колчака». Статья эта была забракована остальными членами группы, что вызвало резкие протесты Ключникова. Все эти шатания Ключникова объясняются его полной беспринципностью и чрезвычайным честолюбием – желанием создать за границей и в России и

сохранить за собою в будущем сменовеховскую партию под единоличным лидерством Ключникова.

В конце мая положение настолько обострилось, что совместная работа в газете становилась невозможной. Необходимо было или целиком отдать газету Ключникову, или совсем или временно изолировать его от газеты, чтобы дать ей время и возможность политически стать на ноги. Я посоветовался с находившимся тогда в Берлине тов. Радеком, который через меня и Степанова, а может быть, и непосредственно от Лукьянова знал о происходивших в газете трениях. Он присоединился к моему мнению о необходимости изолировать Ключникова и предложил ему поехать с собою в Москву в качестве специального корреспондента «Накануне» на процессе с-ров. Ключников согласился, но попросил отпустить с ним Потехина. Товарищи по редакции с радостью отпустили обоих. При этом они говорили мне: «Вы знаете, почему Ключников берет с собою Потехина? Во-первых, потому, что он сам очень плохо и тяжело пишет; во-вторых, потому, что он никогда не свяжет себя определенными публичными выступлениями по острому вопросу, выступлением, которое могло бы восстановить против него хотя бы некоторую часть эмиграции. Вы увидите, что он не напишет ни одной строки по делу с-ров».

Лукьянов, Кирдецов и Дюшен оказались пророками. За все время своего 2,5-месячного пребывания в России Ключников и Потехин вместе прислали пять статей, из них два обывательских

фельетона о дорожных впечатлениях в Литве и Латвии, пару таких же фельетонов с восхвалением нэповского быта и один фельетон Потехина о внешней картине суда, в которой даже под микроскопом нельзя найти отношения Потехина к делу с-р по существу. Лишь несколько комплиментов по адресу Пятакова. И затем в течение двух месяцев процесса не только Ключников, но и Потехин не написали о процессе ни одного слова.

Когда Ключников и Потехин уезжали, я, кроме открытых рекомендательных писем, данных им в руки, написал членам Политбюро и т.т. Уншлихту и Карахану подробное письмо, в котором говорил, что командировка Ключникова и Потехина в Россию вызвана необходимостью изолировать их от газеты и дать ей возможность занять определенную политическую позицию. Я писал, что Ключникова и Потехина желательно задержать подольше в России, а еще лучше предоставить им там какие-либо почетные места, чтобы они добровольно согласились переехать из Берлина в Россию. Никаких возражений ни от ЦК, ни от отдельных членов Политбюро я тогда не получил и был вправе считать, что моя оценка личности Ключникова и его роли в газете Центральным Комитетом разделяется. Это мое мнение еще усилилось, когда я прочитал в «Правде» статью, направленную против «Накануне» – «Сторонники революции или приживальщики ее». В чем было дело?

Оставшиеся за границей накануневцы, несмотря на отсутствие какой бы то ни было помощи со стороны Ключникова и Потехина, добросовестно информировали читателей о процессе с.-р., перепечатывая отчеты наших газет и помещая корреспонденции других корреспондентов из Москвы – Герронского и Борисова. Но они поместили глупую статью о том, что трибунал не остался на высоте академизма (я был в это время в Гааге). Но и в этой глупой статье они все-таки признавали, что с-ры – «враги отечества», что соввласть вправе расправиться по всей строгости закона, и не советовали ей применять высшую меру наказания не по соображениям моральным и не по не солидарности своей с соввластью по этому вопросу, а лишь по соображениям целесообразности, чтобы не вызывать против совправительства нового взрыва враждебности со стороны буржуазных и отчасти рабочих кругов Западной Европы и Америки. Если даже такая постановка вопроса вызвала резкое осуждение «Правды», то я вправе был считать, что ЦК желает видеть на страницах «Накануне» статьи определенного просоветского, хотя отнюдь не коммунистического характера. А такого рода направление газеты могло быть обеспечено лишь устранением Ключникова или низведением его и Потехина до роли меньшинства в редакции.

Одновременно с этим по постановлению же ЦК происходила передача газеты Акц[ионерному] О[бщест]ву с сохранением у нас большинства акций. Эта передача вызывает сейчас резкие нападки Ключникова и Потехина, не знающих еще

о том, что это произведено по Вашему требованию, на бывш[их] товарищей по редакции.

Из всего вышеизложенного Вы видите, что я добросовестно считал ЦК вполне согласным с необходимостью устранения Ключникова и Потехина. Мне передавали, кроме того, что и ГПУ стремится всячески задержать их в России, что им предоставляются там места, а также и возможность литературной работы в периодическом журнале «Новая нива». О том же писали и они сами своим семьям и некоторым товарищам по редакции. Я был спокоен за то, что возвращение их в газету, если это и произойдет, то не надолго и не отразится на характере газеты. Я принимал лишь меры к тому, чтобы уход Ключникова и Потехина из газеты произошел безболезненно, без какого-либо провоцирования их на протесты; настоял на том, чтобы временными директорами-распорядителями (до 1-го общего собрания акционеров) были выбраны Дюшен и Садыкер (являвшиеся тогда единомышленниками и представителями интересов Ключникова и Потехина). Сам Ключников и Потехин не могли быть выбранными, так как по немецким законам учредители акционерных обществ должны быть налицо, а в распорядители могут быть выбраны только учредители. Кирдецов и Лукьянов, ставшие к этому времени наиболее одиозными для Ключникова, не были назначены распорядителями.

Мне удалось несколько раз предотвратить такие действия наличных редакторов, которые могли бы быть использованы Ключниковым и

Потехиным для того, чтобы обвинить берлинцев в нелояльности. И только тогда, когда Ключников и Потехин сами первые перешли в наступление и поместили в «Известиях» враждебное «Накануне» интервью, Кирдецов, Лукьянов, Чахотин, Дюшен и на этот раз даже Садыкер в полном согласии с гр[афом] А. Толстым, проф. Швиттау и другими ближайшими работниками газеты поставили меня перед фактом, поместив в газете известное Вам заявление и передовицу и придя ко мне с отпечатанным уже и выпущенным в обращение номером.

Поступили они, конечно, нелояльно. Если бы они принесли ко мне накануне, я бы не допустил этого, заставил бы их дожидаться приезда Ключникова и Потехина, и здесь потребовать от них отчета об их деятельности в России и объяснения их выступления в «Известиях».

Тогда бы позиция нынешних редакторов «Накануне» тактически была бы гораздо сильнее, и по отношению к нам они были бы вполне лояльны. За свой поступок они заслуживают всяческого осуждения и призыва к порядку. Но это не значит, что они не правы по существу.

Верно ли, что после августа «Накануне» полевела и превратилась в «подделку под коммунистический орган»? Неверно. Газета осталась и остается такою, какою она была в течение всех пяти месяцев своего существования, за исключением немногих недель фактического участия в ней Ключникова. И во всяком случае

такой, какой она была в течение июня, июля и августа, когда она отнюдь не вызывала со стороны ЦК обвинения в излишней левизне. Если Вы сравните номера газеты до рокового дня и после него, желая восстановить свое участие в газете, и даже приобрести в ней руководящую роль, говорит об этом несуществующем поведении и пугает тем, что это мнимое полевение замедлит процесс расслоения эмиграции и оттолкнет нейтральных.

Из кого состоит эмиграция? И какие элементы нам важно привлечь? Эмиграция состоит из небольшого количества политически руководящих людей (военных, администраторов, политиков и журналистов) и значительного количества обывательской буржуазии и буржуазной интеллигенции (промышленников, купцов, врачей, инженеров, адвокатов и т. п.) и из главной массы мелкоты, насильственно уведенной в порядке мобилизации и принудительно эвакуации, или самостоятельно потянувшейся за отступавшими белыми. Средняя группа, поскольку она не устроилась за границей материально и поскольку в России нэп вновь открывает для нее возможность зарабатывать и жить, сама тянется в Россию, и нам приходится и здесь и в Москве очень строго фильтровать ее. Что касается последней категории, то она представляет для нас главный интерес: в нее входят казаки, частью другие врангелевцы, всякая интеллигентская, студенческая и отчасти офицерская молодежь. Их нам важно привлечь, пробудить в них активную симпатию к совласти и активное желание вернуться в Россию. Этого можно добиться двумя средствами: решительной,

резкой борьбой с белой идеологией и белыми вождями – это первое, и второе – добросовестным дружелюбным информированием о том, что делается сейчас в России. Этого не хотел делать Ключников, и это очень добросовестно и честно делали нынешние накануневцы. Ими была проведена под руководством и наблюдением тов. Степанова энергичная кампания за возвращение казаков. Результаты налицо: казаки собираются домой, за реэвакуацию их взялся Нансен, в этом ему помогают, между прочим, и накануневцы (Лукьянов едет в составе его комиссии в качестве представителя русск[ого] Красн[ого] Креста), и Врангель лишается одного из главных источников своей живой силы. Теперь на очереди работа над остальными находящимися на Балканах, во Франции и в Северной Африке врангелевцами, и как раз на Балканах и во Франции растет[распространяемый] тираж «Накануне».

Этим путем, лишением массовой базы, можно привлечь на работу к нам и тех из эмигрантов из первой категории – вождей, которые не являются еще совершенно безнадежными. Ключников же думает, что ему удастся спропагандировать, если он будет вести полемику в белых перчатках, и привлечь к нам Милюкова, Маклакова, Мандельштама и разн[ых] белых генералов; он прямо говорил Устинову и Бродовскому, что основной задачей сменовеховской заграничной газеты является привлечение именно этих эмигрантских верхов – «интеллигенции», как говорит он. Что же касается демократической массы эмиграции, то она его не интересует. В этом

расхожусь с ним не только я и нынешняя редакция «Накануне», но и тов. Степанов, который считает ударной задачей настоящего момента, когда получают новые сведения о военных приготовлениях Румынии и Сербии, спешную обработку в советском духе и легальными (через «Накануне») и нелегальными путями обработать интернированные белые солдатские массы.

Отказываясь от этой насущной и очередной задачи, Ключников не достигает, конечно, и *своей* основной цели. Самовлюбленный Ключников не замечает, как к нему относится Милюков и др. идеологи белой эмиграции. Они относятся к нему враждебно, без всякого уважения, как к выскочке, как к человеку без всякого общественного прошлого, лишь в период Гражданской войны сумевшего сделать свою короткую карьеру, целиком относящуюся уже к прошлому карьеру. Чрезвычайно показательны в этом отношении то, что ни одна заграничная белая газета ничем не отозвалась на исключение Ключникова и Потехина из состава ред[акции] «Накануне». Если Милюков когда-нибудь и откажется от своей борьбы с соввластью, то он придет на работу непосредственно к нам, а не к сменовеховцам, и во всяком случае не к Ключникову.

Редакция «Накануне» не претендовала и не претендует на то, чтобы быть коммунистической или полукommунистической газетой. Они представляют из себя радикально-демократическую газету, орган революционной мелкой буржуазии, несколько левее существовавших когда-то в

дореволюционную эпоху товарищей «Нашей жизни», но при этом, конечно, они, как и руководители той газеты, не считают себя мелкобуржуазными революционерами, а искренно считают себя защитниками интересов трудящихся масс, в том числе и пролетариата. Некоторые из них, наиболее молодые и искренние, революционно настроенные вроде Лукьянова, может быть, и станут когда-нибудь коммунистами, но в общем и целом для позиции газеты наиболее характерны революционно-демократические статьи ее постоянного сотрудника (не редактора) Бобрищева-Пушкина. В частности, Вы, может быть, обратили внимание на его статью о процессуальной стороне процесса с.-р., где он с фактами классовой юстиции в политических процессах в России и Западной Европе доказывает, что не было еще нигде политических процессов с большими процессуальными гарантиями для подсудимых, чем их было в процессе с-ров.

Теперь перехожу к персональной оценке обеих групп.

Группа Ключникова состоит из двух человек – Ключникова и Потехина. Потехин персонально и политически порядочный человек, но очень умеренный, очень боязливый и находящийся под исключительным влиянием Ключникова. Поэтому о нем, как о самостоятельной величине, говорить не приходится. О Ключникове в разных местах моего письма было сказано уже много. Это неискренний, льстивый интриган, человек без всяких убеждений,

но с огромным честолюбием и довольно большой волей; при этом очень слабый журналист.

Вся остальная группа «Смены вех» – Лукьянов, Бобрищев-Пушкин, Садыкер и Чахотин – от него ушли. Устрялов, живущий в Харбине, никогда членом группы не был. И по своему уже вполне определившемуся либерально-буржуазному мировоззрению не мог бы, конечно, быть основным стержнем или одним из редакторов газеты. Так как Ключников и Потехин определенно решили уехать к 1-му октября в Россию, то им положительно некому было бы передавать издание газеты, и их стремление получить ее, во что бы то ни стало, объясняется не интересами дела, а обидой, и фактически сведется к закрытию газеты за границей и перенесением ее в Россию.

Переходим к другой группе.

Можно ли полагаться персонально на их порядочность и преданность нам? Лукьянов – человек с буржуазной личной репутацией, с самого приезда в Берлин непрерывно находится в контакте с тов. Степановым, оказывает ему ряд услуг и по его указанию ведет в газете ряд политических кампаний (антиврангелевскую, казачью и др.).

Дюшен, когда-то один из организаторов Ярославского восстания, еще в[19] 19 году начал издавать в Ревеле газету «Свободная Россия», принявшую определенную советскую физиономию. Издавал ее без всякой нашей субсидии, и только когда она была закрыта эст[онским]

правительством, а сам он был выслан из Эстонии, он получил от тов. Гуковского поддержку. В Берлине он был еще до меня секретарем редакции «Н[ового] мира», являлся сотрудником нашего журнала «Война и мир» (статьи по радиологии) и помогает тов. Степанову в покупке и приемке наиболее тонких и сложных радиоаппаратов для военного ведомства. Ведет большую культурную работу среди демократических слоев эмиграции.

Кирдецов, бывш[ий] в свое время руководителем политической агитации у Юденича, при наступлении последнего на Петроград, потом проделал эволюцию, отразившуюся в его открытой публицистической деятельности (газеты «Рассвет» и «Свобода России») задолго до привлечения его нами в газету «Накануне».

Я не стану особенно защищать моральную физиономию Бобрищева-Пушкина, бывш[его] когда-то очень правым и очень неустойчивым политиком, Вы в течение двух лет читали его статьи и фельетоны в «Новом мире» и «Накануне» за подписью «Не коммунист» и его полной подписью, и, конечно, после этой определенной двухлетней работы для него нет отступления в другой лагерь: его просто не примут.

Чахотин – не крупный человек и производит очень приличное впечатление.

Садыкера хорошо знает тов. Уншлихт, ибо когда-то работал в Центропленбеже и при эвакуации Украины остался там. Тем не менее, он

производит сносное впечатление. Он очень скромный человек и большой роли не играет. Он техничеcко-административный работник в редакции.

При таком составе редакционно-издательской группы (и при наличии у нас большинства акций) можно быть уверенным в том, что газета будет добросовестно, а в большинстве своих работников и совершенно искренно выполнять наши задания – как в отношении содержания газеты, так и в отношении ее тона.

С литературной точки зрения эта группа, конечно, выше. Кирдецов – старый опытный журналист, Дюшен – талантливый, темпераментный человек. Лукьянов пишет искренно, у него есть незатасканные мысли, он, во всяком случае, не хуже Ключникова и Потехина.

С точки зрения солидарности редакторов (их ученого и общественного стажа) новоиспеченный проф[ессор] – филолог Лукьянов и такой же молодой профессор-биолог Чахотин несколько не уступают малоизвестному юристу (вероятно, тоже из бывш[их] прив[ат]-доцентов) Ключникову. А литератор Кирдецов или гр[аф] А. Толстой, конечно, крупнее, чем литератор Ключников.

Из моего письма, посланного прошлой почтой, Вы знаете, что мы затеяли в газете и вокруг газеты новую кампанию – церковную. Центром этой кампании должен был явиться Лукьянов. Конечно,

Ключников активной кампании за нашу церковную политику не поведет.

Перехожу к практическим трудностям.

После того как нынешняя редакция публично отмежевалась от Ключникова и Потехина, возврат последних, и притом, не на руководящую роль, может быть понят и объяснен всеми вовне только как исполнение приказа Москвы. Ключников обвинял нынешнего редактора в том, что он слишком грубо поддерживал сов[етское] пра[вительство], сам он, чтобы сохранить вид полной независимости, будет поддерживать нас весьма тонко и далеко не всегда, и в то же время никто не будет верить его независимости ввиду способа его возвращения к власти в газете.

Вторая практическая трудность заключается в том, как Ключников и Потехин держат себя сейчас в Берлине. Вы предлагаете «обеспечить преобладание Ключникова и Потехина в порядке соглашения между обеими группами, либо, если этот путь будет неосуществим – в порядке принудительной отставки всей группы левых». Вы, очевидно, предполагали при этом, что отказ последует со стороны группы левой. Между тем, дело обстоит совершенно наоборот. Ключников и Потехин держат себя так, как будто бы им известно решение ЦК, и они могут диктовать левым свою волю. Они не подали руки встретившему их и протянувшему им руку члену редакции Садыкеру и потребовали, чтобы ред[акция] «Накануне», во-первых, напечатала в газете их декларацию и,

во-вторых, передали им газету или в крайнем случае закрыли по напечатании декларации. Понятно, что при таком ультимативном требовании какое бы то ни было соглашение не возможно уже не по вине левых, а по вине правых.

При создавшихся сейчас отношениях (а их созданию способствовали и письма Ключникова из России) совместная работа обеих групп абсолютно невозможна.

Правильным исходом из создавшегося положения мне представлялось бы: 1) оставить газету в руках нынешней редакции, обязав ее напечатать письма Ключникова и Потехина или интервью с ними, если в этом письме или интервью не будет содержаться ничего направленного лично против членов нынешней редакции и 2) удовлетворить уезжающих в Россию Ключникова и Потехина, дав им возможность руководить там какой-либо газетой, лучше журналом. Это последнее, к тому же, им, кажется, и обещали.

Таким способом мы сохраним и газету, которая иначе должна бы была закрыться с отъездом Ключникова и Потехина, и спевшуюся уже группу преданных нам работников. Не говорю уже о том, что лично у меня создалось бы очень неприятное положение в новой газете. И прежде всего Ключников с большой, хотя и скрываемой, враждебностью относился к факту, что мне приходилось иногда делать газете указания. Теперь же он будет толковать, что его уклон вправо и отказ от всякой борьбы с правыми санкционирован

Центральным Комитетом, будет игнорировать мои указания и вообще очень мало считаться с представительством.

Общение с Ключниковым и Потехиным **в роли редакторов** газеты будет для нас тем затруднительнее, что мое отношение к ним разделяют и все руководящие работники представительства – т.т. Бродовский, Устинов, Степанов. Для всех нас ясно, что мы будем лишены возможности контролировать газету и нести за нее какую-либо ответственность.

Мне кажется, что, принимая свое решение, ЦК не вполне представлял себе здешнюю обстановку и последствия, вытекающие из этого решения, и только поэтому я позволил себе написать такое длинное письмо.

С товарищеским приветом[подпись –
Н. Крестинский]^[311].

Из приведенного документа достаточно полно предстает примитивная утилитарная роль «сменовеховства» в планах сторонников Троцкого в руководстве большевиков, что, конечно, не соответствовало объективным эвентуальным отношениям сторонников данного сложного общественно-политического течения и советской власти. «Аргументы советского полпреда, его апелляция к темному прошлому, сомнительному настоящему, политической ненадежности и литературной бездарности

³¹¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 217. Лл. 26–34.

своих оппонентов не возымели должного воздействия. К удивлению Крестинского Ключников и Потехин вернулись в Германию. На вокзале прибывшие не подали руки встречавшему их члену редакции Садыкеру и повели себя так, как будто знали о решении ЦК в их пользу: ультимативно потребовали напечатания в «Накануне» своей контрдекларации с последующим закрытием или передачей газеты в их руки»^[312]. Давление Н. Н. Крестинского при поддержке Л. Д. Троцкого и К. Б. Радека, а позже и Н. И. Бухарина, на высшее партийно-политическое руководство все нарастало, а позиция И. В. Сталина на сохранение сменовеховцами собственного лица, отличного от коммунистической прессы, ослабевала. Все это привело к тому, что вскоре сторонники «Смены вех» оказались в положении «плохих учеников» при большевистских «строгих учителях». Это, например, видно из следующего донесения Н. Н. Крестинского в ЦК о визите в курортный город Киссинген Ю. В. Ключникова и Ю. Н. Потехина 12 сентября 1922 г.:

«Киссинген,

Бад 16 сентября 1922 г.

*Членам ЦК: Сталину, Ленину, Троцкому, Каменеву, Зиновьеву, Рыкову, Томскому, **Радеку** и Бухарину,*

Товарищам: Чичерину, Уншлихту, Степанову и Устинову.

³¹² Квашонкин А.В., Лившин А. Я. Указ. Соч. С. 76.

Дорогие товарищи,

Во вторник, 12-го сентября, ко мне в Киссенген приехали Ключников и Потехин и пробыли здесь до следующего дня. Долгий, в дружеских тонах разговор с ними доказал еще раз объективную правильность всего того, что я писал Вам в своем письме от 9-го сентября.

Я спрашивал их, почему они ничего не писали из России о процессе с[социалистов]-р[еволюционеров]. Это производило впечатление, что они по совести не могут писать благоприятных для нас корреспонденций, но боятся писать из России против нас, и потому молчат. Это молчание делало всю поездку не полезной для нас, а вредной. На это они отвечали, что с момента вызова Ключникова в качестве свидетеля не только он не мог посылать корреспонденций, но и Потехин, так как это могло бы произвести за границей впечатление чрезвычайного прислуживания с их стороны: один, дескать, напросился в свидетели, чтобы топить с.-р., а другой шлет об этом корреспонденции. В дальнейшем же, когда это препятствие было устранено и ясно было, что Ключникову быть свидетелем не придется, у них создалось уже настолько отрицательное отношение к резкому полемическому способу ведения «Накануне», что они вообще не могли туда ни о чем писать. Это неблагоприятное стечение обстоятельств было очень тяжело для них самих, тем более что они

были чрезвычайно удовлетворены всем ведением процесса и силою доказательств, и если бы имели возможность писать, то писали бы чрезвычайно благоприятные корреспонденции.

Из этого ответа Вы видите, что боязнь произвести чуть-чуть неблагоприятное впечатление на правые круги эмиграции настолько сильнее у Ключникова и Потехина, что она пересиливает сознание своего долга перед Советской Республикой и толкает на длительное молчание в такое время, когда молчание их не может не быть истолковано крайне вредно для Сов[етского] пра[вительства].

Я перешел затем к возможному будущему и спросил, как бы они поступили в дальнейшем в трех вопросах:

А) в церковном вопросе,

Б) в вопросе об условном расстреле с-ров

и В) об арестах и высылках оппозиционной интеллигенции в России.

Если Вы будете, сказал я им, объяснять и защищать эти мероприятия сов[етского] пра[вительства] (а я уверен, что Вы, как сторонники сильной власти, их разделяете), то Вы, конечно, не приблизите к себе, а оттолкнете от себя Милюкова, Мандельштама, Гронского, Литовцева и др., столь дорогих Вам представителей левого крыла кадетской партии. Если же Вы для привлечения их к себе будете проявлять в этих

вопросах оппозиционность по отношению к сов[етскому] правительству] и критиковать его действия, то Вы тем самым оттолкнете от сов[етского] пра[вительства] те круги эмиграции демократические по своему социальному прошлому, которые готовы вполне примириться с советской властью.

Ключников сказал, что моя постановка вопроса вызывает с его стороны вопрос, что желает иметь сов[етское] правительство]: «Новый мир», издаваемый под другим заглавием и другой группой людей, или независимую сменовеховскую газету. Если газета будет «Новым миром», т. е. будет допускать все мероприятия сов[етского] пра[вительства], то, кто бы ни стоял во главе ее, она очень скоро утратит влияние. Если же газета будет позволять себе иметь свое собственное суждение по различным мероприятиям правительства, иногда иное, чем мнение сов[етского] пра[вительства], то с газетой будут считаться, как с независимым демократическим органом, и в такой орган могут без большой внутренней ломки и без страха за свою политическую репутацию[зачеркнуто – смогут. – А. К.] переходить сотрудники «Последних новостей» и подобные им элементы эмиграции.

Ключников предпочитает издавать газету несколько левее «Последних новостей» и не вполне советскую. Таким путем вокруг этой газеты соберется, как он думает, и некоторая интеллигентско-литераторская группа и те массовые элементы из эмиграции, которые, будучи

склонны к приятию советской власти, будут в то же время солидарны с «Накануне» в критике отдельных мероприятий этой власти.

По-моему же, это означало бы, что мы за наш счет создаем за границей, и стало быть, и в России, оппозиционную по отношению к сов[етскому] правительству] буржуазно-демократическую партию с руководящим штабом, газетой <...>. От того, что в этой партии (с ее ЦК и в редакции ее газеты) рядом с Ключниковым и Потехиным будут Милюков и его соратники, для нас никакой пользы нет, а только один вред. Правда, Ключников повторяет на каждом шагу, что они никакой партии создавать не хотят, что они, пожалуй, гораздо ближе к нам, чем нынешняя редакция «Накануне», и что их способ ведения газеты является только тактическим приемом. По логике событий сильнее желаний людей, и если бы даже Ключников говорил вполне искренно (чему я не верю), то все равно получился бы тот результат, о котором я писал выше.

Захотел я, наконец, выяснить и еще один вопрос, кто будет руководить газетой в случае перехода ее к ним после их отъезда в Россию? Ключников и Потехин отразили полную уверенность в том, что им за 1–2 месяца удастся сколотить здесь такую литературную группу, которая свободно сможет вести газету и без них. Когда я выразил в этом сомнение и попросил назвать мне фамилии, они смогли назвать только одного Устрялова. По их мнению, он в своих последних статьях отказался от своей буржуазной

идеологии и приблизился к ним. Они не сомневаются, что если бы он приехал в Берлин и поговорил с ним, то стал бы окончательно их полным единомышленником. Мне кажется, что для нас вряд ли приемлема перспектива передачи газеты в единоличное распоряжение газеты правого сменовеховца Устрялова. Когда я высказал это им, они попробовали уже более робко назвать парижского сотрудника «Накануне» Ф. Кудрявцева. Это, конечно, еще менее деловое предложение. Кудрявцева я лично знаю. Это человек с большими фактическими знаниями в области прошлой и нынешней мировой политики; он хорошо знаком с восточным вопросом, в частности, является исключительным знатоком Ближнего Востока, но это человек без широкого политического горизонта, без журналистского темперамента и любящий сам писать очень много и длинно. Эти качества делают его негодным редактором. Да он таким никогда и не был. Если Устрялов не подходит политически, то Кудрявцев не годится как редактор с чисто технической точки зрения, не говоря уже о том, что он, по-видимому, не проделал своей эволюции всего того пути, который проделали другие сменовеховцы, и не сжег еще всех своих кораблей. Других же имен К[лючников] и П[отехин] назвать не могли за неимением таковых.

Таким образом, если решение ЦК останется в силе, то перед нами будет один или другой результат: или К[лючников] и П[отехин] остаются за границей и создают оппозиционную сменовеховскую партию, или они уезжают, как это

до сих пор решено ими, в Россию, и тогда газета прекращается за неимением руководителя.

Мне хочется думать, что ЦК свое решение изменит. Ключников и Потехин о решении ЦК не знают и не надеются, чтобы оно было вполне благоприятно для них. На возвращение им газеты они, во всяком случае, не надеются.

Поэтому они ищут другого выхода из создавшегося положения, выхода, который удовлетворил бы их, оставляя газету в руках нынешней редакции.

Их предложение сводится к тому, чтобы газета «Накануне», как начатая совместно, была закрыта и чтобы нынешняя редакция начала издавать газету под другим заглавием. Они, правда, понимают, что ликвидация газеты и организация новой связана с большими расходами, и поэтому не требуют фактической ликвидации и хотят лишь, чтобы в одном из номеров «Накануне» и от их имени и от имени новой редакции было сообщено, что газета «Накануне» была задумана и организована ими сообща, что в дальнейшем они, оставаясь политическими единомышленниками, разошлись в понимании задач газеты и способа ее ведения, что, поэтому, они решили прекратить совместную работу, К[лючников] и П[отехин] уезжают в Россию для руководства новым журнальным предприятием («Новая нива»), которое они будут вести согласно своему пониманию задач современного журнала; остальные же будут продолжать издание газеты в

Берлине, но так как с названием «Накануне» связаны и имена Ключникова и Потехина, и так как читатели и впредь могли бы считать их ответственными за весь характер газеты, то, во избежание этого, газета не будет впредь называться «Накануне», а с такого-то числа получает новое название такое-то.

Этот выход очень улыбается К[лючникову] и П[отехину]. С одной стороны, они получают удовлетворение признанием, что раз уходят они, то тем самым как бы прекращается прежнее издание, а не то, что газета остается прежней и их просто из нее выбросили. С другой стороны, уход их из руководителей «Накануне» создает более благоприятное к ним отношение со стороны заграничной и русской оппозиционной интеллигенции и обещает им завоевание симпатий и приобретение читателей для их нового журнала.

Они убеждают меня написать тов. Устинову, чтобы он приступил совместно с обеими группами к выработке текста заявления.

Когда я им сказал, что я должен запросить Москву, они убеждали меня этого не делать и взять решение вопроса на себя. Они видели, что я в интересах мира готов пойти на уступки в вопросе о названии, и боятся, что Москва на это не пойдет.

Я же не решался взять это на себя потому, что есть противоположное, более благоприятное для К[лючникова] и П[отехина] решение ЦК.

Я не знаю еще отношения нынешней редакции к вопросу о названии. Я сам пошел бы на изменения названия (например, «Новая Россия»), но при двух условиях: 1) если бы новая газета сохранила двойную нумерацию и тем самым для каждого, даже нового читателя являлась бы не сегодня возникшей газетой, а предприятием, имеющим уже шестимесячный политический стаж, и 2) если бы Ключников и Потехин, оговоривши в общем заявлении, что они выходят из редакции и никакой ответственности впредь за газету в целом не несут, сказали бы в то же время, что газета даже в нынешнем ее виде является наиболее близкой им из всех заграничных русских газет и что, поэтому, они и впредь будут помещать в ней свои статьи.

Тогда мы сохранили бы в списке сотрудников Ключникова и Потехина, сохранили бы приобретенную уже за полгода репутацию и в то же время имели бы редакцию из общественных деятелей-некоммунистов, которых не за страх[а за страх – зачеркнуто. – А. К.], а за совесть будут защищать все мероприятия советской власти.

19-го сентября Ключников и Потехин читают в Берлине доклад «Россия сегодня». Им очень хотелось бы до этого доклада ликвидировать конфликт, чтобы иметь возможность на самом докладе сказать окончательно, что они не разочаровались в России, а очарованы ею и что они немедленно едут туда для органической работы на благо нынешней России. Это они смогут сказать только тогда, если решен будет

окончательно вопрос о том, что они не остаются за границей для ведения газеты. Кроме того, они ждут на лекции вопросов по поводу ухода их из «Накануне» и хотели бы иметь возможность дать определенный и согласованный с нами ответ.

Поэтому, если вчерашняя почта привезла в Берлин положительный ответ ЦК на мою просьбу пересмотреть решение о «Накануне», я возьму на себя надавить на нынешнюю редакцию, в смысле изменения названия газеты, и уполномочу тов. Бродовского и Устинова прийти к соглашению по поводу текста общего заявления.

Приехавший ко мне вчера товарищ привез мне письмо Бухарина, в котором он выслал солидарности с моим сообщенным ему в копии письмом от 9-го сентября и обещает поставить вопрос в ЦК при своем ближайшем временном приезде в Москву.

С товарищеским приветом *Н. Крестинский*

[факсимильная подпись]»^[313].

Наступательный и уверенный тон письма Н. Н. Крестинского не был случайностью. Накануне он получил письмо от Н. И. Бухарина, который писал, что поддерживает позицию Н. Н. Крестинского, и обещал по приезде в Москву вновь поставить вопрос в ЦК. Важную роль в дальнейших событиях сыграло вмешательство В. И. Ленина. Из журнала № 3 для регистрации документов «Архива В. И. Ленина» 2 октября – 18

³¹³ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 217. Лл. 21–22.

декабря 1922 г. мы узнаем, что конфликт вокруг «Накануне» был под контролем В. И. Ленина:

«25/X 1922 г., № п/п 6577 – Предложение тов. Сталина о «Накануне».

Дело № 20 (Заведенное в Управлении делами Совнаркома)

О – не докладывалось В. И. [Ленину]

НВ – срочно

– это отметки об исполнении»^[314].

Помимо протоколов Политбюро председатель СНК получил отдельный пакет от И. В. Сталина, где находились документы по «Накануне». 19 сентября В. И. Ленин беседовал с Л. Б. Красиным и И. В. Сталиным, в том числе по положению в «Накануне»^[315]. А на следующий день В. И. Ленин лично ознакомился со специально присланными ему из секретариата ЦК РКП(б) материалами к заседанию Политбюро, намеченному на 21 сентября, и обратил внимание на новое предложение И. В. Сталина по ситуации в «Накануне»^[316].

Пытаясь повлиять на ситуацию, Н. Н. Крестинский 28 сентября направляет новое письмо в Москву. Он старался представить предыдущие решения большевистского руководства как проведение его собственных предложений: «После того как ЦК

³¹⁴ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 9. Л. 30 об.

³¹⁵ См.: РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 142. Л. 119.

³¹⁶ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 54. Л. 17–20; Оп. 4. Д. 9. Л. 30, оборот.

санкционировал сохранение нынешней редакции, я не считаю необходимым и возможным настаивать на изменении заглавия газеты. Я шел на эту уступку Ключникову, думая, таким образом, мирным путем получить его отказ от притязаний на газету, но я и тогда понимал и откровенно ему высказывал, что это означало бы в его личных интересах сильно вредить общественному делу. Сейчас же я определенно сказал ему при разговоре, что не буду поддерживать этого его требования. Во время моих разговоров уже здесь в Берлине выяснилось следующее. Нынешняя редакция готова дать Ключникову и Потехину любое удовлетворение как в форме помещения их или совместной декларации, так и в форме обмена неопубликованными письмами. Вообще, раз не угрожает перемена названия и не будет, таким образом, нанесено ущерба газете, они готовы идти очень далеко навстречу. Потехин, расходясь с Ключниковым, считает, что его вполне удовлетворяет газета в том виде, как она ведется в последние три недели, он считает вредным для газеты перемену названия и поэтому не будет настаивать на этом, готов продолжать сотрудничество в газете и даже вернуться в состав ее редакции. При этом он признает, что при создавшихся отношениях возвращение Ключникова в редакцию невозможно и что, если бы не произошло переворота [в редакции «Накануне»] 23 августа, то все равно через неделю или через две после возвращения из России уход Ключникова из газеты стал бы неизбежен. Он согласен вернуться в газету без Ключникова, против чего с некоторыми оговорками не

возражает и Ключников. Против возвращения Потехина нынешняя редакция не возражает»^[317].

В тот же день, 28 сентября, в «тяжелых многочасовых прениях» прошло совещание редакции «Накануне», на котором позиция Ю. В. Ключникова оказалась проигрышной. В тексте протокола, после короткого изложения истории конфликта, представленной в виде ряда недоразумений и расхождений в понимании сторонами задач и способов ведения газеты, сообщалось, что «принятием и опубликованием вышеуказанной резолюции все недоразумения между нынешней Редакционной Коллегией «Накануне» и Ю. В. Ключниковым и Ю. Н. Потехиным считаются исчерпанными и ликвидированными»^[318]. После подписания резолюции Н. Н. Крестинский послал оригинал документа в ЦК, сообщая в сопроводительном письме, что инцидент благополучно ликвидирован «с несомненным выигрышем для газеты»^[319].

После превращения газеты «Накануне» в прямого проводника советской идеологии без каких-либо сменовеховских поправок и оговорок ее тираж стал падать вследствие угасания к ней интереса в эмиграции, что сказалось на финансовом положении издания. Уже 12 ноября 1922 г. Н. Н. Крестинский посылает в ЦК РКП(б) письмо, где сообщал, что сумма, отпущенная на издание газеты, к 1 января 1923 г. будет израсходована,

³¹⁷ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 217. Л. 39.

³¹⁸ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 54. Л. 42–43.

³¹⁹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 54. Л. 41.

и просил решить вопрос либо о закрытии, либо о продолжении, а следовательно, о дальнейшем финансировании издания^[320]. В ответ 7 декабря 1922 г. оргбюро ЦК РКП(б) приняло, а 14 декабря Политбюро ЦК РКП(б) утвердило постановление, которое гласило: «Согласиться с предложением т. Крестинского и заключением Агитпропа и Финкомиссии ЦК об ассигновании т. Крестинскому 20 000 рублей золотом на 6 месяцев из резервного фонда СНК»^[321].

Издание сменовеховцев, значительно полевым усилиями Н. Н. Крестинского и компании, несло финансовые убытки. Об этом говорилось и в очередном письме Н. Н. Крестинского в ЦК:

*«Москва, 29 апреля 1923 г. СЕКРЕТАРЮ ЦК
РКП ТОВ. СТАЛИНУ*

*Копии: т.т. Бухарину, Зиновьеву, Каменеву,
Рыкову, Томскому,*

Троцкому, Радеку, Уншлихту, Литвинову.

Уважаемый товарищ,

Из прилагаемой докладной записки директора-распорядителя акционерного общества «Накануне» П. А. Садыкера Вы увидите, как обстоят материальные дела акционерного общества. За истекшие 13 мес. существования газеты

³²⁰ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 54. Л. 44.

³²¹ РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 54. Л. 45.

акционерное общество превратилось в солидное коммерческое предприятие с рядом доходных отделов (книгоиздательский, типографский, кинематографический), частично покрывающих неизбежный дефицит газеты. Актив акц[ионерного] о-ва представляет собой уже довольно значительную ценность, но еще не может быть речи о том, чтобы о-во могло за счет доходов от своих предприятий содержать газету. Мало того, условия издания газеты в Германии настолько ухудшились (повышение расходов при длительной стабилизации марки), что отпущенная Центральным Комитетом сумма израсходована в более короткий срок, чем предполагалось. Учитывая опыт последних месяцев прошлого года, когда непрерывное падение марки фактически удешевляло издание газеты, мы (я и редакция «Накануне») полагали, что на первое полугодие 23 г. будет достаточно 20000 рублей. Оказалось, однако, что условия изменились коренным образом, что только январь месяц был таким же, как последний месяц прошлого года, а в феврале, марте и апреле расходы по газете увеличились в 2,3 и больше раз. 20 000 рублей израсходованы поэтому не в 6, а в 4 мес. Необходимо или новое ассигнование, или придется приступить к ликвидации газеты.

Лично я высказываюсь за то, чтобы газету не прекращать. Ее политический удельный вес довольно значителен, с ее закрытием мы лишимся единственного, более или менее влиятельного советофильского органа за границей. Обходится нам газета в общем недорого. По мнению редакции,

на 8 мес. до конца года потребуется доплата не более 15 000 долларов, т. е. 30 000 золотых рублей. Если подсобные предприятия будут успешно развиваться, удастся ограничиться меньшей суммой. Так как деньги выдаются акц[ионерному] о[бщест]ву «Накануне» не сразу, а по частям, в таком случае возможно будет приостановить выдачу и сохранить часть ассигнованной суммы. Отказ в дальнейшем ассигновании и вызванный этим крах газеты произведет очень дурное политическое впечатление. В этом случае необходимо ассигновать некоторую сумму на ликвидационные расходы.

Решение необходимо принять в ближайшие дни, так как сейчас газета переживает как раз самые критические дни.

С товарищеским приветом *Н. Крестинский*^[322].

Для подтверждения плачевного финансового положения была составлена справка, из которой становится очевидным достаточно широкий круг деятельности сменовеховцев в эмиграции:

«СПРАВКА

о положении акционерного общества
«Накануне»

Работа акционерного общества «Накануне» направлена была все время на создание прочной

экономической базы для газеты «Накануне», которая была и остается основной и главной целью общества.

Редакционная коллегия считает, что поставленная ею себе задача еще не выполнена, хотя выполняется с непрерывно возрастающим успехом: газета стала крупным политико-общественным органом, завоевавшим влиятельное положение за границей, как среди русских, так и в кругах европейской общественности. Ее цитируют постоянно в европейской прессе, представители редакции приглашаются на всевозможные собрания, посвященные вопросам сближения с Россией. В ней ищут и находят правильную информацию о России, на нее «ориентируются» общественные, политические и экономические группы Германии, Франции, Чехии, Болгарии и Сербии, стремящиеся порвать с печальным опытом блокады и интервенции.

Но, несмотря на все растущий успех газеты, на стабилизацию ее тиража, на бережливо-хозяйственное ведение дела, она не смогла дойти до самоокупаемости. Объясняется это исключительно ненормальной общей экономической конъюнктурой Германии, особенно ухудшившейся в 1923 году. Достаточно обратить внимание на огромное количество 2320 газет и журналов, из коих многие существовали сотни и десятки лет, закрывшихся в Германии в 1922–23 гг., чтобы уяснить себе, что новому

органу, да еще иностранному, достичь самокупаемости, конечно, невозможно.

Если мы сравним цены на бумагу, печать, почту, гонорар и жалованье на 1-ое апреля 1922 года с ценами на 1-ое апреля 1923 года и рассмотрим вздорожание цен в твердой валюте (долларах), то станет понятно огромное увеличение бюджета газеты:

цены в марках на 1-ое апреля	1922 г.	1923 г.	Вздорожание
бумага — 1 килограмм	8	1600	200 раз
печать — в месяц	150 000	4 400 000	293 раза
экспедиция — в месяц	30 000	7 000 000	233 раза
гонорар — за строку	3	300	100 раз
жалованье — машинистка в месяц	2500	460 000	184 раза
среднее вздорожание в марках —			202 раза

Вздорожание в долларах с апреля 1922 г. по апрель 1923 г.

Бумага вздорожала в 3 раза

Печать вздорожала в 4 раза

Экспедиция вздорожала в 3,3 раза

Жалованье вздорожало в 2,5 раза

Среднее вздорожание, в долларах – 3,2 раза

Курс доллара: в апреле 1922 г. 280 марок

в апреле 1923 г. 20 000 марок

Продажная цена газеты в марках:

	1-е апреля		Вздорожание производства
	1922 г.	1923 г.	
Германии а границей	200 4,4	в 200 раз 260	202 раза 60 раз

Цена строки объявлений в апреле, в марках:

1922 г.	1923 г.	Вздорожание тарифа	Вздорожание производства
4	500	125	202 раза

Следствием всего этого явилось резкое повышение расходного бюджета газеты в твердой валюте, начиная с февраля 1923 г.

До февраля 1923 г. бюджет газеты равнялся в среднем в месяц – 2000 долларов.

В феврале 2600 долларов В марте 3800 долларов В апреле 4200 долларов

Газета могла просуществовать на имевшиеся в распоряжении общества средства только потому, что редакционная коллегия «Накануне», своевременно учтя создавшуюся конъюнктуру, в сентябре 1922 г. решила создать ряд подсобных предприятий акционерного общества, чтобы доходом от них покрывать дефицит газеты.

На общем собрании акционеров в октябре 1922 г. был утвержден представленный дирекцией план развития о-ва. Решено было создать: издательский отдел и при нем склад бумаги; типографский отдел, киноотдел и рекламный отдел.

Дирекция получила разрешение производить с санкции правления небольшие краткосрочные позаймствования из капиталов газеты, для организации новых отделов и усиления их оборота.

Намеченный план осуществлялся постепенно, и в настоящее время картина деятельности о-ва представляется в следующем виде:

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ОТДЕЛ – выпустил уже в свет 9 книг. Заканчивает печатанием 16 книг. Готовит к печати 24 книги. Особенное внимание обращено на издание серии тех книг для квалифицированных рабочих, техников и курсантов. Эта серия под общим названием «Заводская техника» включает в себе 19 книг. Составлены лучшими специалистами и снабжены массой рисунков и чертежей.

Первая серия детских иллюстрированных книг включает в себе 14 книг лучших авторов под общей редакцией гр. А. Толстого.

Первая серия медицинских книг состоит из 6 названий и посвящена разработке вопросов специальной медицины. Кроме того, издательский отдел взял на себя издание военно-технического ежемесячного журнала «Война и мир» и выпустил уже 3 номера (5, 6 и 7).

В цифрах работа издательского отдела представляется в следующем виде (на 1-е апреля):

личность готовых книг — нетто —	марок	27 450
ти в печати (по стоимости работы)	марок	18 400
онал «Война и мир»	»	6 600
тфель рукописей (уплач[енные] гонорары)	»	3 250
ид бумаги	»	66 495
	»	122 195
ежные обязательства отдела		29 320
	»	92 875

ПРИМЕЧАНИЕ: Эта цифра должна быть увеличена, так как «Книги в печати» указаны в сумме себестоимости. По выходе их в свет ценность их увеличится. Бумага указана по рыночной цене на 1-ое апреля.

ТИПОГРАФСКИЙ ОТДЕЛ организован в начале февраля с. г. На исключительно выгодных условиях заарендован русский отдел крупной берлинской типографии, сроком на 1 год, с правом продления. В распоряжении отдела имеются две новейшей системы наборные машины, большое количество ручного шрифта, типографские машины и переплетное отделение.

В основу организации положен принцип, что одна наборная машина выполняет заказы, вторая — набирает книги издательского отдела «Накануне». Благодаря этому стоимость изготовления собственных книг «Накануне» чрезвычайно мала. Типография обеспечена на большой срок заказами

на акцидентные работы, на печатание книг и 2 журналов.

КИНООТДЕЛ о-ва «Накануне» ставит себе целью снабжение России хорошими художественными и научными фильмами. Действуя в Германии как германское акционерное общество, мы имеем возможность получать фильмы от производителей их, без посредников, **можем пользоваться кредитом** и благодаря этому можем помешать спекулятивному вздуванию цен на фильмы, покупаемые для России. Вся работа киноотдела рассчитана на четкую согласованность с Госкино.

Киноотделом приобретена с лицензом на всю Россию лучшая художественная картина 1923 г. «Стакан воды», которая уже передана по договору Госкино. Несмотря на то что это первая покупка, о-ву удалось получить кредит на половину стоимости картины. Помещенные в киноотделе деньги рассчитаны на быстрый оборот, благодаря чему является возможность развить широко деятельность отдела, пользуясь увеличенным кредитом.

РЕКЛАМНЫЙ ОТДЕЛ, выделенный в особое общество с ограниченной ответственностью «ИРАГ», пока не развил большой деятельности, что объясняется как общими трудностями организации нового рекламного предприятия в Германии, так и невозможностью пока сосредоточить на нем внимание дирекции вследствие усиленного развития других отделов о-ва. Но нет сомнения, что

развить работу о[бщест]ва «ИРАГ» можно будет в ближайшее время.

Расходов со стороны акц[ионерного] о[бщест]ва «Накануне» о-во «ИРАГ», во всяком случае, не вызывает.

Таким образом, подсобные предприятия акц[ионерного] о[бщест]ва «Накануне» частью уже приносят доход (издательский и типографский), частью же начнут приносить доход в ближайшее время. (Кино) и этим блестяще оправдали намеченный коллегией «Накануне» план работы общества и дали возможность газете просуществовать, несмотря на увеличение расходов, до конца апреля с. г.

С 1-го января по 1-ое мая с. г. израсходовано 12 000 долларов и сделан долг – 50 000 000 марок (за бумагу и печать газеты) и 1000 долларов (кредит за фильмы).

У об-ва имеется ***актив***, который представляется в следующем виде:

АКТИВ

на 1-е апреля 1923 года

дательский отдел	марок	92 875 0
ноотдел (себестоимость фильмов)	»	45 000 0
вентарь движимого имущества	»	9 000 0
биторы:		
итрагенты	»	69 472 0
объявлениям	»	15 000 0
	»	231 347 0

Чтоб дать развиваться и укрепиться всем предприятиям об[щест]ва, чтоб они могли взять на себя в будущем (приблизительно к концу года) полностью содержание г. «Накануне», об[щест]во нуждается в настоящее время в оборотных средствах, в размере 70 % дефицита газеты, с постоянным понижением этого процента <...>

Нельзя получить необходимые средства при помощи **спешной** реализации имеющегося у об[щест]ва актива, так как это повлекло бы за собой гибель в первую очередь газеты, а вместе с ней и самого об[щест]ва.

Из них будут получены не больше 30–35 %.

Политический эффект этого был бы самый отрицательный, особенно если принять во внимание, что «Накануне» **единственная** за границей русская газета, отстаивающая интересы новой России, отражающая удары все еще многочисленной эмигрантской прессы (которая усиливается в настоящее время новой монархически конституционной газетой «Родина»).

Кроме того, «Накануне» – орган определенной политической группы с большим числом сторонников как в эмиграции, так и в России. До 1-го мая 1923 г., т. е. в течение 13,5 месяцев, сумма взносов главного акционера составляет 22–23 тысячи долларов (цифра в долларах не может быть приведена точно, т. к. первые взносы были в марках).

За это время об[щест]ву, однако, удалось создать сравнительно крупный реальный актив, выражающийся в сумме 160 000 000 марок.

Чтобы обеспечить существование газеты до конца 1923 года, потребуется 15 000 (пятнадцать тысяч) долларов, что составляет около 50 % бюджета газеты. Остальную часть бюджета газета об[щест]ва сможет покрывать из доходов предприятий: издательского, типографского и киноотделов, которые имеют все данные для широкого развития.

Член редакционной коллегии и директор-распорядитель акционерного] о[бщест]ва «Накануне»

М. Садыкер

30 апреля 1923 г.»^[323]

После получения данных документов в Москве положение с газетой «Накануне» рассматривается на заседании Политбюро ЦК РКП(б):

«Протокол № 3

ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП(б) от 10 мая
1923 г.

Присутствуют:

Члены Политбюро тт. Зиновьев, Каменев,
Сталин, Троцкий.

Кандидаты в члены Политбюро тт. Бухарин,
Молотов, Рудзутак.

Члены Президиума ЦКК тт. Сольц,
Ярославский.

Члены ЦК РКП тт. Андреев, Пятаков,
Сокольников, Цюрупа.

Пункт 13. О «Накануне» (письмо
Крестинского).

Принять предложение Крестинского»^[324].

Однако Крестинский вдруг неожиданно изменил свою точку зрения, и буквально через четыре месяца Политбюро вновь обсуждало его письмо, но на этот раз с предложением немедленно прекратить выпуск газеты «Накануне»:

³²⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 351.

«Протокол № 29

ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ОТ 30 АВГУСТА 1923
ГОДА

Присутствовали:

Члены Политбюро т.т. Каменев, Рыков.

Канд. в члены ПБ т.т. Калинин, Молотов,
Рудзутак. Члены ЦК РКП т. Пятаков.

Члены Президиума ЦКК т.т. Шверник,
Шкирятов, Ярославский.

1. – **Вопросы НКВД:**

24. Предложение Крестинского о прекращении
издания газеты «Накануне».

24. Отклонить»^[325].

Через пять месяцев Политбюро принимает решение
выделить средства для продолжения издания газеты
«Накануне»:

«ПРОТОКОЛ № 64

заседания Политбюро ЦК РКП от 24 января
1924 года.

Присутствовали: Члены Политбюро: т.т.
Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Томский.

Канд. в чл. ПБ: т.т. Бухарин, Калинин, Молотов, Рудзутак.

Члены ЦК: т.т. Ворошилов, Дзержинский, Квиринг, Кубяк, Микоян, Петровский, Пятаков, Сокольников, Сулимов, Харитонов, Чубарь; канд. в чл. ЦК т. Скрыпник.

Чл. Презид[иума] ЦКК: т.т. Куйбышев, Сольц, Ярославский. СЛУШАЛИ ПОСТАНОВИЛИ

4. – **Вопросы НКВД:**

4-б. **О «Накануне»**

(т. Рудзутак)

4-б. Во исполнение постановления Политбюро от 29.XII.23 г. (пр. 58, п. 3-з) поручить НКВД послать 15 000 долларов»^[326].

В этом же ключе принимается решение Политбюро и на заседании 14 февраля 1924 г.:

«ПРОТОКОЛ № 70

Заседания Политбюро ЦК РКП от 14-го февраля 1924 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО: т.т. Каменев, Рыков.

КАНД. В ЧЛ. ПБ: т.т. Калинин, Молотов, Рудзутак.

ЧЛЕНЫ ЦК: т.т. Андреев, Дзержинский, Смирнов А. П., Цюрупа.

ЧЛ. ПРЕЗ. ЦКК: т.т. Куйбышев, Сольц, Ярославский.

СЛУШАЛИ ПОСТАНОВИЛИ

1 Вопросы НКВД:

1-е. О «Накануне» (т.т. Молотов, Литвинов)
<...>

Е) а/ Во исполнение постановления ПБ от 29/XII-1923 г. (протокол] № 58 п. 3-з) дополнительно ассигновать 10 000 долларов.

Б) Поручить т. Крестинскому организовать специальную комиссию для выяснения финансового положения и кругов распространения газеты и представить в двухнедельный срок заключение комиссии о необходимости дальнейшего существования газеты, ее распространенности и средствах, которые могут понадобиться для ее продолжения»^[327].

В конце марта и начале июня 1924 г. Н. Н. Крестинский вновь инициировал вопрос о закрытии газеты «Накануне». На этот раз его аргументы были признаны достаточными:

«ПРОТОКОЛ № 1

ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП ОТ 3-ГО ИЮНЯ 1924 ГОДА

ПРИСУТСТВОВАЛИ: Чл. ПБ ЦК РКП: т.т. Зиновьев, Каменев, Сталин, Троцкий.

Канд. в чл. ПБ: т.т. Дзержинский, Молотов, Сокольников, Фрунзе.

Члены ЦК РКП: т.т. Андреев, Евдокимов, Красин, Кубяк, Микоян, Пятаков, Смирнов А. П.

Член Президиума ЦКК: тов. Сольц.

1. Вопросы НКВД

Слушали 1-И. О «Накануне» (т.т. Крестинский, Чичерин, Литвинов)

Л. 3. Постановили:

1-И– а) Предрешить закрытие «Накануне» согласно решения Политбюро от 26/III–24 г., но новой газеты взамен «Накануне» в Берлине не открывать.

б) Поручить т.т. Степанову и Крестинскому подготовить издание в Париже полуофициоза (не коммунистической газеты, но со строго обеспеченным советским характером)»^[328].

Окончательно закрытие «Накануне» зафиксировано на заседании Политбюро 14 августа 1924 г:

«ПРОТОКОЛ № 18

ЗАСЕДАНИЯ ПОЛИТБЮРО ЦК РКП ОТ 14/VIII
-1924 г.

ПРИСУТСТВОВАЛИ: члены Политбюро т.т. Бухарин, Зиновьев, Каменев, Рыков, Сталин, Троцкий.

Кандидаты тт. Рудзутак, Дзержинский.

Члены ЦК: тт. Бубнов, Ворошилов, Харитонов, Андреев, Догадов.

Кандидаты: тт. Смилга, Шмидт В.

Члены ЦКК тт. Янсон, Ярославский.

СЛУШАЛИ: 1-в. О «Накануне» (ПБ от 3/VI пр. № 1. 1-И)

(т.т. Чичерин, Брюханов)

ПОСТАНОВИЛИ: а) Поручить т. Крестинскому окончательно ликвидировать коммерческие отношения с газетой «Накануне» с наименьшими расходами денежных средств со взятием всех активов газеты.

Б) Поручить Секретариату разослать всем членам Политбюро справку о положении дела с изданием газеты в Париже, во исполнение

постановления Политбюро от 3/VI–24 г. (пр. № 1.п.1-И)»^[329].

В эмиграции после закрытия «Накануне» лишь Н. В. Устрялов в Харбине продолжал проповедовать сменовеховские идеи. Сам Устрялов в дневнике определял свое новое положение следующим образом:

«XII съезд компартии показывает, что на спуске встречаются рытвины, а тормоза грозятся вовсе застопорить весь возок. Тогда – беда!..

Признаться, я теперь доволен, что живу в Харбине, а не в Берлине, где пришлось бы слишком глубоко и безоглядно уйти в **конкретную** политику (заставили бы и враги, и друзья). А время не способствует поспешному и чрезмерному выявлению себя до конца. Особенно же опасны какие-либо увлечения, «движения чувств». Отсюда удобнее наблюдать и проявлять необходимую трезвость в оценках и констатирования.

Между прочим, любопытна перемена фронта к нам, сменовеховцам, со стороны большевиков. Теперь и в речах, и в прессе они ополчаются на нас. Словно наши дружеские объятия для них страшнее Деникина и Врангеля. И впрямь – не слишком ли от них душно правоверному коммунизму?

Иногда ведь объятиями можно задушить. Это большевики отлично понимают и потому к горячим ласкам «Накануне» относятся не менее опасливо, нежели к моей холодной лояльности. Им нужно сохранить суровость своих партийных когорт, а нашими устами в коммунистические ряды напускается туман, насквозь

³²⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 458.

проникнутый миазмами пореволюционной буржуазии и русского национализма.

Но трудно от этого тумана отделаться при нынешних условиях.

Пусть почитает кому следует. Желательно во всех отношениях»^[330].

Уже нельзя было говорить о «Смене вех» как об общественно-политической альтернативе большевизму в России, ибо основные идеи сборника «Смена вех» и последующих изданий сменовеховцев оказались утраченными. Вернувшись из российского зарубежья на родину, ставшую теперь Советским Союзом, все идеологи сменовеховства постепенно были вынуждены признать «ошибочность» прежних своих воззрений, покаяться в «идейных заблуждениях» и «поклониться в верности» сталинизму, что не спасло большинство из них от «чисток» сталинского репрессивного аппарата.

В отечественной историографии утвердился тезис о том, что к середине 1924 г. сменовеховство «уже исчерпало себя»^[331]. Подобные суждения базировались на высказываниях «великого вождя всех времен и народов», который в Политическом отчете ЦК ВКП(б) 18 декабря 1925 г. охарактеризовал сменовеховство как идеологию новой буржуазии, «растущей и мало-помалу смыкающейся с кулаком и со служилой интеллигенцией, <...> состоящую в том, что Коммунистическая партия должна переродиться, причем большевики должны

³³⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

³³¹ Равич Н.А. Война без фронта. М., 1968. С. 132.

подойти к порогу демократической республики»^[332]. Из письма Г. Е. Зиновьева Н. К. Крупской от 5 сентября 1925 г. мы узнаем о том, что в высших эшелонах большевистского руководства продолжали внимательно отслеживать идеи сменовеховцев: «Вышла книга Устрялова – **замечательная**. Помните, В. И. [Ленин] называл его даже диалектиком. Он, шельмец, умен и талантлив. Но абсолютно – враг»^[333]. Для подавляющего большинства советских людей данные «вражеские» идеи были в результате цензурных ограничений недоступны.

А на XV съезде ВКП(б) в Политическом отчете ЦК 3 декабря 1927 г. И. В. Сталин утверждал, что в результате успехов социалистического строительства ухудшение положения «новой буржуазии» и «средних слоев» вызывает «контрреволюционное настроение в этой среде. Отсюда сменовеховская идеология, как модный товар на политическом рынке новой буржуазии»^[334]. В связи с этим «великий вождь» подчеркивал, что имеется «факт дифференциации интеллигенции, факт отхода от сменовеховства, отхода к советской власти»^[335]. В дальнейшем подобные суждения стали основополагающими в советской историографии «Смены вех», определяющей это сложное

³³² Сталин И. В. Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б). 18 декабря 1925 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 7. С. 341.

³³³ РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 540. Л. 3.

³³⁴ Сталин И. В. Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б). 3 декабря 1927 г. // Сталин И. В. Соч. Т. 10. С. 318.

³³⁵ Там же.

общественно-политическое течение как «буржуазно-реставраторское».

В действительности идеи сменовеховства способствовали переходу на службу большевистской власти тысяч высококвалифицированных специалистов. Их идейная эволюция в условиях «диктатуры пролетариата» протекала иначе и под воздействием иных факторов, чем у идеологов Третьего Пути. Кроме оставшихся за рубежом, почти всех идеологов сменовеховства, вернувшихся на родину, ждала печальная судьба жертв «большого террора»: в 1937–1938 гг. погибли И. М. Василевский (Не-Буква), А. В. Бобрищев-Пушкин, Ю. В. Ключников, Ю. Н. Потехин, Г. Л. Кирдецов, С. С. Лукьянов, Н. В. Устрялов и др.^[336] Таким образом, ряд факторов отечественной истории был совершенно неблагоприятен для постепенных сдвигов в обществе к полюсу диалога. Но даже в условиях раскручивания «большого террора» в СССР сохранялась некоторая мера толерантности, достижимая через определенный конформизм интеллигенции с властью. Будучи в тех условиях аттрактором, данная попытка достижения конформизма с властью была унаследована от предшествующих поколений интеллигенции. И этот конформизм интеллигенции в 1920-е годы показывает, что в конкретных исторических условиях любому человеку всегда остается определенный зазор для отклонений в своем общественном поведении к полюсу конфронтации или к полюсу толерантности.

³³⁶ См.: *Осипов В. А.* Газета «Накануне» // Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940-е годы: Сборник материалов Международной научной конференции. М., 1993. С. 46.

Вокруг Третьего Пути

Уже в 1920-е годы идеи Третьего Пути трансформировались в разные течения, направления и взгляды. По мнению П. Н. Милюкова, идеи изживания белой парадигмы и надежды на перерождение большевизма пытались проводить не только сменовеховцы в 1921 г., но и российские возвращенцы в Болгарии в 1922–1923 гг., и «пешехоновцы» в 1923–1924 гг., и «кусковцы» в 1925–1926 гг.^[337]. А М. П. Арцыбашев дополнял список последователей идей Третьего Пути, называя их «новыми ультрафиолетовыми сменовеховцами», Е. Д. Кусковой, С. Н. Прокоповичем, Ф. А. Степуном и самим П. Н. Милюковым: «Число их сторонников умножается не по дням, а по часам, и в последнее время с ними начинаешь сталкиваться там, где меньше всего можно было бы этого ожидать»^[338].

Возвращенцы и пореволюционеры о сменовеховстве

О возвращенцах в Болгарии мы, например, узнаем из «Краткого изложения биографических сведений (автобиографии) о протоиерее Давиде Чубове и обстоятельствах его жизни в России и за границей», хранящихся в архиве Музея русской культуры в Сан-Франциско: «В конце 1921 г. с разрешения

³³⁷ ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 60. Л. 70.

³³⁸ Арцыбашев М. П. Указ. соч. Т. 1. С. 49.

болгарских властей открылся в Болгарии Союз возвращения на Родину. Появились агитаторы и провокаторы приезжие, оказались и между сливенцами-русскими рьяные сотрудники возникшего Союза возвращения. Открытое нами в конце 1921 года (приблизительно, в августе – сентябре) отделение общества «Единение русских в Болгарии», организованное в Софии бывшим полтавским губернатором Русчу Георгиевичем Молловым (болгарином по рождению, происходившим из Сливена), сначала процветавшее и имевшее до 70 членов, стало преследоваться, особенно его правление. Председателем отделения в Сливене был генерал Генштаба Дмитрий Михайлович Михайлов (тоже болгарин по рождению – сливенец), а я был товарищем председателя. На меня представители власти – земледельцы посматривали особенно косо, так как я был делегатом от Сливена на съезде русских общественных организаций в Софии. Наконец, по предписанию из Софии у членов правления отделения общества «Единение русских в Болгарии», в том числе и у меня, местными властями был произведен обыск (искали оружие и противобольшевистскую литературу). Обыск не дал никаких данных против нас, и мы были оставлены в покое. Впрочем, нужно сказать, что и общество, и власти, особенно военные, были возмущены действиями центральной власти и потому и обыски были не совсем тщательные, меня, например, жандармский офицер за день предупредил, что будет у меня с обыском. Зато большевистскому Союзу возвращения оказывалось всякое содействие. Было, например, издано правительственное распоряжение не препятствовать деятельности Союза возвращения, а тех, которые будут отговаривать возвращенцев, которые

будут вести противовозвращенческую агитацию, интернировать в особые концентрационные лагеря. При таком положении мы – противозвращенцы не могли ясно вести свою антикоммунистическую работу, да и не были объединены в действиях. У всех нас – антикоммунистов действенных была мысль об объединении, но она как-то не высказывалась открыто. В январе 1922 года, недавно приехавший в Сливен генерал Генштаба Константин Муравицкий, встретившись со мною, завел речь о том, что вот-де коммунисты работают организованно, а мы – националисты, монархисты никак не противодействуем им; что необходимо собраться твердым националистами, переговорить, объединиться и работать против распоясавшихся коммунистов. Я согласился на приглашение прибыть к нему на собрание. Вечером нас собралось 5 человек. Генерал Муравицкий очень патетически говорил о долге националистов противостать напору коммунистов, убеждал, не откладывая, образовать общество монархистов и начать действенную работу. Не знаю почему, но, хотя я вполне разделял мысли генерала Муравицкого, я высказался так: безусловно, генерал, Вы правы, нужно нам организовать, однако ввиду серьезности принимаемых решений и обязательств, я считал бы необходимым окончательное решение отложить; пусть каждый из нас обдумает хорошенько то, на что он годен, на что он решиться может, а также подумает и о том, кого он мог бы привлечь к тому делу, за какое сам берется, и если мы останемся тверды в своем намерении, то через неделю вновь соберемся и тогда решительно приступим к осуществлению обсуждаемого теперь намерения; таково мое мнение и так я и поступлю. Со мною согласились и другие присутствующие, и, несмотря на горячие

настояния генерала Муравицкого, мы в этот раз ничего не предприняли. Через несколько дней у генерала Старковского, где я столовался, поднялся разговор о ген. Муравицком. Супруга ген. Старковского после обеда рассказала о визите к ней супруги генер[ала] Муравицкого и о ее сетовании на своего мужа. Рассказ о тягестях беженской жизни генеральши (потом оказалась, что она не жена, а сожительница ген. Муравицкого). Муравицкая сказала: очень тяжело нам жить, семья значительная, а работает только муж и получает недостаточно. «А как хорошо нам жилось у красных в России. Муж занимал видное положение в армии, так как почти сразу перешел на службу к большевикам; мы были вполне обеспечены; у мужа был свой специальный вагон, ездили куда хотели, недостатка в продуктах никогда не испытывали, да показалось ему – дураку, что белые взяли верх, он и перешел к белым, а теперь локти готов кусать за свою глупость, да ничего не поправишь». Этот случайный рассказ заставил меня задуматься над искренностью ген. Муравицкого, и его настойчивое желание сразу же настоять на создании монархического общества и самому войти в него и, может быть, даже председателем показалось мне подозрительным и я, собрав присутствовавших у Муравицкого на совещании лиц, рассказал им о слышанном мною и просил решить: стоит ли идти на вторичное заседание к Муравицкому, или не стоит, и считают ли присутствовавшие необходимым создание антибольшевистской организации в Сливене, или нет. Единодушно было решено: организацию создать, причем монархическую, генерала Муравицкого не только не приглашать в организацию, но и установить за ним основательную слежку, дабы выяснить, не имеет ли он тайных сношений с красными.

Муравицкому объяснить, что-де при настоящем положении, когда правительство преследует противодействие возвращенцам, и при нашем бесправном положении и отсутствии всяких средств у нас образование организации не только не принесет пользы, а, пожалуй, еще и навредит, да еще и людям совсем ни в чем неповинным, т. е. не участвующим в организации. Так и поступили, а нами тайно была организована антибольшевистская монархическая ячейка в составе 7 человек. Слежка за Муравицким дала нам такие неожиданные результаты, что диву дались. Оказалось, что Муравицкий в большом контакте с коммунистами и даже болгарскими, что по ночам и у него бывают подозрительные лица, и он ходит в коммунистический болгарский клуб «Христо Ботев». В дальнейшем было выяснено, что Муравицкий имеет сношения и с большевистской красно-крестовской организацией в Софии. Он распространял газету «Накануне»^[339]. Но «9 июня 1923 года правительство Стамболийского было свергнуто, власть взял в свои руки профессор Цанков. Стамболийский был убит. С падением Стамболийского кончилась добрая пора и для коммунистов. Союзы возвращения были закрыты, главные деятели Союза были арестованы или скрылись. Начались аресты и деятельных членов Союза возвращения; их собирали в концентрационные лагеря, чтобы потом выслать в Совдепию. И наших сливенских деятелей Союза возвращения прибрали в эти лагеря, причем наша организация указала новой власти (и фактами доказала) местных деятелей, в числе коих был и генерал

³³⁹ Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско. Краткое изложение биографических сведений (автобиография) о протоиерее Давиде Чубове и обстоятельствах его жизни в России и за границей.

Муравицкий. Всех их выслали в Совроссию, и дальнейшая судьба их нам была неизвестна»^[340].

Не случайно В. Х. Даватц и Н. Н. Львов в 1923 г. сделали в своей книге акцент на противопоставлении истинных патриотов сторонниками Третьего Пути «усталым» и «опошлившимся»: «В Париже, среди кадет милюковского толка, сменовеховцев, среди людей, готовых отречься от всего и ничего не признающих, усталых, опошлившихся, – делается такое признание: «Я сделал поход с самого начала, с первых дней Новочеркаска. Наши лишения, наши жертвы кажутся ненеприимыми, и я заявляю вам, что, не поколеблясь ни одной минуты, я готов вновь начать тот же поход и проделать его в течение всех трех лет заново»^[341].

Поиски Третьего Пути соприкасались с широко распространенными в те годы национал-большевистскими настроениями, порожденными идеей, что вопреки своей воле большевики стихийно творят нужное дело и революционный кризис приведет к «выпрямлению русской исторической линии». Из этих настроений вышло сменовеховство в самых непримиримых правых кругах. Первым проповедником национал-большевизма, или, как он сам его называл, «национал-максимализма», стал князь Ю. А. Ширинский-Шихматов. В своих основных утверждениях Ширинский-Шихматов был продолжателем идейной традиции, основанной на вере в мессианское призвание России. Другой представитель российского зарубежья – В. С. Варшавский считал «первым

³⁴⁰ Там же.

³⁴¹ Даватц В.Х, Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923. С. 121–122.

проповедником» идей сменовеховства, или, как он сам определял, «национал-максимализма», князя Ю. А. Ширинского-Шихматова, по прямой линии потомка Чингисхана, бывшего кавалергарда и военного летчика, а в эмиграции шофера такси. Тот утверждал, что «в России изживается мессианство коммунистическое, но мировой размах остается; на смену идет мессианство сверхнациональное; раскрепощение страждущих и угнетенных; третьим – и последним – этапом (пусть через сто лет) – будет мессианство христианское, православное»^[342]. Считая русский народ избранным народом Божьим, Ширинский-Шихматов сравнивал его судьбу с судьбой другого народа, «отмеченного печатью избранничества»^[343].

В начале 1930-х годов он издает в Париже сборники «Утверждения», в которых принимают участие не только национал-максималисты, но и представители других оттенков пореволюционной мысли: Н. А. Бердяев, Е. Скобцова (мать Мария), Меньшиков, правые евразийцы, устряловцы Васильев и Таносов, христианские анархисты, полумладороссы, националисты-христиане, неонародники. Об интересе к идеям сборника свидетельствует рост тиража: 1-я книга – 600 экземпляров, 2-я – 1200 экземпляров, 3-я – 1800 экземпляров. При этом важно отметить, что издание выходило без помощи меценатов, исключительно на заработки адептов национал-максимализма. Эта же группа на ротаторе смогла наладить и выпуск журнала

³⁴² *Варшавский В. С.* Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 45.

«Завтра»^[344]. Программа журнала определялась следующим образом: «Наша цель установлена достаточно ясно: устройство нового социального уклада, одновременно антикапиталистического и антикоммунистического, на основе христианской правды. Такова общественная формула утвержденных»^[345]. Вера в мессианское призвание русского народа, социальное раскрытие христианства и утверждение превосходства духа над материей составляли основные элементы идеологии сборников «Утверждения» и журнала «Завтра» национал-большевизма.

При этом идейно близкие сменовеховству идейные течения послереволюционной эмиграции – «Скифы», евразийцы – сходились, по мнению непосредственно наблюдавшего их И. Г. Эренбурга, в одном: гнилому, умирающему Западу противопоставляли Россию с ее высокой духовностью, базирующейся на православии, что было своеобразным отголоском давних суждений славянофилов^[346].

Широкой популярностью среди зарубежного беженства вне его корпораций и групп пользовался «Союз молодой России» («младороссы»), созданный в 1923 г. в Мюнхене. В. С. Варшавский отмечает: «С первого же дня работы съезда обнаружилось полное единодушие всех участников его по основному вопросу о необходимости скорейшего водворения в России ее

³⁴⁴ См.: Там же. С. 46–47.

³⁴⁵ *Завтра*. 1933. № 3. С. 3.

³⁴⁶ *Эренбург И. Г.* Собр. соч. в 9 т. М., 1966. Т. 8. С. 416.

исконного монархического строя и восстановления в ней власти законного царя из дома Романовых»^[347].

Эволюция новых политических сил к концу 1920-х годов показывает, что Союз младороссов после долгих и напряженных усилий пытался превратиться во вторую советскую партию, занимавшую положение революционной оппозиции в отношении к партии правящей. Правящая коммунистическая партия, с точки зрения младороссов, «узурпирует руководство русской революцией». Поэтому они противопоставляли коммунизму надклассовую монархию^[348]. Но беда младороссов была в том, что они превратились «во вторую советскую партию» не в России, а в эмиграции. Пышная внешняя атрибутика (форменная рубашка, флаги, присяга, церемонии) и балы привлекали в организацию немало эмигрантской молодежи, беженства. Вступившая в эту партию Н. А. Кривошеина описывала, как они повторяли «вслепую данные советской прессы, <...> что до 1920 г. в России вообще не было промышленности», и, когда она привела несколько общеизвестных фактов – «кто-то возражал, и даже довольно резко», а прочие «признались, что в первый раз это слышат»^[349].

³⁴⁷ *Варшавский В. С.* Указ. соч. С. 53. Джон Стефан ошибочно утверждает, что «движение младороссов было основано в Париже около 1930 г. Александром Львовичем Казем-Беком». См: *Стефан, Ажон.* Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992. С. 51. Видимо, автор не в полной мере располагал архивными и другими сведениями, хотя книга В. С. Варшавского была издана в Нью-Йорке еще в 1956 г.

³⁴⁸ Там же. С. 56–58.

³⁴⁹ *Кривошеина Н.* Четыре трети нашей жизни. Париж, 1984. С. 108.

Современные публицисты, используя материалы газеты «Бодрость», особо отмечают, что союз поддерживал великого князя Кирилла Владимировича как императора и даже выступал с лозунгом «Царь и Советы!»^[350]. Казем-Бек высказывал смелые мысли, за которые его без великого князя давно бы причислили к большевикам! Многие монархисты, представители беженства видели в этом возмутительное спекулирование именами династии. Но сам Кирилл Владимирович ничего отрицательного по этому поводу не высказывал.

Чекисты из организации «Трест» уверяли младороссов, что «советский народ ждет царя». Вскоре А. Л. Казем-Бек и вовсе перестал скрывать свои связи с советским посольством. Жертвенность многих младороссов в тех условиях превращалась в бесконечную жертву и была лишь использована большевиками для разложения эмиграции.

Сущность же позиции великого князя была изложена им в 1931 г.: «Я всегда был убежден, что коммунизм изживет себя, и на его развалинах вырастут новые живые силы народа, которые и возьмут власть в свои руки. <...> Эти силы выведут Россию на путь возрождения и создадут ей великое будущее. Моя задача и заключается в том, чтобы помочь выявлению этих Русских народных сил» (Младоросская искра, 1931 г., 1 августа, Париж).

Достаточно популярными в эмигрантской среде 1920-х годов были евразийцы. Это идейное течение заявило о себе, когда увидел свет сборник-манифест

³⁵⁰ Назаров М. В. Указ. соч. С. 225.

«Исход к Востоку», вышедший в 1921 г. в Софии. Затем их энергичная работа развернулась в культурных центрах русской диаспоры в Европе, США, Китае. Только за первые 10 лет было опубликовано более десятка тематических сборников, издавались журнал «Версты», газета «Евразия», монографии^[351]. В начальный период их деятельность получила широкий отклик среди эмигрантской общественности отчасти потому, что интеллектуальными вождями и организаторами движения были молодые и талантливые люди, многие из которых являлись преподавателями в высшей школе: лингвист Н. С. Трубецкой, экономист П. Н. Савицкий, философ Г. Ф. Фроловский, искусствовед Н. П. Сувчинский. С 1925 г. идейным руководителем движения стал Л. П. Карсавин, крупный философ. В обосновании идей евразийства и их пропаганды, в том числе в эмигрантской среде, принимали участие видные ученые: историки Г. В. Вернадский, П. П. Бицилли, философ В. Н. Ильин, правовед Н. Н. Алексеев и др. Эмигрантов в учении евразийцев привлекал поиск бескровного и прогрессивного пути развития России. Сторонники новой теории заявляли, что мировая война и революция открыли новую эпоху России, они соглашались с закономерностью революции 1917 г. и в то же время отвергали утверждения большевиков о том, что смысл революции заключался в построении коммунизма. Исповедуя идеи национального обновления и возрождения, они объявляли себя наследниками славянофилов, с которыми их сближала только радикальная критика Запада, но они резко расходились в

³⁵¹ Русская эмиграция во Франции (1850–1950 гг.)... С. 84.

оценках славянства, отказывая ему в какой-то особой миссии.

Эмигранты-евразийцы подчеркивали азиатский компонент русской истории, искали вместе со своими учителями истоки культурного единства Евразии не в Киевской Руси, а в могучей и огромной Золотой Орде и считали, что у истоков русского суверенитета стоял Чингисхан, который дал Московскому княжеству идею всемирного царства. Развивая этот тезис, Трубецкой утверждал, что Евразия – это гигантская почва, общая у русских не с Западом и даже не со славянством, а с коренными жителями этого материка, которых принято объединять именем «туранских» или «урало-алтайских» народов. К ним он относил угрофиннов, тюрок (в том числе турок, татар, балкарцев, чувашей, якутов и др.), монголов и маньчжуров. Православие евразийцы воспринимали как особое соединение религиозных догм и образов с православной культурой. Эмигрантам импонировала мысль евразийцев о том, что вера русских силой своего горения переплавляла улус Батыя в православное Московское государство. Всенародное православное чувство спаяло Русь в одно целое и управляло ею. Именно это, по их мнению, являлось главной ценностью русской истории.

В своем устремлении к новому учению беженство не замечало некоторые его «изъяны». Русь восприняла православие от Византии, а не от туранцев. Это общеизвестно. В русском национальном сознании православие прямо противоположно татарщине, что признавал и Трубецкой, но все равно настаивал на туранской психологии русского человека. Искусственность подобных построений была очевидна, но только не для эмигрантов, жаждавших новых путей к

обновлению России, где зачастую господствовала эмоция, а не холодный ум. Туранский, то есть тюркский тип явно предпочел христианству другие религии: ислам, буддизм, язычество. Именно эта часть взглядов евразийцев вызывала серьезную критику и подрывала веру в них эмигрантов. Наибольшую активность определенная часть беженства принимала во время изучения, дискуссий на стадии разработки и пропаганды евразийства, чем в период выработки политической части программы, к формированию которой евразийцы приступили не в лучшее для них время – в середине 1920-х годов в движение проник кризис, его сотрясали расколы, связанные с резкой политизацией, со стремлением части идеологов установить прямые связи с Москвой, с активной инфильтрацией в движение агентов советских спецслужб.

Однако часть беженства оказалась солидарной с основным положением евразийцев, которое утверждало, что Россия – Евразия «может жить и развиваться только при наличии сильной и жесткой власти, принудительно организующей страну в целях социальных, хозяйственных, военных»^[352]. Симпатию вызывал тезис о Советах как органе власти, которые из-за рубежа казались им органами народной воли, вот только надо наладить выделение в государственный аппарат «годных элементов из всех слоев населения»^[353]. И сделать это должны были евразийцы, являвшиеся группировкой второй фазы революции, которая ставила своей целью

³⁵² Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М., 1993. С. 218.

³⁵³ Русская эмиграция во Франции (1850–1950 гг.)... С. 84.

преобразовать существующий режим путем устранения коммунистической партии и замены ее своей партией. Их идеи и программные установки вызвали активную полемику в различных слоях эмиграции, но, по словам Ф. А. Степуна, евразийство как культурно-политическое движение замолкло и сошло со сцены^[354].

Достаточно интересно посмотреть на эти попытки выработки Третьего Пути через переписку одного из видных представителей национал-большевизма профессора-правоведа Н. В. Устрялова. Его положение харбинского отшельника позволяло критически, со стороны оценивать взгляды разнообразных направлений Третьего Пути, при этом иметь достаточно близкие политические отношения с представителями всевозможных эмигрантских общественно-политических течений. Накануне отъезда в СССР Н. В. Устрялов в Харбине в феврале 1935 г. собрал и перепечатал на пишущей машинке свою переписку с теми, кого он назвал «пореволюционерами»: «Моих корреспондентов настоящей переписки можно объединить общим названием «пореволюционеры». Ширинский-Шихматов возглавляет русский «пореволюционный клуб» в Париже. Перфильев – представитель «левых» евразийцев, отлученных пражским евразийским центром и по своим установкам весьма близких мне... Н. Н. Алексеев – старый мой знакомый по Московскому университету и ныне видный евразиец. И, наконец, Былов – мечущийся искатель, блуждающий между «Накануне» и младороссами.

³⁵⁴ Там же.

Пореволюционеры – характерное явление в нашей эмиграции. Они оторвались от белой идеи и осознали историческую предметность советской революции. Но в то же время остаются в эмиграции и пытаются из-за рубежа – географического и идеологического – найти формулу, уловить смысл событий. Можно думать, что историк не пройдет мимо этих блужданий, исканий и размышлений»^[355]. Действительно, трудно пройти мимо этого идейного наследия интеллигенции российского зарубежья. Несмотря на неоднократные попытки проанализировать взгляды пореволюционеров, только сама переписка, не предназначенная, как правило, для чужих глаз, позволяет увидеть оттенки и различия между теми, кого обычно относят к сторонникам Третьего Пути. Поэтому, несмотря на длинноты, имеет смысл более объективно, без предвзятости, без оглядок на заявления о «принятии субсидальной поддержки большевиков»^[356] прочитать сохранившуюся переписку между сторонниками Третьего Пути.

Письмо Н. Н. Былова

«Париж, 20 марта 1928 г.

Глубокоуважаемый господин профессор!

В свое время я с громадным волнением следил по № «Русского альманаха» за Вашей перепиской с «всероссийским сменовеховцем» Лежневым. Вы утверждали национализм, который стержнем проходит

³⁵⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

³⁵⁶ Квашонкин А.В., Лившин Л. Я. Послереволюционная Россия (проблемы социально-политической истории 1917–1927 гг.). М., 2000. С. 91.

через все приятие Ваше и революции, и советского правительства; точнее, – благодаря углубленному пониманию национализма, Вы подошли без эмигрантских трафаретов к революции и ее хозяевам. Лежнев подошел ко всему иначе: национализм – «барахло» и т. п.

Для меня это время было полно вопросов: посотрудничав год в «Накануне» и поступив в Берлинское[советское] торгпредство, я проделал, таким образом, весь путь сменовеховца и завершил его (необязательно ведь завершить его непременно поездкой в Россию, не правда ли? В этом духе и Вы пишете в статье «Проблемы возвращения»). Оглядываясь сейчас назад, должен откровенно сказать, что, решив вопросы сменовехизма как-то положительно, я никак не думал, что, став со всей определенностью на этот путь (полный разрыв с эмиграцией, где я участвовал в студенческой общности, и включения себя в советское чиновничье начало), я попаду в такое море новых вопросов и новых неясностей. Мне сменовехизм представлялся выходом из тупика, лично крайне тяжелым, но позволяющим органически присоединиться к гигантскому тылу Родины. Представлялась широкая дорога, а вместо этого замелькали туманные переулки.

Вероятно, я все-таки поступил неправильно, не поехав в Советскую Россию, а включив себя в нее только на заграничной площадке (Берлинское торг[овое] представительство); вероятно, сказались и общие ненормальности берлинского сменовехизма, зарывшегося в эклектизме. Но вернись я в Сов[етскую] Россию, там вообще никаких вопросов иметь бы не пришлось, – не полагается, – за «вопросы» – социалистическая каталажка; там – «спецы», как это и Вы подчеркиваете. Факт тот, что, пробыв несколько лет в советской колонии

Берлина (одновременно посещал университет), я должен был дать себе ясный отчет, что между тремя китами сменовехизма – национализмом как Началом Начал, приятием революции и лояльностью к правительству – мирного соплавания нет и что такового вообще и быть не может. Можно уравновесить национализм и революцию, еще легче – революцию и власть (так как преимущественно сделали накануневцы), но все три элемента **химической** реакции не дают.

У Вас первые два кита – национализм и революция поплыли быстрее третьего – признание власти, что делает Ваше мировоззрение стройным и выдержанным, но практической, рабочей своей задачи не выполняет: большевиков совершенно не устраивает признание постольку поскольку; они требуют безусловного подчинения. В этом отношении «устряловцы» мало могут претендовать даже на положение спецов 10-го разряда в советском государстве, т[о] е[сть] возвращаться почти бесполезно (исходя из контуров сменовехизма). Накануневцы готовы были подчиниться на 99 %, но то, что какой-то один % независимости мышления они оставляли за собой, создало и к ним отрицательное со стороны сов[етского] правительства отношение. Я не знаю, известен ли Вам хотя бы тот мелкий факт, что из берлинского торгпредства были вычищены все застрявшие там сменовеховцы, – вычищены именно как «враги внутренние», которых в такое ответственное учреждение пускать нельзя. Сменовехизм, **как личное начало**, мог бы быть оправдан только вхождением во все поры административного организма, так чтобы можно было нажимать незаметно на штурвал.

Признание за большевиками «исторической миссии», «собирания земли русской» должно

обязательно гармонировать с предположением за ними способности благополучно уйти в небытие, в порядке эволюционного процесса. Последнее же положение крайне спорно... Хоть Вы, господин профессор, и пишете в одном месте по Козьме Пруткову «сон уж не тот», но увы сон (в смысле исключительности и цепкости власти), к сожалению, все тот же. «Что-то готовится, и кто-то идет» – это несомненно, но мавр слишком долго топчется перед выходными дверями и этим культивирует «бестолковщину». И тем, что он не обнаруживает способности уйти вовремя, умаляется его несомненная «историческая миссия» и прочее. Потому что, вполне присоединяясь к прогнозам первых большевистских лет, нельзя в настоящем не сказать: каждый лишний год пребывания этой власти в Кремле является теперь тормозом к жизни страны. Мы знаем, что могут быть правительства, за которыми в один период их жизни могут быть признаны «исторические миссии», а в последующем, когда они продолжают держаться накопленной инерцией и голой силой, это же правительство – властвующая организация – система даже – играет сугубо реакционную роль, связывающую живые силы страны.

Ставка на эволюцию, которую Вы провозгласили (и что «накануневцы» так исказили и окарикатурили), есть, конечно, ключ к пониманию происходящего. С другой стороны, мавр так организовался, политически переживая себя, что наряду с признанием эволюции настоятельно возникает вопрос: мавру надо помочь уйти. Сам он этой святой способности – исчезнуть в тот момент, когда история того требует, – не проявляет.

Тут возникает страшный вопрос о преемственности власти: кто и как? И вот в этом вопросе у меня довольно

твердый взгляд. Конечно, наступи этот момент – ликвидация коммунистов – тогда, когда единственными их преемниками смогли бы оказаться эмигрантские группировки, это было бы ужасно, это был бы новый Китай. Но эмиграцию нельзя сейчас уже вполне в одну кучу смешивать: имеются и новые побеги, крайне приемлемые внутри русским человеком, как мне приходилось и по Берлину наблюдать, и слышать, и читать. Сменовехизм сдвинул многое с мертвых точек. Если несколько лет назад назвать, скажем, Красную армию – русской армией значило почти навлечь на себя нарекания, как агента III Интернационала, то сейчас – пусть робко, шепеляво – эти мысли даже у Струве можно иногда отыскать.

Но под чем-то новым в эмиграции, под сдвигами я, конечно, имею в виду не «новую тактику» Милюкова или новое «откровение» Струве, а действительно что-то радикально новое. Имею в виду, во-первых, евразийство, которое каким-то новым словом, несомненно, является, крайне много делает в смысле установки нашего национального сознания, но склонно немножко запутываться в сложности своих построений и довольно беспомощно как практическое политическое начало.

Два последних недостатка, по-моему, отсутствуют у другого течения «национал-максимализма». При этом письме, г[осподин] профессор, я препровождаю Вам отчет о докладе князя Ю. А. Ширинского-Шихматова – лидера этого течения. Я, лично, разойдясь с коммунистами, понял, что органически подхожу именно к этому течению. Недавно мне привелось выступить на одном из политических собраний здесь (очень, очень многочисленных) и попытаться объяснить, кто мы. Я отметил, что нац[ионал] – максимализм – понятие

родовое, видовым является нац[ионал]-большевизм, бесформенный и неопределенный в России и кристаллизующийся за границей в 2-х точках: в Вашей, г[осподин] профессор, и князя Ширинского. Разница по преимуществу тактическая: 2-ое течение отвергает лояльное вхождение в советский аппарат. Из идеологических расхождений между Вашим течением (основным и по времени и по распространению – так сказать, классическая линия национал-большевизма) и князя Ширинского можно отметить, как главное, отрицательное отношение к «западничеству». Прилагаемая брошюра кое-что в этом отношении пояснит.

Иногда я ставлю вопрос таким образом: сейчас два течения национал-большевизма разделены вопросом об отношении к власти. Ну а когда этого вопроса не будет, т[о] е[сть] советская власть падет, могут они слиться дальше воедино или тогда обрисуются более резко те расхождения, которые сейчас представляются незаметными? Как Вы думаете, г[осподин] профессор?

Иногда и другие мысли – утилитарного характера приходят в голову: предположим, я говорю с советским гражданином, признающим лояльность к власти, т[о] е[сть] Вашим последователем. Естественно, что у меня обнаружилось бы с ним бесконечное количество схождений и вот такой несколько парадоксальный вопрос – может быть, мое «анти» и его «про» нисколько не разводят нас в разные стороны, коль скоро основа одна и та же – извнутреннее, национальное осмысливание революции и общая цель – вывести ее в национальную форму развития. Может быть, я даже, будучи

теоретически «анти», посоветовал бы ему многое «про» (с кое-какими пояснениями).

О моем выступлении было сообщено в «Днях» (№ 1303) и передовицей в «Последних новостях» (№ 2494), причем позиция со стороны этих газет занята выжидательно-нащупывающая.

Наше течение с громадным интересом читает все выходящее из-под Вашего пера. Боюсь, что мы все только мало в курсе Ваших новейших трудов. Ужасное расстояние разделяет нас – хочется прибавить, обратно пропорциональное нашим политическим воззрениям. Я лично со времени «Накануне» сожалею, что никогда Вас послушать не приходилось.

Разрешите, г[осподин] профессор, пожелать всего хорошего Вам, и если бы Вы сообщили нам Вашу точку зрения на наше течение, то был бы заранее благодарен.

С совершенным и искренним уважением

Н. Былов.

Р. С. Одновременно посылаю Вам нашу брошюру и одно из воззваний. *Н. Б.»*^[357]

Письмо Н. В. Устрялова Н. Н. Былову

«Харбин, 9 апреля 1928 г.

Многоуважаемый Collega!

³⁵⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

Я получил Ваше письмо от 2 марта 28 года, а также брошюру «Национал-максимализм и национал-большевизм». Спасибо.

По существу могу сказать, что Ваше письмо, как «человеческий документ», значительно интереснее брошюры. Последняя произвела на меня впечатление чего-то столько же претенциозного, сколь сумбурного. Есть в ней нечто от политического полусвета, весьма вообще шумящего за последние годы. Ряд, по-моему, правильных утверждений, но преподнесенных в форме идеологической крошки, пересоленной и переперченной. Похоже на литературные упражнения начинающего студента. Не следовало печатать это откровение кн. Ширинского.

Неприятный душок доморощенной философии «иудаизма» в брошюре. Очень неудачны и неуместны никого не способные намеки на «связи» национал-максималистов в России. Вообще, необходимо, прежде всего – больше скромности и самокритики в публичных выступлениях. Простите за откровенный отзыв.

Что касается Вашего письма, – оно несравненно содержательнее и интереснее. Ваша краткая автобиография достаточно драматична, и Ваши вопросы очень серьезны. И, конечно, это не только **Ваша** автобиография и не только **Ваши** вопросы: в них светится «философия эпохи».

К сожалению, географическое расстояние, нас разделяющее, а также некоторые другие основания, препятствуют более обстоятельному обмену мнениями. Я затрудняюсь высказываться по существу затронутых Вами проблем, не будучи ближе знаком с течением, Вами

представляемым. Могу лишь отметить, что не разделяю Вашей концепции «ухода мавра – падения советской власти». Действительность представляется мне гораздо более сложной и русский революционный процесс – более длительным, органическим и своеобразным. «Помочь мавру уйти» – эта формула слишком обща и недостаточно конкретна.

Вместе с тем, не вижу оснований отрицать, что у меня с Вами – целый ряд идейных созвучий, открывающих возможный путь к взаимопониманию в будущем... если оно у нас есть.

Буду очень благодарен за присылку документов и материалов, характеризующих Ваше течение. Одновременно с этим письмом посылаю Вам три свои книжки.

С искренним приветом *Н. Устрялов*^[358].

Письмо Н. Н. Былова

«Глубокоуважаемый Николай Васильевич!

Сильно запаздываю с ответом на Ваше письмо. С одной стороны, не хочу навязываться Вам в «постоянные корреспонденты», – вероятно, у Вас их тьма, и я знаю, как это способно отрывать от литературных и научных трудов. С другой стороны, у меня была и есть туча паспортных и визовых неприятностей: на меня ополчился здесь пестрый эмигрантский фронт от Трепова до Милюкова, попеременно с агентами контрразведок и прочими джентльменами. Решили выпроводить из

³⁵⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

Франции (что, в конце концов, и сделают). – Как, служил в торгпредстве? И в «Накануне» пописывал? А сейчас вместо того, чтобы стать на колени и кланяться, исповедует ересь национал-максимализма?.. Не потерпим!..

В главе материалов о нас высылаю «Бюллетень советской эмиграции». – Есть здесь несколько человек, мыслящих себя по-советски, но с коммунистическим правительством не ладящих, – так вот всем им в эмигрантских учреждениях открыто говорят: «Всех вас, голубчиков, слопаем, ибо никакого запаха Советов не переносим». Ну, Бог с ними, это все старо и неинтересно. Интереснее для нас оказалось то, что представители советской эмиграции, познакомившись со всеми парижскими политическими течениями, свои симпатии остановили на нас (расходясь во многих идеологических вопросах). Не чувствуется совершенно та страшная пропасть, которая навсегда вырыта между эмиграцией и Россией. Это говорит за то, что национал-максималисты проделали большую работу над самим собой, своим сознанием и вырвались из эмигрантского стана.

Я прочитал (многое перечитал) все, что Вы прислали. Спасибо большое. Произвело впечатление Ваше предисловие ко 2-ому изданию «Под знаком революции» (первое я давно знаю). Я вполне разделяю Ваши чувства. Оттолкнувшись от этого эмигрантского берега, я тоже чувствовал и чувствую себя совершенно послереволюционным россиянином. Вот опять только скажу, что и в предыдущем письме: сменовехизм, ставший на очень хороший и правильный путь, сам себя губит путями лояльности к правительству. Лояльность была уместна в первый период нэпа, при жизни Ленина, когда можно было ждать многого дальнейшего. Это не

оправдалось, и теперь лояльность не дает сменовехизму возможности развиваться дальше, а дальнейшее развитие необходимо. Вы, описывая Ваше путешествие в Москву, говорите: «Пора отойти от нашего традиционного поплеывания и отрицания правительственной верхушки». В общем-то пора и давно пора, но зачем же «пора» именно теперь, когда правительство как таковое только невольно и нехотя национально и когда, оно в настоящем задерживает дальнейшее поступательное движение послереволюционных процессов.

В этом вопросе у нас с Вами, Николай Васильевич, расхождение, хотя повторяю, что сам по себе вопрос о признании власти является второстепенным по сравнению с другими вопросами. Основа же у нас – общая.

Теперь о нас, «национал-максималистах». Разрешите обидеться за Ваши отзывы о кн[иге] Ширинского-Шихматова. Согласен, что брошюра, прежде Вам посланная, страдает многими редакционными и стилистическими недочетами. Слишком много формулировок и почти без подведения к ним дано на нескольких страницах, и это создает впечатление «окрошки». Но зато существо! Мне кажется, что тот отзыв, который был в «Руле» (препровожаю Вам), правильно, хотя и вкратце, отмечает новое политическое естество, – я бы сказал, стройно складывающееся мировоззрение, которое явственно выступает из всего.

Под «политическим полусветом» я понимаю такие группы, которые к примитивным, практическим целям подгоняют наспех сколоченную идеологию, причем, действительно руководствуются соображениями, чтобы

все сразу выпучили глаза и зачихали от этой самой идеологии. Так я понимаю Ваше выражение «политический полусвет». Он от гражданской войны: сел это лихой корнет на коня, взмахнул нагайкой и решил все политические проблемы...

Князь же Ширинский, как Вы можете убедиться из присылаемого материала, встретил совсем другую оценку. В свое время и евразийцы – народ серьезный и разборчивый – избрали его в свой совет, и только впоследствии время обнаружило слишком большие идеологические расхождения, не позволяющие им совместно работать. Может быть, глубокоуважаемый Николай Васильевич, присланный теперь материал даст Вам возможность лучше ознакомиться с национал-максимализмом. Когда что отпечатаем, пришлем.

За этот год мы больше всего внутренней работой занимались, хотя немного и спорили в парижских аудиториях. Очень интересные были беседы (главным образом закрытого характера) с Бердяевым, с которым у нас много общих мест, хотя, в общем, он ведь не политик, а философ.

Еще два слова о брошюре князя Ширинского. Она излагает вкратце его доклады, прочитанные очень давно, в [19]23 году, если не еще раньше. И для меня в брошюре ценно именно то, что она отражает другой вариант тех идей, которые тогда забродили и классические линии которых – национал-большевизм, направлены Вами. Но были уже и тогда зачатки других толкований и других выводов. В этом смысле не считите князя Ширинского вульгарным плагиатчиком.

Хотелось бы затронуть один вопрос. Я вполне согласен со всеми Вашими установками национализма, но неясно мне следующее: является ли Россия для Вас самодовлеющим абсолютом, Богом, или абсолютом она является потому, что в ней присутствует Бог. Для меня она во всей своей трагической красоте, величии, данности и заданности приобретает окончательный смысл в своей религии, православии. Россия не только потому, что она Россия, духовный коллектив, частью которого и я являюсь, а именно потому, что здесь «двое или трое собраны во имя Мое». Если бы не были собраны во имя Его, то мне кажется, во всяком самом идеалистическом подходе к России будет недостаточность. Одним словом, вопросы Достоевского: «Россия – Бог» или Россия во Боге.

У меня как раз недавно был жесткий спор с одной бывшей эсеркой, пришедшей теперь к «России Бог». Она взъелась на меня за то, что я нахожу и извинение, и оправдание в теперешнем названии – «СССР». Для нее это неприемлемо. И это понятно: ни один исповедующий «Россию – Бог» <...> не может оправдать четырехбуквие. Я исповедую Россию в Боге и потому склонен найти уживчивость даже с этим, в общем, отвратительным названием. Если бы переделать, скажем, на Союз Народов Государства Российского, как мы, национал-максималисты, предлагаем, было бы хорошо.

Вы находите-таки примирение с названием «СССР». Отсюда я склонен сделать вывод, что и для Вас центр тот же, что и для меня (и для нас нац[ионал]-макс[ималисты]), т[ак] к[ак] исходя из «России – Бог» оправдать СССР нельзя, не впадая в

противоречие с самим собой. Как Вы думаете, Николай Васильевич?

Еще! При таком взгляде вопрос иудаизма встает сам собой и не в «доморощенной форме», как Вы указываете, не как старый утробный антисемитизм, а как борьба и противопоставление двух миров – идеалистического и материалистического, оседающего сейчас в Западной Европе и имеющего свое логическое продолжение от исторически выковываемых концепций Иудеи. Христос «в белом венчике из роз» отбрасывается, как нечто чуждое, непонятное и ненужное.

Ваша книга «Итальянский фашизм» пользуется в Париже громадным успехом в эмиграции. Не приемлют Ваш заключительный вывод: русский размах (в революции) шире, глубже, величественнее...

Не правда ли, выражение Ширинского по адресу эмиграции (правой) – «национал-пораженцы» является исключительным по точности (кстати, выражение, завоевавшее за последний год права гражданства).

Если бы Вы в заключение как-нибудь поплевали на ее последний (текущий) исторический этап, тогда для эмиграции было бы все хорошо – «в порядке».

Фашизм является блестящим примером «Италии – Бога», но не только. Нет ни малейшего намека на большее, и отсюда суженность путей и отсутствие каких бы то ни было широких перспектив.

Если будете откликаться – буду очень рад. И время от времени позвольте обрушиваться на Вас своими письмами. Повторяю, очень хочу остаться Вашим периодическим корреспондентом. Желаю, глубокоуважаемый Николай Васильевич, успеха в

работах, к которым я уже столько лет отношусь с особым вниманием и, мне кажется, пониманием.

Искренне Вас уважающий *Н. Былов.*

Если откликнитесь, то пишите: Bureau restant private boite 1799. 22 Rue St. – Augustin. – такой страшный адрес я принужден избрать в силу свалившихся на меня гонений полиции и стоящей за ее спиной эмиграции. Не знаю, где следующий месяц буду встречать!.. А по этому адресу все дойдет и будет мне переслано. Еще раз всего хорошего»^[359].

Письмо профессора Н. Н. Алексеева

«Париж, 26 августа 1931 г.

Дорогой Николай Васильевич!

[...] Мысль Ваша дать Вашему ученику в качестве темы мои блуждания в поисках того, что называется «истиной», – а поиски эти составляют и составляли существенную часть подлинного моего «я» – вызвана дружественными чувствами к этой части моей жизни, и за нее я Вам искренне благодарен. После моих евразийских выступлений я резко разошелся с эмигрантским ученым миром. Теперь обо мне останки русской юридической мысли и слышать не хотят – вроде Спекторского или Тарановского. К советскому же миру я не пристал. Ваш голос издали был мне очень радостен.

³⁵⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

В последних Ваших замечаниях (в рецензии) Вы, по-моему, не правы. Я последовательно отделяю в моей книге науку от политики, но тем самым отнюдь не отрицаю политику, очищенную от **незаконной** связи с научным знанием. В последней части я утверждаю: **ВОТ политика**. Она корнями своими упирается в науку, но по существу от теоретического знания отличима. В изложении такой политики, преподнесенной в **ЭТОМ** качестве, я никак не вижу противоречия. Другой вопрос – несовершенства и неполноты изложения. Критик не обязан знать, что первоначальный текст этой последней части моей книги **был утерян** при переходе из одной типографии в другую, и я был поставлен в необходимость в «ударном порядке» написать новый текст, вместив его по издательским соображениям в то количество листов, какое имеется в «Теории государства».

Вы правы, во время нашего путешествия в Париж в 1913 г. я был «добрым европейцем» и подшучивал над Вашим славянофильством. Но с тех пор прошло 26 лет – и каких лет! Мне кажется, я достаточно наблюдателен, чтобы видеть, что Европа треснула с тех пор в своих основах. И это побуждает к их пересмотру, переоценке. Делать пересмотр этот в смысле старой славянофильской догмы мне и посейчас не улыбается – поэтому правильно, если вы заподозриваете мое «славянофильство». Но к своеобразному «Евразийству» я пришел не внешне, а внутренне. Если считать «подлинным» евразийством небезызвестное мне прославление приятного запаха верблюжьего помета, то **В ЭТОМ СМЫСЛЕ** я не евразиец. Знаете, Николай Васильевич, об евразийстве куда легче говорить с умными западными людьми, чем с русскими. Они легко

понимают **евразийство** умом, хотя во многом чужды ему сердцем. Может быть, эта **неэмоциональная** стихия евразийства составляет мою особенность. Вы не будете отрицать, что и эта сторона нужна. Я зову евразийцев к реализму и к критицизму. Но это не мешает мне любить русско-евразийский мир, как его не могут любить западные люди.

Крепко жму Вашу руку и с радостью буду ждать от Вас дальнейших писем.

Искренне Ваш, *Н. Н. Алексеев*^[360].

Письмо пореволюционного клуба

«Париж, Исси-лэ-Мулино, 20-го сентября 1933 г.

Глубокоуважаемый гражданин профессор!

Мы регулярно посылали Вам наши издания – журналы «Утверждения» и «Завтра»; в третьей книге «Утверждений» мы сочли за особую честь перепечатать Вашу статью «Зарубежная смена», как всегда написанную исключительно блестяще.

Может быть, Вы обратили внимание на то, что сейчас нас особенно волнует проблема российской национально-исторической идеи, исторической миссии нашего народа. К сожалению, слабая подготовленность пореволюционной молодежи в культурном отношении предельно затрудняет наши изыскания. Затрудняет и то обстоятельство, что культурные силы эмиграции не

³⁶⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

всегда охотно приходят нам на помощь, а доступ к внутрироссийским нам закрыт.

На одном из собраний пореволюционного клуба в Париже мы и решили написать некоторым крупным мыслителям нового направления с просьбой помочь нам разобраться в мучающем нас вопросе. Мы были бы горячо признательны Вам, если б Вы не отказали, хоть кратко, высказаться о том:

1. Считаете ли Вы, что всякий великий народ имеет некую историческую миссию, некую свою национально-историческую идею?

2. Как правильнее всего формулировать российскую нац[ионально]– историч[ескую] идею?

3. Какова должна была бы быть ее «проекция на действительность» – государственную и социальную – в пореволюционной России?

Конечно, говоря о «пореволюционной России», мы говорим, так сказать, «о России через 50 лет» – а не о России современной.

За ответ были бы Вам бесконечно благодарны.

Секретарь пореволюционного клуба *Ярмидзе*^[361].

Письмо Н. В. Устрялова Ю. А. Ширинскому-Шихматову

«Харбин, 14 октября 1933 г.

Многоуважаемый Юрий Алексеевич!

³⁶¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

Я получил на днях от пореволюционного клуба в Париже обращение с просьбой отозваться на три весьма проклятых вопроса, волнующие пореволюционную молодежь. Ответить на них мало-мальски вразумительно значило бы изложить целую систему философско-исторического мирозерцания (краткие ответы анкетного типа выглядели бы, пожалуй, издевательством над заданными вопросами). В своих работах мне приходилось частично останавливаться на соответствующих темах (ср[авните] хотя бы брошюры «Элементы государства» (нация) и «Россия», статью «О русской нации» в книге «Под знаком революции», а также ряд других статей в этой книжке). Если обстоятельства, сейчас здесь довольно жесткие, позволят, я попробую написать и прислать Вам статью, по теме своей хотя бы отчасти связанную с вопросами пореволюционного клуба.

Прошу передать клубу искреннюю благодарность за обращение. Очень хотелось бы поддерживать связь с пореволюционной молодежью.

С искренним уважением *Н. Устрялов*^[362].

Письмо пореволюционного клуба

«Париж, Исси-лэ-Мулино, 5 ноября 1933 г.

Глубокоуважаемый Николай Васильевич!

Юрий Алексеевич Ширинский передал нам содержание Вашего любезного письма от 14-Х, за которое приносим самое искреннее выражение нашей

³⁶² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

признательности. Особенно порадовало нас обещание присылки статьи.

Ваши книги у нас все имеются в библиотеке, кроме «Россия (у окна вагона)»: ее здесь и в продаже нет.

Позвольте Вас побеспокоить еще просьбой. Кроме статьи и НЕЗАВИСИМО ОТ НЕЕ – кратко ответить нам на поставленные вопросы (если это по каким-либо причинам для Вас не затруднительно). В декабре (в начале) мы хотели бы обсудить на закрытом собрании клуба проблему росс[ийской] нац[ионально]-историч[еской] идеи – и Ваш отзыв был бы для нас исключительно ценен.

Секретарь пореволюционного клуба

А. Ярмидзе»^[363].

Письмо Ю. А. Ширинского-Шихматова

«Исси-лэ-Мулино, 16-го ноября 1933 г.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Позвольте поблагодарить Вас за доброе обещание, данное нашим молодым. Они ему от души рады. Радуюсь и я – за «УТВЕРЖДЕНИЯ». Дискуссионный отдел журнала – в Вашем полном распоряжении. Ценим мы очень и сотрудничество устряловцев – Н. В. Васильева, Д. Турбина и Г. Н. Танасова; все-таки через них как будто нить – связующая нас теснее с Россией.

³⁶³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

Молодежь наша прислушивается к Вашему голосу и к голосу Ваших единомышленников с взволнованной напряженностью. Старые авторитеты умерли для нее, выбирая новых – у нее нет предвзятости дореволюционных беженцев.

Четвертая книга частью уже в наборе – но не выйдет раньше конца декабря: из-за безработицы копейки поступают с трудом. А у нас, слава Богу, нет ни одного мецената. Уже набраны статьи Бердяева, Лосского и Франка. Очень интересный и на редкость ценный материал дает анкета наших молодых.

1-го ноября открылся сезон пореволюционного клуба. Буржуазные газеты отчетов не поместили – видимо, велено было замолчать. Большой зал был набит битком. Среди присутствовавших – немало местных сов[етских] служащих, особенно много сов[етских] студентов. Это обстоятельство мы особенно оценили – давно пора создать нейтральную зону, если еще не для братания – то хотя бы для взаимоознакомления, но ознакомления честного, без камня за пазухой.

Еще одно отрадное явление: переход в пореволюционный клуб ряда младороссов – притом из наиболее талантливых. Я лично считаю их установки вреднейшими, но деятельность в эмиграции всячески приветствую: они прошибают те тупые монархические головы, до которых нам не добраться. А когда головы проветрены... ну, тогда умные покидают ряды млекососов и переходят к нам.

Если бы Вы лично узнали нашу молодежь, Николай Васильевич – Вы только укрепились бы в своем желании не терять с нею связи. Все это замечательный народ,

преодолевающий сознанием поистине тягчайшее бытие.
Я на них не нарадуюсь.

Позвольте еще раз поблагодарить Вас за письмо и крепко пожать Вашу руку.

Юрий Ширинский^[364].

Письмо Н. В. Устрялова Ю. А. Ширинскому-Шихматову

«Харбин, 9 декабря 1933 г.

Многоуважаемый Юрий Алексеевич!

Получил письма – Ваше и пореволюционного клуба. Спасибо. В конце ноября я послал Г. Н.[Танасову] для Вас статью «О советской нации». Несколько позже послал ее Вам и непосредственно. Она является откликом на анкету пореволюционного клуба.

При сем отправляю Вам новую свою статью «Бесклассовое общество», только что написанную. Она преследует двоякую цель: 1) установить перед авторами лозунга весь радикализм его объективной логики и 2) наметить конкретную почву возможного идеологического сближения Вашей молодой среды с идейной атмосферой революции.

Поэтому 1) тонос статьи имманентен официальной догме (сравните] цитировки) и 2) дается понять, что в самой этой догме заложен постулат собственного отмирания и прорыва в иные идейные миры.

³⁶⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

Я не возражал бы против появления этой статьи на страницах «У[тверждений]» или «З[автра]», при двух обычных условиях: 1) в примечании должно быть указано, что статья перепечатывается («Печатаем появившуюся на Д[альнем] В[остоке]» и т. д.) и 2) статья должна быть напечатана целиком, без выпусков и изменений. Если можно обе статьи поместить в дискуссионном отделе № 4 «Утверждений», – тем лучше.

Здесь обе статьи я думаю выпустить брошюрой, – но только после того, как они либо будут приняты и напечатаны, либо отклонены Вами.

Одновременно посылаю два экземпляра «России» для пореволюционного клуба. Был бы благодарен, если б он подтвердил получение.

Меня интересует вопрос об отношении евразийцев к П[ореволюционному] К[лубу]. Почему они стоят в стороне от него, и есть ли между этими группировками к[акие]-л[ибо] серьезные принципиальные и тактические разномыслия, – или это дело случайного порядка. Был бы Вам благодарен за разъяснение.

Очень рад установившемуся между нами контакту.

С искренним приветом *Н. Устрялов.*

Р. С. Комментарии этого письма к статье «Бесклассовое общество», как, впрочем, и все это письмо, – чисто **персонального** и доверительного характера.

Р. Р. С. В случае печатания статьи, я не возражаю против любого полемического ее сопровождения»^[365].

Письмо

Ю. А. Ширинского-Шихматова

«Исси-лэ-Мулино, 12 января 1934 г.

Многоуважаемый Николай Васильевич!^[366]

На протяжении 10 дней получил три Ваших письма, две статьи и две книги для пореволюционного клуба. Большое спасибо. С величайшим удовольствием перепечатаю обе статьи, с соблюдением поставленных Вами условий: «О советской нации» – в «Утверждениях» во всяком случае, «Бесклассовое общество» – м[ожет] б[ыть] в «Утверждениях», м[ожет] б[ыть] в «Завтра» – как удастся. К сожалению, не надеюсь выпустить журналы раньше конца мая – безработица выбила из наших рядов немало «пайщиков» (даже их приходится поддерживать), а меценатов у нас, слава Богу, нет – держимся исключительно собственными грошами.

Чрезвычайно досадно, что лежит – и стареет – много прекрасного материала. Одно время мы надеялись открыть при журнале литотдел – тоже накопилось немало ценного. Ну, что ж – очевидно, не пришли еще знаменитые «времена и сроки». Подождем.

Когда точно выяснится время выхода в свет журналов – сообщу Вам заблаговременно.

При сем прилагаю письмо пореволюционного клуба.

Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

³⁶⁶ Это письмо до меня не дошло, затерявшись в пути. Впоследствии я получил его копию. (Примеч. Н. В. Устрялова.)

Вы спрашиваете об отношении к нему евразийцев. Они в него не входят – по соображениям, имеющим мало общего с политико-идеологическими. Во-первых, они не могут простить поревол[юционному] клубу его большой успех – и малый успех их собственной попытки создать свой «клуб бис». Во-вторых, они связались с Баранецким, в свое время выставленным из «Утверждений» за ряд неблагоприятных поступков. В-третьих, из-за лично плохих отношений евразийца Клепинина с некоторыми членами поревол[юционного] клуба (моральный облик Клепинина, к сожалению, оставляет желать лучшего).

Поревол[юционный] клуб от этих обстоятельств, собственно, не особенно страдает, т[ак] к[ак] в Париже евразийцев – наперечет: Алексеев, Клепинин с женой, Эйснер и двоюродные братья Клепинина, скорее «числящиеся» евразийцами – Покровский и Кондратьев. Вл. Ильин от евразийства отошел – из остальных ценен один Алексеев (собственно, как спец-государственник); идеологически Алексеев нам мало интересен – его все еще давит его весьма правое прошлое и... написанная «советско-монархическая конституция» по заказу «царя» Кирилла. Впрочем, мне кажется, что я едва ли очень ошибусь, если предскажу переход Алексеева в наши ряды через год-два; во-первых – он, несомненно, порядочный человек и не долго сможет выдержать атмосферу «клепиниады», во-вторых – он человек активный: евразийство же сходит на нет, мы – пухнем, растем и размножаемся.

Евразийство вообще обречено. Недалеко то время, когда оно сведется к пражанам Савицкому, Антипову и Усачеву. В Брюсселе осталось три человека, из которых два (Перфильев и Яновский) давно в лес глядят, а третий – Нальпанис – связался с Агабековым (б[ывшим]

чекистом) и варит там какую-то довольно темную кашу. Они не могут простить особенно национал-максималистам (н[ационал]-б[ольшевикам]) успеха всех их начинаний – и пореволюцион[юционн]ый клуб (уже три отдела: Марсель, Лион, Сан-Паулу), и журналы («Утв[ерждения]» – 1800 экз., «Завтра» – 2500), и увеличение числа членов организации. Глупо это – но ничего не поделаешь.

Во всяком случае, я упрямо продолжаю свою линию – на объединение пореволюцион[юционн]ых течений – и рассчитываю, что рано или поздно евразийцы вольются. С «Новым Градом» у нас договор: они закрывали свой клуб (третий!) – благо никто в него не ходил – и влились в наш, получив одну среду в месяц для своих докладов. Посещаемость клубов такова: «Объединенный» (Баранецкий – Алексеев) – чел. 10–15, «Нов[ый] Гр[ад]» – 15–20, «Пореволюцион[юционн]ый» – 60–150 (в зависимости от темы и докладчика). Первые два клуба собирались раз в месяц. Пореволюцион[юционн]ый – еженедельно (по средам). При нем же еще два раза в неделю работает в этом году два кружка: 1. По изучению соврем[енной] России и 2. Объединение пореволюцион[юционн]ых писателей и поэтов. В пореволюцион[юционн]ом клубе действительных членов – 48. В других – не знаю, думаю, что таковых вообще нет, а есть только руководители.

У нас, утвержденных, – большое горе; под самый Новый год покончил с собой в Брюсселе Ив. Вл. Степанов (его статьи в «Утверждениях]» Вы, вероятно, помните), мой школьный товарищ и большой друг. От евразийцев он ушел к нам уже года три назад, но в Брюсселе был совершенно одинок; все это осложнилось еще и лично-семейными неладками. Очень и очень его жаль.

Григория Никифоровича[Танасова] довольно долго не видел. Он дал прекрасную статью о Д[альнем] В[остоке] – пойдет, вероятно, в «Завтра», – если не устареет до мая. Удивляюсь, как его статьи еще проскакивают в Вашем районе; я, собственно, побаивался, что новая власть доберется до наших изданий из-за Григория Никифоровича. Однако пока, по-видимому, все благополучно.

Вы пишете, что рады установившемуся между нами контакту. Я ему еще больше радуюсь – ибо Вы – первый, указавший эмиграции живую Россию под коммунистической шелухой. От души жалею, что расстояние и ряд обстоятельств мешают наладить основательную и искреннюю переписку.

На всякий случай предпочитаю все-таки посылать Вам письма «виа Канада». При встрече с Григорием Никифоровичем[Танасовым] – надеюсь, скорой – побеседую с ним и на эту тему.

Еще раз спасибо сердечное за прекрасные, как всегда талантливые и блестящие статьи.

С искренним приветом *Ю. Ширинский.*

Р. С. Известие печально-комическое: Былов «омладоросился». Зигзагообразный он человек»^[367].

Письмо Н. А. Перфильева

«Брюссель, 14 апреля 1934 г.

Многоуважаемый Николай Васильевич,

³⁶⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

Получил Ваше письмо и две статьи. Послал Вам немедленно два номера «Евразийца», один на университет (как мне указал несколько месяцев тому назад Чхеидзе), другой по личному адресу Вашему. Надеюсь, что их не постигнет участь посланного Вам в январе и так неудачно дошедшего до Вас номера. Из передовой статьи нашего журнала Вы немного уясните причину происшедшего раскола. Могу добавить, расхождение идет давно. Группы Парижская, Брюссельская, Рижская составили «левый фланг». Главный пункт разделяющих нас от «правого» Пражского Е[вр]А[зийства] – отношение к Сов[етскому] Союзу. Наша позиция – это «позиция активной верности правительству, правительству созданному революцией и возродившему государство» (как вы хорошо сформулировали ее в своей статье о Милюкове). Пражское Е[вр]А[зийство] не может еще преодолеть своей «эмигрантскости» и стоит на половинчатых позициях «с одной стороны нельзя не признаться, с другой нельзя не сознаться». Наши благие пожелания о мирном сотрудничестве с так наз[ываемым] Пражским ЦК не осуществились и, полученная Вами, «резолуция ЦК» есть продолжение начавшейся в Е[вр]А[зийстве] склоке. Мы не отвечаем и сосредоточиваем свои усилия на идеологической работе. В недалеком будущем выпускаем следующий номер «Е[вр]А[зий]-ца», в котором поместим большие выдержки из Ваших, появившихся в дальневосточной прессе, статей: о Милюкове и о Федорове.

Очень были бы Вам благодарны за дальнейшую присылку материалов, которыми мы могли бы пользоваться для нашего журнальчика. Нахожу, что наша и Ваша позиция все более и более сходятся, и я

собственно не вижу ни одного сколько-нибудь существенного, ни пункта даже, а хотя бы оттенка, нас в настоящее время разделяющего.

Вы, кажется, в переписке с Чхеидзе, интересно, как он освещает Вам создавшееся в Е[вр]А[зийстве] положение.

Была у нас Ваша брошюра «Теория прогресса», которая и мне и В. В. Ян[овскому?] очень понравилась, но она потерялась, и здесь ее не достать, нам бы очень хотелось бы ее иметь для нашей библиотеки. Не могли ли бы Вы выслать нам экземпляр этой брошюры, или два, если можно. Стоимость ее мы вернем немедленно по получении.

Пишите. Всегда рады будем Вашим письмам.

Уважающий Вас *Николай Александрович*
Перфильев^[368].

Письмо

Ю. А. Ширинского-Шихматова

«Исси-лэ-Мулино, 1 мая 1934 г.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

На днях получил Вашу статью – «Сдвиги П. Н. Милюкова» – с припиской, из которой вижу, что мое и пореволюционного клуба письма до Вас не дошли. Очень это досадно – не потому, чтобы письма были содержательны, но потому, что Вы могли Бог знает что о нас подумать. Чтобы сие не повторялось, настоящим

³⁶⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

письмом посылаю **заказным** и прилагаю к нему копию своего письма от 12-1 – 34.

Копия письма пореволюционного клуба где-то затерялась – найти ее не могу. Они Вас сердечно благодарили за книги, выражали радость по поводу установления контакта и... продолжали клянчить, ибо не имеют Вашей «В борьбе за Россию». Их просьбу поддерживаю – если она осуществима. Они еще просили, по возможности, высылать им старые №№ тех газет дальневосточных, в которых печатаются Ваши статьи.

От души приветствую Вашу установку – она мне – и нам – гораздо ближе прежней. Но статью поместить у нас будет трудно: Милюков флиртует с нашими молодыми, дарит в их библиотеку кучу книг, о каждом выпуске наших изданий печатает 2–3 «подвала» (а это для Парижа означает лишних проданных 150–200 книг), даром печатает заметки о порево[люционн]ом клубе. Словом, мы его **лично** задевать избегаем – он очень чувствителен и злопамятен, старый. Статья размножена в 10 экз., послана П. Н.[Милюкову] и «пущена в обращение» по Парижу с обычной пометкой об ее появлении «в одном Д[альне]В[осточном] издании».

У нас все по-прежнему – клуб преуспевает, новые отделы открываются – кроме того, в среде млекососов произошел раскол и более умные забрасывают к нам удочку. Сбылось и мое предсказание насчет Н. Н. Алексеева: неделю тому назад он подал заявление о желании записаться в члены порево[люционн]ого клуба; причина – также угадана была правильно: он остался в Париже **ЕДИНСТВЕННЫМ ЕВРАЗИИЦЕМ** – остальные разбежались в разные стороны, и

Е[вр]А[зийские] группы в Париже и Брюсселе, по распоряжению из Праги, закрыты.

Ничего толкового не вышло и из попытки издавать свой орган («Свершения») – его не читают и о нем не пишут; они Вам, вероятно, послали экземпляр. Передовая написана Баранецким (жаль, что, перечисляя «течения», входящие в его «клуб», он не подставил цифр: «Евразийство» – 1, «Третья Россия» – 1 – хотя и под семью псевдонимами, «Украинское] Пореволюционное] Течение» – тоже один лоботряс Даниленко, даже не умеющий говорить по-украински; правда, в «группе ВНЦ» – два человека, зато жаль, что Баранецкий не раскрывал скромного значения этих трех букв: это, видите ли, «Всероссийский Национальный Центр»; только и всего); Баранецкий же писал и заключительные заметки, с выпадом против нас. Статья, подписанная «Логовиков», написана Савицким.

Приходится отметить расширение национал-максималистского сектора: с января в союз влились группа националистов-христиан, марсельская Нац[ионал]-соц[иалистическая] раб[оче]-крест[ьянская] группа (почти целиком состоящая из б[ывших] комсомольцев), группа «Четвертая Россия» и ряд других, более мелких. Следует отметить и ряд индивидуальных вхождений, как напр. А. Ф. Пилипенко («Ед[иный] фронт»), Б. Е. Новицкий ([«Неодемократ[ия]»), А. И. Холидов ([«Комс[омол]») и др. У каждого течения д. с. п. как-то было «свое время»: раньше у евразийцев, потом у младороссов, теперь, по-видимому, настает черед н[ационал] – м[аксималистов]. Хочу надеяться, что они учтут опыт своих предшественников по «массовой» работе в эмиграции.

Переговоры о слиянии «Утв[ерждений]» с «Нов[ым] Гр[адом]» в один журнал, под редакцией Ф. А. Степуна и моей и под названием (несколько диким) «Утверждение Нового града», как будто приближаются к успешному завершению. Впрочем – всегда возможны в подобных случаях неожиданности и сюрпризы.

«Утверждения» надеюсь выпустить в конце мая. «Завтра» будет выходить ежемесячно, но только на ротаторе, в 500 экз., являясь органом внутридвиженческой связи, дискуссии и самокритики.

На этих днях с неба свалилось на первый взгляд фантастическое предложение – издавать ежедневную пореволюционную] газету – из франц[узского] источника, требующего проверки. Особенно не обольщайтесь.

Месяца полтора назад послал Вам № французского журнала «Эспри», заменившего собою угасший «План»; при нем издается маленький еженедельник «Фрон Сосиаль». Мы получили руководство их русским отделом.

Вот пока и все наши – весьма жидкие – новости.

Всегда рад буду получить от Вас несколько строк. Если с ежедневной газетой, паче чаяния, выйдет – протелеграфирую и тогда буду ждать регулярной присылки всяческого материала, каковой сможет (ежели выйдет то, что намечается) даже скромно оплачиваться. Но все это пока вилами по воде писано.

Еще раз спасибо большое за то, что нас не забываете.

Искренний привет. *Юрий Ширинский.*

P. S. Сегодня же открыткой «виа Сибериа» извещаю Вас о посылке настоящего письма»^[369].

Письмо Н. В. Устрялова Н. А. Перфильеву

«Харбин, 2 мая 1934 г.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Спасибо за информацию о евразийских делах. До Вашего письма мне казалось, что раскол обусловлен более личными и организационными, нежели идейными основаниями. Тон Вашего журнала – очень правилен и очень достоин. Именно так следует держаться и дальше: воздерживаться от острой политической полемики. Я надеюсь, что и евразийский «ЦК» перейдет скоро на Ваши (наши) политические позиции: по крайней мере, Савицкий и Чхеидзе, насколько можно судить отсюда, неудержимо приближаются к ним. Не нужно в таких вещах проявлять нетерпение и досаду, – обидно, что их, по-видимому, поторопилась проявлять *altera pars*^[370]. Думаю, нужно приложить все усилия к скорейшей ликвидации конфликта, разумеется, без сдачи Ваших политических позиций.

Посылаю Вам статьи мои «Бесклассовое общество» и «О советской нации».

С искренним приветом *Н. Устрялов*».

³⁶⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

³⁷⁰ Другая сторона (*лат.*).

Открытка от Ю. А. Ширинского-Шихматова

«2 мая 1934 года.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Получил на днях Вашу статью «Сдвиги» и из приписки вижу, что мое январское письмо до Вас не дошло. Пишу Вам подробно заказным «виа Канада», с приложением копии предыдущего письма. Первые две статьи будут напечатаны, вероятно, в конце мая; третья (и последняя) размножена и рассылается.

Настоящая открытка – лишь для того, чтобы объяснить Вам то, что Вы, вероятно, принимали за мое «молчание».

С искренним приветом *Ю. Ширинский*^[371].

Письмо Н. В. Устрялова Ю. А. Ширинскому-Шихматову

«Харбин, 25 мая 1934 г.

Многоуважаемый Юрий Алексеевич!

Посылаю Вам свою последнюю статью «После 17 съезда». Возможно, что она покажется Вам чрезмерно резкой по формулировкам; но, думается, нужно же слушать жизнь и голоса жизни. Есть подлинные симптомы улучшения обстановки в Союзе. В нашем споре о правом уклоне оказались правы Вы (в отрицании), а не

³⁷¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

я. Вместе с тем появляются первые признаки некоторого смягчения режима по отношению к спецовой интеллигенции, да и вообще. Необходимо посылить этому процессу. В частности, я считал бы, что и в эмиграции назревают предпосылки новой, так сказать, «сменовеховской» волны – нового, конечно, типа.

Я был бы заинтересован в напечатании этой моей статьи, – лучше всего, рядом с двумя прежними. Если еще не напечатали тех двух и собираетесь их печатать, нельзя ли пристегнуть как-нибудь и куда-нибудь эту (если встанет материальный вопрос, я мог бы оплатить стоимость ее печати)? Или, быть может, можно **заменить** ею одну из прежних статей (о советской нации, или о бесклассовом обществе)? Здесь она не проходит по цензурным условиям, – постараюсь все же ее протиснуть^[372].

Одновременно посылаю Вам напечатанную статью памяти Новгородцева, – при случае, не откажите передать ее Н. Н. Алексею. Кроме того, мне хотелось бы познакомить Вас со статьей «Пути синтеза» (она была у Г. Н. [Танасова], – если нет, я ее Вам пришлю) и получить Ваш отзыв о ней – в частном порядке: статья эта пока не подлежит распространению, и я просил бы Вас никому о ней не говорить. Навеяна она размышлениями на темы полемики моей с новоградцами»^[373].

³⁷² Если нельзя ее напечатать, я ничего не имел бы против заслушивания ее в пореволюционном клубе (и обсуждения) – хотя бы совместно со статьей о бесклассовом обществе или о советской нации. (Примеч. Н. В. Устрялова.)

³⁷³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace.

Письмо Н. А. Перфильева

«12 июня 1934 года.

Дорогой Николай Васильевич!

Получили ли посланные Вам два номера «Евразийца» (один на дом, другой на университет)? Имею в виду, конечно, № 24, ибо предыдущий Вами получен уже давно. Получил Ваше письмо и обе статьи, которые с сокращениями пойдут в № 25 «Евразийца». Спасибо большое. К. А. Ч.[Константин Александрович Чхеидзе] писал, что в Праге имеется Ваша статья «Пути синтеза», трактующая чрезвычайной важности вопрос о сближении обособленных ныне идеократических движений. Не могли ли бы Вы прислать нам один экземпляр этой статьи, которой мы воспользовались бы для нашего журнала? Какое впечатление произвел на Вас № 24 «Евразийца»? Л. Писарев, поместивший две статьи в последнем номере – это наша молодая смена – ему 19 лет – т. е. представитель ее комсомола.

Из Праги пришло приглашение участвовать на евраз[ийском] совещании в начале июля. Начало ли это возобновления сотрудничества, нарушенного грозными пражскими резолюциями, покажет ближайшее будущее. Во всяком случае, мы ответили, что приглашение принимаем, но отсутствие денег вряд ли позволит практически это осуществить.

Вам, конечно, попалась статья «Правды» от 9-го июня, озаглавленная «За Родину». Какое разительное подтверждение Вашего утверждения, что «в Советском

Союзе энтузиазм любви к отечеству и национальной гордости».

Мы имеем возможность подробно следить по советским газетам за всем, что делается в СССР. Поворот нынешних веяний приводит к явному сближению с Вашими позициями (в вопросе поднятия образовательного уровня учащихся, восстановлении ученых степеней, исторических факультетов, отношению к спецам, хотя бы и буржуазного происхождения и т. д.). Упрекающие Вас в отсутствии самостоятельной линии и фактопоклонстве должны будут пересмотреть свои оценки.

Уважающий Вас *Н. Перфильев.*

Рад буду, если ответите. Я Вас просил в прошлом письме о присылке Вашей «Теории прогресса». Возможно ли это? Есть ли она у Вас? *Н. П.»*^[374]

Из письма Н. В. Устрялова Ю. А. Ширинскому-Шихматову

«Харбин, 23 июня 1934 г.

Многоуважаемый Юрий Алексеевич!

Очень интересна Ваша информация о составе и характере пореволюционных групп. Конечно, печальны эти перманентные внутренние нелады между родственными идейными течениями, но, видно, уж ничего пока не поделаешь. Говорят, и в растительном

³⁷⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

мире близкие виды особенно ревностно теснят друг друга.

Отрадно, если подтвердится Ваш прогноз о закате младороссов: это – наиболее безнадежное из всех течений эмигрантской молодежи, хотя и наиболее крикливое.

Не вполне представляю себе Ваш симбиоз с новгородцами в одном журнале. «Новый град», при всех его симпатичных чертах, – слишком старомоден, чтобы зацепиться за молодежь. Можно от души пожелать пореволюционным людям – больше вживаться в наличную советскую эмпирику, нежели в изошренные симфонии старых музыкантов из «Нового Града». Разве что Вам удастся приблизить их к «бескорыстному», сочувственному пониманию того, что делается на родине... Пора, пора снимать всем пореволюционным течениям этикетку «непримиримости», не утрачивая в то же время, разумеется, идейной самостоятельности и организационной независимости»^[375].

Письмо Н. А. Перфильева Н. В. Устрялову

«Харбин, 30 июня 1934 г.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Получил Ваше письмо от 12 июня, спасибо. Получил и № 24. Он очень удачен, составлен живо и разнообразно. Приходится очень жалеть, что вы не выпускаете его в большой свет. Мне кажется, теперь

³⁷⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

было бы очень своевременно выступить с проповедью Вашей установки во всеуслышание. Недавно я писал об этом К. А. Ч.[Константину Александровичу Чхеидзе], но он ошибочно понял мой добрый совет как призыв к отказу от идейной самостоятельности и организационной независимости. Я поспешил разъяснить недоразумение.

Очень хороша у Вас статья Яновского. Думается, это благодарная задача – бить младороссов неумолимой имманентной критикой. Время создать в эмиграции новый подъем патриотической волны.

Хочу верить, что Ваша связь с Прагой восстановится. Нужно проявить максимум усилий для преодоления разрыва, земля Ваша малая, куренка, скажем, и то выпустить некуда, – где же тут еще дробиться и межеваться? Но, разумеется, несносную этикетку «непримиримости» пражский съезд должен бы снять. И затем выступить с ясными и свежими заявлениями. Это могло бы возродить евразийство, отнюдь не отменяя своеобразия его идейного лица»^[376].

Письмо

Ю. А. Ширинского-Шихматова

«1 июля 1934 года.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Простите за почерк и карандаш – пишу за рулем машины (не помню, говорил ли Вам, что по профессии я – извозчик) и пользуюсь тем, что пассажиры отправились смотреть скачки.

³⁷⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

Спасибо за Ваше письмо от 25 мая и за то только что полученные книги. Статьи о Новгородцеве не получил; о «путях синтеза» пишет Г. Н.[Танасов] (если он еще здесь – ибо собирался в Шанхай).

Статья Ваша прекрасна; кое о чем хотелось бы поспорить – сделаю это в следующем (и ближайшем) письме: сейчас у меня ее нет перед глазами. Вот таковы наши проекты относительно ее напечатания:

«Утверждения» кн. IV выйдет только осенью – и в ней пойдет «О советской нации». Статья «О бесклассовом обществе» – в закрытом (№ 6) номере «Завтра» – тоже осенью, – на ротаторе.

Нами, кроме того, задумано (и выполняется) издание «Пореволюционной библиотеки» – серия небольших (карманного формата) книжек; некоторые из них будут оригинальны (напр[имер] очень любопытная «Исповедь пореволюционера» нашего нового соратника – С. М. Сирина) – другие же – оттиски статей из № 4 «Утверждений» по принципиальным вопросам (национальный вопрос, земельный, рабочий, социальный и пр.).

Мы могли бы выпустить отдельной книжкой в серии «Пореволюционной библиотеки» Ваши три статьи, причем расходы, связанные с напечатанием «О советской нации», взяли бы на себя, а расходы по остальным двум статьям легли бы на Вас. Все это было бы, конечно, «перепечаткой». Стоимость издания (в 1200 экз[емпляров]) – 500 фр[анков] за 60 000 знаков, – т[о] е[сть] за 32 страницы малого формата – с округлением в пользу типографии.

Сегодня вечером, вернувшись домой, я подсчитаю количество знаков и припишу. Брошюру нам придется,

конечно, сопровождать примечанием. Что, мол, мы не со всем согласны – но тут выражены суждения, достойные особо внимательного обсуждения и т. д.

Теперь – о самом главном. Помните ли нашу листовку – «К слухам об интервенции»? В ней имеются очень конкретные рецепты на определенный случай. Я думаю, что этот определенный случай надвигается в темпах катастрофических. Мы здесь примем свои меры в деле наблюдения за снабжением – Вам же, по-видимому, предстоит более прямая деятельность. Давайте условимся так:

Предположим, за шифр принимается какая-нибудь статья (наприм[ер] «З. С.»[«Зарубежная смена» – статья Н. В. Устрялова]) – первая ее страница. Каждые четыре цифры соответствуют обозначению порядка строки и буквы в строке. О том, что именно предлагаю принять за шифр, напишу отдельно, в другом письме.

Мы выпускаем № 5 (открытый) «Завтра», в котором открыто заявим, что в случае возникновения внешних затруднений мы объявляем со своей стороны политическое перемирие с нынешним правительством и призываем оборончески настроенную часть эмиграции поступить так же. Скандал будет, конечно, грандиозный.

Когда будете расшифровывать, разбейте все цифры по группам в четыре. Эти письма буду посылать через Сибирь, ибо там от них секретов не будет. Боюсь только – не подведу ли Вас среди местных? Ну, да все будет замаскировано.

У нас ничего нового нет. Евразийцы собирают в Праге в июле всех уцелевших – их оказывается 11. Жидко. Мы снова возобновляем свое предложение об объединении для создания единого пореволюционного

движения. Вероятно, снова уклонятся – уж очень Савицкий боится потерять свои партгенеральские погоны. Скучно это.

Мы сейчас очень разворачиваемся. Один любопытный симптом: много молодежи из рядов млекососов переходит к нам. Федотов вошел в старостат пореволюционного клуба, как представитель «Нового града».

Одно плохо – нет копеек. Очень много уходит еще на поддержку своих безработных. Настроение, однако, прекрасное: никогда не дадим «бытию определить сознание».

Крепко жму Вашу руку.

Юрий Ширинский^[377].

Письмо Н. В. Устрялова Ю. А. Ширинскому-Шихматову

«Харбин, 20 июля 1934 года.

Многоуважаемый Юрий Алексеевич!

Получил Ваше письмо от 1 июля. Оно меня очень порадовало. От души поздравляю Вас с мужественным и подлинно патриотическим решением. Желаю всяческого успеха на этом пути.

К сожалению, предложенный Вами способ наших бесед, по обстоятельствам места, – **совершенно исключается**. Мне кажется, Вам следовало бы довести

³⁷⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

Вашу установку до логического завершения и, когда это признаете полезным, обратиться к непосредственным, эффективным, быстро действующим связям. Если хотите, я могу облегчить Вам эту операцию, подготовив надлежащий ее успех. Напишите, что думаете об этом.

Скоро рассчитываю выслать Вам выходящую на днях в Шанхае новую мою книжку «Наше время». Туда войдут все известные Вам статьи. Таким образом, отпадает вопрос о печатании их в Париже.

Относительно общей ситуации, должен сказать, что Ваш пессимизм представляется мне несколько чрезмерным. Конечно, положение достаточно напряженно, но еще нельзя утверждать, что катастрофа предрешена для ближайшего будущего. Хотелось бы надеяться, что она будет если не избегнута, то отодвинута во времени. А выигрыш времени ныне весьма благотворная вещь.

Но, конечно, разумнее предполагать худшее, почему я еще раз горячо приветствую Ваши планы и, со своей стороны, готов посильно содействовать их реализации.

Крепко жму руку.

Ваш *Н. Устрялов*^[378].

Письмо Н. А. Перфильева

«25 сентября 1934 г.

Многоуважаемый и дорогой Николай Васильевич!

³⁷⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

Простите, что не ответил раньше и не поблагодарил за присланную Вами книжку «Наше время». Все статьи (кроме «Фрагментов» и «Двух вер») я знал раньше. Но собранные вместе и расположенные так, как Вы это сделали, они производят еще более сильное впечатление. Эта книга, конечно, единственная, дающая правильный подход к двум формам строящегося нового мира: большевизму и фашизму. Но больше всех я люблю статью «Пятнадцать»... Мое непростительное запоздание (с ответом) объясняется тем, что я почти три месяца провел на взморье бельгийском и лишь две недели тому назад вернулся в Брюссель. С Прагой наша переписка прекратилась, о чем я весьма сожалею. Ваши соображения по этому поводу, высказанные в последнем письме, безусловно, верны. Мы же продолжаем свою маленькую работу. Издаем еще (в очень ограниченном количестве экземпляров) маленький журнальчик «По России», заполняем его главным образом бытовыми сценками из советской прессы. У Вас теперь, вероятно, если верны сведения о продаже КВЖД, произойдут большие перемены и своеобразие Харбина – этого города синтеза – исчезнет. Он станет провинциальным городом одной из японских колоний.

Здесь в Бельгии, несмотря на то что идут почти во всем на поводу у Франции, еще не решаются признать СССР. Одно время совсем было решились, но, видимо, повлияла непреклонная позиция Голландии, сильно влияющей вообще на фламандских политиков.

Очень рад буду получать от Вас статьи и заметки для нашего журнала. О Вашей новой книге собираюсь писать рецензию в очередном номере «Евразийца».

Кстати, как понравился Вам № 25? Вы, наверное, его получили?

Уважающий Вас *Н. Перфильев*^[379].

Из письма Н. В. Устрялова Н. А. Перфильеву

«Харбин, 13 октября 1934 г.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Ваш № 25 своевременно получил. К сожалению, сейчас не имею его под руками, чтобы откликнуться конкретно, – но точно помню, что он произвел на меня, как и № 24, хорошее впечатление. Именно то, что надо! Нелегко соблюсти надлежащий тон и надлежащую линию в наше на редкость трудное, сложное, противоречивое время. Думается, вам это удастся лучше, чем многим другим. Очень интересна проблема фашизма: есть ли он действительно «форма строящегося нового мира» *сotte me te*? Я продолжаю думать, что нельзя видеть в нем **только** реакцию, **только** обман, **только** самозащиту капиталистов. Однако и реакции, и обмана, и капиталистических маневров – в нем немало. В этом отношении, с большим интересом читал в № 25 Вашу полемику с Чхеидзе.

С искренним приветом *Н. Устрялов*^[380].

³⁷⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

³⁸⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

Письмо Н. А. Перфильева

«20 ноября 1934 г.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Давно уже получил Ваше письмо и книги. За все очень благодарю. Ваши 2 книги «Наше время» все время в разборе, главным образом, читает молодежь: около евразийская и около младоросская. Ставлю эти два течения рядом, потому что есть еще течения, сидящие между двух стульев. Общего же у нас с младороссами разве лишь в истоках.

Вы спрашиваете о нашем отношении к газете «Евразии» и Кламарскому периоду? Конечно, мы считаем их (Сувчинских, Карсавиных и др.) органической частью Е[вр]А[зийства]. И нашими предтечами. И весьма близкими к нам в отношении приятия советской действительности. Вот как раз это-то и отделяет нас от Праги, хотя тут происходят еще и организованные дразги. Пражане же основной пункт расхождения замазывают и базируются главным образом на втором.

На Пражское совещание, о котором говорилось еще весной, должен был поехать я, но в дальнейшем всякого рода обстоятельства помешали этому. Прекратилась регулярная переписка, обмениваемся лишь печатными изданиями. Не знаю даже, состоялось ли оно. На нашу просьбу прислать протоколы ответа не последовало. Получили ли их Вы?

Послал Вам наш пропагандистский журнальчик «По России – Евразия». Думаем в следующем номере «Евразийца» дать критику Вашей книги, Вашу полемику с Бухариным (выдержки из «Известий»), критику новой

книги Вернадского «История Евразии». Вы ее, наверное, получили? Книга очень ценная и, как все, что пишет Вернадский, весьма объективная. Ужасна лишь обложка, прямо железнодорожный роман, не хватает еще отпечатка окровавленной руки.

Относительно Вашего желания поместить заметки и рецензии о Вашей книге в бельгийских журналах пока ничего не вышло. Жаль, что не переведена она на французский язык, при теперешнем интересе как к Советскому Союзу, так и к фашизму она могла бы найти читателей. Нет ли возможности это сделать? Тогда и рецензии легче устроить.

Большое спасибо за присылку книги и статей. Надеюсь, если в дальневосточной прессе еще что-либо появится, пришлете. Уладился ли инцидент в университете, или Ваш уход окончательный? Пишите. Вашим письмам мы все очень рады.

Уважающий Вас *Н. Перфильев*^[381].

Письмо Ю. А. Ширинского-Шихматова

«30 ноября 1934 г.

Многоуважаемый и дорогой Николай Васильевич!

Стыдно перечислить те Ваши письма, на которые я, наконец, собрался ответить: от 23/6, 20/7, 31/7 и 7/10. Оправданий нет, объяснений мог бы представить кучу – да не в них дело. Просто остается принести свои

³⁸¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

искренние извинения и просить верить, что ни малейшей злонамеренности в моем молчании не было, а скорее техническая невозможность, да еще желание выждать исполнения очередного плана, чтобы поделиться результатами – и затем слабый пафос для извещения о неуспехе.

Разрешите просто перейти к ответам на поставленные Вами вопросы и откликами на затронутые Вами темы.

1. О младороссах. Произошел раскол, часть ушла к «имперцам» (филиал РОВСа), часть к нам. Полная диктатура Казембека, на последнем совещании младороссов заявившего: «Такова моя точка зрения; на суждения кандидатов, сотрудников и сочувствующих мне наплевать; тех из младороссов, кто со мной не согласен – вышибу». Сие – результат путешествий в Италию и Югославию. Организация окончательно становится лавкой граммофонов.

2. О проекте слияния журналов «Утверждений» и «Нового града». Переговоры все еще продолжаются, но постепенно увядают. Степун от контакта ежедневного с национал-социалистами впал в демократическую реакцию; у Бунакова тяжело болеет жена – да он к тому же с головой ушел в управление шоколадной фабрикой его родственников, Высоцких в Данциге – так что и в Париже-то бывает только проездом, на несколько часов; Федотов прикомандировался к нашему клубу и честно выполняет роль спеца, читая доклады на заданные нами темы; между прочим, на ту же роль охотно согласился и Алексеев, которому поручен семинар по марксизму и диамату [диалектическому материализму]. «Утверждения» № 4 будет уже целиком органом

национал-большевиков (в их «н[ационал] – М[аксималистском]» варианте) и задуман «конструктивно» (о чем Вы можете судить по объявлению, помещенному в № 1 «Еженедельника п[ореволюционного] к[луба]»).

3. Вы пишете, что пора всем пореволюционным течениям снимать этикетку «непримиримости». На своем докладе при открытии клуба я и заявил, что наше отношение уже более не только не «революционное», но даже и не «оппозиционное» (ибо обе эти позиции по существу «негативны») – а «преобразовательное»; чтобы уточнить: «доброжелательно-преобразовательное». Эти мои заявления не были помещены в отчете еженедельника по некоторым соображениям местного характера, как и смягчено заявление С. Н. Сирина о том, что в случае военного конфликта «мы с ВЛАСТЬЮ – против интервентов»; эта установка была им развита гораздо более подробно. Дело в том, что здесь смотрят сквозь пальцы на все то, что делается обладателями сов[етских] паспортов, – но чрезвычайно преследуется всякое выступление «нансенцев», которое хотя бы отдаленно могло бы быть наименовано «большевианством». Слова распыляются в воздухе, напечатанное попадает в цензуру МВД. Мы все это скажем и напечатаем черным по белому – но тогда, когда, как я Вам писал 1–7[1 июля. – А. К], внешние затруднения примут вполне конкретные очертания. Сейчас Вы сами считаете, что обстановка еще не «предвзрывная».

4. Клуб получил «В борьбе за Россию». Мне поручено сердечно Вас благодарить. Получено и «Наше

Время» за присылку еще 2-х экз. которого были бы крайне признательны; об этой книге напишу ниже.

5. События в Харбинском университете здесь прошли совсем незамеченными. Алексееву переданы присланные Вами материалы только на днях – раньше-то он был вне Парижа, то просто как-то не удавалось. Он просит передать Вам привет и сказать, что скоро напишет. То, что Вы пишете о роли Рериха, меня не удивляет – это шарлатан, и шарлатан вредный. Я видел его, когда он был проездом в Париже. Наши взаимоотношения сводятся исключительно к ЛИЧНО-хорошим отношениям с секретарем его парижского отдела, Г. Г. Шклявером, который, сочувствуя **ДО ИЗВЕСТНОЙ СТЕПЕНИ ПОРЕВОЛЮЦИОННЫМ УСТАНОВКАМ**, представляет Клубу почти даром прекрасное помещение. Статью Рериха мы поместили в № 3 «Утверждений» лишь потому, что она была совершенно предварительно обеззаражена – и, кроме того, оплачено место, ею занятое.

6. Понимаю вполне причины, по которым Вы не можете поддерживать переписку, как она была спроектирована. Я этого опасался – почему и запросил Вас предварительно. Спасибо за предложенное содействие – но я думаю, что для нас правильнее не обращаться к «быстродействующим связям»: вся сила нашей позиции в том, что мы будем выполнять свой долг САМОСТОЯТЕЛЬНО, без всякой поддержки – и с тем большим ЛИЧНЫМ для каждого участника риском. В этом направлении уже многое сделано – подготовительное.

7. «НАШЕ ВРЕМЯ» – книга прекрасная. О ней я дам в «Утверждениях» отзыв; попробую поместить таковой же в «ЭСПРИ» («Планы» давно скончались) – м[ожет]

б[ыть] и перевод (в выдержках) «Путей синтеза», как Вы это хотели бы. Ваши новые позиции я всецело приветствую (о чем уже писал) – если имею кое-какие возражения, то их элементарно можно свести к следующим: а) книга носит скорее ретроспективный и несколько «идеологически-автобиографический» характер, что скорее сужает ее несомненную значимость; б) приятие современного госкапитализма (да еще «пост-фактум») дает слишком много поводов к обвинению в оппортунизме, в принципиальном «кивании» на все, что происходит – и в подведении под происходящее «идеологической базы»; в) хотелось бы в ней найти некие конкретные «волютаристические» установки – вперед от госкапитализма, к новому, действительно ПОРЕВОЛЮЦИОННОМУ строю, к тому, к к о р п о р а т и в н о - к о о п е р а т и в н о у социально-экономическому устройению. С другой стороны, я всецело и горячо присоединяюсь к срочной необходимости раскрыть и обосновать ПОРЕВОЛЮЦИОННОЕ понимание бесклассового общества, дать ПОЛОЖИТЕЛЬНУЮ схему его структуры. По той же причине мы с радостью напечатали бы Ваш труд о диамате в том виде, как Вы его намечаете. Я считаю, что сейчас марксизм – в тупике и СУБЛИМИРОВАНИЕ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДОКТРИНЫ есть прямая, непосредственная и срочная задача пореволюционной мысли. Именно по этой причине мы сейчас и занялись вплотную проблемой бесклассового общества. По той же причине просил бы Вас возможно скорее (не дожидаясь полного литер[атурного] оформления) прислать мне хотя бы голые ТЕЗИСЫ предложенной работы, чтобы мы могли интегрировать Ваши суждения в подготовляемый нами документ,

которому хотелось бы придать значение «ПОРЕВОЛЮЦИОННОГО МАНИФЕСТА». Проект его пошлю Вам на критику, как только он примет реальные очертания – вероятно, – недели через две.

8. Вышеуказанный документ и должен явиться основным содержанием № 4 «Утверждений» – в ряде статей-комментариев, по каждому вопросу в отдельности. Все это спроектировано на январь. С 1-го января возобновится и «Завтра» (на ротаторе). Придать журнальный характер «Еженедельнику пореволюционного] к[омитета]» мне не хотелось бы, хотя среди моих сотрудников и намечается такая тенденция.

9. На Ваш вопрос о клубе Вам, вероятно, уже ответили первые 5 №№ этого самого «Еженедельника». Что Вы думаете об этом начинании? Сколько экземпляров Вам высылать? Или по каким адресам?

10. «Пореволюционная библиотека» начинает свои выпуск после появления «Утверждений» – ибо часть ее выпусков – отдельные оттиски статей из тех же «Утверждений».

Настоящее письмо посылаю в 2-х экз., по обоим «виа». Читал у Г. Н. Т[анасова] перевод газетной о Вас заметки. Вот идиоты!

Еще раз простите за задержку – неприличную – с ответом: надеюсь, что Вы не захотите мне отомстить – и срочно пришлете просимые тезисы. Очень важно не разойтись.

Примите мой самый искренний, сердечный привет.

Крепко жму Вашу руку

Письмо Н. В. Устрялова Н. А. Перфильеву

«Харбин, 22 ноября 1934.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Получил № 4 «По России», спасибо. Предшествующий № взят у меня полицией во время обыска, и затем, при допросе, им интересовались: откуда, кто, как? Допрашивал под руководством японца русский сотрудник, бывший студент местного юридического факультета и, следовательно, мой «ученик». C'est la vie^[383].

№ 4 составлен хорошо, живо. Но только одно очень горячее возражение: зачем это нужно было бросать неосторожные, раздражающие, **вредные** слова о «конце великой октябрьской»? Зачем воскресение родины сваливать в одну кучу с рюшками и девочками? Неужели не ясно, что восстановление родины, смягчение режима, нормализация школы, укрепление семьи и даже возрождение бытового веселья (хотя бы подчас и в уродливых формах) – неужели не ясно, что все это творится **на основе динамики** революции, а не в порядке ее кончины? Не нужно, вредно давать иное толкование событиям. Это еще можно было думать во время нэпа («термидор»), но не теперь, когда созданы

³⁸² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

³⁸³ Такова жизнь (фр.).

реально новые формы хозяйства. А, главное, такая трактовка вредна тактически: значит, чтобы «жила» революция, нужно упразднить родину и восстановить ГПУ?! Это способно лишь внести смущение в умы и укрепить позиции староверов, реакционеров революции. Подумайте об этом! Зачем бросать дразнящие (и при том неверные) лозунги?.. Надо говорить о **консолидации** революции, а не об ее **ликвидации**.

У нас как будто не исключена возможность скорого решения вопроса о КВЖД. Готовимся к отъезду домой, который состоится, вероятно, весной 35 года.

Книга моя объявлена здесь строго запрещенной, конфискована, а я сам состою под следствием; под занавес это довольно забавно...

Всего лучшего, жму руку.

Н. Устрялов»^[384].

Письмо Н. В. Устрялова Ю. А. Ширинскому-Шихматову

«Харбин, 22 декабря 1934 г.

Многоуважаемый Юрий Алексеевич!

Спасибо за Ваше письмо 30/XI, было очень приятно его получить. Вашу позицию отлично понимаю. Весьма хотелось бы повидаться лично. Думается, теперь это было бы полезнее, чем когда-либо. Кто знает, может быть, даже и доведется, только попозже.

³⁸⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

Последние месяцы сплошь посвящаю ликвидационным делам: 15 лет жизни в Харбине! Привожу в порядок архив, – уже препарирую сейчас восьмую сотню страниц на машинке, и не уверен, добрался ли до половины. Возможно, что немало и хлама, но... будем тешиться иллюзией «долга перед потомством».

Времена и сроки отъезда нашего, несомненно, близятся, но точно их определить нелегко. Я заключил месяца три тому назад пари, что соглашение о дороге будет заключено не позднее 1 марта. Думаю, что его выиграю, хотя полной уверенности нет. Так или иначе, летом поедem домой, *si fata* и Политбюро *sinant*. А дальше – видно будет.

Поглощенный прошлым, не имею времени заниматься настоящим и будущим. Поэтому философскую работу пришлось отложить до полного расчета с архивом. Кстати, знаете ли Вы брошюру Лосского о диамате? В основном я считаю его характеристику правильной, только его суждения требуют более подробной документировки.

Здесь ситуация сейчас как будто тоже не «предвзрывная». Есть некоторые признаки усиления активности Японии в адрес Северного Китая. Если эти признаки не обманут, значит, можно ожидать некоторого – пусть временного – смягчения японо-советских отношений. Возлагают надежды на пребывание в Токио Трояновского, совпавшее с поездкой в Токио же московского японского посла Оста. Нужно думать, обсуждаются немаловажные вопросы, и от результатов обсуждения будет зависеть многое.

Хорошо понимая Вашу нынешнюю позицию при наличной обстановке, думаю все же, что, если эта обстановка изменится, – не следует Вам **практически** останавливаться на полпути и бояться «быстродействующих связей». Между прочим, это отнюдь не должно мешать Вашей самостоятельности, и не нужно «связь» отождествлять с «поддержкой». Ну, довольно пока об этом.

Рерих уехал отсюда с превеликим скандалом, затравленный японо-фашистской прессой за «масонство» и прочие грехи. По делам вору и мука. По-видимому, японцы убрали его, как подозреваемого в американофильстве.

Факультет продолжает влачить жалчайшее существование. Мы не имеем к нему никакого отношения. Говорят, сюда едет для академической работы К. И. Зайцев, – видно, уж очень плохо в Париже, если человек решается на такой нелепый и отчаянный шаг!

Мое глупое дело с книгой застыло, но книга решительно запрещена. Кстати, буду благодарен за подчеркивание в отзыве **подлинного советофильства** книги и, б[ыть] м[ожет], даже некоторого «разноса» за это. Это было бы гораздо лучше, чем подчеркивание моих ересей, что сделала «Млад[ая] искра».

Крепко жму руку.

Ваш *Н. Устрялов*^[385].

³⁸⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

Письмо Н. А. Перфильева

«1 января 1935 г.

Многоуважаемый Николай Васильевич!

Получил Ваше письмо и выписки. Статья Бухарина у меня уже была отложена. Каким провинциализмом несет от заметки о том, как Вы «выпустили красное тайное печатное произведение». Надеюсь, эта глупая история благополучно для Вас закончилась. Относительно статьи Писарева: «о конце великой октябрьской». С Вашими возражениями я вполне согласен. Автор ее также согласился (когда я ему прочел Ваше письмо), что эти возражения вполне основательны. Мы еще раньше высказывали ему приблизительно то же. Но ему обязательно хотелось поднять этот вопрос, чтобы услышать возражения. Он еще очень молод, и взгляды не совсем окрепли. Теперь он написал большую статью, трактующую о советской авиации. Выпускаем ее отдельным изданием. Недели через две смогу Вам ее выслать.

С выпуском «Евразийца» происходит заминка главным образом из-за парижских евразийцев, занимающих теперь позицию ликвидаторов.

Я несколько раз писал парижским евразийцам относительно помещения рецензии на «Наше время». У них там есть возможности, я знаю, но так трудно их раскачать.

С Прагой отношения не налаживаются, и обмениваемся мы только книгами и журналами.

Хотелось бы так же, как и Вы, «готовиться к отъезду домой», к сожалению, препятствия на пути огромные.

С Новым годом!

Дружески Ваш *Н. Перфильев*^[386].

Письмо Н. В. Устрялова Н. А. Перфильеву

«Харбин, 19 января 1935.

Многоуважаемый Николай Александрович!

Получил Ваши письма от 20 ноября и 1 января. Спасибо. С Новым годом!

Вы сообщаете о «ликвидаторстве» парижских евразийцев. У меня за последнее время что-то прервалась связь с Чхеидзе, а из последнего письма Ш[иринского] – Шихм[атова] неясно, что поделывают тамошние Ваши товарищи. Пишет только, что Н. Н. Ал[ексеев] интенсивно работает спецом в пореволюционном клубе. В чем же дело и что «ликвидируют» парижские евразийцы?

Со своей стороны, я сейчас целиком ушел в прошлое, и все продолжаю ворошить архив своей памяти и своего письменного стола. Сейчас оживляю омский период жизни – не для печати, а опять-таки для архива. Через две недели – пятнадцать лет, как приехал я в Харбин из Иркутска, унося ноги и готовую схему национал-большевизма. Пятнадцать лет! И вот теперь – кончается харбинский период жизни, коему, прежде нежели он кончится, небесполезно подвести кое-какие

³⁸⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

итоги. Целиком ушел в это дело, – тем более, что другого нет.

На родине – опять драматические события. По-видимому, их надо понимать так, что революция, вступившая в конструктивную свою фазу, вызывает к себе ненависть негативных революционеров первой эпохи и, в свою очередь, расправляется с ними. Даже те из этих людей, которые не точили террористических ножей, – ходили по Москве воплощенной укоризной. Они больше не ко времени: таков, надо полагать, политический смысл всего кировского комплекса. Впрочем, об этом можно говорить и спорить без конца.

С нашим юридическим факультетом мы порвали целиком и навсегда, – всецело по вине, вернее, желанию наших эмигрантских коллег. Признаться, порою грустновато без привычного и любимого занятия. Но ничего не поделаешь.

Всегда рад Вашим письмам.

Ваш *Н. У.*»^[387]

Письмо Н. В. Устрялова Ю. А. Ширинскому-Шихматову

«Харбин, 16 февраля 1935 г.

Многоуважаемый Юрий Алексеевич!

Хочу поделиться с Вами впечатлением от № 5 «Завтра», недавно мною полученного (спасибо!). Номер очень интересный, содержательный, явственно и четко

³⁸⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

выражающий облик пореволюционного клуба. Отрадно, что Ваша позиция ныне не оставляет и тени сомнения в смысле патриотизма и не имеет ничего общего ни с каким пораженчеством. Журналом осознана также установка действительно **пореволюционная**, т. е. имманентная революция, точнее – проявлена искренняя воля к такой установке. Учтена революционная динамика. Почувствован тонус наличной советской действительности и, в основном, вдумчиво оценен. Все это очень радует в книжке.

Но хотелось бы отметить и сомнения, ею вызываемые. Сомнения, – не со стороны, а с того же берега.

Мне кажется, прежде всего, что журнал дает неправильную оценку сменовеховской идеологии. Быть может, внешняя, историческая судьба сменовеховства располагает, даже подстрекает к отмежеванию от него. Это линия малого сопротивления. Но, пожалуй, можно было бы мужественно преодолеть ее соблазн. Справедливость требует признать, что первым по времени и сильнейшим по вызванному резонансу носителем национал-большевистской идеи было все-таки именно сменовеховское движение. Неверно, что смена вех была односторонней и немой Каноссой. Когда я писал в начале 1922 года, что наш путь в Каноссу укорачивается благодаря встречному движению самой Каноссы, – я формулировал центральный тезис смены вех, ныне, тринадцать лет спустя лишь повторенной редакционным предисловием Вашего журнала. Думается, не следовало, повторяя этот тезис, безоговорочно отмахиваться от его авторов (говорю не о себе, а именно о сменовеховстве).

Сменовеховцы «бесследно» растворили себя в атмосфере родной страны. Но кто знает, – быть может, в нынешней мажорной национализации Октября (кстати, тоже ведь старая – 1925 – см[ено]в[еховская] формула!) своеобразно претворен и наш идейный импульс, химически всосавшийся в тело и душу революции! Ошибаясь во многом, мы в главном не ошиблись; теперь это ясно как день.

В этой связи худо, прямо безвкусно звучат крепкие слова И. Ильинской по адресу возвращенцев: «лакеи», «холопы», «покаявшиеся прихвостни». Тут полное непонимание сложного воздуха революции и... ущерб любви к реальной, настоящей, а не фантастической родине.

Грешно и вместе с тем политически близоруко, просто неумно пореволюционерам бросать бранные слова по адресу людей, едущих на родину и тем самым, разумеется, принимающих на себя нелегкое бремя государственной дисциплины, обязательной для всех граждан. «Хочу быть с моим народом, – разделить его судьбу, и идти вперед вместе с ним» – вот психология возвращенчества.

На днях мне рассказывал знакомый иностранец любопытную сценку, свидетелем которой он был.

Встречаются в одном из портовых европейских городов два старых русских моряка: один приехал на советском корабле, другой – эмигрант. Последний упрекает первого: как ему не стыдно служить большевикам, быть холопом и покаявшимся прихвостнем. Тот отвечает: «Лучше быть холопом своей страны, нежели лакеем в европейских барах».

Должен прибавить, что симпатии рассказывавшего мне эту сценку иностранца (человека квалифицированно интеллигентного, – профессор) были всецело на стороне советского моряка.

Со своей стороны, я вовсе не хочу в чем-либо упрекать пореволюционных невозвращенцев и отлично понимаю их личный статус (сам я как раз никогда не был энтузиастом скорострельного возвращения – и в особенности для политических идеологов). Но пусть же и невозвращенцы воздержатся от дешевых нападок на тех, кто ценит советское гражданство и готов добиваться его хотя бы и дорогой ценой; с точки зрения действительно пореволюционной, **нельзя осуждать** возвращенцев. Нужно помнить, что акт возвращения есть не что иное, как готовность оторванных от своего государства людей разделить вместе со всем населением страны выпавшую на его долю судьбу, с ее повинностями и тяготами. Если упрекать в холопстве возвращенцев, то тогда уже нужно – будучи логичным – бросать тот же упрек и **всему населению СССР** (что и делают твердолобые белогвардейцы). Пусть люди «Завтра» честно и бесстрашно продумают эту проблематику до конца. Иначе они все зовут себя пореволюционерами.

Дальше. Журнал упорно противопоставляет «великий русский народ» советскому госкапитализму, «бездушной и тупой коммунистической всесильной бюрократии». Мне кажется, не следует злоупотреблять этим противопоставлением. Великая стройка наших дней есть, несомненно, дело великого русского народа, **но – народа, организованного и направленного ведущим партийным слоем.** Ком[мунистическая] бюрократия плоховата, но без нее не обойтись, и вряд ли стоит на новый лад заводить антибюрократическую

погудку наших дореволюционных либералов. Да, партия мучила и мучит народ, но без этих мук, разумеется, не было бы и материала для пореволюционного пафоса, – не было бы ни пятилеток, ни социальной правды, ни национальной силы, которыми он, этот пафос, теперь вдохновляется. В статье А. Зигона правильно утверждается глубокая **народность** коммунистической партии и советского правящего слоя (стр. 22), что, впрочем, не мешает автору на следующей же странице беспричинно «отвергнуть» идею примирения с наличной властью. Странное сцепление! Старинная интеллигентская одержимость «ледяным ознобом абстракции»! Неужели не очевидно, что, при всех ее пороках, лишь компартия может сейчас руководить процессом переделки страны? Само собою разумеется, что меняется страна – меняется и компартия, и «прятие» наличной власти меньше всего означает отречение от революционной динамики. Напротив!

Сюда непосредственно относится и вопрос об «идеологии». Я хорошо понимаю желание усвоить курс «наперерез» пути революции, прыгнуть разом в завтрашний или послезавтрашний день. Пусть зарубежные пореволюционеры смотрят вперед и продумывают грядущее. Но пусть они все-таки помнят, что завтрашний день в значительной мере обусловлен и насыщен сегодняшним, истинно «великим». Опять-таки очень правильно Ильинская говорит о «людях, закалившихся в суровой школе марксистского материализма». Но, как и Зигон, она не желает сделать вывода из этой истины. Преодоление этих «догм» будет происходить – и уже частично происходит – на их собственной почве. Но «школа» – въедлива. И сами символы, слова, знамена – не будут свергнуты, да и не

должны быть свергнуты: не следует забывать, что они – **пластичны**. Киреевский некогда говорил о силе, которой «намагнитили» Иверскую икону («доску») вековые молитвы верующих. Можно сказать, что наш «марксизм» приобретает аналогичную живую силу, поскольку именно под его флагом творится новый мир, возрождается наша страна тяжкими путями страданий, лишений и героизма. Следует помнить эту сторону дела, обрушиваясь на «мертвящие формулы». Иначе заветной «встречи молодых» не произойдет, пожалуй, еще очень долго. В одном из Ваших последних писем Вы весьма удачно обозначили Ваше отношение к советской идеократии как «доброжелательно-преобразовательное». К сожалению, оно далеко не везде выдержано журналом.

И, наконец, последнее замечание. Должен сознаться, что я считаю совершенно неудачным лозунг «солидаризм». В самом деле, к чему эта многовидная марка, затасканная всеми буржуазными барахолками? Право, она меньше всего к лицу заправским пореволюционерам, – предоставьте уж ее политическим контрабандистам, либо мелкотравчатым эклектикам, вроде здешнего г. Гинса. Иначе опять-таки, при всей волюнтаристической устремленности в новый мир революции, люди «Завтра», сами того не замечая, погрязнут во вчерашнем дне...

Зачем отказываться от лозунгов, имманентных революционной диалектике? В этом отношении «бесклассовое общество» – прекрасный стяг! И чем, в сущности, плох «социализм»? Вот где удобнее поле встреч, и именно оно подлежит всевозможной обработке и орнаментировке.

Ну, кажется, главное написал. Я предназначаю эти беглые заметки для Вас и Ваших ближайших друзей, а **не для печати**. Простите, что откровенно, не смазывая углы, скорее, их заостряя, высказал свои сомнения и возражения: быть может, они кое в чем окажутся Вам небесполезны. Конечно, я учитываю не только сознание Вашей среды, но и ее бытие. Тем более прошу считать это мое письмо частным и доверительным.

От души желаю успеха клубу и Вашим дальнейшим печатным выступлениям.

Крепко жму руку.

Н. У[стрялов]»^[388].

Из письма Н. В. Устрялова А. А. Котельникову

«Харбин, 13 февраля 1931 г.

Да, дорогой Александр Александрович, теперь вот конкретно, на всей своей жизни, на всем сознании своем ощущаешь некий радикальный антиномизм собственной «переходной» природы! Нам чужды Милюковы и Струве в их застывших позах думского десятилетия. Но мы не в состоянии также, подобно Есенину, «задрать штаны, бежать за комсомолом».

Чувствуешь, знаешь, что русские события огромны и по-своему глубоко осмысленны. Только теперь вплотную раскрывается их несравненная историческая значительность. Но, сознавая ее и всею душой живя с

³⁸⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

наличной, реальной Россией, будучи готов, кажется, на любую аскезу ради посильного участия в ее развитии, понимаешь, что **уже не годишься** (иногда утешаешь себя: **еще** не годишься), **не подходишь**. Кое-кто из моих друзей, вернувшихся из эмиграции в Москву, пылая большими надеждами, быстро оказались отброшенными на задворки жизни, как «чуждый элемент». Года три тому назад меня, как и Вас, приглашали вернуться и даже предлагали кафедру в Московском университете. Но в откровенных беседах я вынужден был вскрыть всю эфемерность этого заманчивого плана: кафедра не выдержит меня дольше двух недель, либо придется мне начисто перестать быть самим собой <...>, что, впрочем, все равно кафедры за мной не удержит... Такова объективная обстановка, и менее всего следует кого-то винить, что она именно такова.

Что же делать? Прежде всего, **понимать** и не ожесточаться духом, подобно Н. А. Цурикову. Драма нашего слоя и нашего поколения не есть еще драма России, переживающей замечательнейшую эпоху своей истории. И, не будучи в состоянии мыслить и действовать «по генеральной линии на все сто процентов», мы, думается, ни в коем случае не должны **мешать** процессу и еще менее, Боже упаси, вместе с Миллерами строить козни своей стране вкупе с поляками и румынами.

Евразийцы за последнее время почему-то осаждают меня вопросами – зачем я проповедую «пассивность»... и сами вслед за другими эмигрантскими группочками поднимают квази-организованный шум, принимая вульгарнейшую вампуку за «активность». Совсем зря! С России, право, хватит пока и одной партии, а строить «правлящий слой» в Праге и Брюсселе значит в корне утратить чувство смешного. У евразийцев есть свежие

мысли, – тем обиднее, что они, по-видимому, не избегнут печальной участи зарубежного ridicule... Н. С. Трубецкой и Н. Н. Алексеев, кажется, делают именно то, что нужно: занимаются государственным правом, «историософией» и т. д., – но молодежь жаждет «активности», и они не могут или не хотят ее остепенить...»^[389]

Письмо Н. В. Устрялова С. В. Дмитриевскому

«Харбин, 5 октября 1932 г.

Многоуважаемый С. В.

Спасибо за письмо. Отраднo, что, – насколько можно из него понять, – Вы освобождаетесь от увлечения зарубежным призрачным активизмом. Мне кажется, – простите за искреннее суждение, – увлечение это досадно вредило Вашим выступлениям последнего времени. Без призывов к активности они были бы гораздо актуальнее и без ударных эффектов куда эффективнее. Особенно же, признаться, неожиданным показалось мне заявление Ваше в Праге о «двух легальностях», – советской и легитимно-монархической, – и о предстоящем якобы нашей стране благотворном переходе от первой ко второй. («Мл[адая] искра» от 1 марта с. г.) Если Вы теперь прочно преодолеваете эту «стадию иллюзии», – остается лишь Вас поздравить и пожелать решительного, открытого заявления Вашего на этот счет, дабы не было недоразумений и недоговоренностей.

³⁸⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

Не беда, если, в результате, Вашим именем перестанет козырять младоросская элита. Право, ее козыри малого стоят, как и кирилловские производства в чины. Правда, одиночество – вещь не слишком и не всегда приятная; но в наличных условиях оно – скорее сила, чем слабость. Что касается меня, то я уже давно в нем упражняюсь... и предпочитаю его сомнительному обществу.

Допустим, старик Макиавелли прав: «безоружный пророк не торжествует». Но вопрос – и Вы сами это справедливо отмечаете – в «лекарях и лекарствах». Что есть «оружие»?.. Надеюсь, Вы скоро придете, если уже не пришли, к заключению, что всякую мысль о зарубежных политических **организациях** и **партиях** нужно бросить. Рассчитывающий на них, – опять из Макиавелли, – «строит на грязи».

Наблюдая вблизи харбинскую эмигрантскую молодежь, я не имел непосредственных впечатлений от европейской, – лишь посильно слежу за ее литературой (не сказать, чтобы слишком обнадеживающей). Был бы Вам очень благодарен за описание ее живого, конкретного облика, как он рисуется при соприкосновении с ней. Что до ее **организации**, то Милюков, думается, прав, говоря о младоросском «маскараде». По крайней мере, «Искра» клонится неудержимо в сторону самой банальной, самой скучной старосветской реакции. Недаром она братается уже с Марковым Вторым. А эти титулы! И стиль старого «Инвалида» и офиц[иального] отдела «Нового времени»! При таком фоне, их «гитлеровщина» неизбежно обертывается **зубатовщиной**.

И до чего натянуты и недиалектичны всякие аналогии между этой средой и «женевским» Лениным. Странно, как могли Вы впасть в такую aberrацию. Все – другое: и там, и здесь. Не течет река обратно.

Если Вы окончательно усваиваете «цезаристскую» установку (в коей, кстати сказать, старался некогда уличить меня Бухарин: «Цезаризм под маской революции»), – вероятно, Вам придется пересмотреть всерьез и позиции Ваши в проблемах внешней политики и обороны страны (ныне даже и Милюков вслед за Троцким ухватывается за «клемансистский тезис»), да и общую тактическую инструментовку выступлений. Словом, – с интересом буду ждать манифестации того «духовного возвращения на родину», о котором вы пишете.

Как ни плохо способны письма заменить личную беседу, – рад нашему заочному знакомству.

С искренним приветом *Н. Устрялов*^[390].

Письмо Н. В. Устрялова С. В. Дмитриевскому

«Харбин, 17 февраля 1933.

Многоуважаемый С. В.

Получил Вашу закрытку от 22 января. Из нее явствует, что второе Ваше письмо (ответ на мое от октября) затерялось в пути. Очень жаль.

³⁹⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

Статьи Ваши в «Искре» читаю. Очень меня, признаться, интересует: чем объясняется антисемитский душок в Ваших писаниях? Что это – тактика или «идеология»? Не скрою, мне антисемитизм был всегда чужд (в общественной работе и в мирозерцании). Какой смысл вводить его в публицистику? Если и правда, что «Сталин» – практический антисемит, то словами он, разумеется, никогда этого не признает – и будет трижды прав. Мне непонятны политические мотивы Вашего антисемитизма, столь, по-видимому, пришедшегося по сердцу нашей золотой (пусть облупившейся) молодежи зарубежья. Кстати, разрешите повторить вопрос прошлого письма: что представляет собою младоросская среда? Я продолжаю опасаться, что не ошибся в ее характеристике: «помесь снобизма с недомыслием и вырождения с позой чести». Во всяком случае, то, что сюда доходит от «двора» Кирилла – производит совершенно убийственное и неизменно комичное впечатление. А, судя по всему, младороссы принимают этот двор и этого Кирилла всерьез.

За последнее время я не печатал ничего, кроме нескольких газетных статей. Прилагаю последнюю, только что напечатанную в местной советской газете статью о Гитлере, а также статьи о школе. Если Вы не читали полностью статьи моей о «Новом граде» (на которую отвечал Федотов) и если она представляет для Вас какой-либо интерес, могу Вам ее послать.

Насколько можно судить отсюда, Вы занимаете и среди эмиграции, и среди невозвращенцев позицию вполне изолированную. Остается пожелать, чтобы эта изоляция была «блестящей». Думается, она будет тем плодотворней, чем менее будете Вы в своих писаниях

исходить из расчетов на эмиграцию и ее «общественное мнение».

Здесь на КВЖД[Китайско-Восточная железная дорога] работают несколько товарищей, помнящих Вас по работе в НКПС[Народный комиссариат путей сообщения]. И один (д[окто]р Гиллерсон) – знавший Вас по НКВД[Народный комиссариат иностранных дел].

Злоба сегодняшнего дня – конфликт держав с Японией. Если он углубится, наше положение на Дальнем Востоке улучшится и упрочится. Счастливая звезда не изменяет большевистской революции: международно-политическое положение СССР сейчас не внушает опасений, по крайней мере, непосредственных. Вопрос вопросов – в экономических результатах аграрной политики. Основная – военная – цель индустриализации, по-видимому, в значительной мере достигнута. Теперь дело за хлебом насущным. Был бы счастлив ошибиться в своем старом опасливом отношении к современному курсу в деревне!

Рад буду получить от Вас письмо.

С искренним приветом. *Н. Устрялов*^[391].

Письмо Н. В. Устрялова В. В. Ламанскому

«Харбин, 17 сентября 1933 г.

Дорогой Владимир Владимирович!

³⁹¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

Весьма приятно было получить от Вас весточку и не менее приятно из нее узнать, что Вы чувствуете себя в Шанхае не плохо. Вы правы, радуясь, что прожили два последних года вдали от Маньчжурии. Трудно представить себе, насколько за эти годы изменилась к худшему жизнь здешней русской колонии, насколько подвинулся вперед процесс ее всестороннего упадка и распада. Нельзя тут жить, не ощущая глубокой психической депрессии. Конец – и очень печальный – заведомо предрешен, ощущаешь собственное – индивидуальное и коллективное – бессилие, и остается лишь «следить за собственным умиранием острым взором опытного врача».

Советская колония, в большинстве связанная со своей страной, разумеется, переживает все это значительно спокойнее, нежели эмиграция и люди, укоренившиеся в Харбине. Много народа уезжает в СССР. Между другими, уехали Н. И. Морозов с семьей, Волонцевич, многие учителя. Как видите, и «голосование ногами» бывает разное. Многим здесь так плохо (нищета, бандитизм), что приходится сознательно предпочитать домашние трудности зарубежным.

Политическая эмиграция (по Вашему определению, «руководящая или хотящая руководить верхушка») представляет собою ныне зрелище еще более плачевное, нежели два года назад. Какой-то сплошной неприличный анекдот, в местных условиях сейчас, однако, далеко не смешной, – во всяком случае, **не только** смешной. Ну, Бог с ним...

Наши субботники живут и поныне. Настроение? Конечно, не слишком веселое. Стареем, тяжелеем, болеем, хиреем, обывательски тревожимся завтрашним

днем. Много печального доходит и с родины. Процесс очень затяжной и очень болезненный. Многое выходит не так, как ожидалось, как, думалось, должно было выйти. Но – и тут по-прежнему мы с Вами расходимся – нет у меня ни малейшего желания «голосовать» головой, применяясь к пируэтам наших бедных ног. Не нужно думать, что мудрая максима зеленого поля «ноги умнее головы» применима к явлениям большой истории и большой политики. Не следует смешивать функций верхней и нижней частей тела.

По-прежнему я не вижу силы, способной заменить в современной России советскую диктатуру. По-прежнему я думаю, что эта диктатура исторически является варварской формой самосохранения и развития нашего варварского народа. Нашему брату, старому интеллигенту, вкусившему дореволюционную сладость жизни, особенно чувствительны шипы режима; не спорю, чувствуют их и не только интеллигенты. Но, кроме шипов, режим имеет и свои сильные, очень сильные стороны.

Нельзя не радоваться, следя по иностранной прессе за ростом международного престижа нашего государства. Эту основную интуицию «устряловщины» я и доселе считаю вполне предметной. Больше того, – время ее оправдывает. Вянут интернационалистские иллюзии революции, – четче и жестче обрисовываются черты ее национально-государственного облика. Подлинный **национал-социализм** цветет не в Германии, а именно у нас.

Тяжелее, спорней, сомнительней крестьянская политика диктатуры. Но... чтобы «порадовать Вас громким голосованием», нужно было бы иметь в кармане

секрет спасения. Его нет ни у меня, ни, думаю, у Вас. Остается рассчитывать на внутренние силы страны и внутреннюю имманентную логику процесса. Ужасы второй аграрной революции в этом году как будто начинают уже смягчаться. Кое в чем подались назад, кое-что усвоено из нового. C'est la vie?

Как видите, я не кричу о «войне до победного конца». Но меньше всего склонен обернуть этот лозунг и в другую сторону: мол, советский Карфаген должен быть разрушен. Нет, никакого проку из его разрушения не проистекло бы.

Не только «ноги», но и «сердце» людей нашего типа отталкивается от многого, что творится *там*. В этом наша большая личная драма: мы не способны «задрать штаны, бежать за комсомолом». Но разумом приходится не только «понять и прощать», но даже и «оправдать»... ни то и ни се, а «все» en bloc??. Раньше это «оправдание» выходило у меня бодрым и бравурным, теперь оно окрашивается грустно-лирическим тоном и некой жалостью к самому себе (нам, видно, суждено остаться на отлете), – но оно не перестанет от этого быть менее сознательным. И теперь, когда здесь кругом липовые совграждане гуртами стремятся, учитывая обстановку, бежать по пути Вонсовича 29 г.^[392], – я не только из приличия, но и по крайнему своему разумению остаюсь при старых, Вам известных позициях...»^[393]

³⁹² Вонсович, сов[етский] гражданин, в 1929 году демонстративно отказался от гражданства во время советско-китайского конфликта. (Примеч. Н. В. Устрялова.)

³⁹³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

Письмо А. А. Котельникова

«Афины, 20 ноября 1933 года.

Глубокоуважаемый и дорогой Николай Васильевич!

С большим опозданием получил Вашу книгу о национал-социализме, прочел ее с величайшим интересом. В настоящее время ее вырывают у меня почти силой мои соотечественники, которых, естественно, события в Германии интересуют с каждым днем все больше.

У нас здесь преобладает мнение, что германскому фашизму уготована иная судьба, чем фашизму Муссолини. Как ни странно, но в настоящее время и СССР, и Италия являются в наших глазах наиболее верными оплотами мира. Опасность пожара, которая еще недавно могла пугать, в настоящее время устранена, и русский коммунизм, и итальянский фашизм закапсюлированы, их никто не боится. Иное дело Германия. Германия, конечно, не вдвое сильнее Италии, а во много раз. Промышленность Германии, думаю, равняется промышленности всей Европы. За национал-социализмом, с его немудреной философией и квазинаучными ссылками на биологию, стоит крупная германская промышленность, которая не может жить без новых рынков, а следовательно, без войны. Итальянский фашизм, фашизм крестьянский хочет мира, война для него разорение, даже победоносная. Вот почему речь Муссолини о миролюбивой Италии, произнесенная года два тому назад, возымела такое влияние на фашистские круги Италии. Только с этого момента сами фашисты почувствовали, что Муссолини выражает сокровенные настроения всей страны. В Германии дело обстоит иначе.

Гитлеризм не сможет остаться пацифистским, потому что окажется в противоречии с жизненными интересами страны. Война нужна германской промышленности, без войны страна обречена на медленное умирание, т. е. то состояние, которое наблюдается в Германии в настоящее время. Явно, что статистика безработных оперирует с фальшивыми данными... Если так, то в будущем возможно только два исхода: или гитлеризм будет уничтожен вооруженным усилием европейской коалиции, или мы будем свидетелями торжества Германии... так думает у нас просвещенное большинство... Мне же лично кажется, что германский фашизм пойдет по стезе итальянского. Я даже заключил пари на пятилетний срок и утверждаю, что за это время не случится никаких столкновений вооруженного характера, вызванных Германией. Пари я держу с одним болгарским общественным деятелем и В. И. Лебедевым, бывшим морским министром Временного правительства...

Как Вы поживаете, какие Ваши ближайшие перспективы?.. Я думаю пробыть на службе еще около года, после этого останусь в Греции, но что буду делать, еще не знаю...

Привет сердечный, крепко пожимаю руку, еще раз благодарю за память и книгу,

Ваш *А. Котельников*»^[394].

³⁹⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

Из письма Н. В. Устрялова А. А. Котельникову

«Харбин, 28 февраля 1934 г.

Дорогой Александр Александрович!

Подобно Вам, я не разделяю алармистских прогнозов нашего «просвещенного большинства» и склонен думать, что Вы выиграете Ваше пари с болгариним и Лебедевым. Правда, пятилетний срок, по нынешним временам, достаточно длинен, и трудно быть в чем-либо уверенным, но все же, думается, даже и у Гитлера хватит здравого смысла – «из-за страха смерти не кончать самоубийством». Едва ли ситуация повернется к нему столь благоприятно, что он сможет начать войну с шансами на успех.

С чувством большого удовлетворения читал и читаю национал-советские статьи П. Н. Милюкова. Трогательный старик! Помрет – и ведь некем его заменить в эмиграции, вовсе некем. И гибкость мысли, и мужество мысли. Правда, не хочет или не может довести свою мысль до конца, но и то, что говорит, делает ему честь. Может быть, это и лучше, что он сохраняет **ВИДИМОСТЬ** антисоветской позиции, при несомненном тактическом повороте в сторону СССР: при более крутом повороте, он слишком оторвался бы от своей аудитории (что случилось со мною в 1920 году)...»^[395]

³⁹⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

Записка Е. Е. Яшнова

«27 июня 1934 года.

Я уже говорил Вам, что основные недостатки и Вашей статьи^[396], и почти всех евразийских выступлений по поводу ее заключаются в оторванности от плоти жизни; тут более надуманности, чем подлинного ощущения действительности. Не скрыв настоящих в их психических и физических глубинах причин современного кризиса, нельзя говорить и о путях исцеления. Вы напоминаете врача, который, не поставив диагноза, уверяет, что больной излечится смесью уже принимаемых им лекарств. Конечно, самая постановка диагноза в наших условиях неизбежно окажется субъективной. Но все же тогда получилась бы логическая схема: я понимаю болезнь так-то и предлагаю такое-то лечение. А в настоящем своем виде статья меня не удовлетворяет.

Я лично воспринимаю ситуацию так. Белая раса (в силу многих причин, о которых мы отчасти говорили ранее) утрачивает былую дисциплинированность, расовую и национальную спайку и вступает в полосу социального распада. Массы населения развинчиваются и вульгаризируются, заражая ядом разложения и часть верхов. Со своими техническими достижениями она до известной степени напоминает французского

³⁹⁶ По поводу моей статьи «Пути синтеза». (Примеч. Н. В. Устрялова.)

В заключительном слове Горький, между прочим, сказал, что по цифрам госуд[арственного] изд[ательства] 75 % всей изданной художественной литературы оказались «недостойными второго издания», что и привело к лозунгу о повышении качества ее. Вот причина тревоги, переживаемой массой советских писателей. (Примеч. Скитальца.)

парикмахера, выигравшего пять миллионов. Он отрывается от привычного уклада, ссорится с женой, ругает детей и, не научившись как следует управлять «роллс-ройсом», давит встречных в своем бесцельном слонянье по свету. Но для отдельного парикмахера остается надежда, в конце концов, успокоиться, вернуться к семье и мирно закончить жизнь. Но социальная, как и биологическая, эволюция наций и рас не обратима. Вавилонские башни цивилизаций не способны «доживать» свой век: они разрушаются всемирными социальными потопами.

Вопрос осложняется еще тем, что белое человечество не одно на земле, а довольно остро противостоит цветным расам. На протяжении даже короткой нашей жизни мысль о желтой опасности стала уже не галлюцинацией отдельных капризных умов, а реальной действительностью. И я не сомневаюсь, что процесс распада европейской культуры будет значительно ускорен давлением извне.

С такими предпосылками в сознании я, естественно, скептически отношусь к Вашим попыткам наметить будущее. Мало того что Вы не определяете болезни, Вы и в лечении ее целиком исходите из сегодняшнего дня. Подумайте сами, что бы при таком способе «синтеза» Вы могли предсказать лет двадцать назад? Или Вы предполагаете, что предстоящее двадцатилетие будет менее богато неожиданностями? Наша эпоха революционна в подлинном смысле слова. Она гораздо революционнее самого коммунизма. Рассчитывать на **ЭВОЛЮЦИЮ** идей теперь не приходится. В частности, нужно никогда не забывать, что переживаемый нами экономический кризис (кризис капитализма, как его части – и, на мой взгляд, ошибочно – называют) есть

сравнительный пустяк; это – лишь деталь общего социального кризиса (или кризиса культуры).

С сожалением вижу, что и в евразийстве еще слабо ощущение действительного трагизма нашего времени.

«Фашизм и коммунизм движутся единой интуицией» – эта мысль близка евразийству; история пойдет по этому пути, – заявляет Савицкий.

Мне тут, равно как и в ряде других мест, приходится только пожимать плечами.

Но писать обо всех частностях долго.

Е. Л.»^[397]

Письмо В. В. Ламанского

«Циндао, 30 августа 1934.

Дорогой Николай Васильевич!

Спасибо Вам за Вашу книгу, присланную мне Вами со Штирнером. Покаюсь Вам откровенно: произвела она на меня крайне тягостное впечатление. И по тону и по нацелке напомнила она мне письма Сталину от кающихся коммунистов неудачного уклона, как обязательное условие приема вновь в партию. Что ж? Может быть, Вам и впрямь пора подумать о безболезненном возвращении в СССР. Ведь эмигрировать и не быть «эмигрантом» можно только в Харбине и притом в единственной позиции, держась за трапецию КВЖД.

Не удовлетворяет меня книга Ваша и с другой стороны. Анализы происходящего в России в том виде,

³⁹⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

как они у Вас, то же, что история театра, написанная на основании единственно собрания афиш, программ и плакатов. Виноват, впрочем, Вы пользуетесь также газетными отчетами о премьерах и постановках.

Ваша статья о синтезе представляется мне непродуманной до конца. Генеральная линия верна, капитализм рушится повсюду, коммунизм – лучшая и самая высокая форма социальной религии, фашизм – уязвленные национальные судороги... какой же возможен синтез, раз идет последний решительный бой и мир вступает в свой апокалиптический период, а мы знаем, что в этом бою будут применены со стороны «верующих» все завоевания науки и техники и «генеральная линия» не будет знать пощады. Это – обреченность, а не синтез. Едва ли придется потом видеть возрождение христианства в том, что новые Луначарские будут писать драмы и ставить фильмы, в которых будут изредка мелькать библейские или евангельские личности.

У меня ужас перед фактом, что в мире завелась сила, могущая (теперь это уже доказано) выкорчевывать старую жизнь. Человечество вступило на путь культурных растений, которые можно выращивать любого вида и любого сорта и заменять культурными насаждениями все виды диких зарослей. Пока этот процесс происходил беспорядочно, заменяясь подчас попятным движением, пока не было групп, захвативших власть и осмелевших настолько, что к человеку стали применяться приемы плодосмена (понадобились вместо зерновых корнеплоды!) и корчевания, можно было говорить о красках истории, о каком-то участии в культуре и духовной жизни. Теперь же – только

очередь, вызываемая продвижением нового сектора в плане посева и общего человеческого корчевания.

Вот мысли, которые навела на меня Ваша новая книга. Грустно, что люди «плюрастического» склада так податливо сдают перед соблазнительным «монизмом», пускаясь во все тяжкие софизмы, чтобы волонтарно выработать успокаивающие выводы.

На днях, через 2 дня, возвращаемся в Шанхай, где начинается зимняя работа. Мы дивно отдохнули в Циндао. Я никогда не думал, что в Китае имеется такое чудное место.

Шлю привет и жму руку.

Ваш *В. Ламанский*^[398].

Письмо Скитальца

«Москва, 3 сентября 1934 г.

Шлю привет

Дорогому Николаю Васильевичу и всей Субботе!

Письмо получил, но пишу не только по этому поводу, а потому, что выяснилось, наконец, мое положение здесь: прошу извинить за долгое молчание.

Вкратце сообщу факты о себе: ехали с комфортом. Встречены были делегацией оргкомитета. Устроены в первоклассном отеле «Националь», где останавливаются только интуристы и где живем до настоящего времени.

³⁹⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

Живем хорошо. С квартирой дело затянулось, но нет сомнения, что и квартиру дадут хорошую.

Тотчас по приезде был приглашен в лучшее книгоиздательство для переговоров об издании моих книг, но через несколько дней оно «влилось» в другое – и пришлось говорить с новыми людьми. На днях подписал условие с издательством «ГИХЛ» [Государственное издательство художественной литературы] на издание моих книг: к Новому году выйдет первый том, а за ним последуют остальные – пока четыре тома листов по 20. Червонных денег получил очень много, обеспечен приблизительно на два года.

Дня через три по приезде был у А. М. [Горького] в знаменитом имени Горки. Встреча была душевная: восстановлена прежняя дружба.

Провел у него весь день до глубокой ночи в числе большой компании гостей. Расспрашивал о Харбине: первый вопрос был об Устрялове и Сетницком, книги которых он читал и знает. Я рассказал довольно подробно. Об оказанном мне «приеме» в Москве стало известно раньше, чем я возвратился: стали присылать за мной автомобили, появились интервьюеры и редакторы, печатаюсь в «Красной нови» и «Новом мире», в «Литературной газете» и проч.

Через некоторое время предложили выступить с докладом на Съезде писателей. Вот этот, оказавшийся очень важным, факт неожиданно втянул меня в напряженную борьбу. Написать доклад на полчаса чтения было легко, прочесть – еще легче, но не так легко было осуществить выступление: А. М. [Горький] рукопись одобрил и направил обычным путем на утверждение: я должен был выступить тотчас после доклада Радека об

иностранный литературе. Времени оставалось уже немного. Я еще раз побывал в гостях у А. М. [Горького]. Убедился я и сам, и убедились писатели, что за моей спиной – очень сильная рука, и, тем не менее, началась тайная интрига и кампания против моего выступления. Рукопись всячески задерживали в ее продвижении по инстанциям утверждения, и, наконец, она пропала. Пришлось дать второй экземпляр. Тогда – два раза откладывали мое выступление с очевидной целью под каким-либо предлогом совсем снять его с очереди. Однако вынуждены были подчиниться необходимости, и я выступал 30 августа – в последний день съезда, в вечернем заседании, при переполненном Колонном зале, перед заключительным словом Стецкого. Доклад занял 35 минут^[399]. Публика меня встретила и проводила аплодисментами. В сокращенном виде он был напечатан в «Правде» 1-го сентября. Думаю, что будет и в «Известиях» – полностью. Между прочим, там есть и несколько слов о литературной деятельности проф. Устрялова, не знаю только, будет ли напечатано полностью, почему было такое сопротивление и с чьей стороны? Со стороны «президиума» и влияющего на него фронта писателей, угрожаемых по «чистке». Шкурное дело. Если в «Новостях Востока» печатались отчеты, то Вы увидите, в каком повышенном темпе велась дискуссия по докладу Бухарина о «советской поэзии». «Шпана»

³⁹⁹ В статье В. Н. Чувакова и А. П. Руднева утверждается: *«В Москве он [С.Г. Скиталец] неоднократно встречался с М. Горьким и для 1-го съезда советских писателей подготовил доклад «Эмигрантская литература», который не был произнесен, а только опубликован в стенографическом отчете. В этом докладе Скиталец с просоветской точки зрения писал об «обульваривании» литературы эмиграции, о падении ее талантов, о «желтой прессе» Харбина».* См.: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Писатели Русского Зарубежья. М., 1997. С. 356–357.

себя показала. Меня совершенно верно учли на стороне А. М. [Горького] и Бухарина против «ихнего», «фронта», «не наш», «чужой», «ату – его!». Если бы удалось «смазать» – последствия для меня могли быть неприятные, но теперь – «шпана» опоздала: не достанут. Вот почему это было важным моментом не только для меня, а и принципиально, почему и не писал Вам до настоящего дня.

1-го был торжественный акт закрытия съезда, закончившийся полуторачасовой речью Горького* и грандиозным банкетом на 850 персон в Колонном зале. Что-то небывалое в жизни литераторов всего мира. На эстраде шла великолепная программа артистов и балета Большого театра. Роскошный ужин с безграничным количеством лучших вин. Под утро закончилось танцами и национальными плясками на середине зала. Напоминало, но бесконечно превосходило по масштабу былые студенческие «татьянинские» вечера в Москве.

Чтобы дать картину всего съезда, длившегося ровно две недели – с 17 по 31-е, нужно написать не письмо – а книгу. Пока кончаю на этом. Встретился с Серафимовичем и прочими старыми товарищами, познакомился со многими «молодыми». Чувствую себя поздоровевшим и бодрым. Завтра уезжаю в литературн[ую] командировку, которую мне без моей просьбы устроил Горький – еду по Волге с заездом в родные места. На октябрь надеюсь съездить на Кавказ.

С 1-го сентября начался театральный сезон. Я успел побывать только в Художественном театре на «Свадьбе Фигаро» и «Днях Турбиных». Великолепно. Привет Харбину, но возвратиться – ни за что! Погостить когда-нибудь, может быть, приеду...

Привет глубокоуважаемой Наталии Сергеевне, жму руку всем друзьям незабвенной Субботы.

Ваш *Скиталец*^[400].

Письмо Скитальца

«Москва, 22 ноября 1934 года.

Дорогой Николай Васильевич!

Всего несколько дней как я вернулся в Москву из полуторамесячной поездки на Кавказ и в Крым, и в этом причина, почему я не мог своевременно ответить на Ваше интересное и теплое письмо.

Весь октябрь я отдыхал в Кисловодске, откуда проехал морем в Крым при великолепной, тихой погоде. Был по несколько дней в Ялте, Севастополе, Симферополе, в Байдарской долине и по дороге завернул на денек к А. М. [Горькому], проживающему тоже на отдыхе на берегу моря, спустившись туда от Байдарских Ворот. Он опять завел речь о Вас и Сетницком: вашу новую книгу он получил и спрашивал, не читал ли я ее. Спрашивал еще о Гусеве-Оренбургском. У меня усилилось впечатление, что старик не прочь собрать литературных возвращенцев. Совсем недавно возвратился из Европы Анатолий Каменский и уже где-то работает, но я еще не видел его. Видел и свой старый дом в Байдарской долине и решил от него отказаться в пользу школьного ведомства, убедившись, что он необходим для интерната местной сельской школы.

⁴⁰⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

Во время моего путешествия по внезапному приказу Кагановича нам экстренно отвели квартиру, и жена моя переехала из гостиницы еще 2-го ноября: именно из-за этих соображений она отказалась от уже полученной путевки и не сопровождала меня. Я нашел ее в хорошей, большой квартире из трех или даже четырех комнат, если считать огромную столовую, разделенную аркой, за две комнаты. Московские знакомцы только «ахают», глядя на такую квартиру, называя ее «колоссом» и даже «капиталом». Расположение комнат напоминает нашу харбинскую квартиру, но площадь больше. Адрес: **Москва, 28, Покровка, Хохловский переулок, д.13а, третий подъезд, второй этаж, кв.32**. Если Вы помните Покровку, то, конечно, представляете, что мы живем в центральной части Москвы. Квартира только что отремонтирована, и переборки еще сыроваты, но надеюсь, что дней через 10 квартира будет сухой. Мое длинное отступление по квартирному вопросу Вы поймете и извините, когда убедитесь воочию до чего колоссален и трагичен этот вопрос в Москве. Есть люди, живущие здесь по 10 лет без комнаты и даже без угла. С Ешмановым видаться еще не приходилось, так как я все время в разъездах, но зато недавно встретился в Сочи на улице – знаете с кем? С Дьяконовым и его супругой. По-видимому, у Вас действительно шапочный разбор. Я завален работой. Печатаюсь одновременно в трех-четырех журналах. В начале декабря, вероятно, выйдет первый том сочинений. Шлю привет Наталии Сергеевне и детям Вашим. Поклон Н. А. Сетницкому и дяде Жене. Погода здесь в ноябре прекрасная.

Моя жена кланяется вам всем. Говорит, что когда скопится «материал», то напишет длинное письмо. Она здесь совсем обленилась и ничего не хочет делать кроме

чтения книжек и хождения по музеям: нашла хорошую прислугу – немку. Тоскует о веселом песике – Генро. Собирается купить рояль. Обуржуазилась.

Ваш Скиталец.

P. S. Во всех виденных мной городах – Самаре, Нижнем, Кисловодске, Сочи, в Крыму – идет колоссальное строительство – параллельно Москве. Везде масса интересного. В следующий раз напишу подробнее, а теперь извиняюсь за малосодержательное письмо. Пишу на бивуаке: еще работают в квартире столяры»^[401].

Возможно, что данная переписка во многом окончательно предопределила переезд Н. В. Устрялова в СССР.

Невозвращенцы и антибольшевики о «Смене вех»

Сегодня для исследователей стали доступными документы, которые позволяют с определенными оговорками говорить о том, что поиск аттрактора в условиях после Гражданской войны в России проводили представители самых разных политических и общественных сил. В осознании массовой ответственности за общество интеллигенция пытается если и не публично, то в конфиденциальной переписке вести поиск в некотором логическом поле между конфронтацией и последовательным диалогом. И данный поиск затрагивал, как теперь оказывается, даже тех

⁴⁰¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

представителей интеллигенции, которые никогда не могли быть даже заподозрены в согласии на конформизм с советской властью. Так, во многом с основополагающими идеями сборника «Смена вех» (Прага, 1921) о вынужденном соглашении с большевиками с целью возрождения России совпадают рассуждения в переписке бывших российских послов В. А. Маклакова и Б. А. Бахметева^[402]. Уже в письме от 30 августа 1921 г. Маклаков сделал упор на опасность непримиримого антибольшевизма: «До сих пор не исключена возможность, что Россия как великая мировая держава не погибла вместе с революцией, не погибла надолго или даже навсегда. Пока мы отправимся от беды, пока еще не обнаружилось, что революция вышла на пользу, требовать преклонения перед ней могут только те, кто понимает, что критика этой революции есть их собственное осуждение.

Если бы я был честолюбив и не мирился с тем, что не могу действовать, я, может быть, нашел бы позицию, на которой мог бы стоять. Но я не честолюбив, но зато думаю, что каждый из нас имеет свой облик, идею, которую он отражает. Если он этой идее служить не

⁴⁰² Данные материалы впервые были опубликованы мною: *Квакин А. В.* «Наступило время компромиссов и эволюций...»: Переписка В. А. Маклакова и Б. А. Бахметева о новом лице русского либерализма начала 1920-х годов // Источник. Документы русской истории. 2001. № 1. С. 25–45; *Он же.* Б. А. Бахметев – В. А. Маклакову: «Я завидую Ключникову». (Переписка Б. А. Бахметева и В. А. Маклакова о новом лице русского либерализма начала 1920-х гг. в архивном собрании Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета США) // Клио. Журнал для ученых. 2001. № 1 (13). С. 214–235; № 2 (14). С. 195–215. Рукопись данной работы была уже готова к печати, когда в издательстве «РОСПЭН» была опубликована большая часть переписки В. А. Маклакова и Б. А. Бахметева: «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951 гг.: В 3 т. М.; Стэнфорд, 2001–2003.

может, то за другую ему лучше не браться. Для нее найдутся другие. У меня была политическая идея, которую я выражал с самого выступления на этом поприще. Юношеское увлечение революцией сменилось у меня глубоким отвращением к ней, вернее, боязнью революции. Я был убежден, что она придет, если мы пойдем той же дорогой, и ждал ее с трепетом и ужасом; она представлялась мне одновременно и разложением общества, о котором так хорошо писал Тэн, торжеством «черни» и «черных» инстинктов, и пушкинским русским бунтом беспощадным и бессмысленным. И за этой революцией я предвидел эпоху реакции, неизбежной и заслуженной. Вся моя политическая деятельность сводилась поэтому не к борьбе против власти, а к влиянию на власть, к желанию толкать ее на путь эволюции, на путь необходимых реформ, к тому, что Струве назвал в одной из своих статей «оздоровлением власти». В этом отношении я был, безусловно, последователен. От этого признания убеждал меня в частной беседе сам Милюков. Прибавлю, что такая позиция была мало обычна среди наших политических партий. У нас принято либо колебать саму власть, как врага, либо ее оправдывать и защищать от нападков...

И когда я Вам писал о необходимости соглашательства с большевиками, ибо только оттуда может что-то выйти, моя позиция слагалась из разных мотивов: и понимание момента, и презрение ко всем антибольшевистским силам, которые обнаружили такую бездарность, и мысль, что нет иной дороги; но, может быть, инстинктивно меня толкала на эту дорогу и моя старая позиция, которая всегда заставляла меня обращаться к власти, хотеть эволюции, не революции. Я писал, что об этих мнениях нельзя говорить вслух, ибо

это вносит смуту в умы. Теперь скажу больше. Когда я для себе по совести ставлю вопрос, мог ли бы я занять серьезно эту позицию, стать лидером тех, кто в настоящее время говорит о соглашательстве, как Гредескул, Ольденбург в России, Путилов здесь и т. д.; когда я ставлю себе этот вопрос, то говорю: нет, я такую позицию занять не могу; это для меня невозможно по моральным причинам, даже если я поверю, что полезно для России сотрудничать с Лениным, Троцким и другими, то я все-таки сотрудничать с ними не стану и не смогу. Пусть мой ум скажет, что это нужно, пусть это делают другие, я осуждать их не стану; но самому подать большевикам руку и им простить то, что они сделали с Россией, я не могу. Я предпочту не вернуться в Россию, чем ехать мириться с большевиками, принять их амнистию. Этого я не могу, но не вижу пока и никакого пути, которым я мог бы активно с ними бороться. Белое движение кончилось, да я и потерял веру в них. Савинковская деятельность мне тоже морально противна, как всякое переодевание, лганье и подпольщина. Он во многом меня с собой помирил; он ведет свое дело умно и может талантливо; *сейчас* он полезен. Но я не мыслю себя рядом с ним, в его организации. Мне там нет места. Если бы я не был прикован к своему посту, я сейчас сознательно бы отошел от политики.

Пока я здесь, я изображаю эмблему и наблюдаю; но действовать я не могу, ибо, надо ли мне Вам доказывать, что как ни осуждаю я Милюкова, и Львова, и Учредилку, и Земгор, все эти отрывки той позиции, когда мы все были оппозицией, то я еще дальше от тех, кто с ними со всеми борются во имя старого, кто, так же как и оппозиция, в своих грехах не повинился и их не сознал; что если я считаю, что Львов и Милюков своей

бездарностью погубили Россию, то, конечно, вместе с ними еще больше, чем они, погубили ее те, кто им предшествовал. Только издали, притом там, где этого не ждешь, встречаю я среди политических деятелей лица, с которыми и я могу говорить без досады и мысли которых меня радуют, как откровение будущего. Но это все единицы и крохи. Не эти лица и даже не эти идеи сейчас занимают авансцену. Тем, кто ее сейчас занимает и займет завтра, я мешать не хочу. Если я их «поношу», как Вы пишете, то только в интимных разговорах с Вами и с другими друзьями. Я даже думаю, что они непременно вернутся к власти, чтобы окончательно похоронить себя и закончить период старых воспоминаний. Я смотрю на них как на обреченных. Но быть вместе с ними, говорить на их языке и делать с ними одно общее дело пока я не могу. Я это хорошо понимаю и этому подчиняюсь. Мне сейчас действовать негде»^[403].

Необходимо обратить внимание на ряд существенных положений, изложенных в данном небольшом отрывке. Во-первых, Маклаков пишет о том, что «революция вышла на пользу». Во-вторых, он считает, что нужно не призывать «к борьбе против власти, а к влиянию на власть, к желанию толкать ее на путь эволюции, на путь необходимых реформ». Далее, Маклаков опять пишет «о необходимости соглашения с большевиками», отмечая невозможность для себя занять «сменовеховскую» позицию («пусть это делают другие, я осуждать их не

⁴⁰³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 13.

стану»). При этом он откровенно заявляет о гибели Белого движения, в которое у него «потеряна вера».

В письме от 28 сентября 1921 г. Маклаков предостерегает Бахметева от напрасной веры в скорое свержение большевизма: «...Это трагически образом совпадает с тем инстинктом, который давно мне говорит, что не приходится ждать падения большевистской власти, что оно могло выйти только от белых движений, что вне этого есть только либо оздоровление и отрезвление большевизма, которое путем скачков и частичных крушений всех попыток управлять Россией и наступление в ней той анархии, которая явится началом оздоровления. Когда посмотришь на этот второй процесс, то оказывается, что все то, что есть здорового и сознательного в России, боится этого процесса и будет ему сопротивляться. Этот процесс приветствует только за границей наша эмиграция. Все же здоровые элементы внутри России, которые будут ему сопротивляться, все они будут терпеть большевистское правительство, будут толкать его на тот другой путь, в котором может быть его спасение, но будут удерживать его от крушения. А мы по-прежнему ставим ставку на крушение; признаюсь, что чем ближе вглядываешься в то, что делаешь, тем меньше видишь элементов такого крушения... Напротив, кажется, что как ни отвратителен, как ни мерзок большевизм, его крушение не предвидится; и все политики, которые ставят свою ставку на это крушение, рискуют сделать большую ошибку»^[404].

В письме Бахметеву от 18 октября 1921 г. Маклаков, выступая с точки зрения русского патриота,

⁴⁰⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 15.

подчеркивал: «Среди многих пороков и слабостей эмиграции не могу закрыть глаза на это коренное ее свойство: недостаток настоящего патриотизма – мы сохранили психологию «пораженчества», борьбу друг с другом за счет России»^[405]. Во многом здесь есть созвучие с идеями сборника и журнала «Смена вех».

Впервые в переписке двух послов об этом общественно-политическом течении прямо говорится в письме Маклакова Бахметеву 24 октября 1921 г. При этом автор характеризует «сменовеховство» как «самое интересное из всего того, что за последнее время писалось». Интересна и информация о личных контактах Маклакова и Ключникова: «Я посылаю Вам почти одновременно с этим[письмом. – А. К.] книжку «Смена вех»; посылаю потому, что не уверен, что она продается в Америке, а между тем настойчиво рекомендую Вам на досуге не торопясь ее прочесть. Я об ней когда-нибудь поговорю с Вами подробнее; для меня эта книга представляется самой интересной из всего того, что за последнее время писалось, не только потому, что она ставит самые интересные вопросы, злободневные и острые, но и потому, что подходит к их разрешению не по-старому, а по-новому. В самой книге перемешаны правда и неправда, бесспорное и очень спорное; вся ее критическая сторона, нападки на Белое движение, на первое Временное правительство, на эмиграцию и ее методы борьбы, в значительной степени верно и трагически верно; то, что в ней «от лукавого» – это признание, что большевизм принес какие-то новые слова, которые должны восторжествовать и в Европе,

⁴⁰⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 16.

которые переживут большевизм и т. д.; читая эту книгу, можно подумать, что не из тактических соображений, а всерьез авторы стали коммунистами. Мне было интересно выяснить, чего они хотят на самом деле, и я вызвал к себе Ключникова и вчерашний день, воскресенье, четыре часа с ним беседовал. Все, что он мне говорил, настолько интересно и ново, что мне хочется не теперь, когда ни мне, ни Вам некогда в это вникать, рассказать Вам подробнее об их мечтаниях, планах и надеждах.

Ключников, к слову сказать, только что вернувшийся из Лондона, где он много, долго разговаривал с Красиным, приподнимает завесу над их иностранной политикой, которую Вам полезно знать. Искренне или неискренне, они намерены взять курс, который может быть опасен, поскольку речь идет об уловлении Америки. Они, во-первых, станут всецело на защиту единства России; они не считают серьезными наши упреки, что они же раздавали ее направо и налево; на этот упрек они отвечают, что всякое признание чьей бы то ни было независимости сопровождалось немедленно той работой внутри независимой страны, которая вводила ее обратно в состав Русского государства...

Ключников находится в периоде увлечения большевизмом, по крайней мере, поскольку речь идет об его иностранной политике, и думает, что ради дружбы с Америкой большевики действительно в значительной мере способны свою политику изменить...

Второе, что я хотел сказать в связи с Ключниковым – это своеобразие личных переживаний. Формулирую их кратко. Я проверял себя во время разговора с

Ключниковым, и могу сказать, что разумом я допускаю целесообразность такой политики, хотя не берусь утверждать, что для нее наступил подходящий момент; но морально ни сегодня, ни завтра она для меня недоступна; я не мог бы идти вместе с теми, которые не отвергли солидарности с большевиками первого периода, т. е. Брест-Литовска и террора. Только тот большевик, который низвергнет большевиков-предателей, мог быть приемлем. Итак, разум принимает, моральное чувство отвергает. Есть другая политика разрушения, которую олицетворяет Савинков, о которой, не называя ее прямо, говорит и «Смена вех»; морально я эту политику понимаю; не усмотрите противоречия с тем, что говорил раньше, что эта деятельность Савинкова для меня недоступна по моральным мотивам, ибо эти слова нужно понимать в более узком смысле, т. е. что я лично не был бы способен делать то, что нужно делать на этом пути. Это то же, что было и при царизме; я понимал революционную деятельность и даже считал ее полезной, но сам не мог в ней участвовать, не из страха за собственную шкуру, а из брезгливости к систематической лжи. Но, если моральное чувство мирится с работой Савинкова потому, что она отвечает чувству ненависти к большевизму, то разум мне говорит, что в результате этой деятельности нет блага, что это поражение, которое бьет по России для того, чтобы ударить по правительству, что в лучшем случае эта деятельность может достигнуть успеха линии Ключникова. Итак, здесь обратный вывод: мораль оправдывает, разум осуждает. Но когда я смотрю на деятельность учредителей и эмиграции, я прихожу к выводу, что их одинаково осуждают и разум и мораль. Это пустое место по результатам и непохвальное дело по

противоречию с сознанием своего долга охранять интересы России»^[406].

В ответном письме Бахметев сообщал Маклакову о том, что уже давно внимательно изучил сборник «Смена вех» и нашел многие его положения неприемлемыми для себя. Ему представлялась более продуктивной линия, близкая «новой тактике» Милюкова, основанная на союзе с эсерами. Тогда в пространным письме от 31 октября 1921 г. Маклаков попытался переубедить Бахметева: «Не хочу отговаривать Вас от линии, которую Вы взяли и держите; то, что я Вам говорю, я говорю только для Вас. Я хотел бы только, чтобы мы, и особенно Вы, себе иллюзий не делали. В эмигрантской психологии здорового нет ничего; Вы рекомендуете в своем письме избегать «ископаемых»; Вы «ископаемых» видели только в правых элементах; левые – это такие же ископаемые. То, что они, став у власти, погубили Россию не только потому, что задача ее спасти была выше их сил, но потому, что все, что они делали, вело к заведомой гибели, – их ничему не научило. Недаром, когда Милюков прочел о составе Комитета для голодающих [Комитет помощи голодающим. – А. К.], он искренне поверил, что именно этот комитет – будущая Россия, что он станет властью и порыв народной любви к нему его оградит. И он не только так думал, но он имел такт это написать в своей газете. Он уверял, что на местах отделения этого Комитета заменяют большевистскую власть и что его начало – конец большевизма; между тем, об этом Комитете приходят вести из России и они очень характерны. В Комитет в

⁴⁰⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 16.

России никто не верил. К Кишкину и Прокоповичу все отнеслись с нескрываемым осуждением, как людям, которые либо играют дурака, либо себя продают. Вы в Вашем письме по поводу Комитета констатировали в нем отсутствие хороших имен; Вы были правы; а Милюков был доволен его составом, и если бы зависело от него и его единомышленников, то тех имен, которые Вы считаете настоящими, они бы туда как центровиков не допустили. Как после Февральской революции Временное правительство вообразило, что революция была сделана только для того, чтобы иметь возможность видеть их во главе правительства, так и теперь они живут той же идеологией и иллюзией.

Из того, что доходит к нам из России, видно одно: что там не интересуют[ся] больше политикой, но зато увлекаются торговлей, спекуляцией, различными формами экономики; если большевики поймут это – а они способны понять – они смогут попасть в тон народного настроения; они смогут привлечь всех к живой работе, и страна на первое время простит им пролитую ими кровь и разорения. Конечно, это их не спасет, ибо, поставивши во главу угла производство, они должны будут соответственно этому изменить административный аппарат; тогда начнутся внутренние конфликты, которые приведут их к гибели. Но курс будет взят ими правильный, народная масса будет ставку ставить на них, на тех, кто это поймет, а не на эсеров в эмиграции. Мы приближаемся к тому, что в истории называют аполитичным моментом. Равнодушие к политике, особенно к внутренней политике, поможет России пережить моральные унижения от примирения с большевизмом; да его трансформация все же будет сопровождаться некоторыми гекатомбами, в которых

увидят расплату за старые грехи; но эмиграция, которая сунется в Россию не с этими лозунгами, а с политикой, потерпит окончательное крушение. Большевики привлекут к себе и интеллигенцию, играя на патриотической струнке, и капитал, играя на струнке наживы. А эсеры и «новая тактика» прозевают и то, и другое»^[407].

В письме от 8 ноября 1921 г. Маклаков специально подробно останавливается на своем отношении к идейно-политическому движению «Смена вех» (в тексте письма он их называет «движением новых «Вех» или «вехистами»). В четвертую годовщину установления советской власти в России он прямо пишет: «Мы, очевидно, вступаем в новую фазу отношений к большевикам. Для меня несомненно, что в том движении, о котором я Вам писал, в движении «вех», много здоровых мотивов; их сила, кроме того, в том, что это движение ново, еще не истрепано и не изжило себя самого. Думаю даже, что **оно, наверное, станет тем руслом, к которому в известный момент мы придем все, как к неизбежному концу** [выделено мной. – А. К.]. Вопрос только во времени; но в этом движении и сейчас обнаруживаются две слабые стороны. В первом номере их журнала, который они выпускают под тем же заголовком, можно видеть обе эти опасности.

Первая в том, что, либо по тактическим соображениям, т. е. из желания как можно скорее завести близкие отношения с большевизмом, примириться с ним, а, может быть, даже и получить его поддержку, ибо по законам психологического равновесия

⁴⁰⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 16.

движение новых вех вместо того, чтобы неприкосновенно выставлять себя как новый вид борьбы с большевизмом, вырисовывается как примирение с ним. По моему мнению, вехизм должен был бы соответствовать тому, что в старое время представлял русский либерализм. Борьба велась между старым режимом и революцией. Либерализм был движением, которое должно было угрозой революции побуждать старый режим идти на уступки; он должен был воплощать те идеи, которые одни могли остановить революцию и отсутствие которых революцию питало и укрепляло. Но, идя по одной дороге с революцией или, по крайней мере, борясь с ней, либерализм должен был сам от себя наносить удары старому режиму. Только поскольку он это делал, он имел право осуждать революцию. Вехизм должен был объявить большевизму войну не на живот, а на смерть. Он мог оправдывать отдельных людей и объяснять эксцессы переходного периода их неизбежностью; но он должен был бороться с ними, с их продолжением, с возведением их в систему управления; он должен был резко отречься от знакомого принципа: сначала успокоение, а затем реформы; только делая это, борясь с большевизмом, апеллируя к тому, что в нем осталось разумного и честного, только делая это, он мог осуждать эмиграцию. Вместо этого вехи уже усвоили принцип: [пропуск в тексте. – А. К.] иными словами, сначала успокоение, а потом реформы. Вместо того чтобы, идя из лагеря типичных белых антибольшевиков, сделаться антибольшевиками новой формации, вехисты становятся апологетами большевизма; так, когда Лев Тихомиров в свое время разочаровался в революции, то он стал не либералом, а перешел в «Московские ведомости». Второй недостаток вехистов – это то, что они стали

обрастать всякой дрянью, ибо это течение представляет слишком много соблазна для продажных людей, которые к ним уже примазываются и пристраиваются. В первой книжке журнала появилась уже статья Носкова; плохое начало, хотя вполне естественное и неизбежное. Но стоит им дальше пойти по этой дорожке, как все это движение потеряет весь налет идеализма, станет простой спекуляцией, собранием новых продажных людей, которые продаются новому хозяину. Но пока это не совершилось и не отделено то, что в этом течении было здорового, вехизм представляется настолько оригинальным, что те, кто с ним знакомится, невольно поддаются его влиянию...»^[408]

При этом письме Маклаков подтвердил уже высказанное ранее суждение о том, что изменение режима произойдет в результате внутрироссийских процессов: «Мое убеждение, что спасение придет не из эмиграции, а из среды большевизма; что совершается теперь, если даже считать, что оно и неискренне, показывает, по какой дорожке пойдет эволюция большевизма, где принуждены будут искать спасения. Эта дорога все-таки правильная и единственная задача, которая стоит перед нами – это чтобы не ошибиться временем, когда можно будет раскрыть карты и выступить на помощь одной стороны во внутренней борьбе среди большевизма. Пока я не считаю эту борьбу дошедшей до того момента, когда можно не опасаться, что появление третьего заставит враждующие стороны соединиться вместе против этого третьего; так появление Корнилова когда-то бросило Керенского в объятия

⁴⁰⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 17.

Троцкого, так и сейчас преждевременное появление «Европы», т. е. буржуазии, может заделать щель, которая в большевизии уже намечается. Нужно пока ждать и действовать очень дискретно. Что в этом отношении я не ошибаюсь, доказывают последние сведения о переговорах, которые ведутся с правым крылом большевизма...

И единственное, с чем нужно бороться и чего нужно опасаться – это поддержки настоящего равновесия между правыми и левыми элементами большевизма, т. е. того состояния, которое устоять не может, ибо совмещает в себе недостатки обеих идеологий – и коммунистической, и буржуазной, не имея ни одного из их преимуществ. Это состояние неустойчивости, как всякое ненормальное положение, конечно, преходящее; но обращение к Западу от имени большевизма в тех условиях, в которых оно сейчас происходит, есть обращение именно этого неустойчивого положения и просьба поддержать именно его; этого никакими путями мы допускать не должны. С этой точки зрения, позиция «Вех», если она не изменится, может оказаться и фальшивой, и вредной»^[409].

В ответном письме от 14 декабря 1921 г. Бахметев дал развернутые ответы по всему комплексу вопросов, поднятых в письмах Маклакова, в том числе и по отношению «Смены вех». В первую очередь, интересны его размышления по поводу политической позиции посла в США: «Я не принадлежу ни к какой партии, ни к какой определенной группе. Я настолько беспартиен и терпим,

⁴⁰⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 17.

что иногда даже упрекаю себя в отсутствии темперамента и безразличии...

На самом деле, работа посольства ни разу не сошла с пути надпартийности и широко государственного национализма, да и в отношении русских вопросов трудно сказать, что лево и что право. Я, конечно, очень левый с точки зрения всех тех, кто мечтает о какой-либо реставрации и кто еще придерживается мыслей и надежд, что Россию можно устроить и восстановить организованным усилием пришедшей извне группы. Я твердо верю в народовластие, а не в силу абстрактного принципа, а на основании опыта последних лет, своего знакомства с различными частями России и с народной жизнью в различных ее проявлениях, а также, может быть, благодаря совокупности впечатлений и навыков, которые я получил, живя четыре года в Америке, по существу, самой демократической и самой консервативной стране. Мой политический демократизм или, вернее, твердое представление и убеждение в том, что Россия восстановится благодаря глубоким внутренним процессам в ней самой, сочетается с большой твердостью, прежде всего, в вопросах экономических. Я не верю в социализм и даже в очень относительном свете рассматриваю те течения, которые называют кооперативной государственностью, течения, которые так диспропорционально выдвинулись в связи с ростом кооперативного движения и которыми так много людей чрезмерно увлекаются. Я Вам неоднократно высказывал, что будущую Россию я рассматриваю как страну с остро собственническим основанием и что развитие ее ресурсов связывается у меня с представлением о безудержном и диком капитализме, капитализме, который войдет в более цивилизованные и

сдержанные формы лишь на последующих этапах своего развития, – вероятно, уже не в нашем поколении.

Не мало удовлетворения вызовет в Вас еще признание, что я, по своему характеру и склонностям, большой сторонник твердой и инициативной власти. Что это – правое или левое, я не знаю; обыкновенно твердая власть у нас связывается с правыми представлениями; на самом же деле я всегда придерживался убеждения, что только власть, опирающаяся на поддержку населения и убежденная в своей правоте и прочности, может и должна дерзать и не бояться»^[410].

Далее Бахметев выразил свое отношение к эмигрантским политическим группировкам: «Подходя к существующим группировкам, оценивая свое отношение к правым и левым течениям, как могу я провести грань симпатий и антипатий, когда по существу я все существующее сейчас рассматриваю в процессе преобразования и перерождения? Вот сейчас наш друг, Павел Николаевич Милюков, для всех является левой буквой, а два года тому назад, когда мы съехались в Париже, он был самый твердокаменный варяг. Вся масса наших либеральных политиков, профессионалов, чиновников и проч., из которой в значительной мере формируются и Русский, и Национальный советы, Учредилка и пр., в конце концов, не разделена непроницаемыми переборками в силу каких-то материальных или социальных привязанностей. Это – не что иное, как жертва того огромного кораблекрушения, которым явилось расстройство русского государственного механизма и которое, подобно осколкам корабля,

⁴¹⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

мечется и сталкивается на волнах бушующего моря. Я от того так и упрекаю, в частности Милюкова, за его непримиримость и резкость, что считаю, что кристаллизация новых направлений государственной мысли должна по преимуществу идти путем синтетическим и что необходимо тем завязям, которые при этом образуются, открыть широкое, любвеобильное лоно, где найдут успокоение все передумавшие и переболевшие.

Таково же мое отношение и к с[оциалистам] – р[еволюционерам]. Меня совершенно не интересует их партия в прямом смысле слова; все же меньше я считаюсь с Черновым и т. п. талмудистами, которые, по сути, почти такие же большевики, но которым, я твердо верю, в будущем не будет места. Меня с. р. интересуют вот почему: в постройке будущего русского государственного здания огромную роль должны играть крестьяне. Как все другие классы, они должны будут пройти период эволюции и приспособления. Главная часть этого развития уже совершилась: нет человека, который бы не признавал, что школа большевизма принесла огромные плоды крестьянской массе. В крестьянской среде, насколько я могу судить, уже сейчас слагаются элементы будущей организации. Это все тесно переплетено с тем, что можно назвать деревенской интеллигенцией, а эта интеллигенция в значительной мере примыкает к с. р. С. р. – ство для них сейчас является не столько какой-то определенной программой или даже платформой, как внешним объединяющим признаком и родственностью психологии. Принадлежность или примыкание к какому-то прошлому политическому образованию открывает естественные пути к солидарности и взаимному доверию. По существу,

надо думать, что вся эта интеллигенция проходит тот же путь изменения своей политической и экономической психологии, который проходит крестьянская масса. Когда спадет большевистский футляр, мы вдруг увидим, что все эти люди фактически проникнуты собственнической психологией и являются руководителями фермерских настроений. Ведь французские радикалы-социалисты тоже представляли что-то другое в прошлом. Разительный пример этому – Авксентьев. Я с ним несколько раз разговаривал тут: в нем и тени нет социализма, он самый форменный буржуазный демократ.

Вот с этой точки зрения понимания вещей в процессе развития я и считаю необходимым подходить ко всем русским внутреннеполитическим течениям. Весьма возможно, что такую философскую позицию можно занимать только здесь, не видя этих течений и не сталкиваясь с их повседневными проявлениями; но я думаю, сказанного достаточно, чтобы успокоить Вас и ответить на Ваши рассуждения о различных течениях...

...Вот здесь-то и нужно иметь в виду ту неизменно правильную мысль, что спасение России пойдет не от эмиграции, а от процессов, развивающихся внутри самой России, и что всякий, кто судит о России по соотношению сил в Париже и в других центрах заграничной эмиграции, является в сильной степени жертвой политико-оптической аберрации»^[411].

В конце данного письма Бахметев высказывает свою точку зрения на «сменовеховство» (называя его «веховством»), не соглашаясь при этом с суждениями

⁴¹¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

Маклакова: «Вы абсолютно правы, говоря, что все произойдет от России, и я с трепещущим интересом слежу, прежде всего, за большевистской печатью, констатируя, что происходящий в России процесс разворачивается ныне с титанической быстротой и последовательностью, подрывая фундамент большевистского здания.

Из этого только не надо делать выводов в направлении веховцев. Это течение я просто считаю дряблым желанием приспособиться; это вроде тех американцев, которые настаивали, чтобы правительство здесь пошло по пути Л. Джорджа, так как иначе англичане получают выгоды, а американцы их лишатся. Если Вы меня спросите – что делать русским за границей (я имею в виду, конечно, внутреннюю борьбу), я Вам не сумею ответить. Вернее, я смогу Вам ответить общей фразой: способствовать разворачивающимся внутри страны процессам. Как это фактически сделать, я отсюда не знаю. Может быть, ничего нельзя сделать, может быть, можно; в двух вещах, однако, я твердо убежден: прежде всего, я утверждаю, на основании собственного опыта, что можно достигать совершенно определенных результатов в области иностранного окружения России...

...Одной из главных причин того, что большевики не пали, является факт, что такой идеологии нет. В истории всегда выходит так, что известное правительство или группа не проваливаются раньше, чем для них не выработается заместителей. Когда я говорю о заместителях, я вовсе не имею в виду какой-то стройной организации, способной произвести революцию и затем встать во главе правления по точно выработанным планам и диспозициям. Я даже не имею в виду отдельной программы или платформы, как, скажем, имеется у

савинковской группы. Тут дело идет о гораздо более обширном и универсальном и, может быть в силу этого, неорганизованном; дело идет о каких-то общих началах будущей политической и экономической деятельности, которые коллективно противопоставляются существующему строю. Такие принципы, например, постепенно выработались при царизме вокруг либеральной идеологии. Эта идеология составляла содержание «несбыточных мечтаний». Сейчас такой идеологии нет и этот факт, может быть, один из самых сильных устоев большевизма. По моему скромному суждению, пока такая идеология более или менее не образуется, – большевиков не свалить.

Вот с точки зрения орудия, которое должно помочь выработать подобную идеологию, я и смотрел на учредителей. Несмотря на все эти недостатки, о которых я, может быть, жалею больше, чем Вы, они не утратили своей пользы, как не утратили ее и другие более правые промышленные и политические группировки. Это все – необходимые части и звенья развертывающегося процесса...

... Может быть, впрочем, и идеология эта выработается в России, включив какие-то переходные формы, вроде: вся власть свободно выбранными советам; фабрики – старым собственникам, а земля – крестьянам, и пр. кустарные, но глубоко правильные лозунги. Сейчас же пишу об этом, имея в виду Ваш вопрос: что делать?»^[412]

⁴¹² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

Свое отношение к «Смене вех» (в письме «вехи», «веховство») Бахметев подробно изложил в письме Маклакову 22 ноября 1921 г. Он категорически не согласен с положительными характеристиками Маклакова данному идейно-политическому течению: «Два слова о «вехах». Я эту книгу получил уже довольно давно. Как-нибудь я Вам напишу свои соображения о том, как «варяги» пришли к «вехам»; это – та же психология. Я совершенно не приемлю ее, хотя предвижу, что многие русские увлекутся примирением с большевиками и возможностью практической работы с ними. Мое отношение к большевизму основывается на убеждении в неспособности большевизма и настоящих большевиков к эволюции. Я Вам это писал неоднократно, и в этом отношении мои мысли не изменились. Пока здесь никакой опасности от «веховства» нет...

О «вехах» здесь пока не знают. Я не исключаю возможности большого «соблазна», если это течение захватит широкие круги русской эмиграции и сделается господствующим. Я согласен с Вами, что тут никакой борьбы с большевизмом нет, да я думаю, что ее не имеется и в отправных мотивах веховцев. Я объясняю это мирозерцание типичным для русского так наз[ываемого] национализма; органической неспособностью понимать исторические процессы, непреодолимым стремлением, в конце концов опирающимся на здоровое чувство, выйти из периода ничегонеделания и начать что-то строить. Я думаю, что этот психологический перелом, утомленность чисто разрушительной работой и стремление к положительной деятельности, вообще типичны для всей России как таковой. Вы знаете, как быстро наша родина захватывается поветриями. Кроме того, это – просто

здоровая реакция против оппозиции или разрушения. Сам я очень сильно чувствую, что разрушительный период российской революции прошел; период, характеризовавшийся безраздельным господством советской центральной власти и полным маразмом населения, когда обыватель едва подымал голову и думал только о том, как бы не быть убитым и не умереть с голоду. В настоящее время, по-моему, жизнь в России оживилась. Все говорят, что обыватель перестал бояться, поднял голову и осматривается кругом. Кроме того, экономические уступки большевиков местной торговле и кустарной промышленности открывают щель для какой-то положительной деятельности и положительных интересов. У людей появляется активное желание что-то такое сделать и работать. На почве положительных интересов зарождается солидарность. Вот Вам внутренняя механика первоначальных, элементарных процессов складывающейся коллективной жизни, процессов, которые неминуемо столкнутся с большевистской властью и ее свернут. Я это чувствую всеми своими фибрами, и это подтверждается каждым письмом и каждым номером большевистских газет»^[413].

Вновь «сменовеховство» упоминается в письме Маклакова Бахметеву 6 декабря 1921 г., когда заходит речь о «психологии побежденных»: «У нас, кроме неудач, не было ничего, у нас создалась психология побежденных, опасливое отношение к будущему, боязнь себя выявить...

Нет убеждения, нет веры; осталось только знание. ***Мы только спецы.*** Это еще не беда, этим «спецам»

⁴¹³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 17.

надлежит служить людям новой веры; но признак нашего времени, что самое «спецство» стало почитаться за политику, за веру; одни из «спецов» понимают, что этого недостаточно, и потому они либо притворяются, что чему-то поверили и цепляются за новую веру, как, например, Бобрищев-Пушкин в «Вехах». А иные просто не понимают, что у них не хватает главного, и считают себя способными вести народ и управлять ходом событий оттого, что смогут впоследствии написать историю событий или обладают сведениями, которых нет у других. Россия начнет выздоравливать, когда у нее появится разумная, **новая** вера; новая, ибо старые у нас остались; есть и старый империализм, и новый коммунизм. Но то, что Вы называете третьей Россией, пока еще витает в области логических выкладок, не создана еще буржуазная «вера»; она явится там, в России, и ей пойдут служить «спецы»; но, конечно, ни Гирс, ни Нольде, ни Милюков, ни Львов не выстроят этой веры, и от них этого нечего требовать. Напротив, по мере того, как им будет казаться, что наше положение укрепилось, что большевизм разлагается, они опять все соскользнут на старые позиции. Это самим Богом так устроено, и вольтеррианцы напрасно против этого говорят»^[414].

В другом письме (от 29 декабря 1921 г.) Маклаков говорит о позиции «сменовеховца» Ключникова накануне Генуэзской конференции: «Не знаю, прав ли Ключников, когда уверял, что у большевиков проснулось сознание ответственности перед Россией, чувство обязанности к стране, которая создала их благополучие, занесла их

⁴¹⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

имена в историю, доверчиво шла за ними в течение четырех лет. Но, во всяком случае, есть более прозаическое объяснение, а именно, что они вошли во вкус жизни, ее благ и хотели бы их сохранить. Как бы то ни было, можно констатировать, что большевики понимают, что зашли в тупик и что из тупика нет выхода без полной перемены политики. На словах и для посторонних они еще могут говорить другим языком, уверять, что все благополучно, что промышленность налаживается, что с голодом они справились, что ничто их не свалит, что перед ними капитулируют, – все это они могут говорить. Но это обман, который никого не обманет». И далее без упоминания Ключникова говорится о «приглашенных» в состав советской делегации в Геную, в числе которых был и Ключников, а с ним Маклаков встречался накануне, что дает возможность предположить источник информации автора письма: «Характерно, что люди, ими [большевиками. – А. К.] приглашенные, говорят им всю правду уже не стесняясь, правду, из которой следует один вывод: опыт, который был проделан, не удался и нужен поворот на 180°. И не только нужен поворот, нужно, чтобы это было признано и провозглашено, словом, нужно публичное покаяние; необходимо, чтобы язык, которым будут говорить, был относительно языка большевизма тем, чем язык Временного правительства относительно царского. Нельзя больше замазывать факта; нужно громко осудить прежнюю политику и строить новую на ее отрицании».^[415]

⁴¹⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

Совершенно неожиданно из письма Маклакова Бахметеву от 3 января 1922 г. мы узнаем о достаточно тесных контактах автора письма со «сменовеховцами»: «Делаю Вам признание; если Вы следите за[журналом. – А. К.] «Сменой вех», то в одном из номеров журнала могли видеть переписку Ключникова с некоторым Иксом; этот Икс – Ваш покорный слуга. Ключников поступил некорректно относительно меня тем, что без моего разрешения мои письма напечатал. Они были написаны не для печати, отчасти для собственного удовольствия, отчасти потому, что мне хотелось не то понять Ключникова, не то исправить линию журнала. В момент общей ругани против «Смены вех» эти письма, которые были критикой по существу, были для Ключникова очень приятны; он приехал ко мне благодарить меня за них и просить и впредь не отказывать говорить ему мое мнение; просил моего разрешения эти письма напечатать, в чем, конечно, я отказал. Но он выпросил разрешения печатно возражать на них, т. е. взять цитаты из них поводом для изложения своего мнения, при этом обещал заранее показать цитату, которую из письма приведет. В этой форме я не видел опасности и дал согласие. Каково было мое изумление, когда я увидел в печати не цитаты, а самые письма, хотя с некоторыми выпусками, напечатанными так, как они писались, т. е. небрежно, наскоро и ограничиваясь иногда намеками, словом, не в том виде, в котором я согласился бы их видеть в печати. Это меня рассердило, и я сказал Ключникову, что прекращаю дальнейшую полемику; он оправдывался тем, что не смог выбрать цитаты, будто оказалось невозможным что-либо выключить, словом, говорил все, что в таких случаях принято говорить. Я ссылаюсь на эти письма, чтобы Вы видели, что я давно с

Вами согласен, и что-то, что я Вам сказал, не взято из Вашего письма»^[416].

Необходимо обратить внимание на совпадение основных положений в публикациях Икса в журнале «Смена вех», то есть Маклакова, с суждениями Бахметева о «сменовеховстве» в письмах, направленных в Париж. Получается, что Маклаков пытался не столько изложить собственные аргументы с критикой «Смены вех», сколько «подбрасывал» Ключникову суждения Бахметева, с которыми у него самого не было согласия в вопросе об отношении к «сменовеховству», что было видно из предыдущей переписки. Если Бахметев открыто возражал Маклакову, то последний обычно соглашался с Бахметевым, хотя мягко и пытался проводить собственную точку зрения.

В том же письме можно найти пространные рассуждения Маклакова о поисках новой идеологии. Сопоставление этих рассуждений с мыслями «сменовеховцев» дает основание говорить о совпадении главных идей. В письме от 3 января 1922 г. Маклаков отмечал: «И когда Вы подходите к вопросу о новой идеологии, я опять с Вами согласен; но ведь, идеологию не выдумаешь; мы можем только подмечать черточки, из которых эта идеология сложится; и жизнь довольно ясно говорит, из чего она сложится. Нужны еще некоторые поправки, и работа синтеза. Идеология уже складывается из восстановления того, что отрицал большевизм. Прежде всего, во главу угла будет положена идеология собственника; в этом, кажется, мы согласны. Это и лозунг зеленого движения. На первом плане будет собственник,

⁴¹⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

как знамя эпохи. Рядом с этим свобода; они идут рядом; недаром Достоевский говорил, что деньги – чеканная свобода; не помню, где сказал это Достоевский, но Столыпин цитировал эту фразу в одной из речей. Для собственника нужна будет свобода экономическая и правовая свобода, обеспечение гражданских прав, защита всякой инициативы, все, что мы называем американизмом. Это логическое последствие.

Нужна будет, в-третьих, и сильная власть для защиты этой собственности; тут, действительно, произойдет перемена прежних отношений; власть станет слугой народа, ибо народ будет полон инициативы и народ будет собственником; власть должна будет ограждать собственников против социалистов, против пролетариев так же, как против врагов и грабителей. Четвертое последствие той же свободы – желание, чтобы ей не ставили преград, чтобы для нее открылись все рынки и поприща; это будет толкать на объединение России; но это объединение России будет совмещаться с полным уважением к местным автономиям, языкам, культурам, ко всему тому, что не мешает хозяйственной эксплуатации. Вот целый ряд черточек, которые сложатся в определенную идеологию предприимчивого собственника, кулака; здесь не хватает одного – патриотизма. [Пропуск в тексте письма. – А. К.] непременно, как результат той же свободы. Появится и как реакция против того унижения, которое мы переживаем, и еще будем переживать в момент проникновения в Россию иностранных капиталистов, проявится и как естественное последствие той психологии, которая будет у народа, в котором кипит экономическая жизнь, который и чувствует себя хозяином своей судьбы. Включить сейчас этот принцип в

нашу идеологию, пока еще не решен вопрос об окраинах, тогда, когда он еще будет понят, прежде всего, как призыв к войне и к насилию против окраин, может быть, преждевременно. Патриотизм есть резюме всех гражданских добродетелей – сказал когда-то Гамбетта. С него нельзя начинать; но мы непременно придем к нему. А потому не родина, свобода и собственность, а пока только свобода и собственность, вот рычаг, на котором будут подниматься массы»^[417].

Не дожидаясь ответа от Бахметева на свое письмо, Маклаков направляет 10 января 1922 г. новое послание, полное намеков и на анонимный источник информации, который имел несколько «интересных свиданий с Красиным» (исходя из текстов предыдущих писем данным человеком был не кто иной, как Ю. В. Ключников). Это дает нам основание предположить, что контакты Маклакова и Ключникова продолжались и после конфликта по поводу публикации писем в журнале «Смена вех». Вот достаточно характерный отрывок из письма от 10 января: «Я не хочу на письме говорить то, чего не имею права Вам сказать, но предлагаю Вам догадаться, о чем и о ком говорил я в моих предыдущих письмах по поводу некоторых интересных свиданий с Красиным; здесь могут явиться перед нами новые комбинации, переговоры (более или менее открытые) большевиков уже не с Черновым и левыми эсерами, а с руководителями зеленого движения. Говорю об этом Вам, и только Вам, под условием не говорить это ни под каким видом Милюкову, Авксентьеву и Львову. Но знайте про эти начавшиеся переговоры,

⁴¹⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

чтобы они Вас не застали врасплох и чтобы Вы при знании о них могли объяснить некоторые политические события»^[418].

В ответном письме от 16 января 1922 г. Бахметев подробно остановился на смысле политики примирения: «Когда я говорю о reconciliation^[419], или вернее, об «apaisement»^[420], я имею в виду усталость России от гражданской войны, от гнета террора, от голода и холода; желание спокойствия; реакцию психологическую и бытовую; совокупность настроений, ищущих внутреннего и внешнего успокоения. И вот этот лозунг «внутреннее и внешнее успокоение» и должен явиться центром позиции конструктивного антибольшевизма. Русская заграница должна нести мир, конструктивное творчество, а не заниматься пустым бряцанием жестяными саблями и показыванием кулака в кармане. Но идея успокоения, внутреннего мира связана с осуществлением известных органических перемен. Сформулируйте правильно эти перемены; объясните, что необходимо для того, чтобы Россия вошла в период конструктивности, и выразите желание активно работать, как только эти перемены будут осуществлены. Наталкивайте заграничную государственную мысль на поддержку программ или позиций, формулирующих эти перемены, как реальные условия осуществления того, что нужно как России, так и Европе. Бурцев мне ответит,

⁴¹⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 1.

⁴¹⁹ Примирение, улаживание, урегулирование, примирительная процедура, согласование (англ.).

⁴²⁰ Умиротворение, политика умиротворения (англ.).

что он все это сформулировал, что эпоха конструктивной жизни начнется после свержения и т. д. Но дело не в словах, а в действительности. Официальная антибольшевистская мысль несет войну, а не мир; все отлично понимают, что, захватив власть, заговорщики и милитаристы России не успокоят, а только повторят историю прошлых лет с оборотной стороны. Мировое общественное мнение гораздо реалистичнее и чутче, чем обычно люди думают. Мировая психология интуитивно оценивает реальные отношения вещей и бессознательно подходит к тем же умозаключениям, к которым часто приходите Вы в Ваших, искренних и не стесненных условностями критики среды, письмах. Почему Америка может говорить правильно, а Европа нет. То, что Европе нужна больше Россия, казалось бы, должно заставлять ее лишь больше думать, более интенсивно и более ответственно; подходить к вопросам с более реалистической стороны. Не потому ли Европа мечется и принимает какие-то идиотские решения, что ей буквально не за что уцепиться; потому что она чует в уступках Ленина мощную поступь жизни, а в разглагольствовании русских антибольшевистских групп лишь пустословие и зрячее бряцание»^[421].

Следующее письмо от 27 января 1922 г. Бахметев начинает знаменательным замечанием: «Я опять у Вас в долгу. Вчера получил Ваши письма от 9-го и 10-го января, а между тем, я не ответил Вам на сборное письмо от 29-го декабря – 3 января. Вы касаетесь таких многочисленных вопросов, что за Вами не поспеешь. Кроме того, я завидую Ключникову, который имеет

⁴²¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 1.

возможность обдумывать и отделять свои мысли»^[422]. Можно предположить, что Бахметев этим эзоповым языком говорил не столько об отсутствии времени для написания писем, сколько о несвободе, связанной с его официальным положением посла.

Данное письмо начинается рассуждениями Бахметева о политических группировках: «Мое отношение к политическим группам. Очень трудный и щекотливый вопрос не только в силу его характера. Я привык быть с Вами абсолютно откровенным; конечно, знаю, что Вы меня не выдадите. Трудно ответить по существу. Вы знаете про ответ одного кавказца, который на вопрос, который из двух людей ему больше нравится, ответил: «Оба хуже». Мое отношение примерно соответствует ментальности кавказца. Откровенно говоря, все плохи; я не мог бы идентифицироваться ни с кем. Прежде всего, нет веры, той, о которой Вы так красиво пишете. Есть правая или левая рутинка, революционная или реакционная обывательщина. Нет воодушевления, созидательного творчества, даже правильного понимания»^[423].

Далее Бахметев подробно рассматривает перспективы развития России: «Разочаровавшись в пении хором: «свергнем, свергнем, свергнем», – они перебрасываются в маразм «Смены вех». Вы бесконечно правы, определив сущность будущей России как «свободу и собственность». Идеология будущего – это сочетание

⁴²² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 1.

⁴²³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 1.

экономического собственнического фундамента с соответствующей политической крышей. Обе стороны тесно переплетены. С этим связана сущность большевистского кризиса, тех бесплодных мук, которые переживает правое крыло, пытаясь удержаться у власти, наладив производство. Кризис заключается в бесплодности использовать обрывки капиталистической экономики для укрепления социалистического здания. Это все те же причины, которые делают невозможной большевистскую эволюцию. Только в силу этого совершенно бесполезно следовать советам Красина. Экономика, основанная на собственности, не может развиваться и осуществляться без свободы. Под словом «свобода» я понимаю быт, построенный на индивидуализме, на свободе занятий всякой деятельностью. Капиталистическая экономика, как видно, не так проста; одной жадностью не поможешь. Нужна уверенность в прочности политического и социального быта. Экономическому индивидуализму соответствует режим, в котором как принцип человек свободен делать все, кроме того, что специально запрещено законом или нормами морального поведения»^[424].

Через месяц, 23 февраля 1922 г., Маклаков вновь пишет об отсутствии реальных сил, способных извне уничтожить советскую власть: «Нужно смотреть на вещи прямо: никакой силы, которая бы разложила большевизм извне, не только не существует, но и не предвидится. Только начало производства создаст новый производящий класс, который не только потребует, но и

⁴²⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 1.

добьется своего участия в правительстве. Пусть это первое время будет сопровождаться развалом страны, распадением ее на мелкие ячейки, это распадение все-таки же сделает то, что нужно, выделит и выдвинет новых способных к управлению других людей»^[425].

А через несколько дней, в письме от 4 марта 1922 г., он опять поднимает вопрос о необходимости изменения тактики в отношении большевиков: «Если бы белые движения одолели большевизм, и после них создавалась бы народная власть, все то, что мы думаем о производстве, совершилось бы под этой властью легче. Поэтому, пока война была мыслима, мы могли говорить: сначала низвергнем большевиков. Но, когда война кончилась, и все надежды складываются из элементов экономического характера, из доедания последних остатков старых запасов, из восстановления производства их, словом, когда только этими средствами может быть свалена захватившая Россию сила, подобно тому, как работа мелких микробов убивает сильные организмы, простая добросовестность требовала, чтобы эмиграция вглядывалась в черты этого процесса и свою политику строила на помощи ему. И когда вместо этого представители эмиграции повторяют по-прежнему: сначала «долой большевиков», – то это признак того недомыслия и нереальности, которые и в былое время отличали нашу оппозицию...

... И теперь Милюков повторяет прежнее рассуждение: «Большевики, конечно, падут, отвалятся как шелуха, но только когда в самой России начнется здоровый процесс оживления и работы»; этот процесс

⁴²⁵ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 2.

необходим потому, что без него жить стало невозможно, но вместо того, чтобы направить свои силы на этот процесс, Милюков повторяет: «Необходимо чтобы сначала ушли большевики», и чуть ли не от самих большевиков ждет этого великодушного жеста»^[426].

В ответном письме от 23 марта 1922 г. Бахметев затронул многие сюжеты, поднимавшиеся ранее в письмах Маклакова: «Нам нужно остановиться, прежде всего, на том, чего не делать. Вы правильно пишете, что надежда сокрушить большевиков внешним воздействием прекратилась. Между тем существует Врангель с его армией, существуют монархические заговоры, офицерские организации в Германии, не изжиты окончательно попытки военных движений на Дальнем Востоке. Все это дает пищу Троцкому и даже представляет некоторую опасность осложнений в будущем. Все эти организации кем-то поддерживаются, с ними сносятся, за них заступаются перед иностранцами. Какое полезное и обширное поле для русского представительства и вообще для разумного национализма за границей расчистить горизонты и правильно поставить мозговые перспективы иностранных правительств. Я все время твержу, что главная причина, почему иностранцы ищут сближения с большевиками, в том, что до сих пор противоположный путь разрешения русского вопроса в их представлении связывается с видами русских националистов на безнадежную с точки зрения иностранцев авантюру.

Что сделано в этом направлении? Помогает ли или вредит, скажем, Финансовый совет вылупливанию

⁴²⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 3.

цыпленка своей абсолютно неясной для меня политикой в отношении к военным организациям, существованием генерала Миллера и пр.?

В Вашем письме 4 марта Вы критикуете формулу «низвержение большевизма», доказывая, что в лозунге «долой большевиков» есть громадная доза нелогичности и непрактичности. Вы пишете, что это – лозунг военный. Вы формулируете задачу национальной оппозиции, как помощь России перестать быть паразитной страной и сделаться страной производящей. Вам не нравится выражение «падение большевиков», – Вы предлагаете взамен термин «изменение методов управления». Мне кажется, я понимаю Ваши переживания; мне представляется, что Ваши рассуждения – реакция против того, что вокруг Вас. Я вижу в Ваших словах **здоровое и естественное стремление раскидать те глупые и переставшие быть полезными вехи** [выделено мной. – А. К.], вернее, частокол, которым окружила себя в прошлом национальная эмиграция. Я согласен с Вами и вибрирую одинаковыми ощущениями, поскольку приходится говорить о практическом понимании, которое вкладывается поныне в понятие «долой большевиков». Но я не уверен, не перегибаете ли Вы в Вашем правильном возмущении палку. Я опять-таки возвращаюсь к тому замечательному по ясности изложению, которым Вы пришли к заключению о необходимости политической революции. Формула «изменение методов управления» позволяет предполагать, что не важно, в чьих руках останется политическая власть, и что дело лишь в том, какие методы или приемы применяет эта власть и чем она руководствуется; но это означало бы возможность

эволюции большевизма или большевиков, которую Вы справедливо отвергаете.

Я твердо стою на почве необходимости революции, – органической и полной смены людей, отражающей переход власти в новые руки и установление господствования производящих классов. Под словом «революция» не надо понимать обязательно организованное восстание, преднамеренное военное действие и прочее. Не следует, конечно, исключать насильственного импульса, но не им определяется смысл этого термина. Применяя математический язык к понятию революция, я вижу элемент разрыва непрерывности в момент замещения правящей группы иной, по существу противоположной. Эта противоположность, исключая постепенный переход, и обуславливает необходимость разрыва непрерывности...

... Я не вижу, как можно приложиться к происходящему процессу в России, по крайней мере, извне, на почве какого-то обдуманного и принципиального плана. Как ни вертеть, но это будет соглашательство, которое усилит большевиков. Конечно, когда я говорю о соглашательстве, я имею в виду сколько-нибудь широкое и выявляющее себя течение вроде «Смены вех». Я не имею в виду работу отдельных профессионалов-интеллигентов в России, поскольку они в неизбежности бытовых условий приобщаются фактически к большевистской государственности. Там работа их есть внутренняя работа взращивания цыпленка, есть работа закрепления антибольшевистской полярности. Еще в прошлом году, после падения Деникина, я высказал, тогда казалось, еретическую мысль, что не следует ставить препятствий отдельным

лицам возвращаться в Россию, если это они желают. Но я по-прежнему против того, чтобы обобщать подобные стремления в какие-то общие формы, ставить их под знак национального императива и давать им идеологическую окраску»^[427].

Несмотря на различия в оценках «сменовеховства» между Маклаковым и Бахметевым, необходимо отметить близость магистральных подходов: невозможность свержения большевиков внешними силами, необходимо возрождение России за счет национальных сил. Уже это создавало повышенный интерес двух российских послов к течению «Смены вех». При этом важно для сравнения сопоставить позиции журнала «Смена вех» и газеты «Накануне», с одной стороны, с позициями Маклакова и Бахметева. Характеристики данного течения и его отдельных представителей постоянно присутствуют в их переписке. И поразительно чуть ли не дословное совпадение оценок. Так, в письме Маклакова от 24 мая 1922 г. содержится достаточно любопытная характеристика одного из ведущих «сменовеховцев» – Ключникова: «Я называю «новой» психологию, которая одновременно беспощадна к большевизму как к политическо-экономической доктрине, но которая, вместе в этом, и не видит будущего для России, которое бы пришло обходной дорогой, минуя большевизм. В этой новой психологии сходятся люди, приходящие от большевиков, как и от их противников. Недавно Ключников в статье в «Накануне» написал, что в Генуе большевики сделали шаг направо, а их противники – налево. Ключников любопытный представитель

⁴²⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 4.

знакомого типа, у которого не много не хватает, чтобы быть интересным; как Толстой писал в «Смерти Ивана Ильича», что всякой порядочной квартире всегда не хватает полвершка, чтобы быть чем-то. Я не раз замечал у Ключникова, что из своей головы, из пальца или от чужого ума он правильно схватывает основную идею вопроса или момента, но ее дискредитирует, когда пытается дать ей конкретную формулировку. В том, что большевики и их противники сойдутся на средней линии и что обе стороны сделают шаг по направлению друг к другу, заключается правильная мысль и даже бесспорная истина, но, когда Ключников пробует определить, в чем состояли эти шаги справа и слева, его рассуждение превратилось в карикатуру»^[428].

Под воздействием происходящих событий в оценках Маклакова и Бахметева наблюдаются определенные изменения. Так, вчерашний сторонник антибольшевистской революции и противник эволюционирования советской власти Бахметев в письме от 20 ноября 1922 г. вынужден признать: «Все сравнивают теперешнее положение с тем, что было, скажем, год тому назад. В результате – полные оптимизма и надежды утверждения, что Россия быстро эволюционирует, что коммунистический строй постепенно заменяется капиталистическими отношениями. Все это на фоне общего возрождения страны, вибрирующей юным и задорным национализмом... Другие, особенно приехавшие из России, под непосредственным впечатлением быстрой перемены, поумнения большевиков и отсутствия

⁴²⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 6.

организованных преемников, не прочь признать, хотя бы неполно, власть, видя в таком признании фактор, способствующий победе и укреплению умеренного крыла и разумных течений. Одно, в чем сходятся все наблюдатели и питаемое ими общественное мнение: надо отбросить мысль о революционном свержении большевиков. Население не желает революции; оно устало и жаждет мира и труда. Возможен внутренний переворот в Москве, «события», которые ознаменуют победу умеренных оппортунистов, их примирение со страной, начало новой эры, – одним словом, «термидор».

Вместе с тем замечается раздражение и презрительность по отношению к постановке вопросов в прежней форме – чисто отрицательных лозунгов. Все это характеризуется как пропаганда эмигрантов, которые ничему не научились и которым долго не будет места в России.

Главное – все это абсолютная правда, выводы из которой новое подтверждение позиций, к которым мы с Вами приходили в Париже. Факт эволюции и решительной перемены в России не только не надо отрицать, но надо всячески выдвигать, делать из этого факта отправную, центральную точку всей будущей тактики»^[429].

В развернутом виде данные постулаты были раскрыты Бахметевым в письме от 29 декабря 1922 г. Хотя в тексте письма нет упоминания Устрялова, как и имен других представителей «Смены вех», но их влияние на суждения Бахметева достаточно заметно, даже в

⁴²⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 9.

употреблении общей терминологии. Письмо столь интересно и значительно в идейно-политической эволюции Бахметева, что требует обширного цитирования. Итак, накануне нового, 1923 г. Бахметев писал:

«Большеви́стская власть существует продолжительно; власть эту никто не оспаривает не только в смысле прямых революционных выступлений, но даже в форме сколько-нибудь ясно складывающихся политических течений; наконец, Россия, даже большеви́стская, упорядочивается и в ней происходит эволюция. Вы правы, для себя мы можем проводить тонкие различия между эволюцией жизни и эволюцией большевиков. Я сам эту формулу выдумал и не намерен ее оспаривать. Она верна. Порою с известным самоудовлетворением, а в Вашем случае и с присущим блеском, мы можем доказывать эту разницу и даже убеждать отдельных государственных людей в том, что правильно строить тактику на этом различии. Но не будем же от себя скрывать, что все это – область высокого размышления, доступная немногим, доступная немногим не только потому, что большинство людей не достаточно подготовлено, чтобы понимать подобные тонкости, но и по гораздо более простой причине. Мы, профессионалы или жертвы политики, недостаточно сознаем, что большинство обывателей вовсе не склонно тратить время на размышления и на глубокий анализ социологических и политических фактов. Обывателя поражает простой комплекс фактов – большеви́стская власть длительно существует в России; никого нет, чтобы ее заменить; террор слабеет и власть принимает менее отталкивающие формы; наконец, в известных хотя бы областях, начинается зарождение какой-то

экономической жизни. Обыватель вообще не любит «завершенной» политики; он хочет мира, спокойствия; у него естественная склонность к наивному оптимизму, что все, мол, образуется, если, конечно, это все не нарушает его прямых и непосредственных интересов. Вот обыватель и начинает думать, что в России стало все на правильный путь и что возобновлением сношений, широким контактом, может быть даже признанием, можно ускорить и естественно разрешить всем надоевшую загадку русской жизни.

С явлением этим необходимо считаться, как с фактом; причем, необходимо тактическую линию нашего заграничного поведения приспособить к этому, повторяю, повсеместному и неизбежному явлению. На этом приспособлении нашей **тактической** линии поведения я настаиваю со всем убеждением и определенностью, и это сознание мною и руководило в прошлом сентябре в Париже, когда я столь неудачно выступил пред лицом промышленников и членов Национального комитета. Нам приходится считаться с направлением иностранного общественного мнения, и, повторяю, приспособлять к этому **тактику**, невзирая на то, что нет никаких причин нам самим изменять точку зрения относительно сущности и истинного смысла происходящих в России явлений и что, следовательно, **стратегия** наша должна оставаться неизменной...

...Я думаю, правильно общее положение, что в России нельзя ожидать общереволюционного подъема, и поэтому события, которые положат конец большевизму, будут, вероятно, носить местный характер с оттенком, может быть, дворцового переворота. В основном же вопросе о неизбежности политической революции я совершенно не изменил взглядов и радуюсь полному

совпадению моего понимания с тем, что Вы излагаете на стр. 13 и 14. Нет надобности преуменьшать значения совершающихся перемен и тех уступок, которые большевики делают натиску жизни. Однако остается совершенно ясным, что всем этим уступкам есть предел, что цель этих уступок – сохранить и укрепить свою власть и что коммунисты в целом (подчеркиваю слово в целом) не уступят в основном вопросе собственности и конструкции власти, как только развитие событий дойдет до предела, где эти уступки будут грозить их, коммунистов, господствованию. Поэтому в ее историческом синодике России предстоит момент разрыва непрерывности в смене власти и нам не избежать политической революции, комплекса событий, в результате которых, как Вы правильно говорите, капитал станет политической властью и которые в глазах населения и Европы предстанут в виде акта, который покончит с теперешним режимом и создаст новые условия экономического и политического бытия.

Мы много пишем и говорим о Термидоре. Я думаю, в этом есть много правды. Термидор есть акт политической революции. Термидор обозначал, что **часть** (противоположите целому) до тех пор господствовавшей группы выступила против другой, а значит, и против целого, и, опираясь на военную силу или народную демонстрацию, совершила насильственный акт, в результате которого установились новые форма и содержание государственного управления. Вы пишете о том, что часть коммунистов будет стрелять в своих внутренних противников. Эту же мысль я выражаю для себя так: внутри господствующей партии создаются течения и группы, между которыми происходит внутренний разрыв и обострение, причем эти раздоры

достигают предела, при котором дальнейшее совместное жительство и совместное управление делаются невозможными. Наступает момент, когда во имя собственного спасения и продолжения властвования одна часть должна покончить с другой. Наступает момент переворота, причем это может быть единственный случай политической революции, в которой известную роль играют предварительная организация и заговор...

...Да, мы прочно должны стоять на точке зрения неизбежности политической революции, и это основной пункт, которым определяется вся наша стратегия. Сказал бы так: будучи необыкновенно уступчивым и приспособляющимся в тактике, чтобы не оттолкнуть от себя иностранцев и не потерять возможности на них влиять, мы должны быть необыкновенно ясны, отчетливы и последовательны в области стратегии. Эти ясность и твердость стратегических позиций особенно нужны именно потому, что мы должны быть мягки и эластичны в тактических приемах.

Все эти обстоятельства я очень остро ощущаю здесь, так как за последнее время эволюционные точки зрения усилились под влиянием рассказов вернувшихся из России работников АРА и других наблюдателей. Должен признать, что их наблюдения и рассказы мало для нас благоприятны. Наблюдатели эти в ярких красках описывают изменившуюся внешность городской жизни; категорически отрицают наличие кого-либо другого, способного управлять. Они подчеркивают улучшение в эффективности советской бюрократии. Большинство этих людей ярко антибольшевистского направления и, я бы сказал, вполне консервативного образа мыслей. Они вполне отчетливо понимают недостатки коммунизма и кризис производства. Они сознают, что нэп не коснулся

крупной промышленности и что последняя еще мертва в коммунистических оковах. Наконец, все эти люди полны симпатии к России и проникнуты верой в ее будущее. Какой же результат их наблюдения? Они утверждают, что будущее России лежит по пути чистой эволюции. Они не предвидят заметных и резких форм изменения ни внешнего строя, ни даже персонала власти. Рекомендуемую тактику они подчиняют нашему же принципу – ускорения эволюции, помощи и способствования изменению русской жизни. И вот тут многие выдвигают положение, что расширением контакта и даже признанием можно усилить правое разумное крыло. Отдельные лица доходят до парадокса, проводя параллель в прошлом с идеей блокады, что надо признать большевистскую власть для того, чтобы доказать России и самим большевикам, что не в признании дело и что обнищание России и задержка в восстановительных процессах коренится не в международной изоляции, а в сущности и методах господствующего строя»^[430].

Здесь заметны мысли очень созвучные одному из ведущих «сменовеховцев» – Устрялову. Со временем становилось ясно, что надежды как Маклакова с Бахметевым, так и «сменовеховцев» на Термидор и перерождение большевиков не оправдываются. Время диктовало необходимость пересмотра вчерашних позиций. Этому была посвящена большая часть письма Маклакова от 2 января 1923 г.: «Мне хочется еще раз и плотнее говорить о большевизме. Как видите, и на этот раз все пророчества оказались фантазией. Я вспоминаю,

⁴³⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 11.

как Манухин, по приезде сюда, давал им два месяца сроку, как Прокопович-Кускова пророчила, что они не доживут до следующего года – и как, тем не менее, все осталось по-прежнему. Когда я сейчас слышу обычную фразу «когда падут большевики», то мне становится не только досадно, но и противно. То, что я неясно предчувствовал года два назад, а именно, что нельзя говорить о падении большевиков и что большевики никогда не падут, то для меня сейчас становится почти аксиомой. Мне хотелось бы эти слова «падение большевиков» исключить из нашего словаря, как исключить самую идею из нашего мировоззрения. Одно предположение, что это произойдет рано или поздно, в той или другой форме, что мы будем переживать какой-то момент «после падения большевиков», как мы переживали период после падения монархии – затемняет наше сознание, говоря французским выражением «fausse notre jugement»? **Конечно, то, что я говорю Вам, я говорю пока еще только Вам, и даже публично говорю иногда обратное**[выделено мной. – А. К.]. Это наша судьба в течение последних шести лет, с тех пор как наши великие люди стали властью, но потому-то Вам я и буду говорить с полной откровенностью.

Если бы мне что-либо хотелось сейчас до такой степени, что, вероятно, это сделаю, то это – съездить в Берлин, где сейчас скопилось много только что приехавших из России интеллигентов. Правда, пожалуй, я уже опоздал, и они поддались условностям эмигрантской психологии. Тем не менее, даже если их теперешние слова и будут заключать в себе налет здешнего понимания, кое-что они принесли с собой нового; и из третьих рук это новое дошло и до меня. В самых общих чертах я хочу Вам его показать.

Если я очень пессимистически смотрю на возможность падения большевиков, то напротив того, я еще гораздо более оптимистически, чем прежде, смотрю на процесс их разрушения. Большевизм, действительно, изживается и разрушается; в самом большевизме есть элементы его разрушения. Все только дело в том, что это будет разрушение большевизма, а не его падение.

Картина того, что происходит в России, может быть изображена так: теперешняя власть держится на трех устоях: войско, полиция (Чека) и коммунистическая партия. Этими тремя элементами теперешняя власть держит Россию и направляет ее жизнь. Трехлетняя (ибо я не считаю двух первых годов) практика власти отразилась на физиономии всех этих учреждений»^[431]. Далее Маклаков дает подробный анализ положения в Красной армии, ВЧК и РКП(б). По его мнению, в большевистской партии идут процессы постепенного вытеснения радикальных элементов и утверждения оппортунистического направления. Чекисты утратили свое былое значение, находятся под влиянием умеренных сил среди коммунистов. Особое положение, как считал Маклаков, сложилось в армии: «Среди этой армии довольно много элементов ненавидящих определенно большевизм; это все те, которые имели свое положение и до большевистского переворота; они были использованы как «спецы», с того момента, когда они по тем или иным соображениям пошли на службу к большевикам. Но если они думали, что они перехитрят большевиков и станут настоящими хозяевами армии, то они ошиблись. За ними всеми следят очень внимательно

⁴³¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 14.

и не только полицейские органы большевиков, но и все те представители командного состава, которые всем обязаны большевикам. Ввиду этого в своем общем и целом армия есть надежное орудие в руках большевистской власти, пока она есть власть и пока эта власть не изменяет тем национальным флагам, которые они же выбрасывают. Создание такой армии есть одно из завоеваний «Октябрьской революции»; если гениальное Временное правительство Февральского переворота уничтожило и разложило армию, то большевики ее создали»^[432].

Исходя из проведенного анализа, Маклаков приходит к следующему заключению: «Но что же есть в России организованного и способного низвергнуть теперешнюю большевистскую власть вне коммунистической партии? Приходится с определенностью сказать, что нет ничего. Этим объясняется, может быть, между прочим, то, что большевики, по общим отзывам, смягчили свой террор и не мешают общему недовольству обнаруживаться совершенно явно. Большевиков сейчас ругают на всех перекрестках, и они молчат. Поверхностные наблюдатели видели в этом признак их слабости; может быть, вернее было бы в этом видеть сознание ими своей силы. Большевики понимают, что опасны для них непреложные экономические законы, финансовый крах и т. д., а не обывательская смелость и нарекания. Они видели лучше, чем мы, что за этой обывательской руганью не стоит никакой реальной силы, и потому в ней нет никакой реальной опасности. Они уже не размениваются на

⁴³² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 14.

преследования за слишком откровенное слово, за внешнее непочтение, как они это делали тогда, когда они не сознавали ни своей силы, ни чужой слабости. Этим я объясняю себе сочетание двух несомненных наблюдений; увеличение общего и гласного негодования против большевиков, наличность нескрываемой к ним ненависти, с одной стороны, и растущая уверенность, с другой стороны, что этой власти ничего не грозит. Если мы будем искать хотя бы каких-либо признаков, что **извне** могут получиться центры восстания, заговоров и других видов политической борьбы – то мы ничего не найдем. Эсеры, с одной стороны, и монархисты, с другой стороны, уверяют, что у них есть сторонники и что они ведут в России какую-то работу. Среди объективных наблюдателей находятся люди, которые иногда констатируют наличность такой работы и тех, и других; но самая эта работа их напоминает попытки сделать туннель перочинным ножиком. Это самоутешение, удовлетворение известной моральной потребности «действия», сознательное и бессознательное втирание очков главарям и той, и другой политической партии – и бесполезные жертвы в результате. Но монархисты и эсеры, по крайней мере, ведут какую-то работу, хотя бы бесплодно. О кадетях нельзя сказать даже этого; кадетская партия вообще уже не существует; остается интеллигенция, которая была ее резервуаром; эта интеллигенция расслоилась в самых неопределенных направлениях: иная пошла на службу к большевикам, забывши все свое прошлое, иная пытается служить кое-как обществу помимо большевиков, иная ни о чем не думает, кроме того, чтобы добывать средства к существованию. Политической работы интеллигенция, как таковая, не делает никакой; политической борьбы

тоже; в лучшем случае, если у ней есть политические мечтания и политические воспоминания. Но зато она делает другое важное дело, по обстоятельствам момента, пожалуй, самое важное. Она старается жить, она противится большевистскому замыслу дать России вымереть, она есть источник этой борьбы за жизнь, в которой главный залог нашего возрождения. Для этого она идет и на все политические компромиссы, и на житейскую изобретательность. Служить и большевикам, и нэпманам, и мужикам. Это самое лучшее, что она может выдумать и сделать; но рассчитывать на нее как на элемент, который может сбросить власть, было бы, конечно, безумно. И все остальное в таком же роде. Никаких организованных элементов сопротивления. Различные гении Национального комитета рассчитывали на церковь; великий граф Ковалевский три года тому назад уверял меня, что церковь и есть та организация, которая сбросит большевиков; нечто в этом роде говорил даже и Георгий Львов. Несомненно одно, что большевики боялись церкви, как они, впрочем, много боялись раньше, этот грех теперь прошел, ибо церковь оказалась также бессильной, и изменили ей, прежде всего, **ее главари**, т. е. епископат; одних запугали, других купили. Евлогий несколько дней тому назад с грустью признавался, что церковь как организация совершенно разрушена...

...К каким же выводам может привести холодный разум? Ясно, что все ставки на военные заговоры, на террористические акты, на крестьянские восстания и т. п., все это один мираж. Это первое. Второе: самое опасное для России было бы, если у русского общества и народа пропала воля к жизни и если бы они стали покорно и покойно вымирать, как это делают индийцы во

время голодовок. Все, что способствует борьбе за жизнь, хотя бы это достигалось ценой не только соглашения с большевистскими властями, но даже путем ряда политических и, может быть, иногда и моральных компромиссов – есть все-таки желательное явление, которое нельзя осуждать и которое можно приветствовать и поощрять; и третье: тот чисто революционный процесс, который один приведет к радикальной перемене положения в России, есть победа «хозяйственников» над «политиками» в коммунистической партии. Все, что обостряет этот конфликт и что заставит «хозяйственников» для спасения своей головы пожертвовать головой «политиков», все это и есть настоящий прогресс и настоящее политическое улучшение.

Если холодный разум приводит к таким выводам, то, конечно, моральное чувство всякого человека реагирует на эти выводы неодинаково»^[433].

Данный вывод заставляет Маклакова вновь вспомнить о «Смене вех»: «Если не бояться правды и считать, что правда всегда самый убедительный аргумент, то нужно было бы создать новую идеологию «сменовеховцев» и, может быть, издавать новый журнал «Накануне». В нем можно было бы сказать то, что есть: что торжество коммунизма уже невозможно, что доказано опытом; что торжество не коммунизма, а коммунистической партии логически привело бы не к одному обнищанию, но и к вымиранию России, что эта опасность реальная и грозная, но что против нее есть и защита; что для того, чтобы защищаться против этой

⁴³³ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 14.

опасности, нужно помышлять не столько о политических идеалах и свободах, сколько о возможности борьбы за материальную жизнь; что поскольку советская власть этого не хочет, она Россию губит в самом прозаическом и материальном смысле этого слова, но что среди советской власти есть уже течение, которое не хочет гибели России и что это течение может рассчитывать на поддержку той России, которая тоже гибели не хочет. Отсюда и т. д. и т. д. следует целая программа необходимых возможных реформ. Вот что я стал бы говорить и русской эмигрантской публике, если бы я был редактором «Смены вех»; говорил бы это без подмигивания по адресу эмиграции, без холопства перед коммунистами и коммунизмом, без того непорядочного лукавства, на котором сейчас специализировались «Накануне». Но в то же время я говорил бы, что «Вехи» надо сменить, что прежние способы борьбы уже ни в какой мере не вызывают. Я бы призывал, таким образом, не к примирению с коммунизмом и с большевизмом, а к борьбе с ним иными путями, стараясь всего подробнее распутать вопрос о том, какие именно практические мероприятия теперешняя власть должна немедленно делать.

Вы знаете, что теперешние органы «Смены вех» не стоят на этой позиции и по существу уже ничем не отличаются от чисто большевистских изданий. Но что делает наша антибольшевистская пресса? Если возьмете ее всю, начиная от «Нового времени», кончая «Днями», то в них есть одно общее: это общее я назову нераскаянностью. «Новое время» убеждено, что все было более или менее благополучно до тех пор, пока не появились какие-то мерзавцы, сделавшие революцию и погубившие Россию. Вся их позиция теперь и

заключается в том, чтобы вместе с большевиками унижить деятелей первой революции. Но что делают «Последние новости» и «Дни»? Они не далеко ушли от того же мирозерцания: они считают, что все было превосходно после февраля 1917 года или если не было превосходно, то шло к лучшему, когда вдруг появились какие-то мерзавцы большевики и испортили им всю музыку. А потому главная позиция той и другой газеты – ругать и большевиков, и сторонников старого режима. «Новое время» занимается сейчас тем, что группирует вокруг себя, мысленно конечно, тот круг людей, которые неповинны в Февральской революции или в ней покаяться и считают, что они будущее России, а «Последние новости» и «Дни» отмежевываются и от большевиков, и от старого режима, образуя новую республиканско-демократическую партию (к слову сказать, вчера состоялось собрание учредителей) из людей, которые неповинны ни в Октябрьской революции, ни в старом режиме. И то, и другое мирозерцание в значительной степени тождественны, и ни с одним из них я согласиться не могу»^[434].

Эволюция «Смены вех», по сути дела, заставила Маклакова самому проделать определенную эволюцию: если «сменовеховцы», по его выражению, заняли позицию «холопства перед коммунистами и коммунизмом», он сам оказался сторонником «старых» идей «Смены вех», то есть идей сборника и журнала 1921 г. Характерна переключка идеи Маклакова о необходимости издания новой газеты «Накануне» (или новой «Смены вех») с подобной идеей харбинского

⁴³⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 14.

сменовеховца Н. В. Устрялова, оставшегося на «старых» позициях «Смены вех». При этом в письме Маклакова заметна его критическая оценка своих прежних позиций. Например, в письме от 1 февраля 1923 г. он пишет: «К сожалению, однако, если в процессе разрушения мы с Вами не ошиблись, и он происходит именно так, как мы предполагаем, процесс созидательный менее ясен и очень возможно, что мы и тут иногда принимаем мираж за действительность; в Вашей формуле: коммунизм умирает, а Россия возрождается вторая часть менее очевидна, чем первая; и многие из возникших надежд отцвели, не успевши расцвести»^[435].

Данную мысль он проводит и в письме от 24 апреля 1923 г.: «У меня то же ощущение, что и у Вас; процесс «вытеснения» идет очень медленно, и мне теперь смешно вспомнить про тот документ, который я когда-то Вам написал на эту тему. Вернее сказать, что настоящее возрождение идет там, где мы этого не замечаем; а те бросающиеся в глаза факты, из-за которых мы трубили победу, оказываются пухом. Логически рассуждая, это, впрочем, так и должно было быть; процесс не может не идти бесконечно долго и только наша естественная нетерпеливость, заставляющая надеяться, что все это произойдет еще при нас, побуждает нас кидаться на болотные огни и любоваться миражами. Приходится сознаваться, что такими же миражами оказываются некоторые наши расчеты и на резкий конфликт двух коммунистических крыльев и на решающее

вмешательство Красной армии и многое тому подобное»^[436].

Интересно замечание Бахметева в письме от 25 мая 1923 г. по поводу книги А. В. Пешехонова «Почему я не эмигрировал», позицию которого многие причисляли к «сменовеховской»: «Кускова мне писала, что пешехоновские записки не были напечатаны журналами и что в эмиграции они вообще вызвали возмущение. Этого понять не могу. Записки интересные, искренние, и ничего в них неправильного нет, кроме одного – преклонения перед принципом центральной государственности. Пешехонов, как большинство русских интеллигентов всех толков и направлений, видимость государства готов ставить в заслугу большевикам. Вот тут-то он и ошибается. Он, впрочем, правдиво ставит вопросы – крепка ли эта государственность и не есть ли это лишь механическое соединение «людской пыли». Пишу об этом, так как в изживании известных предрассудков и инерции прошлого вижу одно из необходимых достижений нашей будущей государственной мысли. Большевицкая государственность одна видимость, и создать ничего кроме пыли они не могли. Все это чисто механическая постройка, которая разрушится от малейшего прикосновения, но суть-то в том, что бывшая людская пыль за это время ожила, и в ней начали развиваться какие-то клетки, которые кучки пыли превратили в живые и творящие клубки будущего национального целого. Наша эмиграция не должна ставить в вину Пешехонову его увлечение большевицкой

⁴³⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 17.

государственностью, так как она вся почти поголовно страдает болезнью, вызвавшей у А. В.[Пешехонова] уродливое увлечение»^[437].

Осенью 1923 г. в переписке Маклакова и Бахметева дискусируются многие принципиальные вопросы, среди которых вопросы степени эволюции большевиков и возможности компромиссов с ними. По сути дела, это были те же дискуссии, которые на начальном этапе очно и заочно вели адепты «Смены вех». Так, в письме Бахметева Маклакову от 29 октября 1923 г., в частности, говорилось: «Я проводил опять-таки разницу между эволюцией жизни, всепобеждающей и торжествующей, и изменениями в большевистской тактике, изменениями, вызванными не эволюцией большевистской доктрины как таковой, а только необходимостью уступок. Более того, я очень отчетливо провел черту между уступками, которые они сделали и которые еще сделают, и теми предпосылками, без которых нельзя по-настоящему оживить Россию. Я ставил открыто вопрос: достаточны ли произошедшие изменения в русской жизни, чтобы служить основой непрерывного органического процесса. И я отвечал отрицательно. Я говорил, что сдача командных высот в области экономической невозможна без сдачи основной политической крепости – диктатуры партии; подкрепляя аргументацию историческими примерами и прецедентами, я настаивал на неизбежности в известный момент таких переломов **в организации власти** и структуры, которые символизировали бы конец большевистского господствования и начало новой эры.

⁴³⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 18.

Суть, однако, в том, что со времени падения Деникина я окончательно и органически изверился в возможность разрешения этих вопросов путем действия извне. А события последних лет и поиски и размышления в области исторических прецедентов твердо убедили меня в правильности концепции, которая символизируется знаменитым яйцом. Под большевистской скорлупой создается новый быт, складывается новая жизнь, понятия, психология, вырастают люди, и в один прекрасный день разломанная скорлупа падает, и на сцену выступает новая Россия. В этой гипотезе содержится также путь к ответу на Ваш вопрос, какие из процессов надо считать здоровыми, и что из того, что существующее есть материал, из коего строится будущая Россия, и что приходится отбросить в мусорный ящик. Отвечу на этот вопрос так – придется отбросить не только тех людей, которые олицетворяют для нас с Вами наиболее отталкивающий и неприемлемый период революции, но и очень многие понятия и представления, с которыми мы сжились в прошлом и которые заставляют ставить подобные Вашим вопросы о формах сотрудничества и совместной работы, хотя бы даже с будущей «демократией». Для меня лично вопрос этот не поднимается, не потому, что вся моя концепция об этой России, которая грядет, связана с совершенно новым типом соотношений индивидуума и государства.

... Я знаю, что в этом вопросе Вы со мною также не согласны и что мысль о государстве, как источнике благодати для всех, Вам не чужда; поэтому я понимаю, как остро стоит для Вас вопрос о сотрудничестве, даже если мыслить, что главные герои будут повержены и что только мелкие акуленки сохранятся в том будущем строе,

который придет на смену разрушенному коммунизму. Мне, например, лично было бы, вероятно, очень трудно работать с каким бы то ни было будущим правительством даже в таком вопросе, как внешняя политика, которую я, вероятно, лучше других знаю, где можно было бы быть всего более полезным и которая наиболее «беспартийна». Я поневоле вспоминаю все окружения Колчака и Деникина. Нравы ведь будут те же, или, вернее, хуже. А то, что было, то совершенно непереносимо. Если бы я только думал, что Россия не изживет этатизма и что будущее строительство будет проходить под знаменем централизованного бюрократического творчества, для меня лично вопрос об участии в этом творчестве, вероятно, пришлось бы решать отрицательно. Я не мог бы заразиться необходимым пафосом и верой.

Вы правы, нельзя довольствоваться пафосом материального благополучия, хотя богатые страны есть основная предпосылка массовой культуры. Страна может быть великой; великой во всех отношениях, только тогда, когда в основе ее национальной жизни устранены элементы нищеты и голодания и когда ее духовные порывы не стеснены проклятием бедности»^[438].

Примерно тогда же, осенью 1923 г. в переписке вновь непосредственно возникает тема «Смены вех». Так, в письме Маклакова 14 ноября 1923 г. говорится: «А между тем, то течение, которое смену вех взяло своим девизом, провалилось бесконечно, больше, чем какое бы то ни было другое; поистине страшно наблюдать, до какой низости моральной и политической дошли эти

⁴³⁸ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 1.

господа из «Накануне», с которыми еще не так давно мы были по одну сторону баррикады. Я не знаю, продолжаете ли Вы еще читать эту газету. Я опять начал ее читать с тем любопытством, с каким когда-то читал дубровинское «Русское знамя»; эта газета тадет [так в тексте. – А. К.] меру человеческого бесстыдства и подлости. Вот Вам небольшой образчик: через несколько дней начнется процесс Конради в Лозанне; газета «Накануне» выступила с рядом статей, где она заявляет, что для русского человека какая бы то ни была прикосновенность к этой защите, хотя бы в смысле снабжения защитников материалом, есть предательство и измена. Газета не жалеет слов, утверждая, что убийство Воровского есть подлость и гнусное убийство и что какое бы то ни было касательство к защите такого убийцы на суде есть провокация на убийство и тоже гнусность. Я невольно вспоминаю, что при старом режиме не считалось гнусностью защищать Каляева или Сазонова. А ведь эти слова о гнусности защитников пишутся в газете, где сотрудничали и Бобрищев-Пушкин, и друг Савинкова – Кирдецов, Лукьянов и другие. Среди них есть порядочные люди, но партийное ослепление дошло до того, что они уже не понимают, что сами говорят.

Ясно, что так «сменять вехи» нельзя и что это течение также скомпрометировано. Словом, скомпрометированы решительно все эмигрантские течения; договоривши свои шпаргалки до конца, они поневоле начинают прислушиваться, что делается там, а там в свою очередь есть новые слова и новые методы и приемы; не характерно ли, что там уже убирают Раковского из Лондона, а на его место прочат Кутлера или Некрасова. Можно предвидеть тот момент, когда

состоится смычка между разумными элементами России и разумных элементов эмиграции. Этого момента еще не настало, и смычки пока нет. Но пока неразумные элементы тех и других допевают свои безнадежные песни»^[439].

В связи с этим в письме от 23 ноября 1923 г. Маклаков вновь возвращается к оценке позиции Пешехонова и, в отличие от Бахметева, считает его политику государственника правильной: «Вы иронизируете над сменовеховцами, которые заслугу большевистской власти видят в том, что на деле есть пустой и ненужный фасад, т. е. в восстановлении правительственного аппарата. Не одни сменовеховцы это думают: вспомните, с какой резкостью эту мысль высказал Пешехонов; за нее его многие облаяли, но я прочел ее с большим интересом и уважением. Для меня это не только объективная правда, но в том, что это высказал Пешехонов, был признак просветления наших интеллигентских мозгов»^[440].

А в письме от 4 декабря 1923 г. Маклаков опять упоминает «сменовеховцев» в связи с процессом Конради: «В связи с процессом Конради я заглянул в нутро наших правых. Я, как Вы помните, возмущался претензией сменовеховцев поставить защиту Конради под интердикт. Но, когда я насмотрелся на его политических апологетов, меня самого берет оторопь. Защита Конради была, конечно, одной из самых

⁴³⁹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

⁴⁴⁰ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

благодарных для адвоката защитой, но они ухитрились так ее поставить, что с каждым днем оправдательный процесс становился сомнительным. Когда же Конради был все-таки оправдан, началась вакханалия: не тому, что не свершилось соблазна, что суд не стал на сторону большевиков; такого оптического обмана я боялся и сам. В оправдании Конради стали видеть перелом в настроении Европы, принципиальное одобрение террора как системы борьбы и даже крах большевизма. Не было предела тем глупостям, которые по этому поводу говорились»^[441].

Далее в письме от 4 декабря 1923 г. Маклаков, переходя к общим вопросам, пишет: «Почему мы России вредим. Не только потому, что, противясь, хотя бы и в замаскированной форме, проникновению в Россию большого капитала, сговору его с большевистской властью, мы лишаем Россию того фактора, который может повлиять на оздоровление власти; вредим мы, правда, бессознательно еще тем, что, отпугивая от России здоровый, т. е. производительный капитал, направляем в нее недобросовестный и спекулянтский»^[442].

Очень важными представляются пространные рассуждения в данном письме Маклакова о возможности сотрудничества с советской властью: «Знаю, что работать над оздоровлением власти не значит стать сменовеховцем; сменовеховцы служат большевикам,

⁴⁴¹ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

⁴⁴² Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

каковы они есть. Сменовеховцы – это Львы Тихомировы; нам же нужна позиция оппозиции, только разумной. Можно сказать, что в современных условиях она невозможна; но дело не только в том, что нам мешают условия; мы просто не хотим примириться с этой ролью, более того: чем благоприятнее будут условия, тем наши требования непримиримее. Мы, эмиграция – просто не сумели переварить обыкновенного факта, что жизнь выбросила нас из России и что Россия может быть восстановлена помимо нас и без нас. Мы затаили в себе такую горечь, что не способны желать восстановления России, если только это не будет сделано нашими руками. Это точь-в-точь настроение, которое в былое время заставляло кадет быть непримиримыми к Столыпину. Правда, тогда мы себя считали еще способными управлять Россией и думали, что масса за нами пойдет; но сейчас, хотя мы этого и не думаем, но от прежней психологии не отделались. И от этой роли, которую мы одни могли бы исполнить, мы перекидываемся к другим, где, по меньшей мере, бесполезны, и то стараемся издали поднять восстание, то начинаем увлекаться террористической деятельностью, то стараемся удерживать Европу от всякого сближения с Советской Россией. И мы все более становимся шелухой, которая никому не нужна, быть может, именно той скорлупой, которую сбросит цыпленок.

Из сказанного я не делаю практических выводов; оно только иллюстрация к мыслям, которые вызвали мое не посланное письмо Кусковой. Формулировать их можно кратко: я не вижу позиции, на которой мы здесь можем служить России. Мы либо стоим на позиции непримиримости, и тогда жизнь развивается помимо нас

и без нас. Если же мы пытаемся пойти другой дорогой и работать с большевиками, то становимся «сменовеховцами», т. е. заведомо предаем интересы России. Пока – вот наша альтернатива. Будущее вне нашей воли и воздействия. Одно из двух: либо элементы оздоровления создадутся вокруг самой власти, в ней самой, и она повернет сама и низвергнет за собой страну, даже без нашей помощи, естественным процессом жизни; дальновидный и честный капитал окажет поддержку этим элементам. Либо этого не будет: тогда предстоит тяжелая полоса, когда произойдет соединение хищнического капитала с наиболее подлыми элементами большевистской власти; тогда разложение России будет продолжаться, и Россия либо умрет как национальный орган, как раньше ее умирало много других национальных организмов, либо в процессе гниения вызовет и ускорит возникновение тех здоровых органических сил, которые остановят разложение. Но и в том и в другом случае мы остаемся простыми зрителями, т. е. лишними людьми.

Во всем том, что я Вам пишу, есть, конечно, логический пробел, который я хорошо ощущаю. Вы можете мне сказать, и Вы будете правы, что при таком взгляде на дело надо либо безропотно и со спокойствием исполнять ремесло лишнего человека, или ехать в Россию, не став сменовеховцем, и показать на собственном примере, что можно делать. Это все правда. Но во-первых, дело не во мне лично, а в эмиграции, в ее настроении, в известном массовом тяготении; такого решения эмиграция ни за что не примет. Сделать же это одному, показав пример – я не хочу; и совсем не потому, чтобы боялся, а просто потому, что этот пример не только не вызовет ничего, кроме соблазна, но, наверное,

придется по душе только тем сменовеховцам, которые мне омерзительны. Noblesse oblige^[443] – и я на это не пойду. А успокоиться на роли лишнего человека, писать мемуары, сотрудничать в газетах или просто поступать на службу – мне пока претит. Эмиграция была когда-то трогательна; когда мы видели аристократок, работающих в качестве модисток, предводителей и офицеров в роли метрдотелей, шоферов, лакеев и т. п. Это было ново и часто умилительно. Но к этому теперь привыкли; и когда эти занятия становятся профессией, это начинает производить обратное впечатление. Роль российской эмиграции в Европе в качестве прислужников европейских капиталистов, их развлекателей или нахлебников убивает если не уважение к ней, то всякий политический интерес. Вот тупик, из которого я выхода не вижу. Сменовеховцем я не стану, но обслуживать французскую буржуазию тоже не захочу. Тут стоит предел, за которым я пока себя не вижу»^[444].

Очень важными представляются выводы из письма Маклакова от 4 декабря 1923 г.: «Вы можете сказать, что я начал за здравие, а кончил за упокой. Это от того, что я отдал дань эгоцентризму, и от теории перешел к практике, и к основному вопросу: что делать? Как ясно я чувствую справедливость слов Кайо, который сказал в своей защитительной речи, что бывают моменты, когда трудность не в том, чтобы исполнить свой долг, а в том, чтобы понимать, в чем он состоит. Вы лично как-то удивительно счастливо ухитряетесь сочетать спокойствие

⁴⁴³ Положение обязывает (фр.).

⁴⁴⁴ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

духа с сознанием невозможности «действовать». Это, вероятно, потому, что Вы больше меня инженер, естествоиспытатель и т. п., который понимает, что такое непреодолимая сила законов природы. Я все-таки адвокат и политик, которые привыкли к тому, что они обязаны действовать, хотя бы из их действий ничего и не выходило. Адвокат не может промолчать и в совершенно безнадежном деле. Но ведь в данном случае мое отношение к этому вопросу происходит не из-за одних профессиональных навыков адвоката. Я не ошибаюсь, когда думаю, что мы и могли бы и должны бы действовать; наши действия не обязаны вовсе заключаться непременно в том, чтобы либо вести гражданскую войну, либо подстреливать Воровских. Пусть под скорлупой зреет цыпленок. Но снаружи мы управляем теми живыми клеточками, которые в этом цыпленке созревают. Но и снаружи яйцо можно окружить здоровой температурой или такой, от которой цыпленок сгниет или замерзнет. Это функция небольшая, но необходимая. Но относительно России мы и ее не соблюдаем. Отчасти потому, что мы в точности не знаем степени нужной для этого цыпленка температуры. Мы колеблемся от блокады до признания большевистской власти. И так как мы не знаем, какая температура нужнее, то и предпочитаем воздерживаться *dans le doute astiens toi*^[445]. Но этой функции я не исполняю еще больше потому, что работать над созданием такой температуры значило бы, в сущности, работать над эмиграцией, над ее объединением, над приведением ее к разуму, и эта тягостная работа для практической цели представляется мне столь же безнадежной, сколь

⁴⁴⁵ Принуждая себя (*фр.*).

заливание пожара спринцовкой. Очевидно, дом сгорит раньше, чем я залью пожар; в России цыпленок созреет раньше, чем эмиграция между собой сговорится. А простое горделивое сознание, что я правильнее других понимаю положение, что если бы меня послушали, то было бы лучше для меня, не только не утешение и не оправдание, а как раз наоборот. Со мной это случается уже не в первый раз, и в этой позиции Кассандры я не вижу для себя ничего ни лестного, ни утешительного. И оттого во мне нет Вашего олимпийского спокойствия, и потому нет и той мудрости, которая без спокойствия не мыслима. Но довольно. Последними словами Вашего письма Вы указывали некоторый подход к практическому делу. Буду ждать развития этой мысли, тем более что Ваши предчувствия правильны: в отношении большевизма сейчас Европа стоит на плохом пути, но только и в этом эмиграция ей помешать не способна»^[446].

В конце 1923 г. вновь поднимается тема «Смены веков», на этот раз в контексте места и роли российских послов для будущей России. В письме от 10 января 1924 г. Бахметев полемизирует с Маклаковым: «Приступаю ко второй части Вашего письма, посвященного России. На странице 37-ой, резюмируя мысли, Вы пишете – «я не вижу позиции, на которой мы здесь можем служить России; мы либо стоим на позиции непримиримости, и тогда жизнь развертывается помимо нас, или... мы становимся сменовековцами, т. е. заведомо продаем интересы России». На странице 40-й продолжаете Вы – «мы колеблемся от блокады до признания большевиков»; немного выше, оперируя над

⁴⁴⁶ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

цыпленком и скорлупой, Вы, однако, говорите – «снаружи яйцо можно или окружить здоровой температурой, или такой, от которой цыпленок сгниет или замерзнет, это функция небольшая, но необходимая».

Вопрос поставлен Вами в лоб. Более того, поставлен в плоскости того окружения русской эмиграцией, которое господствует в Париже и с которым я столкнулся в прошедшем году. Мои парижские впечатления полностью подтверждают Ваши слова – или блокада (скажу в скобках – бравада), или сменовеховство. Вернувшись из Лондона и Берлина и остро чувствуя, что «при всех этих переговорах мы отсутствуем», я сделал известную Вам попытку договориться о реальных вещах и на реальном языке с людьми, которых хочется вывести из этого ужасного положения абсолютной никчемности. Результаты у нас в свежей памяти. В атмосфере Парижа Вы не можете ничего писать иного, так как, говоря об эмиграции, Вы невольно говорите об знакомых нам друзьях и приятелях. Этим, может, объясняется неизбежное с Вашей стороны настойчивое повторение вещей, которые, собственно, по существу не требуют доказательств. Со слов Вашего приятеля из России Вы пишете: там «публика не хочет революции»; усталость и изможденность странно сочетается с активной жаждой творчества. Это все, конечно, так. Россия консервативна, и консервативно настроенное население не делает революций даже против ненавистой ему власти»^[447].

По сути дела, Бахметев и Маклаков оказались заложниками своего положения послов: они видели все

⁴⁴⁷ Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 4.

недостатки и даже опасности воинствующего антибольшевизма «белой эмиграции», но были вынуждены лишь в своей тайной переписке критиковать адептов непримиримых антисоветских взглядов. Одновременно они сознавали необходимость проведения политики «компромиссов и эволюций», однако без лакейства перед большевиками «позднего сменовеховства». Разумеется, Бахметева и Маклакова даже условно нельзя назвать сторонниками «Смены вех», но определенно заметно их стремление выразить те же идеологические тенденции, которые на определенном этапе выражали и «сменовеховцы», а именно: строительство русского национально-демократического государства и отказ от непримиримой борьбы против советской власти, надежды на ее эволюцию в сторону либерально-демократических основ. Если большинство «сменовеховцев» достаточно быстро превратились в поборников большевиков, то Бахметев и Маклаков были вынуждены из-за положения послов скрывать свои истинные взгляды от эмигрантской общественности, что позволило им сохранить свой имидж непримиримых антибольшевиков. Только сохранившаяся в архиве Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета (США) тайная переписка двух российских послов позволила узнать их подлинные взгляды, разобраться в эволюции подходов, отметить соприкосновение вектора их поиска новых идей русского либерализма с подобными поисками тех, кого было принято называть «сменовеховцами».

Вслед за авторами сборника «Смена вех» Маклаков и Бахметев уделяют значительное внимание в своей переписке возможности эволюции большевистского режима «в сторону обычной демократии». Маклаков под

псевдонимом выступает в журнале «Смена вех», когда без его согласия Ю. В. Ключников опубликовал выдержки из писем посла. Несмотря на недовольство фактом публикации в подобной форме, контакты Маклакова и Ключникова продолжались, что видно из переписки с Бахметевым. Однако быстрое «скатывание сменовехов» к пробольшевистским позициям приводит к тому, что не только Маклаков и Бахметев осуждают подобную эволюцию, но и один из самых ярких «сменовеховцев» Н. В. Устрялов.

Таким образом, и в Советской России, и в белой эмиграции интеллигенция пыталась определить новую идеологию, способную возродить Россию. Поиски Третьего Пути сменовеховцами, евразийцами, национал-максималистами и другими общественно-политическими течениями, движениями и группами базировались на основах патриотизма и на вере в скорое перерождение большевистской власти. При всем различии данных идей открытым оставался вопрос о реальности «эволюции» советской власти в какую-то новую общественную систему. В тех условиях расчеты на «эволюцию большевизма» не могли оправдаться, ибо административно-бюрократическая система «диктатуры пролетариата» была уже достаточно серьезным фактором, могущим подавить любые либерально-демократические поползновения. Исход борьбы в ВКП(б) в 1920-е годы показал мощь системы, выдвинувшей своим лидером Сталина. Тогда можно предположить, что были правы те идеологи интеллигенции, которые ратовали за новый поход против Совдепии и категорично отвергали возможность Третьего Пути. Однако анализ политических, военных и экономических сил в тогдашнем мире не дает оснований

говорить о реальности военно-политического устранения большевиков от власти. Противоречия между крупнейшими мировыми державами, политическая раздробленность антибольшевистских сил внутри и вне страны подтверждают верность оценок о невозможности нового похода против «Родины мировой пролетарской революции» в тех условиях. Означает ли это, что идейные поиски Третьего Пути были напрасны, а результаты деятельности его сторонников ничтожны? Конечно, провозглашение большевиками «гражданского мира» оказалось лишь пропагандистским лозунгом, «нэповские» идеи так и не получили широкого, реального воплощения. Многие российские интеллигенты, в том числе интеллигенты-эмигранты, поддавшиеся на призывы сменовеховцев, евразийцев и других близких им течений к сотрудничеству с единственной реальной национальной силой – большевиками, оказались жертвами «большого террора». Но в их сознании жила надежда на «эволюцию большевизма» в сторону реальной демократии. Эти идеи консервативно-либеральных сил не были осуществлены при жизни идеологов Третьего Пути. Но они оказались востребованы отечественной интеллигенцией в конце 1980-х – начале 1990-х годов, когда многие, еще недавно господствовавшие в мире идеологические ориентиры померкли. Значительный интерес к генезису идей Третьего Пути показывает, что идеологические поиски общественного аттрактора интеллигенции российского зарубежья и «нэповской» России 1920-х годов не были напрасными.

Аннотированный указатель периодических изданий

«Смена вех» – журнал эмигрантской интеллигенции, продолживший пропаганду идей сборника «Смена вех» (Прага, 1921). С 29 октября 1921 г. по 25 марта 1922 г. вышло 20 номеров. В них были опубликованы публицистические материалы *А. Бобрищева-Пушкина, В. Белова, М. Григорьева, Р. Гуля, Б. Дюшена, Ю. Ключникова, Г. Чуковского, С. Лукьянова, А. Львовича, В. Львова, Н. Насветича, А. Носкова, Ю. Потехина, П. Садыкера, С. Стелецкого, Н. Устрялова, С. Чахотина*, проживавших в то время в эмиграции, а также материалы из России *Н. Ашешова, А. Блока, Э. Голлербаха, С. Городецкого, Е. Дорошевича, П. С. Когана, М. Кузьмина, В. Лаврецкого, В. Муйжеля, С. Членова*. Выпуск журнала в финансовом плане поддерживался представителями советской власти. Именно по финансовым соображениям и по требованию советского представителя выпуск журнала в Париже был заменен на выпуск ежедневной сменовеховской газеты «Накануне» в Берлине. **Подробнее см.:** *Агурский М. Идеология национал-большевизма. Парше, 1980; Квакин Л. В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа: 1921–1927. Саратов, 1991; Федюкин С. Л. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М, 1977. Hardeman Hilde. Coming to terms the Soviet regime: the*

«Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.

«Накануне» – центральный печатный орган сменовеховцев. Газета выходила в Берлине с марта 1922 г. по 15 июня 1924 г. Газета продолжила пропаганду идей, высказанных ранее в сборнике «Смена вех» (Прага, 1921) и журнале «Смена вех» (Париж, октябрь 1921 г. – март 1922 г.). По финансовым причинам и по требованию советских представителей издание данной газеты было организовано в Берлине для воздействия на демократические слои эмигрантской интеллигенции, особенно широко представленные в Германии и ее столице. Первоначально в состав редколлегии входили *Г. Л. Кирдецов, Б. В. Дюшен, С. С. Лукьянов, Ю. Н. Потехин* при редакторе *Ю. В. Ключникове*. С № 114 от 23 августа 1922 г. главным редактором стал *Г. Л. Кирдецов*, а в редколлегию вошли *С. С. Лукьянов, П. Л. Садыкер, С. С. Чахотин*, так как *Ю. В. Ключников* и *Ю. Н. Потехин* были приглашены в Москву и под давлением советских представителей и остальных членов редакции были смещены со своих постов в редакции газеты «Накануне». Всего в издании газеты принимало участие около 400 корреспондентов, преимущественно из числа эмигрантской демократической интеллигенции. Достаточно быстро чисто газетное дело выросло в крупномасштабное предприятие – акционерное общество издательского дела «Накануне». Оно занималось не только издательской деятельностью, но также и вопросами репатриации, представляло некоторые службы Красного Креста. «Накануне» оказалась единственной эмигрантской газетой, разрешенной к ввозу на советскую территорию, и доставлялась в Москву

авиакомпанией «Дерулюфт». Газета оказала существенное воздействие на организацию движения «возвращенчества» российских эмигрантов. Одновременно «Накануне» с патриотических позиций отстаивала внешнеполитические интересы страны. На ее страницах шел интенсивный диалог двух разделенных частей единой российской культуры: советской и эмигрантской. Газета издавала воскресное литературное приложение под редакцией *А. Н. Толстого*, а также по четвергам экономическое обозрение под редакцией профессора *Г. Г. Швиттау*, кинообозрение под редакцией *О. С. Мельника*. Здесь печатались *М. Булгаков*, *С. Есенин*, *В. Катаев*, *К. Федин*, *А. Неверов*, *О. Мандельштам*, *М. Зощенко*, *Б. Пильняк*, *А. Яковлев* и многие другие известные представители российской творческой интеллигенции 1920-х годов. Всего вышел 651 номер газеты. Из-за финансовых трудностей и усиливающихся разногласий в редколлегии 15 июня 1924 г. было объявлено о прекращении выпуска газеты, официально объясненного редакцией завершением выполнения основной сменовеховской задачи – «разложения белой эмиграции».

Подробнее см.: Агурский М. *Идеология национал-большевизма. Париж, 1980*; Осипов В. А. *Газета «Накануне» // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940-е годы: Сборник материалов Международной научной конференции. М, 1993. С. 46.* *Hardeman Hilde. Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.*

«Новая Россия» («Россия») – ежемесячный литературно-общественный журнал сменовеховской ориентации. Главный редактор – *И. Т. Лежнев*. Журнал

издавался в Петрограде и в Москве с марта 1922 г. по март 1926 г. Планировалось открыть филиал редакции журнала в Берлине и печатать часть тиража в зарубежье для русских эмигрантов, однако из-за финансовых трудностей данный замысел не был осуществлен. Тираж колебался от 8100 до 15 000 экземпляров. По административным и экономическим причинам издатели, место издания и названия журнала неоднократно изменялись, о чем свидетельствует следующая таблица:

именование журнала	Издатель	Место издания	Год	Количество номеров в 1
«Новая Россия»	Д.Д. Френкель	Петроград	1922	1—2
«Россия»	Д.Д. Френкель	Москва	1922	1—2
«Россия»	«Новое слово»	Москва	1922	3—4
«Россия»	«Новое слово»	Москва	1923	5—9
«Россия»	А.З. Когонский	Москва	1924	1(10) — 3
«Россия»	А.З. Когонский	Москва	1925	4(13) — 5(
«Новая Россия»	«Новая Россия»	Москва	1926	1—3

С начала издания до конца 1923 г. ведущее место в журнале занимала публицистика, в 1924–1925 гг. – литературно-художественные произведения. Журнал задумывался как «первый беспартийный общественный журнал», предназначенный в первую очередь для интеллигенции. На страницах журнала предполагалось выработать «новую идеологию» для «новой общественности». Состав авторов журнала был неоднородным: здесь печатались близкий к берлинским сменовеховцам главный редактор журнала *И. Г. Лежнев*, *В. Г. Тан-Богораз*, не признающий своего идейного родства со сменовеховцами; откровенные сменовеховцы *Н. В. Устрялов* и *С. С. Лукьянов*; известный генерал *А. Брусилов*, литераторы *А. Ремизов*, *Е. Замятин*, *Н. Тихонов*, *П. Антокольский*, *Б. Пастернак*, *В. Ходасевич*,

О. Мандельштам, Е. Полонский, В. Хлебников, М. Кузьмин, В. Брюсов, А. Белый, Б. Пильняк, В. Лидин, Ник. Никитин, М. Слонимский, И. Эренбург, О. Форш, М. Булгаков, а также некоторые зарубежные авторы. Весной 1923 г. планировалось издавать журнал в Берлине при сохранении редколлегии в Москве. При этом часть издания предполагалось оставлять за границей, остальной тираж привозить в СССР, но по причине разразившейся в Германии инфляции данный план не был осуществлен. В преддверии решающей борьбы И. В. Сталина с так называемой «объединенной оппозицией» в мае 1926 г. журнал «Россия» был закрыт, а его редактор в административном порядке выслан за границу.

Подробнее см.: *Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Квакин А. В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа: 1921–1927. Саратов, 1991; Лежнев И. Г. Записки современника. Т. 1. Истоки. Изд. 3-е, испр. и доп. М, 1936; Федорова О. П. Журнальная публицистика 20-х годов как источник по истории советской интеллигенции. М., 1985; Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М, 1977; Hardeman Hilde. Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.*

«Воля России» (Прага, 1920–1932) – первоначально газета, в 1922 г. – еженедельник, а с сентября 1922 г. – ежемесячный «журнал политики и культуры».

«Голос России» – ежедневная газета, выходила в Берлине с 18 февраля 1919-го по 15 октября 1922 г. под редакцией князя Шаховского.

«Дни» – газета под редакцией А. Ф. Керенского. Выходила с 1922-го по 1933 г. первоначально в Берлине как «Русская ежедневная газета по вопросам политики, экономики и культуры», а затем с 1924 г. как «Русская республиканская ежедневная газета», позже с 1925 г. как «Ежедневная русская газета» в Париже. С 1933-го по 1936 г. выходила как еженедельник «Свобода».

«За Свободу!» (Варшава, 4 ноября 1921 г. – 5 апреля 1932 г.) – ежедневная общественно-политическая газета. Фактическим редактором был Д. В. Философов. Субсидии на издание предоставлялись польскими правительственными учреждениями.

«Новое время» – ежедневная газета под редакцией М. А. Суворина. Выходила в Белграде с 1921-го по 1931 г.

«Общее дело» – газета, издававшаяся в Париже В. Л. Бурцевым. Круг постоянных авторов, создавших «Общему делу» репутацию одного из главных печатных органов эмиграции, отличался широтой, как бы исключая предположения о партийной пристрастности, а значит, однобокости суждений и оценок. ***Подробнее см.:** Литературная энциклопедия русского Зарубежья. 1918–1940. М.: РОССПЭН, 2000. Т. 2. С. 271–277.*

«Руль» – газета кадетского направления, выходила в Берлине с 16 ноября 1920 г. по 14 октября 1931 г. под редакцией И. В. Гессена, А. Д. Каминки, В. Д. Набокова.

Краткая библиография

Abramovitch Raphael. The Soviet revolution. New York, 1962.

Agursky Mikhail. Selling anti-Semitism in Moscow // New York review of books. 1972. Nov. 16.

Agursky Mikhail. The Soviet legitimacy crisis and its international implications // Many faces of communism, in Morton Kaplan (ed). New York, 1978.

Agursky Mikhail. Der misslungene Versuch zur Vernichtung der Russische Orthodoxe Kirche in den Jahren 1922–1923 // Ostkirchliche Studien. 1973. № 2–3.

Agursky Mikhail. Dmitrievsky and the origins of National-Bolshevism // Soviet Jewish affairs. 1977. № 2.

Agursky Mikhail. Russian nationalism and the Jewish question // In Moshe Davis (ed), «World Jewry and the state of Israel». New York, 1977.

Ainsztein Reuben. The roots of Russian antisemitism. Jewish quarterly. 1972. V. 20.

Altshuler Mordechai. The Jewish section of the Communist party of the USSR. Dr. Thesis. Jerusalem. 1971 (in Hebrew).

Armstrong John. The Jewish predicament in the Soviet Union // Midstream. 1971. № 1.

Avrich Paul. Kronstadt 1921. Princeton, 1970.

Azrae I Jeremy. Managerial power and Soviet politics. Harvard University, Press, 1966.

Bailey Geoffry. The conspirators. New York, 1960.

- Bajanov Boris.* Avec Stalin dans le Kremlin. Pads, 1930.
- Barghoom Frederick.* Soviet Russian nationalism. New York, 1956.
- Barmine Alexander.* Memoirs of a Soviet diplomat. London, 1938.
- Bennigsen Alexandra.* Islam in the Soviet Union. New York, 1967.
- Berlin Isaiah.* The philosophical ideas of G. Vico. Roma, 1960.
- Bertoni Renzo.* Trionfo del Fascismo nell' RSS. Roma, 1934.
- Besancon Alain.* Les engines intellectuelles du Leninisme. Paris, 1977.
- Biehahn Walter.* Marxism und nationale Idea in Russland Osteuropa, v. 9, 1933–1934.
- Boss Otto.* Die Lehre der Eurasler. Wiesbaden, 1961.
- Bruno Rizzi e il collectivismo burocratico // Interrogations.* 1977. Nº 1.
- Bunyan James, Fisher H.* The Bolshevik revolution, 1917–1918. Stanford, 1934.
- Carmichael Joel.* Trotsky. L, 1975.
- Carr Edward.* The history of Soviet Russia, v. I–V, I. 1975.
- Carriere d'Encausse Helene.* Bolshevisme et nation. Paris, 1978.
- Ciliga Anton.* The Russian enigma. L., 1940.
- Cohen Stephen.* Bukharin. N. Y., 1973.

Daniels Robert. The conscience of revolution. Cambridge, 1966.

Dmitrievsky S. Dans les coulisses du Kremlin. Paris, 1933.

Etlinger Schmuël. Russian society and the Jews // Bulletin on Soviet and East European Jewish affairs. 1970. № 5.

Fainsod Merle. Smolensk under Soviet rule. Cambridge, 1958.

Fejto Francois. Les communisme national ou le national-communisme // Symposium «Le Leninisme, 1917–1977». Paris, 1977.

Gitelman Zvi. Jewish nationality and Soviet politics. Princeton, 1972.

Got'e, Iu. Time of Troubles: The Diary of Iurij Vladimirovich Got'e, Moscow, July 8, 1917 to July 23, 1922. Translated and edited by T. Emmons. London, 1988.

Greife Hermann. Sowietforschung. Berlin, 1936.

Gurevitz Banih. National communism in the Soviet Union. Doct. thesis Gurko V., «Features and figures of the Past». Stanford, 1939.

GoebbeIs Joseph. Die Zweite revolution. Zwickau, 1926.

Heller Michael. Survivors from Utopia. Survey. 1975. V. 21. № 3.

Herriot E. La Russie nouvelle. Paris, 1922.

Ipatieff Vladimir. The life of a chemist. Stanford, 1940.

Johannes Chrisostomus. Kirchengeschichte Russlands der nuesten Zert. Bd. 1–2. Munchen, 1965.

- Kolarz Walter.* Stalin and eternal Russia. L., 1944.
- Korey William.* The Soviet cage. New York, 1973.
- Krivitzky Walter.* I was Stalin's agent. London, 1940.
- Laquer Walter.* Interpretations of Soviet history. London, 1967.
- Laquer Walter.* Russia and Germany. London, 1965.
- Lerner Warren.* Karl Radek. Stanford, 1970.
- Lieb Fritz.* Russlands unterwegs. Bern, 1945.
- Luckyj George.* Literary politics in the Soviet Ukraine. N. Y., 1956.
- Miliukov Paul.* Outlines of Russian culture. N. Y., 1960.
- Mirsky Dmitry.* The Eurasian movement // The Slavonic review. 1927–1928. V. 6. № 10.
- Nedava Joseph.* Trotsky and the Jews. Philadelphia, 1972.
- Oberlander Erwin.* Nationalbolschewitische Tendenzen in der russischen Intelligenz. Die «Smena Vech»-Discussion», 1921–1922, Jahrbucher fur Geschichte Osteuropas, 1968, Heft 2.
- Oberlander Erwin.* Sowjetpatriotismus and Geschichte. Dokumentation. Koln, 1967.
- Pares Bernard.* A history of Russia. London, 1965.
- Pares Bernard.* My Russian memoirs. London, 1931.
- Pares Bernard.* Russia. London, 1942.
- Pellicani Luciano.* La critica bakunianina del Marxismo come ideologia die classe deirintelligentzia proletarizzata // Interrogations. 1977. № 9.

Petrovsky Dmitry. La Russie sous les Juifs. Paris, 1931.

Pipes Richard. The formation of the Soviet Union, Communism and Nationalism. Harvard University Press, 1964.

Poliakov Leon. Histoire de l'antisemitisme. Paris, 1977.

Poliakov Leon. The Aryan myth. Sussex, 1974.

R a d e k K a r l. D e r K a m p f d e r Kommunistische Internationale gegen Versailles und gegen die Offensive des Kapitals. Hamburg, 1923.

Radek Karl. Die auswärtige Politik des deutschen Kommunismus und der Hamburger nationale Bolschewismus // Die Internationale. 1919. № 1.

Radkey Oliver. The unknown civil war in Soviet Russia. Hoover Inst. press, 1956.

Reddaway Peter. Politics and policies in the USSR // Problems of Communism. 1968. № 2.

Reventlow Ernst. Volkisch-kommunistische Einigung. Leipzig, 1924.

Rosenberg Artur. Das Geschichte des Bolschewismus. Berlin, 1933.

Rosenberg William. Liberals in the Russian Revolution. Princeton, 1974.

Ruhle Jurgen. Literature and revolution. New York, 1969.

Rogger Hans. Weber Eugene // European Right. 1965.

Schapiro Leonard. Rationalism and nationalism in Russian 19-th century thought. London, 1967.

Schapiro Leonard. The origin of the Communist autocracy. N. Y., 1965.

Schapiro Leonard. The role of the Jews in the Russian revolutionary movement // The Slavonic and East European review. 1961–1962. V. 40. P. 148–167.

Scherrer Jutta. Intelligentsia, religion, revolution: premieres manifestations d'un socialisme chretien en Russia, 1905–1907 // Cahiers du monde Russe et sovietique. 1977. V. XVIII. № 1–2.

Schueddekopf Otto. Unke Leute von Rechte. Stuttgart, 1960.

Sinanoglou Ioannis. La Russie dans la premiere Guerre mondiale: le temoignage de Pierre Pascal // Cahiers du monde Russe et sovietique. 1976. V. XVII. № 4.

Sorokin Pitirim. Leaves from a Russian diary. London, 1925.

Souvarine Boris. Staline. Paris, 1977.

Steinberg Ada. On the structure of parody in A. Belyj's Peterburg // Slavica Hierosolymitana. 1977. № 1.

Szamuely Tibor. The Russian tradition. London, 1974.

Scholem Gerschom. The messianic idea in Judaism, N. Y., 1974.

Talmon Jacob. The origins of totalitarian democracy. London, 1952.

Tchakhotine S. S. Le viol des foules par la propagande politique. Paris, 1939.

Tchakhotine S. S. Organisation rationnelle de la recherche scientifique. Paris, 1938.

The Trotsky's papers, 1917–1922, v. 1–2, The Hague, 1964–1972.

Timasheff Nikolai. The Great retreat. The growth and decline of communism in Russia. New York, 1946.

Trotsky Lev. Stalin. London, 1967.

Trotsky Lev. The Russian in Lenin // Current history. 1923–1924. V. 19.

Trotsky Lev. The Stalin school of falsification. New York, 1972.

Tucker Robert, (ed). Stalinism, Essays in Historical interpretation. New York, 1977.

Tucker Robert. Culture, political culture and Communist society // Political science quarterly. 1973. V. 88. № 2.

Tucker Robert. Stalin as revolutionary. New York, 1973.

Tucker Robert. The emergence of Stalin's foreign policy // Slavic review. 1977. № 4.

Tucker Robert. The Soviet political mind. London, 1963.

Ulam Adam. Stalin. New York, 1973.

Unfucient de Wrangel invite les emigres russes a se rallier aux Soviets // L'Humanite, 25 November 1921.

Utechin S. Russian political thought. New York, 1964.

Viereck Peter. The mob within the heart // in P. JuvHer, H. Morton (ed). Soviet policy making. New York, 1967.

Viereck Peter. Conservatism revisited. London, 1950.

Valkmann Hans-Ernst. Die Russische Emigration in Deutschland, 1919–1924. Worzburg, 1966.

Williams Robert. Culture in Exile, Russian emigres in Germany, 1881–1941. Cornell university press, 1972.

X. Y. Z. Необходимо взаимное понимание. К вопросу об евразийстве // Возрождение. 1925. 1 июля.

A. B. Мириться ли с большевиками? // Последние новости. 1921. 22 февраля.

A. K. О «Смене вех» // Вестник литературы. 1921. № 12:1.

A. P. «Раздавите гадину!» (на докладе проф. Лукьянова) // Общее дело. 1921. 1 марта.

Авксентьев Н. Д. Патриотика // Современные записки. 1920. № 1. С. 125–135.

Авторханов А. Мемуары. Франкфурт, 1983.

Авторханов А. Технология власти. Франкфурт, 1976.

Агабеков Г. ГПУ. Берлин, 1930.

Агафонов Василий. Коперник, два шага вперед: житей гарнизона. Нью-Йорк, 1987.

Агурский М. Двуликий Сталин // Время и мы. 1977. № 17.

Агурский М. Еврейский рабочий в коммунистическом движении. Минск, 1926. *Агурский М.* Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова // Slavica Hierosolymitana. 1981. № 5–6. С. 543–589.

Адамович Г. В. Одиночество и свобода. Нью-Йорк, 1955.

Адрианов С. А. Добро пожаловать // Путь. 1921. 2 декабря.

Адрианов С. А. Третья Россия (не оживет ажче не умрет) // Новая Россия. 1922. № 1. С. 4–13.

Айхенвальд Ю. И. Силуэты русских писателей. Моутон, 1969.

Аксакова-Сиверс Т. А. Семейная хроника. Париж, 1988.

Аксельрод П. Б. Пережитое и передуманное. Кембридж, 1975.

Ал. П-о. Новые веяния (Доклад проф. Лукьянова) // Последние новости. 1921. 15 февраля.

Албрехт В. Записки нудного человека. Париж, 1983.

Александр Бенуа размышляет... М., 1968.

Александр Исаевич Браудо, 1864–1924: Очерки и воспоминания. Париж, 1937.

Александр Михайлович, великий князь России. Книга воспоминаний. Париж, 1933.

Александров И. Г. Русская интеллигенция и ее современные задачи // Россия. 1923. № 9. С. 17–19.

Александров Ростислав Николаевич. Письма к неизвестному другу. Лимбург, 1951.

Александров Я. Былые дни. Берлин, 1922.

Александрович Александр. Записки певца. Нью-Йорк, 1955.

Александрович Михаил. Я помню... Мюнхен, 1985.

Александровский Б. Н. Из пережитого в чужих краях: Воспоминания и думы бывшего эмигранта. М., 1969.

Алексеев Василий Иванович. Невидимая Россия. Нью-Йорк, 1952.

Алексеев Н. Куда идти? К вопросу о новой советской конституции. Издание евразийцев. Берлин. 1936.

Алексеев Н. Н. Отправные точки нашей политики // Евразия. 1928. № 1. С. 3–4.

Алексеев Юрий Александрович. Бега. Лондон, 1972.

Алинин К. «Чека»: личные воспоминания об одесской чрезвычайке с портретами жертв ЧК. Одесса, 1919.

Аллилуева С. Двадцать писем к другу. Нью-Йорк, 1967.

Аллилуева С. Только один год. Нью-Йорк, 1968.

Аминадо Дон. В те баснословские года. Париж, 1951.

Амфитеатров А. В. Литература в изгнании. Белград, 1929.

Андреев В. А. История одного путешествия. Возвращение в жизнь через двадцать лет. М., 1974.

Анциферов Н. П. Три главы из воспоминаний // Память. Исторический сборник. Вып. 4. Париж, 1981.

Апрелев Б. Нельзя забыть. Шанхай, 1933.

Арбатов З. «Ноллендорфплатцкафе» (Литературная мозаика) // Грани. 1959. № 41.

Арбатов З. Ю. Без неба (В Америке). Берлин, 1926.

Арнольдов А. В. Жизнь и революция: Гроза 1905 года. Белый Омск. Шанхай, 1935.

Арнольд А. В. Из страны белого солнца: Этюды о Китае. Шанхай, 1934.

Аронсон Г. Россия в эпоху революции: Исторические этюды и мемуары. Нью-Йорк, 1986.

Арсенидзе Р. Из воспоминаний о Сталине // Новый журнал. 1963. № 72.

Арсеньев Д. Отрывки из дневника «сменовеховца» // Пролетарское студенчество. № 4. С. 35–38.

Арсеньев Николай. Живые камни. Б.м., б.г.

Арский П. А. Загадка Савинкова: Сборник статей. Л., 1925.

Арслан. Двойная бухгалтерия коммуноидов // Плановое хозяйство. № 6. С. 215–223.

Архангельский В. Г. Из мира блужданий // Воля России. 1923. № 10.

Архив Императорского Александровского лицея, временно хранящийся в Королевском военном музее в Брюсселе. Париж, 1937.

Арцыбашев М. Вечный мираж. Берлин, 1922.

Арцыбашев М. П. Записки писателя. Вып. 1. Варшава, 1925.

Ассоциация русских императорских морских офицеров в Америке. «С берегов Америки»: Юбилейный исторический сборник Общества Русских морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1939.

Астров И. М. Воспоминания. Париж, 1940.

Байков И. А. По белу свету. Харбин, 1937.

Балакшин П. П. Peter P. Balakshin papers. 1929–1989 (рукопись).

Бауман Арк. То, о чем забыть нельзя: Из недавнего прошлого. Рига, 1931.

Башилов Б. В моря и земли неведомые. Мюнхен, 194?.

Белов В. Белая печать: ее идеология, роль, значение и деятельность (Материалы для будущего историка). Пг., 1922.

Белов В. Белое похмелье: Русская эмиграция на распутье (Опыт исследования психологии настроений и бытовых условий русской эмиграции в наше время). М., 1923.

Белов В. По новым вехам. Ревель, 1922.

Белый А. Воспоминания о Штейнере. Париж, 1982.

Белый Андрей. Революция и культура. М., 1917.

Белый Андрей. Христос воскрес. М., 1918.

Белый Андрей. Стихотворения. Берлин, 1923.

Белый Омск: Дневник колчаковца (Публикация А. В. Смолина) // Русское прошлое. 1991. № 2.

Бельский В. Я. О родном корпусе. Сан-Франциско, 1971.

Беляевский В. А. Кто виноват: воспоминания о Белом движении. Буэнос-Айрес, 1960.

Бенуа Г. Сорок три года в разлуке // Простор. 1967. № 9, 10, 12.

Бергер М. Крушение поколения. Флоренция, 1973.

Бергман Г. Диктатура пролетариата, нэп, интеллигенция (По поводу некоторых выступлений проф. Ключникова) // Правда. 1922. 8 июля.

Бергман Г. Прискорбные заблуждения проф. Ключникова // Известия. 1922. 18 августа.

Березов И. Жизнь и балет. Лондон, 1983.

Березов Р. Что было. Сан-Франциско. 1958.

Бернадская Аюбовь. Растоптанные жизни: Рассказ бывшей политзаключенной. Париж, 1975.

Бернадская Т. В. Крошки жизни. Сан-Пауло, 1965.

Бернштейн А. Ново-веховцы // Общее дело. 1922. 15 января.

Бертенсон С. В Голливуде с В. И. Немировичем-Данченко. Монтерей, 1964.

Беседовский Г. З. Па путях к термидору: Из воспоминаний бывшего советского дипломата. Т. 1. Париж, 1930.

Блок А. Собрание сочинений. Т. 1–12. 1932–1936.

Блок А. Собрание сочинений. Т. 1–8. 1960–1963.

Блок А. А. Дневники (1901–1921) // *Блок А.* Собр. соч.: В 8 т. М.; Л., 1963. Т. 7.

Блок А. А. Может ли интеллигенция работать с большевиками? // *Блок А. А.* Собр. соч.: В 6 т. Т. 4. Очерки, статьи, речи. 1905–1921. Л., 1982.

Блок А. А. Россия и интеллигенция: Сборник статей (1907–1918). М., 1918. *Бобрищев-Пушкин А. В.* (псевдоним Некоммунист). Демократические рецепты // Альманах русской жизни. 1922. № 3. С. 37–39.

Бобрищев-Пушкин А. В. Война без перчаток. Л., 1925.

Бобрищев-Пушкин А. В. Новая вера // Справочник Петроградского агитатора. 1921. № 12–13. С. 20–59.

Бобрищев-Пушкин А. В. Патриоты без отечества. Л., 1925.

Бобрищев-Пушкин А. В. Петроградские критики «Смены вех» // Альманах русской жизни. 1922. № 3. С. 13–15.

Богаевский А. П. Воспоминания генерала А. П. Богаевского: 1918 год, «ледяной поход». Нью-Йорк, 1963.

Богдан Валентина. Мимикрия в СССР: Воспоминания инженера. 1935–1942 гг. Ростов н/Д; Франкфурт, 1982.

Боженко К. Рубка вех // Вестник литературы. 1922. № 1. С. 3–4.

Б-ой, Сергей. Формы развития буржуазной идеологии в условиях нэпа // На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923. С. 63–84.

Болотина К. Русская душа в изгнании. Вашингтон, 1967.

Болотов А. В. Святые и грешные: Воспоминания бывшего человека. Париж, 1924.

Большевики. Письма Аллы Кравченко и Александра Спундэ (1917–1923) // Новый мир. 1986. № 2.

Борисов С. На новом пути // Новый мир. 1921. 16 октября.

Борисов Ю. Смена вех // Жизнь национальностей. 1921. № 30. С. 2–3.

- Борман Арк. А. В. Тыркова-Вильямс по ее письмам и воспоминаниям сына. Лувен, 1964.*
- Бострем Ольга. Свет моей жизни: думы заветные. Медон, 1963.*
- Бостунич Г. Масонство и русская революция. Нови Сад, 1921.*
- Брауде И. В советском суде: Из записок защитника. Рига, 1929.*
- Брусилов А. Мои воспоминания. М., 1929.*
- Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1963.*
- Брусилов А. А. Мои воспоминания. М., 1983.*
- Брынтцев С. Перекрашиваются // Дни. 1923. 30 июня.*
- Брюсов В. Собрание сочинений. Т. 1–4. М., 1973–1974.*
- Бубнов А. Буржуазное реставраторство на втором году нэпа. Пг., 1923.*
- Бубнов А. Возрождение буржуазной идеологии и задачи агитпропработы // Правда. 1922. 27 июля.*
- Бугаева К. Н. Воспоминания о Белом. Беркли, 1981.*
- Будберг А. П. Дневник. Берлин, 1924.*
- Булатцель А. На родину из стана белых. М., 1924.*
- Булгаков М. Драмы и комедии. М., 1965.*
- Булгаков М. Избранная проза. М., 1966.*
- Бунин И. Окаянные дни. Канада, 1977.*
- Буров А. В царстве теней. Париж, 1950.*
- Буров А. Москва далекая. Б.м., 1950.*

Буров А. Под небом Германии. Берлин, 1930.

Бурцев В. Протоколы сионских мудрецов. Париж, 1938.

Бухарин Н. Путь к социализму в России. Нью-Йорк, 1967.

Бухарин Н. И. Пролетарская революция и культура. М., 1923.

Бухарин Н. И. Цезаризм под маской революции: По поводу книги Н. Устрялова «Под знаком революции». М., 1925.

Быстрянский В. «Смена вех» о мировой революции // Петроградская правда. 1921. 20 ноября.

Выгстрянский В. Интеллигенция и советская власть // Петроградская правда. 1921. 22 ноября.

Выгстрянский В. Контрреволюция и ее вожди. М., 1921.

Выстрянский В. На новых позициях // Петроградская правда. 1921. 11 декабря.

Быстрянский В. О любви к отечеству в Советской России // Петроградская правда. 1922. 25 января.

В. Е. Грум-Гржимайло. «Я был тем муравьем, который понемногу сделал большое дело». Жизнь ученого-металлурга В. Е. Грум-Гржимайло, рассказанная им самим / Составитель и редактор М. Е. Главацкий. Екатеринбург, 1994.

В. Е. Грум-Гржимайло. Недавнее, но безвозвратно умершее прошлое // Составитель и редактор М. Е. Главацкий. Екатеринбург, 1995.

В. Е. Грум-Гржимайло. Хочу быть полезным Родине / Составитель и редактор М. Е. Главацкий. Екатеринбург, 1996.

В. И. Ленин и А. В. Луначарский. Переписка. Доклады. Документы // Литературное наследство. Т. 80. М., 1971.

В. И. Ленин и А. М. Горький. М., 1969.

В. И. Ленин и Академия наук. М., 1969.

Валентинов Н. Шесть лет в газете ВСНХ // Новый журнал. Кн. 74. Нью-Йорк, 1963.

Варшавский В. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956.

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. М., 1992.

Варшавский В. С. Письмо из Праги (Доклад П. Н. Савицкого о советской литературе и евразийстве) // Возрождение. 1926. 16 февраля.

Варшер Т. С. Виденное и пережитое (В Советской России). Берлин, 1923.

Верещагин В. В. Из далекого прошлого: Воспоминания. Париж, 1968.

Вержбицкий Н. К. Встречи. М., 1978.

Вернадский, Георгий. Два подвига св. Александра Невского. Б.г., б.м.

Вертинский А. Четверть века без родины // Москва. 1962. № 3–6.

Вертинский Э. А. Год революции: Воспоминания офицера генерального штаба, 1917–1918 гг. Таллинн, 1929.

Вехи. СПб., 1909.

Виленкин В. Я. В сто первом зеркале (Анна Ахматова). М., 1987.

Виленкин В. Я. Воспоминания с комментариями. М., 1982.

Вильмонт Н. Н. Борис Пастернак: Воспоминания и мысли // Новый мир. 1987. № 6.

Вильямс Ариадна Тиркова. На путях к свободе. Нью-Йорк, 1952.

Вильямс Ариадна Тиркова. То, чего больше не будет. Париж, 1954.

Винавер М. Наше правительство: Крымские воспоминания 1918–1919 гг. Париж, 1928.

Винавер М. Недавнее: Воспоминания и характеристики. Париж, 1926.

Винберг Ф. В плену у обезьян. Киев, 1918.

Виноградов В. Правда о свидании Якушева с вел. кн. Николаем Николаевичем // Возрождение. 1955. № 47.

Виппер Р. Круговорот истории. Берлин, 1923.

Виппер Р. Общественные учения и исторические теории. М., 1899.

Витковский В. К. В борьбе за Россию: Воспоминания. Б.м., 1963.

Витухин В. Золотые берега, Б.м., 1923.

Вишняк М. «Современные записки»: Воспоминания редактора. СПб., 1993.

Вишняк М. Всероссийское учредительное собрание. Париж, 1932.

Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954.

Владимиров В. Новая Иудея. Б.м., 1920.

Вовси-Михоелс Н. Мой отец с. Михоелс: Воспоминания о жизни и гибели. Тель-Авив, 1984.

Войцеховский С. Трест. Канада, 1974.

Волконская С. А. Горе побежденным: Воспоминания. Париж, 192?.

Волконский С. Мои воспоминания. Мюнхен, 1923.

Волошин А. На путях и перепутьях. «Досуги вечерние». Сан-Франциско, 1953.

Волошин М. Пути России. Париж, 1969.

Вонлярский В. М. Мои воспоминания, 1852–1939. Берлин, 1939.

Воспоминания о Рахманинове: В 2 т. М., 1973. Т. 1.

Врангель Л. С. Воспоминания и стародавние времена. Вашингтон, 1974.

Врангель Н. Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков. Берлин, 1924.

Врангель П. Н. Memories. Paris, 1930.

Тарви П. А. Записки социал-демократа. Ньютонвилль, 1982.

Тасфилд Н. Полвека: Воспоминания бывшего офицера французской службы. Париж, 1950.

Теллер М. Концентрационный мир и советская литература. Лондон, 1975.

Тенкина Э. Из истории борьбы партии на идеологическом фронте // Вопросы истории. 1949. № 1.

Терцык Е. К. Воспоминания. Париж, 1973.

Тершензон М. О., Иванов В. И. Переписка из двух углов. М., 1922.

Тессен И. В. Годы изгнания. Жизненный отчет. Париж, 1979.

Тимельфарб Б. Критика и библиография: Проф. Ю. В. Ключников. На великом историческом перепутье // Известия. 1922. 10 июня.

Тинс Т. К. Сибирь, союзники и Колчак: Поворотный момент русской истории 1918–1920 годов. Т. 1–2. Пекин, 1921.

Тинс К. К. «Смена вех». Части 1–3 // Русский голос. 1922. 12, 23, 26 апреля. *Тинсбург Е. И.* Воспоминания юности. Париж, 1937.

Типпиус З. Н. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951.

Типпиус З. Н. Синяя книга: Петербургский дневник. 1914–1918. Белград, 1929.

Типпиус З. Н. Стихи и дневник: 1911–1921. Берлин, 1922.

Тлебов М. «Первые вехи» // Пролетарское студенчество. 1923. № 1. С. 123–129.

Тольман М. Сменовеховские иллюзии (По поводу «Основ хозяйственного районирования СССР» проф. И. Г. Александрова) // Большевик. 1925. № 5–6. С. 115–125.

Торбунов Н. П. Воспоминания. Статьи. Документы. М., 1986.

Торелов М. На реках Вавилонских: Заметки беженца. Будапешт, 1921.

Торовтцев А. М. «Смена вех»: Схема лекции, читанной автором в Париже // «Смена вех»: Второй выпуск политического журнала-альманаха «Трибуны». Париж. 1922. С. 13–17.

Тородецкий Е. О записках Н. М. Потапова // Военно-исторический журнал. 1968. № 1.

Городецкий С. М. Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 1984.

Горький М. Исповедь // Знание. 1908. № 23.

Горький М. Несвоевременные мысли. Париж, 1971.

Горький о большевиках и интеллигенции // Последние новости. 1922. 23 сентября.

Государственное совещание, 1917 г. М., 1930.

Граф Г. К. Из путевых заметок. Белград, 1931.

Гредескул зовет интеллигенцию // Общее дело. 1921. 13 января.

Гредескул Н. А. «Смена вех» // Известия. 1921. 11 ноября.

Гредескул Н. А. Россия и ее народы: «Великая» Россия, как программа разрешения национального вопроса в России. Пг., 1916.

Гредескул Н. А. Россия прежде и теперь. М., 1926.

Гречанинов А. Т. Моя жизнь. Нью-Йорк, 1951.

Григори Р. Работа сменовеховцев среди казачества // Дни. 1923. 19 января.

Гримм Е. Д. Как большевики захватили власть на Руси. Ростов н/Д, 1919.

Гримм Е. Д. О русофильстве и русофобстве в Болгарии // Русские в Болгарии. София, 1923. С. 13–20.

Гримм Е. Д. Три цвета // Русские сборники. 1921. № 2. С. 19–39.

Гримм И. Евразийцы и белое движение // Возрождение. 1925. 22–23 июня.

Громов Н. Перед рассветом: Путевые очерки современной Советской России. Берлин, 1927.

Гронская О. Путь одной жизни. Ницца, 1934.

Грузенберг О. О. Вчера: Воспоминания. Париж, 1938.

Губарчук П. За океаном. Киев, 1960.

Губер П. Наказанная опрометчивость // Литературные записки. 1922. № 2. С. 6–7.

Гуль Р. Конь рыжий: Автобиография. Нью-Йорк, 1975.

Гуль Р. Тухачевский // *Гуль Р.* Ледяной поход. М., 1992.

Гуль Р. Б. В рассеянии сущие: Повесть из жизни эмиграции 1920–1921. Берлин, 1923.

Гуль Р. Б. Я унес Россию: Апология эмиграции. Ч. 1. Россия в Германии. Нью-Йорк, 1984.

Гурвич Г. Пророки // Дни. 1925. 23 июня.

Гурович А. Высший Совет Народного Хозяйства: Из впечатлений года службы // Архив русской революции. 1922. № 6. С. 304–331.

Гурович И. Записки эмигранта. М.; Пг., 1923.

Гусев К. Крах партии левых эсеров. М., 1963.

Даватц В. Г. Очерки пятилетней борьбы. Белград, 1926.

Давидов А. Воспоминания. 1881–1955. Париж, 1982.

Давидович-Нащинский В. Н. Воспоминания старого моряка. София, 1929.

Даллин Д. После войн и революций. Берлин, 1922.

Дан Ф. И. Письма. Амстердам, 1985.

Данилевский Н. Россия и Европа. СПб., 1889.

Данилов П. Шарлатаны // Общее дело. 1921. 14 ноября.

Даниловский Ал. Воспоминания из жизни в царской России. Мюнхен, 1954.

Двенадцатый съезд РКП(б), 17–25 апреля 1923 года: Стенографический отчет. М., 1968.

Двенадцатый съезд РКП(б). М., 1961.

Двенадцать смертников. Суд над социалистами-революционерами в Москве. Берлин, 1922.

Девятый съезд РКП(б). М., 1960.

Дейч А. Г. За полвека. Кембридж, 1975.

Декларация. Первый съезд Евразийской организации. Б.м., б.г. 29 с.

Делевский Ю. Протоколы сионских мудрецов. Берлин, 1923.

Дело Бориса Савинкова. М., 1924.

Денисов С. В. Записки: Гражданская война на Юге России. Константинополь, 1921.

Десятый съезд РКП(б), март 1921 года: Стенографический отчет. М., 1963.

Джилас М. Новый класс. Франкфурт, 1958.

Дзогаев М. Козни мирового еврейства. Берлин, 1933.

Дикий А. Д. Повесть о театральной юности. М., 1957.

Диспут о «Смене вех» // Известия. 1922. 11 июля.

Дмитриевский С. Советские портреты. Берлин, 1932.

Дмитриевский С. Сталин. Берлин, 1931.

Дмитриевский С. Судьба России. Берлин, 1930.

Добровольский С. Ц. Борьба за возрождение России в Северной области // Белый Север. 1918–1920 гг. Мемуары и документы. Вып. 2. Архангельск, 1993.

Дополнение к заметке «Вехи» и «Смена вех» // Русская мысль. 1922. № 4. С. 224.

Дубнов С. Книга жизни: Воспоминания и размышления. Материалы для истории моего времени. Рига, 1934.

Думбадзе Е. В. На службе ЧК и Коминтерна: Личные воспоминания. Париж, 1930.

Дучман В. А. Обзор иностранной и русской зарубежной прессы. М., 1922.

Дьяконов Л. П. Выезд за границу и въезд в СССР: Практическое руководство для граждан СССР, эмигрантов и реэмигрантов и иностранцев. М., 1925.

Дюшен Б. В. Основы современной авиации. М., 1931.

Дюшен Б. В. Социалистический заказ изобретателям на транспорте. М., 1931.

Дюшен Б. В. Спутник изобретателя. М., 1931.

Евразиец. Дискуссионный орган внутри евразийцев. № 22. Б.м., б.г.

Евразийская хроника. Под редакцией П. Н. Савицкого. Выпуск 11. Берлин, 1935.

Евразийская хроника. Под редакцией П. Н. Савицкого. Выпуск 12. Б.м., 1937.

Евразийская хроника. Под редакцией П. Н. Савицкого. Выпуск 11. Прага, 1935.

Евразийская хроника. Ред. П. Савицкий. Вып. 12. Берлин, 1937.

Евразийские тетради. Номера 1–6. Б.м., 1934–1936.

Евразийские тетради. Пятая. Ред. колл. А. Л. Антонов, А. В. Усачев, А. Чхеидзе, А. А. Шеповалов. Б.м., 1935.

Евразийские хроники. Выпуски 6–10. Париж, 1926–1928.

Евразийский временник. Книга третья. Берлин, 1925.

Евразийский временник. Книга четвертая. Берлин, 1925.

Евразийский временник. Т. 4. Евразийское книгоиздательство. Берлин, 1925.

Евразийский сборник. Книга 6. Прага, 1929.

Евразийский сборник. Политика, философия / Под ред. Н. Н. Алексеева, Н. А. Клепинина, П. Н. Савицкого и К. А. Чхеидзе. Прага, 1929.

Евразийство и коммунизм. Б.г., б.м.

Евразийство. Декларация. Б.м., б.г.

Евразийство. Опыт систематического изложения. Прага: Евразийское издательство, 1926.

Евразийство. Опыт систематического изложения. Париж, 1925.

Евразийство. Париж, 1926.

Евразийство. Прага, 1932.

Евразийцы о дальневосточном вопросе. Б.м., б.г.

Евразия. № 1–33.

Евразия. Россия – особый географический мир. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927.

Евреинов И. И. Памятник мимолетному: Из истории эмигрантского театра в Париже: Ряд характеристик. Беглые зарисовки и ретуши. Париж, 1953.

Егоров М. В. От монархии к Октябрю: Воспоминания. Л., 1980.

Ейкалович, игумен. Н. В. Устрялов: Из письма // Новый журнал. 1968. № 164. С. 161–166.

Елагин Ю. Темный гений: Всеволод Мейерхольд. Л., 1982.

Елагин Ю. Укрощение искусств: Воспоминания музыканта. Нью-Йорк, 1952.

Еленевская М. Воспоминания. Стокгольм, 1968.

Елисеев Ф. М. С корниловским конным полком в Ставрополе осенью 1918 г. Нью-Йорк, 1959.

Елисеев Ф. М. С хоперцами от Воронежа и до Кубани. 1919–1920 гг. Нью-Йорк, 1961.

Есенин С. Собрание сочинений. Т. 1–5. М., 1966–1968.

Ефимов Р. «Внеклассовый» профессор И. Г. Александров // Плановое хозяйство. 1925. № 1. С. 263–265.

Жаботинский В. Слово о полку: История еврейского легиона по воспоминаниям его инициаторов. Париж, 1928.

Жадан П. В. Русская судьба. Записки члена НТС о Гражданской и 2 мировой войне. Нью-Йорк, 1989.

Жакмон П. Письма русского эмигранта. Варшава, 1921.

Жевахов И. Воспоминания. Т. I–II. Мюнхен; Нови Сад, 1923–1928.

Жевахов Н. Д. Воспоминания. Мюнхен, 1923.

Жемчужная З. Пути изгнания. Воспоминания. Урал – Кубань – Москва – Харбин. Тенафли, 1987.

Забужко С. Через тернии к звездам. Львов, 1963.

Зайончковский А. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1931.

Зайцев А. Об Устрялове, неонэпе и жертвах устряловщины. М., 1928.

Зайцев Б. Далекое. Вашингтон, 1965.

Зайцев Б. Другая Вера («Повесть временных лет») // Новый журнал. Кн. № 92. Нью-Йорк, 1968.

Зайцев Б. Мои современники. Лондон, 1988.

Зайцев Б. К. Революционная пшеница (Из воспоминаний) // Восход. 1933. № 6.

Зиновьев А. Светлое будущее. Лозанна, 1978.

Зиновьев Г. Лицом к деревне. М.; Л., 1925.

Зубов В. П. Страдные годы России: Воспоминания о революции (1917–1925 гг.). Мюнхен, 1968.

И. Л. Диспут о «Смене вех». Части 1–7 // Путь. 1921. 8, 10, 12, 14–17 декабря.

Иван Степанов. Белые, красные и евразийство. 1927. 63 с.

Иванов В. В. Крах белого Приморья: Из записок журналиста. Тяньцзинь, 1927.

Иванов Вс. В. Собр. соч. в 8 т. М., 1978. Т. 8.

Иванов Всеволод. Избранные произведения. Т. 1–2. М., 1954.

Иванов Вячеслав, Тершензон М. Переписка из двух углов. Петербург, 1922.

Иванов Г. Петербургские зимы. Нью-Йорк, 1952.

Иванов Всев. Исход с Востока // Возрождение. 1927. 16 мая.

Иванов-Разумник Р. Писательские судьбы. Нью-Йорк, 1951.

Иванов-Разумник Р. Тюрьмы и ссылки. Нью-Йорк, 1953.

Ивнев Р. Избранные стихи. М., 1965.

Игнатъев А. 50 лет в строю. Т. 1–2. М., 1939–1950.

Идеология второго дня // *Путь*. 1921. 25 октября.

Из бумаг металлурга В. Е. Грум-Гржимайло. Публикация П. Усова // *Минувшее*. Исторический альманах. Париж, 1986.

Из глубины. Париж, 1967.

Из дневников И. А. Бунина // *Новый журнал*. Кн. № 109. Нью-Йорк, 1972.

Из писем с Родины. *Интеллигент* // *Борьба за Россию*. 1927. № 18.

Изгоев А. С. Евразийство и современная русская литература (Письмо из Праги) // *Руль*. 1926. 13 февраля. № 1581.

Илиодор (Труфанов). Великая Сталинградская Марфа. Нью-Йорк, 1943.

Ильин В. И. К взаимоотношению права и нравственности. Б.м., б.г.

Ильин В. Н. Столб злобы богопротивный. Б.м., б.г.

Ильин И. С. Омск, Директория, Колчак // *Новый журнал*. 1963. № 72. С. 198–217; № 73, с. 216–243.

Ильина-Полторацкая Е. Из красивого прошлого. Берлин, 1922.

Ильин-Женевский А. Ф. Большевики у власти. Л., 1929.

Интеллигенция и революция. М., 1922.

Ипатьев В. Н. Жизнь одного химика: Воспоминания. Нью-Йорк, 1945.

Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждения евразийцев. София, 1921.

Ишеев П. П. Осколки прошлого: Воспоминания. Нью-Йорк, 1959.

К биографии Андрея Белого: три документа // Новый журнал. Кн. № 124. Нью-Йорк, 1976.

К проблеме русского самосознания. Париж, 1927.

Каверин В. А. «Здравствуй, брат. Писать очень трудно...»: Портреты, письма о литературе, воспоминания. М., 1965.

Каменский С. Век минувший: Воспоминания. Париж, 1958.

Кандзеровский П. К. В ставке Верховного: 1914–1917: Воспоминания дежурного генерала при Верховном главнокомандующем. Париж, 1967.

Капица П. Л. Письма к матери (1921–1926) // Новый мир. 1986. № 5.

Карабчевский Н. Что глаза мои видели. Берлин, 1921.

Каратив М. Из нашего прошлого: Исторические очерки. Буэнос-Айрес, 1968.

Карсавин Л. П. О сомнении, науке и вере (Три беседы). Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925.

Карсавин Л. П. Уроки отреченной веры. Б.г.

Квятковская Ю. А. Воспоминания врачей... Париж, 1937.

Керенский А. Ф. Из далека: Сб. статей Париж, 1922.

Керша-Орсич З. Воспоминание: Стихи и рисунки. Нью-Йорк, 1980.

Кирдецов Г. У ворот Петрограда // Юденич под Петроградом: Из белых мемуаров. Л., 1927.

Кирдецов Г. У ворот Петрограда. Берлин, 1921.

Киров С. Избранные статьи и речи. М., 1957.

Клюев Н. Сочинения. Т. 1–2. Мюнхен, 1969.

Ключников Ю. На великом историческом перепутье. Берлин, 1922.

Книга о Леониде Андрееве: Воспоминания Максима Горького, Корнея Чуковского, Александра Блока и др. Берлин, 1922.

Козаков М. М. Записки на песке: Главы из автобиографической книги. М., 1988.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания. Париж, 1933.

Коковцов В. Н. Из моего прошлого: Воспоминания. Париж, 1969.

Кольцов М. Избранные произведения. М., 1957.

Комплектование Красной армии. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1926.

Кончаловский А-П. Воспоминания и письма: от гуманизма к Христу. Париж, 1971.

Короленко В. Г. Из дневников 1917–1921 гг. // Память: Исторический сборник. Вып. 2. Париж, 1979.

Коряков М. Живая история. Б.м., 1977.

Костсинский К. В тени большого дома: воспоминания. Тенафли, 1987.

Костюк Г. Виниченко та його останний роман. Нью-Йорк, 1971.

Кравченко В. М. Дроздовцы от Ясс до Галлиполи. Мюнхен, 1974.

Крандиевский Ф. Ф. Рассказ об одном путешествии // Звезда. 1981. № 1.

Красная Россия и Святая Русь. Б.м., ИМКА-Пресс, 1931.

Крепс Е. М. О прожитом и пережитом. М., 1989.

Кривошеин В. А. 1919 год: Воспоминания. Брюссель, 1975.

Кривошеина Н. А. Четыре трети нашей жизни. Париж, 1984.

Крижановский С. Е. Воспоминания. Из бумаг С. Е. Крижановского, последнего Государственного секретаря Российской империи. Б.м., 1929.

Кроль А. За три года. Владивосток, 1922.

Кулаев И. В. Под счастливой звездой: Воспоминания. Тяньцзинь, 1938.

Кунда Н. В поисках заокеанского рая. Минск, 1963.

Куприна К. А. Куприн – мой отец. М., 1979.

Куракина Т. Г. Воспоминания (1918–1921 гг.) // Русская летопись. Кн. 5. 1923.

Ларин Ю. Евреи и антисемитизм в СССР. М., 1929.

Ларионов В. Последние юнкера. Мюнхен, 1984.

Ларионов В. А. Боевая вылазка в СССР: Записки организатора взрыва ленинградского центрального партклуба (июнь 1927). Париж, 1931.

Ларсон М. Я. На советской службе: Записки спеца. Париж, 1930.

Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Т. 1–3. Б.м., 1978.

Левитин-Краснов А. Лихие годы. Париж, 1977.

Лежнев И. Записки современника. М., 1934.

Лежнев И. Избранные статьи. М., 1960.

Лейхстенбергский Т. Н. Воспоминания о «Украине». Берлин, 1921.

Ленин В. И. Полн. собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 1–55.

Ленин о еврейском вопросе в России. М., 1924.

Леонов А. Барсуки. М., 1969.

Леонтьев К. Собрание сочинений. Т. 1–9. М., 1912–1914.

Либединский Ю. Современники. М., 1958.

Линденберг В. Три дома: Автобиография 1912–1918. Мюнхен, 1985.

Листовская А. А. В те дни. Берлин, 1925.

Лишин Н. Н. На Каспийском море: год белой борьбы. Прага, 1938.

Лодижсенский А. А. Воспоминания. Париж, 1984.

Лопухин В. Б. После 25 октября (Публикация Л. Бурцева) // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1986. Т. 1.

Лопухов Ф. Шестьдесят лет в балете: Воспоминания и записки балетмейстера. М., 1966.

Лосский Н. О. Воспоминания: Жизнь и философский путь. Мюнхен, 1968.

Луначарский А. Религия и социализм. Т. 1–2. 1908–1911.

Луначарский А. Собрание сочинений. Т. 1–8. М., 1963–1966.

Лундберг Е. Записки писателя. Берлин, 1922.

Львов В. Советская власть в борьбе за русскую государственность. М., 1921.

Любимов А. На чужбине. М., 1963.

Любош С. Русский фашист Пуришкевич. Л., 1925.

Люттик С. На Запад: Воспоминания. Рига, 1931.

Магарам Е. Желтый лик: Очерки китайской жизни. Берлин, 1922.

Маклаков В. А. Из воспоминаний. Нью-Йорк, 1954.

Маковский С. К. Напарники Серебряного века. Мюнхен, 1961.

Маковский С. К. Портреты современников. Нью-Йорк, 1955.

Максимов С. К. В красном стане. Париж, 1931.

Малютин Я. О. Актеры моего поколения. М.; Л., 1959.

Мамай Н. Коммунистическая партия в борьбе за идейно-политическое воспитание масс в первые годы нэпа. М., 1954.

Мандельштам Н. Воспоминания. Нью-Йорк, 1970.

Мандельштам Н. Я. Отец // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1986. Т. 1.

Манухин И. И. Революция // Новый журнал. Кн. № 73. Нью-Йорк, 1963.

Марголин Ю. Интеллигенция в лагере // Новый журнал. Кн. № 62. Нью-Йорк, 1960.

Марков Н. Войны темных сил. Т. 1–2. Париж, 1928.

Марков Н. История еврейского штурма России. Харбин, 1937.

Мартов и его близкие: Сборник. Нью-Йорк, 1959.

Масленников-Марленко Анат. «За что?»: из советской действительности. Буэнос-Айрес, 1975.

Мейендорф И. Церковь, общество, культура // Вестник РХД. 1978. № 124.

Мейснер Д. И. Исповедь старого эмигранта. М., 1963.

Мейснер Д. И. Миражи и действительность: Записки эмигранта. М., 1966.

Мельгунов С. Трагедия адмирала Колчака. Т. 1–3. Белград, 1930.

Мельгунов С. П. Воспоминания и дневники. Париж, 1964.

Мельгунова-Степанова П. Е. Где не слышно смеха...: Типы, нравы и быт ЧК. Отрывки из воспоминаний. Париж, 1928.

Мережковский Д. В тихом омуте. СПб., 1908.

Микоян А. В начале двадцатых. М., 1975.

Микоян А. В Нижнем Новгороде // Новый мир. 1972. № 11.

Микоян А. Дорогой борьбы. М., 1971.

Милюков П. Н. Эмиграция на перепутье. Париж, 1926.

Минор О. С. Это было давно: Воспоминания солдата революции. Париж, 1933.

Минтслов С. Р. Трапезундская эпопея: Дневник. Киев, Трапезунд, Финляндия. Берлин, 193?.

Моисеев В. А. Былое, 1894–1980. Сан-Франциско, 1980.

Монахов Н. Ф. Повесть о жизни. Л.; М., 1961.

Морозов К. И. Тяжкие годы: Штрихи и наброски. Берлин, 1921.

Морфессий Ю. Жизнь, любовь, сцена: Воспоминания русского баяна. Париж, 1931.

Москвин В. Хождение по вузам: воспоминания комсомольца. Париж, 1933.

Мы начинали еще в России: Воспоминания. Тель-Авив, 1983.

Мюге Сергей. Улыбка Фортуны: Автобиографические наброски. Джерси-Сити, 1982.

На идеологическом фронте борьбы с контрреволюцией. М., 1923.

На путях. Берлин, 1922.

На путях. Утверждение евразийцев. Книга вторая. Берлин: Книгоиздательство «Геликон», 1922.

Нагловский А. Воспоминания // Новый журнал. 1968. № 90.

Наживин И. Среди потухших маяков: Из записок беженца. Берлин, 1922.

Наживин ИВ. Записки о революции. Вена, 1921.

Наследие Савицкого. Россия и русский народ. Не с Западом, а с Востоком. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925.

Наследие Чингизхана. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. Берлин: Евразийское издательство, 1925.

Наумов В. М. Мои воспоминания. Сан-Франциско, 1975.

Научные задачи евразийства. (Лосовакий П. Б.?)

Не-евразиец. Евразийский «семинарий» // Возрождение. 1926. 3 ноября.

Неизвестные письма В. Г. Короленко (Публикация А. В. Храбровицкого) // Минувшее: Исторический альманах. Т. 1. Париж, 1986.

Некрич А. М. Отрешись от страха: Воспоминания историка. Л., 1979.

Немирович-Данченко В. И. На кладбищах. Воспоминаниях. Ревель, 1921.

Немирович-Данченко Г. В. В Крыму при Врангеле: Факты и итоги. Берлин, 1922.

Неуслышанные голоса: Документы смоленского архива. Анн-Арбор, 1987.

Никольский Ю. Советская Россия: по личным впечатлениям // Русские сборники. Кн. 2. София, 1921.

Никон (Рклицкий), архиеп. Жизнеописание блаж. Антония, митр. Киевского. Т. I – X. 1956–1962.

Никонов-Сморозин М. З. Красная каторга: Записки Соловчанина. София, 1938.

Никулин В. И. Записки театрального директора: Государство, общество и театр. Нью-Йорк, 1942.

Новиков М. М. От Москвы до Нью-Йорка: Моя жизнь в науке и политике. Нью-Йорк, 1952.

Норд Павел. На чужих берегах: Рассказы русского офицера за границей. Ницца, 1970.

О смене вех. Пг., 1921.

Оберучев К. М. Воспоминания в двух частях. Нью-Йорк, 1930.

Обичкина Л. Из истории борьбы РКП(б) против антисоветских течений и партий // Вопросы истории КПСС. 1969. № 2.

Оболенский А. В. Мои воспоминания и размышления. Стокгольм, 1961.

Оболенский В. А. Моя жизнь, мои современники. Париж, 1988.

Общество бывших русских морских офицеров в Америке. Нью-Йорк, 1949.

Общество русских ветеранов Великой войны.
Сан-Франциско, 1937.

Объединение кадет российских зарубежных
кадетских корпусов. Нью-Йорк, 1970.

Одinizгоев Ю. Сумраки христианства. Б.м., 1922.

Одиннадцатый съезд РКП(б). М., 1961.

Одоевцева И. В. На берегах Невы // Новый журнал.
Нью-Йорк, 1962. Кн. № 68.

Одоевцева И. В. На берегах Сены // Новый журнал.
Нью-Йорк, 1963. Кн. № 71.

Озерецковский Г. Русский блистательный Париж до
войны. Париж, 1973.

Ознобишин А. А. Воспоминания члена IV
Государственной думы. Париж, 1927.

Ольбрахт И. Путешествие за познанием: Страна
Советов 1920 года. М., 1967.

Орджоникидзе Г. Статьи и речи. М., 1956.

Орлов А. С. Пыль кулис: Воспоминания о театре.
Харбин, 1934.

Осоргин М. А. Времена. Париж, 1955.

Осоргин М. А. Письма о незначительном. Нью-Йорк,
1952.

Оцуп Н. Современники. Париж, 1961.

Очерки философии коллективизма. СПб., 1909.

П. Б. Крымская эвакуация (Неоконченный дневник)
// На чужой стороне. Историко-литературные сборники.
№ 11. Прага, 1925.

Павлов В. Историчесофские взгляды М. Волошина // Грани. 1972. № 87–88.

Павлов Н. Бред: Россия в 1919 г. Париж, 1928.

Палеолог С. Н. Около власти: очерк пережитого. Белград, 1929.

Палибин Н. В. Записки советского адвоката: 20–30 гг. Париж, 1988.

Памяти князя гр. Н. Трубецкого. Сборник с предисловием П. Б. Струве. Париж, 1930.

Памяти русского студенчества конца XIX – начала XX вв.: Сб. воспоминаний. Париж, 1934.

Панин Д. Л. Записки Солодина. Кн. 1. М., 1973.

Парфенов П. Гражданская война в Сибири. М., 1924.

Пасманик Д. С. Революционные годы в Крыму. Париж, 1926.

Пашенная В. Н. Искусство актрисы. М., 1954.

Петр Николаевич Савицкий. Евразийство.

Пильняк Б. Избранные произведения. М., 1976.

Писатели об искусстве и себе. М., 1924.

Письма М. О. Гершензона к В. Ф. Ходасевичу // Новый журнал. Нью-Йорк, 1960. Кн. № 60.

Плещеев А. А. «Под сенью кулис». Париж, 1936.

Плещеев А. А. Сергей Лифарь: От старого к новому. Париж, 1938.

По обе стороны Перекопа: Из воспоминаний М. В. Фрунзе и П. Н. Врангеля / Публикация и пояснения С. Н. Семанова // История СССР. 1989. № 5.

Познер С. В. Дела и дни Петрограда, 1917–1921: Воспоминания и размышления. Берлин, 1923.

Полетика Н. П. Виденное и пережитое. Из воспоминаний. Тель-Авив, 1982.

Поливанов А. Из дневников. М., 1924.

Полонский В. Интеллигенция и революция: Из дневника // Вечерняя звезда. 1918. 11 марта.

Полонский В. Очерки литературного движения революционной эпохи. М., 1929.

Поплавский Б. Из дневников. 1928–1935 гг. Париж, 1938.

Посиевин Ст. Гибель империи, Северный фронт: Из дневника штабного офицера для поручений. Рига, 1933.

Постановление Президиума Центрального комитета Евразийской организации. Б.м., б.г.

Постановление Президиума Центрального комитета Евразийской организации. Б.м., б.г.

Потапов Н. Записки о первых шагах советского военного строительства // Военно-исторический журнал. 1928. № 1.

Пророческая характеристика людей перед концом мира. Б/м., 1974.

Протоколы 1-го съезда партии социалистов-революционеров. М., 1918.

Протоколы ВЦИК 2-го созыва. М., 1918.

Пупин М. И. От иммигранта к изобретателю. Нью-Йорк, 1953.

Пуришкевич В. М. Дневник члена Государственной думы. Рига, 1924.

Пути революции: Статьи, материалы, воспоминания. Берлин, 1923.

Пылин Б. Первые 14 лет, 1906–1920. Калифорния, 1972.

Пятнадцатый съезд ВКП(б). М., 1965.

Пятницкая Ю. Дневник жены большевика. Бенсон, 1987.

Пять «вольных писем» В. И. Вернадского сыну (Русская наука в 1929 г.) / Публикация К. К. // Минувшее: Исторический альманах. Вып. 7. Париж, 1989.

Радек К. Ликвидация Версальского мира. М., 1922.

Радек К. Портреты и памфлеты. М., 1927.

Раковский Г. И. В стане белых (От Орла до Новороссийска). Константинополь, 1920.

Раппопорт А. В берлинском торгпредстве (Листки из дневника) // Новый журнал. Кн. № 118. Нью-Йорк, 1975.

Рачинская Е. Н. Калейдоскоп жизни: Воспоминания. Париж, 1990.

Рачинская Е. Н. Перелетные птицы: Воспоминания. Посвящаются Харбину и Харбинам. Сан-Франциско, 1982.

Регельсон А. Трагедия русской церкви. Париж, 1977.

Резникова Н. В. Огненная память: Воспоминания об Алексее Ремизове. Беркли, 1980.

Рейман М. Русская революция, 23 февраля – 25 октября 1917. Прага, 1967.

Ремизов А. Кукча: Розановы письма. Берлин, 1923.

- Ремизов А.* Россия в письменах. Т. 1. Нью-Йорк, 1982.
- Рис Вильямс А.* Путешествие в революцию. М., 1972.
- Родионов И.* Наше преступление. Берлин, 1922.
- Родичев Ф. И.* Воспоминания и очерки о русском либерализме. Ньютонвилль, 1983.
- Розанов В. В.* Письма к Э. Голлербаху. Берлин, 1922.
- Розанов Мих.* Соловецкий концлагерь в монастыре, 1922–1939 гг. Факты, домыслы, «параша». Обзор воспоминаний соловчан соловчанами. Б.м., 1979–1987.
- Россия – особый географический мир. Прага: Евразийское книгоиздательство, 1927.
- Россия и латинство: Сборник статей. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1923.
- Руднев С. П.* При вечерних огнях: Воспоминания. Ньютонвилл, 1978.
- Руль Р.* Жизнь на фукса. М.; Л., 1927.
- Русанов И. С.* Из моих воспоминаний. Берлин, 1923.
- Рысс П.* Русский опыт. Париж, 1921.
- Савицкий П.* Подданство идеи. Б.м., б.г.
- Савицкий П.* Производительные силы России. Б.м., б.г.
- Савицкий П. И.* В борьбе за евразийство. Париж, 1931.
- Савицкий П. И.* Разрушающие свою родину (Снос памятников искусства и распродажа музеев СССР). Издание евразийцев. Берлин, 1936.

Савицкий П. И. Хозяин и хозяйство. Б.м., б.г.

Савченко М. В красном стане: Записки офицера // Белый архив. Сборник материалов по истории... Кн. 2–3.

Садовский Яков. Оппонентам евразийства (Письмо в редакции). Б.м., б.г.

Садовский Яков. Из дневника «евразийца». Б.м., б.г.

Сазонов С. Д. Воспоминания. Париж, 1927.

Сайн-Витгенштейн Е. И. Дневник, 1914–1918 гг. Париж, 1986.

Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964.

Святополк-Мирский Д. О московской литературе и протопоп Аввакум. Б. м., б.г.

Седых А. Далекие, близкие. Нью-Йорк, 1962.

Сеземан В. Э. Сократ и проблема самопознания. Б.м., б.г.

Сергеевский И. И. Эти милые две буквы: Книга о К. Р. Воспоминания, очерки, мысли, факты о жизни и творчестве его. Лонг-Бич, 1957.

Серебренников И. И. Великий отход: рассеяние по Азии белых русских армий, 1919–1923 гг. Харбин, 1936.

Серебренников И. И. Мои воспоминания. Т. 2: В эмиграции (1920–1924 гг.). Тяньцзин, 1940.

Серебрякова З. Письма. Современники о художнице. М., 1987.

Скифы. Ч. 1–2. М., 1917–1918.

Скорбь земли русской. Нью-Йорк, 1919.

Скрипник М. Статьи и промовы. Мюнхен, 1974.

Слащев Я. Крым в 1920 г. М., 1924.

Слонимский М. Дневниковые записи, заметки, случаи // Нева. 1987. № 12.

Служить Родине приходится костями: Дневник Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. (Публикация И. А. Кондаковой) // Источник. 1998. № 5–6.

Смена вех. Прага, 1921.

Соловьев В. Собрание сочинений. Т. 1 —10. СПб., 1911–1913.

Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата (1893–1922). М., 1959.

Соловьева. Стихотворения. М., 1921.

Сололневич И. А. Белая империя. Шанхай, 1941.

Солоневич И. Великая фальшивка Февраля. Буэнос-Айрес, 1954.

Сорокин П. Долгий путь. Сыктывкар, 1991.

Спасовский Мих. В. В. Розанов в последние годы своей жизни: Среди неопубликованных писем и рукописей. Нью-Йорк, 1969.

Сталин И. Собрание сочинений. Т. 1 —13. М., 1949–1954.

Станиславский К. С. Собр. соч.: В 8 т. Т. 6. М., 1961.

Станка В. Воспоминания, 1914–1919 гг. Берлин, 1920.

Станкевич В. В. Воспоминания (1914–1919 гг.). Берлин, 1920.

Степанов Иван. Белые, красные и евразийство. Б.м., 1927.

Степун Ф. А. Бывшее и несбывшееся. Т. 1–2. Нью-Йорк, 1956.

Струве Г. Евразийское оправдание «дурных» революций. В «Евразийском семинаре» Л. П. Карсавина // Возрождение. 1926. 8 декабря.

Струве Г. Русская литература в изгнании. Нью-Йорк, 1956.

Струве П. Patriotica. СПб., 1911.

Струве П. Дневник политика. 102 «Евразийское» // Возрождение. 1926. 19 декабря.

Струве П. Дневник политика. 105. Полуевразийское // Возрождение. 1926. 23 декабря.

Суворин В. За Родиной: героическая эпоха Добровольческой армии. Впечатление журналиста. Париж, 1922.

Суворова К. Н. Рукою Александра Блока... (Наблюдения архивиста) // Встречи с прошлым. Вып. 3. М., 1978.

Сувчинский П. П. Идеи и методы. Б.м., б.г.

Сувчинский П. П. Инобытие русской религиозности. Б.м., б.г.

Сувчинский П. П. К преодолению революции. Б.м., б.г.

Сургучев И. Д. Беженские года: Воспоминания // Возрождение. 1959. № 90.

Тан-Вогораз В. Эйнштейн и религия. М., 1924.

Таубе С. И. Загадка Ленина: Из воспоминаний редактора. Прага, 1935.

Тезисы, выработанные на Пражском совещании представителей Евразийских организаций 15–27 октября 1935 года. Б.м., б.г.

Терне А. В царстве Ленина: Очерки современной жизни в РСФСР. Берлин, 1922.

Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во время войны и революции. 1914–1918 гг. Нью-Йорк, 1961.

Тиссаревская О. П. Свет и тени моей жизни. Буэнос-Айрес, 1973.

Толстая А. А. Проблески во тьме. Вашингтон, 1965.

Толстая-Сегал Е. Стихийные силы: Платонов и Пильняк // Slavica Hierosolimitana. 1978. № 3.

Толстой А. Собрание сочинений. Т. 1 —10. М., 1958–1961.

Толстой Н., Толстая С. К реконструкции древнославянской духовной культуры // Сб. Славянское языкознание. М., 1978.

Тринадцатый съезд РКП(б). М., 1963.

Трифонов И. Из истории борьбы коммунистической партии против сменовеховства // История СССР. 1959. № 3.

Трифонов И. Ленин и борьба с буржуазной идеологией в начале нэпа. М., 1969.

Троцкий А. Вопросы быта. М., 1923.

Троцкий А. Литература и революция. М., 1923.

Троцкий А. Моя жизнь: Опыт автобиографии. Т. 2. Берлин, 1930.

Трубецкой Е. Н. Воспоминания. София, 1922.

Трубецкой Н. Европа и человечество. София, 1920.

Трубецкой Н. С. Вавилонская башня и смещение языков. Б.м., б.г.

Трубецкой Н. С. Европа и человечество. София: Российско-болгарское книгоиздательство, 1920.

Трубецкой Н. С. Мы и другие. Б.м., б.г.

Трубецкой Н. С. О туранском элементе в русской культуре. Б.м., б.г.

Трубецкой Н. С. У дверей. (Реакция? Революция?). Б.м., б.г.

Туган-Барановский М. М. На той стороне. – Приводится по неопубликованным гранкам журнала «Волга» (1969. № 8. С. 104), любезно предоставленным для использования сыном автора воспоминаний, профессором Волгоградского госуниверситета Д. М. Туган-Барановским.

Тыркова-Вильямс А. На путях к слободе. Нью-Йорк, 1952.

Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы / Под ред. М. Грин: В 3 т. Ф.а. М., 1981.

Устинов С. М. Записки начальника контрразведки. Белград, 1922.

Устрялов Н. В борьбе за Россию. Харбин, 1920.

Устрялов Н. Война и революция. М., 1917.

Устрялов Н. Наше время. Шанхай, 1934.

Устрялов Н. Ответственность министров. М., 1917.

Устрялов Н. Под знаком революции. Харбин (изд. 1925, 2-е изд. 1927).

Устрялов Н. Россия (из окна вагона). Б.м., 1926.

Устрялов Н. Что такое Учредительное собрание. М., 1917.

Федин К. Собрание сочинений. Т. 1–10. 1969–1971.

Федоров Н. Философия общего дела. Берлин, 1904.

Федотов Г. П. В плену стихии // Новый град. 1932. № 4. С. 8–20.

Федюкин С. Великий Октябрь и интеллигенция. М., 1972.

Федюкин С. Из истории борьбы с буржуазной идеологией // Вопросы истории КПСС. 1972. № 1.

Филатов Д. В. Катастрофа Белого движения в Сибири 1918–1922 гг.: Впечатления очевидца. Париж, 1985.

Филимонов Б. Б. Белоповстанцы: Хабаровский поход зимы 1921–1922 гг. Шанхай, 1932.

Флейшман Л. Борис Пастернак в двадцатые годы. Мюнхен, б.г.

Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин 1921–1923: По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Париж, 1983.

Флоровский А. «Азиатские» основы русской культуры // Возрождение. 1926. 5 августа.

Форш О. Равви. Берлин, 1922.

Франк С. Основы марксизма. Издание евразийцев, 1925.

Франк С. Л. Религия и наука. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925.

Фроловский Г. В. Евразийский соблазн // Современные записки. 1928. Кн. XXXIV. С. 312–346.

Фуршчик М. К вопросу о возрождении буржуазной идеологии // Сибирские огни. 1922. № 5. С. 84—101.

Хартлинг К. Н. На страже Родины: события во Владивостоке, конец 1919 – нач. 1920 гг. Шанхай, 1935.

Ходасевич В. Некрополь. Париж, 1976.

Ходасевич В. Ф. Некрополь: Воспоминания. Брюссель, 1939.

Хомяков А. С. О церкви. С примечаниями и предисловием Л. П. Карсавина. Берлин: Евразийское книгоиздательство, 1925.

Хохунова О. Из истории борьбы со сменовеховством // Вестник МГУ. История. 1976. № 4.

Цветаева М. Пленный дух (Моя встреча с Андреем Белым) // *Цветаева М.* Проза. Нью-Йорк, 1953.

Чахотин С. С. Европейская литература по НОТ. М., 1924.

Чахотин С. С. Организация: принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике. Берлин, 1923.

Чахотин С. С. Организация: принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике. Л., 1925.

Чебышев Н. Н. Близкая даль: Воспоминания. Париж, 1933.

Чепурковский Е. М. На задворках и около дворцов. Тзянцин, 1938.

Чернов В. «Отцы» и «дети» // Воля России. 1922. № 13. С. 3–9.

Чернов В. Параллели и контрасты (мысли о русском термидоре) // Воля России. 1922. № 1. С. 9–12.

Чернов В. Старая и новая буржуазия // Воля России. 1922. № 5. С. 5–9.

Четырнадцатый съезд ВКП(б), 18–31 декабря 1925 г.: Стенографический отчет. М., 1926.

Четырнадцатый съезд ВКП(б). М., 1925.

Чудакова М. Архив М. Булгакова // Гос. б-ка им. Ленина. Записки отдела рукописей. № 37. М., 1976.

Чуковский К. Книга об А. Блоке. Берлин, 1922.

Шагинян М. Дневники. М., 1931.

Шагинян М. Литературный дневник. М., 1923.

Шагинян М. Собрание сочинений. Т. 1–9. М., 1971–1973.

Шафаревич И. Социализм как явление мировой истории. Париж, 1977.

Шахматов Мстислав. Государство правды. (Опыт по истории государственных идеалов в России). Б.м., б.г.

Шахматов Мстислав. Подвиг власти (Опыт по истории государственных идеалов России). Б.м., б.г.

Шварцманн Ф. Б. Моя судьба. Париж, 1964.

Шестов А. Апофеоз беспочвенности. Париж, 1971.

Шестов А. Что такое большевизм? Берлин, 1920.

Шестой съезд РСДРП(б). М., 1958.

Шидловский С. И. Воспоминания. Берлин, 1923.

Шишкин А. Сущность и критическая оценка обновленческого раскола. Казань, 1970.

Шкаренков А. Белая эмиграция, агония контрреволюции // Вопросы истории. 1976. № 5.

Шостаковский П. П. Путь к правде. Минск, 1960.

Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1–2, М., 1923.

Штерн С. Ф. В огне гражданской войны: Воспоминания, впечатления, мысли. Париж, 1922.

Шульгин В. 1920. Л., 1926.

Шульгин В. Дни. М., 1995.

Шульгин В. Евразийство // Возрождение. 1925. 11 июня.

Шульгин В. Три столицы. Берлин, 1927.

Шульгин В. Чингис-ханчики // Возрождение. 1926. 16 декабря.

Шульгин В. В. 1920 // Шульгин В. В. Дни. 1920. М., 1990.

Шульгин В. Н. Письма к русским эмигрантам. М., 1961.

Эмигранты и Богомолова // Новый журнал. 1970. № 100. С. 269–279.

Эрде. «Российские» и «заграничные» // Известия. 1922. 26 августа.

Эрде. Конец сменовехизма // Известия. 1924. 25 июня.

Эрде. Русская интеллигенция, эмиграция и «Смена вех» // Известия. 1922. 29 июня.

Эрде. Русская эмиграция о Генуэзской конференции // Известия. 1922. 14 апреля.

Эренбург И. Собрание сочинений. Т. 1–9. М., 1966.

Эренбург И. Г. Собр. соч.: В 9 т. М., 1966. Т. 8.

Эфрон А. С. Страницы воспоминаний. Париж, 1979.

Юбилей «Русского богатства» в 1918 году (Публикация К. Шмидт) // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1986. Т. 1. С. 310.

Я. Л. Беседы с интеллигенцией России внутренней // Белый архив. 1928. № 3–4. С. 261–268.

Яблоновский А. «Подкидыши» // Общее дело. 1921. 4 ноября.

Яблоновский А. Семь образованных мужчин // Общее дело. 1921. 17 сентября.

Языков Н. Записки журналиста (встречи, поэмы и рассказы). Шанхай, 1937.

Якир И. Воспоминания о Гражданской войне. М., 1957.

Якунин Г. Московская патриархия и культ Сталина // Русское возрождение. 1978. № 1, 2.

Ярославский Ем. «Патриотика» // Правда. 1921. 15 марта.

Ярославский Ем. Смена вех // Советская Сибирь. 1921. 19 октября.

Ять. Интеллигенция и советская власть (Письмо из Петрограда) // Дни. 1922. 9 декабря.

Яшнов Е. Е. Нищета рационализма (Из неосознанных уроков революции) // Альманах русской жизни. 1922. № 2. С. 16–30.

Организации, учреждения, комитеты и СОЮЗЫ

АРА (ARA, сокращение от английского названия American Relief Administration – «Американская администрация помощи»). В 1919–1923 г. ее руководителем был будущий президент США Г. Гувер. АРА была создана для оказания помощи европейским странам, пострадавшим в Первой мировой войне. АРА использовалась для укрепления позиций США в послевоенной Европе. В 1921 г. в связи с голодом в Поволжье деятельность АРА была разрешена в РСФСР. Ее органы нередко действовали во враждебных Советскому государству целях.

Ассоциация христианской молодежи (YMCA – ИМКА) – Христианский союз молодежи был основан в Лондоне в 1885 г. Д. Вильямсом. В 1932 г. Архиерейский собор Русской православной церкви за границей определил осудить ИМКА как организацию, схожую с масонством и находящуюся с ним в тесной связи. Епархиальным преосвященным и начальникам миссий поручалось бороться с масонством и организациями схожими с ним, в том числе и с ИМКА, а их членов, не желавших выйти из организации, лишать Святого причастия и даже отлучать от святой церкви.

Всесоюзная ассоциация пролетарских писателей – массовая советская литературная организация, существовавшая в 1925–1932 гг.

Земгор – объединенный комитет Земского и Городского союзов. Был создан 10 июля 1915 г. для помощи правительству в организации снабжения Русской армии. Ведал мобилизацией мелкой и кустарной промышленности. Октябрьскую революцию встретил враждебно, в январе 1918 г. упразднен декретом СНК, но его деятели продолжали работу в эмиграции. Временный главный комитет Земгора находился во Франции, Париже, имел филиалы во всех странах проживания российских эмигрантов и вел активную работу по оказанию им разного вида содействия.

Исполнительная комиссия частного совещания бывших членов Всероссийского Учредительного собрания (Париж, 1921–1922 гг.). В январе 1921 г. состоялось частное совещание членов Всероссийского Учредительного собрания (из них 22 эсера). Целью совещания было «обсуждение форм и способов защиты международных интересов России». Совещание избрало исполнительную комиссию в составе: Н. Д. Авксентьева, М. М. Винавера, В. М. Зензинова, А. Ф. Керенского, А. И. Коновалова, С. Н. Максудова, Н. В. Макеева, П. Н. Милюкова и О. С. Минора. На комиссию было возложено проведение в жизнь постановлений совещания, подготовка к следующему совещанию членов Учредительного собрания всех необходимых материалов для создания постоянного органа представительства интересов России за границей, изучение вопросов о положении российских граждан и государственного имущества России за границей. В составе исполнительной комиссии первоначально были созданы три отдела: защиты русских граждан, финансово-экономический, международно-политический. В дальнейшем были образованы: подотделы

военнопленных и интернированных, юридический подотдел и при нем юридическая комиссия, информационное бюро, отдел внешних сношений. Комиссия прекратила свою деятельность осенью 1922 г.

ЛЕФ (Левый фронт искусств) – советское литературно-художественное объединение, существовавшее в 1922–1929 гг. в Москве, Одессе и других городах. Установка на создание действенного революционного искусства (В. В. Маяковский, Н. Н. Асеев, С. М. Третьяков, А. М. Родченко, близкие ЛЕФу – С. М. Эйзенштейн, Дзига Вертов и др.) вступала в противоречие с эстетическими принципами «литературы факта», «производственного искусства», с недооценкой художественно-познавательной функции искусства, классического наследия, чисто формальным экспериментаторством.

Национальный Русский комитет – создан в июне 1921 г. на съезде «Национального объединения» в Париже, в котором принимали участие правые кадеты во главе с В. Д. Набоковым, некоторые социалисты (прежде всего В. Л. Бурцев) и беспартийные центристы (например, А. В. Карташев, избранный председателем комитета). В комитет вошли 74 человека (среди них – П. Б. Струве, И. В. Гессен, И. А. Бунин, А. И. Куприн, С. С. Ольденбург и др.). Основой комитета стала «широкая антибольшевистская платформа», подвергшаяся критике за расплывчатость как слева, так и справа.

Рижский мирный договор – советско-польский договор от 18 марта 1921 г., завершивший советско-польскую войну 1920 г. и установивший советско-польскую границу. По договору к Польше

отходили Западная Украина и Западная Белоруссия, устанавливались дипломатические и торговые отношения.

Русский общественный комитет во Франции помощи голодающим в России (Париж, 1921–1922 гг.) – образован с целью оказания помощи голодающему населению России. В состав комитета первоначально входили секции: финансовая, пропагандистская, информационная, санитарно-техническая, личного состава, снабжения. Последние две секции фактически не действовали, и вместо них были созданы секции: детская, помощи интеллигенции и по сбору хлеба. Председателем комитета был Н. Д. Авксентьев.

Русский Совет – образован в 1924 г. Русский общевойсковой союз (РОВС).

Русский эвакуационный комитет – образован в Варшаве в июле 1920 г. по инициативе Б. В. Савинкова. Вначале комитет занимался формированием на территории Польши вооруженных отрядов для борьбы с Советской Россией. Расходясь с генералом П. Н. Врангелем по политическим вопросам, комитет признал его военное командование. Вооруженные формирования комитета получили название «3-я Русская Армия», командующим ее был назначен генерал Пермикин.

Комитет вступил также в соглашение с командующим Русской Народной Добровольческой армией генералом С. Н. Булак-Балаховичем. С сентября по декабрь 1920 г. комитет назывался Русский политический комитет. После заключения мира между Советской Россией и Польшей официально занимался

оказанием помощи военнослужащим армий Пермикина и Булак-Балаховича, интернированным в Польше, а тайно – организацией подпольных групп и повстанческих «зеленых» отрядов. В сентябре 1921 г. он был ликвидирован.

Совдеп – Совет рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Торгово-промышленный и финансовый союз – возник в 1919 г. Прекратил существование в 1930-е гг.

Аннотированный указатель имен

Аверченко Аркадий Тимофеевич (1881–1925) – русский писатель-юморист, драматург, театральный критик, с 1920 г. в эмиграции.

Авксентьев Николай Дмитриевич (1878–1943) – политический деятель, масон. Из дворянской семьи. Получил философское образование в России и Германии. В 1899 г. был исключен из Московского университета в связи со студенческими беспорядками, но закончил университет в Гейдельберге. С начала XX в. являлся одним из основателей и идеологов партии социалистов-революционеров, член ее ЦК с 1907 г. Был участником революции 1905–1907 гг., товарищем председателя Петербургского Совета рабочих депутатов. Был арестован, сослан в Сибирь, бежал за границу. В 1907–1917 гг. проживал в эмиграции, редактировал эсеровскую газету «Знамя труда», выступал против террора. В годы Первой мировой войны – «оборонец». В 1917 г. вернулся в Россию, был членом Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов, председателем Всероссийского Совета крестьянских депутатов, министром внутренних дел 2-го коалиционного правительства, председатель Предпарламента. После Октябрьской революции один из организаторов «Комитета спасения Родины и Революции», «Союза защиты Учредительного собрания», «Союза возрождения России». В сентябре – ноябре 1918 г. исполнял обязанности председателя Временного Всероссийского правительства (Директории). После переворота

А. В. Колчака в Омске 18 ноября 1918 г. выслан в Китай, в 1919 г. переехал в Париж. В 1920–1940 гг. вел активную деятельность в различных эмигрантских организациях, руководил масонской ложей «Северная звезда», издавал журнал «Современные записки». В 1940 г. выехал в США, где выпускал журнал «За свободу».

Адрианов Сергей Александрович (1871–1942) – историк литературы, критик, публицист, профессор 1-го Высшего педагогического института, сменовеховец.

Айхенвальд Юлий Исаевич (1872–1928) – критик, выслан, умер за границей.

Акулов Борис Филиппович (? – 9 мая 1969, Аргентина), эмигрировал первоначально в Египет, позже переехал в Югославию, где закончил медицинский факультет и зубоврачебный курс в Белграде. После Второй мировой войны бежал от режима Тито в Италию, но по требованию советских властей был выдан в СССР, где находился в тюремном заключении более года, после чего выехал в Аргентину. Здесь был директором двух больниц в провинции Сальта.

Александр Михайлович (1866–1933) – великий князь, сын великого князя Михаила Николаевича. В 1904–1905 гг. председатель Особого комитета по усилению военного флота на добровольные пожертвования. Способствовал развитию военной авиации. С 1916 г. – генерал-инспектор военно-воздушного флота. В эмиграции состоял почетным председателем Союза русских летчиков, Парижской кают-компании, Объединения чинов Гвардейского экипажа.

Алексеев Глеб Васильевич (1892–1938) – русский писатель. В начале 1920-х гг. жил в эмиграции. В 1923 г. вернулся в СССР. В рассказах (сборник «Живая тупь», 1922), повести «Мертвый бег» (1923) отражено осмысление страшного опыта русских революций и Гражданской войны.

Амфитеатров Даниил Александрович (1901–1983) – композитор, дирижер, сын А. В. Амфитеатрова. С 1922 г. состоял в личной охране Муссолини (отряд «Мушкетеров Вождя»). Одновременно в 1923 г. окончил римскую консерваторию Санта-Сицилли по классу О. Респиги. С 1938 г. жил в США. После Второй мировой войны вернулся в Италию, где и умер.

Антонов С. Н. (1884–1956) – живописец, акварелист, художник театра и архитектор. В 1918 г. выехал в Ригу, входил в Общество латвийских архитекторов, преподавал на архитектурном отделении Латвийского университета, работал над проектами реконструкции старой Риги.

Аполлинарий (Кошевой А. В.) (1864–1933) – архиепископ Северо-Американский и Канадский. Был сельским учителем из Малороссии. Закончил миссионерские курсы Казанской духовной академии. В 1900 г. принял иночество. В 1917 г. – епископ Рымникский. Эмигрировал в Сербию, откуда был назначен в Русскую миссию в Иерусалиме, в 1924 г. – викарий в Северо-Американской епархии, в 1926 г. прикомандирован к собору в Сан-Франциско, с марта 1927 г. возглавил самостоятельную кафедру, с декабря 1927 г. возглавлял постоянную резиденцию в Нью-Йорке.

Арцимович Михаил Викторович (1859–1933) – сенатор, шталмейстер императорского двора, служил в Департаменте герольдии, был витебским губернатором. После 1917 г. вместе со своим сыном Григорием, бывшим ротмистром лейб-гвардии Кирасирского полка, в своем родовом поместье Рунторт заведовал убежищем для белогвардейской агентуры, забрасываемой в Советскую Россию.

Арцыбашев Михаил Петрович (1878–1927) – русский писатель, масон. Автор получившего широкую скандальную известность романа «Санин» (1907), ницшеанец. В 1923 г. эмигрировал, в зарубежье был близок к Б. В. Савинкову. Редактировал варшавскую газету «За свободу».

Бахметев Борис Александрович (1 мая 1880, Тифлис – 1951, Нью-Йорк) – политический и общественный деятель. Образование получил в тифлисской классической гимназии и Петербургском институте инженеров путей сообщения, который закончил в 1902 г. С 1903 г. продолжал обучение в Цюрихском политехническом институте. Начиная с 1905 г. в течение 12 лет преподавал в Петербургском политехническом институте в должности профессора. С началом Первой мировой войны значительное место в жизни Бахметева стала занимать общественно-политическая деятельность. В 1915 г. он включился в работу международного Красного Креста на территории России. В 1917 г. он был направлен в США для решения вопросов закупок в ранге товарища министра торговли и промышленности Временного правительства, а вскоре был назначен послом России в США. Был создателем Российского гуманитарного фонда в США, Фонда помощи российским студентам. С 1923 г.

возвратился к научно-инженерной работе, открыл в Нью-Йорке консультационную фирму по вопросам проектирования гидравлических систем. С 1931 г. – профессор кафедры гражданского строительства Колумбийского университета в Нью-Йорке.

Бедлоцветов Н. А. (1863–1935) – директор правления страхового общества «Саламандра», член Совета съездов представителей промышленности и торговли, член правления Общества русских перестрахователей, член Русско-английской торговой палаты, товарищ председателя Общества страховых знаний. В Риге основал печатное дело с большой типографией. Издавал газету «Слово» и журнал «Перезвоны». Издательство «Саламандра» издавало также журналы «Новая неделя» и «Юный читатель».

Бердяев Николай Александрович (1874, Киев – 1948, Кламар, Франция) – выдающийся религиозный философ, организатор и председатель Вольной академии духовной культуры (Москва, 1918–1922 гг.). С 1922 г. – в эмиграции. Был деканом отделения истории Русского научного института в Берлине, инициатор создания Русской религиозно-философской академии в Берлине.

Б е с е д о в с к и й Г . – советский дипломат-невозвращенец.

Бобрищев-Пушкин Александр Владимирович (8 декабря 1875, Санкт-Петербург – 1937, Ленинград, псевдоним **Громобой**) – известный политический деятель, адвокат, публицист, драматург. Из дворянского рода Бобрищевых-Пушкиных, сын присяжного поверенного. После окончания в 1896 г. Петербургского училища правоведения был кандидатом на судебные должности при Петербургской судебной палате, в 1898 г.

становится помощником присяжного поверенного, с 1902 г. – присяжный поверенный. В качестве защитника выступал на целом ряде громких уголовных и политических процессов, в том числе: в 1904 г. защищал поручика Е. К. Григорьева по делу боевой организации партии эсеров, в 1906 г. – обвиняемых по делу о керченском погроме, в 1907 г. добился оправдательного приговора по делу В. М. Пуришкевича. Зарекомендовал себя в эти годы как активный публицист, выступая с критикой российского судопроизводства в журнале «Юрист». До 1905 г. активного участия в общественной жизни не принимал. С 1905 г. становится членом комитета пропаганды партии правового порядка в Санкт-Петербурге. Позднее входит в число организаторов Конституционно-монархического правового союза, был членом его совета. От данного совета был участником I съезда «Союза 17 октября», членом которого становится в 1906 г. Был избран в состав ЦК и Петербургского городского совета «Союза 17 октября», участвовал в работе I–III съездов и конференции союза в ноябре 1913 г., а с 1911 г. становится товарищем председателя Петербургского совета октябристов. Примыкал к левому крылу партии, активно поддерживал реформы П. А. Столыпина, был постоянным оратором на собраниях и диспутах в Санкт-Петербурге и провинции, стал ведущим публицистом октябристской партии. В газетах «Голос правды» и «Голос Москвы» полемизировал с правыми политическими деятелями и с кадетами, отстаивая идею блока октябристов и кадетов. В статьях и фельетонах резко осуждал революционное движение, тормозившее, по его мнению, развитие России, требовал отмены чрезвычайного положения и смертной казни, доказывал взаимосвязь и

взаимозначимость революции и реакции. Он призывал к осуществлению «идеалов Манифеста 17 октября» путем «мирного боя», мобилизации общественного мнения для воздействия на правительство. В 1911 г., после роспуска Государственной думы, выступил с критикой фракции октябристов за недостаточно энергичный отпор «посягательствам на народное представительство». Одновременно развивал идею «настоящего национализма» – подъема национальных чувств русского народа, направленного на борьбу с бюрократией, защиту интересов русского населения, в чем видел единственное средство преодоления политического кризиса в стране. Он выступал против ограничений прав национальных меньшинств, отстаивал равноправие евреев, однако категорически отрицал отступление от принципов территориального единства Российской империи. Признавал право национальных меньшинств на культурную самостоятельность, однако без введения национальных автономий. Выступал с пропагандой идеи блока октябристов с националистами. Но в 1912 г., во время баллотирования в IV Государственную думу от Калужской губернии, отказался от сотрудничества с местными националистами, что во многом сказалось на его поражении на выборах. В 1913 г. предлагал ликвидировать партию «Союз 17 октября», заменив ее партией левооктябристского толка. После Февральской революции 1917 г. вновь отошел от активной политической деятельности. С приходом к власти большевиков вступил в коллегия защитников, выступал в революционном трибунале в качестве защитника В. М. Пуришкевича и других антибольшевистских деятелей. В 1919 г. бежал из красного Петрограда на юг к белым, занимал важные

посты в правительстве А. И. Деникина, в 1920 г. эмигрировал. В зарубежье являлся одним из ведущих идеологов сменовеховского общественно-политического течения, одним из авторов сборника «Смена вех» (Прага, 1921), участвовал в выпуске последующих сменовеховских изданий – журнале «Смена вех» (Париж, 1921–1922) и газеты «Накануне» (Берлин, 1922–1924). В сборнике «Смена вех» обосновал свои позиции закономерной политической ролью большевистской революции, которая была направлена против определенных категорий собственников, у которых и нельзя было отнять власть, не вырвав собственности. По словам Бобрищева-Пушкина, сменовеховство сыграло решающую роль в организации движения возвращения эмигрантов на Родину, а издававшаяся в Берлине при его непосредственном участии сменовеховская газета «Накануне» превратилась в своеобразный опорный пункт возвращенчества. Поэтому в полной мере Бобрищева-Пушкина можно считать одним из крупнейших идеологов и лидеров движения возвращения россиян на Родину. В начале 1920-х гг. он исполнял обязанности юрисконсульта при русском отделе Лионской ярмарки, а затем в 1923 г. вернулся на родину, занимался адвокатской практикой, до 1933 г. состоял членом Ленинградской коллегии защитников, после 1933 г. – на пенсии. Арестован 10 января 1935 г. УНКВД по Ленинградской области, 22 июня 1935 г. военным трибуналом Ленинградского военного округа обвинен в антисоветской деятельности и терроризме (ст. 58-8 УК РСФСР), приговорен к смертной казни, замененной 2 августа 1935 г. Военной коллегией Верховного суда СССР 10 годами лишения свободы (с учетом того, что Бобрищевым-Пушкиным, кроме террористических

высказываний, никаких действий предпринято не было и принимая во внимание его возраст). Но, отбывая наказание в Соловецком ИТЛ, он 3 октября 1937 г. по тому же обвинению был расстрелян по решению «тройки» УНКВД Ленинградской области. Реабилитирован 20 февраля 1963 г. Автор драматических сочинений – «Мертвое солнце» (1912), «Пираты жизни» (1912), «Соль земли» (1912). **Сочинения:** *Судебные речи: В 2 т. СПб., 1909–1912; Война без перчаток. Л., 1925; Патриоты без отечества. Л., 1925. Литература: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980. Hardeman, Hilde. Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.*

Богаевский Африкан Петрович (1872–1934) – генерал-лейтенант, из дворян Области войска Донского, атаман Всевеликого войска Донского. Закончил Николаевское кавалерийское училище и Николаевскую академию Генерального штаба в 1900 г. Участник Первой мировой войны. С 1915 г. генерал-майор. В 1917 г. – начальник Забайкальской казачьей дивизии, затем 1-й гвардейской кавалерийской дивизии. Георгиевский кавалер, с января 1918 г. в войске Донском, командующий войсками Ростовского района. В Добровольческой армии с первых дней. Участник 1-го Кубанского похода, командир Партизанского полка, затем 2-й бригады. С мая 1918 г. – председатель Донского правительства. В феврале 1919 г. избран Всевоисковым атаманом Всевеликого войска Донского, в этой должности оставался до конца жизни. В январе 1920 г. – председатель Южно-Российского правительства. После эвакуации Русской Армии из Крыма создал

Объединенный совет Дона, Кубани и Терека. С 1922 г. жил в Белграде, с 1923 г. – в Париже. Активно сотрудничал с руководством РОВСа. Скончался в Париже. Оставил воспоминания.

Богданов-Бельский Н. П. (1863–1945) – живописец, передвижник, автор жанровых картин. С 1921 г. жил в Латвии.

Богораз-Тан (Тан-Богораз) Владимир Германович (настоящее имя Натан Менделевич – отсюда псевдонимы: Н. А. Тан, В. Г. Тан и др.) (15 апреля, 1865, г. Овруч Волынской губ. – 10 мая, 1936, по пути в Ростов-на-Дону, похоронен в Ленинграде) – этнограф, писатель, публицист, общественный деятель, был близок к партии народных социалистов. Из семьи раввина. В 1880 г. окончил гимназию в Таганроге, поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета, в 1881 г. перешел на экономическое отделение юридического факультета. Вместе с П. Ф. Якубовичем руководил одной из агитационных групп народовольческого Центрального университетского кружка. В ноябре 1882 г. исключен из университета за участие в студенческих волнениях, сослан в Ростов-на-Дону, с декабря – в Таганрог. Подвергался арестам в Таганроге (1883), Ейске (1884). С 1885 г. на нелегальном положении, один из руководителей Южнорусской организации «Народной воли», работал в народовольческих типографиях в Таганроге, Новочеркасске, Екатеринославе и Туле. В декабре 1886 г. арестован в Москве, а 1 августа 1887 г. сослан в административном порядке в Среднеколымск (Восточная Сибирь) на 10 лет. Занимался изучением жизни и быта чукчей. В 1894–1897 гг. участвовал в экспедиции

А. М. Сибирякова, обследовал Колымский округ, в 1899-м и 1901 гг. опубликовал первые этнографические и лингвистические работы. В январе 1899 г. в Санкт-Петербурге сотрудничал в журналах «Начало», «Жизнь», «Научное обозрение», газете «Северный курьер». В конце 1899 г. выехал в США, в 1900–1902 гг. руководил Анадырским отделением русско-американской Северо-Тихоокеанской полярной экспедиции, организованной Нью-Йоркским музеем естественных наук, обследовал Северо-восточное побережье Азии и Камчатку. В 1902–1903 гг. в Нью-Йорке, занимался научной обработкой материалов, опубликовал на английском языке в 1909–1913 гг. в многотомном издании, а на русском языке в авторском переводе «Чукчи», части 1–2 (Л., 1934–1939). Осенью 1903 г. в Канаде (среди духоборов), затем во Франции и Италии. С октября 1904 г. в Санкт-Петербурге, издал ряд работ по этнографии и языку чукчей. В революцию 1905–1907 гг. один из организаторов Союза союзов, Крестьянского союза и трудовой группы в Государственной думе, член бюро содействия при главном комитете Всероссийского крестьянского союза, редактор его воззваний. Арестован 14 ноября 1905 г. вместе с другими членами бюро. В 1906 г. сотрудник еженедельника «Без заглавия», член организационного комитета Трудовой народно-социалистической партии, выступал с программными статьями в журнале «Русское Богатство», в сборниках «Народно-социалистическое обозрение». В годы Первой мировой войны «оборонец», добровольно отправился на фронт в качестве начальника санитарного поезда. С 1918 г. хранитель Музея антропологии и этнографии Академии наук. С 1921 г. инициатор создания и профессор географического факультета

Петроградского университета, основатель Комитета для содействия малым народностям Севера при Президиуме ЦИК и Ленинградского института народов Севера. Создатель первых учебников, словарей и грамматики чукотского языка. С 1932 г. директор Музея истории религии и атеизма Академии наук СССР. Автор многочисленных очерков и рассказов, повестей и романов о жизни народов Севера, политических ссыльных в Сибири, русских эмигрантов в США, вошел в литературу как прозаик «сибирской школы». Поэтическое творчество развивалось в основном в русле тем и настроений революционной народнической поэзии. Был близок сменовеховцам. **Сочинения:** *Собр. соч. Т. 1–10. СПб., 1910–1911; Собр. соч. Т. 1–4. М.; Л., 1928–1929.* **Литература:** *Ерофеев Н. Д. Народные социалисты в первой русской революции. М, 1979; В. Г. Богораз-Тан и Северо-Восток: Библиографический указатель. Магадан, 1991.*

Болотов А. В. (1866–1938) – пермский губернатор, камергер высочайшего двора, почетный опекун Петроградского опекунского совета, позже в эмиграции принял монашество под именем Амвросий.

Борзов Н. В. – директор железнодорожного училища, знакомый председателя правительства Колчака П. В. Вологодского по Томску. В 1918 г. – член Общества попечения о начальном образовании.

Бородин Сысой Капитонович (1883–1961) – генерал-майор, делегат II Всероссийского съезда крестьянских депутатов, член Большого войскового круга Всевеликого войска Донского. Начальник штаба в корпусе генерала К. К. Мамонтова, начальник Донского войскового штаба, начальник штаба 3-й Донской

дивизии. С ноября 1920 г. в эмиграции. В годы Второй мировой войны сражался на стороне гитлеровцев. Умер во Франции.

Боткин С. Д. – глава Русской организации в Берлине с 1920-го по 1934 г., признанной правительством Германии.

Браиловская (урожденная **Шмидт**) **Р. Н.** (1871–1959) – живописец, художник прикладного искусства, представлена в музеях Ватикана.

Браиловский Леонид Михайлович (1867–1937) – акварелист, художник театра, архитектор. В 1918 г. эмигрировал в Константинополь. В 1925 г. поселился в Риме. Участвовал в групповых выставках. В 1933 г. основал музей русского религиозного зодчества при конгрегации восточных церквей в Ватикане.

Брайант Луиза (1890–1936) – американская общественная деятельница, журналистка, автор ряда статей и книг об Октябрьской революции. Жена Джона Рида. В сентябре 1917-го – январе 1918 г. находилась в России. Автор книги «Шесть красных месяцев в России», изданной в 1919 г. в Лондоне. В 1920–1921 гг. вторично была в РСФСР.

Бредов Н. Э. – генерал, начальник штаба I Пехотной дивизии I Армейского корпуса под командованием генерала П. Н. Врангеля в 1920–1923 гг.

Брусилов Алексей Алексеевич (1853–1926) – генерал от кавалерии, генерал-адъютант. В мае – августе 1916 г. войска Юго-Западного фронта под его командованием осуществили самую успешную наступательную операцию русской армии в ходе Первой мировой войны – Брусиловский прорыв. В мае – июле

1917 г. – Верховный главнокомандующий русской армией. С 1917 г. жил в Москве как частное лицо. После начала советско-польской войны обратился с письмом на имя начальника Всероссийского Главного штаба Н. И. Раттеля, в котором предлагал собрать совещание при главкоме из людей «боевого и жизненного опыта», чтобы «обсуждать дело снабжения войск». Приказ об образовании Особого совещания под председательством Брусилова был опубликован в «Правде» 5 мая 1920 г.

Булгаков Сергей Николаевич (1871, Ливны – 1944, Париж) – религиозный философ, экономист. Профессор политэкономии в Киеве в 1901–1906 гг., Москве в 1906–1918 гг. Депутат 2-й Государственной думы. С 1923 г. – в эмиграции. Профессор догматики и декан русского Богословского института в Париже в 1925–1944 гг.

Бурцев Владимир Львович (1862–1942) – публицист, издатель, историк. Из семьи военного. С 1883 г. – член народовольческих кружков. Неоднократно репрессировался за революционную деятельность. Занимался историей революционного движения, один из редакторов журнала «Былое». Известен разоблачением провокаторов охранки, в первую очередь известно его разоблачение Е. Ф. Азефа. В 1917 г. издавал ряд газет в России. Резко выступал против Октябрьской революции, за что по приказу Л. Д. Троцкого 25 октября 1917 г. был заключен в Петропавловскую крепость. После освобождения в феврале 1918 г. эмигрировал. В зарубежье издавал газету «Общее дело», входил в редакцию журнала «Борьба за Россию», состоял в «Русском национальном комитете», в «Братстве Русской правды» и в масонской ложе «Великий Восток Франции». Боролся против антисемитской политики нацистской

Германии, составил в этом ключе книгу «Протоколы сионских мудрецов – доказанный подлог». За это в период оккупации Франции преследовался гестапо. Последние годы жил в крайней нищете, умер от заражения крови.

Василевский Илья Маркович (псевдоним **Не-Буква**) (28 декабря 1883, Полтава – 14 апреля 1938, Москва) – фельетонист, издатель, критик. Окончил гимназию в Полтаве. В 1905–1907 гг. печатал фельетоны в петербургских сатирических журналах «Аксиома», «Булат», «Застрельщик». В 1907–1911 гг. руководил изданием либеральной газеты «Свободные мысли». В 1908–1909 гг. издавал журнал «Образование». В 1910 г. в Санкт-Петербурге вышла его книга «Житейское кабаре. Юмор, рассказы», а в 1911 г. там же увидел свет новый сборник рассказов «Нервные люди». В 1915–1917 гг. И. М. Василевский редактировал «Журнал журналов» в Петрограде. В 1920 г., оказавшись в Одессе, эмигрировал в Константинополь, где начал издание газеты «Константинопольское эхо», но быстро разорился и переехал в Париж. Здесь он возобновил издание газеты «Свободные мысли» (20 сентября 1920–1921), где авторами выступали А. Куприн, Н. Тэффи, А. Аверченко и другие известные литераторы. После встречи с Ю. В. Ключниковым И. М. Василевского принял предложение участвовать в работе сменовеховской газеты «Накануне» (Берлин, 1922–1924). Данный поворот для многих в эмиграции был удивителен, ибо И. М. Василевский до этого времени отличала непримиримость по отношению к большевистской власти. С 29 октября 1922 г. в «Литературном приложении» к «Накануне» начинаются публикации И. М. Василевского. В 1922 г. в Берлине увидели свет его брошюры

«Литературные силуэты», «Граф Витте и его мемуары» и «Николай II». Брошюра «Литературные силуэты» посвящена полемике с монархизмом И. Ф. Наживина и «сменовеховством» Н. В. Устрялова. Автор решительно возразил призыву Н. В. Устрялова к сотрудничеству с большевиками. При этом он продолжал писать в газете «Накануне» резкие статьи против эмиграции: «Почему русская эмиграция так странно похожа на германскую марку? И та, и другая катятся одинаково, с какой-то, я бы сказал, – сладострастной, мазохистской и самоиздевательской быстротой». В конце июля 1923 г. вместе с А. Н. Толстым на пароходе «Шлезииен» И. М. Василевский возвращается в Петроград, где не прекращает интенсивной литературной работы. В 1923 г. в издательстве «Петроград» выходит его книга «Белые мемуары», где он отрицательно оценивает воспоминания лидеров Белого движения. В 1924 г. в берлинском издательстве «Накануне» появилась брошюра И. М. Василевского «Генерал Деникин и его мемуары», написанная в том же духе. А в 1925 г. уже в Ленинграде он издал новую отповедь мемуарам эмиграции – «Что они пишут? (Мемуары бывших людей)». В ней содержится резкая критика воспоминаний видных писателей российского зарубежья. В 1929–1935 гг. И. М. Василевский заведовал редакцией журнала «Изобретатель», публиковал брошюры и статьи по вопросам изобретательства под псевдонимом И. Полтавский. В 1937 г. был репрессирован и 14 апреля 1938 г. расстрелян в Москве. Реабилитирован посмертно.

Сочинения: *Житейское кабаре. Юмор, рассказы (СПб., 1910); Литературные силуэты (Берлин, 1922); Граф Витте и его мемуары (Берлин, 1922); Николай II (Берлин, 1922); Белые мемуары (Берлин, 1923); Генерал Деникин*

и его мемуары (Берлин, 1924); *Что они пишут? (Мемуары бывших людей)* (Л., 1925); **Литература:** Hardeman, Hilde. *Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s.* Illinois, 1994.

Вахрушев Михаил Николаевич (5 марта 1865, Москва – 27 ноября 1934, Югославия) – генерал-лейтенант, участник Белого движения на юге России, в 1920 г. эмигрировал в Югославию. Организатор и почетный председатель Сарайского общества офицеров, председатель русской колонии в Сараеве. Похоронен на русском кладбище в Белграде.

Вертинский Александр Николаевич (1889–1957) – артист, поэт, композитор. С 1920-го по 1943 г. – в эмиграции.

Верховский В. А. (1862–1936) – генерал-майор, порт-артуровский герой, георгиевский кавалер, участник Первой мировой войны.

Веселый Артем (наст. фамилия и имя Кочкуров Николай Иванович) (1899–1939) – русский советский писатель. В ВКП(б) с 1939 г. Самый известный роман – «Россия, кровью умытая» о победе народа в Октябрьской революции и Гражданской войне в России.

Виленский-Сибиряков Владимир Дмитриевич (1888–?) – советский государственный деятель и литератор. Участник Гражданской войны в России, в 1920 г. – уполномоченный РСФСР на Дальнем Востоке, вел переговоры с Японией и Китаем.

Виноградов Сергей Арсеньевич (1869–1938) – живописец, член Союза русских художников, передвижник, автор пленэрных лирических пейзажей и

интерьеров, картин из крестьянской жизни. После 1924 г. жил за границей.

Виппер Роберт Юрьевич (1859–1954) – историк, в 1924–1940 гг. в эмиграции, академик АН СССР с 1943 г.

Вольский Андрей Иванович (родился 29 мая 1882 г. в Санкт-Петербурге). По получении военного образования в Киевском (Константиновском) училище был выпущен оттуда в 1902 г. с производством в офицеры и назначением во 2-й Финляндский стрелковый полк, откуда командировался на Дальний Восток для участия в Русско-японской войне 1904–1905 гг. По окончании этой войны вернулся в свой полк в Финляндии и вскоре получил назначение в штаб 1-й Финляндской стрелковой бригады, где занимал должность старшего адъютанта по строевой части. Во время Первой мировой войны занимал военно-административную должность в ближайшем тылу армий, а с окончанием ее участвовал в Гражданской войне против большевиков с 1918-го по 1920 г. По эвакуации белых из Владивостока эмигрировал в Шанхай в конце 1922 г. В эмиграции преподавал иностранные языки в русском реальном училище с 1926 по 1932 гг., затем служил шесть лет в муниципальном комитете международного селтльмента Шанхая на канцелярской должности, в 1938 г. уволился оттуда за достижением предельного возраста и в течение двух лет занимался литературной работой. В 1940 г. по приглашению Союза служивших в российских армии и флоте занял там должность правителя дел, которую покинул по окончании Второй мировой войны в 1945 г. и после этого продолжал свою работу по составлению англо-русского военного словаря. В феврале 1949 г.

уехал по квотной визе из Шанхая в США и поселился на жительство в Сан-Франциско.

Воровский Вацлав Вацлович (1871–1923) – публицист, дипломат. Из семьи инженера. Окончил Московское высшее техническое училище. Участник социал-демократического движения с 1894 г. Сотрудник многих большевистских изданий. Один из первых советских дипломатов. В 1917–1919 гг. – полпред РСФСР в Скандинавских странах. В 1919–1921 гг. работал в Наркомпросе, Наркоминделе, Госиздате. В 1921–1922 гг. полпред РСФСР в Италии. С 1922 г. генеральный секретарь советской делегации на Генуэзской и Лозаннской международных конференциях. Убит в Лозанне 10 мая 1923 г. офицерами-эмигрантами Конради и Полуниным.

Врангель Мария Дмитриевна (урожденная Дементьева-Майкова) (1857–1944) – баронесса, мать П. Н. Врангеля. В 1917–1920 гг. жила в Петрограде, с 1918 г. служила в Музее города, исполняя обязанности эмиссара художественного отдела, в конце Гражданской войны ей удалось бежать из РСФСР.

Врангель Петр Николаевич, барон (1887–1928) – генерал-лейтенант. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В Добровольческой армии с августа 1918 г. Командир бригады 1-й конной дивизии, затем начальник дивизии, командир 1-го конного корпуса. С декабря 1918 г. командующий Добровольческой армией, с января 1919 г. – командующий Кавказской Добровольческой армией. В ноябре 1919 г. назначен командующим Добровольческой армией, но из-за острых разногласий с генералом А. И. Деникиным сдал командование, в феврале 1920 г. приказом Деникина

уволен от службы и отбыл в Константинополь. В марте 1920 г. на военном совете в Севастополе был избран новым главнокомандующим ВСЮР. К апрелю 1920 г. переформировал ВСЮР в Русскую Армию, создал правительство Юга России, выступил с рядом политических инициатив и законов. В ноябре 1920 г. эвакуировал Русскую Армию в Галлиполи и на остров Лемнос. В 1924 г. создал Русский общевоинский союз.

Высоцкий К. С. (1864–1938) – живописец, график, ученик В. Е. Маковского. После 1918 г. поселился в Латвии, провел несколько персональных выставок в Рижском городском музее, выставлялся в Берлине, Лондоне, Хельсинки, Лос–Анджелесе.

Гамбетта Леон (1838–1882) – премьер-министр и министр иностранных дел Франции в 1881–1882 гг. Лидер левых буржуазных республиканцев, член «Правительства национальной обороны» с сентября 1870-го по февраль 1871 г., пытался организовать отпор прусским оккупантам. Вместе с тем, боясь развязать революционную войну, тормозил развертывание партизанского движения. В 1870-х гг. выступал против клерикалов и монархистов. В конце жизни справился с правыми буржуазными республиканцами.

Ганецкий Якуб (Яков Станиславович Фюрстенберг) (1879–1937) – деятель польского и российского коммунистического движения, советский государственный деятель.

Геруа А. В. (1870 – после 1940) – генерал-лейтенант. Закончил Пажеский корпус, Академию Генштаба. Участвовал в Русско-японской и Первой мировой войнах. В период Гражданской войны в России был военным представителем Добровольческой

армии, позже – Русской Армии в Румынии. Талантливый исследователь и писатель. Главное внимание в своем творчестве уделял оптимизации военных систем.

Гессен Иосиф Владимирович (1865–1943) – юрист, публицист, кадет.

Гинс Георгий Константинович (1887, крепость Новогеоргиевск – 1971, США) – сын офицера, «сибирский областник» по расчету, по его собственному признанию. Со стороны матери он происходил от грека и болгарки и связан родственными узами с Бессарабией, со стороны отца – от обрусевшего англичанина и украинки. Приписан к дворянству Киевской губернии. Окончил с золотой медалью Кишиневскую 2-ю гимназию, а затем Петроградский университет. Будучи студентом 2-го курса, написал конкурсное сочинение на тему «Сущность юридических лиц» и получил серебряную медаль. По окончании университета ездил в Туркестан и Семиречье, где по поручению Переселенческого управления, созданного в связи с крестьянской реформой Столыпина, исследовал правоотношения в области пользования водой. Это исследование помогло составлению закона о правах на воду в Туркестане. Путешествие в Семиречье дало Г. К. Гинсу материал не только для нескольких работ о водном праве, но и для этнографических очерков: «Таранчи и дунгане» и «В киргизских аулах» («Исторический Вестник», 1911 и 1913). С 1910 г. был оставлен при университете по кафедре гражданского права и одновременно служил в министерстве земледелия, где ведал, между прочим, делами переселения в Туркестан и степные области. Будучи сторонником колонизации, а не переселения, Г. К. Гинс изучал иностранное колониционное законодательство, которое изложил в очерках «Переселение и

колонизация» в двух выпусках и в статье «Колонии и колонизация», помещенной в Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. В этих работах и в других статьях и заметках автор усиленно подчеркивал необходимость всестороннего культурного развития окраин и забот о местном сибирском населении и туземцах, полагая, что культурное развитие окраин облегчит задачу переселения из Европейской

России излишнего земледельческого и промышленного населения и укрепит силу России на Востоке. В летние месяцы 1911–1912 гг. слушал лекции в Берлине, Гейдельберге и Париже. С 1916 г. вступил в число приват-доцентов Петроградского университета по кафедре гражданского права. В том же году начал работать в юридической и организационной части при особом совещании по продовольствию. С образованием министерства продовольствия занял там должность старшего юрисконсульта центральных продовольственных организаций при министерстве земледелия в 1917 г. в Петрограде. Выступил неудачно против проекта И. Михайлова «всеобщего, прямого и тайного голосования». Проект Гинса, коренным образом отличавшийся от этого плана, был назван Михайловым «революционным курьезом». Тогда Гинс работал по заданию Шингарева. На этой должности он оставался до Октябрьской революции 1917 г., будучи одновременно приват-доцентом Петроградского университета по кафедре гражданского права и преподавателем системы римского права в Психоневрологическом институте. Политику Гинс не любил и хотел отдать себя «академическим работам». Осенью 1917 г. получил приглашение занять крупный пост в Молдавской республике (Цфатул-Церия), но отказался туда ехать, не

сочувствуя сепаратистским стремлениям молдавского правительства. Предвидя оккупацию Молдавии Румынией и «видя безотрадную обстановку» Петрограда, он предпочел переселиться в январе 1918 г. в знакомую ему по прежней деятельности Сибирь, в Омск, где предполагал заняться только научной работой. Октябрьскую революцию не принял; временно поступил в кооперативный союз «Центро-Сибирь», был избран кандидатом в члены правления и в мае вступил в него. Весной 1918 г. в Омске избран профессором политехнического и сельскохозяйственного законовещения, исполнял должность экстраординарного профессора гражданского права в Политехническом институте. Г. К. Гинс состоял сотрудником журнала «Право», «Журнала Министерства Юстиции» и Нового энциклопедического словаря, где напечатал много статей и рецензий. По политическим симпатиям принадлежал к умеренным течениям. В партийной деятельности до крушения 1-го Временного правительства в 1917 г. не участвовал, но потом примкнул к кадетам, среди которых для него главным авторитетом был зверски убитый большевиками А. И. Шингарев. В Омске в 1918 г. еще до свержения власти большевиков он сблизился с обществами кооператоров и областников, как объединениями не партийного, а «делового характера». Вступил в антибольшевистское подполье в 1918 г., находясь в Омске, веря в то, что сибирское крестьянство сбросит ярмо большевиков. После свержения власти большевиков в Сибири вошел в состав Западно-Сибирского комиссариата (ЗСК) Временного Сибирского правительства (ВСП) в качестве его управделами, затем – на том же посту в ВСП. В июне 1918 г. привлечен П. Михайловым для выработки

государственного устройства Западной Сибири после ухода оттуда большевиков. Активно, но неудачно противодействовал открытию СОД в июле – августе 1918 г. Гинс 6 июля 1918 г. выступил за коренное обновление СОД, заявив, что в прежнем составе она станет роковым органом для деятельности ВСП, и предложил Якушеву общими силами выработать правительственное постановление о введении в ее состав «цензовых элементов», профессиональных рабочих и крестьянских организаций, что и было с оговорками достигнуто. За это Шатилов обрушился на Гинса, обвиняя его в стремлении подчинить СОД правительству. Гинс был составителем правительственных грамот в июне 1918 г. для ЗСК и Гришина-Алмазова. По вопросу о военном ведомстве неудачно выступил за разделение военного отдела и командования для большего влияния гражданской власти на вооруженные силы и установления четкого контроля над расходами на них. В то же время поддержал меры Гришина-Алмазова, направленные на ужесточение дисциплины в армии и запрет на награждения в Гражданской войне, считая, что награды бы только развратили вооруженные силы. Лично убедил ЗСК передать власть ВСП, аргументировав это присягой армии в пользу последнего и действиями властей от его имени. В августе 1918 г. вошел в административный совет ВСП, учрежденный благодаря своим действиям. Составил Декларацию ВСП по пути в Томск, в которой объявлялась вся власть в Сибири принадлежащей ВСП, высказывалась идея действий правительства как объединяющего центра против левых и правых уклонов, создания сильной гражданской власти для предотвращения самосудов, передачу милиции от земств

правительственным комиссарам. Вскоре эсеры из Сибирской областной думы (СОД) и самого ВСП обвинили Г. К. Гинса в нарушении равновесия между левыми и правыми в пользу последних и неуважении СОД. Выступил за непризнание Брестского мира и объединения с союзниками для совместной борьбы против стран Германского блока и большевиков. В июне – августе 1918 г., по его мнению, было самое плодотворное время работы ВСП, когда у Гинса было всего несколько свободных вечеров. В августе 1918 г. выступил против переезда ВСП из Омска в Томск. Выступил 20 августа 1918 г. в пользу расширения состава СОД за счет «цензового элемента», подготовив предлог для отъезда из Томска делегации ВСП – «пикник», чтобы отказаться от прений по этому вопросу с Якушевым и другими эсерами. Г. К. Гинс доставил для оглашения указ ВСП о расширении состава СОД в Томск через «цензовый элемент», но Якушев отказался его обнародовать. В августе 1918 г. участвовал на собраниях видных деятелей Сибири. Присутствовал на 2-м Челябинском государственном совещании 23 августа 1918 г. В конце августа 1918 г. – в отпуске, отдыхал в 65 км от Омска, в деревне, где наблюдал нежелание воевать против красных даже священников. Получив 4 сентября 1918 г. от Вологодского телеграмму с просьбой немедленно прибыть в Омск, в тот же день приехал туда, где разгорался правительственный кризис по «делу Гришина-Алмазова». Гинс в составе административного совета высказался против столь легкого увольнения заслуженного генерала и министра, которому взамен даже не предложили нового поста, и выступил против остальной, левой части правительства. Он считал, что это создает опасный прецедент для будущего. В это

время Гинса не приглашали даже на заседания Совмина. По приглашению Гришина-Алмазова 5 сентября 1918 г. Гинс прибыл к нему на автомобиле на квартиру, где участвовал на секретном заседании вместе с Михайловым и В. Пепеляевым. Гинс лично объявил о своей поездке к Гришину-Алмазову как частного лица, за что был обвинен левыми министрами и Вологодским в заговоре с Гришиным-Алмазовым, но ему удалось смыть с себя подозрение. Своей деятельностью вызывал осуждение эсеров. Министры-эсеры, в том числе Шатилов, старались не допустить планируемого участия Гинса в поездке Вологодского на Дальний Восток, но Гинс лично склонил премьера в обратную сторону. Уже в это время заявлял о готовности при первой возможности оставить свой пост. В сентябре 1918 г., совершая поездку на Дальний Восток, помогал премьеру ВСП при решении «общеполитических вопросов», встречался с высшими представителями местных властей – от Семенова до Медведева, с высокими комиссарами и другими лидерами союзников на Дальнем Востоке. Чтобы добиться оказания помощи Белой Сибири Антантой, подчеркивал первостепенную роль России в Первой мировой войне. После приведенных аргументов поручика Калашникова в пользу Гайды как лучшего главнокомандующего 21 сентября 1918 г. выступил за его назначение на этот пост, рассчитывая, что он поведет за собой союзников и чехословаков. Вел успешные переговоры в Харбине с Хорватом, 27 сентября 1918 г. участвовал в подписании неопубликованного постановления совместного заседания ВСП и Делового комитета, в котором Директория признавалась обеими сторонами высшей властью и намечалось послать в Уфу и Омск делегации для извещения об этом. Столкнулся с Крутовским по

вопросу роспуска СОД и задержки ее делегации в Иркутске во время переговоров с ним по телефону. Получив 21 сентября 1918 г. телеграмму от Якушева о введении Новоселова в министры ВСП, надавил на Вологодского с целью возвращения в Омск для наведения порядка в высших сферах власти. Обвинил Якушева в гибели Новоселова, провоцировании конфликта между белыми и чехословаками, компрометации СОД как представительного учреждения. По своему признанию, он «страдал общим для омских деятелей грехом, – неподготовленностью к широкой государственной работе». В то же время он редактировал в правительстве законодательные акты, правительственные заявления, речи, декларации. Тогда он «прилагал все усилия, чтобы создать государственную внешность ВСП». Несмотря на то что Гинс желал предаться научной деятельности и не хотел вступать в Директорию, отвергнув предложение занять пост министра труда, 4 ноября 1918 г. он был назначен товарищем министра народного просвещения Директории. Выступил за отмену государственной самостоятельности Сибири в пользу слияния с Директорией. Фактически в это время Гинс взял в свои руки управление министерством. На свое место управделами провел Тельберга, видя тогда лишь его положительные качества, которого он еще при ВСП, летом 1918 г., сделал старшим юрисконсультom правительства, планируя назначить редактором «Правительственного Вестника». Гинс выступал против преобразований Сапожникова, считая их «анархией». Настаивал на коренных изменениях в народном образовании, применительно к условиям Сибири, введении в образование английского языка, удешевлении

и повышении продуктивности обучения через сокращение учебных часов интенсивным преподаванием, на изменении системы управления школой, считая необходимым вернуть ее в ведение местных органов министерства просвещения. Сначала действовал в группе Михайлова, но скоро стал работать самостоятельно. С 18 ноября 1918 г. участвовал в выработке конституции, вместе с Тельбергом определил права и обязанности Верховного правителя и Совета министров, однако на некоторое время ограничился от ближайшего участия в правительстве. Настоял на ограничении прав Верховного правителя перед Совмином. Гинс считал ошибочным решение Колчака воспрепятствовать Жанену занять пост Верховного главнокомандующего белыми войсками Сибири, считая, что из-за этого Омское правительство утратило возможность получения более масштабной иностранной помощи. В то же время Г. К. Гинс выступил против действий Жанена по выделению из состава Белой армии и антибольшевистских формирований национальных частей чехословаков, поляков, сербов, румын, прибалтов, украинцев, предугадав, что они будут получать быстрее и больше помощи от союзников, чем подразделения белогвардейцев. В декабре 1918 г. рассматривалась кандидатура Гинса на пост министра иностранных дел, не прошел, назначен его товарищем. В это время не считал США империалистической державой, считая таковой Японию. Противник японской ориентации зимой 1918/19 г. Пребывал в этой должности до февраля 1919 г. Выступил за то, чтобы «стереть с лица земли черновское «Учредительное Собрание», но в то же время полагал, что для Белой Сибири необходимо было создание особого представительного органа в целях содействия Директории в решении основных вопросов

политической жизни. Зимой 1918/19 гг. настаивал на назначении С. Д. Сазонова министром иностранных дел Омского правительства с нахождением его в Париже, затем стал инициатором назначения Сукина на пост министра иностранных дел, настоял на этом перед Вологодским. В это время Гинс считал для Омского правительства «лучшими дипломатами» сильную армию, общественную солидарность, могущественную печать. В конце декабря 1918 г. – начале января 1919 г. выступил за амнистирование членов Комуча, от этого мнения в середине января 1919 г. отказался, узнав о переговорах между «учредилловцами» и большевиками. В конце января 1919 г. выступил за участие в предложенной союзниками конференции на Принцевых островах, в которой должны были участвовать и большевики, чтобы превратить ее в суд над ВКП(б). Одним из немногих министров поддержал идею Зефирова по государственному регулированию цен. В начале – конце февраля 1919 г. едва не умер от сыпного тифа, все это время находился в бреду. Выдвинут торгово-промышленным блоком в товарищи председателя Совета министров. Его назначение не состоялось, так как Сукин и Тельберг этому препятствовали, саботируя рассмотрение «проекта о товарище председателя» и настраивая Вологодского против Гинса. Уже в марте 1919 г. обвинял в «стремительном крушении авторитета гражданской власти пассивность Вологодского», в то же время видя, что Петр Васильевич служит примиряющим центром в правительстве, стремился к его сохранению. В это время он считал, что на «нужном месте» в правительстве находились лишь министры: морской, путей сообщения, продовольствия, труда, земледелия. Весной 1919 г.

выдвигался бюро блока общественных организаций в лице А. Балакшина, В. Куликова, Панкратова для замены инертного Вологодского на посту предсовмина. В конце марта – начале апреля 1919 г. выступил за отставку Зефирова с поста министра продовольствия и снабжения, чтобы таким образом очистить власть от обвинений в коррупции. Назначен 1 апреля 1919 г. в Совет министров «министром без портфеля». В это время Сукин разносил слухи в Совмине и Ставке о принадлежности Г. К. Гинса к «социалистам». Занимал разные посты в правительстве Колчака: непродолжительное время – товарищ министра иностранных дел, с апреля 1919 г., с уходом Феодосьева, – председатель Государственного экономического совещания (ГЭС). Возобновил работу ГЭС после ее перерыва 14 апреля 1919 г., на этом посту был до 15 августа 1919 г. Столкнувшись со всяческим противодействием со стороны группы министров Михайлова своим проектам реформ, направленным на очищение правительства от коррупции и улучшение аппарата управления, Гинс задумывался тогда о собственной отставке, однако, возглавив ГЭС, решил там вести борьбу за дальнейшее привлечение на свою сторону общественности. Выдвинул свой проект земельной реформы в противовес «помещичьему плану» Петрова. По плану Гинса, правительство должно было нивелировать разницу между мелкими и крупными крестьянскими хозяйствами в пользу первых для создания крепкого сельского собственника. Он выступил за передачу земель народу при отсутствии их владельцев – безвозмездно, а при их существовании – установить особый государственный земельный сбор в пользу возмещения убытков собственников. Проект Гинса проиграл в Совете министров лишь один голос проекту

Петрова. На удивление Гинса, его проект поддержали не «левые», а «правые». С 15 августа 1919 г. – вновь управделами правительства (Совмина) и Верховного правителя. В то же время в мае 1919 г. он отказался занять пост министра народного просвещения. Считался одной из самых влиятельных, активных и решительных фигур в правительстве Колчака. Выдвигал Н. К. Волкова главой Государственного экономического совещания. С ноября 1919 г. по февраль 1920 г. – в Иркутске. В феврале 1920 г. эвакуировался на японском военном поезде в Харбин после попытки эсеров Политцентра и большевиков арестовать его как реакционера и преступника. Профессор юридического факультета Харбинского университета, читал там лекции; одновременно – главный контролер управления КВЖД. В марте 1920 г. бежал с семьей из Харбина в глубь Китая, боясь выдачи эсеровскому Приморскому правительству и расправы со стороны большевистски настроенных рабочих. В 1929 г. защитил диссертацию в Париже при Русской академической группе. Член НТС. С 1942 г. издавал в Сан-Франциско газету «Русская жизнь», с 1945-го по 1954 г. читал лекции по русской культуре и советскому праву в Калифорнийском университете. Автор мемуаров «Сибирь, союзники и Колчак» (Пекин. 1921. Т. 1–2), являющихся ценным источником по истории Гражданской войны в Сибири 1918–1920 гг. Им опубликованы 11 монографий, из которых общее признание имеют работы по экономике; много статей и рецензий в разных журналах, Новом энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона и др. В последние годы жизни он готовил большую работу по теме «Россия – многонациональная империя». Умер в США.

Гирс Михаил Никитович (1856–1932) – российский дипломат, на службе в МИД России с 1878 г. Посланник в Бразилии, Китае, Баварии, Румынии, посол в Турции в 1911–1914 гг., посол в Италии с 1915 г., в 1919 г. участвовал в работе Парижской мирной конференции, в 1920 г. представлял правительство Врангеля во Франции, был избран председателем Сопровождающего бывших российских послов, старейшина русского дипломатического корпуса за границей. Активный сторонник объединения эмиграции в борьбе против большевизма.

Глассон Н. И. – эсер, представитель Уральского областного правительства 15 июля 1918 г. на 1-м Челябинском совещании от ведомства юстиции. Намечался в сентябре – октябре 1918 г. на пост министра юстиции в Директории. В Сибири в правых кругах считался «трезвым социалистом». Выступал за равноправие национальностей, за признание частной собственности, за сохранение демократических свобод, но не злоупотребление ими, сокращение бюрократии. Выступал против действий правительства, исходящих лишь из материальных выгод. Земельный вопрос предлагал оставить на решение Учредительного собрания.

Гойхбарг Александр Григорьевич (1883 —?) – советский юрист и государственный деятель.

Головачев М. П. (1893 —?) – сибирский автономист, сын П. М. Головачева. На преподавательской должности в Томском университете по международному праву, считался его знатоком в Западной Сибири, приват-доцент, министр иностранных дел Временного Сибирского правительства (ВСП). По данным Гинса, при

вступлении его в ВСП он был случайной фигурой в правительстве и единственным из министров «не имел никакой репутации». Выступал против положительного или отрицательного решения по отношению к Брестскому миру, желая выждать, кто победит, что во многом было вызвано его дружбой с немцем генералом Беловым. Проживая летом 1918 г. на квартире Вологодского, оказывал на него большое влияние в принятии того или иного решения. Считался германофилом, «правым эсером». Активно противодействовал Гришину-Алмазову в сближении с Антантой и «восстановлении Германского фронта». Главный инициатор независимости Сибири, которой добился 11 июля 1918 г. Представлял 15 июля 1918 г. ВСП на 1-м Челябинском совещании, знакомя членов Комуча с условиями будущего объединения. Вошел в административный совет. В августе 1918 г. активно протестовал против выступления ВСП на стороне Антанты. Вместе с Вологодским телеграммой Вольскому 20 августа 1918 г. выразил желание сотрудничать в деле объединения всех антибольшевистских сил, опровергнув его обвинения ВСП «в сепаратизме» и высказав пожелание уничтожить между Омском и Самарой административные границы для устранения таможенных, денежных и других недоразумений, сопровождавших деятельность двух правительств. Противник эсеров, возбудил против себя Уральское областное правительство. Вступил в конфликт с эсерами, создав тем самым среди них «плохую репутацию», добивавшимися ухода шведской миссии из Томска летом 1918 г., т. к. его авторитет из-за этого пошатнулся. После этого он был переведен в товарищи министра иностранных дел, но фактически был во главе этого ведомства. Поднял вопрос об отставке Гришина-Алмазова и добился этого 5

сентября 1918 г. после конфликта того с союзниками. Настоял на назначении на его место 5 сентября 1918 г. Иванова-Ринова. Своей деятельностью вызвал отрицательное отношение со стороны иностранных представителей в Сибири. Выступил в Совмине ВСП против объединения с Комучем как эсеровской организацией, стремящейся к захвату власти в Омске, оперируя компрометирующими эсеров документами, захваченными у Рериха. После провала его усилий по срыву создания Директории был вынужден уйти в отставку.

Гольдберг Исаак Григорьевич – эсер, областник, представитель «левой группы», борющейся против влияния группы Гришина-Алмазова – Михайлова в 1918 г. В Сибирской областной думе (СОД) от Томского губернского крестьянского съезда как «представитель трудового крестьянства». Считался одним из «китов эсеров» в Западной Сибири. На сессии СОД с другими видными эсерами оказывал тайное давление при участии чехословацкого представителя Гирсы, введенного им в заблуждение, в августе 1918 г. на Вологодского, чтобы тот устранил из правительства Гришина-Алмазова и И. Михайлова. Осуществлял яростные нападки также на Гинса с момента, когда тот выступил против переезда столицы Белой Сибири из Омска в Томск, на чем настаивал Гольдберг. Узнав о задержании делегации СОД в Иркутске по распоряжению Вологодского, настаивал на широкой огласке этого факта. Принял участие в неудачной попытке захвата власти эсерами в Омске 18–21 сентября 1918 г. Работал в сентябре 1918 г. в составе СОД, согласился на ее разгон, считая, что будет успешно действовать за спиной Авксентьева и снова попадет во власть после выборов в Учредительное

собрание на 1 января 1919 г. В конце сентября 1918 г. скрылся.

Горлов В. М. (1869–1948) – в 1916–1920 гг. был первым секретарем российского посольства в Париже, затем – начальник русской дипломатической миссии в Варшаве.

Гофман Макс (1869–1927) – германский военный деятель, генерал-майор, мемуарист, с 1920 г. в отставке. Сторонник сближения с СССР.

Гредескул Николай Андреевич (1864 – конец 1930-х годов) – юрист, публицист, общественный деятель. Из дворян. Окончил юридический факультет Харьковского университета, занимался научной деятельностью: профессор Харьковского университета, автор исследований в области права и философии. С 1904 г. входил в Союз освобождения, с 1905 г. – член ЦК Конституционно-демократической партии. В 1905 г. за оппозиционные выступления издаваемой им в Харькове газеты «Мир» заключен в тюрьму и накануне выборов в 1-ю Госдуму выслан на 3 года в Архангельск, одновременно избран в состав выборщиков и под давлением демократической общественности освобожден. В 1-й Госдуме занимал пост товарища председателя. После ее роспуска подписал Выборгское воззвание, за что отбывал трехмесячное тюремное заключение. После освобождения работал профессором Петербургского политехнического института, сотрудничал в журналах «Вестник партии народной свободы» и «Русская мысль», газете «Речь». В 1916 г. из-за разногласий с руководством партии вышел из состава ЦК. После Февральской революции был редактором газеты «Русская воля». После Октябрьской

революции политические взгляды резко эволюционировали. Признал советскую власть и одобрял ее политику со сменовеховских позиций. В работе «Россия прежде и теперь» (1926) утверждал, что «никакого разрыва» в русской истории нет, ибо она идет полным ходом, доводя до окончательного завершения все то «лучшее», что было в прошлом. В 1920—1930-х годах преподавал в ленинградских вузах, занимался популяризацией материалистического понимания истории. **Сочинения:** *К учению об осуществлении права. Харьков, 1900; Социальное изучение права. Харьков, 1900; Происхождение человека от обезьяны. Л., 1928; История материальной культуры: Популярный очерк. Л., 1930. Литература:* Шелохаев В. В. *Кадеты – главная партия либеральной буржуазии в борьбе с революцией 1905–1907 гг. М, 1983.*

Гусельщиков Адриан Константинович (1871–1936) – генерал-лейтенант, в Вооруженных силах Юга России командовал 4-м Донским корпусом. С 1920 г. – в эвакуации в Турции, позже переехал в Югославию, а затем во Францию.

Гучков Александр Иванович (1862–1936) – предприниматель, политический деятель. Один из основателей «Союза 17 октября». Один из главных организаторов Февральской революции. Со 2 марта по 30 апреля 1917 г. – военный и морской министр Временного правительства. В ноябре 1917 г. одним из первых дал средства для организации Добровольческой армии. В январе 1919 г. был командирован Деникиным для установления связей с руководством стран Антанты. В эмиграции не примыкал ни к одной из политических

партий, но принимал активное участие в мероприятиях антибольшевистской направленности.

Д'Аннунцио Габриеле (1863–1938) – итальянский писатель и политический деятель. Пропагандист итальянского империализма. После Первой мировой войны стал одним из лидеров националистического движения, связанного с фашистскими организациями. В сентябре 1919 г. возглавил националистическую экспедицию, захватившую югославский город Риека, был его комендантом до декабря 1920 г., когда по требованию Антанты итальянское правительство предложило д'Аннунцио оставить город.

Дан Федор Ильич (Гурвич) (1871–1947) – один из лидеров российского меньшевизма, член ЦК РСДРП с 1905 г., выслан за границу в 1922 г., с 1923 г. по 1940 г. возглавлял Заграничную делегацию РСДРП и состоял в редколлегии журнала «Социалистический вестник».

Де-Мартель – верховный комиссар Франции.

Демидов Игорь Платонович (1873–1946) – политический деятель. Закончил Московский университет. Видный земский деятель, масон. Член ЦК партии кадетов. Депутат 4-й Государственной думы. В 1917 г. – комиссар временного комитета Государственной думы в министерстве земледелия, комиссар Временного правительства на Юго-Западном фронте, товарищ министра земледелия, член Предпарламента. Активный участник антибольшевистского сопротивления, руководил отделением «Национального Центра» в Киеве до 1919 г., эмигрировал во Францию. Член редакции и помощник редактора газеты «Последние Новости», входил в организации «Центр действия» и «Республиканско-демократическое объединение».

Демченко В. Я. (1875–1939) – инженер путей сообщения, помещик, землец, председатель Киевской уездной земской управы, член 4-й Государственной думы от Киева, националист.

Деникин Антон Иванович (1872–1947) – генерал-лейтенант Генштаба. Сын офицера пограничной стражи, выслужившегося из солдат. Окончил Ловичское реальное училище, военно-училищные курсы при Киевском пехотном юнкерском училище и Николаевскую академию Генерального штаба (1899). Из училища вышел во 2-ю артиллерийскую бригаду. В 1902 г. был переведен в Генеральный штаб и назначен на должность старшего адъютанта 2-й пехотной дивизии. С 1903 г. по март 1904 г. – старший адъютант штаба 2-го кавалерийского корпуса. Во время Русско-японской войны в марте 1904 г. подает рапорт о переводе в действующую армию, был назначен штаб-офицером для особых поручений при штабе 8-го армейского корпуса, где исполнял обязанности начальника штаба 3-й Заамурской бригады пограничной стражи. Подполковник. С сентября 1904 г. – штаб– офицер для особых поручений при штабе 8-го армейского корпуса, где 28 октября того же года получил назначение на должность начальника штаба Забайкальской казачьей дивизии генерала Ренненкампа. В феврале 1905 г. вступил в должность начальника штаба Урало-Забайкальской дивизии в составе конного отряда генерала Мищенко. В августе 1905 г. назначен начальником штаба Сводного кавалерийского корпуса генерала Мищенко. Награжден орденами Святого Станислава и Святой Анны 3-й ст. с мечами и бантами и 2-й ст. с мечами. Произведен в чин полковника «за боевые отличия». После окончания Русско-японской войны с января по декабрь 1906 г.

занимал должность штаб-офицера для особых поручений при штабе 2-го кавалерийского корпуса, с декабря 1906 г. по январь 1910 г. – штаб-офицер при управлении (начальник штаба) 57-й пехотной резервной бригады. 29 июня 1910 г. назначен командиром 17-го пехотного Архангелогородского полка. В марте 1914 г. назначен исполняющим должность генерала для поручений Киевского военного округа и в июне того же года произведен в генерал-майоры. В начале Первой мировой войны назначен на должность генерал-квартирмейстера 8-й армии генерала Брусилова. По собственному желанию перешел в строй и был назначен 6 сентября 1914 г. командующим 4-й стрелковой («Железной») бригадой, развернутой в 1915 г. в дивизию. «Железная дивизия» генерала Деникина прославилась во многих сражениях во время Галицийской битвы и на Карпатах. Во время отступления в сентябре 1915 г. дивизия контратакой взяла Луцк во время Брусиловского наступления в июне 1916 г. Осенью 1914 г. за бои у Гродека генерал Деникин был награжден Георгиевским оружием, а затем за смелый маневр у Горного Лужка – орденом Святого Георгия 4-й ст. В 1915 г. за бои у Лутовиско награжден орденом Святого Георгия 3-й ст. За прорыв неприятельских позиций во время Брусиловского наступления в 1916 г. и за вторичное взятие Луцка снова награжден Георгиевским оружием, осыпанным бриллиантами, с надписью: «За двукратное освобождение Луцка». 9 сентября 1916 г. назначен командиром 8-го армейского корпуса. В марте 1917 г. при Временном правительстве назначен помощником начальника штаба Верховного главнокомандующего, а в мае того же года – главнокомандующим армиями Западного фронта. В июле

1917 г., после назначения генерала Корнилова Верховным главнокомандующим, назначен на его место – главнокомандующим армиями Юго-Западного фронта. За активную поддержку генерала Корнилова в августе 1917 г., во время его попытки вооруженным путем захватить власть и навести порядок в стране, отрешен от должности Временным правительством и заключен в Быховскую тюрьму. 19 ноября 1917 г. бежал из Быхова с бумагами на имя польского помещика и прибыл в Новочеркасск, где принял участие в организации и формировании Добровольческой армии. 30 января 1918 г. назначен начальником 1-й Добровольческой дивизии. В 1-й Кубанский («Ледяной») поход выступил в должности заместителя командующего Добровольческой армией генерала Корнилова. 31 марта 1918 г., когда во время штурма Екатеринодара был убит генерал Корнилов, вступил в командование Добровольческой армией. В июне 1918 г. повел Добровольческую армию во 2-й Кубанский поход. 3 июля 1918 г. взял Екатеринодар. 8 октября 1918 г., после смерти генерала Алексеева, стал главнокомандующим Добровольческой армией. Выдвигался Семеновым в качестве Верховного правителя вместо Колчака. В декабре 1918 г. направил С. Д. Сазонова в Париж послом от белогвардейской России. 26 декабря 1918 г., после встречи на станции Торговая с Донским атаманом генералом Красновым, признавшим необходимость единого командования и согласившегося подчинить Донскую армию генералу Деникину, стал главнокомандующим Вооруженными силами Юга России (ВСЮР). В 1919 г. из штаба ВСЮР в Таганроге генерал Деникин осуществлял главное командование Кавказской Добровольческой армией генерала Врангеля, Донской армией генерала Сидорина,

Добровольческой армией генерала Май-Маевского, а также руководил действиями главноначальствующих: на Северном Кавказе генерала Эрдели, в Новороссии генерала Шиллинга, в Киевской области генерала Драгомирова и командующего Черноморским флотом адмирала Герасимова. Управление занятыми областями, кроме казачьих, осуществлялось при участии Особого совещания, созданного еще генерала Алексеевым. Осуществлял контакты с Колчаком через посылаемых друг другу офицеров, в том числе Крашенинникова. После отступления войск ВСЮР осенью 1919 г. – зимой 1920 г. генерал Деникин, потрясенный катастрофой во время эвакуации Новороссийска, принял решение созвать Военный совет для того, чтобы он избрал нового главнокомандующего. 22 марта 1920 г. после избрания на военном совете генерала Врангеля генерал Деникин отдал последний приказ по ВСЮР и назначил генерала Врангеля главнокомандующим. 5 апреля 1920 г. генерал Деникин выехал с семьей в Англию, где оставался недолго. В августе 1920 г. переехал в Бельгию, не желая оставаться в Англии во время переговоров с Советской Россией. В Брюсселе он приступил к работе над своим фундаментальным пятитомным трудом «Очерки Русской Смуты». Эту работу он продолжал в трудных условиях жизни на озере Балатон, в Венгрии. 5-й том был им завершен в 1926 г. в Брюсселе. В 1926 г. генерал Деникин переехал во Францию и занялся литературным трудом. В это время вышли его книги «Старая Армия» и «Офицеры» (1928–1931), написанные главным образом в Капбретоне, где генерал часто общался с писателем И. О. Шмелевым. В парижский период своей жизни генерал Деникин часто выступал с докладами на политические темы и с 1936 г. начал издавать газету

«Доброволец». В Париже Деникин пишет и публикует следующие книги: «Русский вопрос на Дальнем Востоке» (1932), «Брест-Литовск» (1933), «Кто спас Советскую власть от гибели?» (1937), «Мировые события и русский вопрос» (1939). Объявление войны 1 сентября 1939 г. застало генерала Деникина на юге Франции, в деревне Монтей-о-Виконт, куда он уехал из Парижа, чтобы приступить к работе над своим последним трудом «Путь русского офицера». Автобиографическая по своему жанру, новая книга должна была, по замыслу генерала Деникина, служить введением и дополнением к его пятитомным «Очеркам Русской Смуты». Германское вторжение во Францию в мае – июне 1940 г. вынудило генерала Деникина, не желавшего оказаться под немецкой оккупацией, срочно покинуть Бург-ла-Рен (под Парижем) и выехать в направлении испанской границы на машине одного из своих соратников – полковника Глотова. Беглецы успели доехать только до виллы друзей в Мимизане к северу от Биарица, так как здесь их перегнали германские моторизованные части. Генералу Деникину пришлось покинуть виллу друзей на пляже и провести несколько лет, до освобождения Франции от немецкой оккупации, в холодном бараке, где он, нуждаясь во всем и часто голодая, продолжал работать над своим трудом «Путь русского офицера». Генерал Деникин осуждал политику Гитлера и называл его «злейшим врагом России». В то же время он надеялся, что после разгрома Германии Советская армия свергнет коммунистическую власть. В мае 1946 г. в одном из своих писем полковнику Колтышеву он писал: «После блестящих побед Красной армии у многих людей появилась абберрация... как-то поблекла, отошла на задний план та сторона большевистского нашествия и

оккупации соседних государств, которая принесла им разорение, террор, большевизацию и порабощение...» Далее он продолжал: «Вы знаете мою точку зрения. Советы несут страшное бедствие народам, стремясь к мировому господству. Наглая, провокационная, угрожающая бывшим союзникам, поднимающая волну ненависти политика их грозит обратить в прах все, что достигнуто патриотическим подъемом и кровью русского народа... и поэтому, верные нашему лозунгу – «Защита России», отстаивая неприкосновенность российской территории и жизненные интересы страны, мы не смеем в какой бы то ни было форме солидаризироваться с советской политикой – политикой коммунистического империализма». В мае 1945 г. он вернулся в Париж и вскоре, в конце ноября того же года, воспользовавшись приглашением одного из своих соратников, отправился в США. Его обширное интервью опубликовано в «Новом Русском Слове» от 9 декабря 1945 г. В США генерал Деникин выступал на многочисленных собраниях и обратился с письмом к генералу Эйзенхауэру с призывом остановить насильственную выдачу русских военнопленных. Скончался от сердечного приступа 7 августа 1947 г. в больнице Мичиганского университета и был похоронен на кладбище в Детройте. 15 декабря 1952 г. состоялось перенесение останков генерала Деникина на православное кладбище Святого Владимира в Касвилле, Нью-Джерси. В конце 2005 г. его прах упокоился в Личиве на кладбище Донского монастыря. А. И. Деникин был автором многочисленных статей в журнале С. П. Мельгунова «Борьба за Россию», в «Иллюстрированной России», в «Добровольце» (1936–1938) и др. Последняя его статья была опубликована посмертно под названием «В советском

раю» в № 8 парижского журнала «Возрождение» за март – апрель 1950 г.

Державин Николай Севастьянович (1877–1953) – российский историк, филолог, академик АН СССР с 1931 г., работы по этногенезу славян, истории русской литературы, болгарской культуре. Удостоен Государственной премии СССР 1948 г.

Дзержинский Феликс Эдмундович (1877–1926) – из дворян, один из руководителей Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, с декабря 1917 г. – председатель ВЧК (с 1922 г. председатель ГПУ – ОГПУ). В 1919–1923 гг. – нарком внутренних дел. С 1921 г. – одновременно нарком путей сообщения, с 1924 г. – председатель Высшего совета народного хозяйства.

Дикий Григорий Никифорович (1888–1961) – в 1920-е гг. – заведующий экономическим бюро КВЖД, товарищ Н. В. Устрялова по Харбину, сменовеховец, позднее переехал в Бельгию.

Дионисий (в миру князь **В. В. Голицын**) (? –1974) – иеродиакон.

Дитерихс Михаил Константинович (5 апреля 1874 – 9 сентября 1937), из семьи офицера чешского происхождения, служившего в Русской армии на Кавказе. Образование получил в Пажеском корпусе и Академии Генерального штаба в 1900 г. Служил в Туркестане. После участия в Русско-японской войне служил в главном управлении Генерального штаба. Участник Первой мировой войны, в начале 1915 г. – генерал-квартирмейстер Юго-Западного фронта, под его контролем разрабатываются все основные операции фронта. Генерал-майор с декабря 1915 г. Начальник

штаба 3-й армии в Греции, командующий Экспедиционным корпусом в Салониках в 1916 г. Был близок к Алексееву. Начальник штаба особой Петроградской армии при Крымове при походе на Петроград Корнилова. В августе 1917 г. ему был предложен пост военного министра. Дитерхс отказался от него, с сентября 1917 г. назначен генерал-квартирмейстером Ставки Главковерха, а с 3 ноября – начальник штаба Ставки, при захвате ее большевиками ареста избежал. 8 ноября 1917 г. Дитерхс, уехав в Киев к семье, вскоре стал начальником штаба Чехословацкого корпуса по предложению самих чехов и словаков (март 1918 г. – январь 1919 г.). В 1918 г. – один из организаторов успешного выступления Чехословацкого корпуса против советской власти в конце мая того же года. Командующий Забайкальской группой сил Сибирской группировки Чехословацкого корпуса в районе Иркутск – Чита – Владивосток. Находясь во главе передовых его эшелонов, он в июне 1918 г. взял Владивосток. Продвигаясь в Сибирь, соединился с силами Гайды 11 июля 1918 г. в районе Иркутска. На просьбы Войцеховского и Каппеля прислать подкрепления под Уфу заявил, что сможет прислать первые уральские части туда лишь в начале декабря 1918 г. Во время переворота Колчака 18 ноября 1918 г. находился в Уфе. Получил приказ от Колчака: арестовать деятелей Комуча за их подрывную деятельность против установления власти Верховного правителя, но некоторое время колебался, лишь 26 ноября 1918 г. исполнил приказание и ушел из рядов Чехословацкого корпуса «в отставку», поссорившись с чехами и словаками. Этот эпизод его биографии надолго задержал продвижение Дитерхса к высшим командным постам белых сил на востоке России.

Сразу после ухода из Чехословацкого корпуса просит у Колчака личного разрешения отбыть на Дальний Восток со специальной задачей – доставки туда реликвий Императорской семьи, собранных им на Уральском фронте. В апреле 1919 г. приезжает в Омск в «японофильском поезде» в распоряжение Русской Белой армии на востоке России, являлся кандидатом № 1 на пост Начальника штаба армии Колчака. Не выбран под предлогом нахождения его на чехословацкой службе. Генерал для поручений при Колчаке. В 1919 г. некоторое время занимался изучением обстоятельств убийства царской семьи, руководитель комиссии по расследованию с января по июль 1919 г. В июле 1919 г. командовал Сибирской армией Колчака, генерал-лейтенант. Выступал противником проведения Челябинской операции летом 1919 г., считая, что возлагать ее на ослабленные силы одной Западной армии нельзя. 22 июля – 17 ноября 1919 г. – командующий белым Восточным фронтом, одновременно, после ухода Лебедева с поста начальника штаба, назначается на его место, а также военным министром. Инициатор проведения борьбы против большевиков как религиозной. Благодаря ему созданы добровольческие отряды – дружины Святого Креста и Полумесяца, целиком погибшие в боях против красных. Проводит Тобольскую наступательную операцию августа – сентября 1919 г., после ряда выдающихся успехов (большевики были отброшены за Тобол, понеся большие потери) завершившуюся неудачно во многом из-за преступной медлительности командующего казачьими сибирскими корпусами Иванова-Ринова, отставки которого он вскоре добился. В ноябре 1919 г. отстранен Колчаком от командования Восточным фронтом во многом из-за интриг против него Сахарова в момент,

когда для спасения Белой армии на востоке России он предлагал оставить заблаговременно Омск и вывезти оттуда все ценности и тыловые части. Вскоре Колчак снова предложил ему этот пост, но Дитерихс поставил условием занятия этого поста отставку Колчака и отъезд его за границу. Совершил с остатками армии Колчака великий Ледовый поход. Предлагал Колчаку план, согласно которому для сохранения армии надо было отойти за Иртыш. Эмигрировал после отклонения его предложения. Жил в Харбине с конца декабря 1919 г. по июнь 1922 г. с перерывами. До конца лета 1920 г. – управляющий военного ведомства Забайкалья. В июле – августе 1920 г. направлен Семеновым для переговоров с Приморским коалиционным правительством относительно дальнейшей переброски белых сил в Приморье для устройства их там и реорганизации. Посланцы Семенова сорвали его переговоры с Владивостоком. Семенов считал, что Дитерихс был главным инициатором развернутой в войсках в 1920 г. против него кампании. Из-за интриг в армии Вержбицкого против Лохвицкого решил отстраниться от участия в борьбе в Забайкалье и уехал в Харбин, так как, по его мнению, там сложилась «нерабочая обстановка». После падения правительства Меркуловых 1 июня 1922 г. вступил в командование белыми силами Приморья после ухода Вержбицкого. Официально вступил в должность после передачи ему полномочий временно исполняющим обязанности командующего белыми силами в Приморье генералом Молчановым 8 июня 1922 г. В этот же день он принимал парад свергнувших Меркуловых войск и стал председателем правительства. Управляющие ведомствами правительства 9 июня 1922 г. примкнули к нему. Дитерихс не хотел устранения правительства

Меркуловых и желал, опираясь на него, вести борьбу против большевиков. 10 июня 1922 г. он добился самороспуска Народного собрания. Дитерихс объявил, что в условиях смуты он подчиняется Приамурскому Временному правительству до созыва в Приморье Земского собора. Созывом Земского собора он рассчитывал создать авторитетную власть и привлечь обывателей на свою сторону. Несмотря на сохранение правительства Меркуловых и внешне хорошие отношения, между Дитерихсом и правительством шла борьба, так как Меркуловы не хотели включения в правительство представителей армии. С объявлением Японией летом 1922 г. об эвакуации своих войск Дитерихс призвал всех в Приморье сохранять спокойствие.

23 июля 1922 г. Дитерихс открыл в Приморье монархический Земский собор и избран им «единоличным правителем и воеводой земской рати» – силами приморских белогвардейцев. Это было обусловлено разногласиями между семеновцами и каппелевцами по вопросу о государственном управлении белым Приморьем. Фактически власть ему была передана Меркуловыми. Выдвигал Гондатти на пост председателя правительства. Почти единогласно Дитерихс 8 августа 1922 г. был избран председателем правительства и 9 августа 1922 г. объявил себя правителем Приамурского земского края и воеводой Земской рати. Объявил реорганизацию в армии: корпуса стали группами, полки – дружинами. Это вызвало в армии кривотолки. Дитерихс сократил тыловые части, переорганизовал снабжение войск, учитывая все особенности войны при нахождении белых сил в рамках Приморья. Упразднил систему контрразведок. Несмотря на все его меры по повышению

боеспособности армии, этого ему добиться не удалось. Перестроил гражданскую жизнь в крае: организовал земскую думу, совет внешних дел, поместный совет, подготовлял Поместный собор; совет земской группы должен был решать все гражданские дела. Всегда был против претензий всех белых правительств на «всероссийскость», желая подготовить условия для будущего воссоздания России постепенно. Объявил «крестовый поход» против Советской России, выступал за восстановление монархии. В армии, особенно в частях «семеновцев», назывался «титолом» «Ваше Преосвященство». С полевым штабом и земской думой 26 августа 1922 г. Дитерихс переехал в Никольск-Уссурийский, чтобы укрепить оборону белых войск в связи с уходом японцев. Установил основной административной единицей Южного Приморья церковный приход. Содействовал усилению антибольшевистской борьбы в Якутии в 1922 г. Дитерихс выехал в Спасск 5 сентября 1922 г., чтобы ознакомиться с обстановкой под городом и лично встретиться с местным населением для информирования его о дальнейших мероприятиях власти. Во время этой поездки заболел. Будучи больным, 15 сентября 1922 г. выступил на открытии Национального съезда. В этой речи призвал приморцев к жертвенности в пользу Белой армии, в результате чего была получена крупная сумма денег и много теплых вещей. Под руководством Дитерихса была успешно проведена мобилизация. Потерпел неудачу снова вовлечь Японию в кампанию против коммунистов. Он желал за ее счет пополнить запасы оружия и боеприпасов. Публиковал во Владивостоке свои изыскания по делу об убийстве царской семьи: «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале». Под

его командованием белые войска разбили красных под Хабаровском, но в силу разных причин, важнейшей из которых было резкое ухудшение погодных условий в Приморье, не смогли ликвидировать красный Анучинский партизанский район. После неудачи в октябре его сил под Спасском объявил об отходе в Китай и Корею, «но не к японцам». В то же время Дитерихс добился эвакуации семей военных на судах японцев, а также привлек для этого Красный Крест США и Великобритании, которые, по его настоянию, взяли на себя заботы о раненых и больных. Сам он отступал во главе самой крупной группировки белых из Приморья, насчитывавшей 9 тысяч человек и 3 тысячи лошадей. Отошел с ними к Посъету и Новому Киеву, где находился до сдачи Владивостока 25 октября 1922 г. Отошел с этой группировкой в Гензан. С 25 октября 1922 г. – эмигрант, один из главных лидеров белой эмиграции на Дальнем Востоке. До мая 1923 г. находился в эмигрантском лагере. Глава Дальневосточного отдела РОВС. В 1931 г. из Шанхая он обратился с листовкой «К белой русской эмиграции всего мира», в которой призвал к борьбе с Советской Россией. Умер в сентябре 1937 г. в Шанхае.

Дмитриевский Сергей Васильевич – эсер, позже большевик, советский дипломат, затем невозвращенец в 1930 г. В эмиграции примыкал к так называемым «пореволюционным течениям», автор книг «Судьба России» (Берлин, 1930), «Сталин» (Берлин, 1931), «Советские портреты» (Стокгольм, 1931), переписывался и печатно полемизировал с Н. В. Устряловым в журнале «Утверждения».

Долгопятов Дмитрий Иванович – войсковой старшина. В Донской армии штаб-офицер для поручений штаба 1-го Донского корпуса, затем начальник

хозяйственного отдела штаба ВВД, с 29 марта 1920 г. полковник, с апреля 1920 г. прикомандирован к штабу ВВД до эвакуации Крыма. Генерал-майор.

Дубровин Александр Иванович (1855–1921) – основатель и председатель черносотенного Союза русского народа, редактор-издатель его печатного органа – газеты «Русское знамя». Монархист, крайний антисемит. В 1921 г. расстрелян по постановлению ВЧК.

Дурденевский Всеволод Николаевич (1889–1963) – правовед, специалист по международному праву, преподавал вместе с Н. В. Устряловым на юридическом факультете Пермского университета. Впоследствии советский юрист.

Дурылин Сергей Николаевич (1886–1954) – публицист, прозаик, поэт, историк литературы, живописи и театра. В 1912–1918 гг. – секретарь Московского религиозно-философского общества памяти Вл. Соловьева.

Дутов Александр Ильич (5 августа 1879, г. Казалинск, Туркестан – 6 февраля 1921 (по другим данным – 7 марта 1921), г. Суйдин, Китай) – оренбургский казак, из семьи отставного генерал-майора. Образование получил в оренбургской станичной школе, в Оренбургском Неплюевском кадетском корпусе. В 1896 г. поступил в Николаевское кавалерийское училище, после его окончания начал офицерскую службу в 5-м Саперном батальоне, затем служил в казачьем полку. Во время службы в Харькове слушал лекции по электротехнике. В Технологическом институте экстерном сдал экзамены за курс Николаевского инженерного училища. В 1904 г. поступил в Николаевскую академию Генштаба (НАГШ), которую окончил по первому разряду. Прервал занятия в

НАГШ, отправившись на войну против Японии. Считался знатоком русской классики, любил историю. В 1908 г., по окончании НАГШ по 1-му разряду, капитан Дутов перевелся в Оренбургское казачье войско. В 1908 г. стал помощником инспектора классов Оренбургского военного училища (ОВУ). В 1912 г., в 32 года, стал войсковым старшиной. В 1914 г. Дутов служил в ОВУ преподавателем и инспектором. Добровольцем отправился на Первую мировую войну, был ранен и контужен на Румынском фронте. Принял командование над 1-м Оренбургским Казачьим полком, и в этой должности застали его революционные события. После февральских событий 1917 г. войсковой старшина Дутов был избран делегатом в состав Казачьего союза на общеказачьем съезде в Петрограде и занял должность председателя Совета казачьих войск. 5 октября 1917 г. войсковой старшина Дутов был избран на Чрезвычайном войсковом кругу атаманом Оренбургского казачьего войска. Участвовал в работе Предпарламента. Будучи непримиримо настроен к керенщине, объявлен начальником всех вооруженных сил в Оренбургском крае. Избран в Учредительное собрание от Оренбургского казачьего войска 26 октября 1917 г. атаман Дутов приказом по войску объявил о непризнании власти Советов. Этим актом было положено начало борьбы в крае с большевиками. В январе 1918 г., под напором Красной гвардии, оставил Оренбург и ушел с Войсковым правительством в Верхнеуральск В марте 1918 г. ушел в станицу Краснинскую, в начале апреля 1918 г. попал в окружение красных, но пробился на юг, в Тургайские степи 11 апреля 1918 г., где красные прекратили преследование. При прорыве возглавил отряд с ранеными и беженцами. 7 июля 1918 г. Дутов вновь

вступил в Оренбург при помощи уральских казаков. После этого прибыл в Омск для выработки соглашения о совместной борьбе против большевиков. В это время он лавировал, находясь между Комучем и Временным Сибирским правительством, желая получить от обоих максимальные выгоды для Оренбургского казачьего войска. Летом 1918 г. атаман Дутов был произведен в генерал-майоры и назначен командующим Особой Оренбургской армией, переименованной впоследствии в Юго-Западную. К 13 августа 1918 г. вошел в Комуч. Принимал участие в Государственном совещании в Уфе в августе – сентябре 1918 г., где вошел в совет его старейшин от Оренбургского казачьего войска (ОКВ) и возглавил делегацию ОКВ. Одновременно являлся Войсковым атаманом и командующим Оренбургской армией. Активно помогал организовать оборону Уфы своими частями в ноябре – декабре 1918 г. С оговорками, при условии возобновления адмиралом деятельности Учредительного собрания, проявляя политическую гибкость, признал власть Колчака от имени Оренбургского и Уральского казачьих войск, надеясь, что он усилит помощь казачеству в его борьбе против красных. Семенов неудачно пытался выдвинуть Дутова на пост Верховного правителя. Сыграл положительную роль в урегулировании конфликта между Семеновым и Колчаком, призывая первого подчиниться второму, так как выдвигаемые кандидатуры на пост Верховного правителя подчинились Колчаку, призвал «брата-казака» Семенова пропустить военные грузы для Оренбургского казачьего войска. В январе 1919 г. войска Дутова снова оставили Оренбург. Дутов перебрался в Троицк. 20 мая 1919 г. генерал-лейтенант Дутов (произведенный в этот чин в конце сентября 1918 г.) освобожден от должности

командующего Юго-Западной армией и назначен на пост Походного атамана всех казачьих войск. В конце сентября 1919 г. Дутов вступил в командование вновь организуемой Оренбургской армии в районе Атбасар – Кокчетав, каковая, после ряда блестящих боев, под давлением превосходящих сил вынуждена была отойти осенью 1919 г. в ходе «Голодного похода» в направлении сперва от Актюбинска на юго-запад к Павлодару, затем на Семипалатинск, а в конечном итоге – на Сергиополь и в Семиречье на Копал. Здесь, передав боевое управление атаману Анненкову, Дутов принял от него гражданское управление Семиреченским краем (генерал-губернатор Семиреченской области с октября 1919 г. по апрель 1920 г.), находясь в Лепсинске. Создавшаяся на фронте угрожающая ситуация заставила атамана Дутова в марте 1920 г. покинуть пределы Родины и отойти в Кульджу через ледниковый перевал Карасарык. После благополучного перехода атаман Дутов расквартировал части своего отряда по казармам русского консульства в городе Суйдин, где был убит подосланными из Семиречья большевиками-уйгурами в ходе неудачной попытки его похищения ЧК. В белогвардейских кругах считался основоположником Белого дела на востоке России. С его гибелью пост Походного атамана казачьих войск России перешел Семенову.

Дюшен Борис Вячеславович (1886, Санкт-Петербург – 1949) – дворянин, образование высшее инженерное. В 1917 г. назначен ярославским губернским комиссаром Временного правительства, один из организаторов Ярославского антибольшевистского мятежа в июле 1918 г., член Учредительного собрания.

В период Гражданской войны в России был на стороне белых сил: в 1919 г. служил в отделе

пропаганды армии Н. Н. Юденича, в чине капитана исполнял обязанности начальника службы связи в штабе Северо-Западной армии. Тогда же активно сотрудничал в ревельской газете правых эсеров «Свободная Россия» под редакцией А. И. Куприна и Г. Л. Кирдецова. В 1920 г. эмигрировал, с 1921 г. работал на курсах заочного преподавания при ИМКА – Христианском союзе молодых людей в Берлине, здесь же выпустил в начале 1920-х гг. несколько научно– популярных брошюр (см.: Русская книга. № 7–8. С. 24). Активный берлинский сменовеховец, член редколлегии главного печатного органа сменовеховского общественно-политического течения – ежедневной газеты «Накануне» (Берлин, 1922–1924). В 1926 г. вернулся на Родину, жил в Москве, был назначен заведующим отделом заочного обучения при Главном управлении профессионального образования Наркомпроса РСФСР (Главпрофобр). В письме к редактору журнала «Новая русская книга» А. С. Яценко 5 ноября 1927 г. Фаина Дюшен, жена Бориса Вячеславовича, опровергала распространившиеся в Берлине слухи об аресте мужа (см.: Русский Берлин. 1921–1923. Париж, 1983. С. 131). Длительное время работал инженером-консультантом журнала «Изобретатель». Арестован органами НКВД 4 октября 1935 г. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 28 марта 1936 г. «за активное участие в контрреволюционной группе и антисоветскую агитацию» (ст. 58–10, 58–11 УК РСФСР) заключен в ИТЛ на 5 лет. Но 17 марта 1940 г. постановлением Особого совещания НКВД СССР Б. В. Дюшен из-под стражи был досрочно освобожден. По некоторым сведениям, Б. В. Дюшен к концу 1940-х годов как подполковник госбезопасности и конструктор подслушивающего устройства был удостоен

Сталинской премии (см.: Родина. 1993. № 7. С. 64). Реабилитирован 5 июня 1989 г. **О Б. В. Дюшене см.:** Роман Гуль. *Жизнь на фукса*. М.; Л., 1927. С. 232–235; Он же. *Я унес Россию // Иовый журнал*. 1979. № 137. С. 75–78. Hardeman, Hilde. *Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s*. Illinois, 1994.

Евлогий (Георгиевский Василий Семенович) (1868–1946) – церковный деятель, митрополит. В России был ректором Холмской семинарии, епископом Люблинским, депутатом II и III Государственных дум, где примыкал к националистам. В 1917 г. – член Священного синода, с декабря 1917 г. по сентябрь 1919 г. находился под арестом петлюровцев в Польше, Австрии и Румынии. С сентября 1919 г. по январь 1920 г. работал в Высшем церковном управлении в Новочеркасске. В январе 1920 г. эмигрировал. В эмиграции митрополит Русской Православной Церкви в Западной Европе. В общественной жизни Российского зарубежья проводил подчеркнута аполитичную линию. В 1931 г. вместе со своей митрополией ушел под юрисдикцию Константинопольского патриарха. Покровительствовал многим неортодоксальным русским богословам (например, отцу Сергию Булгакову).

Езерский Николай Федорович (12 декабря 1870, Дрезден —?) – известный российский политический деятель. В начале Гражданской войны вступил в Добровольческую армию, после поражения белых сил на Юге России эмигрировал в Сербию. Дальнейшая судьба неизвестна.

Жанен М. – французский генерал, в 1919–1920 гг. «главнокомандующий войсками союзных с Россией

государств, действующих на востоке России и в Западной Сибири». Содействовал падению колчаковского правительства и передаче большевикам самого Колчака.

Жардецкий Валериан Александрович – известный омский журналист, сын коллежского советника, адвокат, проживал в Москве. В годы Первой мировой войны работал в Союзе городов. Жил в Омске с 1915 г. Главный редактор кадетской газеты «Сибирская речь». Избран членом Омской городской думы, в марте 1917 г. вошел в Омский коалиционный комитет. В апреле 1917 г. назначен председателем Западно-Сибирского комитета союза. Председатель кадетского комитета Омска, активный и непримиримый враг советской власти. 31 октября 1917 г. призвал на заседании Омской городской думы «принять меры к ликвидации революционных организаций в Омске, в т. ч. и Совета». Один из вдохновителей восстания 2-й школы прапорщиков в Омске 30 октября – 2 ноября 1917 г. Восставшие под его руководством захватили власть в городе, заняв все ключевые объекты, но Жардецкий не смог привлечь на свою сторону солдат и казаков. После поражения восстания скрывался в казачьей станице Ачаир. 24 ноября 1917 г. вблизи ее арестован большевиками и доставлен в Омск, вскоре под усиленным конвоем направлен в томскую тюрьму. В апреле 1918 г. – на свободе. Выступал против немедленного восстания против большевиков, ожидая директив из партии. Советовал желающим бороться против красных скапливаться на Дальнем Востоке, куда, по его данным, «союзники» должны были вскоре высадить войска для подавления Советов. После восстания Чехословацкого корпуса Первым выступил за применение военно-полевых судов против большевиков.

В августе 1918 г. на конференции кадетской партии Сибири в Омске выступил за установление «твердой власти», призывал обратиться к «союзникам» России за военной помощью «в деле восстановления российской государственности». Идейный лидер Политического блока Сибири из представителей торгово-промышленного комитета, правых социалистов, кадетов и кооператоров. Скрывал от преследований Г. Е. Львова. Выступал против передачи власти Западно-Сибирского комиссариата Временному Сибирскому правительству. Сторонник непризнания Брестского мира. Один из организаторов свержения Директории 18 ноября 1918 г. Оказывал большое влияние на политическую ситуацию в Омске, по данным Г. К. Гинса, был «фанатиком диктатуры и Великой России». До 18 ноября 1918 г. планировал сделать диктатором Хорвата. В составе делегации блока политических и общественных объединений 19 ноября 1918 г. от Восточного отдела Центрального комитета партии кадетов приветствовал Колчака, поддержав его действия. Пользовался доверием Колчака и часто бывал у него. В конце декабря 1918 г. обратился к Колчаку с представлением, в котором просил принять необходимые меры предосторожности в отношении содержащихся в тюрьме членов Всероссийского Учредительного собрания. Был известен как прекрасный оратор и публицист, его перу принадлежало много статей в омских газетах. Один из организаторов омского отдела Союза возрождения России. Осенью 1919 г. уехал из Омска вместе с отступавшей армией Колчака в Иркутск. Член Государственного экономического совещания. В Иркутске в январе 1920 г. арестован «Политцентром», передан большевикам, доставлен в Омск, где и расстрелян в 1920 г.

Замятин Евгений Иванович (1884–1937, Париж) – прозаик, теоретик литературы. С 1931 г. – в эмиграции.

Зензинов Владимир Михайлович (1880, Москва – 1953, Нью-Йорк) – один из лидеров эсеров. Родился в купеческой семье. В 1900 г. окончил московскую гимназию. Высшее образование получил на философском и общественно– политическом факультетах одного из университетов Германии (1904), в том же году вернулся в Москву и вступил в партию эсеров. 9 января 1905 г. арестован и отправлен в ссылку в Якутскую область. Совершил побег через Охотск, на рыбацкой шхуне переправившись в Японию, откуда в 1907 г. через Сингапур и Шри– Ланку приехал во Францию. За все время трижды бежал из ссылки таким способом. По данным Г. К. Гинса, Зензинов считался «человеком редкой порядочности». Живя в Париже, в 1909 г. был избран в ЦК партии социалистов-революционеров (ПСР). В 1910 г. вернулся в Россию, арестован в Санкт-Петербурге. Ссылку отбывал на Крайнем Севере, в селе Устье Якутской области. Прожил здесь четыре года, занимаясь этнографией и естественно-историческими исследованиями. В результате написал работы: «Старинные люди у холодного океана» и «Очерки торговли на севере Якутской области», получившие высокую оценку специалистов. Вернувшись из ссылки, издавал с 1915 г. в Москве «Народную газету». Принимал деятельное участие в февральских событиях 1917 г. в Петрограде, член исполкома Петроградского Совета, близок к Керенскому. Являлся одним из редакторов центрального органа ПСР – газеты «Дело народа». В мае 1917 г. на съезде ПСР в Москве вновь избран в ЦК и переизбран в него на следующем съезде в ноябре 1917 г.

Избран членом Всероссийского Учредительного собрания от Петроградской губернии. В январе 1918 г., в связи с его разгоном большевиками, вынужден скрываться. Присутствовал на открытии и работе Уфимского государственного совещания 8 сентября 1918 г. Вошел в его Совет старейшин от ЦК эсеров. Представил более умеренную, чем у Вольского, позицию по роли, составу и структуре будущего Учредительного собрания. Пожелал, чтобы его состав был неизменным по сравнению с тем Учредительным собранием, которое разогнали большевики, но выступил против возвышения Комуча в Директории над Временным Сибирским правительством. 23 сентября 1918 г. избран на Уфимском государственном совещании заместителем Н. В. Чайковского в Директории, ввиду отсутствия последнего фактически ее член. Резко выступал против назначения И. Михайлова министром Директории, выражал желание с его вводом в правительство уйти в отставку. Остался в Директории, по его словам, «из-за желания сохранить единство «антибольшевицкого фронта». В работе руководствовался партийными установками, выполнял указания ЦК эсеров в Директории и Чернова, допуская действия, настроившие против него правую общественность. В вопросах управления в Омске считался «неопытным», но Зензинов шел на соглашения с правыми легче, чем Виноградов. За «слабую борьбу против реакции» ЦК эсеров в лице Чайкина угрожал обнародовать компрометирующие его документы. Был одной из самых ненавистных фигур для офицерства. Арестован отрядом монархически настроенных заговорщиков-офицеров в ходе антиправительственного переворота 18 ноября 1918 г., помещен в здание отряда Красильникова. На колчаковские власти давила «правая

общественность», требовавшая осуждения Зензинова как лица, виновного в «черновщине». Получив для проживания за границей 7500 иен от Колчака, выслан в Японию. В Париже в 1919 г. издал сборник собранных им документов «Государственный переворот адмирала Колчака в Омске 18 ноября 1918», являющийся ценным источником по истории Гражданской войны. В 1920 г. вошел в заграничную делегацию ПСР, сторонник вооруженной борьбы против большевиков. Один из учредителей внепартийного административного центра, созданного в Париже в середине 1920 г. для координации борьбы с советской властью. В 1921 г. участвовал в частном совещании членов Всероссийского Учредительного собрания в Париже. Тогда же возглавил созданное в Праге объединение российских земских и городских деятелей (Земгор), которое пользовалось финансовой поддержкой чехословацкого правительства и занималось помощью эмигрантам. В 1930 г., после раскола заграничной делегации ПСР на три группы, вошел в группу Авксентьева. Автор воспоминаний и трудов: «Беспризорные» (Париж, 1929); «Из жизни революционера» (Париж, 1919); «Русские ученые» (Берлин, 1929).

Зубов Валентин Платонович (1884–1969, Париж) – граф, образование получил в университетах Санкт-Петербурга и Лейпцига. Жил во Флоренции. Защитил диссертацию на степень доктора. В 1910–1915 гг. был приписан к Императорскому Эрмитажу. 2 марта 1912 г. открыл в Санкт-Петербурге Институт по истории искусства, был его бессменным директором. В это же время являлся почетным старшиной Школы императорского женского патриотического общества имени Великой Княгини Екатерины Михайловны. 16 июня

1925 г. эмигрировал, жил в Италии, Германии, Англии, Франции. Выступал с лекциями, участвовал в работе Русско-американской академической группы как член правления и докладчик. Печатался в «Русской мысли».

Ильин Сергей Николаевич (1877–1923) – полковник, главноуполномоченный Российского общества Красного Креста на Румынском фронте, позже – заведующий военно-санитарной частью Русской Армии в Крыму, заведующий политической канцелярией генерала П. Н. Врангеля.

Каляев Иван Платонович (1877–1905) – член боевой организации партии эсеров.

Каневский Игнатий (1877–1934) – протоиерей, настоятель бывшей русской церкви Святого Николая.

Карахан Лев Михайлович (1889–1937) – советский дипломат, в 1918–1920, 1927–1934 гг. заместитель наркома иностранных дел, а в 1923–1926 гг. – полпред в Китае.

Каринская М. А. (1884–1942) – эстрадная певица, исполнительница песен и цыганских романсов. В Добровольческой армии устраивала патриотические концерты. В 1923 г. выехала в Харбин, затем Шанхай, США, позже в Канаду.

Карташев Антон Владимирович (1875–1960) – богослов, историк Церкви, публицист, общественный и государственный деятель. Из семьи чиновника. Окончил Петербургскую Духовную академию. В 1906–1917 гг. был профессором высших женских (Бестужевских) курсов в Петербурге. В 1909 г. возглавил Религиозно-философское общество в Петербурге. После Февральской революции вступил в партию кадетов.

Поддерживал Л. Г. Корнилова. В 1917 г. был обер-прокурором Святейшего синода и министром вероисповеданий Временного правительства. С января 1919 г. – в эмиграции. Председатель Национального комитета. С 1925 г. – профессор Богословского Свято-Сергиевского института в Париже. В своих взглядах эволюционировал от христиански окрашенного либерализма к православно-монархическим убеждениям.

Каульбарс В. А. (? – 8 июня 1936) – камер-юнкер высочайшего двора, председатель и директор-распорядитель Санкт-Петербургского губернского кредитного общества, член постоянного съезда представителей кредитных обществ и совета Санкт-Петербургского торгового банка, почетный мировой судья, кандидат в члены правления акционерного общества «Строитель» домовладельцев в Санкт-Петербурге.

Керенский Александр Федорович (1881–1970) – российский политический деятель. Из семьи директора мужской гимназии и средней школы для девочек города Симбирска. Закончил юридический факультет Петербургского университета, вступил в Петербургскую коллегия адвокатов, выступал защитником на многих политических процессах, в том числе на процессе большевистской фракции IV Государственной думы. С 1912 г. один из руководителей российского масонства. Депутат IV Государственной думы от трудовиков. Один из главных организаторов Февральской революции, член Временного комитета Государственной думы и товарищ председателя исполкома Петроградского Совета. 2 марта 1917 г. стал министром юстиции Временного правительства, выступал против конституционной монархии. С 5 мая 1917 г. – военный и морской министр,

с 8 июля совмещал этот пост с постом министра-председателя Временного правительства. После Октябрьской революции пытался с помощью военной силы перехватить власть у большевиков. Несколько раз нелегально был в Петрограде и Москве с целью установления контактов с антибольшевистским подпольем. В июне 1918 г. выехал за границу. В 1922–1933 гг. издавал ежедневную газету «Дни», в 1933–1936 гг. – еженедельник «Свобода». В годы Великой Отечественной войны призывал к поддержке борьбы Красной армии против нацистской Германии. После войны был одним из лидеров «Лиги борьбы за Народную Свободу», редактировал печатный орган этой организации «Грядущая Россия», занимался литературным творчеством, оставил мемуары.

Кирдецов (Дворжецкий) Григорий Львович (1880, г. Луга – 1940?; псевдоним Фиц-Патрик) – общественный деятель, журналист, переводчик итальянской общественно-политической литературы. До 1917 г. сотрудничал в «Еврейской энциклопедии», был во время Первой мировой войны корреспондентом газеты «Биржевые ведомости» в Копенгагене. В 1917 г. становится сотрудником газеты «Русская воля», основанной министром внутренних дел А. Д. Протопоповым и выходящей ежедневно в Петрограде до 25 октября 1917 г. Весной 1918 г. покинул советскую территорию. С июля 1918 г. в Ревеле занимал пост редактора официоза Северо-Западного правительства – газеты «Свободная Россия», в 1919–1920 гг. вместе с А. И. Куприным редактирует газету «Свобода России», а в 1920–1921 гг. – газету «За свободу России». Одновременно в 1919–1920 гг. занимал ключевую позицию в отделе агитации и печати

политического совещания при главнокомандующем Северо-Западной армией генерале Н. Н. Юдениче. В 1921 г. эмигрировал и примкнул к сменовеховскому общественно-политическому течению. С 26 марта 1922 г. по 1 октября 1923 г. в Берлине редактировал главный печатный орган сменовеховской группы – ежедневную газету «Накануне». В статьях этого периода Г. Л. Кирдецов проводил мысль о том, что сменовеховцы приняли советскую государственность в том виде, как она установилась после Гражданской войны, и, приняв ее, перешли на путь не разрушения ее, а совместной с ней творческой работы, «оставаясь кто хочет, в оппозиции его величества или в положении благожелателя, готового избавить советский механизм от всех его несовершенств, дефектов и пороков». При этом в качестве цели сменовеховства Г. Л. Кирдецовым определялось воссоздание русской государственности «внутри и во вне, путем советского парламентаризма». Данные идейные ориентиры определяли его последующую деятельность: он был советником советского полномочного представителя в Берлине в начале 1920-х годов, а с 1 октября 1923 г. становится заведующим отделом печати посольства СССР в Германии, позже получил пост пресс-атташе советского посольства в Италии, затем работал в Наркоминделе, сотрудничал в журнале Наркоминдела «Международная жизнь», работал в редакции Большой советской энциклопедии. 28 августа 1936 г. был арестован УНКВД по Северо-Кавказскому краю в городе Кисловодске и спецконвоем направлен в Москву в распоряжение ГУГБ НКВД СССР. Постановлением Особого совещания при НКВД СССР за «активное участие в контрреволюционной группе и антисоветскую агитацию» (ст. 58–10, 58–11 УК

РСФСР) от 28 марта 1937 г. выслан в город Туруханск Красноярского края. Но 3 февраля 1938 г. Кирдецов был вновь арестован УНКВД Красноярского края и постановлением Особого совещания при НКВД СССР от 19 февраля 1940 г. за «участие в антисоветской правотроцкистской организации» заключен в ИТЛ на 8 лет. По второй судимости реабилитирован 25 ноября 1957 г. **Сочинения:** *У ворот Петрограда (1919–1920). Берлин, 1921. Литература:* Агурский М. *Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Hardeman, Hilde. Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.*

Клембовский Владислав Наполеонович (1860–1921) – генерал от инфантерии, с 1918 г. в Красной армии. В 1921 г. арестован, умер в тюрьме от голодовки.

Климов Евгений Евгеньевич (1901–1990) – живописец, график, иконописец и искусствовед. В 1929 г. закончил Академию художеств, в 1933–1944 гг. преподавал рисование и историю искусств в Рижском университете и русской Ломоносовской гимназии. Занимался графикой, выпустил альбом литографий.

Ключников Юрий Вениаминович (1886, Казань – 10 января 1938, Москва) – известный общественный деятель, юрист, специалист в области международного права, литератор. До 1917 г. – приват-доцент, с 1917 г. – профессор Московского университета. Кадет. В 1918 г. участвовал в антибольшевистском мятеже в Ярославле. В период Гражданской войны был консультантом и товарищем министра Уфимской директории, затем – управляющим министерства иностранных дел

Всероссийского правительства адмирала А. В. Колчака в Омске. В 1919 г. уехал за границу, входил в состав парижского комитета партии кадетов. Но вскоре, по его словам, «уверовав в гений Ленина», возглавил сменовеховское общественно-политическое течение. Становится ведущим идеологом сборника «Смена вех» (Прага, 1921) и последующих сменовеховских изданий – журнала «Смена вех» (Париж, 1921–1922 гг.) и ежедневной газеты «Накануне» (Берлин, 1922–1924). Заявлял, что «России была нужна революция» и «русская интеллигенция не могла и не должна быть иной». Считал большевистскую идею «мировой пролетарской революции» воплощением исторической идеи российской великодержавности. Утверждал, что именно поэтому, идя на сотрудничество с большевиками, сменовеховцы «остались прежними узкими националистами», поклонниками Великой России. Он отмечал, что сменовеховство началось в «плоскости личных переживаний отдельных русских интеллигентов», ибо это был протест, прежде всего, против собственных политических взглядов той части русской интеллигенции, которая продолжала отрицать значение большевистской революции и осталась враждебной ей. По рекомендации В. И. Ленина, руководителя делегации РСФСР на Генуэзской конференции, отметившего аргументированность статей Ю. В. Ключникова в эмигрантской печати, последний был приглашен в 1922 г. для участия в составе советской делегации на конференции в Генуе в качестве эксперта. Ю. В. Ключников вел споры по международно-правовым вопросам с иностранными оппонентами советской стороны, которую он считал единственным законным представителем России, ибо в большевиках видел

«единственную силу, оказавшуюся способной вывести широкие массы на большие исторические пути». В конце 1921 г. по рекомендации советских представителей переехал из Парижа в Берлин, где вместе с Ю. Н. Потехиным основал ежедневную сменовеховскую газету «Накануне». Тогда же изложил эволюцию своих взглядов в пьесе «Единый куст. Драматические картины из русской жизни» (Берлин, 1923), о реакции на постановку которой в парижских эмигрантских кругах вспоминал Д. Аминадо (см.: *Аминадо Д.* Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 260–261). Летом 1922 г. Ю. В. Ключников совершил турне по Советской России, выступая с лекциями. В ходе поездки ему была предложена кафедра международного публичного права в Московском университете. В августе 1922 г. под давлением советских представителей и членов редакционной коллегии газеты «Накануне» был смещен с поста редактора газеты. В августе 1923 г. вместе с А. В. Бобрищевым– Пушкиным, И. М. Василевским (Не-Буквой) и А. Н. Толстым вернулся на Родину. В СССР исполнял обязанности заведующего кабинетом международной политики Коммунистической академии, преподавал, работал консультантом в Наркомате иностранных дел, сотрудничал в журнале Наркоминдела «Международная жизнь». Под редакцией Ю. В. Ключникова в 1925–1926 гг. были изданы тексты мирных договоров, завершивших Первую мировую войну. Он входил в число составителей сборников «Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях» (1925–1926). Постановлением Особого совещания от 25 февраля 1934 г. за «антисоветскую агитацию» был выслан на 3 года в Карелию. По данной статье реабилитирован 28

октября 1992 г. 5 ноября 1937 г. вновь арестован и 10 января 1938 г. приговорен Военной коллегией Верховного суда СССР за «шпионско-террористическую деятельность» (ст. 58-6, 58-8, 58–13 УК РСФСР) к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день в Москве. По второй судимости материалы архивного дела Ю. В. Ключникова до сих пор подлежат пересмотру на предмет обоснованности осуждения.

Сочинения: *Интернационализм: основные вопросы международных отношений. М., 1918; На великом историческом перепутьи. Пять глав по социологии международных отношений. Берлин, 1922; Единый куст. Ароматические картины из русской жизни. Берлин, 1923.*

Литература: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Квакин А. В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа: 1921–1927. Саратов, 1991; Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977; Hardeman, Hilde. *Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.*

Колчак Александр Васильевич (4 ноября 1874, Обуховский сталелитейный завод, Санкт-Петербург, по другим данным – с. Александровское Петербургского уезда – 7 февраля 1920, Иркутск) – родился в семье военного инженера, штабс-капитана морской артиллерии, в дальнейшем генерал-майора. Его предок по отцовской линии – турецкий паша, в ходе русско-турецких войн попавший в плен и принявший российское подданство, не желая возвращаться обратно, опасаясь, что в Османской империи за его военные поражения от русских войск он будет казнен. Будучи в

детском возрасте, работал на Обуховском заводе. Окончил 6-ю Петербургскую гимназию, Морской кадетский корпус в 1894 г. с премией адмирала Рикорда. В это время он свободно владел тремя европейскими языками, отлично знал историю флота, точные науки. В 1895–1899 гг. служил на крейсере «Рюрик», броненосцах «Полтава», «Петропавловск», занимаясь гидрографией и гидрологией. В 1899 г. был произведен в мичманы. Служил на военных кораблях в Кронштадте, Владивостоке. В Норвегии занимался гидрографией под руководством Фритьофа Нансена. В 1900 г. произведен в лейтенанты, начал заниматься научной деятельностью, океанографией и гидрологией, на судне «Заря» вышел в полярную экспедицию 1900–1902 гг. с бароном Толем в поисках Земли Санникова. Совершил несколько полярных экспедиций, в том числе на острова Северного Ледовитого океана, во время одной из которых едва не погиб. В 1903 г. на шлюпке отправился в рискованное путешествие к острову Бенетта для поисков Толя и его экспедиции. Впоследствии, в 1906 г., Колчак избран действительным членом Русского географического общества (РГО). Автор ряда научных работ: «Последняя экспедиция на остров Бенетта, снаряженная Академией Наук для поисков барона Толя» (Известия РГО, 1906) и «Лед Карского и Сибирского морей» (Записки Академии Наук, 1909). Продолжал поиски следов экспедиции Толя до 1912 г. Готовился к участию в экспедиции к устью Лены, но добровольцем направился на Русско-японскую войну. Сначала находился в распоряжении адмирала Макарова. Совершил несколько смелых нападений на эскадру врага. Заслужил ряд высоких государственных наград, орденов и золотой кортик с надписью «За храбрость». Находился в Порт-Артуре, командовал

миноносцем «Сердитый», совершил при этом удачную минную постановку, на которой подорвался и затонул японский крейсер. Потом, при обороне Порт– Артура, два с половиной месяца командовал артиллерийской морской батареей 120-миллиметровых орудий. Был ранен в бою, болел ревматизмом. Едва не сорвал капитуляцию гарнизона Порт-Артура, отказываясь подчиниться постановлению Стесселя о сдаче крепости. В бессознательном состоянии от потери крови взят в плен японцами. Японцы, признавая его героизм, оставили ему, одному из немногих, в плену личное оружие и до конца войны предоставили свободу. В апреле 1905 г. вернулся через Америку в Санкт-Петербург. За оборону Порт-Артура награжден орденом Святой Анны 4-й ст. с надписью «За храбрость», орденом Святого Станислава 2-й ст. с мечами, Георгиевским оружием, золотым кортиком с надписью «За храбрость». Вернувшись на Балтику после возвращения из плена, некоторое время был не у дел. В 1906 г., с образованием Морского Генерального штаба во многом благодаря инициативе Колчака, был начальником его отдела, занимался разработками по реорганизации Военно-морского флота, выступал в Государственной думе экспертом по военно-морским делам, прикомандирован к Академии наук для завершения обработки материалов Русской полярной экспедиции. В том же году Русское географическое общество поднесло ему за его полярные экспедиции редкую награду – большую золотую Константиновскую медаль, которую до него имели лишь три путешественника. В честь Колчака его именем был назван остров (с середины 1930-х годов – остров Расторгуева). В 1908 г. с огромным успехом прошли в Санкт-Петербурге его лекции «Значение флота для

России». Высшее военно-морское начальство того времени не могло мириться, что этот молодой офицер вел себя весьма независимо, при своей неутомимой энергии являлся для начальства весьма беспокойным, а главное, «мог сметь свое суждение иметь», поэтому Колчак оставался на вторых ролях. Так прошло три года, пока знаменитый адмирал Эссен не оценил гонимого молодого офицера, приблизил его к себе и поставил его в ответственную начальническую роль. В 1908 г. Колчак перешел на работу в Морскую академию, в 1909 г. опубликовал свое наиболее крупное исследование «Лед Карского и Сибирского морей».

Участвовал в 1908–1910 гг. в разработке проекта экспедиции с целью исследования Северного морского пути, руководил строительством известных ледоколов «Таймыр» и «Вайгач» и некоторое время командовал последним. В 1909–1910 гг. в составе этой экспедиции он командовал кораблем, совершив переход из Балтийского моря во Владивосток, затем участвовал в экспедиции на корабле по направлению к мысу Дежнева, в Беринговом проливе. В 1910 г. Колчак был отозван в Петербург для продолжения работ по судостроительной программе. Являясь правой рукой адмирала Эссена, Колчак неутомимо работал над воссозданием Балтийского флота, большая часть которого погибла во время Цусимского сражения. Именно Колчаку принадлежит главная роль в воссоздании боевой мощи этого флота. С 1910 г. Колчак в Морском Генеральном штабе занимался разработкой судостроительной программы России. Он требовал максимальной централизации Морского Генштаба и отмены мешающих ему параллельных учреждений. Видя выдающиеся способности главного помощника, адмирал Эссен, с назначением на пост командующего Балтийским

флотом, назначает его в 1911 г. на самую ответственную должность в своем штабе – начальника 1-го оперативного отдела Морского Генерального штаба всего флота. В этой должности Колчак, практически единолично, разрабатывает план ведения морской войны и план мирной обороны (минных заграждений), которые стали непреодолимой преградой на пути немцев при их стремлении проникнуть в воды Финского залива в 1914–1917 гг. Многие страны также использовали в своих целях научные разработки Колчака, который прошел путь от командира одного из минных судов на Балтике до вице-адмирала. В 1912 г. Колчак переходит на службу в Балтийский флот. В 1913 г. он произведен в капитаны 1-го ранга, занимал должность флаг-капитана оперативной части командующего флотом. Объявление войны с немцами застаёт Колчака на этом ответственном посту и даёт ему широкое поприще для применения его недюжинного таланта. Им организуется целый ряд до дерзости смелых походов в немецкие территориальные воды, осуществляются успешные нападения на караваны немецких судов, а также делаются постоянные выходы на главные морские пути неприятеля для постановки там минных заграждений. С сентября 1915 г. Колчак командовал минной дивизией. Небольшие отряды судов Балтийского флота, по плану Колчака, не смущаясь огромного превосходства морских сил противника, зачастую смело оставляли в тылу у себя на линии Либава – Готланд превосходящие силы противника и плыли по направлению к Данцигу и даже к Килью – важным военно-морским базам противника. Этими отрядами командовали адмиралы, но Колчак, в чине капитана 1-го ранга, оставляя Морской Генеральный штаб, неизменно следовал с ними, как вдохновитель и создатель

выполняемого плана. По воспоминаниям современников Колчака, «приятно было смотреть на Александра Васильевича, с олимпийским спокойствием стоявшего на мостике головного адмиральского корабля. Каждый чувствовал в нем душу этого смелого предприятия и беззаветно верил ему». Со смертью адмирала Эссена значение Колчака в Балтийском флоте еще больше увеличилось. Нетерпимый начальством в роли подчиненного младшего начальника, он вырастает до чрезвычайных размеров роли ответственного начальника и высшего руководителя. Назревали рижские события. Германское военно-морское командование решило большими силами вторгнуться в Рижский залив, завладеть им и зайти в тыл русской Северной армии, оборонявшей побережье Балтики. Командующим морскими силами Рижского залива был назначен адмирал Трухачев. Колчак, желая непосредственно присутствовать при исполнении выработанного им плана защиты Рижского залива, временно оставляет свое спокойное место в штабе командующего Балтийским флотом и спешит на помощь адмиралу Трухачеву в отражении германского наступления. В частной жизни Трухачев и Колчак были недругами, но, сойдясь на флагманском корабле, они, забыв личную вражду, протягивают друг другу руку примирения и совместно идут исполнять грозное веление долга перед Родиной, защищая ее. Потом адмирал Трухачев, отдавая должное превосходству Колчака в руководстве флотом, уступает ему свое первенство, и Александр Васильевич выходит из борьбы с немцами победителем. Вернувшись из Рижского залива, за успешные действия против немцев он был награжден орденом Святого Георгия Победоносца 4-й ст. и произведен в контр-адмиралы в апреле 1916 г. Рижская

эпопея создала Колчаку громкую славу, и он назначается командовать Черноморским флотом, произведен в вице-адмиралы, несмотря на свою сравнительную молодость. Прибыв в Севастополь, он прямо с вокзала проехал на свой корабль и в тот же день вывел Черноморский флот в море, в котором до его прибытия совершенно безнаказанно рейдировали германские быстроходные крейсера «Гебен» и «Бреслау», совершавшие неожиданные нападения на российские корабли, обстреливавшие порты юга России, нарушавшие морские транспортные коммуникации между Севастополем и Трабзоном, по которым снабжались российские войска на Кавказском фронте. Это был своеобразный смотр, устроенный Колчаком Черноморскому флоту. Немного ему потребовалось времени, чтобы «Гебен» и «Бреслау» совершенно были лишены возможности производить свои разбойничьи набеги на Черноморское побережье России, получив значительные повреждения при столкновении с российскими военно-морскими силами Черноморского флота, руководимого Колчаком. А вскоре и выход из Босфора в Черное море был совершенно закупорен для германо-турецкого флота. Под его руководством Черноморский флот России проводит ряд других успешных боевых операций. Революционные события лишили возможности развернуться во всю ширь выдающемуся военно-морскому таланту Колчака. 26 февраля 1917 г., получив сведения о событиях в Петрограде, он распорядился прервать почтовую и телеграфную связь Крыма с Россией, затем приказал вывести основные силы флота в море, чтобы самому контролировать и доводить до сведения экипажей все сведения о происходящем в стране. 5 марта 1917 г.

Колчак распорядился устроить молебен и парад по случаю «победы революции», на митинге по этому случаю в Севастополе «выразил преданность Временному правительству». 12 марта 1917 г. Черноморский флот был приведен им к присяге Временному правительству. Колчак считал, что только новое правительство способно победоносно завершить войну, которую в то время он считал самым главным делом. Активно поддерживал лозунг: «Вся власть Учредительному собранию!» В марте того же года, обмениваясь с Алексеевым телеграммами, выразил свою озабоченность действиями Временного правительства, направленными, по его мнению, на подрыв дисциплины в армии и авторитета офицерства. Представители нижних чинов Черноморского флота обратились к нему с просьбой разрешить иметь постоянное собрание из выборных для обсуждения их нужд. Он, объяснив им несовместимость этого с «понятием о воинской чести», отказал, но вскоре созванное им собрание офицеров гарнизона избрало представителей от офицерства в уже созданный матросами и солдатами Центральный военно-исполнительный комитет (ЦВИК). Колчак санкционировал это решение, так как считал такое учреждение необходимым для поддержания постоянного контакта с массами. По его приказу прах черноморского бунтаря лейтенанта Шмидта был перенесен с острова Березань в Севастополь и торжественно перезахоронен там. Колчак поддерживал в боевой готовности Черноморский флот, несмотря на общее разложение в военной среде. С организацией большевиками Совета в Севастополе в марте 1917 г. добился запрещения въезда в порт лиц, не имеющих отношения к службе на Черноморском флоте. Тем самым удалось на время

добиться недопущения в Севастополь матросов-анархистов и большевиков из Балтийского флота. Колчак пытался добиться полномочий для пресечения анархо-большевистской агитации в Черноморском флоте, высказывая свое негативное отношение к происходящим в стране «реформам вооруженных сил» и политике Временного правительства по отношению к армии и флоту, сводящимся к развалу вооруженных сил. Колчак отверг предложение Гучкова перевестись на Балтийский флот для установления там порядка, так как боялся, что за время его отсутствия в Севастополе произойдет развал Черноморского флота. В это время поддерживал контакт с Плехановым, который обещал ему прислать в Севастополь своих меньшевистских агитаторов для контрагитации против большевиков и анархистов. От Временного правительства Колчак требовал введения дисциплины и порядка в вооруженных силах. С его санкции севастопольские рабочие и моряки выезжали на Балтийский флот в количестве 300 человек, чтобы повлиять на него для продолжения войны. В апреле – мае 1917 г. между Колчаком и ЦВКИком происходит конфликт на почве ареста последним без ведома первого помощника командира Севастопольского порта. Колчак потребовал от Временного правительства ограничить деятельность ЦВКИка, чтобы не допускать в будущем его вмешательства в командование флотом. В мае того же года на Черноморском флоте объявились кронштадтские матросы и большевики, обвинившие Колчака и офицеров в «контрреволюционности» и сочинившие миф для понижения авторитета Александра Васильевича, что он является «крупным землевладельцем». 6 июня 1917 г. делегатское собрание Черноморского флота приняло

решение отстранить Колчака от должности, а большевики даже требовали арестовать его. Развал Черноморского флота был в разгаре. Большая часть судовых комитетов постановила не арестовывать Колчака, но отобрать его личное оружие, полученное им за участие в Русско-японской войне. При попытке этого он матросам кортик не отдал и выбросил его в море, а 7 июня 1917 г. сдал командование. Позднее поднятый со дна моря кортик был вручен ему с новой надписью: «Рыцарю чести адмиралу Колчаку от Союза офицеров армии и флота». В день отстранения Колчака от командования Черноморским флотом Временное правительство потребовало от него немедленно явиться в Петроград как «допустившему явный бунт». Там на пресс-конференции он обвинил Временное правительство в развале вооруженных сил, которое, по его словам, шло на пользу германского Генерального штаба. В своей речи Колчак выразил свое неприятие к е р е н щ и н ы . В это время в консервативно-националистических кругах имя Колчака рассматривалось в качестве возможного военного министра. В начале августа 1917 г. по приглашению американской военно-морской миссии в России он отбывает в США, заявив, что, помогая союзникам, будет служить Родине, а не заниматься пустой болтовней внутри ее. Во время своего пребывания в Англии Колчак участвовал лично в одной из боевых операций английской военно-морской авиации. По прибытии в Вашингтон он выяснил, что американские официальные лица не понимают цели приезда миссии русских офицеров. Колчак был вынужден сосредоточиться на сборе технической информации об американских военных приготовлениях, давая союзникам некоторые

военно-технические консультации. В начале октября 1917 г. участвовал в военно-морских маневрах американских сил. К середине октября того же года он решил вернуться в Россию. Узнав о захвате власти большевиками, поначалу не придавал этому серьезного значения. Колчак ответил согласием на телеграмму с предложением выставить свою кандидатуру в Учредительное собрание от кадетов и группы беспартийных по Черноморскому флотскому округу, но его ответ был получен с опозданием. Прибыв в ноябре 1917 г. в Японию, узнал о намерении большевиков заключить мир с Германским блоком, после чего решил в Россию не возвращаться. В конце 1917 г. обратился к английскому послу, считая сохранившими силу союзнические обязательства, с просьбой принять его на любой пост в английские военно-морские силы, так как, по его словам, «задача победы над Германией – единственный путь к благу не только его страны, но и моей Родины». В это время он не верил в то, что можно победить большевиков военным путем. В конце декабря 1917 г. принят на британскую военно-морскую службу, направлен в Месопотамию. В январе 1918 г. находился в Шанхае. В конце января – начале февраля 1918 г. находился в пути на Месопотамский фронт из Иокогамы проездом через Гонконг в Бомбей. В Гонконге заявил, что к борьбе против большевиков относится скептически, не веря «в победу над революционной армией». Посланцы Семенова просили Колчака стать во главе начатого есаулом антибольшевистского движения, на что он ответил, что выступать против красных рано. В дороге был отозван на Дальний Восток по просьбе Кудашева, где ему поручили организацию антибольшевистского фронта. До апреля 1918 г. не участвовал в выработке

первоначального плана действий групп Хорвата – Путилова, но был посвящен в него. С апреля по сентябрь 1918 г. адмирал Колчак занимается формированием вооруженных сил для борьбы с «германо-большевиками», находясь на Дальнем Востоке, в Харбине. Летом 1918 г. имел столкновение с японским генералом Накашимой из-за поддержки им атаманов. Обвинил Накашиму в стремлении помешать русским создать здоровую военную силу. Некоторое время входил в состав Дальне-Восточного Комитета Хорвата. Вступает в противоречия при этом с Семеновым, Хорватом, Калмыковым, которые едва не переросли в противостояние с первым до вооруженного конфликта на почве неприятия Колчаком бесчинств семеновцев и активной ориентацией дальневосточных белогвардейцев на Японию. В это время Колчак находился на посту командующего русским войсками в полосе отчуждения КВЖД, инспектировал разные подразделения. На станции Маньчжурия была первая и последняя бурная встреча Семенова с Колчаком. Колчак неудачно требовал от первого беспрекословного подчинения Хорвату, прекращения враждебных акций против Китая, смены политической ориентации с Японии на Англию и Францию, которых он считал истинными союзниками России. Летом 1918 г. выехал в Японию на переговоры с военным командованием, где находился фактически под арестом. Считая свою деятельность на Дальнем Востоке невозможной в условиях всеобщей анархии и всевластия местных атаманов, отправился в распоряжение генерала Деникина, однако 4 ноября 1918 г., прибыв в Омск, по настойчивому предложению тогдашнего главнокомандующего силами Директории генерала Болдырева принимает должность военного и морского

министра. 18 ноября 1918 г. в результате организованного правыми силами переворота становится Верховным правителем России и лидером антибольшевистских сил на востоке страны. Совет министров Омского правительства выбрал его почти единогласно Верховным правителем, но выступил за ограничение его прав, с разделением власти между Колчаком и Советом министров. В то же время Съезд торговопромышленников в Уфе выступал за максимальную централизацию власти в руках Колчака, однако это не было утверждено правительством. Колчак был признан почти всеми представителями антибольшевистского сопротивления, кроме Семенова, который сначала отказался признать переворот, а потом выступал против суда над офицерами-переворотчиками. В ответ на это Колчак, по советам своего окружения, главным образом Лебедева, Михайлова и Сукина, издает приказ № 61, которым лишает Семенова всех чинов и должностей и предает его военно-полевому суду. Во многом этот и другие поступки Колчака объяснялись его несдержанным и неуравновешенным характером, а также замкнутостью и «кабинетностью» адмирала. Отдал приказ Дитерихсу арестовать членов Комуча в Уфе за их подрывную деятельность против объединения антибольшевистских сил под властью Верховного правителя. В первый месяц своей власти Колчак уделял главное внимание армии, посещал войсковые казармы, части на фронте. По приказу № 73 Колчака от 12 декабря 1918 г. была создана Отдельная бригада морских стрелков при морском министерстве. Увидев, что многие солдаты не имеют зимнего обмундирования, Колчак во время сильного ветра и мороза снял с себя теплые вещи, чтобы тем самым показать рядовому составу свое

возмущение тылом, неспособным обеспечить нужды армии, отказавшись одеться, несмотря на просьбы высшего состава. Из-за этого почти на месяц заболел воспалением легких и находился почти при смерти. Во время болезни общение с ним монополизировали Лебедев, Сукин, Тельберг. Осудил зверское убийство офицерами и казаками членов Комуча после подавления большевистского мятежа 22 декабря 1918 г. в Омске, находившихся в тюрьме. Прислал на похороны эсера Фомина своего адъютанта. Обещал наказать виновных, но этого сделать не удалось, так как в этом были замешаны высшие должностные лица Белой Сибири. В это время он направляет IV Сибирский корпус генерала Волкова для подавления выступления Семенова, что не удалось из-за разоружения Волкова японцами. Вследствие этого отношения с Японией были испорчены до самого конца пребывания Колчака у власти. 20 января 1919 г. (по другим данным – 29 января 1919 г.) на торжественном открытии и 1-м заседании Сената он принимает присягу «служить государству Российскому, не щадя жизни и памятуя единственно о возрождении и преуспевании его». При этом Колчак обязался верховную власть осуществлять согласно с законами государства, «до установления образа правления, свободно выраженной волей народа». Отказался от предложений Эллиота и Реньо принять совместное с большевиками участие в конференции на Принцевых островах, несмотря на уверения их в том, что это мероприятие превратится в «мирный суд» над большевиками. Сибирские спекулянты надавили на Колчака с целью снять государственную монополию на продажу винной продукции. Несмотря на то что давление на Верховного правителя оказывал даже архиепископ Омский Сильвестр, Колчак в этом вопросе

остался непоколебим, обругав сибирских торговопромышленников и биржевые комитеты, ничем не помогавшие насытить денежный голод на востоке России и, по его словам, «не приносящие никакой пользы». В ответ на это Колчак получает от председателя Совета съездов торговли и промышленности Гаврилова фамильярное письмо, в котором тот обвинил Верховного правителя в неправоте его действий по отношению к «предпринимателям». В феврале 1919 г.

направил в Читту чрезвычайную следственную комиссию и делегацию, среди которых выделялись Катанаевы и Красильников, для расследования дела Семенова. По мнению советских историков, эта миссия не удалась из-за противодействия Семенова расследованию. По данным самого Семенова, комиссия не нашла ничего преступного в его поступках, обнаружив, что он только содействовал скорейшему продвижению грузов по железной дороге в Омск, а не мешал этому, в чем его обвиняли. Якобы после этого Колчак отменил действие приказа № 61 и наградил Семенова внеочередными воинскими чинами и назначениями. С 3 июня 1919 г., после признания его генералом Деникиным, в городе Омске провозглашается Верховным правителем России. Зимой – весной 1919 г. под руководством Колчака белогвардейские армии на востоке России нанесли ряд крупных поражений красным силам, захватив Урал. Колчак лично выезжал на фронт для смотра войск и поддержания их морального духа, в чем его поощрял генерал Нокс – личный друг адмирала. В то время широко распространялись слухи, что «Колчака сделал Нокс». Колчак выехал на фронт на бронепоезде 8 февраля 1919 г. и прибыл на круг Оренбургского казачьего войска в город Троицк, на котором его казаки

бурно приветствовали. После этого по железной дороге от Златоуста он тайно прибыл на передовую, сошел с бронепоезда в 1 километре от белых сторожевых охранений и проник в перевязочную, где раздал боевые награды солдатам. Это прибытие Колчака на позиции 13 февраля 1919 г. 6-го Уральского корпуса 12-й пехотной дивизии, где белые терпели неудачи, привело к успеху – красным было нанесено поражение, – воодушевленные белые солдаты отбили у большевиков несколько деревень. После этого Колчак едет на Северный фронт, к Перми, на Мотовилихинский пушечный завод, где смог очаровать собой местных рабочих обходительностью и знанием рабочего дела. На фронте Верховный правитель неоднократно бывал под обстрелами. Из-за этого высший комсостав Сибирской армии не хотел его пускать дальше по фронту под предлогами «порчи» железнодорожного пути. Колчак продолжал путь на лошадях. В районе Перми Колчак постоянно встречался с общественностью, разъясняя программу и цели правительства, высказываясь в пользу передачи земли крестьянам, за непримиримую борьбу против большевиков, за единение общества в этом. Допустив делегацию крестьян в свой вагон, пил с ней чай. Прибыв на торжественное заседание Екатеринбургской думы, констатировал отсутствие разногласий с ней, выступил в пользу укрепления мелких крестьянских хозяйств за счет крупных. Однако успех поездки был омрачен инцидентом в Екатеринбурге на железнодорожном вокзале, когда часовой-серб убил чехословацкого офицера Тихого. С этого времени и без того сложные отношения между чехословаками и белогвардейцами еще больше осложнились. Верховный правитель 14 марта 1919 г. издал приказ, который, по Г. К. Гинсу, милитаризировал

всю Сибирь в целях обеспечения государственного порядка и общественного спокойствия на территории железных дорог, не входящих в прифронтовую полосу. Военное положение там, по Колчаку, должно было осуществляться главным начальником военных сообщений или его заместителем, а вне полосы отчуждения – командующими округов через начальников гарнизонов. Колчак в то же время не был дипломатом и упустил представлявшиеся выгоды от союза с Японией, несмотря на то что японское командование в марте 1919 г. прислало в Омск своим представителем адмирала Танаку – хорошего знакомого Верховного правителя по Одессе. Колчаку, несмотря на словесные обещания торгово-промышленных кругов о помощи, так и не удалось получить от них реальную поддержку. Их представители регулярно посещали Колчака, выражая на словах поддержку действиям адмирала и добиваясь привилегий себе по тому или другому вопросу (19 декабря 1918 г. – Двинаренко, Жардецкий, Каргалов, 22 марта 1919 г. – члены Бюро общественных организаций Балакшин, Куликов, Филашев, Клафтон). Однако летом 1919 г. Красная армия разбила его лучшие войска на Урале. В июне 1919 г., несмотря на то что его армии терпели поражение, он под давлением правой общественности отверг предложение Маннергейма двинуть стотысячную армию на Петроград в обмен на юридическое признание фактической независимости Финляндии, заявив, что «не поступится никогда и ни за какие минутные выгоды идеею великой неделимой России», и отвергал это предложение даже осенью того же года, когда белые силы на востоке России находились в состоянии разгрома. 25 августа 1919 г. на него было совершено неудачное покушение – взрыв его дома.

Колчак не смог уничтожить коррупцию в аппарате власти. Об этом наглядно свидетельствовало «дело Касаткина», когда, несмотря на доказанность вины этого генерала, Верховный правитель был вынужден не только освободить его от наказания, но и дать ему новое ответственное назначение – пост генерал-квартирмейстера Омского военного округа (ОВО), хоть и не позволил ему занять пост начштаба ОВО. Кроме того, под давлением министров Омского правительства и «общественности» Колчак вынудил генерала Матковского освободить взяточника Айзика, так как того представили ему «жертвой военщины». Нарушала законы даже Особая канцелярия Колчака – «Осканверх», законодательствуя, не имея на это разрешения.

Инициатор введения в Экономическое государственное совещание земцев, число которых должно было составлять треть от общего числа его участников (20 из 60). Колчак всеми силами пытался отстоять Омск, считая, что с его падением престиж белых в Сибири резко пошатнется, этим и было обусловлено его решение сместить Дитерихса и назначить на его место Сахарова. 16 ноября 1919 г. Красная армия заняла столицу Белой Сибири – Омск. Адмирал Колчак надеялся организовать сопротивление в Иркутске, но чехи и словаки отказались пропустить его поезд. И он был остановлен ими в Нижнеудинске. Восстания эсеров и большевиков в тылу армий Колчака, сотрудничество чехов и словаков с эсерами и большевиками, предательство со стороны союзников сделали невозможным продолжение дальнейшей борьбы против Красной армии. В Нижнеудинске Колчак отдал приказ Каппелю свести оставшиеся боевые части в кулак для

прорыва в Забайкалье. Распорядился, чтобы Каппель подавил бунт Зиневича в конце декабря 1919 г. – начале января 1920 г. В декабре 1919 г. поезд Верховного правителя России адмирала Колчака был задержан в пути на две недели, последующее же шестидневное путешествие его до Иркутска было сплошным кошмаром: на всех железнодорожных станциях большевистски настроенное население требовало выдачи Колчака и его людей. Со станции Татарская Колчак по телефону предупредил Семенова, чтобы тот готовился стать его преемником на посту главнокомандующего белыми войсками на востоке страны. Отказался от предложения Семенова уходить в Урянхайский край, где обещал ему охрану. Прибыл 27 декабря 1919 г. с поездом и золотым запасом в Нижнеудинск, где, по приказу Жанена, был задержан чехословаками. Получил 2 января 1920 г. телеграмму от Жанена с заверениями, что будет вывезен под защитой пяти союзных держав – США, Великобритании, Франции, Чехословакии, Японии. Передал 4 января 1920 г. главенство в Белой армии Деникину, а командование всеми белыми силами на востоке страны – Семенову. Его вагон, прицепленный к чехословацкому поезду, 8 января 1920 г. вышел из Нижнеудинска на восток. В ночь с 12 на 13 января 1920 г. конвой Колчака и охрана поезда с золотым запасом были разоружены чехословаками, которые официально, по Фельдману, заявили, что действуют по приказу Жанена. 16 января 1920 г. (по другим данным – 15 января) поезд Колчака прибыл в Иркутск, где его встречали войска «Народно-революционной армии». Сразу в вагон адмирала явился чешский офицер, который передал, что, согласно приказанию генерала Жанена, генерал Сыровый распорядился выдать Колчака, поезд с

золотым запасом и подчиненных ему людей иркутскому «Политцентру», который затем передал его в руки большевиков. Колчак был направлен в иркутскую губернскую тюрьму, где находился без тепла и хорошей пищи. Узнав о пленении Колчака, Ленин поручил направить шифрограмму с приказанием уничтожить его: «Не распространяйте никаких вестей о Колчаке, не печатайте ровно ничего, а после занятия нами Иркутска пришлите строго официальную телеграмму с разъяснениями, что местные власти до нашего прихода поступили так под влиянием угрозы Каппеля и опасности белогвардейских заговоров в Иркутске». Колчак подвергся серии допросов, по которым были составлены протоколы, до сих пор являющиеся важным документом для изучения Белого движения в Сибири. Через 10 дней большевики, вошедшие в Иркутск, ужесточили условия нахождения Колчака в тюрьме, ожесточились и допросы. 7 февраля 1920 г. Верховный правитель России адмирал А. В. Колчак вместе с председателем Совета министров В. Н. Пепеляевым был расстрелян отрядом чекистов Чудновского. Тела убитых были спущены под лед в прорубь Ангары.

Кондратьев Николай Дмитриевич (1892, Костромская губ. – 1938?) – экономист. Товарищ министра продовольствия Временного правительства в октябре 1917 г., личный секретарь А. Ф. Керенского по делам сельского хозяйства. В 1918 г. – член подпольной организации «Союз возрождения России», признавшей Верховным правителем России А. В. Колчака. Приговорен в 1920 г. к заключению в концлагерь «до конца гражданской войны». Через месяц амнистирован. Работал профессором Московской сельскохозяйственной академии, в 1920–1928 гг. – директор Конъюнктурного

института при Наркомфине. В 1930 г. арестован, в 1938 г. – расстрелян.

Конради М. – офицер, участник Белого движения. В мае 1923 г. застрелил советского дипломата В. В. Воровского в Лозанне. Оправдан швейцарским судом.

Корецкий Владимир Михайлович (1890–1984) – советский юрист– международник, академик АН УССР с 1948 г., в 1961–1970 гг. был членом Международного суда ООН. Труды по международному праву, всеобщей истории государства и права.

Котляревский Сергей Андреевич (1873–1939) – историк, правовед, общественный деятель. Член ЦК кадетской партии с 1905 г., в 1918–1920 гг. участник антисоветских организаций. Позже работал в Институте советского права, журнале «Советское право».

Красин Леонид Борисович (1870–1926) – советский государственный и большевистский деятель. Член партии с 1890 г. Инженер. Член группы Бруснева. Агент газеты «Искра». В 1903–1907 гг. избирался членом ЦК РСДРП. В революцию 1905–1907 гг. был руководителем боевой технической группы при ЦК партии. С 1918 г. становится членом Президиума ВСНХ, наркомом торговли и промышленности. В 1919 г. – нарком путей сообщения. С 1920 г. был назначен наркомом внешней торговли, одновременно полпредом и торгпредом в Англии, а с 1924 г. – во Франции. С 1924 г. был членом ЦК ВКП(б).

Кро(а)поткин А. – князь, помещик Казанской губернии, лидер монархистов Сибири. Работал в министерстве земледелия правительства Колчака. Требовал уничтожить крестьянское малоземелье как

первостепенный вопрос деятельности правительства и источник народного недовольства. Выступал за немедленное разрешение аграрного вопроса, при этом высказывался за передачу крестьянам земли и закрепление ее за ними. В то же время был против передачи крестьянству помещичьей земли. В апреле 1919 г. активно работал в Государственном экономическом совещании, высказывая продуктивные идеи для помощи правительству в экономико-финансовой сфере по Г. К. Гинсу. Выслан в 1919 г. из Сибири по требованию Колчака и его правительства «за левизну» и непродуманность правительственных мероприятий. Активно критиковал деятельность правительственных структур. Представитель интересов сибирских кооперативов. Товарищ председателя Совета съездов сибирских кооперативов. В Белом Приморье – товарищ председателя президиума чрезвычайной сессии Съезда представителей несоциалистического населения Дальнего Востока. Занял 24 июня 1921 г. по отношению к Семенову сравнительно нейтральную позицию.

Крюков Алексей Петрович – член Товарищества печатного и издательского дела, член правления Шанхайского союза русских торговцев и служащих в Китае, в 1926 г. переехал в Японию.

Куденгхоф-Калерджи (Куденхове-Калерги) Р.Н. – граф, австрийский мыслитель, идеолог панъевропеизма. Н. В. Устрялов посвятил разбору его взглядов специальную работу «Проблема Пан-Европы» (Харбин, 1929).

Кузнецов Александр Матвеевич (1870–1937) и его брат **Николай Матвеевич** (? —1938) – владельцы

Гжельской мануфактуры, позже владельцы фарфоровой мануфактуры в Риге. Умерли в Риге.

Кузнецова М. Н. (Кузнецова-Бенуа) (1880—?) – русская артистка оперы. Впервые выступила на оперной сцене в Санкт-Петербурге в 1905 г. В 1911 г. пела в Гранд-Опера, в 1914 г. – в Монте-Карло. С успехом выступала как исполнительница негритянских танцев. В 1918 г. уехала во Францию, выступала как оперная и концертная певица.

Кузьмин-Караваев Владимир Дмитриевич (1895–1927) – профессор Военно-юридической академии, генерал-майор. Гласный Тверского земства, активный участник земского движения. Кадет. Масон. Депутат Государственной думы 1-го и 2-го созывов. В 1917 г. входил в Московское совещание общественных деятелей, член Предпарламента. В 1919 г. входил в «Политическое совещание» при генерале Н. Н. Юдениче, затем эмигрировал.

Купер Эмиль Робертович (1877–1960) – дирижер Большого в Москве и Мариинского в Санкт-Петербурге театров. В 1924 г. переехал в Ригу, в 1928 г. – в США.

Курский Дмитрий Иванович (1874–1932) – участник борьбы за советскую власть в Одессе. Член большевистской партии с 1904 г., участник Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. в Москве. С 1914 г. – в армии, прапорщик. В мае – августе 1917 г. – председатель Совета солдатских депутатов 4-й армии Румынского фронта, делегат 1-го Всероссийского съезда Советов, член Одесского ВРК. С марта 1918 г. член коллегии Наркомюста, с августа 1918 г. по 1928 г. – нарком юстиции РСФСР, одновременно в 1918–1920 гг. комиссар Всероглав- штаба и полевого штаба РВСР, член

РВС РСФСР. С 1928 г. на дипломатической работе. В 1924–1927 гг. – председатель ЦРК, в 1928–1930 гг. – член ЦКК ВКП(б). Член Президиума ВЦИК и ЦИК СССР.

Кускова Екатерина Дмитриевна (1869–1958) – общественная и политическая деятельница. Из семьи учителей. В социал-демократическом движении в 1897–1900 гг., затем член «Союза Освобождения». Видная масонка, вместе с мужем С. Н. Прокоповичем активно участвовала в кооперативном движении. В 1917 г. редактировала в Москве газету «Власть народа», поддерживала политический курс А. Ф. Керенского, была членом Предпарламента. Октябрьскую революцию восприняла враждебно, но не приняла и Белое движение, выдвинув формулу: «ни Ленин, ни Колчак». В 1921 г. одна из организаторов Всероссийского комитета помощи голодающим. В 1922 г. выслана за границу. Сотрудничала с Республиканско-демократическим объединением П. Н. Милюкова. Оставила мемуары.

Кутлер Николай Николаевич (1859–1924) – политический и государственный деятель. В 1904–1906 гг. товарищ министра финансов, главноуправляющий землеустройства и земледелия. С 1906 г. член ЦК кадетской партии. С лета 1919 г. начал сотрудничать с большевиками. Член правления Госбанка РСФСР, участник разработки и реализации советской денежной реформы 1922–1924 гг.

Лампе Алексей Александрович фон (1885–1967) – генерал-майор. Участник Русско-японской и Первой мировой войн. В 1918 г. возглавлял подпольный комитет в Харькове, занимавшийся переброской офицеров в Добровольческую армию. Затем начальник оперативного отдела в группе войск генерала

Врангеля и в управлении генерал-квартирмейстера Кавказской Добровольческой армии. Выполнял поручения генерала Врангеля за границей. В эмиграции занимал должность военного представителя Русской Армии в Дании, Венгрии, Германии, затем возглавлял 2-й отдел РОВСа в Берлине. После роспуска РОВСа в Германии арестовывался гестапо. После Второй мировой войны переехал во Францию и стал заместителем председателя РОВСа, с 1957 г. – председателем.

Лебедев В. И. – участник работы в Комуч летом 1918 г., чиновник Временного Сибирского правительства, участник командировки вместе с П. В. Вологодским на Дальний Восток.

Левченко Степан Фокич (1886, г. Висунск, Украина – 1952) – полковник, участник Белого движения на юге России, с 1920 г. жил в городе Нови Сад (Югославия).

Лежнев (с 1917 г., настоящие имя и фамилия – Исаак Альтшулер) **Исай Григорьевич** (псевдоним Григорьев) (1891, г. Николаев – 9 октября 1955 г., Москва) – общественный деятель, журналист, литературовед, критик. Родился в городе Николаеве в ортодоксальной еврейской семье служащего. Покинув ее в 13-летнем возрасте, включился в революционное движение, в 1906 г. вступил в РСДРП, а в 1907 г. за участие в стачке был выслан в Киевскую губернию. После возвращения в Николаев отошел от революционного движения и в 1909 г. выбыл из РСДРП, попав под влияние различных мистических идей. Зарабатывал на жизнь уроками, занимался самообразованием и в 1910 г., сдав экстерном экзамен на аттестат зрелости, выехал за границу. После недолгого

пребывания в Берлине и Париже, где состоялось его знакомство с А. В. Луначарским, поступил вольнослушателем на философский факультет Цюрихского университета. Весной 1914 г. вернулся в Россию, работал в «Трудовой газете» в Николаеве, затем редактировал газету «Волго-Донской край» в Царицыне и вскоре после Февральской революции уехал в Петроград. Здесь он сотрудничал в газете «Русская воля», издававшейся выдающимся русским писателем Л. Н. Андреевым, а также в Петроградском телеграфном агентстве. С начала 1918 г. переезжает в Москву, где работает в военных учреждениях – Комиссии для поручений во Всеросглавштабе, начальником отдела печати Главного управления воинских учебных заведений, редактировал ряд военных журналов – «Красный офицер», «Всеобуч и спорт», «Красная типография» и др. Летом и осенью 1920 г. был мобилизован в Красную армию, работал в Краснодаре заведующим отделом печати Кубанско-Черноморского ревкома и редакции газеты «Красное знамя», органа ПОАРМ. После демобилизации, в конце 1920 г., сотрудничал в Петрограде в профсоюзных организациях «Маховик» и «Труд», был корреспондентом ряда газет, издававшихся советскими полпредствами в Берлине, Вене, Риге, Гельсингфорсе. В конце 1921 г. основал журнал сменовеховской ориентации «Россия» как «первый беспартийный литературно– общественный журнал». Планировалось открыть филиал редакции журнала в Берлине и печатать часть тиража в зарубежье для русских эмигрантов, однако из-за финансовых трудностей данный замысел не был осуществлен. Под псевдонимом Михаил Григорьев активно публикуется в сменовеховских эмигрантских изданиях – журнале

«Смена вех» (Париж, 29 октября 1921 г. – 25 марта 1922 г.) и ежедневной газете «Накануне» (Берлин, 26 марта 1922 г. – 15 июня 1924 г.). В журналах «Россия» и «Смена вех», газете «Накануне» выдвигает и последовательно проводит теорию «революционного консерватизма», согласно которой все наблюдаемое имеет обратную тенденцию: атеизм – религиозен, интернационализм – национален, идея – безыдейна, а «народный дух» – «исторический Дух» Гегеля. Критикует формальную демократию и разогнанное Учредительное собрание, противопоставляя им «подлинную религиозность» большевистской революции. Он настаивает на религиозности социализма, который «равнозначен атеизму лишь в узко богословском толковании». Данная теория «революционного консерватизма» во многом сближает позицию И. Г. Лежнева с позицией сменовеховцев, хотя он сам отрицал подобное сходство. Национальные идеи «революционного консерватизма», проповедуемые И. Г. Лежневым в Советской России и белой эмиграции, оказались предметом споров и компромиссов во внутрипартийной борьбе в большевистской партии в середине 1920-х годов. В преддверии решающей борьбы И. В. Сталина и так называемой «объединенной оппозиции» в мае 1926 г. журнал «Россия» был закрыт, а его редактор арестован органами ОГПУ 9 мая 1926 г. По постановлению Особого совещания при Коллегии ОГПУ от 10 мая 1926 г. за «участие в контрреволюционной организации» (ст. 62 УК РСФСР 1922 г.) И. Г. Лежнев в административном порядке был выслан из СССР через Эстонию сроком на три года 29 мая 1926 г. По этому обвинению он был реабилитирован посмертно только 26 октября 1993 г. В зарубежье И. Г. Лежнев считался одним

из ведущих идеологов сошедшего с политической сцены общественно-политического течения – сменовеховства, авторитетным редактором одного из лучших для 1920-х годов меньшевистских журналов. Исходя из идей «революционного консерватизма», И. Г. Лежнев сохранил лояльность к большевикам и советский паспорт. В Берлине он работал в советском торговом представительстве в качестве экономиста, оставаясь берлинским корреспондентом сразу нескольких советских газет. В 1929 г. он обратился в ЦК ВКП(б) с просьбой разрешить ему вернуться в СССР. Письмо было оглашено на одной из районных партийных конференций большевиков в Москве и рассматривалось в ЦК ВКП(б) как «важный симптом пересмотра сменовеховской интеллигенцией своих позиций». В марте 1930 г. И. Г. Лежневу разрешили вернуться на Родину. В первые годы после возвращения он сотрудничал в Воениздате, журнале «Военный вестник». К осени 1933 г. подготовил и в 1934 г. опубликовал первый том книги о пережитом им духовном переломе и о путях русской интеллигенции вообще «Записки современника». Сигнальный экземпляр книги и сопроводительное письмо к ней направил в ЦК ВКП(б), прося рассматривать эту книгу как расширенное заявление о приеме в большевистскую партию. После уникального в своем роде покаяния он становится одним из фаворитов И. В. Сталина. С 1934 г. работал корреспондентом газеты «Правда», а в 1936 г. становится сначала заместителем заведующего отделом критики и библиографии «Правды», а позже, в 1938 г. – заведует отделом литературы и искусства, получив одну из ключевых позиций в идеологической жизни страны. По его инициативе были созданы «литстраницы» «Правды», он занимался редакторской работой, писал

статьи о русской литературе для «Правды». До 1939 г. был одним из руководителей «чисток» в области культуры. Однако в 1939 г. был отстранен от работы в газете «Правда» и занялся литературной критикой, став ведущим специалистом по творчеству М. А. Шолохова. Никогда более не возвращался к идеям, близким сменовеховству, «революционному консерватизму» или чему-либо, хоть отдаленно напоминающему время «идейного плюрализма» своего редактирования журнала «Россия» и сотрудничества в эмигрантских сменовеховских изданиях. Во время Второй мировой войны, находясь в эвакуации в Ташкенте, работал вторым секретарем Союза советских писателей Узбекистана, сотрудничал в издательстве «Советский писатель». После возвращения в Москву в 1943 г. работал в Совинформбюро, изучал германскую проблематику. Умер 9 октября 1955 г. в Москве.

Сочинения: *Записки современника. Т. 1. Истоки. Изд. 3-е, испр. и доп. М, 1936; Палачи Европы. М, 1945; Избранные статьи. М, 1960. Литература:* Агурский М. *Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Аымшиц А. Предисловие // Лежнев И. Избранные статьи. М., 1960; Квакин А. В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа: 1921–1927. Саратов, 1991; Федорова О. П. Журнальная публицистика 20-х годов как источник по истории советской интеллигенции. М, 1985; Федюкин С. А. Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М, 1977; Hardeman, Hilde. *Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.**

Лелевич Г. (Лабори Гилелевич Калмансон) (1901–1945) – советский критик, поэт, литературный

деятель, один из редакторов журнала «На посту», один из руководителей ВААПа. Репрессирован.

Лемке Михаил Константинович (1872–1923) – историк, публицист.

Ленин (наст. фамилия – Ульянов) **Владимир Ильич** (10 апреля 1870, Симбирск – 21 января 1924, Горки, около Москвы). Родился в семье деятеля народного просвещения. По окончании с золотой медалью гимназии (1887) поступил на юридический факультет Казанского университета. В декабре того же года арестован за участие в студенческой сходке, исключен из университета и выслан к семье в Казанскую губернию. В 1888 г., находясь там, изучал марксизм. В 1891 г. экстерном сдал экзамены за юридический факультет при Петербургском университете. В 1892–1893 гг. в Самаре, помощник присяжного поверенного. С августа 1893 г. в Петербурге вошел в марксистский кружок студентов Технологического института, вел занятия в рабочих кружках; этот год Ленин называл годом своего вступления в партию. В 1894–1895 гг. написал первые крупные работы, в том числе «Что такое друзья народа и как они воюют против социал-демократов». В это время он трактует марксизм единственно верной революционной теорией. Первоочередной задачей социал-демократов он считал организацию социалистической рабочей партии, способной возглавить пролетариат в борьбе против царизма, а затем и капитализма. В апреле 1895 г. выезжает за границу для установления связей с группой «Освобождение труда» и деятелями западноевропейской социал-демократии. В Швейцарии он знакомится с Плехановым. В то время в либералах он видит не союзников по борьбе с царизмом, а врагов,

«разновидность буржуазии». В сентябре 1895 г. он стал одним из организаторов петербургского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», в декабре этого года арестован, в феврале 1897 г. выслан на 3 года в Сибирь. В ссылке в Шушенском написал и перевел свыше 30 работ, в том числе – «Развитие капитализма в России», и женился на Н. К. Крупской. Разработал план воссоздания РСДРП, первая попытка создания которой оказалась неудачной. В июле 1900 г. Ленин уехал за границу. Добившись выпуска с декабря 1900 г. газеты «Искра», взял в свои руки руководство ее активами и местными органами РСДРП. В брошюре «Что делать?» в 1902 г. выступил с планом построения социал-демократической партии как жесткой централизованной организации с ядром из профессиональных революционеров. Он проделал большую работу по подготовке II съезда РСДРП (июль– август 1903 г.) в Брюсселе и Лондоне. После раскола партии на большевиков и меньшевиков Ленин взял курс на обособление большевиков. В период 1905–1907 гг. Ленин ориентировал большевиков на вооруженное восстание против царизма, на установление демократической республики. В ноябре 1905 г. нелегально вернулся в Петербург и возглавил местных большевиков. В 1906 г. выдвинул в качестве центрального пункта аграрной программы большевиков национализацию земли. С возросшей опасностью полицейского ареста летом 1906 г. переехал в Финляндию. В декабре 1907 г. эмигрировал. После поражения попытки в 1905–1907 гг. свергнуть императорскую власть он стремится спасти партию от разгрома и внутреннего кризиса. С 1910 г. Ленин предпринимал шаги к возрождению центральных органов партии. В январе 1912 г. VI Всероссийской конференцией

РСДРП в Праге был избран членом ее Центрального комитета (ЦК). В 1912 г. по его инициативе была создана газета «Правда». В докладе по национальному вопросу на Летнем совещании 1913 г. ЦК РСДРП подчеркнул, что борьба против национального угнетения связана с борьбой против царизма. Участвовал в деятельности 2-го Интернационала: с октября 1905 г. по 1912 г. представлял РСДРП в Международном социалистическом бюро, возглавлял большевистскую делегацию на Штутгартском (1907) и Копенгагенском (1910) конгрессах. В начале Первой мировой войны Ленин был арестован австро-венгерской контрразведкой по подозрению в шпионаже в пользу России. Освобожден благодаря ходатайству австрийских и польских социал-демократов, в августе 1914 г. переехал в Швейцарию. В ноябре 1914 г. Ленин выдвинул лозунг «превращения войны империалистической в войну гражданскую». Выступал за поражение России в Первой мировой войне. Считаясь с фактом краха 2-го Интернационала, прилагал усилия к сплочению интернациональных сил. Участвовал в международных социалистических конференциях в Циммервальде (август 1915 г.) и Кинтале (апрель 1916 г.).

В конце лета 1915 г. сделал вывод, что в эпоху империализма, в силу неравномерности развития капитализма, «возможна победа социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране». Применительно к России он исходил из того, что здесь на очереди стоит буржуазно– демократическая революция, и был убежден, что ее победа зажжет социалистическую революцию в Европе и тем приблизит ее начинание в России. О победе Февральской революции 1917 г. Ленин узнал из

швейцарских газет. Из-за отказа пропустить его через Англию и Францию стал сотрудничать с Германией. Позднее германский генерал Людендорф писал, что доставка Ленина в запломбированном вагоне была выгодна для Германии, так как в то время ей необходимо было любой ценой разбить Россию. Возвращение Ленина в Россию выдвинуло его на авансцену политической борьбы. 3 апреля 1917 г. он прибыл в Петроград и вскоре произнес свои «Апрельские тезисы», сформулированные 4 апреля того же года и покорившие, по свидетельству очевидцев, многих. В них он призывал перейти от 1-го этапа революции ко 2-му, социалистическому. В то же время Плеханов, один из лидеров социал-демократов, назвал это выступление «бредом». 6 апреля 1917 г. ЦК РСДРП(б) не поддержал тезисы Ленина, в том числе Каменев и Зиновьев, не желающие видеть «перерастания революции в социалистическую». Настойчиво разъясняя идеи «Апрельских тезисов», Ленин в короткий срок на VII Всероссийской конференции РСДРП(б) добился их поддержки большинством партийных организаций, и эти тезисы были заложены в основу деятельности партии. В это время он боролся не за парламентскую республику, а за «Республику Советов». Выдвинул первоочередной задачей для большевиков переход власти к Советам рабочих, солдатских, крестьянских депутатов. Выступал против нового объединения большевиков и меньшевиков на позициях оборончества. Введен в состав исполкома Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. С 5 апреля 1917 г. – редактор «Правды». 22 апреля 1917 г. ЦК РСДРП(б) принял резолюцию Ленина, в которой лозунг «Долой Временное правительство!» осуждался как авантюристический и препятствующий курсу на мирное развитие революции. Одобрены после

острой дискуссии VII Всероссийской (Апрельской) конференцией РСДРП «Апрельские тезисы» легли в основу политики партии. Реализуя свою программу углубления революции, Ленин работал с исключительным напряжением. В печати регулярно появлялись написанные им статьи, воззвания, брошюры, он постоянно выступал на собраниях и митингах, съездах и конференциях. Говоря о будущей политике большевиков в отношении национальностей, он говорил лишь о «добровольном союзе наций». По его словам, «социализм ставится нами не как прыжок, а как практический выход из создавшейся разрухи». В июне 1917 г. на I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов заявил, что большевики готовы взять в стране власть в свои руки. Тогда он выступал за взятие власти вооруженным путем в «ближайшее время», но выжидал. В июле 1917 г. являлся фактическим руководителем вооруженного восстания в Петрограде. Июльские события 1917 г. он расценил как конец «мирного развития революции» и как предпосылку вооруженного восстания. В связи с угрозой ареста как немецкого шпиона и мятежника он 7 июля 1917 г. покинул Петроград и скрывался в шалаше на озере Разлив вместе с Зиновьевым до 8 августа 1917 г., а затем в Финляндии. С этого времени он окончательно стал на путь вооруженного восстания для захвата власти. В подполье написал книгу «Государство и революция», где объяснял, почему необходимо уничтожить буржуазное демократическое государство для построения социализма. В августе того же года скорректировал большевистскую аграрную программу в связи с требованиями крестьянства на передачу земли труженикам. Еще в начале 1917 г. предложил эсерам и

меньшевикам создать совместное коалиционное правительство, но те отказались. В то время он осуществлял руководство партией через ЦК и «Правду». В ЦК против постоянных попыток Ленина склонить партию к быстрому захвату власти велась борьба. В сентябре 1917 г. он предложил ЦК немедленно приступить к организации вооруженного восстания, нелегально прибыл в Петроград и добился, в конце концов, осуществления своего намерения. Ленинский нигилизм, яркость его выступлений приковывали к нему внимание российских масс. Ленин настаивал, вопреки мнению большинства членов ЦК, на восстании 25 октября 1917 г. Под его руководством большевики успешно захватили власть в Петрограде 25–26 октября 1917 г. и затем по всей стране. Уже 25 октября 1917 г. Ленин объявил о низложении Временного правительства. На II съезде Советов 26 октября 1917 г. по его докладам были приняты декреты «О мире» и «О земле», вслед за чем последовали протесты других социалистических партий. Ленин стал председателем советского правительства – Совета народных комиссаров (СНК). Во время похода на Петроград войск Керенского – Краснова, восстания в самом Петрограде юнкеров и под угрозой забастовки Викжеля он согласился на переговоры об образовании «однородного социалистического правительства» (с эсерами, меньшевиками и большевиками), но после отражения опасности захвата Петрограда антибольшевистскими силами он отказался от выполнения этого обещания. Инициатор создания ВЧК для борьбы против врагов большевизма и возведения «красного террора» в ранг государственной политики. Был инициатором разжигания гражданской войны против «непролетарских классов». Он содействовал расширению

политической базы советского правительства за счет вхождения в него левых эсеров. Но образование правительства во главе с Лениным вызвало негодование других социалистических партий. В ноябре 1917 г. он был избран от Балтийского флота членом Учредительного собрания. По инициативе Ленина были закрыты газеты, опубликовавшие сообщение группы министров Временного правительства об открытии Учредительного собрания. Потерпев неудачу в попытке большевизировать собрание, он объявил «врагами народа» организаторов демонстраций в защиту Учредительного собрания и выступил за его разгон, когда оно отказалось подписать его декреты. Первостепенное значение тогда он придавал созданию нового государственного аппарата. Работая по 15–18 часов в сутки, он добился такой организации работы СНК, что последний, по оценке западных исследователей (Ригли), в течение первых месяцев своего существования достиг такого же уровня, которого британский кабинет министров смог достичь приблизительно к этому времени, но уже имеющий 200-летний опыт. По существу, добиться такой отлаженности аппарата, которой достиг СНК к концу Гражданской войны, британский кабинет смог достичь лишь в течение и после Второй мировой войны. Инициатор заключения с Германией и ее союзниками сепаратного мира. Ленин смог добиться заключения Брестского мира, несмотря на ожесточенное сопротивление этому со стороны многих большевиков. В марте 1918 г. с СНК и ЦК РКП(б) Ленин переезжает в Москву. На этом он настоял сам. С этого времени он жил и работал в Кремле. Инициатор введения в стране «продовольственной диктатуры», хлебной монополии, для чего в деревню для изъятия у

крестьян хлеба направились продотряды. Сторонник жестоких мер в борьбе против «саботажников» и контрреволюционеров. Ленин считал необходимым расколоть деревню и натравить ее беднейшую часть на богатейшую. 30 августа 1918 г. тяжело ранен выстрелом террористки Каплан, подосланной правыми эсерами. После этого Ленин выступил за усиление ЧК и «красного террора», официально введенного 5 сентября 1918 г. С 30 ноября 1918 г. – председатель Совета рабочей и крестьянской обороны. После падения Перми в конце декабря 1918 г. объявил мобилизацию коммунистов, призвал к очищению армии от «чуждых элементов», созданию новых красных соединений. В военные вопросы он не вмешивался, но обеспечивал единство действий военных, хозяйственных, партийных органов. Лично обозначил на весенне-летний период стратегическое для РКП(б) направление – восточное. Так, в телеграмме Реввоенсовету Восточного фронта 29 мая 1919 г. он указывал: «Если мы до зимы не завоюем Урала, то я считаю гибель революции неизбежной». В то же время он возложил именно на Реввоенсовет ответственность за повышение боеспособности Красной армии. Для этого он рекомендовал поголовную мобилизацию населения, сочувствующего большевикам. Запретил под любыми предлогами уход на краткое время из армии даже части парторботников. Последовательный сторонник политики «военного коммунизма» и расстрелов для максимального результата – слома сопротивления противников революции. В это время Ленин занимался и теоретическими проблемами, написал книги: «Пролетарская революция и ренегат Каутский» (1918), «Детская болезнь левизны в коммунизме» (1920) и др. Под его руководством прошли VII (1918), VIII (1919), IX

(1920), X (1921) съезды РКП(б), на которых он выступал с политическими докладами и избирался членом ЦК. С марта 1919 г. он – член Политбюро ЦК и его фактический руководитель. Ленин – неперемный участник всех Всероссийских съездов Советов 1918–1921 гг. и докладчик на них от имени СНК и ВЦИК. Оставаясь верным идее мировой революции, стал инициатором создания 3-го Интернационала. При его руководящем участии проведены I (март 1919 г.) и IV (ноябрь – декабрь 1922 г.) конгрессы Коминтерна. Один из инициаторов похода на Польшу в 1920 г. и неудавшейся «мировой революции». После выступления кронштадтских моряков против политики «военного коммунизма» был вынужден заявить о неудаче построения «военного коммунизма лобовой атакой» и о переходе к НЭПу. XI съезд РКП(б) в марте – апреле 1922 г. стал последним съездом, на котором он присутствовал. После завершения активной фазы Гражданской войны сохранил политику террора. По его указанию были высланы многие российские ученые и общественные деятели, несогласные с политикой большевиков, в 1922 г. на «философском пароходе». В то же время Ленин мечтал о «справедливо и разумно устроенном обществе». Он оправдывал и считал нормой утвердившуюся в стране однопартийность и был сторонником жесткой дисциплины в партии, решительно отвергал свободу печати. Как государственный деятель, отличался воинствующим атеизмом, жестокостью в борьбе с влиянием церкви. В марте 1922 г., воспользовавшись голодом в Поволжье, призвал изымать церковные ценности «с беспощадной решимостью», выступал за расстрелы церковников. В мае 1922 г. тяжело заболел, в начале октября того же года вернулся

к работе, но в декабре 1922 г. болезнь снова обострилась, и его перевели на лечебный режим. Это во многом было обусловлено ранением отравленной Каплан пулей и напряженной работой. Последние год-полтора были трагедией в жизни Ленина – он не доделал до конца задуманное, был лишен возможности даже писать, слышал и видел постоянную борьбу внутри самого большевистского руководства. В конце декабря 1922 г. – начале февраля 1923 гг. продиктовал ряд последних статей и писем, среди которых выделяются по значимости «Письмо к съезду», «Как нам реорганизовать Рабкрин» и другие, объединенные общим названием «Политическое завещание» для XII съезда партии. Обозначил в нем социализм как строй цивилизованных кооперативов при общественной собственности на средства производства; перенесение центра тяжести на мирную организационную, культурную в широком смысле слова работу; выступал против Сталина на посту генерального секретаря. 10 марта 1923 г. происходит обострение болезни, что окончательно выводит Ленина из строя. В мае того же года он был перевезен в подмосковные Горки. 21 января 1924 г. после очередного приступа болезни скончался.

Ленотр А. (1613–1700) – французский архитектор, мастер систематичности и упорядоченности в садово-парковом искусстве.

Леонтович Евгений Александрович (1862—193?) – в 1882 г. закончил Одесское реальное училище, в 1884 г. – Елисаветградское кавалерийское училище, в 1890 г. – Академию Генштаба. В Добровольческой армии и ВСЮР. В декабре 1917 г. – январе 1918 г. формировал добровольческие части в Одессе, в начале ноября 1918 г. – начальник

формирований Одесского центра армии. Летом 1919 г. в штабе войск Юго-Западного края. В эмиграции в Бессарабии, примыкал к окружению великого князя Николая Николаевича.

Леш Леонид Павлович (1861 – 28 августа 1934, Котор, Черногория) – генерал от инфантерии, участник Первой мировой войны и Белого движения на юге России, с 1920 г. в эмиграции в Сербии.

Липковская (Маргинер) Л.Н. (1882–1958) – русская артистка оперы. В 1905 г. закончила Санкт-Петербургскую консерваторию. В 1906–1908 и 1911–1913 гг. была солисткой Мариинского театра. В 1909–1911 гг. выступала в Париже, Милане, Нью-Йорке, Бостоне, Чикаго и других городах мира. В 1914–1915 гг. была солисткой Театра музыкальной драмы в Петрограде. Гастролировала в других городах. С 1918 г. жила за рубежом.

Литвинов С. И. – член главного бюро партии левых социалистов-революционеров в Иркутске в январе – марте 1920 г. Один из главных подготовителей антиколчаковского восстания в Иркутске 22 декабря 1919 г. – 5 января 1920 г.

Ллойд Джордж Дэвид (1836–1945) – один из лидеров Либеральной партии Великобритании. В 1905–1908 гг. был министром торговли, в 1908–1915 гг. – министр финансов. С 1916-го по 1922 г. исполнял обязанности премьер-министра Великобритании. До осени 1919 г. активно поддерживал интервенцию против Советской России, затем, осознав бесперспективность интервенции, выступил за налаживание сотрудничества с РСФСР.

Локоть Тимофей Васильевич (1869—?) – профессор, один из идеологов эмигрантского монархизма.

Лосский Николай Онуфриевич (1870–1965) – философ, один из крупнейших представителей интуитивизма и персонализма в России. В 1922 г. выслан за границу, до 1945 г. жил в Праге.

Лукьянов Сергей Сергеевич (1889, Варшава – 27 февраля 1936, Республика Коми) – общественный деятель, дворянин, образование высшее, окончил историко-филологический факультет Петербургского университета, журналист. По ошибочным данным М. Агурского, крупный медик, профессор, директор Института экспериментальной медицины, а в 1909–1911 гг. – обер-прокурор Священного синода, был близок к П. А. Столыпину, глубокий поклонник В. С. Соловьева, издал относящиеся к нему материалы (речь, наверное, идет о Сергее Михайловиче Лукьянове). После Октябрьской революции находится в антибольшевистском лагере. Являлся одним из организаторов антисоветского мятежа в Ярославле 6– 21 июля 1918 г. С 1920 г. находится в эмиграции. Один из идеологов сложного общественно-политического течения «сменовеховства», один из авторов сборника «Смена вех» (Прага, 1921), участвовал в выпуске последующих сменовеховских изданий – журнала «Смена вех» (Париж, 1921–1922) и ежедневной газеты «Накануне» (Берлин, 1922–1924). Его сменовеховские убеждения базировались на уверенности в том, что если европейские и американские правящие классы своей внутренней и внешней политикой сумеют создать и поддержать такие объективные условия, при которых противоречия внутренней и международной жизни всех стран окажутся

устраненными или сглаженными, то для советской власти станет невозможен, а главное, не нужен возврат к революционной тактике «немедленного коммунизма». С. С. Лукьянов исключил возможность противопоставления в большевистском руководстве партийных лидеров по национальной принадлежности, как и вообще намеки на возможность национального конфликта внутри советского правительства, на что во многом делала ставку эмиграция.

По его мнению, русская революция – это традиционный русский радикализм, который лишь по стечению обстоятельств возглавлен большевиками. Он проводил историческую параллель между Смутным временем и Гражданской войной. Изменение ориентации большевиков после Гражданской войны и провозглашение новой экономической политики, считал С. С. Лукьянов, объясняется изменением их социальной базы. Русские рабочие и крестьяне на собственном опыте убедились в экономической необходимости единства России, «не только нашли экономическую базу для расширенного до общерусских пределов патриотизма в отстаивании, прежде всего, своих революционных завоеваний», но и прониклись национальным сознанием «высокого русского подвига, несущего, хотелось бы верить, освобождение угнетенных всего мира». Приветствуя меры большевиков в начальный период провозглашения новой экономической политики, направленные на частичную денационализацию промышленности и легализацию частной торговли, С. С. Лукьянов делал вывод о том, что в будущем в России должна будет сохраниться частная собственность, снова «неприкосновенная» в силу своего «государственно-полезного характера». При этом, по

мнению С. С. Лукьянова, это неизбежное изживание диктатуры представлялось в форме постепенного втягивания в управляющий страной аппарат всех трудящихся, независимо от их принадлежности к коммунистической партии. После возвращения из эмиграции на Родину С. С. Лукьянов занимается журналистской деятельностью, работает главным редактором газеты «Журналь де Москоу». Но 5 августа 1935 г. арестован органами НКВД. Постановлением Особого совещания при НКВД «за активное участие в контрреволюционной группе» (ст. 58–11 УК РСФСР) заключен в исправительно-трудовой лагерь на 5 лет. По этой статье реабилитирован 17 августа 1957 г. При отбытии срока наказания в УХТПЕЧЛАГе (Коми АССР) тройкой НКВД СССР за «контрреволюционную агитацию и прославление фашистского режима» (ст. 58–10 УК РСФСР) приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 27 февраля 1938 г. по месту заключения. По второй судимости реабилитирован 15 ноября 1956 г.

Литература: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Hardeman, Hilde. Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.

Львов Владимир Николаевич (1872, Москва – 1934, Томск) – известный общественный деятель, юрист, публицист, октябрист, масон. Из дворян, крупный землевладелец Бугурусланского уезда Самарской губернии. Окончил юридический и историко-философский факультеты Московского университета. После университета готовился к поступлению в монастырь, был вольнослушателем Московской Духовной академии. В 1905 г. участвовал в

организации в Самаре отделений «Союза 17 октября», сотрудничал в газете «Голос Самары». С 1907 г. гласный Бугурусланской уездной и Самарской губернской земских управ. Член октябристской партии. Депутат III и IV Государственных дум от Самарской губернии. В обеих думах был председателем комиссии по делам Русской православной церкви. Отличался крайним радикализмом в церковной политике. С 1911 г. – один из организаторов партии центра. В августе 1915 г. вошел в «Прогрессивный блок». Из шести списков будущего правительства, составленных и опубликованных в 1915 г., фигурировал в четырех в качестве обер-прокурора Священного синода. 27 февраля 1917 г. избран членом Временного комитета Государственной думы, а 2 марта вошел во Временное правительство как обер-прокурор Священного синода. Был исключен из состава второго Временного правительства. Сыграл видную роль в корниловском заговоре, ибо именно через него генерал Л. Г. Корнилов передал ультиматум А. Ф. Керенскому, однако до конца его роль в данных событиях не выяснена. 26 августа 1917 г. был арестован. После Октябрьской революции отошел от политики. В 1920 г., отступая с войсками А. В. Колчака, выехал в Японию, затем во Францию. Здесь в ноябре 1921 г. неожиданно для большинства призывает признать власть большевиков, становится ярким приверженцем сложного общественно-политического течения – «сменовеховства». В. Н. Львов считал, что советская власть представляет собой национальную силу русского народа. Поэтому он предлагал поддержать «сильную и жизнеспособную» власть большевиков. В ноябре 1921 г. демонстративно вышел из состава редакционной коллегии журнала «Смена вех» (Париж, 1921–1922),

обвиняя ее в том, что идеология журнала «недостаточно левая». Тогда же выступил в Париже с докладом на тему «Советская власть в борьбе за русскую государственность», изданным в 1922 г. отдельной брошюрой в Берлине. В 1921–1922 гг. печатался в «Известиях ВЦИК». Не осуждая коммунистическую идеологию, как другие сменовеховцы, В. Н. Львов отличал ее от «практического большевизма», сравнивая «советскую» и «русскую» идеологии. Верил в мессианство русского народа и утверждал, что «советская» идеология и есть «русская» идеология. В 1922 г. вернулся на Родину. До 1927 г. работал в Высшем церковном управлении. Принимал активное участие в движении «Живая церковь», выступающем за модернизацию христианского вероучения и культа в 1920-е годы. Занимал в церковном «обновленчестве» радикальную позицию, требуя расправы над патриархом Тихоном и до и после его освобождения. 3 марта 1927 г. арестован органами ОГПУ по обвинению в «экономической контрреволюции и вредительстве» (ст. 58-7 УК РСФСР), выслан на 3 года в Сибирь. Постановлением коллегии ОГПУ от 11 июля 1928 г. в связи с амнистией срок ссылки был сокращен на одну четверть. Материалы архивного уголовного дела подлежат пересмотру на предмет обоснованности осуждения. В сентябре 1929 г. был освобожден из ссылки, но остался на жительство в Томске, где и умер в 1934 г. **Сочинения:** *«Советская власть в борьбе за русскую государственность».*

Берлин, 1922. Литература: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Hardeman, Hilde. *Coming to terms the Soviet regime: the «Changing*

signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.

Львов Георгий Евгеньевич (1861–1925) – князь, крупный землевладелец, лидер земского движения, по политическим взглядам был близок к кадетам. Глава Временного правительства в марте – июле 1917 г. В 1918 г. эмигрировал во Францию, вошел в состав «Русского политического совещания».

Маклаков Василий Алексеевич (10 мая 1869, Москва – 15 июля 1957, Баден, Швейцария) – общественный и политический деятель, юрист и публицист. Из дворян. В 1887 г. поступил на естественный факультет Московского университета, позже перешел на историко-филологический факультет, который закончил в 1894 г. За участие в студенческом движении дважды исключался из университета, был одним из создателей московского землячества. Во время студенческих волнений 1890 г. подвергнут кратковременному аресту. В 1896 г. сдал экстерном экзамены за курс юридического факультета, стал присяжным поверенным округа Московской судебной палаты. В начале 1900-х годов был одним из создателей кружка молодых защитников по политическим делам. Получил всероссийскую известность выступлениями на процессах по обвинению М. А. Стаховичем князя П. Н. Мещерского в клевете в 1904 г. и по делу крестьян села Долбенкова Дмитровского уезда Орловской губернии в 1905 г. В начале 1900-х годов участвовал в земском движении, с 1904 г. – секретарь кружка «Беседа», поддерживал связи с П. Б. Струве. Осенью 1905 г. становится одним из основателей кадетской партии, членом ее ЦК. Был депутатом II, III и IV Государственных дум, одним из лидеров правого крыла

фракции кадетов. С 1915 г. член «Прогрессивного блока». После Февральской революции комиссар в министерстве юстиции, затем возглавлял юридическое совещание при Временном правительстве. В августе 1917 г. участвовал в Государственном совещании в Москве. Член Предпарламента. Осенью 1917 г. был назначен послом во Франции. В годы Гражданской войны занимался финансовым и дипломатическим обеспечением Белого движения, инициатор создания Совета послов и Русского политического совещания в Париже, пытался отстаивать интересы России на Парижской мирной конференции. Член масонской ложи «Свободная Россия». После признания Францией СССР в 1924 г. возглавил «офис» по делам русских беженцев при МИД Франции. В годы Второй мировой войны занял антифашистскую позицию. В 1943 г. за это был арестован гестапо и освобожден только после 5 месяцев заключения.

Мануилов Александр Аполлонович (1861–1929) – экономист, профессор, кадет, министр просвещения первых двух составов Временного правительства. Работал в советских учреждениях.

Манухин Иван Иванович (1882–1958) – врач-терапевт, ученый-иммунолог, радиобиолог. В 1906 г. закончил Военно-медицинскую академию в Петербурге. В 1910 г. уехал в Париж. После Февральской революции возвратился в Россию. С весны 1917 г. работал врачом Трубецкого бастиона Петропавловской крепости, где в заключении содержались бывшие члены царского правительства и сотрудники различных департаментов. После прихода к власти большевиков сотрудники Политического Красного Креста уговорили Манухина продолжить свою работу в Петропавловской

крепости, что позволило многим узникам выйти на свободу. С 1921 г. в эмиграции, где продолжал врачебную практику. Опубликовал воспоминания.

Масарик Томаш Гарриг (7 марта 1850, Годонин – 14 сентября 1937, Лани, близ Праги) – чехословацкий государственный и политический деятель, философ-позитивист. Получил образование в Венском и Лейпцигском университетах. С 1876 г. – доктор философии, в 1882–1914 гг. – профессор философии Пражского университета. Один из основателей (1889) либерально-политической группы «Реалисты» (до 1890 г. связанной с политической партией старочехов, затем – с младочехами), либеральной Чешской народной [реалистическая партия (1900), Чешская прогрессивная партия], выступавшей за автономию Чехии в составе Австро-Венгрии. Для философии Масарика, воспринявшего идеи английских и французских позитивистов, характерна в целом религиозно-этическая направленность. В своей первой работе по социологии он связывал рост числа самоубийств с утратой религиозной веры и, как следствие этого, смысла жизни: «Самоубийство как общественное массовое явление современной цивилизации» (Прага, 1881). Обратившись (с конца 1880-х годов) к философско-историческим исследованиям, он ищет религиозного «смысла истории». Он систематически выступал против марксизма, революционного рабочего движения: «Социальный вопрос. Философские и социологические основы марксизма» (Прага, 1898) и др. Перед Первой мировой войной приобрел популярность своими выступлениями против австрийской реакции, антисемитизма и клерикализма. Неоднократно избирался депутатом

австрийского парламента. В 1887, 1889, 1910 гг. посещал Россию, встречался с Л. Н. Толстым. В 1913 г. выпустил книгу «Россия и Европа» (т. 1–2), написанную в традициях славянофилов и Ф. М. Достоевского. С декабря 1914 г. – в эмиграции (Женева, Париж, Лондон, Чикаго, Вашингтон, Бостон). Основал в Париже Чешский национальный совет (1915), ориентировался в вопросе создания самостоятельного чехословацкого государства на Антанту. В мае 1917 г. – марте 1918 г. находился в России, стремился сблизиться с кадетами. В своих речах и заявлениях поддерживал политику Временного правительства. Октябрьскую революцию 1917 г. встретил враждебно. В советском лагере считался одним из организаторов восстания Чехословацкого корпуса, поддерживал террористические антисоветские группы Савинкова. В декабре 1918 г. прибыл в Прагу, будучи в ноябре того же года избранным первым чехословацким президентом (переизбирался в 1920, 1927, 1934 гг.). Вместе с Э. Бенешем являлся ведущим представителем либерально-буржуазной группировки «Град» – руководящего властного ядра Чехословакии 1918–1938 гг. Во внешней политике ориентировался на западные державы, проводил антисоветский курс, содействовал устройству в Чехословакии эмигрантов из России.

Матвеев Николай Петрович (1865–1941) – писатель и журналист. В 1921 г. эмигрировал в Японию. Сотрудничал во всех периодических изданиях Дальнего Востока. Занимался распространением русских книг в эмиграции. Умер в Кобэ.

Матковский Алексей Филиппович (17 марта 1877–1920) – один из видных генералов Колчака. Окончил кадетский корпус, Михайловское

артиллерийское училище, Николаевскую академию Генерального штаба. Временно исполнял должность командующего Сибирской армией во время переворота 18 ноября 1918 г., генерал-майор. Успешно руководил подавлением большевистского мятежа в Омске 22 декабря 1918 г. Начальник штаба Колчака с декабря 1918 г. по май 1919 г., передал должность Лебедеву. Командир 2-го Степного армейского корпуса с июня по октябрь 1919 г., в его подчинении был карательный отряд Кра- сильникова. Командующий войсками Омского военного округа. Инициатор «дела Айзика», присяжного поверенного-взяточника, которого он заключил в тюрьму. Подвергся за это шквалу яростной критики со стороны «общественности» и министров колчаковского Совета министров, включая Вологодского. В июле 1919 г. генерал Фельдман через него передал проекты улучшения и изменения армии в Ставку, которая на них не отреагировала. Начальник гарнизона, военный комендант Омска с октября по 14 ноября 1919 г. Получив от Фельдмана записку о возможности внезапного нападения на Омск партизан, назначил своим войскам маневры, на которых хотел выяснить, что надо предпринять для предотвращения этого. Хотя выяснить ему это не удалось из-за плохой погоды, но он получил данные, что белые войска не знают местности в районе Омска и даже не имеют карт. В октябре 1919 г. уехал в Томск со всем своим штабом. Положительно отреагировал на предложение генерала Фельдмана создать белые партизанские отряды для нанесения ударов по растянувшимся в результате быстрого наступления коммуникациям красных и антибольшевистской пропаганды в среде населения. Эта идея не была реализована из-за отсутствия средств для

финансирования этих отрядов. В ноябре 1919 г. отозван на станцию Тайга Колчаком, где был им назначен генерал-инспектором кавалерии. После этого Матковский выехал в Красноярск через Томск для «приведения в порядок легкой кавалерии». В конце ноября – начале декабря 1919 г. осуществлял высшую военную власть в Алтайской губернии и Барнауле. Арестован в январе 1920 г. представителями антиколчаковских сил, проходил свидетелем по делу министров правительства Колчака. Расстрелян в 1920 г. вместе с деятелями правительства Колчака.

Мельников П. И. (1870–1940) – русский режиссер оперы. В 1886–1905 гг. в Московской частной опере. В 1906–1909, 1913–1914, 1919–1921 гг. ставил спектакли в Большом театре. В 1922 г. переехал в Ригу, где работал в местном оперном театре.

Меньшиков – один из лидеров Приморской земской управы в 1920 г. во Владивостоке.

Меркулов Николай Дионисьевич – в 1921–1922 гг. министр военно– морских и иностранных дел в Приамурском временном правительстве, затем министр иностранных дел в правительстве Дитерихса. С 1922 г. в эмиграции в Китае.

Меркулов Спиридон Дионисьевич – брат Н. Д. Меркулова, в 1921–1922 гг. – председатель Приамурского временного правительства.

Мещерский Дмитрий Викторович (1875–1933) – князь, дипломат, умер в Варшаве.

Миллер Евгений Карлович (1876–1939) – генерал-лейтенант. Участник Первой мировой войны. С осени 1917 г. – представитель Ставки Главковерха при

итальянском главном командовании. В январе 1919 г. приглашен в качестве генерал-губернатора во Временное правительство Северной области, в мае Колчаком назначен главкомом войсками Северной области, в сентябре – главным начальником края. В 1920 г. создал Временное правительство Северной области, занял в нем посты военного министра и управляющего иностранными делами. Вскоре эмигрировал. В 1930–1937 гг. – председатель РОВСа. 22 сентября 1937 г. похищен агентами НКВД в Париже, вывезен в СССР. Расстрелян 11 мая 1939 г.

Милюков Павел Николаевич (1859–1943) – политический деятель, историк, один из лидеров российского либерализма. Закончил Московский университет, где учился у П. Г. Виноградова, В. О. Ключевского, Н. С. Тихонравова. В 1886–1895 гг. был приват-доцентом Московского университета, но уволен за «вредное влияние на молодежь». В 1905 г. – глава Съезда союзов и один из основателей партии кадетов, член ее ЦК. Депутат III–IV Государственных дум. В 1915 году инициатор создания «Прогрессивного блока». В ноябре 1916 г. выступил в Государственной думе с обличительной речью против императрицы и царских министров, основанной на слухах в иностранной печати, но не на фактах, получившей известность по всей России. Активный участник Февральской революции, член Временного комитета Государственной думы. Уговаривал великого князя Михаила Александровича не отречься от престола вслед за Николаем II, считая конституционную монархию необходимой опорой Временного правительства. В марте – апреле 1917 г. занимал пост министра иностранных дел, поддерживал Л. Г. Корнилова, был членом Предпарламента. Активный

участник антибольшевистского движения, сторонник свержения большевиков силами интервентов. С 1921-го по 1941 г. в Париже издавал газету «Последние Новости». Выдвинул тезис об «эволюции советской системы», к которой считал необходимым приравливать тактику эмиграции. В 1922 г. на него было совершено покушение монархистами, но пуля попала в В. Д. Набокова, заслонившего собой П. Н. Милюкова. В зарубежье был одним из лидеров Республиканско-демократического объединения, в котором пытался сплотить сторонников его тактики эволюции. В 1939 г. приветствовал заключение пакта о ненападении СССР и Германии, войну СССР против Финляндии («Мне жаль финнов, но мне нужна Выборгская область»). С начала Великой Отечественной войны открыто заявил о своей солидарности с правительством СССР. Как историк, П. Н. Милюков получил известность благодаря таким трудам, как «Очерки по истории русской культуры», «Главные течения русской исторической мысли», «История второй русской революции» и многие другие. Оставил мемуары.

Минцлов Сергей Рудольфович (1870–1936) – прозаик, библиограф, библиофил. В годы Первой мировой войны служил разъездным военным корреспондентом. С 1917 г. жил в своем имении под Выборгом, на территории отделившейся Финляндии. В середине 1918 г. уехал в Сербию, где жил в городе Земун, возглавлял русскую гимназию. В 1922 г. переехал в Ригу, где прожил до конца своих дней.

Мирский (Миркин-Гецевич) Борис Сергеевич – либеральный публицист, в газете «Последние Новости» неоднократно выступал против Н. В. Устрялова.

Мякотин Сергей Петрович (1879–1956) – историк и публицист, редактор журнала «Голос минувшего». Выслан из РСФСР в 1922 г. В эмиграции издавал журналы «Борьба за Россию», «На чужой стороне», «Голос минувшего на чужой стороне», «Возрождение».

Набоков Владимир Дмитриевич (1869–1922) – один из лидеров кадетов. Из дворян. Сын министра юстиции при Александре II. Закончил юридический факультет Петербургского университета. Профессор уголовного права, камер-юнкер. Член «Союза Освобождения», соредактор газеты «Речь». Депутат I Государственной думы. В 1914–1915 гг. проходил службу в качестве офицера ополчения, затем был делопроизводителем в Главном штабе. В 1917 г. занимал пост управляющего делами Временного правительства, участвовал в юридической подготовке Учредительного собрания, товарищ председателя Предпарламента.

После Октябрьской революции член «Комитета спасения Родины и Революции», министр юстиции Крымского краевого правительства. С апреля 1919 г. в эмиграции. Соредактор газеты «Руль». Погиб при покушении на П. Н. Милюкова, пытаюсь разоружить террориста. Оставил мемуары.

Набоков Сергей Дмитриевич (1868–1940) – дядя писателя В. В. Набокова, бывший прокурор Варшавской палаты и последний курляндский губернатор, а во время Первой мировой войны представитель при Особой армии.

Нансен Фритъоф (1861–1930) – норвежский исследователь Арктики. В 1888 г. первым пересек Гренландию на лыжах, в 1893–1896 гг. руководил экспедицией на корабле «Фрам». В 1920–1921 гг. был назначен верховным комиссаром Лиги Наций по делам

военнопленных. В 1921 г. был назначен комиссаром по делам русских беженцев. По его инициативе для русских беженцев выдавали специальные паспорта (так называемые «нансеновские»). В 1925–1929 гг. – глава комиссии Лиги Наций по репатриации армянских беженцев в СССР. Лауреат Нобелевской премии мира (1922).

Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) – член партии кадетов.

Нестеров И. П. – член Учредительного собрания, с конца мая 1918 г. вел вооруженную борьбу против большевиков на Волге и в Сибири. Совместно с Вольским и Веденяпиным в августе 1918 г., после участия его в Челябинском совещании антибольшевистских сил на востоке России, заключил соглашение с Михайловым, министром Временного Сибирского правительства (ВСП), о прекращении таможенной войны между Комучем и ВСП и об урегулировании порядка продвижения грузов. Теперь все транзитные грузы, следовавшие по линии Владивосток – Самара, никаким задержкам и обложениям не подлежали, а грузы, подлежавшие госрегулированию, отпускались по установленным предельным ценам и были свободны от особых сборов и обложений. С 18 ноября 1918 г. – «пассивный» противник режима Колчака. К концу 1919 г. – активный противник правительства Колчака. Один из руководителей вооруженных сил эсеров, участвовал в свержении власти Колчака в Иркутске в конце декабря 1919 г. – начале января 1920 г. Видный деятель «Политцентра». Участвовал в передаче власти в Иркутске большевикам.

Никифоров – министр финансов Владивостокского правительства в 1918 г.

Николай Николаевич (1856–1929) – великий князь, сын великого князя Николая Николаевича (старшего), третьего сына Николая I, генерал от кавалерии. В 1914–1915 гг. был Верховным главнокомандующим Русской армией. В 1915–1917 гг. – командующий Кавказским фронтом. Выступил за отречение от престола Николая II. С 1919 г. в эмиграции. В 1926 г. на Зарубежном съезде провозглашен вождем русской эмиграции.

Новиков Михаил Михайлович (1876–1965, Нью-Йорк) – биолог, общественный и государственный деятель, ректор Московского университета в 1919–1920 гг., выслан в 1922 г., организатор Русского научного института в эмиграции. Жил в Чехословакии и США.

Нольде Борис Эммануилович (1876–1948) – барон, сын видного сановника, юрист, специалист в области международного права. Кадет. Занимал посты директора ряда отделов, начальника II департамента МИДа, советника министра иностранных дел С. Д. Сазонова. Преподавал в Александровском лицее, на высших женских курсах и в Политехническом институте. Один из авторов Манифеста великого князя Михаила Александровича об отречении от престола и передаче власти Временному правительству до созыва Учредительного собрания. После Февральской революции – товарищ министра иностранных дел П. Н. Милюкова. В 1918 г. участвовал в переговорах с правительством Финляндии от имени правительства Колчака, стремясь склонить финнов к участию в походе на Петроград в обмен на признание их независимости. С 1920 г. – член парижской группы партии кадетов. С середины 1920-х гг. отошел от политики. Достоинно вел

себя в годы фашистской оккупации, за что награжден орденом Почетного легиона. Многолетний член Международного института права и с 1947 г. – его председатель.

Овчинников Александр Александрович – сын сельского священника, выпускник юрфака Казанского университета 1897 г., стажировался во многих европейских университетах, был известным профессором-статистом, автор популярного учебника по статистике, многих других работ, возглавлял статистическое отделение Казанской губернской земской управы. До 1917 г. дважды избирался проректором Казанского университета, а в феврале 1921 г. был избран Советом университета на должность ректора.

Озеров Иван Христофорович (1869–1942) – экономист, профессор Московского и Петербургского университетов, сторонник политики классового сотрудничества. В 1901–1917 гг. – член Государственного совета от Академии наук и университетов. С 1930-х гг. жил в Доме престарелых ученых в Ленинграде.

Ольденбург Сергей Сергеевич (1888–1940) – историк, публицист. Сын известного востоковеда С. Ф. Ольденбурга. Участник Белого движения. Первоначально эмигрировал в Турцию, позже жил в Германии, а затем во Франции. В Берлине издавал газету «Грядущая Россия», потом сотрудничал в газетах «Возрождение», «Россия», «Россия и славянство». Ближайший соратник П. Б. Струве. Член Национального комитета, лидер Народно-монархической партии конституционных монархистов. Один из основных докладчиков на Зарубежном съезде 1926 г. Автор широко

известной монографии «Царствование императора Николая II».

Осоргин (Ильин) Михаил Андреевич (1878, Пермь – 1942, Шабри, Франция) – писатель и журналист. Эсер в 1905–1906 гг. Участник Московского вооруженного восстания 1905 г. После Октябрьской революции председатель Всероссийского союза журналистов и товарищ председателя Московского отделения Союза писателей. В 1921 г. – активный участник Всероссийского комитета помощи голодающим. В эмиграции с 1922 г. Подвергался преследованиям нацистов.

Оссендовский Антон Мартынович (Фердинанд-Антон) (1876–1945) – прозаик, журналист, в 1919–1920 гг. – член совета министерства финансов и член ученого совета министерства сельского хозяйства правительства Колчака. Свои скитания по Азии описал в книге «Звери, люди и боги» (1922). С 1922 г. в Польше.

Оцуп Николай Авдиевич (1894–1958, Париж) – поэт, с 1922 г. в эмиграции.

Пантелеймон (Розновский Павел) (1867–1950) – иеромонах, был митрополитом Белорусской православной церкви.

Парский Дмитрий Павлович (1866–1921) – генерал-лейтенант, в феврале 1918 г. добровольно вступил в Красную армию.

Пасманик Давид Самуилович (1869–1930) – публицист, общественный деятель, активный участник сионистского движения. Эмигрант. Автор статей против Н. В. Устрялова в газете «Общее дело».

Пепеляев Анатолий Николаевич (1891–1938) – один из самых выдающихся белогвардейских генералов

на востоке России. Родился в офицерской семье. Окончил Омский кадетский корпус (1908), Павловское военное училище (1910). Участник Первой мировой войны. Прошел путь от поручика до полковника (1917). Возглавив команду разведчиков, отличался удачными операциями при Прасныше, Сольдау и др. Был отмечен телеграммой императора. В 1915 г., командуя разведчиками 11-й армии и сотней казаков во время отступления Русской армии из Польши, разбил два батальона противника и вернул потерянные позиции, за что был награжден Георгиевским крестом. После Октябрьской революции 1917 г. вернулся в Сибирь, в Томск, где создал офицерскую антибольшевистскую организацию. Возглавил успешное восстание против советской власти в Томске 28 мая 1918 г. В чине подполковника в начале июля 1918 г. наносит поражение красным войскам под Иркутском (командуя в том числе и отрядом Красильникова), благодаря чему становится возможным поднять там восстание и захватить город. Командир отряда белых войск в Екатеринбургской группе с июня по август 1918 г., генерал-майор (этот чин получил от Временного Сибирского правительства за освобождение Сибири от большевиков). Выдвинулся благодаря личным качествам, умению «быть» с солдатами. Вместе в войсками Гайды продвигался от Томска до станции Оловянная, тесня большевиков. 7 августа 1918 г., вместе с Гайдой, разгромил крупный красный отряд на Прибайкальском фронте. Это событие было названо советскими историками «катастрофой под Посольской». Вернувшись в Томск, сформировал корпус и отправился на Пермский фронт. Единственный генерал, который не вводил в своих войсках погон и считался «эсерствующим». К партии эсеров не принадлежал, но

сочувствовал ей, хотя в большей степени склонялся к сибирскому областничеству. С августа 1918 г. по июль 1919 г. – командующий с перерывами Среднесибирским корпусом в Сибирской армии. В августе 1918 г. едва не заменил по предложению Вологодского Гайду на посту командующего антибольшевистскими войсками Сибири и в это же время выступил посредником в конфликте между Гайдой и Семеновым. Присутствовал на примирительных обедах между Гайдой и Семеновым, куда он ими специально приглашался для сглаживания противоречий. Для удовлетворения амбиций Семенова предложил ему командование V отдельным Приамурским корпусом, что было принято атаманом. Во многом Пепеляев обеспечил признание этим со стороны Семенова Временного Сибирского правительства. В декабре 1918 г. одержал выдающуюся победу, взяв силами своего корпуса Пермь, где были захвачены значительные трофеи. Неоднократно обращался к Колчаку с просьбой созвать в Сибири «Земский Собор». Во время болезни Колчака в декабре 1918 г. П-в рассматривался как возможный К-а преемник на посту Верховного правителя, его поддерживал даже Жардецкий. В конце декабря 1918 г., в момент учреждения Ставки Верховного главнокомандующего и переформирования Сибирской армии, в состав которой входил и его Средне-Сибирский корпус, он был отстранен от командования, и в течение нескольких месяцев о нем ничего не было известно. С июля 1919 г. – генерал-лейтенант. Командующий 1-й Сибирской армией Восточного фронта с июля по декабрь 1919 г. Участвовал в Тобольской наступательной операции. В сентябре – октябре 1919 г. части 1-й Сибирской армии Пепеляева занимали на Ялуторовском направлении район города

Ишим, станции Голышманово и Тюмень Омской железной дороги и оборонительные позиции почти до Тобольска. Его армия показала в это время относительно невысокие боевые качества, потребовалась дополнительная поддержка для них сил Войцеховского, чтобы сбить находившиеся против нее силы красных. В начале ноября 1919 г. силы Пепеляева были заменены корпусом Каппеля и вывезены в Среднюю Сибирь для переформирования и пополнения. В декабре 1919 г. Пепеляев едва не погиб при подрыве его поезда партизанами. Армия Пепеляева была разгромлена при взятии красными 22 декабря 1919 г. Томска. Пользовался большой популярностью в Сибири, был близок к солдатам. После разгрома 1-й Сибирской армии и развала фронта он пытается отмежеваться от Колчака, одновременно выступая против большевиков. Готовил со своим братом, В. Пепеляевым, переворот против Колчака, но в последний момент отказался от этого. Был близок к эсерам и анархистам с декабря 1919 г. по 1921 г. В начале 1920 г., будучи тифозным больным, привезен в чехословацком эшелоне в Читу. Формировал в марте 1920 г. из остатков своей 1-й Сибирской армии Особый Сибирский Партизанский отряд. Вержбицкий в это время относился к П-ву враждебно, поэтому тот эмигрировал в Харбин. Вместе с Войцеховским там вел яростную критику Семенова, в том числе со страниц официальной «Русской армии». Долгое время в 1920 г. болел. Зарабатывал на жизнь извозчиком. Вошел в контакт с правительством Дитерихса в июле 1922 г., приехал во Владивосток и приступил к формированию Сибирской добровольческой дружины. По приглашению лидеров Якутского восстания в сентябре 1922 г. прибыл с отрядом добровольцев из 700 человек, «Сибирской

дружиной», в Якутию, в Аян, возглавил антисоветские силы Якутии. К этому времени основные силы повстанцев потерпели поражение. Попал в плен из-за измены части его людей 18 июня 1923 г. на побережье Охотского моря в Аяне. По морю доставлен на судне в Приморье. Во время его доставки туда на корабле случился пожар, во время которого Пепеляев участвовал в его тушении, причем конвой из красных был настолько перепуган, что судно некоторое время находилось вне его власти. В 1924 г. был осужден в Чите Ревтрибуналом 5-й Красной армии и приговорен к расстрелу. В письмах к брату Аркадию раскаивался в том, что боролся против советской власти. Его брат Аркадий, занявший у красных высокое положение, ходатайствовал за него перед Куйбышевым и Калининым. ВЦИК заменил расстрел на 10-летний срок заключения. Под давлением коммунистов вскоре обратился к своим бывшим соратникам с предложением сложить оружие и прекратить борьбу против советской власти. Отбывал наказание по 1933 г. в Ярославском изоляторе. В 1936 г. освобожден. Добивался разрешения на возвращение семьи в СССР, но его жена с ребенком отказались вернуться. Проживал последнее время в Воркуте. По одним данным, арестован при попытке перехода госграницы СССР, по другим сведениям, на него дали показания некоторые бывшие офицеры армии Колчака, арестованные в апреле – сентябре 1937 г., заявив, что они подготавливали восстание и были связаны с ним. Расстрелян 14 января 1938 г.

Первухин М. К. (1870—?) – писатель. В 1900–1909 гг. был редактором газеты «Крымский курьер». В конце 1906 г. переселился за границу, откуда посылал корреспонденции в газеты «Утро», «Новости

дня», с 1909 г. состоял корреспондентом газеты «Русское слово». В 1900-х годах выпустил два сборника рассказов «У самого берега синего моря» и «Догорающие лампы».

Пешехонов Алексей Васильевич (1867–1933) – политический деятель, публицист, один из основателей и лидеров партии народных социалистов. В мае–августе 1917 г. – министр продовольствия Временного правительства. С 1922 г. в эмиграции. С 1927 г. – консультант торгпредства СССР в Латвии.

Пилсудский Юзев (1867–1935) – польский политический деятель. В прошлом – революционер-террорист, в 1918–1922 гг. – диктатор (руководитель) польского государства. Оказывал материальную и политическую помощь Борису Савинкову.

Платон (Рождественский Порфирий Федорович) (1866–1934) – митрополит всея Америки и Канады.

Племянников Николай Александрович (1869–1944) – председатель Русского благотворительного общества в Варшаве.

Попов Николай Александрович (? —1954) – профессор химии.

Потехин Юрий Николаевич (1888, г. Короче Курской губ. – 2 декабря 1937, Москва) – общественный деятель, литератор, публицист, приват-доцент Московского университета. Активный функционер кадетской партии. В апреле–мае 1918 г. издавал в Петрограде журнал «Накануне», в котором сотрудничали Н. Бердяев, Е. Коровин, С. Котляревский, В. Устинов, В. Муравьев, Н. Фиолетов, Г. Чулков, С. Кечекьян и др. В

годы Гражданской войны примкнул к Белому движению, служил у Верховного правителя Российского государства адмирала А. В. Колчака в 1918–1920 гг., а после его поражения эмигрировал. В эмиграции стал участником сложного общественно-политического течения – «сменовеховства». Участник сборника «Смена вех» (Прага, 1921) и последующих сменовеховских изданий – журнала «Смена вех» (Париж, 1921–1922) и ежедневной газеты «Накануне» (Берлин, 1922–1924). Ю. Н. Потехин проводил мысль о том, что сменовеховские идеи – это естественная реакция на ход «истинного эволюционного процесса» в России. Он видел смысл большевистского переворота в свержении «органически неспособных к власти групп». Лидеров белой эмиграции считал представителями все тех же групп, которые «систематической ложью, подтасовкой съездов, где можно прямым натиском» навязывают широким массам эмигрантов свои реакционные взгляды, присвоив себе право говорить от имени всех русских эмигрантов, «представляя собой лицо эмиграции, им не будучи». По мнению Ю. Н. Потехина, в отличие от эмигрантских лидеров, «большевики-марксисты, чутко учитывая все настроения трудящихся масс, привыкли жить их интересами. Поэтому отказ от утопии для трезвого учета реальной действительности совершается намного быстрее и безболезненней, чем можно было ожидать». Потехин считал, что в Советской России с провозглашением перехода к новой экономической политике и в политической, и в духовной, и в экономической областях для индивидуальности открывается все больший простор. Он подчеркивал, что ближайший этап всемирной истории определится неизбежным компромиссом между большевистской

Россией и остальным миром. По его мнению, чем дальше в этом компромиссе западный капитализм пойдет навстречу нуждам и идеалам новой, но, в свою очередь, считающейся с реальными экономическими условиями России, тем безболезненней и быстрее все человечество выйдет на пути «истинного эволюционного прогресса». Данные сменовеховские идеи Ю. Н. Потехина во многом предвосхитили будущую «теорию конвергенции». В 1923 г. он вернулся на родину, где ему был предложен пост руководителя одного из отделов ВСНХ. В СССР он издал несколько литературных произведений. Работал консультантом института «Атлас мира». Арестован УНКВД по городу Москве и Московской области 22 ноября 1937 г. Постановлением тройки при УНКВД СССР по Московской области от 29 ноября 1937 г. за «контрреволюционную агитацию» (ст. 58–10 УК РСФСР) приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение 2 декабря 1937 г. в Москве. Реабилитирован 24 сентября 1956 г. **Сочинения:** *Павлины без перьев: Из архива контрреволюции. М., 1924; Аюди заката. М., 1925. Литература:* Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Hardeman, Hilde. *Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.*

Прокопович Сергей Николаевич (1871–1955) – политический деятель. Из семьи генерала. Окончил Брюссельский университет. Участвовал в социал-демократическом движении, в 1905 г. был членом ЦК кадетской партии. С 1906 г. не примыкал ни к одной партии, считал себя «нефракционным социалистом». Видный масон. Активный участник кооперативного движения. В 1917 г. – член Совета всероссийских

кооперативных съездов и исполкома Комитета московских общественных организаций, с мая по сентябрь – председатель Главного экономического комитета и заместитель председателя Экономического совета Временного правительства, одновременно с июля по сентябрь министр торговли и промышленности, с 25 сентября министр продовольствия Временного правительства. 25 октября 1917 г. арестован, но вскоре отпущен. Возглавил подпольное Временное правительство до ноября 1917 г., входил в «Комитет спасения Родины и Революции» и «Союз возрождения». В 1921 г. – член Всероссийского комитета помощи голодающим, в 1922 г. выслан из Советской России. В э м и г р а ц и и с о т р у д н и ч а л в Республиканско-Демократическом объединении, издавал журналы «Экономический вестник», «Русский экономический сборник», занимался научной работой, написал несколько исследований по экономической истории России.

Путилов Александр Иванович (1866 – после 1926) – русский капиталист. Из дворян. До 1906 г. служил в министерстве финансов. Директор Русско-китайского, а затем Русско-азиатского банков. Участник многих акционерных обществ. Совладелец концерна Стахеева – Батолина. После Октябрьской революции проживал в эмиграции.

Раевская Наталья Александровна (? – 31 августа 1941, Рагуза, Югославия) – общественная деятельница российского зарубежья.

Раковский Христиан Георгиевич (Станчев Крыстю) (1873–1941) – советский партийный и государственный деятель.

Рахманинов Сергей Васильевич (1873–1943) – композитор, пианист, дирижер. В 1904–1906 гг. был дирижером Большого театра. С декабря 1917 г. жил за рубежом.

Родичев Федор Измайлович (1854–1932) – из дворян, крупный землевладелец, адвокат. Один из лидеров кадетской партии, депутат Государственной думы. После Февральской революции министр Временного правительства по делам Финляндии. Поддержал выступление генерала Л. Г. Корнилова. Весной 1919 г. в делегации от правительства А. И. Деникина выехал в Сербию, с 1920 г. в эмиграции.

Русов Николай Николаевич (1884 – после 1934) – писатель, переводчик, сменовеховец.

Рыковский Юрий Георгиевич (1894–1937) – график, сценограф. В 1921 г. стал художником-декоратором Русского драматического театра в Риге, в 1928–1929 гг. руководил свободными художественными мастерскими, с 1930 г. – художественной студией Народной высшей школы. Оформлял интерьеры частных домов. Исполнил совместно с Е. Е. Климовым и Н. Н. Андатурским фреску «Святая Троица» для собора в Риге. Входил в Общество русских графиков.

Рысс Петр Яковлевич (1870–1948) – кадет, публицист, эмигрант.

Савинков Борис Викторович (1879–1925) – один из руководителей боевой организации партии эсеров с 1903 г., лично руководил подготовкой ряда громких террористических актов. В 1917 г. исключен из партии за отказ дать объяснения ЦК о своей роли в корниловском выступлении, когда Савинков публично заявил о своей

солидарности с Корниловым в целях, но о расхождении в средствах. Активный участник антибольшевистской борьбы. В 1920 г. был председателем «Русского политического комитета» в Польше, где пользовался поддержкой своего личного друга Ю. Пилсудского. Формировал на территории Польши антисоветские военные отряды.

Савицкий Вячеслав Григорьевич (1880–1963) – закончил Академию Генштаба. Есаул. Атаман Кубанского казачьего войска. В белых войсках Восточного фронта, с 20 января 1918 г. член войскового правления Уссурийского казачьего войска, затем начальник штаба того же войска, с 4 июня 1921 г. Войсковой атаман Уссурийского казачьего войска. Генерал-майор.

Савицкий Петр Николаевич (1895–1968) – экономист, географ, публицист, в эмиграции один из лидеров евразийства.

Сазонов Егор Сергеевич (1879–1910) – эсер, убийца Плеве.

Сазонов Сергей Дмитриевич (1860–1927) – государственный деятель. Из дворян. Закончил Александровский императорский лицей. С 1883 г. – в МИДе, с 1888 г. – советник и поверенный в делах российского посольства в Лондоне, а затем – посол в Вашингтоне. В 1910–1916 гг. – министр иностранных дел России. В 1917 г. был назначен П. Н. Милюковым послом в Великобританию, но назначение не состоялось из-за отставки Милюкова. В 1918–1919 гг. возглавлял управление иностранных дел в Особом совещании А. И. Деникина и входил в Русское политическое совещание в Париже. С 1919 г. – в эмиграции.

Сакулин Павел Никитич (1868–1930) – литературовед.

Семашко Николай Александрович (1874–1949) – участник борьбы за советскую власть в Москве, государственный и партийный деятель, один из организаторов советского здравоохранения. Академик АМН СССР с 1944 г., врач, участник революции 1905–1907 гг. Осенью 1917 г. – председатель Пятницкой управы Замоскворецкого района. Участвовал в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания. Один из руководителей совета районных дум. Заведующий медико-санитарным отделом Моссовета. В 1918–1930 гг. – нарком здравоохранения РСФСР, затем на научной работе.

Сетницкий Николай Александрович (1888–1937) – экономист, философ-космист, коллега Н. В. Устрялова по харбинскому юридическому факультету, вместе с ним в 1935 г. вернулся на родину, репрессирован.

Симеон Богоприимец – персонаж Евангелия от Луки, который, по преданию, не мог умереть раньше, чем увидит Младенца Мессию. Когда в Храм принесли Иисуса, Симеон, взяв его на руки, сказал: *«Ныне отпускаешь раба твоего, Владыко, по слову Твоему, с миром»* (Лк., 2: 29). Эти слова Симеона приняты как молитва.

Слащев Яков Александрович (1885–1929) – генерал-лейтенант, участник Белого движения с декабря 1917 г. В декабре 1919 г. был назначен командиром III армейского корпуса. Зимой 1919/20 г. успешно руководил обороной Крыма. С 1920 г. в эмиграции. Вернулся на родину.

Степун Федор Августович (1884–1965, Мюнхен) – религиозный философ, историософ, культуролог, социолог, теоретик искусства, писатель и публицист. Выслан в 1922 г., жил в Германии.

Стратонов Иринарх Аркадьевич – родился в 1881 г., сын чиновника, выпускник истфилфака Казанского университета 1906 г., затем – профессор-историк этого университета, занимавшийся изучением различных аспектов российской истории XVIII в., историей русского летописания. В начале 1919 г. был избран деканом, а в августе 1920 г. – заместителем декана историко-филологического факультета. В начале 1919 г. Главное управление архивным делом назначило его на должность уполномоченного в деле охраны и разборки архивов Казанской губернии. Тогда же он возглавил борьбу за сохранение церковных сокровищ кафедрального собора в Казани. Сокровища удалось отстоять и передать в музей благодаря поддержке наркома А. В. Луначарского и художника И. Э. Грабаря. Подробнее см.: *Малышева С. Ю.* Историк с «философского» парохода // Татарстан. 1992. № 7–8.

Строев (псевдоним **Василия Алексеевича Десницкого**) (1878–1958) – известный публицист, один из основателей (вместе с М. Горьким и Н. Н. Сухановым) популярной питерской газеты «Новая жизнь», социал-демократ, поэт, литературовед.

Строев Василий Николаевич (1873–1931?) – профессор русской истории Петроградского университета, эмигрант, жил и работал в Берлине.

Струве Петр Бернгардович (1870–1944) – философ, экономист, историк, публицист, общественный и политический деятель, академик Петербургской

академии наук (1917). В 1890-е годы – один из лидеров русского марксизма, автор «Манифеста РСДРП» 1898 г. В дальнейшем эволюционировал «от марксизма к идеализму». Участник и организатор сборников «Проблемы идеализма» (1901), «Вести» (1909), «Из глубины» (1918). Редактор журналов «Освобождение» (1902–1905), «Полярная звезда» (1905–1906), «Русская мысль» (1906–1917). Член ЦК кадетской партии с 1906 г. до выхода из нее в 1915 г. Выдвинул концепцию «Великой России», сущностью которой является «национально-либеральный империализм». Участвовал в организации Белого движения. Член Особого совещания при Деникине. Возглавлял Управление внешних сношений в правительстве Врангеля. В эмиграции редактировал журнал «Русская мысль» (1921–1927), газеты «Возрождение» (1925–1927) и «Россия» (1928), участвовал в руководстве газеты «Россия и славянство» (1928–1932). В 1926 г. был председателем и организатором Зарубежного съезда. Идейный лидер правоцентристов. В 1930-х годах отходит от политической деятельности. Председатель отделения общественных наук Русского научного института. Умер в Париже.

Сувчинский Петр Петрович (1892–1985) – музыковед, публицист, в эмиграции один из основоположников евразийства, в конце 1920-х годов – лидер его левого крыла.

Татищев Борис Алексеевич (? —1949) – общественный деятель российской эмиграции.

Терапиано Юрий Константинович (1892–1980, Париж) – поэт, критик, историк религии. Эмигрировал во

время эвакуации Добровольческой армии, жил в Константинополе и Париже.

Тихомиров Лев Александрович (19 января 1852, Ставрополь – октябрь 1923, Сергиев Посад) – активный участник народнического движения. В 1873 г. был арестован и осужден на 4 года. Один из членов Исполкома «Народной воли». В 1882 г. уехал за границу, жил в Швейцарии и Франции. В 1888 г. выпустил в Париже брошюру «Почему я перестал быть революционером?». После этого направил на «высочайшее имя» письмо с раскаянием, просил простить его прошлые «заблуждения». В 1888 г. получил разрешение на возвращение в Россию и проживал в Новороссийске и Москве. Стал одним из виднейших публицистов монархического направления, критиком революционной теории и практики. Написал ряд работ с обоснованием зубатовского направления в рабочем движении. Участник съездов представителей правых организаций. В 1909–1914 гг. – редактор «Московских ведомостей». Одновременно «причислен по службе» к Главному управлению по делам печати МВД. В 1913 г. после оправдательного приговора по делу Бейлиса предлагал создать постоянный комитет при Совете министров, который следил бы «за всеми подозрительными случаями» и имел полномочия «призывать содействие полиции делать обыски и выемки». После 1914 г. общественная и публицистическая деятельность ослабела ввиду предчувствия революционных событий, которым, по его мнению, никто был не в силах помешать.

Троцкий Лев Давыдович (Бронштейн Лейба Давидович) (26 октября 1879, деревня Яновка Елизаветградского уезда Харьковской губ. – 20 августа

1940, вилла Койякана, Мексика) – из семьи крупного сельского земельного арендатора. С 1888 г. обучался в реальном училище в Одессе, затем – в Николаеве. В 1896–1897 гг. участвовал в организации и деятельности одной из первых социал-демократических организаций – «Южно-Русском рабочем союзе» в Николаеве и Одессе Херсонской губернии, ставившей целью просвещение рабочих и защиту их экономических интересов. В январе 1898 г. арестован в Николаеве, свыше 2 лет находился в тюрьмах. Административно выслан в Усть-Кут Иркутской губернии, где с весны 1900 г. отбывал четырехлетнюю ссылку, занимался литературной деятельностью, стал приверженцем марксизма. В августе 1902 г. бежал за границу; в Лондоне в октябре того же года состоялось знакомство его с Лениным, по его рекомендации Троцкий работал в «Искре», выступал с рефератами для русских эмигрантов и студентов. Вел подрывную работу против монархической власти в Лондоне и других городах Европы. В это время примыкал к меньшевикам. Делегат II съезда РСДРП (1903). В конце 1904 г. выступал за объединение меньшевиков и большевиков. Разработал теорию «перманентной революции» международного масштаба. В 1905 г. непосредственно раскрылись его качества как политического деятеля, организатора масс, оратора, публициста. В феврале 1905 г. – в Киеве, позже – в Санкт-Петербурге. В Петербурге принял активное участие в организации Совета рабочих депутатов (СРД). После ареста Хрусталева-Носаря стал председателем СРД. С другими членами СРД 3 декабря 1905 г. арестован, в конце 1906 г. приговорен Петроградской судебной палатой к ссылке на «вечное поселение» в Сибири. По пути в Обдорск из Березова бежал за границу, в Лондон. В 1907 г. летом на V Лондонском

съезде РСДРП возглавил группу центра, не примкнувшую ни к большевикам, ни к меньшевикам. Начиная с 1908 г. Троцкий стал фигурой, широко известной в международном социал-демократическом движении. Сотрудничал во многих русских и зарубежных газетах и журналах, познакомился с руководителями 2-го Интернационала. Созвал отдельную от большевиков общепартийную конференцию в Вене в августе 1912 г. Созданный на ней антибольшевистский блок в 1914 г. распался, из него вышел и сам Троцкий. В 1914 г. в брошюре «Война и Интернационал» Троцкий с интернациональных позиций осудил войну и выступил за создание Соединенных Штатов Европы через революцию. Во время Первой мировой войны издавал в Париже газету «Наше слово». Осуждал раскольничество Ленина и его идеологическую нетерпимость. Участвовал на антивоенной международной конференции в сентябре 1915 г. в Циммервальде. За антивоенную пропаганду выслан в 1916 г. из Франции в Испанию, где вскоре был арестован и с семьей отправлен в США. В период февральских событий 1917 г. выступал за завоевание власти пролетариатом. В марте 1917 г. хотел приехать в Россию, но в Галифаксе (Канада) подвергся аресту и находился в концентрационном лагере для интернированных. 4 мая 1917 г. приехал в Петроград. Сблизился с большевиками. Выступал за углубление революции, за «социалистическую революцию», поддерживал лозунг «Вся власть – Советам!». В конце мая 1917 г. заявил о контрреволюционности Временного правительства. В дни июльских событий 1917 г. происходит сближение Ленина и Троцкого. Троцкий тогда пытался предостеречь от вооруженной демонстрации и преждевременного выступления, желал добиться

мирного характера действий. Опубликовал после подавления Июльского восстания 1917 г. открытое письмо, в котором отрицал причастность Ленина и вообще большевиков к шпионажу в пользу Германии и ее союзников, за что был арестован. В тюрьме написал работы: «Когда же конец проклятой бойне?» и «Что же дальше? Итоги и перспективы». В это время призывал решительно отмежеваться от меньшевиков и эсеров. На VI съезде РСДРП (июль – август 1917 г.) принят в большевики и был заочно избран почетным председателем съезда и членом Центрального комитета (ЦК) (являлся таковым до 1927 г.). После провала выступления Корнилова 2 сентября 1917 г. освобожден под залог. Выдвинул лозунг бойкота Предпарламента. Сыграл одну из ведущих ролей в революционизировании масс. Стал одним из самых популярных митинговых ораторов. Рос его авторитет и в партийных кругах. В сентябре 1917 г. он был избран председателем Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов (РСД). В этом качестве он играл руководящую роль в подготовке и проведении Октябрьского переворота, голосовал за ленинскую резолюцию о вооруженном восстании на заседании ЦК 10 октября 1917 г. Выступал «за мирный захват власти». Воспользовавшись приказом Керенского о выводе частей Петроградского гарнизона на фронт, 12 октября 1917 г. образовал Военно-революционный комитет (ВРК), на который возлагались задачи «защиты Петрограда от контрреволюции». Фактически Троцкий руководил им. Подчеркивал главенствующую роль Ленина в Октябрьской революции. Отказался от предложений коалиционного правительства с эсерами и меньшевиками. На II Всероссийском съезде Советов РСД

занял пост народного комиссара по иностранным делам в большевистском правительстве – СНК. Выступил организатором борьбы против войск Краснова – Керенского 26–31 октября 1917 г., под его руководством были созданы оборонительные рубежи под Петроградом, он активно вдохновлял большевиков на бой. По его инициативе были рассекречены секретные документы дипломатии царского и Временного правительств. Пытался наладить контакты с посольствами стран Антанты, рассылал ноты с предложениями «о мире», которые правительствами «союзников» приняты не были. Был руководителем советской делегации на втором этапе мирных переговоров в Брест-Литовске с конца декабря 1917 г. Выступал с лозунгом затягивания переговоров: «Ни войны, ни мира», чтобы максимально использовать агитационные возможности Брест-Литовска для революционирования Европы, но в то же время – не дать Антанте повода вторгнуться в Россию, а немцам – продолжить против России наступление. 28 января 1918 г. отверг ультиматум стран Четверного союза с предложением их условий мира и в то же время объявил о демобилизации фронта. Выступал в феврале 1918 г. против сторонников «революционной войны до победного конца» со стороны большевиков. 22 февраля 1918 г. сложил с себя обязанности наркома по иностранным делам. Участвовал в организации попыток отпора немецкому наступлению в феврале 1918 г. 4 марта 1918 г. Троцкий был назначен председателем Высшего военного совета, 13 марта 1918 г. – народным комиссаром по военным делам. Издал приказ 24 мая 1918 г. о насильственном разоружении частей Чехословацкого корпуса, отказавшихся сдать оружие большевикам, которые опасались поддержки чехами

антибольшевистских выступлений. С другой стороны, на Троцкого давили немцы, не желавшие усиления сил союзников на Западном фронте. Это вызвало вооруженное восстание Чехословацкого корпуса. Троцкий 2 сентября 1918 г., с созданием Реввоенсовета Республики, стал его председателем. Фактически является организатором и создателем Красной армии и обороны Советской России. Автор основных партийных и государственных постановлений и декретов по военным вопросам. В 1920–1921 гг., оставаясь на военных постах, был временно назначен наркомом путей сообщения, одним из руководителей восстановления железнодорожного транспорта и других отраслей народного хозяйства. Полностью поддержал переход от политики «военного коммунизма» к НЭПу. Член общества «Политическая каторга и ссылка». Исключен из него как осужденный органами советской власти. В борьбе за власть против Сталина потерпел поражение, несмотря на то что Ленин называл его «самым выдающимся и способным человеком из всего тогдашнего состава ЦК». В январе 1925 г. он был освобожден от работы в Реввоенсовете, в октябре 1926 г. выведен из Политбюро, в октябре 1927 г. удален из ЦК. В ноябре того же года исключен из партии и выслан из Москвы в Алма-Ату, потом – в Турцию, на Принцевы острова, где на него было организовано неудачное покушение агентами советской госбезопасности. За границей Троцкий развернул литературно-публицистическую деятельность и продолжал оттуда вести борьбу против Сталина, которого считал предателем идеалов Октября 1917 г. Последние годы жизни находился в Мексике, убит агентом НКВД. Оставил сочинения: «К истории русской

революции». М., 1990; «Сталин». М., 1990, т. 1–2; «Моя жизнь: Опыт автобиографии». М., 1990, т. 1–2.

Трошин Григорий Яковлевич – сын мещанина, выпускник медицинского факультета Казанского университета 1900 г., занимался у знаменитого профессора В. П. Осипова, учителем которого был сам В. М. Бехтерев. Докторскую диссертацию защитил в Военно-медицинской академии в Петербурге, преподавал там в педагогическом институте. С февраля 1922 г. – декан медицинского факультета Казанского университета. См.: *Малышева С. Ю.* Казанские профессора... С. 53–54.

Трубецкой Евгений Николаевич (1863–1920) – князь, философ, правовед, публицист, общественный деятель, кадет, участник Белого движения, университетский профессор Н. В. Устрялова.

Трубецкой Николай Сергеевич (1890–1938) – князь, лингвист, философ, культуролог, приват-доцент Московского университета. Сын князя С. Н. Трубецкого, первого выборного ректора Московского университета. С 1920 г. жил и работал в Софии, затем в Вене. Инициатор международных конгрессов славистов в Гааге (1928) и Праге (1929). В период изучения философии российской истории издал книгу «Европа и человечество» (1920), положившую начало евразийству. Племянник Е. Н. Трубецкого.

Тэн (Taine) Ипполит (1828–1893) – французский литературовед, философ и историк.

Уншлихт Иосиф Станиславович (1879–1938) – в социал-демократическом движении с 1900 г. Участник революции 1905–1907 гг. (Польша) и Октябрьской революции (Петроград). В 1919 г. – нарком по военным

делам Литовско-Белорусской республики. С 1921 г. – заместитель председателя ВЧК, ГПУ. С 1923 г. – член РВС, а в 1925–1930 гг. – заместитель председателя РВС СССР. В 1933–1935 гг. – начальник Главного управления Гражданского воздушного флота. С 1935 г. – секретарь Союзного Совета ЦИК СССР. Кандидат в члены ЦК ВКП(б) с 1925 г. Расстрелян 28 июля 1938 г., реабилитирован посмертно.

Усов Сергей Сергеевич (1872, Москва – 1943, Нови Сад, Югославия) – дворянин, служащий.

Устрялова Юлия Петровна (урожд. **Ерохина**) – мать Н. В. Устрялова.

Устрялов Николай Васильевич (25 ноября 1890, Санкт-Петербург – 14 сентября 1937, Москва) (псевдоним **П. Сурмин**) – правовед, философ, политический деятель. В 1913 г. окончил юридический факультет Московского университета. В 1913 г. был оставлен при университете для подготовки к профессорскому званию, в 1914 г. работал в Париже и Марбурге, в 1916 г. сдал магистерские испытания и получил звание приват-доцента при кафедре государственного права. В 1916–1918 гг. работал приват-доцентом данного университета, преподавал государственное право. Член кадетской партии. С 1916 г. активно печатался в журналах «Русская мысль» и «Проблемы великой России», доказывал необходимость для России великодержавной империалистической политики. После Февральской революции 1917 г. возглавил Калужскую организацию кадетской партии. В 1917–1918 гг. сотрудничал в московской газете «Утро России» (позже «Заря России»). В 1918 г. издавал вместе с Ю. В. Ключниковым и Ю. Н. Потехиным журнал

«Накануне», где подчеркивал, что революция является «подлинно русской», а большевизм представляет собой «комплекс идей, пусть ошибочных, пусть ложных, пусть диких, но все же издавна присущих нашему национальному сознанию». В 1918 г. приват-доцент Пермского университета. В декабре 1918 г., после захвата Перми войсками Колчака, переехал в Омск. Юрисконсульт при управлении делами правительства Колчака, с февраля 1919 г. – директор пресс-бюро отдела печати, издатель газеты «Русское дело». Одновременно председатель восточного отделения ЦК кадетской партии и сотрудник газеты «Сибирская речь». Член Дальневосточного правительственного кабинета Хорвата до конца лета 1918 г. При создании частного акционерного предприятия – «Русского общества печатного дела» (РОПД) – один из его учредителей, внес в его кассу 300 тысяч рублей. Находился в составе правления этого общества. В 1918–1920 гг. – председатель восточного отделения ЦК кадетской партии и один из лидеров особого информационного отдела правительства – «Русского бюро печати» (РБП). Помощник Клафтона по отделу иностранной информации (РБП). Один из руководителей Комитета освобождения России, выполнявшего в Лондоне корреспондентские функции РОПД с середины 1918 г. Активно печатал собственные статьи по насущным вопросам в антисоветской прессе. Утверждал, что «силой вещей линия развития русской государственности сливается с линией кадетизма», считал политику Колчака и Деникина «единственно серьезной и государственно-многообещающей формой Белого движения», но уже в начале 1919 г. говорил Ю. В. Ключникову о возможности победы большевиков и

о том, что в таком случае «мы должны быть с Россией». В начале 1920 г. эмигрировал в Харбин. В 1920–1934 гг. преподавал в Харбинском университете. Одновременно работал в советских учреждениях Китайско-Восточной железной дороги (КВЖД): в 1925–1928 гг. – начальник учебного отдела, в 1928–1934 гг. – директор центральной библиотеки. В 1920–1934 гг. был редактором газеты «Новости дня», сотрудничал в газете «Вестник Маньчжурии», а в 1920–1924 гг. издавал вместе с Г. Диким альманах «Русская жизнь». Одновременно печатался в московской газете «Россия». Статьи Н. В. Устрялова, опубликованные в первой половине 1920 г., вошли в сборник «В борьбе за Россию» (Харбин, 1920). Признавая бесперспективность возобновления вооруженной борьбы, он писал, что большевизм будет изживать себя в атмосфере гражданского мира и этому должны способствовать национально-патриотические элементы России. Дальнейшее развитие эти идеи получили в его статье в сборнике «Смена вех» (Прага, 1921), после чего Н. В. Устрялов стал считаться главным идеологом «национал-большевизма», или, как его обычно называли, «сменовеховства». В докладе И. В. Сталина на XIV съезде ВКП(б) в 1925 г. по поводу воззрений Устрялова было сказано: «Он служит у нас на транспорте[имелась, наверное, в виду его служба на КВЖД. —А. К.]. Говорят, что он хорошо служит <...>, ежели он хорошо служит, то пусть мечтает о перерождении партии, мечтать у нас не запрещено». В 1925 г. Н. В. Устрялов отмежевался от позиции «сменовеховцев», группировавшихся вокруг берлинской газеты «Накануне», которые, по его словам, довольствовались лишь некоторыми корректировками «социалистического строительства». По мнению

Н. В. Устрялова, «раз став на путь уступок, советская власть окажется настолько увлеченной их логикой, что возвращение на старые позиции коммунистического правоверия будет для нее уже невозможным». Размышляя о вероятной эволюции государства в СССР, он не считал неминуемой «рецепцию Россией западных конституционных канонов» и рассчитывал, что России удастся создать новый «культурно-государственный тип, авторитетный для Запада», включающий в себя и советскую систему, которую «мы непростительно не учитывали, когда пребывали в белом лагере». Однако в конце 1920-х – начале 1930-х гг. Н. В. Устрялов был вынужден признать, что надежды на реставрацию капитализма не оправдываются в связи с успехами индустриализации и коллективизации, которые «обновили страну», из чего следует, что нужно сделать «реальный выбор – с революционным государством против его врагов», а «двусмысленная лояльность в спецовой среде» неприемлема, как и вредительство. В 1934 г. он заявил, что о возвращении к капиталистическим отношениям больше не может быть речи, все правоуклонистские и «перерожденческие» теории утратили почву. В 1935 г., после продажи КВЖД Японии, был вынужден, как советский служащий, вернуться на родину, предусмотрительно перед отъездом переправив свой архив в США. В СССР работал профессором экономической географии в Московском институте инженеров транспорта и некоторое время – в Московском государственном университете. Но 6 июня 1937 г. был арестован органами НКВД СССР, а 14 сентября 1937 г. Военной коллегией Верховного суда СССР по обвинению в «шпионаже, контрреволюционной деятельности и антисоветской агитации» (ст. 58-1, 58-8,

58–10, 58–11 УК РСФСР) приговорен к расстрелу. Приговор приведен в исполнение в тот же день в Москве. Н. В. Устрялов реабилитирован 20 сентября 1989 г. С о ч и н е н и я:

В. А. Кожевников. Религия небытия // Буддизм в сравнении с христианством. Петроград, 1916. Том I (стр. 633) и том II (стр. 756). // Утро России. (Москва). 1916. 8 октября (суббота). № 281. С. 5.

Национальная проблема у первых славянофилов // Русская мысль. М.; Пг., 1916. Кн. X. С. 1—22.

Русско-славянская цивилизация: исторические истоки, современные геополитические проблемы, перспективы славянской взаимности: Сб. статей. М., 1998. С. 414–424 (отрывки).

П. Сурмин. Смирение и терпение // Утро России. (Москва). 1916. 2 октября (воскресенье). № 275. С. 1.

П. Сурмин. Уговаривают... // Утро России. (Москва). 1916. 6 октября (четверг). № 279. С. 1.

П. Сурмин. Наши Архимеды // Утро России. (Москва). 1916. 7 октября (пятница). № 280. С. 1.

П. Сурмин. Богатое царство // Утро России. (Москва). 1916. 12 октября (среда). № 285. С. 1.

П. Сурмин. Восемьдесят седьмая // Утро России. (Москва). 1916. 14 октября (пятница). № 287. С. 1.

Г. В. Плеханов. Интернационализм и защита отечества. Кн-во бывш. М. В. Попова, Петроград, 1916. Стр. 31. (Рецензия) // Утро России. (Москва). 1916. 15 октября (суббота). № 288. С. 5.

К вопросу о русском империализме // Проблемы Великой России. (Москва). 1916. 15 (28) октября. № 15. С. 1–5.

П. Сурмин. Искатель правды // Утро России. (Москва). 1916. 21 октября (пятница). № 294. С. 2.

П. Сурмин. Россия строится // Утро России. (Москва). 1916. 28 октября (пятница). № 301. С. 1.

П. Сурмин. П. С. Герцен и Польша // Утро России. (Москва). 1916. 29 октября (суббота). № 302.

(Рецензия) // Утро России. (Москва). 1916. 29 октября (суббота). № 302. Очередь за Россией // Утро России. (Москва). 1916. 2 декабря (пятница). № 336. С. 1.

Свящ. С. Щукин. Божеское и человеческое. К-во «Путь», 1916. (Рецензия) // Утро России. (Москва). 1916. 3 декабря (суббота). № 337. С. 7.

Цель и средства // Утро России. (Москва). 1916. 4 декабря (воскресенье). № 338. С. 2.

К вопросу о сущности «национализма» // Проблемы Великой России. (Москва). 1916. 10 (23) декабря. № 18. С. 9—12.

Концентрация зла // Утро России. (Москва). 1916. 11 декабря (воскресенье). № 345. С. 3.

За счет России // Утро России. (Москва). 1916. 15 декабря (четверг). № 349. С. 1.

Революция и война [Война и революция] // Библиотека народной свободы. № 9. Москва: «1917 год», апрель 1917. 28 с.

Что такое Учредительное Собрание. М., 1917. 32 с.
Чего хотят социалисты. М., 1917. Избирательное право.
М., 1917.

Всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное
право. М., 1917. Ответственность министров. М.,
1917[1918]. 31 с.

П. Сурмин. Правительство и социалисты на Западе
// Утро России. (Москва). 1917. 4 мая.

П. Сурмин. Бланкисты // Утро России. (Москва).
1917. 13 мая. *П. Сурмин.* Социалисты и действительность
// Утро России. (Москва). 1917. 26 июня.

П. Сурмин. Кадеты // Утро России. (Москва). 1917.
29 июля. *П. Сурмин.* Подпольная психология // Утро
России. (Москва). 1917. 3 августа.

П. Сурмин. Революция на распутье // Утро России.
(Москва). 1917. 10 августа.

П. Сурмин. Государственное совещание // Утро
России. (Москва). 1917. 12 августа.

П. Сурмин. Слова и факты // Утро России. (Москва).
1917. 18 августа. *П. Сурмин.* Манифест большевиков //
Утро России. (Москва). 1917. 20 августа.

П. Сурмин. Сила и слабость революции // Утро
России. (Москва). 1917. 3 сентября.

П. Сурмин. Пауза // Утро России. (Москва). 1917. 10
сентября. *П. Сурмин.* Народ и власть // Утро России.
(Москва). 1917. 12 сентября. *П. Сурмин.* Призраки // Утро
России. (Москва). 1917. 13 сентября. *П. Сурмин.* Сумерки
России // Утро России. (Москва). 1917. 14 сентября.
П. Сурмин. В тумане будущего // Утро России. (Москва).
1917. 24 сентября. *П. Сурмин.* В наши дни // Утро России.

(Москва). 1917. 29 сентября. *П. Сурмин*. Невидящие Россию // Утро России. (Москва). 1917. 4 октября. *П. Сурмин*. Закат Петербурга // Утро России. (Москва). 1917. 8 октября. *П. Сурмин*. Мания величия // Утро России. (Москва). 1917. 11 октября. Товарищ и гражданин // Народоправство. 1917. 16 октября. № 12. С. 16–17. *П. Сурмин*. Диктатура пролетариата // Утро России. (Москва). 1917. 21 октября.

П. Сурмин. О мире // Утро России. (Москва). 1917. 12 ноября. *П. Сурмин*. Еще о революции // Утро России. (Москва). 1917. 16 ноября. Революционный фронт // Народоправство. 1917. 19 ноября. № 15. С. 13–16; Грани. (Москва). 1999. № 192. С. 227–237.

П. Сурмин. Сатурн // Утро России. (Москва). 1917. 22 ноября. *П. Сурмин*. Русский бунт // Утро России. (Москва). 1917. 26 ноября. *П. Сурмин*. Великий подвиг // Утро России. (Москва). 1917. 2 декабря. *П. Сурмин*. Начало конца // Утро России. (Москва). 1917. 7 декабря. *П. Сурмин*. Сомнение // Утро России. (Москва). 1917. 23 декабря. *П. Сурмин*. Русская звезда // Утро России. (Москва). 1917. 24 декабря. *П. Сурмин*. В рождественскую ночь // Утро России. (Москва). 1917. 24 декабря.

П. Сурмин. О злобе дня // Утро России. (Москва). 1917. 29 декабря. *П. Сурмин*. У врат мира // Утро России. (Москва). 1918. 17 января. № 7. *П. Сурмин*. У перевала // Утро России. (Москва). 1918. 21 января. № 11; Накануне. (Москва). 1918. 7 апреля (25 марта). № 1. С. 1–2.

П. Сурмин. Новая война // Утро России. (Москва). 1918. 20 (7) февраля. № 21.

П. Сурмин. Конец большевизма // Утро России. (Москва). 1918. 28 (15) февраля. № 27.

П. Сурмин. Якобинцы (историческая справка) // Утро России. (Москва).

1918. 15 (2) марта. № 36.

П. Сурмин. Уроки революции // Утро России. (Москва). 1918. 16 (3) марта. № 37.

Судьба Петербурга // Накануне. 1918. 7 апреля (25 марта). № 1. С. 5–6. Мнимый тупик // Накануне. 1918. 14 (1) апреля. № 2. С. 5–6. Новое счастье // Свободная Пермь. (Пермь). 1919. 3 января. Рыцари печального образа // Свободная Пермь. (Пермь). 1919. 14 января. Крушение интернационала // Отечественные ведомости. (Омск). 1919. 9 марта.

Провокация // Пресс-бюро. (Омск). 1919. Март.

Международная перегруппировка // Правительственный вестник. (Омск).

1919. 16 марта.

Политическое обозрение // Сибирский благовестник. (Омск). 1919. Март. Наша международная ориентация // Пресс-бюро. (Омск). 1919. Март. Политическое обозрение // Сибирский благовестник. (Омск). 1919. Апрель. Большевики и мы // Сибирская Речь. (Омск). 1919. 12 апреля. Уроки революции // Пресс-бюро. (Омск). 1919. Май. Итоги кадетской конференции // Сибирская Речь. (Омск). 1919. 28 мая и 1 июня.

Союзники и Россия // Сибирская Речь. (Омск). 1919. 18 июня. Международные перспективы // Пресс-бюро. (Омск). 1919. Июль. Судьба Сибири // День казака. (Омск). 1919. 19 августа; Русское дело. (Омск). 1919. 31 октября.

Русское дело // Русское дело. (Омск). 1919. 5 октября. После Версаля // Русское дело. (Омск). 1919. 7 октября. Обреченные // Русское дело. (Омск). 1919. 10 октября. Памяти А. С. Белорусова // Русское дело. (Омск). 1919. 11 октября. Борьба за Россию // Русское дело. (Омск). 1919. 16 октября. Воскресение // Русское дело. (Омск). 1919. 17 октября. Самостийность // Русское дело. (Омск). 1919. 18 октября. Петушки // Русское дело. (Омск). 1919. 20 октября. Власть и общество // Русское дело. (Омск). 1919. 22 октября. Немецкая ориентация // Русское дело. (Омск). 1919. 24 октября. Без маски // Русское дело. (Омск). 1919. 25 октября. Россия и Англия // Русское дело. (Омск). 1919. 28 октября. Священное единение // Русское дело. (Омск). 1919. 1 ноября. В Иркутске // Русское дело. (Иркутск). 1919. 9 декабря. Единство власти // Русское дело. (Иркутск). 1919. 11 декабря. На перевале // Русское дело. (Иркутск). 1919. 12 декабря.

Цель и средства // Русское дело. (Иркутск). 1919. 13 декабря.

Призраки // Русское дело. (Иркутск). 1919. 17 декабря.

Распутье // Русское дело. (Иркутск). 1919. 20 декабря.

Читинский проект // Русское дело. (Иркутск). 1919. 23 декабря.

Оттепель // Русское дело. (Иркутск). 1919. 25 декабря.

В грозный час // Русское дело. (Иркутск). 1919. 26 декабря.

Два берега // Русское дело. (Иркутск). 1919. 27 декабря.

Вместо передовой // Русское дело. (Иркутск). 1919. 28 декабря.

После грозы // Русское дело. (Иркутск). 1919. 30 декабря.

Новый фазис // Русское дело. (Иркутск). 1919. 30 декабря.

Их программа // Русское дело. (Иркутск). 1920. 2 января.

Статьи в «Нашей газете» (Омск) (до 2 января 1920 г.).

Статьи в «Бюллетенях «Русского дела» (Омск) (до 3 января 1920 г.).

В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. 82 с.; США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Перелом // Вестник Маньчжурии. (Харбин). 1920. 1 февраля; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 3–5; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 3–5; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Интервенция // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 24 февраля; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно. 1920. С. 6–8; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь. 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 6–8; В

борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Адмирал Колчак // Вестник Маньчжурии. (Харбин). 1920. 7 марта; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 75–78; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Перспективы // Новости Жизни. 1920. 18 марта; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 9 —14; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Союзники и мы // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 20 апреля; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 15–17; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

О верности себе // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 4 мая; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 18–23; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 9 —14; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Старый спор // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 18 мая; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 24–29; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Patriotica // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 17 июня; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 30–36; Смена вех: Сборник статей. Прага: Логос, типография «Политика», июль 1921 / Тверь, 1922

/ Смоленск, 1922 (частично); В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Япония и мы // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 27 июля; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 37–42; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Два страха // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 13 августа; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 43–48; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Логика национализма // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 22 августа; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 49–55; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Врангель // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 15 сентября; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 56–63; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 15–21; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Зеленый шум // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 25 сентября; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 64–70; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Смущенные сердца // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 12 октября; В борьбе за Россию: Сборник статей. Харбин: Окно, 1920. С. 71–74; В борьбе за Россию: Сборник статей. США: «Оранж», «Антиквар», 1987.

Лик века сего // Окно. (Харбин). 1920. Ноябрь. № 1; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 292–298.

Трагедия правды. (Памяти Л. Н. Толстого, как социального философа) // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 21 ноября; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 324–328.

Над бездной // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 17 марта; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 22–26.

Перерождение большевизма // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 6 апреля; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 27–32.

Вера или слова? («Царство зверя» г. Мережковского) // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 20 апреля; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 312–319.

Наша генеалогия. (По поводу статьи А. В. Карташева) // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 15 мая; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е

пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 33–35.

«Редиска» // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 22 мая; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 36–40.

Путь Термидора // Новости Жизни. (Харбин). 1921. Июнь; Смена вех: Сборник статей. Прага: Логос, типография «Политика», 1921 / Тверь, 1922 / Смоленск, 1922; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 41–46.

Patriotica // Смена вех: Сборник статей. Прага: Логос, типография «Политика», 1921. С. 52–71. / Тверь, 1922. / Смоленск, 1922.

Вперед от Вех! // Смена вех: Сборник статей. Прага: Логос, типография «Политика», 1921 / Тверь, 1922 / Смоленск, 1922 (частично); Новости Жизни. (Харбин). 1922. 7 января; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 85–90.

Национал-большевизм. (Ответ П. Б. Струве) // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 18 сентября; Смена вех. (Париж). 1921. 12 ноября. № 3. С. 13–16; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 47–53.

Две реакции // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 5 октября. № 219; Смена вех. (Париж). 1921. 19 ноября. № 4. С. 8 —11; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 54–60.

Проблема «возвращения» // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 20 октября; Смена вех. (Париж). 1922. 7 января. № 11. С. 10–12; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 61–66.

Фрагменты. (О разуме права и праве истории) // Смена вех. (Париж). 1921. 29 октября. № 1. С. 6–8; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 283–291 (частично).

Сумерки революции. (К четырехлетнему юбилею) // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 7 ноября; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 67–69.

Интеллигенция в революции // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 4 ноября; Духовные предпосылки революции, Смена вех. (Париж). 1921. 24 декабря. № 9. С. 14–17; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 248–255.

Из записной книжки 1920 года // Новости Жизни. (Харбин). 1920. 28 ноября; «Новости Жизни. (Харбин). 1921. 1 января; Новости Жизни. (Харбин). 1921. 8 марта; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 394–403.

«Вехи» и революция // Новости Жизни. (Харбин). 1921. Ноябрь; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 70–73.

Эволюция и тактика // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 20 ноября; Смена вех. (Париж). 1922. 21 января. № 13. С. 17–19; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 74–77.

Три «борьбы» // Новости Жизни. (Харбин). 1921. 27 ноября; Смена вех. (Париж). 1922. 11 февраля. № 16. С. 10–13; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 78–84.

Религия революции. (Владимир Маяковский) // Окно. (Харбин). 1920. Декабрь; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 299–311.

Народ в революции // Новости Жизни. (Харбин). 1922. 29 января; Накануне. (Берлин). № 1;

Интеллигенция и народ в русской революции, Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Интеллигенция и народ в русской революции // Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 255–262.

Смысл встречи. (Небольшевистская интеллигенция и советская власть) // Новости Жизни. (Харбин). 1922. 12 февраля; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 91–98.

Пророческий бред. (Герцен в свете русской революции) // Смена вех. (Париж). 1922. 25 февраля. № 18. С. 10–16; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 336–345.

Чрезвычайка. (Некролог) // Новости Жизни. (Харбин). 1922. 5 марта; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 99 – 105.

Друзьям слева // Новости Жизни. (Харбин). 1922. 26 марта; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 106–110.

Памяти В. Д. Набокова // Новости Жизни. (Харбин). 1922. 30 марта; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925. С. 86–87.

Потерянная и возвращенная Россия. (Передовая) // Русская Жизнь. Альманах. (Харбин). 1922. 20 мая. № 1; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 111–116.

Логика революции // Русская Жизнь: Альманах. (Харбин). 1922. Июль. № 2; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 117–127.

Ignis sanat // Русская Жизнь: Альманах. (Харбин). 1922. Октябрь. № 3; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 128–131.

Из прошлого. (Л. А. Кроль. За три года. Владивосток, 1922) // Русская Жизнь: Альманах. (Харбин). 1922. Октябрь. № 3; Приложение, Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925. С. 195–225.

Старорежимным радикалам // Новости Жизни. (Харбин). 1922. 1 октября; Накануне. (Берлин). 1922. 13 ноября. № 185; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 263–267.

О «будущей России». (К вопросу о «самоопределении» сменовеховцев) // Новости Жизни. (Харбин). 1922. 11 октября; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под

знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 132–135.

Годовщина // Новости Жизни. (Харбин). 1922. 7 ноября (25 октября); Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 136–138.

Обмирщение // Новости Жизни. (Харбин). 1922. 10 декабря; Дискуссионная кафедра, «Россия», М.; Пг., 1923. Май – Июнь. № 9. С. 14–17; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 139–146.

Перспективы примирения // Накануне. (Берлин). 1922. № 42.

Основной «базис» // Новости Жизни. (Харбин). 1923. 1 апреля; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 147–150.

Русская звезда. (Отрывок из дневника) // Новости Жизни. (Харбин). 1923. 8 апреля; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 320–323.

12-й Съезд // Новости Жизни. (Харбин). 1923. 10 июля; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е

пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 151–158.

Генерал Пепеляев. (Из личных воспоминаний) // Новости Жизни. (Харбин). 1923. 12 июля; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925. С. 132–135.

Ответ налево. (О лояльном сотрудничестве и Новой России) // Новости Жизни. (Харбин). 1923. 7 октября; Под знаком революции: Сборник статей.

Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 159–167.

О нашей идеологии // Русская Жизнь. (Харбин). 1923. Октябрь. № 4; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 168–178.

Шестой Октябрь // Новости Жизни. (Харбин). 1923. 7 ноября; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 267–272.

Россия в поэзии Ал. Блока // Сунгарийские Вечера. (Харбин). 1923. № 1; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 346–356.

К модной теме о «кризисе демократии». (Фрагменты) // Новости Жизни. (Харбин). 1924. 10 января; Накануне. (Берлин). 1924. 21 февраля. № 43; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская

жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 272–277.

Ленин // Новости Жизни. (Харбин). 1924. 24 января; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 243–244.

Спорная аксиома. (По поводу возражения. А. Витлина на мою трактовку проблемы демократии) // Новости Жизни. (Харбин). 1924. 29 января; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 278–282.

13-й Съезд // Новости Жизни. (Харбин). 1924. Июль; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 179–183.

Юбилей смерти // Новости Жизни. (Харбин). 1924. 1 августа; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 357–358.

Семь лет. (Фрагменты юбилейных размышлений) // Новости Жизни. (Харбин). 1924. 7 ноября; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 184–188.

Основной вопрос // Новости Жизни. (Харбин). 1924. 7 декабря; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 189–191.

Судьба Европы // Россия. (Москва). 1924. № 3(12). С. 121–132.; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 358–368.

Сменовехизм // Новости Жизни. (Харбин). 1925. 4 января; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 192–196.

Кремлевский фантаст // Новости Жизни. (Харбин). 1925. 21 января; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Памяти В. И. Ленина / Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 245–247.

Медный всадник. Фрагменты мыслей – к двухсотлетию смерти Петра Великого // Новости Жизни. (Харбин). 1925. 15 февраля; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Памяти В. И. Ленина, Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 369–373.

Россия на Дальнем Востоке // Вестник Маньчжурии. (Харбин). 1925. Февраль. № 1–2; Под знаком революции:

Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925. С. 173–184.

Февральская революция. (К восьмилетнему юбилею) // Вестник Маньчжурии. (Харбин). 1925. Март; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 204–208.

«Гетерогения целей» // Новости Жизни. (Харбин). 1925. 19 апреля; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 197–198.

Обогащайтесь // Новости Жизни. (Харбин). 1925. 5 июня; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 209–211.

Национализация Октября. (К восьмой годовщине) // Новости Жизни. (Харбин). 1925. 7 ноября; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 212–218.

Пестель. (К столетию 14 декабря) // Новости Жизни. (Харбин). 1925. 27 декабря; Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 329–335.

Политическая доктрина славянофильства. Харбин, 1925 (отдельный оттиск); Высшая школа в Харбине, Известия Юридического факультета. Т. 1. Харбин. Типография Китайско-Восточной железной дороги, 1925. С. 47–74.

Под знаком революции: Сборник статей. Харбин: Русская жизнь, 1925.

Предисловие к первому изданию. (Харбин, 18 июня 1925 г.). 1. Национал– большевизм (статьи политические). 2. Русские думы (очерки философии эпохи).

Вперед от Ленина // Новости Жизни. (Харбин). 1926. 22 января; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 219–221.

14-й Съезд // Новости Жизни. (Харбин). 1926. 21 февраля; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 222–232.

Кризис ВКП // Новости Жизни. (Харбин). 1926. 19 октября; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 233–240.

О фундаменте этики (Этико-философский этюд). Харбин, 1926, отдельный оттиск; Высшая школа в Харбине, Известия Юридического Факультета. Т. 1. Харбин: Типография «Заря», 1926. С. 267–292.

Россия (у окна вагона), Харбин: Типография Китайско-Восточной железной дороги, 1926. 53 с.; Очерк

// Новая Россия. (Москва). 1926. № 2–3; Вестник Маньчжурии. (Харбин). 1926. Февраль – Март. № 1–2.

Крушение в тайге (Очерк) // Новости жизни. 1926. 29 марта.

Оппортунизм // Новости Жизни. (Харбин). 1927. 7 января; Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 199–203.

О разуме права и праве истории // Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 283–291.

Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. 415 с.

Из записной книжки 1926 – 27 годов // Под знаком революции (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 403–415.

О русской нации // Под знаком революции» (2-е пересмотренное и дополненное издание). Харбин: Типография «ПОЛИГРАФ», 1927. С. 374–393; Vseslavenski Zbomik. Zagreb. 1930.

Иркутск – Харбин // Новости Жизни. (Харбин). 1927.

Этика Шопенгауэра, Харбин: Типография «Заря», 1927, отдельный оттиск; Высшая школа в Харбине, Известия Юридического факультета. Т. 4. Харбин: Типография «Заря», 1927. С. 235–283.

Итальянский фашизм, Харбин: Типо-литогр. Л. Абрамовича, 1928; Высшая школа в Харбине, Известия юридического Факультета. Т. 5. Харбин: Типо-литогр.

Л. Абрамовича, 1928. С. 29—200; М.: Вузовская книга, 1999. 192 с.

Hic Rohdus, hic salta! Харбин. Март 1929. 14 с.

Две веры. (Социально-философский фрагмент) // Юридический факультет Высшей школы в Харбине, «День Юриста», 1929; Наше время: Сборник статей. Шанхай, 1934. С. 164–175.

О политическом идеале Платона. Харбин: Отделение типографии КВЖД, 1929, отдельный оттиск; Высшая школа в Харбине, Известия Юридического факультета. Т. 7. Харбин: Отделение типографии КВЖД, 1929. С. 145–190.

Проблема Пан-Европы (Автореферат о книге: *R. N. Coudenhove-Kalergi*. «Kampf um Paneuropa». Bd. I. 1925; Bd. II. 1926. «Krise der Weltanschauung». 1924. «Held oder Heiliger». 1927. Paneuropa Verlag, Wien-Paris-Leipzig). Харбин: Отделение типографии КВЖД, 1929 (отдельный оттиск); Высшая школа в Харбине, Известия Юридического факультета. Т. 7. Харбин: Отделение типографии КВЖД, 1929. С. 432–448.

На новом этапе // Герольд Харбина. (Харбин). 1930. 1–6 апреля; На новом этапе (2-е дополненное издание). Шанхай, 1930. С. 3 – 32.

С того берега // Герольд Харбина. (Харбин). 1930. 14 и 15 июня; На новом этапе (2-е дополненное издание). Шанхай, 1930. С. 33–43.

На новом этапе (2-е дополненное издание). Шанхай, 1930. 43 с.

Предисловие ко второму изданию. (Харбин, 20 июня. 1930 года.). С. 1.

О революционном тягле // Утро. (Тяньцзинь). 1931. 17 мая; От НЭПа к советскому социализму. Шанхай, 1934, отдельный оттиск. С. 50–57; Наше время: Сборник статей. Шанхай, 1934. С. 50–57.

О советской нации // Утро. (Тяньцзинь). 1931. 24 мая; От НЭПа к советскому социализму. Шанхай, 1934, отдельный оттиск. С. 29–42; Наше время: Сборник статей. Шанхай, 1934. С. 29–42.

Проблема прогресса. Харбин, 1931. 38 с., отдельный оттиск; Высшая школа в Харбине, Известия Юридического факультета, юбилейный (1920–1930) девятый том. Харбин: Художественная типография, 1931. С. 33–70; М., 1998. 49 с.

Н. Н. Алексеев. Теория государства. 1931 г. Высшая школа в Харбине, Известия Юридического факультета, юбилейный (1920–1930) том. Харбин: Художественная типография, 1931. С. 302–307.

Понятие государства. Харбин, 1931, отдельный оттиск; Вестник китайского права. Вып. 1. Харбин, 1931. С. 11–23.

Элементы государства. Харбин, 1932, отдельный оттиск; Вестник китайского права. Вып. 2. Харбин, 1931. С. 1–26.

Новый Град // Герольд Харбина. (Харбин). 1932. 13, 14 и 16 октября; Наше время: Сборник статей. Шанхай, 1934. С. 116–142.

Зарубежная смена // Утверждения. 1932. Октябрь. № 3. С. 107–118.

Германский национал-социализм. Харбин: Типография Н. Е. Чинарева, 1933. 86 с., отдельный

оттиск; Высшая школа в Харбине, Известия Юридического факультета. Т. 10. Харбин: Типография Н. Е. Чинарева, 1933. С. 273–358.

Из письма // Вселенское дело. Вып. 2. Рига, 1934. С. 162–166; Новый журнал. (Нью-Йорк). 1986. Кн. 164. С. 161–166.

От НЭПа к советскому социализму. Шанхай, 1934. 57 с. отдельный оттиск.

После 17 съезда // От НЭПа к советскому социализму. Шанхай, 1934, отдельный оттиск. С. 1 —11; Наше время: Сборник статей. Шанхай, 1934. С. 1—11.

Сдвиги П. Н. Милюкова // От НЭПа к советскому социализму. Шанхай, 1934, отдельный оттиск. С. 12–19; Наше время: Сборник статей. Шанхай, 1934. С. 12–19.

Бесклассовое общество // От НЭПа к советскому социализму. Шанхай, 1934, отдельный оттиск. С. 20–28; Наше время: Сборник статей. Шанхай, 1934. С. 20–28.

Пятнадцать. (Фрагменты юбилейных размышлений) // От НЭПа к советскому социализму. Шанхай, 1934, отдельный оттиск. С. 43–49; Наше время: Сборник статей. Шанхай, 1934. С. 43–49.

Наше время: Сборник статей). Шанхай, 1934. 202 с.

Хлеб и вера // Наше время: Сборник статей. Шанхай, 1934. С. 143–163; Элементы. М.: Арктогея, 1997. № 8 (частично).

Документ мирового резонанса // Правда. 1936. 15 июня. С. 2.

Самопознание социализма // Известия. 1936. 14 декабря.

Гений веков // Известия. 1937. 10 февраля.

Революционер-демократ // Известия. 1937.
6 апреля.

Агурский М. Переписка И. Лежнева и Н. Устрялова // Slavica Hierosolymitana. 1981. Vol. V–VI.

Устрялов Н. В. Белый Омск: Дневник колчаковца // Альманах «Русское прошлое. 1991. № 2. СПб.: Изд. советско-американского СП «Свелен». С. 283–338.

Устрялов Н. В. 19-й год // Альманах «Русское прошлое. 1993. № 4. СПб.: Изд. советско-американского СП «Свелен».

К истории национал-большевизма: Письмо Н. В. Устрялова к П. Б. Струве (1920). (Публикация М. А. Колерова) // Россия и реформы: Сборник статей. Вып. 3. М., 1995. С. 155–158.

Н. В. Устрялов – П. П. Сувчинскому // Элементы. М.: Арктогея, 1997. № 8.

Политическая эмиграция – не наш путь: Письма Н. В. Устрялова Н. Дикому. 1930–1935 гг. (Публикация О. А. Воробьева) // Исторический архив. (Москва). 1999. № 1. С. 200–211; № 2. С. 92–126; № 3. С. 107–166.

Не остановиться ли? Из переписки Н. В. Устрялова и княгини Л. В. Голицыной. 1920–1922 гг. (Публикация О. А. Воробьева) // Грани. Москва, 1999. № 192. С. 207–227.

Служить Родине приходится костями: Дневник Н. В. Устрялова 1935–1937 гг. (Публикация И. Кондаковой) // Источник. (Москва). 1998. № 5–6. С. 3–100; [Рецензия: *Быстрянцева Л.* Исправляем ошибки // Источник. (Москва). 1999. № 6. С. 88–91.]

Национал-большевизм. М.: Эксмо, 2003. 656 с.

Л и т е р а т у р а:

Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Он же. The Third Rome. National Bolshevism. Boulder, 1987; Он же. У истоков национал-большевизма // М и н у в ш е е. В ы п. 4. М., 1991; К в а к и н А. В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа: 1921–1927. Саратов, 1991; Кондратьева Т. Большевики-якобинцы и призрак термидора. М, 1993. Hardeman, Hilde. Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.

Ухтомский Николай Александрович – князь, журналист. В Харбине был близок к Белому движению. В начале 1920-х годов. переехал из Харбина в Берлин, где сотрудничал в газете «Накануне». В 1929 г. вернулся из Берлина в Харбин, где сотрудничал в белой прессе. Был близок к кругу сторонников Н. В. Устрялова, хотя последний характеризовал его как человека достаточно поверхностного, крайне импульсивного и ненадежного.

Федоров Михаил Михайлович (1858–1946) – правовед, издатель, общественный деятель, в эмиграции с 1920 г., жил во Франции.

Филиппович Николай (1840–1926) – российский дипломат.

Философов Дмитрий Владимирович (1872–1940) – публицист. В эмиграции – один из руководителей Народного союза защиты Родины и свободы, руководитель его варшавского отдела и редактор газеты «За свободу» в 1921–1932 гг.

Флоровский Георгий Васильевич (отец Георгий) (1893–1979) – богослов, историк церкви, философ, публицист. В эмиграции с 1920 г., один из основоположников евразийства, затем отошел от него и резко критиковал.

Франк Семен Людвигович (1877–1950) – философ, общественный деятель, в эмиграции с 1922 г.

Хвостов Вениамин Михайлович (1868–1920) – юрист, профессор Московского университета по кафедре римского права.

Ходасевич Владислав Фелицианович (1886–1939) – поэт, выслан, умер в эмиграции.

Цуриков Николай Александрович (1886–1957) – публицист, общественный деятель, активист антибольшевистского движения. С 1920 г. в эмиграции, сотрудничал в газетах «Возрождение», «Россия и славянство» и др. Друг юности Н. В. Устрялова, резко критиковал его в своих эмигрантских статьях.

Чахотин Сергей Сергеевич (1883, Константинополь – 1974, Москва) – известный общественный деятель, крупный ученый-микробиолог, профессор, ученик академика И. П. Павлова, популярный публицист, кадет. В период Гражданской войны с лета 1918 г. руководил Осведомительным агентством (Осваг) Добровольческой армии генерала М. В. Алексеева, а затем в 1918–1919 гг. работал у Верховного правителя Российского государства адмирала А. В. Колчака. С 1920 г. – в эмиграции, где примкнул к сложному общественно-политическому течению «сменовеховство». Был одним из авторов известного сборника «Смена вех» (Прага, 1921), сотрудничал в сменовеховских изданиях – журнале «Смена вех» (Париж, 1921–1922) и ежедневной

газете «Накануне» (Берлин, 1922–1924). Сменовеховские идеи С. С. Чахотина базировались на убеждении, что нет реальной политической силы, которая сможет сменить большевиков. С. С. Чахотин называл эти российские политические партии «трупам», обломки которых «по сию пору, сидя давно за границей, не могут перестать грызться между собой на потеху всего мира». Поэтому единственно возможным путем развития, альтернативным большевизму, он считал синтез различных политических и экономических систем. При этом важная роль в модели С. С. Чахотина отводилась идеальной научной организации труда. В феврале 1923 г. вышла в свет его книга «Организация. Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике», где обобщались последние достижения западных ученых по вопросам научной организации труда и эффективности производства. А в 1924 г. Наркомат рабоче-крестьянской инспекции опубликовал еще одну работу С. С. Чахотина – «Европейская литература по НОТ». Автор отмечал, что перед страной стоит грандиозная задача быстрого восстановления своих сил в трудных условиях после экономической катастрофы, но это может нам удастся только при рациональной организации всей хозяйственной, государственной и общественной жизни. В целях повышения производительности труда С. С. Чахотин предлагал использовать на советских предприятиях систему организации труда Фредерика Тейлора, которая способствует «достижению в кратчайший срок с минимальными затратами энергии намеченной цели». С. С. Чахотин на много десятилетий опередил советскую экономическую мысль в попытках «улучшить социализм» за счет материальной заинтересованности трудящихся и

экономического стимулирования труда. Поэтому успех его книг в 1920-е годы был очевиден, они выдержали переиздания. Через эти экономические, а не политические и уж тем более не военные мероприятия он надеялся добиться корректировки курса большевиков и превращения России в великое, процветающее государство, центр нового мирового сообщества – 3-го Интернационала. Подобные взгляды во многом предопределили то, что в 1920-х годах С. С. Чахотин был приглашен наркомом внешней торговли РСФСР Л. Б. Красиным возглавить отдел советского торгового представительства в Берлине. Кроме того, в 1923 г. он был командирован в Женеву на суд убийц генерального секретаря советской делегации на Лозаннской конференции по вопросам Ближнего Востока (20 ноября 1922 г. – 24 июля 1923 г.) В. В. Воровского, белоэмигрантов Конради и Полунина, в качестве общественного обвинителя. Но только организаторская и общественная деятельность не удовлетворяла С. С. Чахотина. Будучи крупным ученым, биологом-экспериментатором, он отдается научным исследованиям. С разрешения советского правительства, как имеющий советское подданство, он переехал в 1932 г. в Италию, а затем вновь вернулся в Германию. В годы Второй мировой войны принял активное участие во французском движении Сопротивления, стал одним из первых организаторов всемирного движения ученых, борющихся за мир. После освобождения Франции от гитлеровского фашизма он работал в рамках французской организации интеллектуалов «Science-Action-Liberation» в качестве генерального секретаря в Париже. Занимался организацией конференций, публицистикой и пропагандой методов

изучения экономической, политической, социальной и культурной жизни. В 1944 г. принял советское гражданство. С конца 1940-х гг. жил в СССР. Стал старейшим членом Академии биологических наук. До 1970-х годов работал в Институте биофизики Академии наук СССР под Москвой. **Сочинения:** *Европейская литература по НОТ. М., 1924; Организация. Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике. М.; Пг, 1924. Литература:* Агурский М. *Идеология национал-большевизма. Париж, 1980; Афанасьев А. «Полынь в чужих полях». М, 1987; Федюкин С. А. Великий Октябрь и интеллигенция. М, 1972; Шкаренков А. К. Агония белой эмиграции. М, 1986.*

Черемисов Владимир Андреевич (1871 – после 1937) – генерал от инфантерии, эмигрант.

Черкасская Марианна Борисовна (1876–1934) – певица, с 1900 г. артистка Мариинского театра, с 1919 г. в эмиграции в Латвии.

Чернов Виктор Михайлович (19 ноября 1873, г. Камышин – 15 апреля 1952, Нью-Йорк). После окончания гимназии поступил на юридический факультет Московского университета. Начал революционную деятельность в конце 1880-х годов в народнических кружках Москвы. Активную политическую деятельность начал в 1893 г. в рядах партии «Народное право», образованной из этих кружков («социал-революционной партии Народного правительства» – промежуточного образования между партией «Народная воля» и партией социалистов– революционеров). В 1894 г. арестован по делу «народоправцев», исключен из университета, 8 месяцев провел в Петропавловской крепости, выслан на 3 года в Тамбов, где начал публикаторскую

деятельность, участвовал в создании одной из первых организаций крестьян в России – «Крестьянское братство». Эмигрировал в 1899 г., занимался разработкой «аграрной теории». Один из основателей в 1900 г. «Аграрно-социалистической лиги». В результате ее слияния с «Южной партией социалистов-революционеров» и «Северным союзом социалистов-революционеров» в конце 1901 г. – начале 1902 г. образовалась партия социалистов-революционеров (ПСР). Чернов был бессменным членом ее Центрального комитета (ЦК). В 1902 г. возглавил газету «Революционная Россия», вскоре ставшую центральным органом (ЦО) ПСР, занял в ней положение ведущего идеолога и теоретика. В 1905 г. вернулся в Россию. На I съезде ПСР (декабрь 1905 г. – январь 1906 г.) неудачно пытался предотвратить раскол и примирить правую группу – либеральных народников и левую группу, близкую к анархистам. Центристская позиция Чернова была характерна для всей его политической деятельности. Съезд принял его программу, центральным пунктом которой были «социализация земли», то есть обращение ее в народную собственность с последующим распределением на основах уравнительного землепользования, демократическая республика, введение рабочего законодательства, восьмичасового рабочего дня. Эмигрировал в 1908 г. после неудачи попыток в 1905–1907 гг. свергнуть самодержавие. Был редактором печатного органа эсеров «Знамя Труда». Отстаивал применение тактики индивидуального террора и выступал за сохранение ее в арсенале партии. В годы Первой мировой войны занимал колеблющуюся позицию между интернациональной и оборонческой, но склонился

к первой, участвовал на Циммервальдской и Кинтальской международных конференциях интернационалистов 1915-го и 1916 гг. Выдвинул теорию: «Через революцию в отдельной стране – к революционному кризису общеевропейского масштаба и значения». Анализируя причины краха 2-го Интернационала, доказывал, что его воссоздание на старой основе невозможно, но на разрыв с «социал-шовинистами» не шел, за что подвергался критике как справа, так и слева. После февральских событий 1917 г. пытался выехать в Россию через Англию, но был выдворен английским правительством во Францию. 8 апреля 1917 г. вместе с Савинковым и Авксентьевым приехал в Петроград. Призвал к объединению всех «народнических групп и партий», к воссозданию Интернационала. Развернул активную политическую деятельность, в апреле 1917 г. избран в Совет ПСР, участвовал на митингах, в Совете рабочих и солдатских депутатов (РСД), в редакции ЦО ПСР – газеты «Дело Народа». Считал необходимым, исходя из характера Февральской революции, поддержать буржуазное Временное правительство. 5 мая 1917 г. вошел в коалиционное правительство Керенского министром земледелия и сразу стал подвергаться яростным нападкам со стороны правых и кадетов за свое «пораженчество». Обещал провести крестьянскую реформу, запретить куплю-продажу земли. Выступал против самовольного, в том числе организованного, захвата крестьянами земли, избран в исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов (КСД). В своей деятельности он опирался на Главный земельный комитет, образованный Временным правительством для общего руководства по проведению земельной реформы, но встретил противодействие правых сил, выступивших

против радикальных аграрных преобразований, в первую очередь против раздела помещичьих земель и запрещения земельных сделок. В руководстве ПСР и РСДРП «за бездействие» подвергся критике. На III съезде ПСР в мае – июне 1917 г. в Москве утверждал, что в ближайшее время все перемены в истории будут проходить «под знаменем партии социалистов-революционеров». Основным двигателем революции в России называл «рост правосознания рабочих, трудовых масс в России». Доказывал, что страна стоит перед катастрофой, развивающейся из экономического, продовольственного, финансового кризиса, и видел из него выход в развитии всей хозяйственной жизни «под знаком кооперативизма и коллективизма», тем самым оказывая содействие «революционизированию демократии Запада». Говорил об отсутствии в современном буржуазном обществе классов, «способных созидать социализм». В это время, склонившись к «оборончеству», обосновывал это тем, что в развязывании войны был повинен только царизм. Но с его свержением характер войны изменился, Россия освободилась от захватнических иллюзий и выступает в лице Временного правительства за «демократический мир». Поддерживал наступательную стратегию на фронте в 1917 г. Выступал за равноправие наций, за наделение «полным суверенитетом отдельных единиц». Выступал за «Соединенные Штаты России», представляющие, по его мысли, федерацию, в которой «все народы – братья» будут вырабатывать свои национальные органы самоуправления, высказывая в них «свою трудовую волю», что должно быть санкционировано Учредительным собранием. Призывал начать экономический и социальный подъем с деревни.

Земельная реформа, по его мнению, должна была составлять фундамент всех преобразований. На I Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г. заявил о необходимости упорядочения революционной стихии, чтобы продолжить «нормальную организационную творческую работу». Выступал против отстранения буржуазии от преобразований. Критиковал за это большевиков, которые тем самым, по его мнению, уменьшали базу революции. Рисую перспективы революции, видел либо мировой, удачный ее вариант, либо ей «грозит опасность задохнуться в этих узких (российских), ограниченных рамках». Чернов в это время высказывался за создание сильной армии как фактора внутренней и международной политики, против сепаратного мира с Германией и ее союзниками, главной задачей политики по отношению к союзникам считал «облегчить действие социальных демократий этих стран». В конце июня 1917 г. пошел на компромисс с кадетами, заявив, что «согласен принять текст законопроекта о купле-продаже земли, но с согласия на каждую земельную сделку лишь государственных органов, ведающих вопросами сельского хозяйства или местного земельного комитета», но принятие этого закона затянулось до 12 июля 1917 г. На это не соглашался Львов, что во многом послужило причиной возникновения правительственного кризиса и последующего ухода Чернова в отставку после июльских событий 1917 г., во время которых его пытались арестовать кронштадтские матросы, обвинившие его в потворстве кадетам, но он был освобожден Троцким, назвавшим Чернова «случайным человеком». Кадетская печать развернула против него кампанию. Еще 20 июля 1917 г. Чернов подал в отставку, потребовав

расследования своей деятельности, но ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполком Всероссийского Совета крестьянских депутатов выразили ему свое доверие. В конце июля 1917 г. он был выдвинут кандидатом, а в ноябре того же года избран членом Учредительного собрания по списку партии социалистов-революционеров. 26 августа 1917 г., в начале корниловского выступления, он вышел из Временного правительства. На заседании ВЦИК Советов рабочих и солдатских депутатов и исполкома Всероссийского Совета крестьянских депутатов в ночь на 2 сентября 1917 г. выступил против предложения большевиков взять совместно власть в свои руки. После создания 24 сентября 1917 г. 3-го коалиционного правительства Чернов резко критиковал «демократию за разрушительность, болтливость и неспособность что-либо качественно сделать». Он обвинил «демократию» во «властибоязни», что разочаровывает в ней народ, уступках кадетам, которые диктуют свои условия, а блок с ними назвал нереальным и вредным. Предсказывал приход большевиков к власти. Октябрьскую революцию 1917 г. «категорически не принял». 25 октября на съезде крестьянских депутатов Западного фронта призвал к борьбе против большевиков. Но антисоветская резолюция съездом поддержана не была. Был одним из организаторов 26 октября 1917 г. «Комитета спасения Родины и Революции», вошел в его военно-организационную комиссию. Участвовал в обеспечении похода Краснова – Керенского из Гатчины на Петроград и восстания юнкеров 29 октября 1917 г. Прибыл 27 октября 1917 г. в Псков за военной помощью, просил Ставку прислать на помощь «надежные части». В ноябре 1917 г. в Ставке с 4 по 11 ноября 1917 г. вместе с

Авксентьевым вел переговоры с большевиками о создании единого «общесоциалистического правительства», которые провалились. В конце ноября 1917 г. Чернов вошел в «Союз защиты Учредительного собрания». На IV экстренном съезде партии социалистов-революционеров (26 ноября – 5 декабря 1917 г.) ярко выступил с призывом оказать противодействие большевикам, узурпировавшим власть, и с критикой их преобразований, которые, по его мнению, могли быть осуществлены лишь Учредительным собранием. 5 января 1918 г. Чернов был избран председателем Учредительного собрания, разогнанного большевистским Всероссийским Исполнительным комитетом. Выступал против сепаратного мира с Германией. Считал мир возможным лишь созывом всех социалистов разных стран и единым решением их об окончании боевых действий. Выступил за постепенный переход средств производства в руки рабочих. На голосование в Учредительном собрании ему удалось поставить только 10 пунктов своего законопроекта, так как заседание было прервано большевиками. Участвовал в подготовке по превращению демонстрации в поддержку Учредительного собрания в восстание против советской власти, но выступление было подавлено «на мирном этапе» своего развития. После этого некоторое время находился в Москве. После VIII съезда партии социалистов-революционеров в мае 1918 г., принявшего решение о «ликвидации большевистской власти», выехал в Самару, куда прибыл в июле 1918 г., где принимал активное участие в организации власти Комуча в период действий чешской и эсеровской армий летом – осенью 1918 г. на Восточном фронте, возглавлял съезд членов Учредительного собрания. Участвовал в Уфимском

государственном совещании в сентябре 1918 г. Своим прибытием, по общему мнению офицерства, лишь снизил боеспособность антибольшевистских сил. Считался в среде офицеров «хуже Ленина и Троцкого». Осенью 1918 г. находился в Екатеринбурге и в Уфе, куда его перевезли чехи и словаки. После колчаковского переворота 18 ноября 1918 г. пытался бороться на два фронта – против красных и белых. По указанию Колчака арестован в Уфе, но вскоре бежал и уехал за границу (по другой версии, освобожден под давлением чехов и словаков). Выступал против предложения части эсеров о сотрудничестве с Красной армией «против реакции». **П о д д е р ж а л р е ш е н и е п а р т и и социалистов-революционеров** в июне 1919 г. «о прекращении вооруженной борьбы против Советской власти». В 1920 г. выехал в Чехословакию для издания журнала «Революционная Россия», в котором яростно критиковались как «реакция», так и коммунисты. Возглавил заграничную делегацию эсеров, пытался поддержать Кронштадтское восстание 1921 г., восстание крестьян на Тамбовщине. После перехода к НЭПу занял позицию «решительного изживания коммунизма», ставя для этого перед эсерами задачу вхождения в советские фабзавкомы и другие органы. К концу 1920-х годов Чернов постепенно утрачивает влияние среди эмиграции, свидетельством чего стал распад заграничной делегации эсеров. В 1931 г. он переезжает во Францию. Во Второй мировой войне участвовал во французском движении Сопротивления. После освобождения Франции от нацистов уехал в США. Оставил много трудов по философии, политэкономии, истории, социологии: *«Военная реформа»*. Пг, 1917; *«Война и третья сила»*. Женева, 1915; *«Германская социал-демократия на*

*распутье». Пг., 1917; «Записки социалиста-революционера». Берлин; М.; Пг., 1922. Ч. 1; «Земля и право». Пг., 1917; «Интернационал и война». Женева, 1915; «Марксизм и славянство». Пг., 1917; «Наша программа». Пг., 1917; «Основные вопросы пролетарского движения». Пг., 1918; «Перед бурей». Нью-Йорк, 1953; «Рождение новой России». Париж; Прага; Нью-Йорк, 1934; «Сквозь туман грядущего». Пг., 1917; *Собрание сочинений. Пг., 1917. Т. 1–2.**

Чернов Захар Александрович (? —1925) – капитан лейб-гвардии 2-го стрелкового полка. В Добровольческой армии: в декабре 1917 г. командир 1-й офицерской роты, в январе 1918 г. – командир роты отряда полковника Кутепова в боях за Таганрог. Участник 1-го Кубанского («Ледяного») похода – командир 2-й роты Офицерского (Марковского) полка. Во ВСЮР, в октябре 1919 г. начальник пулеметной команды 1-го батальона в Сводно-гвардейском стрелковом полку. Участник Бредовского похода. 20 июля 1920 г. эвакуирован в Югославию, возвратился в Крым. В Русской Армии в 1-м сводно-гвардейском полку до эвакуации Крыма. Полковник. Эвакуирован в Катарро (Югославия) на судне «Истерн– Виктор». В эмиграции в Румынии. Расстрелян большевиками в 1925 г. при переходе границы с особым поручением.

Черячукин Никита Васильевич (1872—19?) – из дворян ВВД, казак станицы Константиновской (Богоявленской) Области войска Донского. Закончил Николаевское кавалерийское училище в 1892 г., кадетский корпус в 1900 г., офицер гвардии, войсковой старшина, воспитатель Воронежского кадетского корпуса. В Донской армии, член Войскового круга, генерал-майор. С ноября 1920 г. во главе группы

беженцев в Румынии, с 19 февраля по 28 марта 1921 г. находился в беженских лагерях в Румынии. К 1930 г. в эмиграции в Болгарии.

Членов С. Б. – юрист и экономист, московский сменовеховец, один из авторов журнала «Смена Вех».

Шатилов Павел Николаевич (1881–1962) – генерал от кавалерии. Закончил Пажеский корпус и Николаевскую академию Генерального штаба в 1908 г. Участник Русско-японской и Первой мировой войн, в 1916 г. – командир Черноморского казачьего полка, закончил войну в должности генерал-квартирмейстера штаба Кавказской армии, генерал-майор. В Добровольческой армии с конца 1918 г. Начальник 1-й конной дивизии, затем командир 4-го конного корпуса. В мае 1919 г. – генерал-лейтенант, с июня – начальник штаба Кавказской армии, с декабря – Добровольческой армии. В начале 1920 г. вместе с генералом Врангелем отчислен и уволен со службы. После избрания генерала Врангеля главкомом назначен его помощником, а июне 1920 г. – начальником штаба Русской Армии, в этой должности оставался до 1922 г. В 1922–1934 гг. – начальник 1-го отдела РОВС во Франции. После похищения генерала Миллера в 1937 г. отошел от активной деятельности. Скончался во Франции, оставил обширные мемуары.

Шевяков Владимир Тимофеевич (1859–1930) – зоолог, член-корреспондент АН СССР.

Ширинский-Шихматов Юрий Алексеевич (1890–1942) – князь, эмигрант, издатель и редактор журнала «Утверждения», председатель Объединения пореволюционных течений, председатель Исполкома

Пореволюционного клуба в Париже. Погиб в нацистском концлагере.

Шмидт Отто Юльевич (1891–1956) – советский ученый и государственный деятель, один из организаторов освоения Северного морского пути, академик, вице-президент Академии наук. В 1918–1921 гг. работал в Наркомпросе, Наркомфине, Наркомприроде. В 1932–1939 гг. – начальник Главсевморпути. Один из основателей БСЭ.

Шпет Густав Густавович (1879–1940) – русский ученый-идеалист, последователь Э. Гуссереля. В 1923–1929 гг. – вице-президент Российской академии художественных наук. Оставил многочисленные труды по герменевтике, философии языка, эстетике, истории русской философии. В 1935 г. он был арестован и выслан в Енисейск, после чего ему было разрешено проживание в Томске.

В 1937 г. он был арестован вторично и «тройкой» НКВД приговорен к 10 годам без права переписки, но в 1940 г. расстрелян.

Штюрмер Борис Владимирович (1848–1917) – крупный помещик, окончил Петербургский университет. Служил (с 1872 г.) в Сенате и министерстве юстиции. С 1878 г. состоял в министерстве двора и заведовал в течение 15 лет церемониальной частью; в 1892 г. причислен к министерству внутренних дел и назначен председателем Тверской губернской земской управы. С 1894-го по 1902 г. – губернатор в Новгороде и Ярославле, потом, при Плеве, – директор департамента общих дел министерства внутренних дел. В 1904 г. – член Государственного совета. По мнению советских историков, «в течение своей долгой бюрократической

карьеру всегда проявлял себя крайним реакционером и врагом всякого, даже наиболее умеренного, освободительного движения». В Ярославле организовал разгром студенческого движения, а в Твери – фрондировавшего либерального земства. Во время Первой мировой войны, в связи с усилением рабочего движения, нарастанием оппозиционных течений в кругах буржуазии и помещиков, Распутин и императрица выдвинули его в качестве «сильной руки» на пост председателя Совета министров (20 января – 10 ноября 1916 г.). Одновременно состоял министром внутренних дел (3 марта – 7 июля 1916 г.), министром иностранных дел (7 июля – 10 ноября 1916 г.). Его премьерство ознаменовалось новым обострением взаимоотношений правительства и буржуазно-помещичьей общественности, обвинявшей его в германофильстве, подготовке сепаратного мира с Германией и ее союзниками. После февральских событий 1917 г. был заключен в Петропавловскую крепость, где и умер.

Шульгин Василий Витальевич (1878–1976) – политический деятель, публицист, писатель. Закончил юридический факультет Киевского университета. Монархист, один из лидеров правого крыла II–IV Государственных дум. В IV Государственной думе входил в оппозиционный правительству «Прогрессивный блок». Вместе с А. И. Гучковым принимал отречение Николая II. Участвовал в организации Белого движения, возглавлял комиссию по национальным делам в Особом совещании А. И. Деникина, редактировал в Екатеринодаре с конца 1918 г. газету «Россия», затем – «Великая Россия». В конце 1920 г. эмигрировал. В зарубежье сотрудничал в газете «Возрождение». В 1925–1926 гг. совершил нелегальную поездку в СССР по каналам организации

«Трест», по итогам которой издал в эмиграции книгу «Три столицы». В конце 1930-х годов отошел от активной политической деятельности. В 1944 г. арестован Смершем в Югославии, вывезен в СССР, где был заключен во Владимирскую тюрьму. В 1956 г. освобожден. В начале 1960-х годов призывал эмиграцию к сотрудничеству с советской властью. Автор ряда публицистических книг: «Дни», «1920», «Что нам в них не нравится», «Годы», «Опыт Ленина».

Юденич Николай Николаевич (1862–1933) – генерал от инфантерии (1915). В 1881 г. закончил Александровское военное училище, в 1887 г. – Академию Генштаба. В Русско-японской войне командовал полком. С 1912 г. – начальник штаба войск Казанского и Кавказского военных округов. В начале Первой мировой войны был начальником штаба, а с 1915 г. – командующим Кавказской армией. В марте – апреле 1917 г. – командующий Кавказским фронтом. В июле 1919 г. возглавил белогвардейскую Северо-Западную армию, наступающую на Петроград. После провала похода белогвардейцев на Петроград (октябрь– ноябрь 1919 г.) отступил в Эстонию. В 1920 г. эмигрировал в Великобританию. В эмиграции активной политической роли не играл.

Юшкевич Семен Соломонович (1868–1927) – русский писатель. Родился в буржуазной еврейской семье. Начал печататься в 1897 г., в рассказах и повестях изображал жизнь городских окраин, быт еврейской бедноты, национальный гнет («Портной», 1897, «Левка Гем», 1905 и др.). Сочувствие к обездоленным сочетается с критикой существования буржуазии (пьеса «Король», 1906, роман «Леон Дрей» и др.). После революции 1905–1907 г. в его творчестве усилились мотивы

пессимизма (пьеса «Miserere», 1910 и др.). В 1920 г. эмигрировал и опубликовал роман «Эпизоды» (1923).

Яблоновский Александр Александрович (1870–1934) – писатель, эмигрант.

Якоби П. Н. – юрист, писатель, оказывал помощь русским инвалидам в Латвии.

Яковенко Борис Валентинович (1884–1949) – философ, с 1913 г. жил за границей.

Ясинский Всеволод Иванович – инженер железнодорожного транспорта, председатель правления Дома ученых в Москве. В 1922 г. выслан из РСФСР.

Яшнов Евгений Евгеньевич – юрист, профессор, коллега Н. В. Устрялова по Харбинскому юридическому факультету, публицист, сменовеховец.

Яценко Александр Семенович (1877–1934) – юрист, философ, профессор Пермского университета по международному праву, эмигрант, в 1921–1923 гг. – редактор журнала «Русская Книга» (с 1922 г. – «Новая Русская Книга»). По своим взглядам был близок к сменовеховцам.

Примечания

1

Исключение составляет сборник трудов основоположника и главного теоретика российского национал-большевизма Н. В. Устрялова, составленный на основе ранее изданных его публикаций, см.: *Устрялов Н. В.* Национал-большевизм. М., 2003.

2

Здесь и далее написание названий периодических изданий, партий, общественных организаций приведено в соответствие с современными нормами.

3

Квакин А. В. Идеино-политическая дифференциация российской интеллигенции в период нэпа: 1921–1927. Саратов, 1991; *Федюкин С. А.* Борьба с буржуазной идеологией в условиях перехода к нэпу. М., 1977; *Hardeman, Hilde.* Coming to terms the Soviet regime: the «Changing signposts» movement among Russian emigres in the early 1920s. Illinois, 1994.

4

Alexandre Kvachonkine. Histoire d'une manipulation: Les Bolhcheviks et le mouvement emigre «Changegement des Jalons» // Communisme. Paris, 1995, № 42/43/44.

5

Агурский М. Идеология национал-большевизма. Париж, 1980.

6

ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 116. Л. 93.

7

Там же. Л. 98.

8

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 141. Л. 18.

9

ГАРФ. Ф. 5784, Оп. 1. Д. 60. Л. 26.

10

Чернов В. «Отцы» и «дети» // Воля России. 1922. № 5. С. 9.

11

Дневник контрреволюционера. 1923. № 2. С. 30–31.

12

Анархический вестник. 1923. № 1. С. 58.

13

Либединский Ю. Современники. М., 1958. С. 33.

14

ГАРФ. Ф. 5784. Оп. 1. Д. 60. Л. 89.

15

Тимирев С. Н. Воспоминания морского офицера: Балтийский флот во время войны и революции (1914–1918 гг.). Нью-Йорк, 1961. С. 151.

16

Арцыбашев М. П. Записки писателя. Варшава, 1925. Т. 1. С. 48.

17

Там же. С. 49.

18

Степун Ф. Задачи эмиграции // Новый Град. Вып. 2. Париж, 1932. С. 23.

19

ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 116. Л. 63.

20

Чернов В. М. «Отцы» и «дети» // Воля России. 1922. № 5. С. 8–9.

21

Зритель. «Россия осталась в России» // Воля России. 1922. № 3. С. 9.

22

Арцыбашев М. П. Записки писателя. Варшава, 1925. Т. 1. С. 48.

23

Сергей Б-ой (Н. Алексеев). На службе у империализма (Англо-русский конфликт и белая эмиграция). М., 1923. С. 31.

24

Арцыбашев М. П. Указ. соч. Т. 1. С. 49.

25

Члены партии народной свободы.

26

ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 116. Л. 63.

27

См.: *Агурский М.* У истоков национал-большевизма // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1987. Т. 4. С. 141–142.

28

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 211. Л. 5.

29

Бубнов А. Возрождение буржуазной идеологии и задачи агитпропработы // Коммунистическая революция. 1922. № 8. С. 9.

30

А. С. Изгоев о «Смене вех» // Воля России. 1922. № 9. С. 22.

31

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 22. С. 244–246.

32

Агурский М. Указ. соч. // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1987. Т. 4. С. 141–142.

33

Сегал Д. «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее: Исторический альманах. Париж, 1986. Т. 3. С. 184.

34

См.: *Полонский В.* Интеллигенция и революция: Из дневника // Вечерняя звезда. 1918. 11 марта.

35

К нашим читателям // Голос России. 1919. 28 февраля.

36

Голос России. 1919. 14 марта.

37

Голос России. 1920. 2 сентября.

38

Кулагина Г.М, Бочарова З. С. Идеино-политические аспекты возвращенчества (20-е гг.) // Культурное наследие российской эмиграции: 1917–1940. Кн. 1-я. М., 1994. С. 43.

39

Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Vrangeli' collection. Box 110. Folder 110–20.

40

Фонды Русского Заграничного исторического архива в Праге. Межархивный путеводитель. М., 1999. С. 69.

41

Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Box 211. Folder 211. 9.

42

Станкевич В. Б. Воспоминания (1914–1919 гг.). Берлин, 1920. С. 351.

43

Подробнее см.: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры. М., 2000. С. 139–141.

44

Жизнь (Берлин). 1920. № 1. С. 1.

45

Гессен И. В. Годы изгнания: Жизненный отчет. Париж, 1979. С. 34.

46

А. С. Яценко и его журналы в литературной и общественной жизни русского Берлина // Русский Берлин: 1921–1923. По материалам архива

Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Paris, 1983.
Р. 14.

47

Здесь и далее при ссылках на архив Гуверовского института сохраняется написание документов, принятое в архиве.

48

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии: В 6 т. М., 1995–1998.

49

Русское Зарубежье: Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 295.

50

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 2. Folder 2. 17.

51

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia.Box 3. Folder 2. 17.

52

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

53

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

54

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

55

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

56

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 2. 17.

57

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Box 3. Folder 3. 1.

58

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 2.

59

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 3.

60

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

61

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

62

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 6.

63

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 7.

64

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 8.

65

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 9.

66

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 10.

67

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 11.

68

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 12.

69

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 12.

70

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

71

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 11.

72

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

73

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

74

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

75

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

76

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

77

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

78

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

79

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

80

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 4.

81

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 4. С. 184–185.

82

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

83

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

84

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

85

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

86

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

87

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

88

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsioonno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

89

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

90

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

91

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

92

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

93

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

94

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

95

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 5.

96

Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

97

Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

98

Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

99

Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

100

Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

101

Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

102

Путь (Гельсингфорс). 1921. 3 июля. № 109.

103

Путь (Гельсингфорс). 1921. 9 августа. № 140.

104

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 76–77.

105

Путь. (Гельсингфорс). 1921. 9 августа. № 140.

106

Там же.

107

Там же.

108

Там же.

109

Там же.

110

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 77.

111

Путь (Гельсингфорс). 1921. 9 августа. № 140.

112

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 173.

113

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 191.

114

Там же. С. 192.

115

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 9.

116

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitusionno-demokraticeskaja Partia. Box 3. Folder 3. 9.

117

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 198.

118

Там же. С. 278.

119

Там же. С. 278–279.

120

Там же. С. 376.

121

Там же. С. 410.

122

Новые материалы о финансировании изданий «сменовеховцев» – журнала «Смена Вех» (Париж) и газеты «Накануне» (Берлин) – большевиками см.: *Квашонкин А.В, Лившин А. Я.* Послереволюционная Россия (проблемы социально-политической истории 1917–1927 гг.). М., 2000. С. 59–91.

123

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 410.

124

Там же.

125

Там же.

126

Там же. С. 411.

127

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Konstitutsionno-demokraticeskaja Partia Box 1. Folder 1. 9.

128

Протоколы Центрального Комитета и заграничных групп Конституционно-демократической партии... Т. 5. С. 416.

129

Там же.

130

Там же.

131

Там же. С. 417.

132

Там же. С. 436–437.

133

Смена вех. 1922. № 16. С. 11.

134

Там же. № 15. С. 2.

135

Смена вех: Сборник статей. Прага, 1921. С. 134.

136

Там же.

137

Смена вех. 1921. № 3. С. 14.

138

Там же. № 1. С. 1.

139

Смена вех: Сборник статей. С. 38.

140

Там же. С. 53.

141

Там же. С. 53–54.

142

Там же. С. 150.

143

Там же.

144

Там же.

145

Флейшман Л., Хьюз Р., Раевская-Хьюз О. Русский Берлин: 1921–1923. По материалам архива Б. И. Николаевского в Гуверовском институте. Париж, 1983. С. 197.

146

Лежнев И. Г. «Даешь гражданина!»: Письмо из Москвы! // Вестник Маньчжурии. 1925. № 1–2. С. 84.

147

Новая русская книга. 1922. № 3. С. 2.

148

Арцыбашев М. П. Указ. соч. Т. 1. С. 20.

149

Ключников Ю. В. Наш ответ // Смена вех. 1921. № 4. С. 5.

150

Потехин Ю. Борьба за личность // Смена вех. 1921. № 10. С. 10–11.

151

Григорьев М. Русская экономическая проблема // Смена вех. 1921. № 1. С. 12.

152

Лежнев И. Г. Великий синтез // Новая Россия. 1922. № 1. С. 16.

153

Устрялов Н. В. Чрезвычайка // Новости жизни. 1922. 5 марта.

154

Ключников Ю. Из переписки // Смена вех. 1921. № 5. С. 14.

155

Там же.

156

Лукьянов С. Эволюция // Смена вех. 1921. № 5. С. 14.

157

Устрялов Н. Эволюция и тактика // Смена вех. 1922. № 13. С. 18.

158

Григорьев М. Русская экономическая проблема // Смена вех. 1921. № 1. С. 13.

159

Лукьянов С. Эволюция... С. 12.

160

Лежнев И. О Бисмарке и мещанине // Россия. 1922. № 1. С. 11.

161

Григорьев М. Денационализация промышленности // Смена вех. 1921. № 3. С. 6.

162

Там же.

163

Там же.

164

Устрялов Н. Две реакции // Смена вех. 1921. № 4. С. 11.

165

Львов В. Советская власть в борьбе за русскую государственность // Смена вех. 1921. № 5. С. 20.

166

Устрялов Н. Логика революции // *Устрялов Н.* Под знаком революции: Сб. статей. Харбин, 1925. С. 98.

167

Лежнев И. катушка перематывается // Россия. 1923. № 6. С. 12.

168

Он же. Великий синтез // Новая Россия. 1922. № 1. С. 23–24.

169

Устрялов Н. Тринадцатый съезд // *Устрялов Н.* Под знаком революции... С. 156, 158.

170

Частный капитал в народном хозяйстве СССР. М.; Л., 1927. С. 185–186.

171

Швиттау Г. Современное состояние русской кооперации // Экономист. 1922. № 20. С. 15.

172

Литошенко А. Кооперация, социализм и капитализм // Экономист. 1922. № 2. С. 198.

173

Швиттау Г. Указ. соч. С. 17.

174

Там же. С. 15.

175

Григорьев М. О денационализации банков // Смена вех. 1922. № 11. С. 8.

176

Там же. С. 9.

177

Григорьев М. Об оздоровлении русского денежного обращения // Смена вех. 1922. № 13. С. 11.

178

Лежнев И. Смена вех // Новая Россия. 1922. № 1. С. 62.

179

Он же. Катушка перематывается... С. 12.

180

Андрианов С. Третья Россия // Новая Россия. 1922. № 1. С. 5.

181

Устрялов Н. Ответ налево // *Устрялов Н.* Под знаком революции... С. 142.

182

Григорьев М. Государственные тресты // Смена вех. 1922. № 16. С. 10.

183

Андрианов С. Под знаком НЭПа... С. 8.

184

Лукьянов С. Эволюция // Смена вех. 1921. № 5. С. 13.

185

Ключников Ю. Из переписки... С. 15.

186

Лежнев И. Дни нашей жизни // Новая Россия. 1922. № 2. С. 53.

187

Ключников Ю. Девятый съезд Советов // Смена вех. 1922. № 12. С. 9.

188

Потехин Ю. Перед катастрофой // Смена вех. 1921. № 5. С. 16.

189

Устрялов Н. Проблема возвращения // Смена вех. 1922. № 11. С. 11.

190

Григорьев М. Кредит России и старые государственные долги // Смена вех. 1921. № 8. С. 6.

191

Кудрявцев Ф. Россия и Франция // Смена вех. 1921. № 8. С. 16.

192

Там же. № 7. С. 6.

193

Григорьев М. Кредит России... С. 6.

194

Там же.

195

Там же.

196

Там же. С. 7.

197

Кудрявцев Ф. Указ. соч. С. 6.

198

Григорьев М. Кредит России... С. 4.

199

Там же. С. 5.

200

Григорьев М. О денационализации банков // Смена вех. 1922. № 11. С. 8.

201

Хохунова О. И. Борьба Коммунистической партии против идеологии сменовеховства в годы восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.): Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. М., 1967. С. 149.

202

Устрялов Н. Две реакции // Смена вех. 1921. № 4. С. 11.

203

Кудрявцев Ф. После термидора // Смена вех. 1921. № 9. С. 6.

204

Дикий Г. Об иностранном кредите // Россия. 1923. № 7. С. 13.

205

Там же.

206

Там же. С. 13.

207

Ключников Ю. Генуэзская конференция // Смена вех. 1922. № 13. С. 4.

208

Он же. Вашингтон и Москва // Смена вех. 1921. № 2.
С. 5.

209

Там же.

210

Кудрявцев Ф. Гарантии // Смена вех. 1922. № 11. С.
6.

211

Андрианов С. Под знаком НЭПа... С. 6.

212

Стелецкий С. Россия и окраинные государства //
Смена вех. 1921. № 5. С. 18.

213

Там же. С. 13.

214

Андрианов С. Под знаком НЭПа... С. 63.

215

Швиттау Г. Современное состояние русской
кооперации // Смена вех. 1922. № 20. С. 16–17.

216

Григорьев М. Пути русской внешней торговли //
Смена вех. 1921. № 6. С. 4.

217

Там же. С. 5.

218

Там же. С. 6.

219

Там же. С. 5.

220

Чахотин С. С. Организация. Принципы и методы в производстве, торговле, администрации и политике. М.; Пг., 1924. С. 111–112.

221

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 141. Л. 18.

222

Там же. Д. 154. Л. 34.

223

РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 342. Л. 6.

224

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 178. Л. 3.

225

Там же. Д. 211. Л. 71.

226

Цит. по: *Баранов В. И.* Революция и судьба художника: А. Н. Толстой и его путь к социалистическому реализму. М., 1983. С. 131.

227

Там же.

228

См.: *Руль Р.* Жизнь на фукса. М.—Л., 1927. С. 211.

229

Русский Берлин... С. 189.

230

Ашукин Н. Современность в литературе // Новая русская книга. 1922. № 6. С. 5.

231

Цит. по: Русский Берлин... С. 196.

232

Там же. С. 108.

233

Подробнее см.: *Баранов В. И.* Указ. соч. С. 156–157.

234

Цит. по: *Зайцев Б.* Другая Вера («Повесть временных лет») // Новый журнал. Кн. 92. Нью-Йорк, 1968. С. 178.

235

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 211. Л. 28.

236

Там же. Л. 64.

237

Там же. Л. 6.

238

ГАРФ. Ф. 5917. Оп. 1. Д. 116. Л. 67.

239

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 211. Л. 40.

240

Там же. Лл. 37–38.

241

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

242

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

243

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

244

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

245

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

246

Девица (фр.).

247

Дать больше того, что она имеет (фр.).

248

Точный перевод «Закат Запада», но принято переводить «Закат Европы».

249

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

250

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

251

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

252

Кстати, в чем Ваше разногласие с Ключниковым? Это уже для меня вовсе непонятно отсюда! *(Примеч. Н. В. Устрялова.)*

253

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

254

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

255

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

256

Альтшулер – И. Г. Лежнев. *(Примеч. Н. В. Устрялова.)*

257

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

258

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

259

Я совсем не осведомлен о причинах их «возвышения» и мотивах Вашей размолвки с ними и

последующего примирения. Быть может, Вы вкратце меня информируете об этом? *(Примеч. Н. В. Устрялова.)*

260

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

261

Чувствую некоторую вольность пользования здесь терминами субъективный и объективный в применении к отдельной стране и общемировому. *(Примеч. Н. В. Устрялова.)*

262

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

263

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

264

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

265

Другое «Я» *(лат.)*.

Делать хорошую мину *(фр.)*.

266

Конечно, можно осложнить проблему, поставив ее в связь с общемировой конъюнктурой, но я считаю, что

даже и мировая революция (маловероятная в ближайшее время, да и вообще) не спасет Россию от неизбежного экономического процесса. (*Примеч. Н. В. Устрялова.*)

267

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

268

Христианский союз молодых людей, международная христианская организация (основана в 1885 г.).

269

Государственный переворот (*фр.*).

270

Примечание Н. В. Устрялова.

271

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

272

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

273

Coup d'Etat (*фр.*) – государственный переворот.

274

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

275

Речь идет о советском посольстве.

276

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

277

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

278

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

279

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

280

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 11.

281

Русский Берлин... С. 2.

282

Богданов В. «Россия»: Литературно-общественный журнал // Большевик. 1924. № 12–13. С. 115.

283

Федорова О. П. Журнальная публицистика 20-х годов как источник по истории советской интеллигенции. М., 1985. С. 40.

284

РГАЛИ. Ф. 216. Оп. 1. Д. 173. Л. 6.

285

Там же. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 7. Л. 3.

286

Василевский (Не-Буква) И. На перевале // Накануне. 1922. 2 апреля.

287

РГАЛИ. Ф. 2252. Оп. 1. Д. 7. Л. 1.

288

Там же. Л. 4.

289

Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX века: Энциклопедический биографический словарь. М., 1997. С. 295.

290

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 26518. Л. 1. Подлинник. Машинопись.

291

Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1919–1952. Т. 1. 1919–1929. М., 2000.

292

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 233. Л. 2. Копия.

293

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22431.

294

РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 22432.

295

РГАСПИ. Ф. 082. Д. 1. Папка 7. Оп. 5.

296

РГАСПИ. Ф. 082. Оп. 5. Д. 4. Папка 7.

297

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 261.

298

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 280.

299

РГАСПИ. Ф. 082. Оп. 5. Д. 4. Папка 7.

300

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 292. Копия.

301

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 52. Л. 54–55.

302

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 296.

303

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 299.

304

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 306.

305

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 308.

306

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 309. Л. 3 – 12.

307

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 309. Л. 13.

308

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 311. Л. 17. Заверенная машинописная копия.

309

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 273. Л. 1. Заверенная машинописная копия.

310

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 311. Л. 18.

311

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 217. Лл. 26–34.

312

Квашонкин А.В, Лившин А. Я. Указ. Соч. С. 76.

313

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 217. Лл. 21–22.

314

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 4. Д. 9. Л. 30 об.

315

См.: РГАСПИ. Ф. 4. Оп. 1. Д. 142. Л. 119.

316

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 54. Л. 17–20; Оп. 4. Д. 9. Л. 30, оборот.

317

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 217. Л. 39.

318

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 54. Л. 42–43.

319

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 54. Л. 41.

320

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 54. Л. 44.

321

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 54. Л. 45.

322

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 217. Лл. 12–13. Копия.

323

РГАСПИ. Ф. 5. Оп. 2. Д. 217. Лл. 14–19. Копия.

324

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 351.

325

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 377.

326

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 412.

327

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 418.

328

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 441.

329

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 458.

330

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 3.

331

Равич Н.А. Война без фронта. М., 1968. С. 132.

332

Сталин И. В. Политический отчет ЦК XIV съезду ВКП(б). 18 декабря 1925 г. // *Сталин И. В.* Соч. Т. 7. С. 341.

333

РГАСПИ. Ф. 324. Оп. 1. Д. 540. Л. 3.

334

Сталин И. В. Политический отчет ЦК XV съезду ВКП(б). 3 декабря 1927 г. // *Сталин И. В.* Соч. Т. 10. С. 318.

335

Там же.

336

См.: *Осипов В. А.* Газета «Накануне» // Культурное наследие российской эмиграции: 1917—1940-е годы: Сборник материалов Международной научной конференции. М., 1993. С. 46.

337

ГАРФ. Ф. 5856. Оп. 1. Д. 60. Л. 70.

338

Арцыбашев М. П. Указ. соч. Т. 1. С. 49.

339

Архив Музея русской культуры в Сан-Франциско. Краткое изложение биографических сведений (автобиография) о протоиерее Давиде Чубове и обстоятельствах его жизни в России и за границей.

340

Там же.

341

Даватц В.Х., Львов Н. Н. Русская армия на чужбине. Белград, 1923. С. 121–122.

342

Варшавский В. С. Незамеченное поколение. Нью-Йорк, 1956. С. 45.

343

См.: *Варшавский В. С.* Указ. соч. С. 43–44.

344

См.: Там же. С. 46–47.

345

Завтра. 1933. № 3. С. 3.

346

Эренбург И. Г. Собр. соч. в 9 т. М., 1966. Т. 8. С. 416.

347

Варшавский В. С. Указ. соч. С. 53. Джон Стефан ошибочно утверждает, что «движение младороссов было

основано в Париже около 1930 г. Александром Львовичем Казем-Беком». См: Стефан, Ажон. Русские фашисты: Трагедия и фарс в эмиграции 1925–1945. М., 1992. С. 51. Видимо, автор не в полной мере располагал архивными и другими сведениями, хотя книга В. С. Варшавского была издана в Нью-Йорке еще в 1956 г.

348

Там же. С. 56–58.

349

Кривошеина Н. Четыре трети нашей жизни. Париж, 1984. С. 108.

350

Назаров М. В. Указ. соч. С. 225.

351

Русская эмиграция во Франции (1850–1950 гг.)... С. 84.

352

Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн: Антология. М., 1993. С. 218.

353

Русская эмиграция во Франции (1850–1950 гг.)... С. 84.

354

Там же.

355

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

356

Квашонкин А.В, Лившин Л. Я. Послереволюционная Россия (проблемы социально-политической истории 1917–1927 гг.). М., 2000. С. 91.

357

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

358

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

359

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

360

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

361

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

362

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

363

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

364

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

365

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

366

Это письмо до меня не дошло, затерявшись в пути. Впоследствии я получил его копию. *(Примеч. Н. В. Устрялова.)*

367

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

368

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

369

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

370

Другая сторона *(лат.)*.

371

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

372

Если нельзя ее напечатать, я ничего не имел бы против заслушивания ее в пореволюционном клубе (и обсуждения) – хотя бы совместно со статьей о бесклассовом обществе или о советской нации. *(Примеч. Н. В. Устрялова.)*

373

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

374

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

375

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 7.

376

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

377

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

378

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

379

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

380

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

381

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

382

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

383

Такова жизнь (*фр.*).

384

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

385

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

386

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

387

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

388

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

389

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 8.

390

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

391

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

392

Вонсович, сов[етский] гражданин, в 1929 году демонстративно отказался от гражданства во время советско-китайского конфликта. *(Примеч. Н. В. Устрялова.)*

393

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

394

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

395

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

396

По поводу моей статьи «Пути синтеза». *(Примеч. Н. В. Устрялова.)*

В заключительном слове Горький, между прочим, сказал, что по цифрам госуд[арственного] изд[ательства] 75 % всей изданной художественной литературы оказались «недостойными второго издания», что и привело к лозунгу о повышении качества ее. Вот причина тревоги, переживаемой массой советских писателей. *(Примеч. Скитальца.)*

397

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

398

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

399

В статье В. Н. Чувакова и А. П. Руднева утверждается: *«В Москве он [С.Г. Скиталец] неоднократно встречался с М. Горьким и для 1-го съезда советских писателей подготовил доклад «Эмигрантская литература», который не был произнесен, а только опубликован в стенографическом отчете. В этом докладе Скиталец с просоветской точки зрения писал об «обульваривании» литературы эмиграции, о падении ее талантов, о «желтой прессе» Харбина».* См.: Литературная энциклопедия Русского Зарубежья. 1918–1940. Т. 2. Писатели Русского Зарубежья. М., 1997. С. 356–357.

400

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

401

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Ustrialov N. V. Box 1. Folder 1. 6.

402

Данные материалы впервые были опубликованы мною: *Квакин А. В.* «Наступило время компромиссов и эволюций...»: Переписка В. А. Маклакова и Б. А. Бахметева о новом лице русского либерализма начала 1920-х годов / / Источник. Документы русской истории. 2001. № 1. С. 25–45; *Он же.* Б. А. Бахметев – В. А. Маклакову: «Я завидую Ключникову». (Переписка Б. А. Бахметева и В. А. Маклакова о новом лице русского либерализма начала 1920-х гг. в архивном собрании

Гуверовского института войны, революции и мира Стэнфордского университета США) / / Клио. Журнал для ученых. 2001. № 1 (13). С. 214–235; № 2 (14). С. 195–215. Рукопись данной работы была уже готова к печати, когда в издательстве «РОСПЭН» была опубликована большая часть переписки В. А. Маклакова и Б. А. Бахметева: «Совершенно лично и доверительно!»: Б. А. Бахметев – В. А. Маклаков: Переписка 1919–1951 гг.: В 3 т. М.; Стэнфорд, 2001–2003.

403

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 13.

404

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 15.

405

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 16.

406

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 16.

407

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 16.

408

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 17.

409

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 17.

410

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

411

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

412

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

413

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 17.

414

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

415

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

416

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

417

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 3. Folder 3. 18.

418

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 1.

419

Примирение, улаживание, урегулирование, примирительная процедура, согласование (англ.).

420

Умиротворение, политика умиротворения (англ.).

421

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 1.

422

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 1.

423

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 1.

424

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 1.

425

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 2.

426

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 3.

427

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 4.

428

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 6.

429

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 9.

430

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 11.

431

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 14.

432

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 14.

433

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 14.

434

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 14.

435

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 15.

436

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 17.

437

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 4. 18.

438

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 1.

439

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

440

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

441

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

442

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

443

Положение обязывает (фр.).

444

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

445

Принуждая себя (фр.).

446

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 2.

447

Hoover Institution Archives. Hoover Institution on War, Revolution and Peace. Maklakov V. A. Box 4. Folder 5. 4.